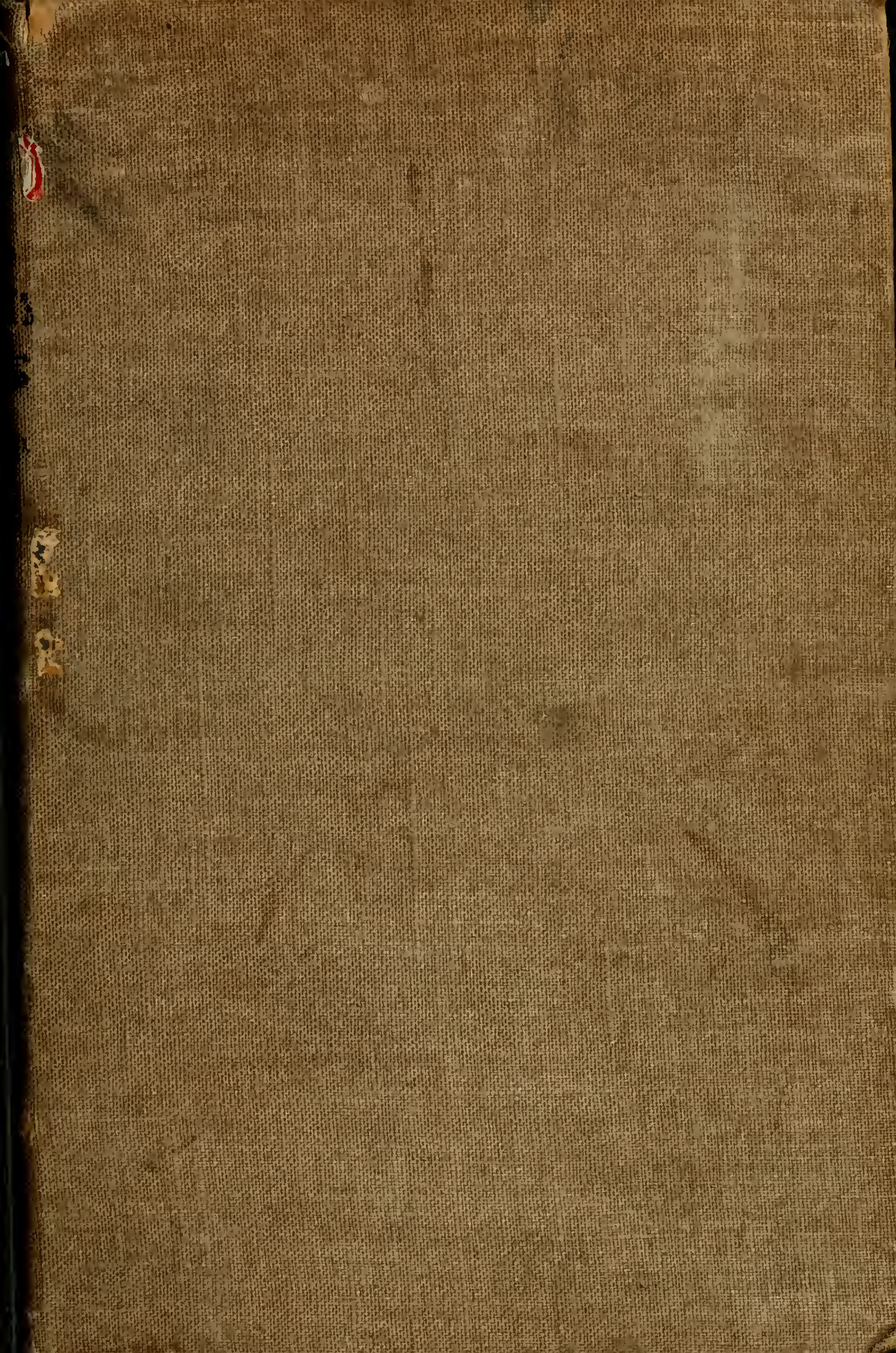

ЗНАМЕНИТЫЕ АВАНТЮРИСТЫ

XVIII ВѢКА.

Znamenituie avantyuristui ..

Contents:

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
„ВѢСТНИКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ, Верейская, 16.
1899.

Яковъ Казанова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Восемнадцатый вѣкъ кишѣлъ искателями приключеній. Эти люди чаще всего поднимались изъ безднъ совершенной неизвѣстности, даже нищеты, и умѣли обезпечить себѣ вторженіе въ первые ряды тогдашняго общества, прибѣгая для этого къ одному и тому же вѣрному средству— таинственности. Покровъ тайны окружалъ ихъ происхожденіе, ихъ дѣла и похожденія; подъ этимъ покровомъ людскому суевѣрію видѣлосо все, что желательно было ловкому проходимцу, а зачастую даже гораздбольше. На первомъ мѣстѣ среди этихъ авантюристовъ слѣдуетъ поставить Якова Казанову. Хотя этому «кавалеру индустріи» вполнѣ приличествуетъ наименованіе проходимца, но нельзя отрицать, что онъ все же былъ недюжиннымъ человѣкомъ и что воспоминанія о его бурной жизни весьма богаты чертами, которыя ярко характеризуютъ XVIII вѣкъ. Казанова былъ знакомъ со многими выдающимися людьми своего времени, министрами, учеными, аристократами; его лично зналъ папа, онъ былъ представленъ прусскому и польскому королямъ, австрійскому императору, императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ объѣздилъ буквально всю Европу въ то время, когда о желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ не было еще и помину. Человѣкъ наблюдательный и хорошо образованный, необыкновенно энергичный, живой и подвижный, Казанова подробно разсказалъ свою жизнь въ интересныхъ мемуарахъ, заключающихъ немало характернаго для изученія нравовъ прошлаго вѣка. Казанова оставилъ 42 произведенія по исторіи, математикѣ и изящной словесности; изъ нихъ вообще упоминается только семь, остальныя почти совершенно изъяты изъ обращенія, вѣроятно, потому, что въ нихъ были задѣты многія вліятельныя лица, которыя и позаботились объ устраненіи обличительныхъ документовъ. Въ 1848 г. историкъ Бартольдъ изслѣдовалъ мемуары Казановы и доказалъ, что изъ сотни историческихъ данныхъ, приводимыхъ Казановой, онъ ошибается въ какомъ-нибудь десяткѣ и никогда не говоритъ лжи сознательно; преувеличенія его касаются только любовныхъ похожденій.

Казанова родился въ Венеціи отъ красавицы актрисы, которою увлекся его отецъ. Ему дали очень хорошее образованіе, онъ былъ въ Падуанскомъ университетѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи, откуда его, однако, скоро исключили за неподобающее поведеніе. Онъ нашелъ себѣ покровителей и отправился въ Римъ, былъ представленъ папѣ, одно время

былъ духовнымъ, блисталъ своими проповѣдями, потомъ вдругъ впалъ въ немилость у высшаго духовенства; нимало не смущаясь, онъ снялъ рясу, надѣлъ военный мундиръ и отправился на службу на островъ Корфу; но военная дисциплина тоже оказалась не по немъ; онъ уѣхалъ съ Корфу, побывалъ въ Константинополѣ, потомъ вернулся въ Венецію, принялся за азартную игру, обычный источникъ его доходовъ въ теченіе большей части жизни, проигрался въ пухъ и прахъ и поступилъ музыкантомъ въ театръ. Въ Венеціи случай даетъ ему возможность оказать большую услугу одному знатному лицу, которое награждаетъ его съ барскою щедростью. Казанова становится богатымъ и начинаетъ прожигать жизнь; дѣло доходитъ до открытаго столкновенія съ представителями правосудія, и нашему вивёру приходится бѣжать изъ Венеціи. Онъ начинаетъ странствовать — посѣщаетъ Миланъ, Феррару, Болонью, и всюду ведетъ большую азартную игру и кутитъ. Спустя нѣкоторое время онъ рѣшается вернуться въ Венецію и тутъ снова принимается за игру; потомъ ѣдетъ въ Парижъ—излюбленное мѣсто тогдашнихъ авантюристовъ, но скоро опять возвращается на родину и здѣсь его, наконецъ, арестуютъ и заточаютъ въ знаменитую венеціанскую «свинцовую» тюрьму. Исторія заточенія Казановы и бѣгства изъ тюрьмы являются самыми выдающимися эпизодами его бурной жизни; эта часть его воспоминаній переведена на всѣ европейскіе языки и пользуется извѣстностью. Потомъ онъ вновь появляется въ Парижѣ, входитъ въ довѣріе министра Шуазеля, получаетъ отъ него порученіе и успѣшно его выполняетъ; въ это время ему пришлось встрѣтиться съ другимъ знаменитымъ авантюристомъ, Сенъ-Жерменомъ, о которомъ онъ сообщаетъ не лишенныя интереса подробности. Но высокіе покровители скоро отворачиваются отъ Казановы; онъ пускается въ промышленность и торговлю, но скоро блистательно прогораетъ; однако же, ликвидація дѣлъ все еще оставляетъ въ его рукахъ хорошія деньги. Онъ вновь пускается странствовать, посѣщаетъ Германію, Швейцарію, встрѣчается съ Вольтеромъ, Руссо. Изъ Швейцаріи онъ двинулся въ Савойю, оттуда вновь въ Италію. Во Флоренціи онъ встрѣтился съ Суворовымъ, съ которымъ имѣлъ кое-какія сношенія. Но изъ Флоренціи Казанову гонятъ; онъ ѣдетъ въ Туринъ, гдѣ тоже его встрѣчаютъ неблагосклонно. Онъ вновь отправляется во Францію. Здѣсь судьба посылаетъ ему хорошую добычу; онъ встрѣчается съ богатѣйшею старушкою, преданною изученію тайныхъ наукъ. Казанова прикидывается великимъ знатокомъ по этой части и берется произвести перерожденіе старушки, возвративъ ей юность. Щедро поживившись отъ старушки, Казанова направляется въ Лондонъ, гдѣ, между прочимъ, встрѣчаетъ знаменитую авантюристку, принявшую имя кавалера Д'Эона. Потомъ мы видимъ его въ Пруссіи, гдѣ онъ былъ представленъ Фридриху Великому. Изъ Пруссіи Казанова направился къ намъ въ Россію и добился представленія императрицѣ Екатеринѣ. Изъ Петербурга онъ перебрался въ Варшаву, но отсюда долженъ былъ бѣжать послѣ надѣлавшей шума дуэли съ графомъ Браницкимъ. Казанова бѣжитъ въ Дрезденъ, потомъ переѣзжаетъ въ Вѣну; здѣсь онъ находитъ случай представиться императору, знакомится съ знаменитымъ поэтомъ Метастазіо и, наконецъ, торжественно изгоняется изъ Вѣны полиціею. Потомъ онъ вновь появляется въ Парижѣ, но его и отсюда выгоняютъ. Онъ ѣдетъ въ Испанію и, вслѣдствіе разныхъ приклю-

ченій, попадаетъ въ тюрьму. Послѣ того Казанова еще долго скитался по Италіи, примирился съ венеціанскимъ правительствомъ, оказавъ ему кое-какія услуги и одно время жилъ въ Венеціи. На этомъ и кончаются его записки; о его дальнѣйшей судьбѣ стало извѣстно уже изъ другихъ источниковъ. Впрочемъ, тутъ начинается склонъ бурной жизни авантюриста. Онъ попалъ таки еще разъ въ Парижъ и, кажется, очутился, въ концѣ концовъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Случай свелъ его съ графомъ Вальдштейномъ; заинтересовавшись поблекшимъ прожигателемъ жизни, графъ предложилъ ему мѣсто библіотекаря у себя въ помѣстьи, въ Богеміи. Казанова принялъ приглашеніе и провелъ въ замкѣ графа остальные годы жизни; здѣсь онъ и умеръ въ 1798 году.

По словамъ принца де-Линь, хорошо знавшаго Казанову и написавшаго о немъ интересныя воспоминанія, знаменитый авантюристъ могъ бы считаться красавцемъ, если «не подгадила» физіономія. Онъ былъ высокъ ростомъ, статенъ, сложенъ Геркулесомъ. Но лицо его отличалось почти африканскою смуглостью. Глаза онъ имѣлъ живые, блестящіе, но какіе-то тревожные, настороженные; эти глаза словно караулили грозящее оскорбленіе и гораздо болѣе способны были выразить гнѣвъ и свирѣпость, нежели веселье и доброту. Казанова самъ рѣдко смѣялся, но умѣлъ заставить другихъ хохотать до упаду. Его манера разсказывать напоминала Арлекина и Фигаро; отъ этого его бесѣда всегда была интересна. Когда этотъ человѣкъ съ увѣренностью утверждалъ, что онъ знаетъ или умѣетъ дѣлать то или другое, на повѣрку всегда оказывалось, что этого именно онъ какъ разъ не знаетъ и не умѣетъ. Онъ писалъ комедіи, но въ нихъ не было ничего комическаго; онъ писалъ философскія разсужденія, но философія въ нихъ отсутствовала. А между тѣмъ, въ другихъ его произведеніяхъ онъ блещетъ и новизною взглядовъ, и юморомъ, и глубиною. Онъ хорошо зналъ классиковъ, но вѣчныя цитаты изъ Гомера и Горація набивали оскомину его слушателю и читателю. По характеру онъ человѣкъ чувствительный, способный питать признательность; но чуть что было не по немъ—онъ становился и строптивымъ, и брюзгливымъ, и злымъ. Онъ вѣрилъ только въ наименѣе достойное вѣры, и въ сущности былъ полонъ суевѣрій. Онъ былъ жаденъ, ему всего хотѣлось, но въ то же время онъ умѣлъ и обойтись безъ чего угодно. Женщины были его господствующею слабостью и ничто такъ не раздражало и не подавляло его, какъ неуспѣшная интрига. Любовный и гастрономическій аппетиты у него почти одинаковы. Казанова былъ довольно безцеремонный стяжатель, но его нельзя было упрекнуть въ эгоистической скупости; онъ охотно осчастливливалъ всѣхъ окружающихъ, проявляя къ нимъ много великодушія и щедрости. Нельзя также отказать ему въ деликатности чувствъ, въ развитомъ чувствѣ чести, въ мужествѣ. Пока этому человѣку не противорѣчили, съ нимъ можно было жить; не слѣдовало забывать, что его щепетильное самолюбіе вѣчно было на-сторожѣ. Его пылкое воображеніе, живость уроженца юга, его вѣчныя скитанія, поразительное разнообразіе его карьеръ, твердость въ бѣдствіяхъ,—все это вмѣстѣ создало изъ Казановы рѣдкую личность, въ высшей степени поучительную для наблюдателя.

ГЛАВА I.

Предки Казановы. — Первыя событія жизни, которыя ему памятны: излеченіе отъ кровотеченій, визитъ къ колдуньѣ, ночное видѣніе. — Продѣлка его съ маленькимъ братомъ и исповѣдь у іезуита. — Смерть отца и переселеніе въ Падую.—Жизнь на хлѣбахъ у славянки и въ пансіонѣ доктора Годзи. — Исторія Беттины, — Казанова поступаетъ въ университетъ — Нравы тогдашняго студенчества. — Кровавая распря съ полицейскими.

Своимъ родоначальникомъ Казанова считаетъ испанскаго выходца, уроженца Сарагоссы, дона Якова Казанову. Этотъ гидальго (бывшій, однако, чьимъ-то побочнымъ сыномъ) въ 1428 году похитилъ изъ монастыря молодую монахиню Анну Палафоксъ на другой день послѣ ея постриженія и бѣжалъ съ нею въ Италію. Интересная парочка поселилась въ Римѣ и явила собою тотъ корень, отъ котораго произросло родословное древо рода Казанова.

Отецъ нашего героя, Гаэтано-Джузеппе-Джакомо Казанова, началъ свою семейную жизнь съ того, что увлекся актрисою, по имени Фраголеттою, игравшею роли субретокъ. Движимый этою страстью, онъ самъ выучился танцамъ и поступилъ на сцену. Онъ блаженствовалъ съ своею Фраголеттою лѣтъ пять подъ-рядъ, потомъ разстался съ нею и перебрался въ Венецію, гдѣ также пристроился въ мѣстномъ театрѣ. Въ Венеціи онъ познакомился съ юною красавицею, дочерью башмачника, Цанеттою, влюбился въ нее и тайно обвѣнчался съ нею. Первенцомъ этого союза, явившимся на свѣтъ 2 апрѣля 1725 года, и былъ нашъ герой, Яковъ Казанова. У него было еще три младшихъ брата и двѣ сестры. Старшій изъ нихъ, Франческо, сдѣлался извѣстнымъ батальнымъ живописцемъ, другой, Джованни, былъ директоромъ академіи художествъ въ Дрезденѣ, а третій, какой-то неудачникъ, былъ священникомъ и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ.

Казанова начинаетъ помнить себя съ восьмилѣтняго возраста; все раннее дѣтство испарилось у него изъ памяти. Первый, оставшійся у него въ памяти эпизодъ его жизни, живо рисуетъ картину тогдашнихъ венеціанскихъ нравовъ и обычаевъ. Въ дѣтствѣ нашъ герой былъ слабенькимъ мальчикомъ, за жизнь котораго постоянно опасались. Онъ страдалъ частыми и обильными кровотеченіями изъ носа. Съ такого кровоизліянія начинаются и его воспоминанія. Ему представляется комната въ ихъ домѣ; самъ онъ стоитъ въ углу, наклонивъ голову; кровь льется струею изъ его носа. Къ нему подходитъ его бабушка, мать его матери. Она обмываетъ ему окровавленную физіономію; затѣмъ потихоньку, чтобы никто въ домѣ не зналъ, выводитъ его, сажаетъ въ гондолу и везетъ къ какой-то старухѣ, спеціалисткѣ по части заговариванія крови.

«Выйдя изъ гондолы,—повѣствуетъ Казанова,—мы входимъ въ каморку, въ которой видимъ старуху, сидящую на кровати, держащую на рукахъ черную кошку и окруженную еще пятью или шестью такими же кошками. Это и была колдунья. Обѣ старухи долго разговариваютъ между собою и, надо полагать, предметомъ ихъ бесѣды былъ я. По окончаніи этой консультаціи, веденной на мѣстномъ нарѣчіи, колдунья

получила отъ бабушки дукатъ, открыла какой-то сундукъ, взяла меня на руки, положила меня внутрь сундука и заперла въ немъ, уговаривая меня ничего не бояться; этого было бы достаточно, чтобы я струсилъ, еслибъ что-нибудь соображалъ; но я совсѣмъ ошалѣлъ. Я спокойно сидѣлъ въ сундукѣ, держа платокъ у носа, потому что кровь все еще шла, и равнодушно прислушивался къ litвознѣ, которая поднялась въ комнатѣ. Я слышалъ то хохотъ, то рыданія, то пѣніе, то крики и стуки въ крышку ящика, но мнѣ было все равно. Наконецъ, меня вынули изъ сундука и въ то же время кровотеченіе остановилось. Тогда старуха принялась ласкать меня, затѣмъ раздѣла и уложила на кровать, потомъ сожгла пукъ какого-то зелья, окурила дымомъ одѣяло и завернула меня въ это одѣяло, произнесла заклинанія, вновь раскутала меня и дала мнѣ съѣсть пять конфетокъ очень пріятныхъ на вкусъ. Послѣ того она натерла мнѣ виски и затылокъ пахучею мазью и одѣла меня. Она сказала мнѣ, что мои кровотеченія понемногу прекратятся, если только я никому не скажу о томъ, какъ она лечила меня, если же разскажу, то грозила, что я совсѣмъ истеку кровью и умру. Давъ мнѣ эти наставленія, она предупредила, что на слѣдующую ночь меня посѣтитъ прелестная дама и что отъ нея зависитъ все мое счастье, но только подъ условіемъ, чтобы я никому ничего не говорилъ. Послѣ того мы вернулись домой».

«Едва я легъ въ постель, какъ тотчасъ заснулъ, совсѣмъ позабывъ о предстоявшемъ посѣщеніи красавицы; однако, проснувшись черезъ нѣкоторое время, я вдругъ увидѣлъ, что изъ камина въ большой корзинѣ появилась ослѣпительно прелестная женщина, въ богатѣйшей одеждѣ, съ золотою короною на головѣ, усѣянною драгоцѣнными каменьями, которые сверкали, какъ огоньки. Она приблизилась тихими шагами и сѣла ко мнѣ на кровать. Потомъ вынула изъ кармана какія-то коробочки и что-то высыпала изъ нихъ мнѣ на голову, бормоча невнятныя слова. Послѣ того она долго говорила со мною, но я не понялъ ни слова изъ ея рѣчей. На прощанье она поцѣловала меня и удалилась тѣмъ же путемъ, какимъ появилась, а я вновь заснулъ».

На другой день бабушка, одѣвая мальчика, снова строго настрого запретила ему разсказывать объ этомъ происшествіи кому бы то ни было и пригрозила смертью за непослушаніе. Мальчуганъ всегда слушался бабушки и въ самомъ дѣлѣ молчалъ, какъ пень. Впрочемъ, никто бы и не обезпокоилъ его въ то время разспросами; болѣзнь такъ его пришибла, сдѣлала изъ него такого неинтереснаго собесѣдника, что съ нимъ въ то время никто никогда и не пытался разговаривать. О немъ давно всѣ порѣшили, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. А между тѣмъ, послѣ леченія у колдуньи, кровотеченія въ самомъ дѣлѣ понемногу ослабли; мальчикъ оправился, овладѣлъ памятью и соображеніемъ и скоро научился читать. Казанова самъ думаетъ объ этомъ леченіи, что «смѣшно было бы приписывать выздоровленіе этимъ глупостямъ», однако, оговаривается, что «лекарства отъ серьезнѣйшихъ болѣзней не всегда можно найти только въ аптекахъ».

Затѣмъ Казанова вспоминаетъ еще другой любопытный фактъ изъ своего ранняго дѣтства. Однажды онъ сидѣлъ около своего отца, въ то время какъ тотъ, большой любитель физики, возился съ какими-то оптическими приборами и опытами. Мальчикъ очень заинтересовался

кускомъ хрусталя, очень красиво ограненнымъ; ему захотѣлось овладѣть этою игрушкою. Улучивъ моментъ, когда отецъ отвернулся, онъ схватилъ хрусталь и спряталъ его въ карманъ. Черезъ нѣсколько минутъ отецъ хватился пропавшей вещи и, не найдя ея, накинулся на дѣтей, въ полной увѣренности, что ее взялъ кто-нибудь изъ нихъ. Начались розыски по всей комнатѣ, во время которыхъ нашъ герой успѣлъ потихоньку спустить свою добычу въ карманъ къ своему братишкѣ Франческо. Отецъ кончилъ тѣмъ, что обшарилъ карманы мальчугановъ, нашелъ у Франческо похищенный хрусталь и отодралъ его. Впослѣдствіи Яковъ покаялся въ своей продѣлкѣ на исповѣди. Но тутъ вышелъ прелюбопытный казусъ. Исповѣдникомъ его оказался весьма смышленый монахъ іезуитскаго ордена. Выслушавъ маленькаго пройдоху, онъ должно быть подумалъ, что изъ такого молодца выйдетъ прокъ, что задатки у него блестящіе и что съ нимъ стоитъ побесѣдовать. Онъ сказалъ Якову, что тотъ оправдалъ свое имя: по-еврейски оно означаетъ «замѣститель». Древній патріархъ еврейскаго народа тоже «замѣстилъ» обманомъ своего брата Исава.

Вскорѣ послѣ того отецъ Казановы умеръ, оставивъ свою семью подъ покровительствомъ богатыхъ патриціевъ Гримани. Передъ смертью онъ заставилъ свою жену дать ему клятву въ томъ, что она не пуститъ ни одного изъ дѣтей на театральные подмостки; должно быть, солоно досталась бѣднягѣ его артистическая карьера. Жена поклялась, а присутствовавшіе при этомъ Гримани поручились за исполненіе этой клятвы.

Красавица Цанетта отказала всѣмъ женихамъ, которые толпою нахлынули къ ней послѣ смерти мужа. Она надѣялась собственными силами поставить дѣтей на ноги. Прежде всего она, конечно, взялась за старшаго, то есть, за нашего героя, Якова. Онъ былъ все еще слабъ и ненадеженъ. Его таскали по докторамъ и тѣ жарко спорили о его болѣзни. Никто не могъ понять и объяснить, откуда у мальчика берется столько крови. Его кровотеченія все еще продолжались, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ до леченія у колдуньи. Одни изъ эскулаповъ утверждали, что у Якова весь питательный сокъ цѣликомъ обращается въ кровь, другіе увѣряли, что мальчикъ усиленно дышетъ, держа ротъ раскрытымъ, и входящій въ излишествѣ воздухъ увеличиваетъ количество крови въ легкихъ. Наконецъ, обратились за совѣтомъ къ знаменитому тогдашнему падуанскому врачу Макопу. Сей авторитетъ далъ заочный письменный отзывъ о болѣзни Якова, который у послѣдняго долго сохранялся. Въ немъ Макопъ прежде всего возвѣщаетъ, что кровь наша представляетъ собою упругую жидкость, которая, хотя никогда не измѣняется въ количествѣ, но зато можетъ сильно колебаться въ объемѣ; постоянныя кровотеченія паціента зависятъ отъ чрезмѣрнаго объема его крови; она сама собою у него убываетъ, чтобы такимъ путемъ облегчить свое движеніе; не будь этой постоянной отбавки, паціентъ давно бы умеръ. Причину же чрезмѣрной массивности крови Макопъ усматривалъ въ воздухѣ, которымъ дышетъ паціентъ. Посему, единственнымъ средствомъ исцѣленія онъ считалъ перемѣну воздуха, т. е. переѣздъ въ другую мѣстность. Той же массивности крови Макопъ, кстати, приписывалъ и тупоуміе мальчика, которое такъ безпокоило всѣхъ его близкихъ.

Послѣ того было рѣшено на семейномъ совѣтѣ отправить мальчика въ Падую и тамъ помѣстить его куда-нибудь нахлѣбникомъ. На этомъ особенно настаивалъ другъ покойнаго отца Казановы, поэтъ Баффо. Казанова отзывается объ этомъ человѣкѣ въ самыхъ восторженныхъ словахъ; онъ называетъ его возвышеннымъ геніемъ, хотя и упоминаетъ о томъ, что его муза вдохновлялась исключительно скоромнѣйшими, донельзя, сюжетами. Мальчика отвезли въ Падую и помѣстили у какой-то славянки, которая держала на хлѣбахъ нѣсколько мальчиковъ, посѣщавшихъ школу. Пристроивъ сына, вдова тотчасъ уѣхала обратно въ Венецію, уплативъ хозяйкѣ за полгода впередъ. Мальчикъ сталъ посѣщать школу доктора Годзи. Но его жизнь у «славянки» скоро стала невыносима. Получая за своихъ нахлѣбниковъ всего по цехину*) въ мѣсяцъ, она держала ихъ хуже собакъ: ребята ѣли разную гниль и спали, снѣдаемые арміею насѣкомыхъ, гдѣ-то на чердакѣ, на логовищахъ, не вѣдавшихъ смѣны бѣлья. Доведенный до отчаянія, Яковъ нажаловался своему учителю, Годзи; тотъ воспользовался случаемъ, чтобы залучить себѣ новаго пансіонера, такъ какъ самъ намѣревался держать нахлѣбниковъ. Онъ написалъ матери, и дѣло скоро было слажено къ всеобщему удовольствію. Яковъ переселился къ доктору.

Но житье въ проголодь у «славянки» не прошло безслѣдно для нравственности Якова; съ нимъ случилось нѣчто вродѣ того, что и съ нашимъ незабвеннымъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ. Дѣло въ томъ, что перемѣна воздуха оказала хорошее дѣйствіе на мальчугана; онъ быстро поправился, окрѣпъ и началъ прилежно учиться; Годзи скоро обратилъ на него вниманіе и сдѣлалъ его у себя въ школѣ репетиторомъ. Но вмѣстѣ съ здоровьемъ явился и аппетитъ,—аппетитъ звѣрскій, волчій. А «славянка» продовольствовала своихъ питомцевъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы они только-только не скончались отъ голодной смерти. Вотъ тутъ-то пробудившаяся врожденная хитрость, которая была оцѣнена въ Казановѣ еще отцомъ іезуитомъ-исповѣдникомъ, и подсказала ему Чичиковскую уловку. Среди учениковъ Годзи было нѣсколько человѣкъ изъ достаточныхъ семей; у нихъ водились денежки и, главное, съѣстное. Смѣтливый Яковъ живо завелъ торговлю своимъ благоволеніемъ къ репетируемымъ товарищамъ; онъ выправлялъ имъ латинскія темы и переводы и за это получалъ отъ нихъ булки и котлеты. Но не всѣ могли откупиться отъ лихоимнаго репетитора, и такіе, конечно, подвергались его гоненіямъ; образовалась партія притѣсняемыхъ, которая въ концѣ концовъ и нажаловалась учителю. Булочки и котлетки прекратились; но вскорѣ затѣмъ состоялся переѣздъ Якова къ учителю и онъ ожилъ: здѣсь его стали кормить добросовѣстно.

У доктора Годзи была тринадцатилѣтняя сестра, Беттина. Дѣвочка была хорошенькая, веселая и уже взрослая: въ то время и у насъ въ Россіи дѣвушки сплошь и рядомъ выходили замужъ въ 14—15 лѣтъ, а на югѣ и подавно. Старики-родители постоянно бранили ее за то, что она любила пялиться въ окошки, а братъ—за ея склонность къ чтенію романовъ. Эта дѣвочка сразу понравилась юному Казановѣ и была

---

*) Старая монета, обращавшаяся прежде на Востокѣ и въ Италіи, стоимостью отъ $1^1/_2$ до 3 рублей.

предметомъ его перваго увлеченія, хотя нашему герою въ то время едва лишь закончился первый десятокъ лѣтъ жизни.

Скоро послѣ переѣзда Якова къ Годзи случилось, что всѣ его ученики покинули его одинъ за другимъ. Докторъ рѣшилъ открыть пансіонъ для нахлѣбниковъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ юноша 15 лѣтъ по имени Кордіани, который, какъ показалось Якову, повелъ аттаку на сердце Беттины и, повидимому, имѣлъ успѣхъ. Яковъ почувствовалъ себя обиженнымъ; у него еще не было развитаго чувства ревности, но онъ былъ задѣтъ тѣмъ, что ему предпочли грубаго и глупаго малаго, сына простого мужика, фермера. Беттина каждое утро приходила къ Якову, усаживалась къ нему на кровать, причесывала его и всячески при этомъ ласкала и цѣловала. Раньше онъ былъ очень доволенъ ея ласками, но послѣ появленія Кордіани сдѣлался суровъ съ Беттиною, и та тотчасъ это замѣтила; однажды она прямо сказала Якову, что онъ ее ревнуетъ къ Кордіани. Мальчуганъ съ колкостью отвѣтилъ, что считаетъ ее и Кордіани вполнѣ достойными другъ друга.

У дѣвушки, повидимому, въ самомъ дѣлѣ, завязывалась или уже завязалась интрижка съ этимъ Кордіани, и она нашла полезнымъ не наживать себѣ врага въ лицѣ юнаго Казановы. Она такъ повела дѣло, что увѣрила мальчугана въ своемъ полномъ расположеніи; тотъ, въ свою очередь, набрался храбрости и однажды назначилъ ей свиданіе; дѣвочка обѣщала придти, но юный селадонъ напрасно прождалъ ее. Пылая яростью, онъ вышелъ въ корридоръ, подкрался къ дверямъ комнаты Беттины, а оттуда ему навстрѣчу вышелъ Кордіани. Между соперниками завязалась драка, въ которой побѣдителемъ былъ, разумѣется, могучій Кордіани. Казанова съ горя ушелъ къ себѣ и залегъ спать. Его разбудила мать доктора, которая сообщила ему, что съ Беттиною не хорошо, что она больна, умираетъ. Яковъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что дѣвушка умираетъ; онъ горѣлъ жаждою мщенія, и боялся, чтобы его обидчица не умерла, прежде чѣмъ онъ утолитъ эту жажду. А съ Беттиною было въ самомъ дѣлѣ нехорошо; она билась, какъ безумная, и привела всю свою семью, вкупѣ съ ученымъ братомъ, къ мысли, что ею овладѣлъ нечистый духъ. Порѣшивъ на этомъ, домашніе тотчасъ пригласили монаха экзорциста, т. е. мастера по части «отчитыванія» одержимыхъ, изгнанія изъ нихъ злого духа. Но прежде всего предстояло выяснить, кто виновникъ, кто напустилъ порчу на дѣвочку? Этотъ вопросъ незатруднилъ догадливую мать; она живо порѣшила, что въ порчѣ виновата ихъ прежняя служанка.

— Я загородила свою дверь двумя метлами, поставленными накрестъ,—объясняла старуха своему сыну доктору, дозволившему себѣ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности ея догадокъ и умозаключеній.—Для того, чтобы войти въ эту дверь, надо было разнять метлы, разрушить крестъ, который онѣ составляли. Но она, т. е. служанка, увидѣвъ этотъ крестъ, не посмѣла къ нему прикоснуться, а прошла въ другую дверь. Ясное дѣло, что если она не посмѣла притронуться ко кресту, то, стало быть, она колдунья.

Все это было совершенно убѣдительно для этихъ добрыхъ людей, и бѣдной служанкѣ была устроена скандальнѣйшая сцена. Затѣмъ начались отчитыванія. Сначала позвали почтеннаго старца-монаха, изгнавшаго на своемъ вѣку цѣлую уйму бѣсовъ; но его завыванія

ни къ чему не привели. Одержимая билась, кусалась и сквернословила. Въ ея одержимости не осталось никакого сомнѣнія, даже и у скептика-доктора. Заклинатель не помогъ, спасовалъ. Тогда докторъ порѣшилъ прибѣгнуть къ услугамъ другого знаменитаго экзорциста, отца Манчи. Съ нимъ дѣло пошло иначе. Онъ прочиталъ надъ одержимою заклинанія, а потомъ кликнулъ домашнихъ. Беттина казалась успокоенною и потомъ понемногу поправилась. Но послѣдующія событія убѣдили Казанову, что она вовсе не была одержима злымъ духомъ. Беттина нашла случай однажды остаться съ Яковомъ наединѣ и разразилась пространнѣйшимъ объясненіемъ. По ея словамъ, Кордіани преслѣдовалъ ее своею любовью, грозился оклеветать ее передъ братомъ, уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, и довелъ будто бы до такого состоянія, что она потеряла разумъ. По ея объясненію выходило, что болѣзнь ея произошла именно отъ того ужаснаго состоянія духа, въ который ее повергли преслѣдованія Кордіани. Казанова утверждаетъ, что уже въ то время, несмотря на свое малолѣтство, онъ понялъ, что дѣвочка хитритъ съ нимъ, и что онъ это ей и высказалъ тутъ же со всею откровенностью. Но на другой же день послѣ этого объясненія Беттина серьезно заболѣла; у бѣдной дѣвочки обнаружилась оспа. Казанова, у котораго вернулась вся его прежняя нѣжность къ Беттинѣ, не отходилъ отъ ея постели; многіе изъ домашнихъ заразились оспою, но Якова она пощадила, хотя, по его словамъ, къ нему привилось нѣсколько пустулъ, оставившихъ слѣды на его лицѣ. Послѣ того онъ былъ неизмѣнно друженъ съ дѣвушкою. Впослѣдствіи она вышла замужъ за какого-то башмачника, была очень несчастлива съ нимъ, и черезъ 18 лѣтъ умерла на глазахъ у Казановы.

Казанова сталъ посѣщать падуанскій университетъ; онъ изучалъ юриспруденцію и въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ былъ уже докторомъ обоихъ правъ. Самъ онъ имѣлъ склонность къ медицинѣ, но всѣ родные и близкіе настояли на томъ, чтобы онъ сдѣлался юристомъ; благодаря такому столкновенію между влеченіемъ и принужденіемъ, онъ не сдѣлался ни юристомъ, ни врачемъ.

Картина университетской жизни тогдашняго времени, бѣгло набросанная Казановою, заслуживаетъ вниманія. Студенты прозвали падуанскій университетъ «Бо»; этимологію этого слова объяснять не беремся. Казанова, въ качествѣ взрослаго студента, ходилъ на лекціи одинъ, безъ провожатаго. Это очень занимало мальчика; онъ считалъ себя уже большимъ человѣкомъ, которому предоставлена полная свобода. Онъ и спѣшилъ пользоваться этою свободою и началъ съ того, что перезнакомился со всѣми молодыми людьми, являвшими собою цвѣтъ студенческаго дебоширства. Сразу увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ новичкомъ, ничего еще отъ жизни не вкусившимъ, пріятели поспѣшили посвятить Казанову во всѣ прелести разгула. Прежде всего втянули его въ игру; онъ живо продулъ тѣ гроши, какіе у него были, и сталъ играть въ долгъ, а затѣмъ раздобываться деньгами на уплату всѣми правдами и неправдами. Много горькихъ минутъ пережилъ онъ за это время, но за то извлекъ изъ всѣхъ этихъ треволненій добрые уроки, которые и запечатлѣлъ у себя въ памяти.

Падуанскіе студенты въ то время пользовались большими привилегіями и, чтобы поддержать ихъ часто, позволяли себѣ выходки не-

возможныя, граничавшія съ преступленіемъ. Правительство смотрѣло на все сквозь пальцы; университетъ славился по всей Европѣ, привлекалъ толпы слушателей изъ-за границы, и, конечно, не желательно было распугивать слушателей строгостями. Правительство (Падуа принадлежала тогда Венеціи) платило большія деньги профессорамъ и этимъ привлекало на университетскія каѳедры знаменитостей; въ то же время оно предоставило всякія льготы слушателямъ и этимъ привлекало учащуюся молодежь. Студенты никого знать не хотѣли, кромѣ своего синдика. Обычно на эту должность избирался какой-нибудь знатный иностранецъ; онъ являлся лицомъ, отвѣтственнымъ передъ правительствомъ за поведеніе студентовъ. Студенты безпрекословно повиновались ему; онъ судилъ ихъ и взыскивалъ съ нихъ за всѣ ихъ проступки. Студенты добились таможенныхъ льготъ, а также и того, чтобы обыкновенный полицейскій чиновникъ не имѣлъ права ихъ арестовать. Всѣ они ходили съ запрещеннымъ для другихъ гражданъ оружіемъ, чинили безнаказанно всяческія безобразія; женщинамъ отъ нихъ проходу не было. По ночамъ школяры шумѣли на улицахъ, будили псовъ и ихъ мирныхъ хозяевъ и вообще самодурствовали въ свое удовольствіе.

Случилось однажды, что какой-то сбиръ (полицейскій) зашелъ въ кабачекъ, гдѣ засѣдали двое студентовъ. Одинъ изъ нихъ обидѣлся на то, что презрѣнный полиціантъ смѣетъ сидѣть въ одномъ кабакѣ съ студентами и повелѣлъ ему выйти вонъ. Сбиръ не послушался; студентъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но далъ промахъ; сбиръ тоже выстрѣлилъ и оказался искуснѣе, ранивъ студента; затѣмъ, почуявъ бѣду, сбиръ позорно бѣжалъ. Студенты немедленно сошлись въ своемъ «Бо» и поклялись отомстить полицейскимъ. Разбившись на партіи, они рыскали по всему городу, разыскивая полицейскихъ; они порѣшили перебить всѣхъ, которые попадутся подъ руку. Въ одномъ мѣстѣ произошла между враждующими партіями жестокая схватка, и двое студентовъ протянули ноги. Тогда всѣ студенты снова собрались на сходку и порѣшили не класть оружія до тѣхъ поръ, пока во всей Падуѣ останется хоть одинъ живой сбиръ. Тутъ ужь въ дѣло пришлось вступиться правительству; синдикъ взялся уговорить студентовъ, но они сдавались не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы имъ дали полное удовлетвореніе. Городового, ранившаго студента въ кабачкѣ, отыскали и повѣсили. Тогда только удалось водворить миръ. Казанова принималъ живое участіе въ этихъ событіяхъ; онъ тоже рыскалъ по городу съ пистолетомъ и Беттина ужасно гордилась его храбростью.

ГЛАВА II.

Возвращеніе въ Венецію.—Покровители Казановы —Іозелло и Малипіеро.—Казанова начинаетъ франтить —Жестокая продѣлка съ нимъ Іозелло.—Первая удачная и вторая неудачная проповѣди Казановы.—Онъ лишается милостей Малипіеро.—Путешествіе въ Римъ.—Карантинъ въ Анконѣ.—Кардиналъ Аквавива и папа Бенедиктъ XIV.—Скандалъ въ Римѣ, лишившій Казанову покровительства Аквавивы.—Отъѣздъ изъ Рима въ Анкону.—Кутежъ въ Анконѣ.—Въ плѣну у испанцевъ и бѣгство.—Отъѣздъ въ Болонью.

Въ октябрѣ 1739 года Казанова воротился въ Венецію. Его тотчасъ замѣтили и отмѣтили въ обществѣ. «Онъ вернулся изъ Падуи, онъ

тамъ учился въ университетѣ». Эти слова производили впечатлѣніе. Въ немъ принялъ участіе почтенный патеръ Іозелло, настоятель церкви св. Самуила. Онъ представилъ юнаго доктора венеціанскому патріарху и тотъ посвятилъ его въ духовный санъ, къ несказанной радости и гордости его баловницы бабушки, которая все еще была жива.

Тотъ же Іозелло познакомилъ Казанову съ престарѣлымъ сенаторомъ Малипіеро. Старичокъ сенаторъ давно уже удалился отъ дѣлъ и жилъ въ свое удовольствіе—сытно и вкусно кушалъ и почти ежедневно принималъ у себя рой свѣтскихъ дамъ. Появленіе въ его салонѣ молоденькаго патера Казановы, котораго старикъ очень полюбилъ, произвело впечатлѣніе; дамы наперерывъ ласкали его и зазывали къ себѣ, такъ что юный авантюристъ на первыхъ порахъ своей самостоятельной жизни попалъ въ свѣтскій кружокъ и быстро отполировался въ немъ. Онъ началъ франтить, отростилъ себѣ волосы и тщательно причесывалъ ихъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя суроваго Іозелло. Этотъ почтенный духовникъ долго и тщетно выговаривалъ Казановѣ за его франтовство, а тотъ себѣ и въ усъ не дулъ. Тогда аббатъ-ригористъ прибѣгъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ; въ одну прекрасную ночь онъ пробрался въ спальню Казановы, вооруженный ножницами и собственноручно его остригъ. Можно себѣ представить гнѣвъ и отчаяніе молодого франта, вдругъ лишившагося главной гордости своей фигуры! Онъ едва не убилъ аббата. Но Казанову утѣшилъ парикмахеръ, сдѣлавъ ему превосходный парикъ.

Въ это время Казанова въ первый разъ выступилъ передъ избраннѣйшею венеціанскою публикою въ качествѣ проповѣдника. Интересно, что проповѣдь была имъ написана на стихъ, взятый у Горація. Это, конечно, возбудило справедливое негодованіе въ духовной цензурѣ. Однако, проповѣдь всетаки разрѣшили, Казанова сказалъ ее и умилилъ публику. Нечего и говорить, какъ это его ободрило. Ему было въ то время всего 16 лѣтъ, и онъ, конечно, тотчасъ возмечталъ стать новымъ Боссюэтомъ. Скоро выпалъ ему новый случай говорить проповѣдь. Но на ней онъ срѣзался самымъ мальчишескимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ онъ хоть и выучилъ свою проповѣдь наизустъ, но недостаточно тщательно, а рукописи съ собой не захватилъ. Вдобавокъ говорить ему пришлось послѣ сытнѣйшаго обѣда у добраго Малипіеро,—обѣда, не обошедшагося безъ возліяній. Онъ очень храбро взошелъ на каѳедру и произнесъ обычныя вступительныя слова. Но послѣ первыхъ же фразъ вдругъ почувствовалъ, что мелетъ какую-то дичь. Среди слушателей начался сдержанный ропотъ, кое-кто даже вышелъ изъ церкви. Казанова съ ужасомъ убѣдился, что онъ совершенно забылъ всю свою проповѣдь. Кровь ударила ему въ голову, и онъ упалъ въ обморокъ — въ настоящій и неподдѣльный обморокъ.

Послѣ такого афронта ему, разумѣется, нельзя было никуда показаться. Надо было дать время улечься скандалу. Онъ съѣздилъ въ Падую, подготовился тамъ къ докторскому экзамену, который намѣревался сдать на слѣдующій годъ, и снова вернулся въ Венецію, гдѣ успѣли уже позабыть о его проповѣдническомъ подвигѣ. О проповѣдяхъ онъ, конечно, больше не помышлялъ. Его вниманіе было занято хорошенькою племянницею аббата Іозелло, Анджелою. Это была его первая юношеская любовь, потому что увлеченіе Беттиною, случившееся еще въ дѣтскіе

годы, не можетъ считаться любовью. Но Анджела была дѣвушка благоразумная и не признавала другихъ видовъ любви, кромѣ брачнаго. Молодой патеръ ей нравился, но она сумѣла выдержать его въ тѣсныхъ границахъ невиннаго флирта.

Между тѣмъ Казанова лишился своей бабушки, единственнаго близкаго женскаго существа, которое любило его всею душою. Его мать была въ это время ангажирована въ Россію и въ Варшаву. Тамъ, въ Варшавѣ, г-жа Казанова познакомилась съ однимъ важнымъ духовнымъ лицомъ, которое какъ разъ въ то время получило епископское мѣсто въ южной Италіи. Мать сумѣла замолвить слово за своего сынка, и новый епископъ обѣщалъ ему свое покровительство. Г-жа Казанова тотчасъ написала сыну, что епископъ, проѣздомъ черезъ Венецію, захватитъ его съ собою, и что его духовная карьера обезпечена.

А сынокъ въ это время уже успѣлъ огорчить своего покровителя Малипіеро. У старика была одна дѣвица, Тереза Имеръ, которой онъ покровительствовалъ и по которой тайно, но совершенно напрасно вздыхалъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день старецъ заставъ Казанову въ бесѣдѣ съ этою особою, нимало немедля, поднялъ жезлъ свой, многократно прошелся имъ по раменамъ своего вѣроломнаго протеже, и выгналъ его изъ дома. Между тѣмъ послѣ смерти бабушки, родовой домъ Казанова перешелъ въ другія руки, и Казановѣ пришлось изъ него выселиться. Онъ нашелъ себѣ квартиру въ домѣ нѣкоей Тинторетты и скоро, какъ водится, началъ сближаться съ этою особою. Всѣ эти обстоятельства могли быть доведены до свѣдѣнія духовнаго сановника, который долженъ былъ взять его подъ свое покровительство. По настойчивому совѣту старыхъ своихъ друзей, Казанова рѣшился поступить въ семинарію. И по возрасту и по поведенію ему было не совсѣмъ ловко дѣлаться скромнымъ семинаристомъ, хотя это было, однако, улажено безъ особыхъ затрудненій. Но, не болѣе какъ черезъ десять дней послѣ поступленія въ семинарію разыгрался скандалъ, и Казанова вмѣстѣ съ другимъ семинаристомъ были исключены. Въ тоже время его покровитель Гримани распорядился выхлопотать приказъ о его заточеніи въ венеціанской цитадели. Здѣсь онъ, впрочемъ, просидѣлъ не долго, скоро былъ освобожденъ, да и самое содержаніе въ крѣпости не было для него тягостно. Между тѣмъ въ Венецію прибылъ епископъ, о которомъ писала Казановѣ его мать. Онъ не взялъ Казановы съ собою, а распорядился только, чтобы тотъ немедленно отправился въ Римъ.

Казанова направился изъ Венеціи сначала моремъ въ Анкону, а оттуда уже долженъ былъ проѣхать въ Римъ. Въ Анконѣ ему предстояло выдержать карантинъ, такъ какъ суда, прибывавшія изъ Венеціи, подозрѣвались въ неблагополучности; въ то время по Средиземному морю начинала распространяться чума. Поэтому, по прибытіи въ Анкону, Казанова сразу попалъ въ мѣстный лазаретъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по дорогѣ онъ успѣлъ проиграться въ пухъ и прахъ. Здѣсь, въ лазаретѣ случай свелъ его съ молодымъ францисканскимъ монахомъ Стефано. Оба они сидѣли въ лазаретѣ безъ гроша, но Стефано тотчасъ придумалъ, какъ извернуться. Онъ заставилъ Казанову написать нѣсколько писемъ къ

набожнымъ людямъ Анконы, которыхъ онъ зналъ, съ просьбою о помощи. Эти письма возъимѣли удивительно благопріятное дѣйствіе; ихъ авторы были завалены добровольными приношеніями, состоявшими, впрочемъ, главнымъ образомъ, изъ провизіи и винъ. Наши пріятели были обезпечены отъ голодной смерти во время карантина.

Денегъ у Казанова не было, и онъ скромно совершилъ путешествіе въ вѣчный городъ по образу пѣшаго хожденія. Послѣ многочисленныхъ приключеній по дорогѣ, онъ прибылъ въ Римъ, имѣя въ карманѣ всего на всего семь паоло. Онъ тотчасъ отправился по данному адресу къ своему покровителю-епископу, но, увы, тотъ уже выбылъ изъ Рима въ Марторано. Пришлось совершить новое путешествіе по тому же способу пѣшаго хожденія въ Марторано. Здѣсь, наконецъ, онъ нашелъ своего покровителя, былъ имъ сердечно принятъ и обласканъ. Покровитель тотчасъ пристроилъ его, но Казановѣ показалось до-нельзя скучно въ маленькомъ городкѣ; онъ началъ проситься въ Неаполь, и добрый епископъ далъ ему рекомендательныя письма въ этотъ городъ.

Въ Неаполѣ, куда Казанова прибылъ въ сентябрѣ 1743 года, счастье улыбнулось ему. Здѣсь онъ былъ прекрасно принятъ, снабженъ рекомендательными письмами къ знаменитому и вліятельному въ то время кардиналу Аквавивѣ, и отправленъ въ Римъ. Аквавива принялъ его хорошо, далъ ему помѣщеніе въ своемъ роскошномъ палаццо. Онъ доставилъ Казановѣ случай быть представленнымъ папѣ Бенедикту XIV.

По словамъ Казановы, папа былъ человѣкъ весьма обходительный, любившій красное словцо. Казанова очень ему понравился своею бойкою бесѣдою; папа даже сказалъ ему, что всегда съ удовольствіемъ радъ будетъ видѣть его у себя. Пользуясь случаемъ, Казанова выпросилъ у него дозволеніе читать запретныя книги, т. е. внесенныя въ знаменитый католическій «Index». Папа далъ ему это разрѣшеніе вмѣстѣ съ своимъ апостольскимъ благословеніемъ. Въ другой разъ Казанова встрѣтился съ папою въ виллѣ Медичи. Папа самъ подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ о разныхъ пустякахъ. Въ это время къ папѣ приблизился какой-то человѣкъ, что-то сказалъ ему тихимъ голосомъ, а въ отвѣтъ на его слова папа благословилъ его, сказавъ ему: «Вы правы, обратитесь къ Господу!» Бѣдняга отошелъ съ грустнымъ видомъ.

— Святѣйшій отецъ,—сказалъ тогда Казанова папѣ,—этотъ человѣкъ остался недоволенъ отвѣтомъ вашего святѣйшества.

— Почему?

— Судя по всему, онъ уже обращался къ Богу, прежде чѣмъ обратиться къ вамъ. Вы же вновь его отсылаете къ Богу.

Папа разразился смѣхомъ, и сказалъ, что безъ помощи Божіей онъ ничего не въ состояніи сдѣлать.

— Это справедливо, святой отецъ. Но этотъ человѣкъ знаетъ, что вы первый изъ служителей Божіихъ. Можно представить его затрудненіе, когда онъ оказался направленнымъ отъ служителя къ господину. Ему теперь остается только обратиться къ римскимъ нищимъ, которые за поданный грошъ будутъ молиться за него Богу. Они, правда, увѣряютъ, что Богъ слышитъ ихъ молитву, но я вѣрю только въ предстательство вашего святѣйшества. И я пользуюсь случаемъ молить васъ дозволить мнѣ ѣсть скоромное, потому что постная пища производитъ у меня воспаленіе глазъ.

— Кушайте скоромное, чадо мое.

— Благословите меня, святѣйшій отецъ!

Папа далъ ему благословеніе и напомнилъ, что онъ не разрѣшилъ ему постояннаго уклоненія отъ поста.

Узнавъ о благоволеніи къ Казановѣ самого папы, кардиналъ Аквавива въ свою очередь оказывалъ ему отмѣнное вниманіе, и его судьба представлялась ему въ самомъ блестящемъ видѣ; но случай разрушилъ всѣ его радужныя надежды. Одинъ изъ его молодыхъ пріятелей влюбился въ благородную дѣвушку, Варвару Делаква. Пылкіе молодые люди задумали бѣжать, но за ними строго слѣдили. Чтобы скрыться отъ преслѣдованій, молодая дѣвушка переодѣлась въ одежду патера, и Казанова далъ ей пріютъ у себя, т. е. въ палаццо своего высокаго покровителя, кардинала Аквавивы. Въ концѣ концовъ бѣглянку настигли, схватили и заточили въ монастырь. Въ городѣ поднялись толки по поводу этого событія; роль Казановы въ этомъ дѣлѣ не осталась незамѣченною; говорили, что кардиналъ Аквавива и Казанова способствовали тому, что побѣгъ не удался. Прелатъ былъ чувствительно задѣтъ этими толками и сплетнями, и порѣшилъ, что во всемъ виноватъ Казанова. Въ одинъ прекрасный день онъ призвалъ нашего авантюриста и хотя завѣрилъ его въ своей неизмѣнной дружбѣ и покровительствѣ, тѣмъ не менѣе приказалъ ему оставить не только его палаццо, но даже и Римъ.

Казанова выѣхалъ изъ Рима, намѣреваясь пробраться въ Константинополь, такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ онъ своему покровителю Аквавивѣ. Кардиналъ щедро снабдилъ его деньгами, давъ ему около 1.000 цехиновъ, т. е. не менѣе 3.000 рублей; Казанова былъ свободенъ, какъ птица, и ему нечего было торопиться въ отдаленный Стамбулъ. Онъ направился въ Анкону и здѣсь жуировалъ въ обществѣ трехъ сестеръ, съ которыми познакомился въ театрѣ. Его особенно интересовала старшая изъ нихъ, которая носила мужской костюмъ. Дѣвушка влюбилась въ Казанову, но очень долго и упорно не хотѣла признать свой настоящій полъ, несмотря на то, что Казанова сразу ее заподозрилъ. Дѣвушка эта была актриса. Она получила ангажементъ въ Римини, и Казанова повезъ ее въ этотъ городъ. Развязка его романа съ нею разыгралась по дорогѣ, въ Синигальи. Но здѣсь съ нимъ случилось другое любопытное происшествіе. Онъ потерялъ свой паспортъ и былъ арестованъ испанцами. въ рукахъ которыхъ была Синигалья. На десятый день своего плѣна онъ прогуливался рано утромъ по лагерю испанцевъ; всѣ его полюбили и предоставили ему почти полную свободу. Въ это время подъѣхалъ офицеръ верхомъ, соскочилъ съ коня и, оставивъ его одного, ушелъ куда-то. Конь стоялъ смирнехонько, и Казанова любовался на умное животное, которое спокойно ожидало своего хозяина. Нашъ герой никогда до тѣхъ поръ не садился на лошадь. Онъ почти безсознательно. во всякомъ случаѣ, безъ всякаго намѣренія подошелъ къ лошади, погладилъ ее, взялъ за уздцы, вложилъ ногу въ стремя и сѣлъ на сѣдло. Въ это время онъ, какъ ему думается, нечаянно тронулъ лошадь, либо ногою, либо своею тростью. Такъ или иначе, конь понялъ это движеніе за приглашеніе въ путь-дорогу; онъ рванулся съ мѣста и понесся во весь опоръ. Казанова радъ былъ его остановить, да не умѣлъ; онъ только держался изо всѣхъ

силъ, чтобы не слетѣть и не сломать себѣ шеи. Часовые кричали ему, чтобы онъ остановился, а онъ себѣ мчался мимо нихъ, какъ вихрь. По немъ начали стрѣлять; онъ слышалъ, какъ пули свистѣли у него около ушей, но могъ только положиться на волю Провидѣнія. Такъ вылетѣлъ онъ изъ испанскаго лагеря и пріѣхалъ въ австрійскій. Здѣсь его, по счастію, наконецъ, остановили, и онъ сошелъ съ коня. Подошедшій гусарскій офицеръ спросилъ его, куда онъ такъ лихо мчался. Казанова съ важностью отвѣчалъ, что можетъ объ этомъ сообщить только главнокомандующему, графу Лобковичу. Тотъ жилъ въ это время въ Римини; туда и препроводили Казанову. Онъ чистосердечно разсказалъ Лобковичу свое приключеніе, надъ которымъ веселый графъ нахохотался вволю. Потомъ онъ отпустилъ невольнаго кавалериста съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Послѣ того Казанова добрался, наконецъ, вполнѣ благополучно, хотя и не безъ приключеній, до Болоньи.

ГЛАВА III.

Казанова рѣшается оставить духовное званіе. — Отъѣздъ на островъ Корфу.— Буря на морѣ. — Казанова втягивается въ игру и проигрывается. — Его поѣздка въ Константинополь. — Бонневаль-ренегатъ, купецъ Юсуфъ, Измаилъ-Эффенди. — Возвращеніе на Корфу. — Знакомство съ красавицею командиршею.— Драма съ мнимымъ принцемъ Де-Ла-Рошфуко. — Бѣгство Казановы и пребываніе въ Казано. — Болѣзнь и отставка, возвращеніе въ Венецію.

Прибывъ въ Болонью, Казанова призадумался надъ своею дальнѣйшею судьбою. Оставаться ли въ духовномъ званіи? Онъ тутъ же рѣшилъ, что его карьера на этомъ поприщѣ покончена. Нимало не медля, онъ рѣшилъ скинуть подрясникъ и облачиться въ мундиръ офицера. Это былъ мимолетный и притомъ неосновательный капризъ: носить офицерскій мундиръ онъ не имѣлъ никакого права. Но разъ капризъ пришелъ, Казанова не задумался привести его въ исполненіе. Въ гостинницѣ у него спросили объ его имени и мѣстѣ службы; онъ отвѣчалъ рѣшительно и гордо лишь на самые необходимые вопросы и его отвѣтами удовлетворились. Въ этомъ обновленномъ видѣ Казанова заявился въ свою родную Венецію въ началѣ апрѣля 1744 года. Отсюда онъ намѣревался пробраться въ Константинополь; но въ ту пору не нашлось попутнаго судна, направлявшагося въ этотъ городъ. Не долго думая, Казанова нанялъ себѣ каюту на кораблѣ, отправлявшемся на островъ Корфу. До отъѣзда онъ успѣлъ повидаться съ знакомыми; среди нихъ распространился слухъ, что Казанова служилъ въ испанской арміи и оставилъ службу изъ-за дуэли. Богъ вѣсть откуда появился этотъ слухъ, Казанова и самъ того не умѣетъ объяснить, но эта басня до него доходила еще въ Болоньѣ. Онъ не опровергалъ этого слуха: имъ оправдывался и объяснялся его офицерскій мундиръ. Всѣ отговаривали его ѣхать на Востокъ, убѣждали остаться на службѣ въ Венеціи. Но онъ отправился въ Корфу. Корабль сдѣлалъ небольшую остановку въ маленькой гавани Орсера.

Буря, случившаяся въ пути, близъ Курцоли, едва не стоила Казановѣ жизни. На кораблѣ былъ патеръ, человѣкъ невѣжественный и грубый,

надъ которымъ Казанова не упускалъ случая посмѣяться и, конечно, нажилъ себѣ въ немъ лютаго врага. Въ самый разгаръ бури патеръ вынулъ требникъ и началъ читать заклинанія противъ демоновъ, которыхъ онъ будто бы ясно видѣлъ въ облакахъ и показывалъ ихъ даже матросамъ. Суевѣрные моряки совсѣмъ растерялись отъ этихъ видѣній и бросили судно на произволъ судьбы, такъ что оно ежеминутно рисковало наскочить на скалы, которыми тѣ мѣста изобилуютъ. Казанова предвидѣлъ эту опасность, и чтобы ободрить матросовъ, самъ полѣзъ на мачту и оттуда, ставя снасти, кричалъ имъ, что патеръ одурѣлъ отъ страха, что никакихъ демоновъ нѣтъ, а есть только буря и больше ничего. Въ свою очередь патеръ оралъ, что Казанова безбожникъ и успѣлъ таки возстановить противъ него большую часть матросовъ. Буря длилась два дня, не утихая; патеръ воспользовался этимъ, чтобы убѣдить матросовъ, что буря и не утихнетъ, пока безбожникъ, т. е. Казанова, будетъ оставаться на суднѣ. Одинъ изъ самыхъ суевѣрныхъ матросовъ, вполнѣ убѣжденный словами патера, выбралъ моментъ, изловчился и ударилъ Казанову канатомъ въ то время, когда тотъ стоялъ у самаго борта судна. Къ счастью, ему удалось за что-то схватиться: иначе онъ свалился бы въ воду и погибъ. Казанова спасся, но матросы такъ расшумѣлись, что капитанъ принужденъ былъ обѣщать имъ, что высадитъ безбожника на первой пристани.

Черезъ восемь дней корабль добрался до Корфу. У Казановы были рекомендательныя письма, и онъ тотчасъ вступилъ офицеромъ въ гарнизонъ; такимъ образомъ, нашъ герой самъ себя произвелъ въ офицеры и ловко попалъ на дѣйствительную службу.

Внѣслужебное время Казанова посвящалъ игрѣ, къ которой сильно пристрастился. Фортуна была къ нему до-нельзя немилостива; не было дня, когда бы онъ возвращался домой хоть съ маленькимъ выигрышемъ; онъ все только проигрывалъ и проигрывалъ. Онъ основался въ Корфу временно, поджидая изъ Венеціи кавалера Веньера, который обѣщался взять его съ собою въ Константинополь. Ему пришлось ожидать цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго онъ успѣлъ изрядно облегчить свой карманъ. Наконецъ, Веньеръ прибылъ, и скоро Казанова увидѣлъ передъ собою удивительную панораму древней Византіи, которою никогда не перестанутъ восхищаться любители величественныхъ и живописныхъ зрѣлищъ.

У Казановы было рекомендательное письмо къ графу Бонневалю, который сдѣлался ренегатомъ и принялъ имя Османа-паши Караманскаго. Въ этомъ письмѣ Казанова былъ рекомендованъ литераторомъ. Бонневаль, по этому, счелъ приличнымъ показать ему свою библіотеку; онъ повелъ его въ отдѣльную комнату своего дома; подойдя къ двери, онъ вынулъ ключъ и отперъ дверь. Казанова, ожидавшій увидать ряды книгъ и фоліантовъ, вмѣсто того увидѣлъ цѣлую батарею бутылокъ!

— Вотъ моя библіотека и мой гаремъ!—сказалъ Бонневаль.

Онъ долго бесѣдовалъ съ Казановою и пригласилъ его на другой день къ обѣду. На этомъ обѣдѣ нашъ герой познакомился съ почтеннымъ турецкимъ купцомъ Юсуфомъ-Али. Казанова часто бывалъ у него и много бесѣдовалъ съ нимъ. Юсуфъ оказался большимъ философомъ; они часто говорили о религіи, и Казановѣ казалось, что Юсуфъ не прочь обратить его въ магометанство. Судя по нѣкоторымъ

словечкамъ въ воспоминаніяхъ можно, кажется, заключить, что Казанова и самъ обсуждалъ шансы ренегатства.

Казанова продолжалъ все посѣщать Юсуфа и бесѣдовать съ нимъ; и вотъ однажды Юсуфъ сдѣлалъ ему предложеніе, котораго Казанова, кажется, давно уже ожидалъ. Онъ приглашалъ его принять магометанскую вѣру и жениться на его дочери, красавицѣ, образованной дѣвушкѣ, которой онъ рѣшилъ оставить все свое состояніе. Предложеніе было заманчивое, и нашъ искатель фортуны очень надъ нимъ призадумался. Но рѣшить онъ ничего не могъ; ему представлялось слишкомъ много доводовъ и за и противъ. Онъ рѣшилъ ждать вдохновенія, внезапнаго рѣшенія, и послѣдовать ему безъ разговоровъ и раздумья. Такъ онъ сказалъ и Юсуфу, и тотъ остался доволенъ такимъ рѣшеніемъ.

Между тѣмъ судьба подготовляла Казановѣ новый сюрпризъ. Посѣщая ренегата Бонневаля, Казанова познакомился у него съ турецкимъ сановникомъ Измаиломъ-эффенди. Какъ-то разъ этотъ господинъ спросилъ у Казановы, умѣетъ ли онъ танцовать форлану (извѣстный венеціанскій народный танецъ). Казанова отвѣчалъ, что умѣетъ, и сплясалъ бы хоть сейчасъ, да нѣтъ музыканта, который сыгралъ бы мотивъ танца и нѣтъ пары—дамы. Измаилъ тотчасъ послалъ куда-то своего слугу и тотъ скоро привелъ даму подъ маскою, которая поразила всѣхъ присутствовавшихъ своимъ изящнымъ костюмомъ и чудною фигурою. Музыкантовъ тоже живо достали, и вотъ Казанова принялся отплясывать съ прелестною маскою, которая оказалась великою мастерицею. Танцовали они буквально до упаду. Дама, наконецъ, удалилась, а Казанова былъ совершенно очарованъ этимъ видѣніемъ. Бонневаль тутъ же дружески предупредилъ его.

— Будьте осторожны,—сказалъ онъ ему.—Этотъ чудакъ Измаилъ привелъ сюда свою наложницу; она съ вами и танцовала. Вы, несомнѣнно, произвели впечатлѣніе на дѣвушку, притомъ она навѣрное ваша соотечественница; теперь она будетъ стараться ближе познакомиться съ вами. Смотрите, если затѣете интригу и попадетесь, плохо будетъ и вамъ, и вашей дамѣ.

Казанова обѣщалъ быть осторожнымъ. Но дня черезъ три послѣ танца передъ нимъ вдругъ предстала какая-то старуха и подала ему хорошенькій кошелекъ для табаку, расшитый золотомъ, предлагая купить его за піастръ. Въ кошелькѣ ясно прощупывалось письмо. Въ этомъ письмѣ таинственная танцорка назначала ему свиданіе. Но начинавшаяся интрижка не имѣла времени разыграться, потому что срокъ отпуска Казанова кончался и онъ долженъ былъ вернуться на Корфу. По прибытіи туда онъ продалъ всѣ вещи, которыя преподнесъ ему въ даръ щедрый Юсуфъ и выручилъ 500 цехиновъ. Онъ рѣшилъ впредь играть осторожно и благоразумно, чтобы по возможности не проигрывать деньги такъ нелѣпо, какъ раньше.

Скоро Казанова познакомился съ красавицею женою командира галеры, котораго онъ называетъ буквою Ф. По должности адъютанта, Казанова часто обѣдалъ съ нею за однимъ столомъ и потому имѣлъ возможность сблизиться съ нею. Но сначала суровая командирша долго сердила Казанову своимъ пренебреженіемъ. Онъ былъ сильно избалованъ своими успѣхами, а тутъ вдругъ этакого молодца дама

вовсе не замѣчаетъ. Но на помощь ему явился особенно благопріятный случай. Казанова сошелся съ другимъ офицеромъ, такимъ же ярымъ игрокомъ, какъ и онъ. Они вмѣстѣ держали банкъ, имѣли общую игорную кассу. Игра велась благоразумно, и компаньоны въ общемъ немало выигрывали. У Казановы завелись деньги, и командирша знала объ этомъ. Однажды ея мужъ проигралъ нашимъ компаньонамъ 200 цехиновъ; денегъ съ нимъ не было, онъ остался долженъ. Онъ передъ тѣмъ далъ своей женѣ какъ разъ такую же сумму на сохраненіе и внезапно потребовалъ эти деньги, а она ихъ издержала. Вотъ тутъ-то командирша и обратилась къ Казановѣ, прося выручить ее; онъ, конечно, выручилъ самымъ рыцарскимъ образомъ, отказавшись отъ предложеннаго дамою залога. Въ это время съ Казановою случился новый, полный драматизма, пассажъ.

У него былъ денщикъ, родомъ французъ, по имени Ла-Валеръ. Однажды этотъ солдатъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ госпиталь. Ему стало очень худо; онъ исповѣдался и причастился и, ожидая смерти, передалъ своему духовнику какую-то бумагу, прося дать ей ходъ послѣ его смерти. Но бумагу прочли еще до кончины солдата. Изъ нея явствовало, что этотъ солдатъ—сынъ принца Де-Ла-Рошфуко, Францискъ VI. Казанова, хорошо знавшій всю эту фамилію, расхохотался надъ этою бумагою, но всѣ другіе офицеры и начальство повѣрили ей. Умирающаго принца окружили всякими заботами, и онъ скоро поправился. О немъ тотчасъ сдѣлали запросы, а пока, до полученія отвѣта, всѣ наперерывъ любезничали съ нимъ, поили, кормили, развлекали. Отрасль княжескаго племени проявила себя весьма грубымъ и неотесаннымъ солдатомъ, но это никого не смущало. Одинъ только Казанова продолжалъ высказывать открытое сомнѣніе. Однажды, въ большомъ обществѣ, къ нему пристали съ разспросами и увѣщаніями, и онъ еще разъ громогласно подтвердилъ свои сомнѣнія. А въ это время какъ разъ и явился загадочный принцъ. Одна изъ дамъ, подъ вліяніемъ только-что веденнаго разговора, вдругъ сказала вошедшему:

— Принцъ, вотъ г. Казанова утверждаетъ, что вы не знаете, какой гербъ у вашего рода!

Ла-Валеръ подскочилъ къ Казановѣ и отвѣсилъ ему оглушительную пощечину. Тотъ ничего не сказалъ, тотчасъ вышелъ и сталъ ждать оскорбителя. Скоро и тотъ вышелъ. Казанова бросился на него, какъ звѣрь, и началъ бить его безъ всякаго милосердія. Казанова все ждалъ, что тотъ выпетъ, наконецъ, шпагу и приметъ правильный бой. Но принцъ оказался трусомъ, и Казанова бросилъ его, наконецъ, полумертваго, плававшаго въ крови.

Главнокомандующій отряда на Корфу приказалъ арестовать Казанову и заключить его въ бастарду (такъ называлось судно-тюрьма, гдѣ заключенныхъ держали скованныхъ по ногамъ). Казанова счелъ для себя такое возмездіе позорнымъ. Онъ захватилъ свои деньги и бѣжалъ, куда глаза глядятъ. На берегу моря ему попалась лодка; онъ сѣлъ въ нее и поплылъ наудачу. Ему повстрѣчалась рыбачья барка, онъ нанялъ ее и велѣлъ отвезти себя куда-нибудь подальше. Его отвезли къ острову Казопо и тамъ высадили. Предчувствуя погоню, онъ нанялъ себѣ стражу изъ окрестныхъ жителей и такъ прожилъ на островѣ нѣ-

которое время маленькимъ царькомъ, окруженнымъ тѣлохранителями. На десятый день его царствованія къ нему явился адъютантъ главнокомандующаго на Корфу. Казанова принялъ его хорошо, угостилъ. Адъютантъ долго убѣждалъ его покориться и вернуться на Корфу. Казанова, узнавъ, что тамъ всѣ за него и притомъ, что получены, наконецъ, бумаги, обличавшія самозваннаго Рошфуко, согласился, наконецъ, послѣдовать за пріятелемъ-адъютантомъ. Онъ щедро одарилъ свою гвардію и распустилъ ее по домамъ. На Корфу его встрѣтили хорошо и освободили отъ всякаго возмездія. Онъ сталъ героемъ дня.

Черезъ нѣсколько времени Казанова перешелъ въ адъютанты къ Ф..

Съ этой минуты фортуна опять повернулась къ Казановѣ спиною. У него были деньги, добытыя картежною игрою; онъ могъ считать себя даже человѣкомъ обезпеченнымъ. Но изрядная часть этихъ сбереженій пошла на леченіе, другая была проиграна. Этого мало. Главнокомандующій обѣщалъ при первой вакансіи произвести его въ слѣдующій чинъ, а между тѣмъ, когда вакансія открылась, Казанову обошли и чинъ достался другому. Это вселило въ него полное отвращеніе къ военной службѣ, которая вдобавокъ была невыносима ему съ ея дисциплиною. Кончилось тѣмъ, что его прежній командиръ вновь взялъ Казанову адъютантомъ къ себѣ. Нашъ герой подалъ въ отставку и почти безъ всякихъ средствъ, разстроенный, печальный, больной, вернулся къ себѣ на родину, въ Венецію.

ГЛАВА IV.

Возобновленіе венеціанскихъ знакомствъ.—Казанова проигрывается до тла и поступаетъ скрипачемъ въ театръ. — Гнусныя продѣлки театральныхъ музыкантовъ. — Новая перемѣна въ судьбѣ Казановы—за услугу, оказанную имъ сенатору Брагадину, котораго онъ спасъ отъ смерти.—Брагадинъ усыновляетъ Казанову и тотъ перебирается въ его домъ.

По прибытіи въ Венецію Казанова посѣтилъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. Одно время онъ намѣревался сдѣлаться адвокатомъ, но прежде всего снова принялся за игру, которая живо высосала и безъ того тощее содержимое его кармановъ; черезъ недѣлю у него уже не было буквально ни копѣйки. Что дѣлать? Еще живя у Годзи въ Падуѣ, онъ научился играть на скрипкѣ. Казанова вспомнилъ объ этомъ еще не эксплуатированномъ талантѣ и поступилъ въ театральный оркестръ; ему платили по цехину въ день и онъ жилъ кое-какъ, изо-дня-въ-день. Всѣ свои знакомства онъ прекратилъ: ему было совѣстно показаться въ порядочномъ домѣ.

Первое время Казанова пробовалъ утѣшаться и даже ободрять себя. Онъ былъ всетаки сытъ, одѣтъ, укрытъ въ порядочномъ жилищѣ. Ремесло его было неважное, но онъ все же честно заработывалъ свой хлѣбъ. Мало-по-малу Казанова перезнакомился со своими товарищами по оркестру, и такъ какъ вся эта орава состояла изъ отборныхъ негодяевъ, то, разумѣется, и Казановѣ пришлось постепенно сопричислиться къ ихъ сонму. Обыкновенно послѣ спектакля музыканты расходились по кабакамъ. Духъ бездѣльничества быстро овладѣвалъ нашимъ героемъ. Случалось, что эти жрецы искусства рыскали ночью по улицамъ и учиняли возмутительные по своей глупости безчинства

отвязывали гондолы, которыя теченіемъ уносило въ море, будили врачей, акушерокъ или патеровъ и посылала ихъ по выдуманному адресу къ больному, къ роженицѣ, къ умирающему, радуясь потомъ скандалу, съ которымъ выпроваживали этихъ людей; забирались на колокольни и звонили въ набатъ, опрокидывали скамьи, столы, будили людей, увѣряя, что къ нимъ забрались воры, и т. д. Однажды негодяи увидѣли въ кабачкѣ трехъ какихъ-то мужчинъ съ женщиною. Они вошли въ кабакъ, объявили кавалерамъ, что арестуютъ ихъ отъ имени и по повелѣнію знаменитаго «Совѣта Десяти», передъ которымъ трепетала вся Венеція. Тѣ пошли за ними безпрекословно. А женщину отвели въ какой-то притонъ. Замѣчательно, что душою банды, въ которой участвовалъ Казанова, былъ кровный венеціанскій аристократъ изъ рода Бальби. Женщина эта потомъ подняла шумъ, дѣло дошло до начальства, которое, наконецъ, обратило вниманіе на массу ежедневно творящихся безобразій; оно издало указъ, которымъ обѣщало крупную денежную награду тому, кто укажетъ хоть одного участника этихъ мерзостей. Тогда безобразники испугались: между ними же самими могъ найтись доносчикъ, прельщенный наградою. Дебоши прекратились. Любопытная черта: мѣсяца четыре спустя одинъ изъ инквизиторовъ республики разсказалъ Казановѣ подробно обо всѣхъ подвигахъ ихъ шайки и назвалъ поименно всѣхъ ея участниковъ. Почему, зная все это, онъ не донесъ на злодѣевъ? Потому, что это дѣло непосредственно не касалось его, инквизитора. Таковъ былъ духъ тогдашней венеціанской правящей аристократіи.

Въ половинѣ апрѣля 1746 года измѣнчивая фортуна вновь улыбнулась Казановѣ, снова вознесла его изъ грязи бездѣльничества и нищеты на высоту благополучія.

Дѣло произошло такъ. Одинъ изъ крупныхъ патриціевъ праздновалъ свою свадьбу, и Казанова попалъ на пиръ, разумѣется, въ качествѣ музыканта. Въ послѣдній день праздника онъ, совершенно измученный, оставилъ свой оркестръ и пошелъ къ себѣ домой. Спускаясь съ лѣстницы, онъ увидѣлъ какого-то старика-сенатора, входящаго въ гондолу. Старикъ вынулъ платокъ, и въ это время у него выпало изъ кармана письмо. Казанова подскочилъ, поднялъ письмо и подалъ сенатору; тотъ поблагодарилъ его и спросилъ, гдѣ онъ живетъ. Казанова сообщилъ свой адресъ; сенаторъ пригласилъ его въ свою гондолу и изъявилъ непремѣнное желаніе отвезти его домой. Усѣлись и отправились. Дорогою старикъ вдругъ обратился къ Казановѣ съ странною просьбою взять и встряхнуть его лѣвую руку, которая у него совсѣмъ онѣмѣла, такъ что онъ «не слышалъ» ея. Послѣ того старику дѣлалось все хуже и хуже; спустя минуту онъ едва слышнымъ голосомъ пробормоталъ, что онѣмѣніе охватываетъ у него всю лѣвую сторону тѣла и что онъ умираетъ. Казанова въ ужасѣ схватилъ фонарь, освѣтилъ лицо старика и увидалъ, что у него перекосило ротъ. Старика хватилъ ударъ. Казанова остановилъ гондолу, велѣлъ гондольерамъ ждать, а самъ побѣжалъ за докторомъ. Къ счастью, докторъ скоро нашелся по сосѣдству. Онъ пустилъ больному кровь, а Казанова снялъ съ себя рубаху и разодралъ ее на бинты и компрессы.

Гондольерамъ приказано было грести изо всѣхъ силъ, и скоро гон-

дола подошла къ дому сенатора. Казанова всѣмъ распоряжался и ему всѣ повиновались. Больного раздѣли, уложили въ постель. Онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Призвали другого врача, который одобрилъ первое кровопусканіе и сдѣлалъ второе. Казанова расположился у постели больного и рѣшилъ не отходить отъ него.

Между тѣмъ о происшествіи дали знать друзьямъ больного, и скоро явились двое патриціевъ. Они были глубоко опечалены. Зная всѣ подробности отъ гондольеровъ, они приступили къ Казановѣ, который въ ихъ глазахъ явился какъ бы ангеломъ-хранителемъ ихъ друга, и просили его въ свою очередь разсказать все происшествіе; онъ удовлетворилъ ихъ желаніе. Тутъ онъ узналъ, съ кѣмъ свелъ его случай. Захворавшій сенаторъ былъ родовитый венеціанскій патрицій Брагадинъ, братъ одного изъ прокураторовъ республики. Онъ славился, какъ краснорѣчивѣйшій ораторъ и одинъ изъ талантливѣйшихъ государственныхъ людей Венеціи. Въ молодости онъ пожилъ въ свое удовольствіе, игралъ и проигрывался, имѣлъ блестящій успѣхъ у женщинъ. Съ братомъ онъ былъ на ножахъ; тотъ чуть не помѣшался на мысли, что братъ замышляетъ его отравить; дѣло объ этомъ мнимомъ покушеніи доходило даже до Совѣта Десяти, и хотя младшій братъ былъ блистательно оправданъ, все же прокураторъ не переставалъ смотрѣть на него очень косо.

Брагадинъ, состарѣвшись (хотя ему въ моментъ происшествія, о которомъ здѣсь повѣствуется, было не болѣе 50 лѣтъ), сталъ жить философомъ-отшельникомъ. У него было двое близкихъ и преданныхъ друзей; почти больше онъ ни съ кѣмъ не знался. Одинъ изъ его друзей былъ Дàндоло, другой Бáрбаро. Оба они и пришли тотчасъ, какъ только узнали о несчастіи; ихъ и видѣлъ теперь передъ собою Казанова. Оба, какъ и Брагадинъ, были представителями древнѣйшихъ венеціанскихъ фамилій.

Между тѣмъ больной не приходилъ въ чувство. Призванный врачъ долго думалъ надъ нимъ и наконецъ его осѣнила поистинѣ варварская мысль. Онъ положилъ на грудь больному громадный кусокъ ртутнаго пластыря. Эффектъ этого героическаго средства обнаружился немедленно; наивные, малосвѣдущіе друзья Брагадина стояли и ликовали: лекарство дѣйствовало и должно было спасти ихъ друга. Совсѣмъ иначе думалъ Казанова, кое-что понимавшій во врачеваніи. Онъ пришелъ въ ужасъ при видѣ больного: у того, очевидно, начиналось что-то необычайное, весьма похожее на острое отравленіе. Врачъ же съ апломбомъ заявилъ, что онъ ожидалъ такого дѣйствія и что это-то и спасетъ больного, за жизнь котораго онъ теперь совсѣмъ спокоенъ. Онъ даже рѣшилъ уйти домой, обѣщая придти на утро.

Къ полуночи больному стало вовсе плохо. Онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ и былъ въ неестественно-возбужденномъ состояніи. Казанова, подойдя къ нему, ясно видѣлъ, что человѣкъ умираетъ. Онъ разбудилъ обоихъ друзей, остававшихся ночевать у больного, и рѣшительно объявилъ имъ, что больной умретъ, если не снимутъ ртутнаго пластыря, который его губитъ. Не дожидаясь ихъ отвѣта, онъ сорвалъ роковой пластырь и обмылъ грудь больного теплою водою. Черезъ нѣсколько минутъ больной видимо ожилъ, успокоился и уснулъ, къ величайшей радости обоихъ друзей и особенно самого импровизованнаго цѣлителя.

Рано утромъ явился врачъ, осмотрѣлъ больного и съ гордымъ видомъ похвалилъ себя за успѣшное леченіе. Но съ него мгновенно сшибли

спесь, объяснивъ ему, какъ было дѣло. Докторъ ужасно разсердился, узнавъ, что его леченіе было отмѣнено. Онъ объявилъ, что больного убили, что онъ теперь ни за что не отвѣчаетъ. Брагадинъ, уже значительно оправившійся, сказалъ ему:

— Докторъ! тотъ, кто освободилъ меня отъ вашего ртутнаго пластыря, едва не задушившаго меня, гораздо больше вашего понимаетъ во врачебномъ искусствѣ.

И сказавъ это, онъ указалъ ему рукою на Казанову. И докторъ, и Казанова, оба были одинаково поражены этой рѣчью. Докторъ съ изумленіемъ взиралъ на невѣдомаго ему юношу, а этотъ юноша съ изумленіемъ увидалъ себя возведеннымъ въ званіе цѣлителя. Оправившись отъ изумленія, докторъ холодно заявилъ больному, что онъ уходитъ и уступаетъ мѣсто своему сопернику.

Докторъ, конечно, разсказалъ эту исторію всему городу. Къ Брагадину явились родственники и знакомые и дивились, что онъ довѣрился скрипачу изъ театра. Но Брагадинъ рѣшительно отвѣчалъ на всѣ эти инсинуаціи, что скрипачъ оказался искуснѣе всѣхъ венеціанскихъ врачей, и во всякомъ случаѣ спасъ ему жизнь.

Больной и оба его друга слушали Казанову, какъ оракула. Онъ и самъ пріободрился и проникся духомъ шарлатанства. Онъ весьма развязно говорилъ о медицинѣ, поучалъ ихъ, читалъ имъ цѣлыя лекціи, цитировалъ авторовъ, которыхъ въ глаза не видалъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что Брагадинъ, бывшій большимъ любителемъ тайныхъ наукъ, имѣлъ склонность къ мистицизму. Онъ долго раздумывалъ надъ своимъ юнымъ спасителемъ, и видя, что Казанова въ его годы обладаетъ столь великою ученостью, порѣшилъ, что въ самой натурѣ его должно таиться что-то сверхъестественное. Онъ высказалъ эту мысль Казановѣ и просилъ его быть откровеннымъ.

«Мнѣ не хотѣлось сказать ему, что онъ ошибается, чтобы не обидѣть его прозорливости»,—скромно замѣчаетъ Казанова. Въ сущности же онъ просто-на-просто воспользовался навернувшимся случаемъ. Онъ вспомнилъ, что когда-то ознакомился съ кабалистикою и выучился составлять магическіе квадраты. Взявъ какой-нибудь вопросъ, въ видѣ короткой фразы, онъ разлагалъ слова на цифры, составлялъ изъ цифръ квадратъ, переставлялъ цифры и получалъ изъ новыхъ ихъ сочтаній отвѣтъ на вопросъ. Брагадинъ самъ слышалъ объ этомъ родѣ гаданія и спросилъ Казанову, откуда онъ узналъ секретъ. Тотъ отвѣчалъ, что, когда былъ въ плѣну у испанцевъ, то ему пришлось встрѣтить отшельника, который и обучилъ его этой магической тайнѣ. Брагадинъ пришелъ въ восхищеніе и объявилъ Казановѣ, что онъ обладаетъ глубочайшимъ секретомъ, который можетъ обогатить его.

Казанова скромно отвѣтилъ, что не видитъ, какъ бы онъ могъ воспользоваться этимъ секретомъ. Отвѣты всегда получаются темные, двусмысленные. Онъ много упражнялся надъ этими волхвованіями, но они ему надоѣли: онъ ни разу не добился точнаго отвѣта.

— Правда,—заключилъ онъ,—если бы не эти магическіе квадраты, то я никогда не имѣлъ бы удовольствія познакомиться съ вашимъ превосходительствомъ.

— Какъ такъ?

— На второй день свадебныхъ празднествъ я вздумалъ спросить ора-

кула, не встрѣчу ли я на пиру чего-нибудь особеннаго. Отвѣтъ вышелъ такой: «Уйди съ пира ровно въ 10 часовъ». Я такъ и сдѣлалъ, и какъ разъ повстрѣчалъ васъ.

Этотъ разсказъ ошеломилъ всѣхъ трехъ друзей. Дандоло тотчасъ попросилъ Казанову составить ему отвѣтъ на вопросъ по такому предмету, о которомъ никто на свѣтѣ ничего не знаетъ, кромѣ его. Вопросъ былъ написанъ. Казанова построилъ свою кабалистическую пирамиду и скоро далъ отвѣтъ въ видѣ четверостишія, въ которомъ ничего нельзя было понять. Но въ этомъ, конечно, и состояло все искусство. Гдѣ никто ничего не понималъ, тамъ самъ вопрошавшій, Дандоло, тотчасъ усмотрѣлъ явный смыслъ, и притомъ именно тотъ, какой ему былъ нуженъ. Такимъ образомъ, стихи произвели эффектъ почти потрясающій. Барбаро и Брагадинъ тоже пожелали вопросить судьбу, и получили столь же удивительные отвѣты.

Тогда всѣ трое начали упрашивать Казанову посвятить ихъ въ секретъ этого гаданья, спрашивали, много ли времени требуется на его усвоеніе, и т. д.

— О, очень немного, — отвѣчалъ Казанова.—Я съ удовольствіемъ удовлетворю ваше любопытство. Правда, отшельникъ, сообщившій мнѣ этотъ секретъ, предупреждалъ меня, чтобы я свято его хранилъ и грозилъ, что, въ случаѣ разоблаченія, меня постигнетъ скоропостижная смерть; но я совсѣмъ этому не вѣрю, и нисколько не боюсь.

Брагадинъ и его друзья, наоборотъ, свято вѣрили въ слова таинственнаго отшельника и наотрѣзъ отказались отъ своего любопытства. Притомъ они разсудили, что Казанова съ его кабалою и безъ того всегда будетъ къ ихъ услугамъ.

Такимъ образомъ нашъ герой попалъ въ гадатели и предсказатели. Онъ самъ искренно дивился на этихъ людей. Всѣ трое были прекрасно образованы, даже учены, а между тѣмъ головы ихъ были набиты самымъ наивнымъ изумленіемъ передъ разнымъ вздоромъ, носившимъ печать таинственности.

Казанову засыпали вопросами о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, и онъ давалъ каждый разъ мастерскіе отвѣты: таинственные, двусмысленные и потому всегда подходящіе, безъ промаха. Иной разъ онъ приходилъ къ нимъ съ утра и уходилъ поздно вечеромъ, проводя по десяти часовъ подъ-рядъ въ волхвованіяхъ и бесѣдахъ. Мы уже упоминали о томъ, что Казанова былъ человѣкъ весьма свѣдущій, почти ученый и притомъ весьма искусный краснобай.

Во время этихъ безконечныхъ конференцій съ тремя друзьями Казанова подробно разсказалъ имъ всѣ свои приключенія, разумѣется, кое-что скрывъ и кое-что сгладивъ и измѣнивъ.

«Мнѣ могутъ сказать,—философствуетъ нашъ герой,—что если бы я захотѣлъ держаться на линіи строгой нравственности, то не долженъ бы былъ надувать ихъ. Я съ этимъ согласенъ. Но я могу сказать въ отвѣтъ на такое замѣчаніе, что мнѣ было всего двадцать лѣтъ, что я былъ одаренъ умомъ, и что судьба низвела меня до роли жалкаго скрипача въ театральномъ оркестрѣ. Да, наконецъ, къ чему бы привели мои старанія разувѣрить ихъ въ моихъ сверхъестественныхъ талантахъ? Они надо мной же насмѣялись бы, убѣдились бы только въ моей невѣжественности, въ моей ограниченности и, въ концѣ концовъ, бросили бы меня»

Казановѣ кажется, что онъ взялъ съ тремя друзьями самый вѣрный, правильный, разумный и естественный тонъ. Такъ и слѣдовало держаться съ этими людьми, принимая во вниманіе весь складъ ихъ характеровъ, ума и развитія.

Вся Венеція узнала о необычайной дружбѣ театральнаго скрипача съ тремя почтеннѣйшими сенаторами. Ихъ всѣ знали за людей скромныхъ, высоконравственныхъ, ученыхъ, мудрыхъ; его — за человѣка, формуляръ котораго громко говорилъ о легкомысліи и дебоширствѣ. И вдругъ эта близость между столь противоположными натурами! Никто ничего не понималъ, и всѣ только ахали отъ изумленія.

Къ началу лѣта Брагадинъ совсѣмъ оправился и началъ посѣщать засѣданія сената. Наканунѣ своего перваго выхода изъ дома онъ обратился къ Казановѣ съ такою рѣчью:

— Кто бы ты ни былъ — я обязанъ тебѣ жизнью. Твои прежніе покровители хотѣли сдѣлать изъ тебя духовнаго, врача, адвоката, солдата и, наконецъ, скрипача; это были глупцы, которые не сумѣли тебя понять. Самъ Богъ повелѣлъ ангелу своему привести тебя ко мнѣ и сдать мнѣ на руки. Я узналъ и оцѣнилъ тебя. Если хочешь быть моимъ сыномъ, тебѣ стоитъ только признать меня своимъ отцомъ. Я приму тебя въ свой домъ и буду тебя считать сыномъ до самой смерти. Комната для тебя готова, переѣзжай въ нее; у тебя будетъ прислуга, будетъ своя гондола. Ты будешь пользоваться у меня столомъ и получать отъ меня по десяти цехиновъ въ мѣсяцъ. Въ твои годы я самъ не получалъ столько отъ моего отца. Тебѣ нечего заботиться о будущемъ. Живи, развлекайся; спрашивай моего совѣта во всѣхъ дѣлахъ и будь увѣренъ, что всегда найдешь во мнѣ преданнаго друга.

Конечно, нашъ герой не могъ отказаться отъ такого предложенія. Онъ палъ къ ногамъ благодѣтеля и горячо благодарилъ его.

ГЛАВА V.

Уроки житейской мудрости, преподанные Казановѣ его пріемнымъ отцомъ.— Исторія съ Ринальди и Лабади.—Приключеніе съ молодою графинею.

Итакъ, Казанова водворился въ домѣ своего пріемнаго отца.

Фортуна дала ему новый урокъ, и урокъ скверный. Онъ попалъ въ новую полосу благополучія, но по слѣпому случаю; если чѣмъ онъ и былъ тутъ обязанъ самому себѣ, то долженъ былъ внутренно сознаться, что для достиженія благополучія имъ были пущены въ дѣло такіе таланты и качества, которые отнюдь не согласуются съ требованіями строгой морали. Значитъ, сама жизнь учила молодого человѣка не стѣсняться обстоятельствами и гнуть ихъ въ свою пользу безъ всякой церемоніи.

Свой тогдашній образъ жизни Казанова прекрасно характеризуетъ въ немногихъ словахъ.

«Я былъ не бѣденъ,—говоритъ онъ,—одаренъ пріятною и внушительною внѣшностью, отчаянный игрокъ, расточитель, краснобай и забіяка, не трусъ, ярый ухаживатель за женщинами, ловкій устранитель сопер-

никовъ, веселый компаньонъ, но только въ такой компаніи, которая меня развлекала. Само собою разумѣется, что я наживалъ себѣ враговъ и ненавистниковъ на каждомъ шагу; но я отлично умѣлъ постоять за себя и потому думалъ, что могу позволять себѣ все, что мнѣ угодно».

Такое поведеніе (онъ это понималъ) не могло нравиться его пріемному отцу и друзьямъ. Но трое старичковъ были околдованы кабалистическими дарами Казановы, и молча терпѣли его дебоширство. Добрякъ Брагадинъ ограничился тѣмъ, что какъ-то разъ высказалъ Казановѣ, что его образъ жизни напоминаетъ ему, Брагадину, его собственную молодость. Умудренный опытомъ старикъ предупреждалъ своего названнаго сынка, что, срывая тѣ же цвѣты удовольствія, что̀ и Брагадинъ въ юности, онъ долженъ быть готовъ и къ такой же расплатѣ за нихъ въ старости. Но безпечный юноша отшучивался отъ мудрыхъ совѣтовъ старика. Однако, Брагадинъ сумѣлъ преподать ему пару добрыхъ уроковъ житейской мудрости.

Казанова познакомился съ богатымъ польскимъ шляхтичемъ Завойскимъ, застрявшимъ въ Венеціи по безденежью; онъ былъ молодъ, хорошъ собою, образованъ, ловокъ и жилъ въ свое удовольствіе, занимая деньги направо и налѣво, въ ожиданіи присылки ихъ изъ Польши. Завойскій познакомилъ Казанову съ графомъ Ринальди, у котораго была красавица жена и велась ожесточенная игра. Нашъ герой сразу увлекся обоими этими угодьями, т. е. сталъ ухаживать за графинею и играть. Сначала онъ выигрывалъ и въ томъ, и въ другомъ направленіи, а потомъ, продолжая выигрывать на амурномъ полѣ, въ то же время терпѣлъ уронъ на зеленомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ продулъ Ринальди пятьсотъ цехиновъ. Такихъ денегъ у него не было; онъ задолжалъ, и по существующимъ въ игрѣ правиламъ чести, обязанъ былъ уплатить долгъ на другой день. Но гдѣ добыть денегъ? Просить у Брагадина—совѣсть препятствуетъ, а другого источника не придумаешь. Казанова сталъ до того мраченъ, что Брагадинъ замѣтилъ это, приступилъ къ нему съ разспросами, и, конечно, добился признанія. Старикъ успокоилъ его, сказалъ, что долгъ будетъ уплаченъ, но только съ однимъ условіемъ, чтобы Казанова далъ ему клятву никогда впредь не игратьна честное слово, а исключительно на наличныя деньги. Казанова далъ клятву съ полною искренностью и успокоился. Вечеромъ того же дня онъ получилъ отъ Ринальди записку и свертокъ золота. Въ запискѣ Ринальди извѣщалъ его, что онъ не считаетъ за нимъ никакого долга, что игра велась въ шутку, и что онъ спѣшитъ возвратить ему всѣ проигранныя наличныя деньги.

Нѣтъ сомнѣнія, что Брагадинъ пустилъ въ ходъ свое сенаторское вліяніе и припугнулъ графа Ринальди, хотя Казанова и не объясняетъ, какъ именно произошло это волшебное погашеніе долга чести. «Я угадалъ все», говоритъ онъ глухо и лаконически.

— Смотри же,—поучалъ его названный отецъ,—помни этотъ случай. Въ слѣдующій разъ, какъ проиграешь на слово, не плати долга.

— Да вѣдь я буду опозоренъ?

— Нужды нѣтъ! Чѣмъ больше будешь опозоренъ, тѣмъ цѣлѣе будутъ твои деньги. Вѣдь рано или поздно, играя на слово, ты кончишь

тѣмъ, что будешь поставленъ въ полную невозможность уплатить долгъ; значитъ безчестья ни за что не избѣгнешь.

И тутъ умудренный опытомъ старецъ преподалъ ему на будущее время правила игры: никогда не вистовать, а самому держать банкъ, бросать игру тотчасъ, какъ только она измѣняется въ невыгодную сторону и т. д.

Черезъ нѣкоторое время Казанова получилъ новый урокъ отъ названнаго отца. Онъ познакомился съ французскимъ выходцемъ Лабади, который въ то время хлопоталъ о полученіи какого-то мѣстечка по интендантской части. Казанова принялъ въ немъ участіе и уговорилъ Брагадина помочь Лабади получить желаемое мѣсто. Старикъ обѣщалъ. А какъ разъ въ это время Казановѣ опять понадобились деньги, сотня цехиновъ. Сумма была невелика и онъ обратился къ Брагадину.

— Но отчего же ты не попросишь этихъ денегъ у своего протеже, Лабади?—спросилъ его Брагадинъ.

— Мнѣ неловко, я никогда бы не рѣшился на это!

— А ты рѣшись! Я увѣренъ, что онъ тебѣ не откажетъ.

— Сомнѣваюсь, а, впрочемъ, попробую.

Казанова попробовалъ и получилъ деликатный отказъ. До-нельзя смущенный, онъ побѣжалъ къ Брагадину и пожаловался на свою неудачу. Старикъ только расхохотался въ отвѣтъ и сказалъ, что этотъ французъ сущій дуракъ.

Какъ разъ въ это время ходатайство Лабади разсматривалось въ сенатѣ. Казанова былъ увѣренъ, что дѣло устроилось какъ нельзя лучше, и на другой день объявилъ своему отцу, что пойдетъ поздравить Лабади.

— Не хлопочи напрасно, мой другъ,—сказалъ ему старикъ,—сенатъ отказалъ твоему протеже.

— Какъ такъ? Вѣдь три дня тому назадъ дѣло было почти уже рѣшено въ его пользу?

— Да, но во время преній я высказался противъ его назначенія, и ему отказали. Я и самъ раньше былъ за него, но случай съ тобою показалъ мнѣ, что этотъ человѣкъ не обладаетъ подходящими качествами для исправленія должности, которой проситъ. Посуди самъ, если бъ онъ былъ умный человѣкъ, развѣ онъ рѣшился бы отказать тебѣ въ такой пустой просьбѣ?

Лабади бѣсновался, узнавъ объ отказѣ.

— Еслибъ вы предупредили меня, что эти сто цехиновъ необходимы для того, чтобы заткнуть ротъ Брагадину, то я, конечно, далъ бы ихъ.

— Еслибъ вы были разсудительнѣе, то сами бы это угадали,— отрѣзалъ ему Казанова, успѣвшій вникнуть въ политику своего названнаго папаши.

Въ концѣ 1746 года Казанова имѣлъ случай оказать большую услугу одной красавицѣ аристократкѣ. Вотъ какъ происходило дѣло, по его разсказу.

Казанова прогуливался по улицѣ и увидѣлъ молодую даму, только-что вышедшую изъ дилижанса, прибывшаго изъ Феррары. Дама была въ видимой нерѣшительности; ей нужно было куда-то направиться,

что-то разспросить, но она не знала, къ кому обратиться. Казанова подлетѣлъ къ ней и почтительнѣйше предложилъ свои услуги. «Меня какъ будто толкнула къ ней какая-то тайная сила», философствуетъ онъ.

Изъ разспросовъ оказалось, что таинственная незнакомка была дѣвушка знатной фамиліи, бѣжавшая съ молодымъ венеціанцемъ изъ родительскаго дома. Но ея возлюбленный опередилъ ее дорогой и долженъ былъ прибыть въ Венецію раньше ея; теперь она явилась туда же вслѣдъ за нимъ, но не знала, какъ найти его. Дѣвушка не могла скрыть своего подозрѣнія, что соблазнитель бросилъ ее. На вопросъ Казановы, надѣется ли она, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе жениться на ней, она отвѣчала, что онъ далъ ей на это письменное обязательство, и умоляла своего случайнаго покровителя указать ей домъ своего названнаго жениха. Въ то же время она показала Казановѣ и пресловутое письменное обязательство. Казанова тотчасъ узналъ, съ кѣмъ столкнулъ случай бѣдную дѣвушку. Это былъ нѣкто Стефани, чиновникъ государственной канцеляріи, мотъ, кутила, человѣкъ въ долгу, какъ въ шелку, личность положительно подозрительная.

Внѣшность, свидѣтельствовавшая о несомнѣнномъ благородствѣ молодой дѣвушки, и ея трогательная безпомощность оказали на Казанову свое дѣйствіе. Онъ близко принялъ къ сердцу ея интересы. Прежде всего онъ отговорилъ ее идти къ Стефани; она могла не застать его дома, а мать Стефани — неизвѣстно, какъ еще приняла бы незнакомку, явившуюся съ такимъ документомъ въ рукахъ. Онъ умолялъ дѣвушку довѣриться ему, а той ничего другого и не оставалось. Онъ тотчасъ отвелъ ее къ одной вдовѣ, женщинѣ честной, на которую можно было положиться, и устроилъ тамъ свою интересную незнакомку. Дорогою она разсказала ему въ подробностяхъ всю исторію своего злополучнаго пассажа съ проходимцемъ Стефани и своею неподдѣльною искренностью окончательно плѣнила Казанову, который тутъ же рѣшилъ во что бы то ни стало выручить ее.

Оставивъ ее у вдовы, онъ побѣжалъ къ Стефани. Гондольеры сказали ему, что Стефани три дня тому назадъ вернулся въ Венецію, но потомъ опять выбылъ неизвѣстно куда. Казанова повстрѣчалъ одного знакомаго аббата, и изъ разговора съ нимъ узналъ много подробностей о семействѣ своей незнакомки. Аббатъ этотъ жилъ въ Болоньи, откуда была родомъ дѣвушка. Она происходила изъ почтеннѣйшей семьи: ея братъ служилъ офицеромъ въ папской гвардіи. Дальнѣйшіе разспросы и розыски окончательно убѣдили его въ томъ, что мазурикъ Стефани ни въ какомъ случаѣ не исполнитъ своего обѣщанія, да если бы его и принудить къ тому, то это было бы еще худшимъ несчастіемъ для его жертвы. Дѣло усложнялось и принимало чрезвычайно хлопотливый оборотъ. Оставался, собственно говоря, одинъ разумный выходъ: помирить съ бѣглянкою ея родню и водворить ее въ ея семью. Но какъ это устроить? Случай и тутъ выручилъ Казанову.

Отецъ и братъ бѣглянки пустились за нею въ погоню, напали удачно на ея слѣдъ, разузнали даже, съ кѣмъ она бѣжала и явились въ Венецію. Они пожаловались на Стефани, требовали его наказанія и выдачи дѣвушки. Казанова узналъ объ этомъ отъ друга своего названнаго отца, сенатора Барбаро.

— Мнѣ представили,—разсказывалъ Барбаро за обѣдомъ у Брагадина,—одного знатнаго иностранца, который здѣсь хлопочетъ по одному очень щекотливому дѣлу. Одинъ изъ нашихъ молодцовъ похитилъ у него дочь и должно быть теперь прячется съ нею гдѣ-нибудь тутъ, въ Венеціи. Но штука въ томъ, что мать этого похитителя моя родственница. Не знаю, какъ бы отклонить отъ себя это дѣло.

Казанова тотчасъ понялъ, о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь; онъ выслушалъ Барбаро съ притворнымъ равнодушіемъ; затѣмъ тотчасъ побѣжалъ къ своей протеже и разсказалъ ей обо всемъ. Она начала умолять его, чтобы онъ уговорилъ Барбаро стать посредникомъ между нею и ея отцомъ. Казанова и самъ понималъ, что это наилучшій путь къ улаженію дѣла. Но надо было соблюсти всевозможную осторожность. Сказать Барбаро, что дѣвушка находится въ рукахъ Казановы, было бы не совсѣмъ ловко; это до поры до времени, напротивъ, надо было скрывать. На выручку явилась все та же знаменитая кабалистика. Барбаро, терзаемый нерѣшительностью, поручилъ Казановѣ спросить оракула, слѣдуетъ ли ему, Барбарс, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Оракулъ далъ отвѣтъ, который на этотъ разъ поразилъ трехъ сенаторовъ своею рѣзкою опредѣленностью: «Вы должны, — вѣщалъ оракулъ, — взяться за это дѣло, но единственно съ тою лишь цѣлью, чтобы примирить отца съ дочерью, совершенно оставивъ мысль принудить похитителя жениться на ней, такъ какъ Стефани осужденъ на смерть Божественною волею».

Нечего и говорить, въ какомъ изумленіи и восхищеніи остался Барбаро отъ этого отвѣта. Рѣшеніе оракула развязывало ему руки. Онъ могъ покончить дѣло, не причинивъ никакого ущерба и огорченія своей родственницѣ, матери Стефани.

Старики всѣ втроемъ тотчасъ принялись за дѣло. Они позвали отца бѣгляпки обѣдать, обласкали, очаровали его и мало-по-малу расположили родительское сердце къ прощенію и примиренію. Оставалось, однако, уладить послѣдній, самый щекотливый пунктъ приключенія, а именно, замаскировать участіе въ немъ Казановы. Но и тутъ все постепенно обошлось хорошо, при участіи кабалистики. Отецъ бѣглянки, продолжая свои розыски, напалъ таки на слѣдъ Казановы. Онъ узналъ, что дочь его прибыла въ Венецію въ феррарскомъ дилижансѣ; что при выходѣ изъ дилижанса, она тотчасъ встрѣтила какого-то человѣка, и что этого человѣка видѣлъ съ нею гондольеръ. Отецъ дѣвушки разыскалъ этого гондольера и тотъ сказалъ ему, что въ видѣнномъ имъ спутникѣ бѣглянки онъ призналъ Казанову. Брагадинъ поспѣшилъ на выручку своего названнаго чада. Онъ распространился въ похвалахъ его чести и лойяльности и сказалъ, что если дѣвушка попала въ руки его сына, то остается только поздравить съ этимъ ея отца и завѣрить его, что его дочь находится въ надежныхъ рукахъ. Казанова, узнавъ обо всемъ этомъ, счелъ за нужное немедленно предупредить Брагадина, разсказавъ ему правдиво все приключеніе. Онъ не преминулъ, разумѣется, упомянуть о томъ, что вышелъ навстрѣчу дѣвушкѣ, прибывшей изъ Феррары, повинуясь внушенію свыше: кабалистика должна же была и тутъ простереть свою спасительную руку! Вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ стало извѣстно, что соблазнитель Стефани принялъ рѣшеніе поступить въ монахи и уже постригся; такимъ образомъ

оправдывалось предсказаніе оракула о его смерти: онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ «умеръ для свѣта».

Такимъ образомъ Брагадинъ имѣлъ возможность представить отцу дѣвушки очень важные доводы о необходимости примиренія съ дочерью: во-первыхъ, ея соблазнитель исчезъ со сцены и нечего думать о принужденіи его къ браку; во-вторыхъ, соблазнъ и паденіе дѣвушки оправдывались даннымъ имъ письменнымъ обязательствомъ жениться на ней; въ третьихъ, наконецъ, дѣвушка оказывалась въ совершенно благонадежныхъ рукахъ пріемнаго сына почтеннѣйшаго венеціанскаго сенатора.

Къ общему удовольствію примиреніе, наконецъ, состоялось. Казанова былъ въ эти минуты настоящимъ героемъ, таинственнымъ покровителемъ угнетенной и преслѣдуемой судьбою женщины, ея спасителемъ, примирителемъ съ оскорбленными родными. Ему расточали восторженныя благодарности, слезы и объятія.

ГЛАВА VI.

Приключеніе на дачѣ.—Глупая продѣлка, которой подвергся Казанова, и его еще болѣе глупое мщеніе.—Комическая дуэль.—Арестъ Казановы, кутежъ и игра съ офицерами въ кордегардіи.—Встрѣча съ Фраголеттою.

Въ іюнѣ 1747 года Казанова познакомился въ Падуѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, по имени Фабрисъ, который впослѣдствіи состоялъ на австрійской службѣ, дослужился до чина генералъ-лейтенанта и графскаго титула и погибъ на войнѣ въ Трансильваніи. Этотъ Фабрисъ въ свою очередь свелъ его съ какою-то компаніею, проживавшею неподалеку отъ Венеціи, близъ Церо, на дачѣ. Компанія проводила время очень весело; главнымъ развлеченіемъ у всѣхъ было подстраивать другъ другу разныя штуки, причемъ жертва обязана была воздержаться отъ обиды и смѣяться надъ своимъ приключеніемъ взапуски со всею честною компаніею. Дошла очередь и до Казановы. Кто-то подстроилъ такъ, что, переходя по доскамъ черезъ ровъ, наполненный отвратительною вонючею тиною, Казанова внезапно провалился въ эту тину и едва не захлебнулся ею. Его не безъ труда вытащили изъ рва. Онъ весь кипѣлъ отъ бѣшенства, но сдѣлалъ видъ, что не обиженъ, хохоталъ надъ милою шуткою, жертвой которой его избрали. Правда, вся компанія нашла эту шутку совершенно выходящею за предѣлы дозволеннаго и терпимаго. Затаивъ злобу, Казанова, однако, рѣшилъ не оставлять шутника безъ наказанія. Путемъ разспросовъ и подкупа сосѣднихъ крестьянъ онъ узналъ, кто именно изъ компаніи подшутилъ надъ нимъ, кто перепилилъ доску, положенную черезъ ровъ. Изобрѣтателемъ этой затѣи оказался одинъ грекъ, котораго Казанова раньше чѣмъ-то раздосадовалъ. Нашъ герой не захотѣлъ ему уступить въ изобрѣтательности и придумалъ отвратительную штуку. Однажды на мѣстномъ кладбищѣ хоронили крестьянина. Казанова замѣтилъ свѣжую могилу, ночью тайкомъ пробрался на кладбище, разрылъ эту могилу, досталъ трупъ и отрѣзалъ у него руку. На слѣдующую ночь онъ пробрался въ комнату своего врага-грека, притаился подъ кроватью и дождался пока тотъ улегся. Тогда онъ вылѣзъ изъ подъ кровати,

сталъ въ ногахъ у своей жертвы и потянулъ съ нея одѣяло. Грекъ проснулся и, полагая, что съ нимъ кто-нибудь, по обыкновенію, шутитъ, думая напугать его привидѣніемъ, онъ сказалъ со смѣхомъ:

— Убирайтесь во-свояси, я не боюсь привидѣній!

И, сказавъ это, накрылся одѣяломъ и заснулъ. Казанова вновь потянулъ съ него одѣяло. Грекъ опять проснулся и рванулся вслѣдъ за своимъ одѣяломъ, разсчитывая, быть можетъ, схватить шутника за руки. И дѣйствительно онъ схватилъ руку... но эта рука осталась у него въ рукахъ: это была мертвая рука, добытая Казановою на кладбищѣ. Самъ Казанова немедленно улизнулъ и преспокойно улегся спать.

На другое утро его разбудилъ гвалтъ въ домѣ. Первый же человѣкъ, къ которому онъ обратился съ разспросами, объявилъ ему, что греку подсунули мертвую руку, что онъ до крайности перепугался, лежитъ въ бреду и, повидимому, умираетъ. Грекъ, положимъ, не умеръ, однако, на всю жизнь остался полоумнымъ. Что же касается Казановы, то онъ изумлялся единодушію, съ которымъ всѣ тотчасъ рѣшили, что это его продѣлка. Скверная сторона этой милой шутки далеко не ограничивалась тѣмъ, что грекъ былъ испуганъ чуть не на смерть, а главнымъ образомъ въ томъ, что дѣло осложнялось дерзкимъ кощунствомъ, оскорбленіемъ святости могилы. Началось слѣдствіе; могилу разрыли, константировали изуродованіе трупа, составили протоколъ и отправили его въ Венецію, указывая въ донесеніи на Казанову, какъ на виновника всѣхъ злодѣйствъ, хотя — замѣчательный фактъ — противъ него не было ни единаго свидѣтельскаго показанія, а было только у всѣхъ непоколебимое внутреннее убѣжденіе въ его виновности.

Казанова спѣшно вернулся въ Венецію. Донесеніе немедленно возымѣло законный ходъ. Какъ на грѣхъ, тутъ же былъ поданъ новый доносъ на нашего героя: какая-то мѣщанка обвиняла его въ томъ, что онъ избилъ ея дочь до полусмерти. Казанова даетъ въ своихъ запискахъ очень пристранное объясненіе этого инцидента съ венеціанскою дѣвицею, которое мы здѣсь не будемъ передавать; скажемъ только, что по его объясненію онъ самъ былъ ограбленъ этими дамами — матерью и дочерью. Въ этомъ смыслѣ онъ и подалъ отзывъ слѣдственной власти. Но когда одновременно начались его оба дѣла, Казанову не могла спасти даже могучая протекція Брагадина и его друзей сенаторовъ. Явился приказъ о его взятіи подъ стражу. Тогда, по совѣту Брагадина, Казанова удралъ изъ Венеціи: другого выхода не было.

Казанова направился въ Миланъ. Деньги у него были, дѣлъ никакихъ не было. Онъ былъ здоровъ, молодъ; только-что учиненныя безчинства нимало не тяготили его покладистой совѣсти. Въ Миланѣ онъ повстрѣчалъ одну старую знакомку. Эта интересная особа успѣла стать балериною и подвизалась въ Миланскомъ театрѣ. Казанова тамъ и встрѣтилъ ее. Онъ тотчасъ спросилъ ея адресъ и отправился къ ней прямо изъ театра. Красавица Марина встрѣтила его съ распростертыми объятіями. Она собиралась ужинать, и у ней былъ какой-то посѣтитель. Она представила ему Казанову, назвавъ ему своего гостя графомъ Чели. Но графъ оказался человѣкомъ самаго строптиваго свойства; онъ выбранилъ Марину и кинулся было на нее съ явнымъ намѣреніемъ сдѣлать рукопашное внушеніе насчетъ законности его правъ на -

исключительное обладаніе ея благосклонностью. Но между нимъ и нею сталъ Казанова съ обнаженною шпагою. Графъ смирился и назначилъ Казановѣ свиданіе на другой день, назначивъ часъ и мѣсто. Когда онъ вышелъ, Марина объяснила своему старому другу, что этотъ графъ Чели совсѣмъ не графъ, а какой-то проходимецъ, и притомъ трусъ, такъ что никакой дуэли, какъ понялъ Казанова, у него съ этимъ графомъ и быть не можетъ, что вызовъ онъ сдѣлалъ изъ хвастовства и что, навѣрное, не явится въ назначенное мѣсто. Казанова, впрочемъ, рѣшилъ всетаки идти по приглашенію. На другой день онъ передъ дуэлью зашелъ въ ресторанъ и тамъ свелъ знакомство съ какимъ-то молодымъ французомъ, который сразу завоевалъ его симпатіи. Въ эту же кофейню явился черезъ нѣсколько времени и графъ Чели съ ассистентомъ, здоровеннымъ малымъ самаго разбойничьяго вида. Казанова немедленно пригласилъ его на поле чести. Французикъ вышелъ вмѣстѣ съ ними; разъ у его противника былъ компаньонъ, притомъ вооруженный шпагою, значитъ и Казанова могъ пригласить съ собою компаньона. По прибытіи на мѣсто мнимый графъ Чели выразилъ неудовольствіе по поводу присутствія француза.

— Удалите своего компаньона, — сказалъ ему Казанова,— тогда и мой удалится. Да, наконецъ, вѣдь шансы у насъ равные! Мой компаньонъ вооруженъ, вашъ—тоже.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ французъ. — Устроимъ двойную партію!

— Я не дерусь съ плясунами!—гордо отвѣтилъ спутникъ графа Чели.

Онъ зналъ, что французъ, случайный пріятель Казановы,—балетный танцоръ.

Въ отвѣтъ на эту дерзость плясунъ вытянулъ своего обидчика шпагою по спинѣ. Казанова подвергнулъ такой же операціи мнимаго графа. Оба оказались преотмѣнными трусами. Наши друзья до-сыта нахлопали ихъ шпагами и обратили въ постыдное бѣгство. Тѣмъ и кончилась дуэль.

Казанова сильно подружился съ французомъ. Его имя было Балэ; онъ передѣлалъ его на итальянскій манеръ—Балетти. Казанова познакомилъ его съ Мариною; они сдружились, какъ люди одинаковой профессіи, и впослѣдствіи, кажется, вступили въ бракъ.

Изъ Милана Казанова отправился въ Мантую. Почему и зачѣмъ— объ этомъ его нечего спрашивать. Онъ просто порхалъ, какъ птица, во всѣ стороны. Ему, праздному и не стѣсненному въ средствахъ, только и оставалось, что шататься по свѣту.

Онъ загулялся по городу до ночи и возвращался къ себѣ въ гостинницу уже въ потемкахъ.

Вдругъ окликъ:—Кто идетъ?—и въ тоже время нашего героя хватаютъ.

— Гдѣ фонарь?

— Какой фонарь?

Казановѣ разъяснили, что въ Мантуѣ всѣ обыватели въ ночное время обязаны ходить съ зажженными фонарями. Тщетно онъ клялся, что не зналъ этого постановленія и не имѣлъ времени его узнать, потому что сегодня только прибылъ въ этотъ чужой для него

городъ. Его не хотѣли слушать и поволокли въ кордегардію. Тамъ его представили капитану, которому Казанова объяснилъ свое дѣло и просилъ отпустить его съ провожатымъ въ гостинницу.

— Ни за что не отпущу!—воскликнулъ этотъ милый и восторженный сынъ Марса.—Вы съ нами проведете эту ночь, въ веселой и доброй компаніи.

Пришлось сдаться на любезное, хотя и нѣсколько деспотическое приглашеніе. Начался веселый ужинъ, а потомъ сѣли за игру. Казанова не могъ пожаловаться на случай, сведшій его съ этою компаніею: онъ выигралъ съ офицеровъ двѣсти пятьдесятъ цехиновъ, да еще одинъ изъ нихъ задолжалъ ему сотню цехиновъ. Этотъ офицеръ обязался уплатить свой долгъ черезъ недѣлю, но вмѣсто того на другой день еще занялъ у Казановы шесть цехиновъ, а затѣмъ помѣшался до истеченія срока уплаты и былъ отправленъ въ убѣжище для умалишенныхъ.

Пока Казанова жилъ въ Мантуѣ, онъ все время водилъ дружбу съ капитаномъ, задержавшимъ его на ночь въ кордегардіи. Онъ отзывается о тогдашнихъ молодыхъ офицерахъ, какъ о повѣсахъ самаго дурного тона. Положеніе ихъ въ обществѣ было исключительно-привилегированное: имъ все сходило съ рукъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, мчался во весь опоръ верхомъ по городу, сшибъ съ ногъ и задавилъ какую-то старуху и отдѣлался объясненіемъ, что наскочилъ на нее «нечаянно». Этимъ кончались и судъ, и расправа.

Балетти, также перебравшійся въ Мантую, часто говорилъ Казановѣ объ одной старой актрисѣ, жившей въ то время въ Мантуѣ. Интересъ для Казановы состоялъ въ томъ, что эта актриса знавала его покойнаго отца. Ему, разумѣется, было любопытно видѣть старушку; и вотъ однажды капитанъ привелъ его къ ней. Казанова думалъ увидѣть передъ собою обыкновенную пожилую женщину; вмѣсто того передъ нимъ предстало самое удручающее и отталкивающее существо: онъ увидѣлъ старуху сѣдую, морщинистую, исхудалую, но набѣленную, нарумяненную, съ подведенными бровями, съ открытою тощею, страшною грудью, съ вставными зубами, въ парикѣ. Когда она подала Казановѣ руку, онъ убѣдился, что онѣ ходятъ у нея ходуномъ, дрожатъ. Она была разодѣта въ пухъ и прахъ, отъ нея несло духами. Это была самая ужасная картина старческаго разрушенія въ уродливомъ и нестерпимомъ сочетаніи съ самымъ легкомысленнымъ кокетствомъ.

Видя потрясающее впечатлѣніе, которое эта развалина производила на Казанову, Балетти, чтобы отвлечь вниманіе старушки, сказалъ ей какой-то комплиментъ насчетъ букета изъ земляники, украшавшаго ея сухую грудь.

— Это мой девизъ, — проворковала старая франтиха, — я была и всегда останусь Фраголеттою *).

Фраголетта! Казанова тотчасъ вспомнилъ все. Передъ нимъ была та самая красавица Фраголетта, которая когда-то плѣнила его отца, заставила его бросить свою семью и пойти въ актеры.

Вспомнивъ старину, видя передъ собою сына своего прежняго воз-

---

*) Fragolétta, уменьшительное отъ fràgola, по-итальянски значитъ земляника.

любленнаго, старушка расчувствовалась и изъявила намѣреніе заключить Казанову въ объятія.

— Я боялся, какъ бы она отъ порывистаго движенія не свалилась съ ногъ, и, дѣлать нечего, поспѣшилъ самъ въ ея объятія.

Старая комедіантка нашла даже у себя пару слезинокъ, чтобы ознаменовать чувствительность своего сердца. Она просила Казанову навѣщать ее, но онъ немедленно послѣ того порѣшилъ уѣхать изъ Мантуи въ Неаполь. Ему захотѣлось повидаться съ тамошними друзьями, тѣми дорогими для него людьми, которые пріютили его, когда онъ, еще будучи чуть не мальчикомъ, брелъ пѣшкомъ въ Римъ. Но вихрь приключеній подхватилъ его въ эту минуту и увлекъ совсѣмъ въ другую сторону. Въ Неаполь онъ на этотъ разъ такъ и не попалъ.

ГЛАВА VII.

Музей Антоніо Капитани.—Ножъ апостола Петра.—Розыски клада въ Чезенѣ.—Неудача волшебства изъ-за грозы.—Авантюристка-француженка.—Возвращеніе въ Венецію, припадокъ благонравія.—Удачная игра въ карты.—Казанова богатѣетъ и рѣшается отправиться во Францію.

Однажды въ театрѣ къ Казановѣ подошелъ какой-то молодой человѣкъ и попенялъ ему за то, что, проживая уже второй мѣсяцъ въ Мантуѣ, онъ до сихъ поръ не посѣтилъ мѣстной выдающейся достопримѣчательности—музея Капитани. Молодой человѣкъ былъ сынъ этого Капитани. Казанова вѣжливо извинился, отозвался невѣдѣніемъ и изъявилъ желаніе осмотрѣть музей тотчасъ, какъ только ему будетъ позволено.

На другой день сынъ владѣльца музея зашелъ за нимъ и привелъ его въ это интересное собраніе рѣдкостей. Музей въ самомъ дѣлѣ представлялъ своего рода диковинку: это была невообразимая смѣсь всяческаго хлама, наивно принятаго собирателемъ за рѣдкости. Тутъ были книги и портреты, фоліанты и пергаменты, оружіе и монеты, точная модель Ноева ковчега, медальоны Сезостриса и Семирамиды и даже мощи святыхъ! Предъявивъ посѣтителю всѣ замѣчательнѣйшіе предметы своей коллекціи, счастливый ея обладатель принялъ особо торжественный видъ—видъ человѣка, собирающагося сшибить съ ногъ отъ изумленія. Онъ взялъ какой-то ржавый старый ножикъ и подалъ его Казановѣ. Это былъ, по словамъ маніака-собирателя, тотъ самый мечъ, которымъ апостолъ Петръ отсѣкъ ухо рабу первосвященника, Малху.

— Какъ,—воскликнулъ Казанова, подавляя душившій его хохотъ,—вы обладаете этимъ мечемъ и до сихъ поръ еще не милліонеръ!

— Какимъ образомъ я могъ бы стать милліонеромъ?—всполохнулся чудакъ-коллекторъ.

— Двумя путями: во-первыхъ, вы могли завладѣть всѣми сокровищами, зарытыми въ нѣдрахъ церковной земли.

— Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь св. Петръ владѣетъ ключами церкви!

— Во-вторыхъ, перепродавъ мечъ св. Петра самому папѣ, разумѣется, если у васъ есть доказательства его подлинности.

— Конечно, есть! Развѣ безъ этого я купилъ бы мечъ!

— Отлично! А папа, я увѣренъ, охотно сдѣлаетъ вашего сына кар-

диналомъ. Но замѣтьте, что мечъ долженъ быть проданъ вмѣстѣ съ ножнами.

— У меня ихъ нѣтъ. Какъ быть? Въ крайнемъ случаѣ можно заказать ножны!

— Э, это будетъ совсѣмъ не то. Надо подлинныя ножны. Вспомните слова Писанія: «Вложи мечъ твой въ ножны». Значитъ эти ножны были и должны быть при мечѣ. Мечъ безъ нихъ никуда не годенъ, какъ и онѣ безъ него.

— А сколько же онѣ могли бы стоить?

— Тысячу цехиновъ.

— А сколько мнѣ дадутъ за мечъ?

— Тысячу цехиновъ. Оба предмета имѣютъ одну цѣну.

— Ну, сынокъ, думалъ ли ты, что за этотъ ножъ можно выручить тысячу цехиновъ?—воскликнулъ ошеломленный собиратель.

Онъ открылъ какой-то ящикъ и вынулъ изъ него бумагу. На ней было сдѣлано изображеніе ножа и что-то написано по-еврейски. Казанова сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ эту бумажку съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. У него уже назрѣвалъ планъ потѣхи надъ бѣднымъ маніакомъ. Онъ объявилъ ему, что владѣетъ ножнами этого меча, и увѣрилъ его, что оба предмета, дабы проявить всю свою мощь, должны быть во владѣніи одного лица.

— Если бы папа владѣлъ этимъ ножомъ вмѣстѣ съ ножнами,—ораторствовалъ Казанова,—то онъ могъ бы посредствомъ нѣкоторой магической операціи, секретъ которой мнѣ извѣстенъ, отрѣзать ухо какому угодно королю.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ этимъ мечомъ было кому-то отрѣзано ухо!

— Не кому-то, а королю.

— Какъ королю? Помнится, рабу!

— Королю! Въ текстѣ стоитъ: «Малху», а Малхъ по-еврейски значитъ король, царь.

Полупомѣшанный Капитани былъ совершенно сбитъ съ толку, потрясенъ. Онъ, очевидно, чувствовалъ потребность собраться съ мыслями и, ничего не умѣя рѣшить въ ту минуту, просилъ Казанову придти на другой день обѣдать.

Когда Казанова посѣтилъ его въ назначенное время, Капитани сообщилъ гостю, что ему извѣстенъ одинъ кладъ, зарытый въ предѣлахъ Папской области, и что онъ порѣшилъ пріобрѣсти ножны, чтобы добыть этотъ кладъ. Сокровище громадное, въ нѣсколько милліоновъ. Зарыто оно въ землѣ, принадлежащей одному богатому крестьянину. Но какъ и всякое таинственное сокровище, этотъ кладъ заколдованъ и, чтобы открыть и отрыть его, нуженъ опытный кудесникъ. Что же касается до того крестьянина, то онъ готовъ принять на себя всѣ издержки по операціи кладоизвлеченія, и писалъ объ этомъ Капитани. Письмо крестьянина было тутъ же предъявлено Казановѣ; ему, правда, показали не все письмо, а лишь прочли отрывки, свидѣтельствовавшіе о размѣрахъ лакомаго куска. Однако, нашъ герой успѣлъ примѣтить, бросивъ косвенный взглядъ на письмо, что владѣніе крестьянина находится близъ Чезены, мѣстечка, лежащаго на знаменитомъ Рубиконѣ, теперь называющемся Фьюмезино или Пизателло.

Казанова тотчасъ предложилъ свои услуги въ качествѣ кудесника, основательно постигнувшаго всѣ секреты кладоискательства, но потребовалъ въ задатокъ 500 цехиновъ. Капитани сказалъ, что у него денегъ нѣтъ.

— Такъ продайте мнѣ мечъ Малха,—предложилъ Казанова.

Но Капитани и отъ этого отказался, а предложилъ Казановѣ вексель, въ счетъ будущихъ благъ. Тогда Казанова пригрозилъ ему.

— Вы напрасно не соглашаетесь со мной. Теперь, когда я видѣлъ мечъ и знаю, что онъ у васъ, мнѣ ничего не стоитъ отнять его. Я могу имъ овладѣть, не истративъ ни копѣйки.

И въ доказательство своей кудеснической мощи онъ попросилъ листъ бумаги, перо и началъ выводить свои магическія шифрованныя пирамиды, которыми уже покорилъ души и сердца своихъ сенаторовъ-покровителей. Волхвованіе прежде всего открыло, что кладъ, о которомъ ему сказали, зарытъ на берегу Рубикона. Капитани только ахнулъ, когда услыхалъ это названіе. Въ самомъ дѣлѣ, Чезена лежитъ на Фьюмезино, то есть на Рубиконѣ, значитъ Казанова сразу открылъ ихъ главный секретъ, значитъ онъ въ самомъ дѣлѣ кудесникъ и съ нимъ много разговаривать не приходится.

Казанова ушелъ отъ ошеломленнаго собирателя рѣдкостей, покинувъ его въ жертву милліона терзаній. Игра начала ему нравиться. Зачѣмъ онъ началъ всю эту исторію—это трудно было бы въ точности опредѣлить. Побуждала его къ тому праздность и вообще свойственный итальянцамъ духъ интригъ и проказъ; несомнѣнно, разсчитывалъ онъ тоже и поживиться вокругъ простофиль, которыхъ судьба посылала ему въ руки; надо думать также, что немалую роль тутъ играло и собственное суевѣріе Казановы; онъ, какъ и Капитани, могъ вѣрить въ кладъ и надѣяться обрѣсти его.

Уйдя отъ Капитани, онъ прежде всего сочинилъ цѣлую исторію этого клада и изложилъ ее письменно, увѣривъ, конечно, собирателя рѣдкостей, что эта исторія имъ открыта путемъ волхвованія. Тогда восхищенный капитанъ заявилъ, что онъ готовъ на все, лишь бы ему были предъявлены ножны его меча. За этимъ, конечно, дѣло не стало. Казанова сдѣлалъ ножны изъ стараго сапога и онѣ какъ разъ подошли къ ножу Капитани. Тогда онъ рѣшился на предложенную Казановою сдѣлку: далъ ему вексель на 1000 цехиновъ и обѣщалъ выдать мечъ Малха, но не иначе, какъ передъ самымъ заклинаніемъ, которое должно было отдать въ ихъ руки таинственный кладъ.

Наконецъ, собрались въ путь и явились въ Чезену. Здѣсь отыскали того самаго крестьянина Георгія Франція, на землѣ котораго былъ зарытъ кладъ, и тотчасъ съ нимъ поладили: согласились, что если кладъ будетъ найденъ, то Франція получитъ четвертую часть всѣхъ сокровищъ, а остальное подѣлятъ поровну владѣльцы меча и ноженъ.

Казанова осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ, по преданію, передаваемому изъ рода въ родъ, былъ зарытъ кладъ. Онъ покоился подъ почвою подвала въ домѣ Франція. Казанова могъ лично удостовѣриться въ довольно странномъ явленіи, которое, очевидно, и поддерживало вѣру въ кладъ. Дѣло въ томъ, что изъ глубины, изъ нѣдръ земли подъ домомъ непрерывно слышались глухіе удары, повторявшіеся въ правильные промежутки времени, словно кто опускалъ громадный пестъ въ мѣдную ступку.

Казанова подумалъ было, что тутъ кроется какая-нибудь штука, чья-нибудь продѣлка. Онъ вооружился пистолетами и сходилъ въ таинственный подвалъ; въ этомъ подвалѣ было еще другое чудо: его дверь иногда сама собою тихо отворялась, а потомъ съ грохотомъ захлопывалась. Казанова осмотрѣлъ эту дверь, не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго, но отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій отказался, чтобы не открыть невзначай естественной причины всѣхъ этихъ таинственностей; тогда бы у его компаньоновъ, пожалуй, пошатнулась вѣра въ кладъ. Вечеромъ къ другимъ страстямъ присоединилась еще новая: во дворѣ появлялись и исчезали какія-то тѣни, а на равнинѣ передъ домомъ вспыхивали и ходили пирамидальные огни. Казанова говоритъ, что эти блуждающіе огни—обычное явленіе во многихъ мѣстностяхъ Италіи и что народъ издревле привыкъ видѣть въ нихъ нечистую силу. Порѣшили, конечно, на томъ, что всѣ эти стуки, тѣни, огни и хлопающія двери не что иное, какъ шалости темныхъ силъ, стерегущихъ кладъ.

Казанова продѣлалъ цѣлый рядъ шутовскихъ церемоній. Онъ сшилъ себѣ особое платье и колпакъ, учредилъ въ семьѣ Франція постъ, особыя очистительныя ванны. Наконецъ назначилъ день заклинанія, послѣ котораго сокрытое въ землѣ богатство должно было само собою подняться на поверхность земли. Заклинаніе происходило ночью, на дворѣ. Казанова, въ полномъ парадѣ, въ своей мантіи, въ колпакѣ, съ мечемъ Малха въ рукахъ, сталъ посреди начертаннаго имъ магическаго круга и началъ заклинанія. Вся публика, жаждавшая клада, взирала на него съ ужасомъ и трепетомъ. Но пустой случай разрушилъ всѣ чары и волшебства. Какъ разъ во время заклинанія появилась туча, надвинулась и разрослась съ неимовѣрною быстротою, и началась ужаснѣйшая гроза. Казанова совершенно откровенно сознается, что онъ струсилъ до умопомраченія. Онъ, кажется, всегда боялся грозы, какъ иные боятся пауковъ или черныхъ таракановъ. Онъ до того ослабъ разсудкомъ въ ту минуту, что вдругъ самъ проникся вѣрою въ свое шутовское волхвованіе; ему стало казаться, что едва лишь онъ выступитъ за свой магическій кругъ, какъ молнія немедленно поразитъ его; поэтому, не взирая на проливень, онъ торчалъ какъ истуканъ въ своемъ кругу, дрожа, какъ листъ, отъ паническаго ужаса. Онъ убѣдилъ себя въ томъ, что совершилъ кощунственное злодѣйство, прибѣгнувъ къ богопротивному волшебству, и что само небо грозно караетъ его. Когда, наконецъ, гроза прошла, и Казанова, едва передвигая ноги, добрался до своей постели, на немъ лица не было, такъ что хозяева испугались за него. Вдобавокъ, ему пришло въ голову, что если кто-нибудь изъ сосѣдей пронюхаетъ о совершавшемся волхвованіи, да вздумаетъ дать о немъ знать инквизиціи, то ему не сдобровать. Все это побудило его немедленно бросить всю затѣю и убраться по добру по здорову. Однако, надо было обезпечить себѣ болѣе или менѣе почетное отступленіе. Казанова собралъ вокругъ себя всю семью Франція и торжественно изъяснилъ имъ, что семь подземныхъ духовъ, стерегущихъ сокровище, повѣдали ему во время заклинанія свою волю. Они не хотятъ выдать кладъ немедленно, надо ждать. Кладъ же, какъ сообщили духи, состоитъ изъ такихъ-то и такихъ-то драгоцѣнностей и, между прочимъ, ста фунтовъ золотого песку. Въ заключеніе Казанова заставилъ Франція дать клятву, что онъ будетъ ждать и не обратится ни къ какому другому волшебнику. Ножны отъ

чудодѣйственнаго меча онъ продалъ Капитани за тысячу скуди; отдать даромъ было неловко, это значило бы подорвать въ Капитани вѣру и въ ножны, и въ собственное волшебство.

Послѣ того Казанова кружилъ нѣкоторое время по городамъ Папской и Венеціанской областей. Онъ передаетъ въ своихъ запискахъ свои дорожныя приключенія—ссоры, дуэли, безконечная картежная игра. Въ это время судьба столкнула его съ весьма интересной авантюристкой-француженкой, къ которой Казанова чрезвычайно серьезно привязался. Эта дѣвица, а можетъ быть и дама, принадлежала, судя по всему, что о ней удалось узнать Казановѣ, къ знатному роду. Почему она оставила Францію, ради чего скиталась по Италіи, безъ гроша въ карманѣ, сходясь чуть не съ первымъ попавшимся кавалеромъ, все это осталось вѣчною и непроницаемою тайною для Казановы. И съ нимъ она сошлась и разсталась съ непостижимою легкостью. Въ одинъ прекрасный день она получила какое-то письмо, какія-то тревожныя вѣсти и тотчасъ объявила Казановѣ, что должна съ нимъ разстаться навсегда. Почему, изъ-за чего и куда она намѣрена отправиться—ничего этого она не хотѣла или не могла сообщить. Она распростилась со своимъ возлюбленнымъ и какъ сквозь землю провалилась. Казанова потомъ уже, черезъ пятнадцать лѣтъ, однажды совершенно случайно мелькомъ видѣлъ ее. Это былъ какой-то метеоръ въ образѣ плѣнительной женщины. Казановѣ дорого досталась разлука съ этою женщиною. Онъ страшно затосковалъ, дошелъ до полнаго отчаянія, до мысли о самоубійствѣ. Но трудный моментъ жизни, какъ и много другихъ, посланныхъ судьбою нашему герою, миновалъ благополучно...

Тѣмъ временемъ его дѣла въ Венеціи поправились; оттуда ему дали знать, что всѣ его дебоши, за которыя онъ чуть-чуть не былъ притянутъ на расправу инквизиціи (дѣло съ мертвой рукой, о которомъ мы разсказали выше), забылись постепенно и насталъ, наконецъ, желанный моментъ, когда нашъ рыцарь могъ вернуться на родину безъ особаго риска. Онъ тотчасъ воспользовался этимъ и воротился въ родной городъ.

Его покровителей, старичковъ-сенаторовъ, поразила рѣзкая перемѣна, обнаружившаяся въ его нравѣ,—такъ подѣйствовала на него исторія съ французскою авантюристкою. Онъ получилъ отвращеніе къ своей прежней праздной и разгульной жизни и, какъ водится, впалъ въ противоположную крайность: сталъ ежедневно ходить въ церковь, не пропуская ни одной службы, а остальное время либо бесѣдовалъ со своими старичками, либо читалъ. Брагадинъ не могъ на него нарадоваться. Но это былъ лишь простой пароксизмъ благонравія. Онъ скоро прекратился. У Казановы появились новыя знакомства; его опять потянуло къ развлеченіямъ и къ игрѣ. Вдобавокъ, фортуна сразу заблаговолила къ нему: золото лилось въ его карманы ручьями. Весной 1750 года онъ неожиданно выигралъ въ лотерею три тысячи дукатовъ. Этотъ приливъ богатства вновь пробудилъ въ немъ одно, уже давно бродившее желаніе—побывать во Франціи, въ Парижѣ; его туда тянуло. Кстати, подобралась интересная компанія, и въ іюлѣ 1750 года Казанова двинулся въ путь.

ГЛАВА VIII.

Казанова посвящается въ франкъ-масоны.— Прибытіе въ Парижъ.— Встрѣча и дружба Казановы съ Кребильономъ.—Посѣщеніе Фонтенебло.—Король Людовикъ XV.—Обѣдъ королевы.—Характеристика французовъ.—Казанова знакомится съ герцогинею Шартрскою и очаровываетъ ее своею кабалистикою.—Отъѣздъ въ Дрезденъ, а оттуда въ Вѣну.

По дорогѣ въ Парижъ, именно въ Ліонъ, случай свелъ Казанову съ какимъ-то «важнымъ» лицомъ, имени котораго онъ не называетъ. Эта важная особа оказала Казановѣ свое покровительство и помогла ему поступить въ франкъ-масоны. Нашъ герой сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія о тогдашнемъ франкъ-масонствѣ, но самыя поверхностныя. Онъ распространяется, между прочимъ, о великомъ таинствѣ этого ордена, къ познанію котораго стремятся всѣ франкъ-масоны. Въ чемъ именно состоитъ этотъ секретъ, эта завѣтная тайна—объ этомъ ровно никому неизвѣстно; всѣ только знаютъ, что у масоновъ есть какая-то тайна и быть въ нее посвященнымъ—это значитъ добиться такой высокой почести, о какой только можетъ мечтать масонъ. Утверждаютъ, что эта тайна состоитъ въ какомъ-то словѣ, знакѣ или тѣлодвиженіи. Казанова, неизвѣстно почему, утверждаетъ, что это вздоръ, что кто позналъ эту тайну, тотъ уже навѣрное ея никому не скажетъ, и потому никто не можетъ знать, въ чемъ она состоитъ. Точно также никакіе секреты масонскихъ засѣданій не могутъ быть извѣстны непосвященной публикѣ, потому что если и находились люди, которые измѣняли ордену и разбалтывали, чему они были свидѣтелями на собраніяхъ, то все это оказывалось пустяками: главное и существенное всегда становится извѣстнымъ только такимъ личностямъ, въ вѣрности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія.

Изъ Ліона въ Парижъ въ то время ѣхали въ дилижансахъ дней пять подъ-рядъ. Дорогою Казанова долго бесѣдовалъ съ какимъ-то почтеннымъ старичкомъ, который, замѣтивъ, что онъ иностранецъ, все поучалъ его, какъ онъ долженъ держать себя съ французами. Казанова, напримѣръ, то-и-дѣло говорилъ «non» (нѣтъ). Собесѣдникъ рекомендовалъ ему отвыкнуть отъ этого слова и, гдѣ только возможно, замѣнять его словомъ «pardon». Казанова такъ проникся этими наставленіями, что едва не нарвался на дуэль изъ-за своего усердія къ слову «pardon». Однажды въ Парижѣ, въ театрѣ, какой-то молодой франтъ наступилъ ему на ногу. «Pardon, monsieur!» немедленно извинился Казанова. «Я долженъ извиниться передъ вами, а не вы передо мной», слюбезничалъ франтъ. «Нѣтъ, я», настаивалъ Казанова. «Нѣтъ, я!» настаивалъ франтъ. «Ну, коли такъ, простимъ другъ друга и обнимемся!» заключилъ нашъ герой.

Въ Парижѣ онъ прежде всего познакомился съ знаменитою тогдашнею актрисою Сильвіею. Ее знала вся Франція и только благодаря ея неподражаемой игрѣ держались на сценѣ и сохранили свою извѣстность комедіи Мариво. Ей въ то время было уже 50 лѣтъ, но она прекрасно сохранила свою наружность и свой талантъ. Замѣчательно, что Сильвія въ такомъ преклонномъ возрастѣ заболѣла чахоткою и хворала ею десять лѣтъ; отъ этой болѣзни она и скончалась.

У Сильвіи Казанова встрѣтилъ знаменитаго драматурга Кребильона. Онъ очень любилъ этого писателя и перевелъ его трагедію «Зиновія и Радамастъ» на итальянскій языкъ. Кребильону очень понравился переводъ. Слушая болтовню Казановы, онъ похвалилъ его успѣхи во французскомъ языкѣ, но посовѣтовалъ, подъ угрозою насмѣшекъ со стороны безжалостныхъ парижанъ, хорошенько заняться, чтобы избавиться отъ постоянныхъ итальянизмовъ въ рѣчи; онъ даже самъ взялся учить Казанову, и тотъ неоднократно посѣщалъ маститаго писателя. Кребильону было тогда 80 лѣтъ. Онъ былъ громаднаго роста и отлично сохранился, обладалъ добрымъ желудкомъ, былъ веселъ, острилъ, шутилъ; у него была львиная голова. Онъ жилъ одинъ, съ экономкою и поваромъ. Эта экономка совершенно сжилась съ нимъ и до того вошла въ его интересы, что говорила за него: «Мы еще не успѣли прочесть эту рукопись».

Кребильонъ много разсказывалъ Казановѣ о Людовикѣ XIV. Король, по его словамъ, не далъ ему докончить его трагедію «Кромвель», сказавъ ему, что «не стоитъ тупить перо изъ-за такого негодяя», какъ герой его трагедіи. Онъ хвалилъ Вольтера, но обвинялъ его въ кражѣ у него, Кребильона, разныхъ мѣстъ изъ его трагедій. Между прочимъ, Кребильонъ увѣрялъ Казанову, что знаменитая Желѣзная Маска—чистая выдумка, что никакого узника въ такой маскѣ никогда не существовало и что онъ слышалъ объ этомъ изъ устъ самого Людовика XIV.

Казанова зналъ венеціанскаго посла въ Парижѣ, Морозини. Черезъ этого сановника ему удалось познакомиться со многими лицами изъ высшей французской аристократіи. Онъ побывалъ также въ Фонтенебло, гдѣ видѣлъ короля Людовика XV. По словамъ Казановы, онъ обладалъ чрезвычайно красивою головою и умѣлъ держать ее съ истинно царственнымъ величіемъ. Нашъ герой присутствовалъ при обѣдѣ королевы. Столъ былъ накрытъ на двѣнадцать персонъ. Королева, женщина старческой наружности, съ набожнымъ выраженіемъ физіономіи, молча сѣла на свое мѣсто и принялась кушать, не поднимая глазъ отъ тарелки Какое-то блюдо ей видимо понравилось; она обвела взглядомъ своихъ застольниковъ и окликнула одного изъ нихъ: «Г. Лёвендаль!». Лёвендаль тотчасъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ ней съ поклономъ.

— Это, мнѣ кажется, фрикассэ изъ цыплятъ, не правда ли?—вопросила королева.

— Я тоже того мнѣнія, государыня!

Королева вновь молча принялась кушать, а Лёвендаль отошелъ къ своему куверту, не оборачиваясь. Окончивъ обѣдъ, королева также молча ушла въ свои аппартаменты.

Казанова всегда отличался какою-то особенною слабостью ко всему французскому. Онъ любилъ французскій языкъ и даже свои мемуары написалъ по-французски, хотя языкъ этихъ мемуаровъ былъ такого качества, что первый издатель ихъ, Брокгаузъ, долженъ былъ поручить исправленіе стиля мемуаровъ одному французу.

Французы, пишетъ онъ, несомнѣнно самый умный народъ въ Европѣ, а можетъ быть и на всемъ свѣтѣ. Это, однако, отнюдь не препятствуетъ тому, что Парижъ служитъ центромъ притяженія для всякаго рода вралей и шарлатановъ. Парижъ кишитъ ими и нигдѣ имъ такъ не обезпечена хорошая пожива, какъ здѣсь. Когда какая-нибудь продѣлка,

которою долго и успѣшно надували публику, открывается и разоблачается, всѣ принимаются хохотать надъ нею. Такъ, впрочемъ, и должно быть. Коли люди сами остроумны, то должны же цѣнить остроуміе во всѣхъ его проявленіяхъ. Француза надо только удивить, надо заставить его воскликнуть: «C'est impossible!» и тогда онъ немедленно побѣжитъ поглазѣть на это невозможное.

Выдумываетъ, напримѣръ, нѣкій живописецъ такого рода новость: онъ берется нарисовать портретъ заочно, не видавъ оригинала, съ котораго пишетъ. При этомъ онъ требуетъ только, чтобы ему было сообщено точнѣйшее описаніе оригинала. Портретъ готовъ и, само собою разумѣется, оказывается либо похожъ, либо непохожъ. Если похожъ — честь и слава, и безмѣрное изумленіе передъ геніемъ артиста. Если непохожъ— чѣмъ же онъ виноватъ? Онъ написалъ такъ, какъ ему было сказано; пусть тотъ, кто дѣлалъ заказъ, доказываетъ, что на портретѣ есть хоть малѣйшее отступленіе отъ заказа! Ничто такъ не занимаетъ француза, какъ подобные фокусы остроумія и хитромыслія. Разсказанная продѣлка съ портретами, писанными заочно, какъ разъ произошла во время пребыванія Казановы въ Парижѣ. Художникъ Сансонъ написалъ сотни такихъ портретовъ и составилъ себѣ чуть не цѣлое состояніе.

Вникнувъ въ духъ народа, среди котораго онъ очутился, нашъ герой вспомнилъ о своей кабалѣ, которая сослужила въ его жизни такую вѣрную службу, и при случаѣ пустилъ ее въ ходъ. Два-три удачно составленныхъ, т. е. достаточно двусмысленныхъ, отвѣта тотчасъ произвели желанный эффектъ. Новый кабалистъ сталъ извѣстенъ. Однажды знакомая дама передала ему два вопроса, писанные неизвѣстно кѣмъ, и просила дать на нихъ отвѣты. Казанова любезно исполнилъ ея просьбу. Черезъ два дня та же дама попросила его съѣздить съ нею куда-то, но куда именно, этого она не объяснила. Заинтригованный Казанова тотчасъ согласился. Дама привезла его въ Пале-Рояль и представила герцогинѣ Шартрской. Казанова былъ чрезвычайно смущенъ, узнавъ, что вопросы исходили отъ такой высокой особы. Но герцогиня ободрила его. Поблагодаривъ за данные отвѣты, она посѣтовала на ихъ туманность и просила Казанову дать ей разъясненія. Онъ отвѣчалъ, что умѣетъ только составлять отвѣты посредствомъ кабалистическихъ выкладокъ, но разъяснять полученные отвѣты онъ не въ силахъ. Онъ могъ только предложить герцогинѣ сдѣлать новые вопросы и изъявлялъ готовность тотчасъ составить на нихъ отвѣты. Герцогиня написала семь или восемь вопросовъ и передала ихъ Казановѣ, прося его соблюсти секретъ. Вопросы, по словамъ нашего волхва, были такого свойства, что онъ побоялся даже положить записку въ карманъ, чтобы нечаянно не выронить ея и не навлечь тѣмъ бѣды на свою голову. Онъ попросилъ дать ему часа три времени и оставить его одного. Отвѣты онъ составилъ тутъ же на мѣстѣ и передалъ ихъ герцогинѣ. Казанова не передаетъ подробностей вопросовъ, а только упоминаетъ, что они касались «сердечныхъ» дѣлъ; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, относится до угрей, которые удручали герцогиню и отъ которыхъ она очень желала избавиться. На другой день новое приглашеніе въ Пале-Рояль. Его вчерашніе отвѣты, особенно на секретнѣйшіе пункты, оказались вполнѣ удачными. Герцогиня была восхищена и засыпала нашего кабалиста новыми вопросами. Онъ, кстати, самъ страдалъ угрями и могъ посовѣтовать ей лекарство

которое черезъ недѣлю оказало благопріятное дѣйствіе. Чрезвычайно заинтересованная кабалою, герцогиня попросила Казанову выучить ее волшебному искусству составленія отвѣтовъ и восхищалась собственными успѣхами. Скоро Казанова получилъ въ награду портретъ герцогини и сотню луидоровъ. Ворожба долго еще продолжалась, герцогиня страшно втягивалась въ нее, и Казанова начиналъ опасаться, какъ бы ему не попасться; игра, во всякомъ случаѣ была рискованная, особенно при пылкомъ легковѣріи высокопоставленной поклонницы кабалистики. Однажды, напримѣръ, она пожелала знать, можно ли вылечить ракъ на груди у доброй пріятельницы маршала Ришелье, г-жи Попелиньеръ. Казановѣ почему-то пришло въ голову отвѣтить, что у этой дамы вовсе нѣтъ рака. Герцогиня была поражена этимъ отвѣтомъ, и хотя знала какъ нельзя лучше, что ракъ не подлежитъ сомнѣнію, но повѣрила оракулу вполнѣ и слѣпо. Черезъ нѣсколько дней она не задумываясь предложила маршалу Ришелье крайне неблагоразумное пари на 100 тысячъ франковъ, что у г-жи Попелиньеръ нѣтъ рака. Казанова затрясся по всѣмъ суставамъ, когда узналъ объ этомъ пари; къ счастью, оно не состоялось, герцогъ его не принялъ. Казанова успокоился; но черезъ нѣсколько дней герцогиня съ торжествомъ объявила ему, что она имѣла новое объясненіе съ Ришелье, и тотъ признался, что рака въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, и г-жа Попелиньеръ просто-на-просто выдумала этотъ ракъ, имѣя въ виду разжалобить этимъ своего мужа, чтобы вновь съ нимъ помириться. Ришелье тщетно ломалъ себѣ голову, стараясь угадать, откуда герцогиня могла узнать этотъ секретъ. Герцогиня предлагала Казановѣ указать на него Ришелье, какъ на отгадчика тайны, увѣряя, что Ришелье обѣщалъ тысячу луидоровъ хитроумному отгадчику. Но Казанова съ ужасомъ отказался отъ этого вознагражденія: онъ зналъ Ришелье и опасался его.

Герцогиня Шартрская, дочь принца Конти, имѣла въ то время 26 лѣтъ; эта была веселая, красивая, очень остроумная молодая дама. Она недурно владѣла стихомъ. Ей всегда были извѣстны всѣ придворныя новости, всѣ слухи и приключенія. Она часто писала цѣлыя поэмы на тему этихъ приключеній и читала ихъ въ интимномъ кругу. Король очень ее любилъ, хотя ему нерѣдко доставалось въ веселыхъ и острыхъ произведеніяхъ ея музы.

Въ это время прибылъ въ Парижъ младшій братъ Казановы, извѣстный впослѣдствіи живописецъ. Онъ написалъ какую-то картину и выставилъ ее; публика приходила, смотрѣла и издѣвалась надъ картиною, она была плоха. Бѣдный художникъ былъ въ отчаяніи. Онъ рѣшилъ покинуть Парижъ, гдѣ сначала надѣялся упрочить свою славу. Братья посовѣтовались и сообща надумали отправиться въ Дрезденъ.

Пребываніе въ Дрезденѣ не ознаменовалось никакими крупными событіями въ жизни Казановы. Но онъ сообщаетъ не лишенныя интереса замѣчанія о тогдашнемъ королѣ Саксоніи, Августѣ III. Это былъ человѣкъ до-нельзя расточительный. Онъ любилъ придворныхъ шутовъ и держалъ ихъ у себя цѣлыхъ четырехъ, на хорошемъ жалованьи. Казанова часто видалъ самого короля, видалъ и его шутовъ, грубыя выходки которыхъ всегда возмущали его. Много безпорядочнаго въ жизни этого государя сваливали на его министра Брюля; но это былъ только

преданный рабъ, творившій волю господина своего. Если бы Брюль былъ хитрымъ царедворцемъ, потворствовавшимъ своему повелителю изъ разсчета, то должны же были бы результаты и плоды этого разсчета выразиться хотя бы въ обогащеніи. А между тѣмъ Брюль умеръ чуть не нищимъ, и семья его осталась въ крайней бѣдности. Какъ извѣстно, Августъ оставилъ по себѣ недобрую память и у себя въ Саксоніи, и въ Польшѣ, королемъ которой онъ былъ избранъ въ 1733 году.

Въ 1753 году весною Казанова покинулъ Дрезденъ и отправился черезъ Прагу въ Вѣну.

ГЛАВА IX.

Казанова въ Вѣнѣ.—Знакомство съ Метастазіо.—Вѣнскіе нравы.—Императоръ, императрица и наслѣдный принцъ.—Внезапная болѣзнь Казановы и его сраженіе съ докторами. — Возвращеніе въ Италію.—Неудавшаяся женитьба.

Казанова имѣлъ рекомендательное письмо изъ Дрездена отъ поэта Мильявакка къ знаменитому поэту Метастазіо, проживавшему въ то время въ Вѣнѣ. Тотчасъ по прибытіи въ австрійскую столицу Казанова доставилъ это письмо по адресу. Метастазіо произвелъ на него впечатлѣніе человѣка глубокой учености и въ то же время весьма скромнаго и искренняго. Онъ охотно читалъ свои стихи посѣтителямъ и тутъ же самъ указывалъ на лучшія ихъ мѣста, а затѣмъ и на слабыя. Несмотря на выдающіяся совершенства его стиха, обличающія колоссальный поэтическій талантъ. Метастазіо творилъ не легко. Онъ показалъ Казановѣ пять листовъ бумаги, сплошь покрытыхъ перечеркнутыми строками; это былъ видимый слѣдъ его работы надъ небольшимъ стихотвореніемъ, всего въ четырнадцать строкъ; ему, по его словамъ, рѣдко удавалось написать въ теченіе дня больше 10—15 строкъ. Изъ собственныхъ произведеній онъ больше всего любилъ поэму «Аттилій Регулъ», хотя откровенно признавался, что не считаетъ ея своимъ лучшимъ произведеніемъ. Къ большей части своихъ мелкихъ стихотвореній онъ самъ писалъ музыку, хотя никому никогда не показывалъ этихъ своихъ музыкальныхъ произведеній. Онъ былъ убѣжденъ, что невозможно приспособлять слова къ заранѣе сочиненной музыкѣ, а слѣдуетъ, наоборотъ, подбирать музыку къ словамъ.

Казанова повстрѣчалъ въ Вѣнѣ много друзей-итальянцевъ, по преимуществу въ артистическомъ міркѣ. Сама Вѣна чрезвычайно ему понравилась; въ ней было тогда много внѣшняго блеска, нарядности. Но императрица Марія-Терезія впала въ страшное ханжество и ея настроеніе налагало свой печальный отпечатокъ на всю общественную жизнь. Она, между прочимъ, объявила войну не на животъ, а на смерть промыслу погибшихъ созданій. Съ этою цѣлью была учреждена цѣлая армія «коммиссаровъ цѣломудрія», которая вербовалась изъ разныхъ подонковъ общества. Эти стражи благонравія творили какія хотѣли пакости вѣнскимъ жительницамъ, которымъ было просто страшно на улицѣ появляться безъ провожатаго. Учрежденіе, долженствовавшее стоять на стражѣ добронравія, живо превратилось въ страшное орудіе всеобщаго притѣсненія.

Императоръ Францъ I, по словамъ Казановы, былъ очень красивый мужчина. Онъ былъ отличный и экономный хозяинъ, принималъ участіе въ торговлѣ и имѣлъ отъ нея хорошіе барыши. Казанова утверждаетъ, что императоръ любилъ также картежную игру и игралъ очень счастливо, выигрывая по сотнѣ тысячъ флориновъ. Наслѣдникъ престола, принцъ Іосифъ, поразилъ Казанову какимъ-то страннымъ отпечаткомъ чего-то рокового на своей физіономіи. Казанова предсказалъ тогда, что этотъ принцъ кончитъ жизнь самоубійствомъ, что̀ отчасти и сбылось потомъ: принцъ былъ, хотя и невольною, причиною собственной смерти. Казанова повстрѣчался и бесѣдовалъ съ этимъ принцемъ въ Люксембургѣ. Іосифъ долго говорилъ ему о людяхъ, пріобрѣтающихъ себѣ за деньги дворянство, говорилъ съ жаромъ и съ глубокимъ презрѣніемъ. Свою суровую филиппику принцъ закончилъ стихомъ:

«Je meprise tous ceux, qui achetent la noblesse».
(*Я* презираю тѣхъ, кто покупаетъ дворянство).

— Вы правы,—отвѣтилъ ему Казанова.—Но что думать о тѣхъ, кто его продаетъ?

Принцъ ничего не отвѣтилъ, повернулся къ Казановѣ спиною и отошелъ.

Однажды устроилась увеселительная поѣздка въ Шенбруннъ. Казанова, принимавшій въ ней участіе, объѣлся до такой степени, что едва добрался домой. Онъ занемогъ самымъ серьезнымъ образомъ, лежалъ какъ пластъ, совершенно обезсилѣлъ, едва ворочалъ языкомъ. Друзья собрались около его одра и ожидали съ минуты на минуту его кончины. Предлагали ему доктора, но онъ рѣшительно и упорно отказывался. Одинъ изъ друзей, видя его совершенно отчаянное положеніе, презрѣлъ его сопротивленіе и привелъ таки доктора съ ассистентомъ. Послѣдній, по приказанію врача, тотчасъ приступилъ къ кровопусканію. Казанова отказался на-отрѣзъ отъ этого излюбленнаго въ то время метода леченія чуть ли не всѣхъ недуговъ. Но на его протесты не обратили вниманія. Ассистентъ ухватилъ его за руку и занесъ ланцетъ. Взбѣшенный Казанова собралъ весь остатокъ своихъ силъ, схватилъ оказавшійся подъ рукою пистолетъ и выпалилъ въ своего кровопійцу. Пуля пролетѣла на палецъ отъ его головы, задѣла даже за волосы. Но, къ счастью, никто раненъ не былъ. Само собою разумѣется, что вся компанія друзей и врачевателей въ ужасѣ разбѣжалась. Съ больнымъ осталась одна только вѣрная, добродушная служанка. Онъ продолжалъ лежать пластомъ и поминутно пилъ воду, которую подавала ему его благодушная сидѣлка. Все его леченіе этимъ и ограничилось. На другой день ему полегчало, а на четвертый онъ былъ уже вполнѣ здоровъ. Эта диковинная исторія разошлась по всему городу; надъ ней много смѣялись, утверждали даже, что если бы Казанова ухлопалъ кровопускателя на смерть, то едва ли былъ бы осужденъ за это: весь этотъ случай можно было подвести подъ статью о законной самозащитѣ. Замѣчательно, что вѣнскіе врачи тоже вполнѣ одобрили поведеніе Казановы, такъ сказать, съ медицинской стороны; они въ одинъ голосъ увѣряли, что если бы ему пустили тогда кровь, то онъ погибъ бы. Самъ же Казанова, въ свою очередь, утверждаетъ, что если бы онъ не выздоровѣлъ, то его смерть, конечно, приписали бы тому, что онъ отказался отъ кровопусканія; онъ хорошо зналъ врачей своего

времени, потому что самъ едва не сопричислился къ ихъ сословію. Одинъ знакомый ему художникъ поздравлялъ его съ благополучнымъ исцѣленіемъ и совѣтовалъ всегда такъ поступать; этотъ артистъ самъ то-и-дѣло объѣдался и страдалъ несвареніемъ, лечился же исключительно водою.

Казанова пробылъ въ Вѣнѣ недолго; онъ вернулся на родину и вновь началъ свои скитанія по городамъ Италіи. Во время этихъ скитаній онъ повстрѣчался съ красавицею дѣвушкою, въ которую влюбился. Онъ рѣшилъ на ней жениться и просилъ своего покровителя, Брагадина, быть его сватомъ. Брагадинъ обратился къ отцу дѣвушки, но тотъ отвѣтилъ отказомъ. Онъ сказалъ, что его дочь еще слишкомъ молода и что отдастъ ее на четыре года въ монастырь; если по прошествіи этого времени Казанова устроится, пріобрѣтетъ себѣ прочное положеніе и состояніе, тогда отецъ соглашался возобновить переговоры о бракѣ. Казанова былъ страшно пораженъ этимъ отказомъ; съ нимъ, впрочемъ, подобныя неудачи случались много разъ; мы уже указывали на это, упоминая о его приключеніи съ француженкою-авантюристкою. Онъ обыкновенно впадалъ въ отчаяніе, даже замышлялъ самоубійство, но потомъ утѣшался. На этотъ разъ онъ пустился въ отчаянную игру, сначала продулся въ пухъ и прахъ, но потомъ сошелся съ молодымъ миланцемъ Антоніо Кроче, основалъ съ нимъ игорную компанію и скоро поправилъ свои дѣла.

Впрочемъ, если Казановѣ не удалось попасть въ настоящіе мужья, зато онъ скоро послѣ того попалъ въ импровизованные мужья, и притомъ въ самой необычной обстановкѣ. Вотъ какъ произошло дѣло.

У его невѣсты былъ братецъ-офицеръ, mauvais suget въ полномъ смыслѣ слова. Однажды онъ присталъ къ Казановѣ, уговаривая его поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Виченцу и, закупивъ тамъ партію мѣстныхъ, очень тогда славившихся шелковыхъ матерій, привести этотъ товаръ въ Венецію и распродать съ барышомъ. Казанова хорошо зналъ, до какой степени этотъ компаньонъ ненадеженъ, но лукавый не дремалъ и попуталъ таки нашего героя связаться съ офицеромъ. Поѣхали съ большимъ шикомъ, въ прекрасномъ экипажѣ. По пріѣздѣ въ Виченцу остановились въ лучшей гостинницѣ. Съ офицеромъ вдругъ оказалась какая-то дама, которая строила Казановѣ сладчайшіе глазки и увѣряла его, что они давно знакомы, хотя онъ съ трудомъ припоминалъ обстоятельства ихъ знакомства, о которыхъ она ему разсказывала. По пріѣздѣ компаньонъ облеталъ весь городъ, и скоро нахлынула къ нимъ въ гостинницу толпа купцовъ и артельщиковъ съ грудами товара, буквально загромоздившими ихъ номера. Вслѣдъ за купцами явилась толпа графовъ; въ Виченцѣ что ни обыватель, то графъ; такое ужь родовитое мѣсто выдалось. Начались обѣды, ужины, вечера, балы, пикники. Героемъ ихъ всегда неизмѣнно являлся братецъ бывшей невѣсты Казановы, а царицею — его таинственная спутница. Самъ же Казанова все какъ-то оставался на заднемъ планѣ. Это его сначала удивляло, а потомъ начало серьезно безпокоить и раздражать. Онъ такъ упрочилъ за собою репутацію «души общества», такъ привыкъ къ этой роли, что малѣйшее невниманіе къ себѣ вмѣнялъ чуть не въ личное оскорбленіе. Его не замѣчали въ этой компаніи графовъ, да и баста. Никто къ нему не обращался, а когда онъ самъ заго-

варивалъ, его почти не слушали. Дошло до того, что дамы не шли съ нимъ танцовать, а, отказавъ ему, тотчасъ принимали приглашеніе другихъ. Онъ, наконецъ, рѣшилъ никуда не показываться, предчувствуя, что при первомъ же новомъ оскорбленіи разнесетъ вдребезги все и вся.

Однажды утромъ докладываютъ ему, что завтракъ готовъ. Казанова что-то замѣшкался; тогда явился мальчикъ и сказалъ ему, что «его супруга» проситъ его поспѣшить къ завтраку. Взбѣшенный Казанова отвѣтилъ на это ошеломляющею пощечиною, отъ которой бѣдный малый кубаремъ полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ; уже не сдерживая своей ярости, нашъ герой, обиженный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, принесся, какъ ураганъ, въ общій залъ и съ пѣною у рта спросилъ:

— Какая бестія осмѣлилась объявить въ гостинницѣ, что я мужъ этой особы?

Компаньонъ поспѣшилъ отвѣтить, что онъ ничего не знаетъ; но въ это время въ залъ ворвался хозяинъ гостинницы съ ножемъ въ рукахъ. Онъ приступилъ съ этимъ ножомъ къ Казановѣ и требовалъ отъ него объясненій по поводу пощечины, свергшей съ лѣстницы его мальчика. Казанова въ свою очередь схватилъ пистолетъ и требовалъ, чтобы хозяинъ тотчасъ разъяснилъ, кто авторъ его производства въ мужья опротивѣвшей ему искательницы приключеній. Тогда хозяинъ отвѣтилъ, что это интересное свѣдѣніе доставлено «капитаномъ» (компаньонъ Казановы выдалъ себя за австрійскаго капитана). Онъ собственноручно внесъ въ книгу прибывшихъ запись, гласившую: «М. П. К. капитанъ императорской арміи, съ г-номъ и г-жею Казанова».

Казанова мгновенно овладѣлъ шиворотомъ капитана императорской арміи и, если бы не вступился хозяинъ, навѣрное расшибъ бы ему голову объ стѣну.

— Это неправда, это неправда!—оралъ несчастный капитанъ, въ то время какъ его дама падала въ обморокъ отъ избытка сильныхъ ощущеній.

Такое наглое запирательство взбѣсило хозяина. Онъ живо принесъ книгу прибывшихъ, ткнулъ пальцемъ въ запись, а затѣмъ безъ церемоніи поднесъ раскрытую книгу къ физіономіи капитана.

Казанова потребовалъ счетъ, который оказался громаднымъ, потому что «капитанъ» то-и-дѣло перехватывалъ у хозяина мелочь, уплатилъ все, наградилъ неповинно пострадавшаго гарсона и уѣхалъ, предоставивъ своему компаньону и его спутницѣ самимъ о себѣ промыслить, какъ знаютъ. А передъ самымъ его отъѣздомъ, какъ на зло, словно для того, чтобы усугубить его позоръ, явился съ визитомъ одинъ изъ графовъ, посѣщавшихъ ихъ все время. Казанова такъ и налетѣлъ на него.

— Держу пари, графъ, что вы считали меня мужемъ этой особы?—спросилъ онъ его, едва сдерживая бѣшенство.

— Объ этомъ было извѣстно всему городу,—отвѣтилъ графъ.

— Какъ, тысяча чертей!.. И вы, зная, что я живу одинъ въ этомъ номерѣ, что эта особа всюду бываетъ одна, безъ меня, могли этому вѣрить!

— Мало ли на свѣтѣ покладистыхъ мужей!

— Если вы полагаете, что я принадлежу къ числу такихъ мужей,

то не имѣете понятія, что такое чувство чести, и я вамъ это немедленно докажу. Благоволите выйти вмѣстѣ со мною.

Но графъ не вышелъ «вмѣстѣ», онъ вышелъ одинъ и притомъ съ самою похвальною поспѣшностью.

Казанова вернулся въ Венецію и продолжалъ свои кутежи, интриги съ женщинами, а главное картежную игру, которая то поднимала его на высоту житейскаго благополучія, то доводила почти до нищеты, такъ что ему приходилось сидѣть дома, у своего благодѣтеля Брагадина, да выклянчивать у него цехинъ за цехиномъ. Такъ шли его дѣла до лѣта 1755 года.

Венеціанское правительство, а особенно инквизиція, давно уже держали это блудное дѣтище на примѣтѣ. Всѣ его неистовства и продѣлки, его кутежи, картежъ, его происшествія съ мертвой рукой, наконецъ, его подвиги по части волхвованія—ничто не укрылось отъ наблюдательнаго ока тайныхъ судилищъ. Только благодаря мощному заступничеству Брагадина, Казанова гулялъ еще на свободѣ; иначе давно бы сидѣть ему подъ «свинцами» (Piombi), какъ зовутъ венеціанцы свою знаменитую тюрьму. Однако, неизбѣжный моментъ расплаты всетаки наступилъ. Казанова угодилъ таки подъ свинцовую кровлю, и исторія его заточенія и бѣгства изъ тюрьмы по справедливости считается интереснѣйшею главою его жизненнаго романа.

Незадолго до ареста Казанова познакомился съ нѣкіимъ Манудзи, который раньше былъ ему совершенно неизвѣстенъ, втерся же въ знакомство въ качествѣ перепродавца драгоцѣнныхъ каменьевъ. Казанова очень любилъ эти вещи и охотно бралъ ихъ у Манудзи, когда Фортуна посылала ему хорошую поживу въ игрѣ. Само собою разумѣется, что Казанова принималъ его и каждый разъ при его посѣщеніи замѣчалъ, что этотъ ювелиръ не безъ любопытства разсматриваетъ его книги и рукописи. Замѣтивъ такую любознательность, Казанова, по странной наивности, показалъ ему всѣ свои литературныя сокровища, особенно же книги и трактаты по черной и бѣлой магіи. Манудзи все смотрѣлъ, да смотрѣлъ, и въ одинъ прекрасный день сообщилъ Казановѣ, что онъ нашелъ покупателя на его книги, который готовъ дать за нихъ тысячу цехиновъ; надо было только показать ему эти книги, чтобы онъ могъ удостовѣриться въ ихъ подлинности. Казанова далъ книги на просмотръ: Манудзи носилъ ихъ куда-то, потомъ возвратилъ и сказалъ, что покупатель ихъ забраковалъ, потому что онѣ поддѣльныя. Казанова потомъ уже узналъ, что Манудзи показывалъ тогда эти книги секретарю инквизиціи, которая убѣдилась, что нашъ герой занимается магіею.

Послѣ этого несчастія посыпались на голову Казановѣ, какъ горохъ изъ мѣшка. Нѣкая г-жа Меммо, съ сыновьями которой нашъ герой очень дружилъ, пожаловалась на него, что онъ совращаетъ ея сыновей въ атеизмъ. Нашъ герой очутился подъ страшнымъ рискомъ предстать передъ священнымъ судилищемъ, которое издревле имѣло обычай сжигать своихъ кліентовъ на кострѣ. Государственнымъ инквизиторомъ былъ въ то время Антоній Кондульмеръ. Онъ имѣлъ противъ Казановы зубъ и ухватился за представившійся случай. Обвиненія со стороны свидѣтелей накоплялись въ изобиліи. Было дознано, что Казанова не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ въ сатану; это съ очевидностью явствовало

изъ показанія свидѣтелей о томъ, что при неудачѣ въ игрѣ, когда всякій добрый христіанинъ изрыгаетъ хулу на Провидѣніе, Казанова, наоборотъ, начиналъ поносить дьявола. Сверхъ того, было неопровержимо установлено, что нашъ герой кушаетъ скоромное въ постные дни, не ходитъ въ церковь; добрались даже до его франкъ-масонства! Наконецъ немало подозрѣній возбудила его дружба со многими вліятельными иностранцами, а такъ какъ въ то же время онъ былъ связанъ узами тѣснѣйшей дружбы съ тремя сенаторами, отъ которыхъ могъ узнавать государственныя тайны, то... Да и вообще въ то доброе старое время долго ли было подыскать резонъ, чтобы вздернуть человѣка на висѣлицу.

Все это накоплялось постепенно; Казанова имѣлъ передъ собой достаточно времени, чтобы спокойно удалиться изъ Венеціи. Добрые люди знали, что верховное судилище пристально слѣдитъ за нимъ, и предупреждали его. Онъ и самъ не могъ не знать, что въ Венеціи счастливъ только тотъ смертный, о которомъ начальство ничего не знаетъ и дѣлами котораго не находитъ интереснымъ заниматься. «Но,—говоритъ Казанова,—я былъ врагомъ всякаго безпокойства»— очень типичное выраженіе. Впрочемъ, онъ тутъ же прибавляетъ въ порывѣ искренности: «Я былъ глупъ, и разсуждалъ, какъ свободный человѣкъ».

Правда, цѣлая туча личныхъ неудачъ и несчастій не оставляла ему времени призадуматься надъ опасностью, о которой его предупреждали. Онъ продолжалъ проигрывать, его средства словно проваливались въ бездну; онъ заложилъ все, что у него было цѣннаго, проигралъ даже брилліанты своей возлюбленной.

Катастрофа началась съ внушительной прелюдіи. Казанова жилъ въ домѣ своего благодѣтеля, Брагадина, но имѣлъ постоянно еще квартиры на сторонѣ. И вотъ въ іюлѣ 1755 года, въ самый день его имянинъ, въ его отсутствіе къ нему на квартиру пожаловалъ самъ «великій господинъ» (messer grande, что-то вродѣ шефа жандармовъ) подъ предлогомъ яко бы конфискаціи контрабанды. Ничего подозрительнаго, однако, не нашлось, и messer grande ушелъ съ миромъ; но самый фактъ былъ весьма угрожающаго свойства. Казанова тотчасъ побѣжалъ къ Брагадину жаловаться на обиду и нарушеніе права мирнаго и неповиннаго гражданина.

— Другъ мой, — отвѣчалъ ему съ грустью старый сенаторъ, — эта притча о контрабандѣ—одинъ только предлогъ. Искали не контрабанду, а тебя самого. И если бы нашли, то, конечно, и взяли бы. Пользуйся же этимъ случаемъ, удирай немедленно: завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно. Уѣзжай во Флоренцію. Я тебѣ напишу туда и извѣщу, когда тебѣ можно будетъ вернуться. Я знаю, что у тебя нѣтъ денегъ; я дамъ тебѣ сотню цехиновъ. Уѣзжай, пока не поздно!

Казанова заупрямился. Онъ утверждалъ, что невиненъ и уперся съ этою невинностью, какъ быкъ.

— Судъ найдетъ за тобою достаточно провинностей, можешь быть спокоенъ!—убѣждалъ его опытный сенаторъ, отлично знавшій, какъ ведутся подобныя дѣла.—Коли не вѣришь мнѣ, вопроси свой оракулъ.

Но Казанова не сталъ спрашивать оракулъ; онъ понималъ, сколь мало будетъ отъ этого пользы. Онъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ,

что обращается къ оракулу только въ случаѣ сомнѣнія; тутъ же для него не было сомнѣнія, что съ нимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, ничего нельзя подѣлать.

— Если я теперь убѣгу, то подчеркну только основательность взводимыхъ на меня обвиненій,—разсуждалъ онъ.— И какъ потомъ удостовѣриться, что опасность для меня миновала? Вѣдь можетъ случиться, что мнѣ уже никогда нельзя будетъ вернуться на родину: опасность можетъ никогда не прекратиться? Значитъ, мнѣ надо распроститься съ отчизною навѣки.

Истощивъ всѣ доводы, старикъ Брагадинъ умолялъ Казанову, по крайней мѣрѣ, провести съ нимъ у него во дворцѣ эту ночь и слѣдующій день. Казанова имѣлъ жестокость и въ этомъ отказать своему благодѣтелю; онъ куда-то торопился, на какое-то любовное свиданіе.

Старикъ заплакалъ и, обнимая его, предсказалъ ему, что они видятся въ послѣдній разъ въ жизни. Его предсказаніе вполнѣ сбылось. Онъ умеръ черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого прощанія, и Казанова все это время не имѣлъ возможности повидаться съ нимъ.

Казанова былъ арестованъ на другой же день послѣ этого послѣдняго свиданія съ своимъ благодѣтелемъ, 25 іюля 1755 года. Messer grande явился къ нему на квартиру рано утромъ, разбудилъ его, велѣлъ встать, одѣться и слѣдовать за нимъ.

— По чьему приказу меня арестуютъ?—спросилъ Казанова.

— По приказу верховнаго суда.

ГЛАВА X.

Казанова въ свинцовой тюрьмѣ.—Первое время заключенія.—Его каморка, крысы, мертвая рука.

Слова «верховный судъ» окаменили Казанову. Онъ вдругъ превратился въ автомата. Пока messer grande рылся въ его бумагахъ и вещахъ, пересматривалъ и собиралъ въ кучу его книги, Казанова совершенно машинально всталъ, одѣлся, даже побрился и расфрантился, точно на балъ собрался. Когда онъ былъ готовъ, messer grande пригласилъ его слѣдовать за собою.

Весь домъ былъ наполненъ стражниками; ихъ былъ цѣлый отрядъ, человѣкъ сорокъ. Казанову пригласили сѣсть въ гондолу. Messer усѣлся съ нимъ, захвативъ въ лодку четырехъ человѣкъ изъ отряда. Пріѣхали сначала въ квартиру или канцелярію messer'а; любезный хозяинъ предложилъ Казановѣ позавтракать, но тотъ отказался. Тогда арестованнаго заперли въ отдѣльную комнату и продержали тамъ четыре часа.

Наконецъ пришелъ messer grande и объявилъ Казановѣ, что, согласно полученному приказу, долженъ препроводить его въ свинцовую тюрьму. Казанова послѣдовалъ за нимъ, не промолвивъ ни слова. Сѣли въ гондолу и, пройдя по сѣти малыхъ каналовъ, вошли въ Canal Grande и высадились на Тюремной набережной. Прошли по нѣсколькимъ лѣстницамъ, перешли черезъ крытый мостъ, Мостъ Вздоховъ, извѣстный всѣмъ и каждому по романамъ и по картинамъ, и очутились въ зданіи знаменитой тюрьмы, крытой свинцовыми

листами. Тюрьма вслѣдъ за мостомъ начинается галереею; за нею слѣдуетъ рядъ комнатъ. Во второй изъ этихъ комнатъ сопровождавшій Казанову сановникъ представилъ своего арестанта какому-то человѣку въ одеждѣ патриція. Этотъ господинъ, совершенно незнакомый Казановѣ, обмѣрилъ его взглядомъ. Это былъ секретарь инквизиціи, Доменико Кавалли.

— Отвести его въ депо!—распорядился Кавалли.

Тутъ же стоялъ и тюремщикъ съ громадною связкою ключей. Казанова былъ переданъ въ его распоряженіе. Тюремщикъ захватилъ съ собою двухъ конвойныхъ и повелъ Казанову вверхъ по лѣстницамъ. Вошли въ длинный корридоръ, потомъ перешли въ другой, отдѣленный отъ перваго замкнутою дверью. Въ концѣ этого корридора отомкнули дверь: открылась скверная, грязная каморка, длиною въ шесть шаговъ и шириною въ два, скупо освѣщенная черезъ высоко пробитое окошечко. Казанова подумалъ, что его тутъ и водворятъ, но онъ ошибся. Тюремщикъ вооружился громаднымъ ключемъ, отперъ тяжелую, окованную желѣзомъ дверь съ дырою посрединѣ и велѣлъ Казановѣ пройти въ эту дверь. Между тѣмъ глаза Казановы невольно остановились на какой-то чудовищной машинѣ, вдѣланной въ прочный станокъ. Эта машина имѣла видъ подковы, толщиною около дюйма. Пока Казанова разсматривалъ эту машину, тюремщикъ съ усмѣшкою разъяснялъ ему ея назначеніе.

— Я вижу, сударь, что вамъ хотѣлось бы узнать, зачѣмъ тутъ эта штука. Сейчасъ объясню вамъ. Видите ли, когда ихъ превосходительства (т. е. члены Совѣта Десяти) приказываютъ задушить арестанта, его усаживаютъ на табуретъ, задомъ къ этой подковѣ. Затѣмъ его шея вставляется внутрь подковы, а вотъ эта веревка проходитъ сюда, въ дыру, и охватываетъ шею спереди. Потомъ свободный конецъ веревки наматываютъ вотъ на этотъ воротъ и вертятъ воротъ, сдавливая шею приговореннаго, пока онъ не отдастъ своей грѣшной души Господу. Около него, само собою разумѣется, остается духовникъ все время, до послѣдняго издыханія.

— Это очень остроумно,—замѣтилъ Казанова.—А кто же занимается вращеніемъ ворота, вѣроятно вы?

Но тюремщикъ не удовлетворилъ его любопытства и знакомъ пригласилъ пройти въ дверь. Казанова долженъ былъ согнуться, почти присѣсть, потому что дверь была не больше 3½ футовъ въ высоту. Какъ только онъ прошелъ въ дверь, тюремщикъ захлопнулъ ее и заперъ на ключъ. Потомъ, черезъ окно въ двери, онъ спросилъ Казанову, что онъ желаетъ имѣть на обѣдъ. Но узникъ не чувствовалъ особеннаго аппетита и тюремщикъ удалился, тщательно замкнувъ всѣ двери.

Казанова осмотрѣлъ свое помѣщеніе. Оно было снабжено довольно большимъ окномъ, фута два въ квадратѣ, задѣланнымъ желѣзною рѣшеткою въ шестнадцать клѣтокъ. Въ каморкѣ было бы свѣтло, если бы передъ окномъ не торчалъ конецъ громадной деревянной балки, выставлявшейся изъ стѣны зданія. Каморка была всего въ пять футовъ вышины, такъ что высокорослый Казанова могъ ходить по ней не иначе, какъ нагнувъ голову. Она раздѣлялась на двѣ части; двѣ трети общей площади приходились на переднюю часть, а остальная треть

образовала какую-то нишу, вродѣ алькова, гдѣ могла помѣститься кровать; но въ каморкѣ не было ничего: ни кровати, ни стола, ни стула. На полу стоялъ только гнуснаго вида сосудъ, назначеніе котораго было не трудно угадать, да въ одномъ мѣстѣ къ стѣнѣ была прилажена полка. На нее Казанова и положилъ свой роскошный шелковый плащъ и шляпу, отдѣланную испанскими кружевами и бѣлыми страусовыми перьями.

Въ каморкѣ стояла удушливая жара. Казанова машинально приблизился къ дверному окошку и заглянулъ въ сосѣднюю каморку, черезъ которую былъ ходъ въ его келью. Тамъ при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ съ улицы, онъ увидалъ цѣлое полчище крысъ колоссальныхъ размѣровъ. Казанова боялся этихъ животныхъ до истерики. Онъ съ содроганіемъ подумалъ о томъ, что онѣ, пожалуй, проникнутъ и въ его каморку; опасаясь этого нашествія, онъ заперъ окно своей двери внутреннимъ ставнемъ. Затѣмъ онъ облокотился на рѣшетку своего окошка и простоялъ такъ часовъ восемь подъ-рядъ нѣмой и неподвижный.

Бой часовъ неожиданно привелъ его въ себя. Онъ очнулся и съ безпокойствомъ подумалъ о томъ, что къ нему до сихъ поръ никто не подумалъ навѣдаться. Ему должны были доставить хоть стулъ, столъ и кровать и, кромѣ того, накормить его. Прошло еще три часа, пробило двадцать четыре *), т. е. полночь. Тогда узникомъ овладѣло бѣшенство. Онъ принялся изъ всѣхъ силъ кричать, стучать, стараясь произвести по возможности самый адскій шумъ и грохотъ. Но цѣлый часъ, проведенный въ этомъ бѣснованіи, убѣдилъ его, что тюрьма съ этой стороны отличалась образцовымъ устройствомъ: она съѣдала всякій звукъ. Его вопли не дошли ни до чьего уха; можетъ быть, впрочемъ, и дошли, но никто не обратилъ на нихъ вниманія. Измученный и доведенный до отчаянія, Казанова, наконецъ, растянулся на полу своей тюрьмы.

Онъ лежалъ и думалъ. Ему пришло въ голову, что инквизиція уже приговорила его къ смерти, что его бросили въ этой норѣ и оставятъ тутъ, пока онъ не околѣетъ съ голоду, сколько бы онъ ни кричалъ и ни бѣсновался. Онъ медленно, шагъ за шагомъ перебиралъ свою жизнь. Онъ вспомнилъ свои кутежи, развратъ, пьянство, обжорство, свою картежную игру, быть можетъ, далеко не всегда безупречно чистую. Все это было не хорошо и даже мерзко; но во всемъ этомъ не было ни государственнаго преступленія, ни еретичества, словомъ, ничего такого, что, съ точки зрѣнія духовнаго или государственнаго правосудія, заслуживало бы смерти. И, сознавая себя всетаки невинно страдающимъ, онъ вновь впадалъ въ бѣшенство и изрыгалъ такую увѣсистую ругань на своихъ мучителей, которую потомъ самому было стыдно вспоминать.

Онъ былъ измученъ, голоденъ, его терзала палящая жажда. Къ счастью, утомленіе взяло верхъ надъ всѣми другими удручавшими его казнями, и онъ заснулъ. Онъ всетаки былъ молодъ, здоровъ, силенъ и его натура еще очень легко могла сладить со всякими невзгодами.

Онъ проснулся среди глухой и безмолвной ночи, все время пролежавъ на лѣвомъ боку. Проснувшись, онъ вспомнилъ, что положилъ свой платокъ рядомъ. Онъ потянулся за нимъ правою рукою и вдругъ

*) Въ Италіи, кажется, мѣстами и до сихъ поръ считаютъ не двѣнадцать часовъ, а 24; такъ устраиваютъ и часы.

нащупалъ что-то холодное, какъ ледъ. Онъ свѣту не взвидѣлъ отъ прилива внезапнаго страха. Онъ никогда не допускалъ въ своей натурѣ даже способности къ такому безмѣрному ужасу. Въ самомъ дѣлѣ, было отчего и ужаснуться: онъ явственно ощутилъ мертвое тѣло, чью-то неподвижную мертвую руку. Казановѣ съ просонокъ и послѣ всѣхъ треволненій рокового дня почудилось въ этомъ что-то фантастическое; на него нахлынули воспоминанія среднихъ вѣковъ. Первыя минуты онъ оставался неподвиженъ, уничтоженъ приливомъ ужаса.

Онъ лежалъ, какъ каменный, съ вздыбившимися волосами, безъ звука, даже безъ мысли. Когда же, наконецъ, способность размышлять вернулась къ нему, онъ прежде всего припомнилъ, что въ камерѣ раньше не было трупа; значитъ трупъ явился, пока онъ спалъ. Какой-нибудь несчастный узникъ былъ задушенъ и брошенъ рядомъ съ Казановой. Но зачѣмъ?.. Чтобы возвѣстить ему, что его ожидаетъ такая же участь?.. Тогда ужасъ, вначалѣ поглотившій его мгновенно, смѣнился пароксизмомъ бѣшенства. Онъ снова схватился за руку трупа, чтобы окончательно убѣдиться въ ужасномъ фактѣ. Схвативъ ледяную руку трупа, онъ хотѣлъ встать, уперся на лѣвый локоть и тутъ только понялъ, что мертвая рука была его собственная лѣвая рука, которую онъ отлежалъ до полнаго онѣмѣнія и безчувствія!

Происшествіе съ трупомъ окончилось весьма забавно; но Казановѣ было не до забавы. Онъ прежде всего убѣдился, что попалъ въ такое милое мѣсто, гдѣ ложное легко могло казаться истиннымъ, а истина—ложью и гдѣ здравое разсужденіе утрачивало значительную долю своихъ естественныхъ прерогативъ. Онъ рѣшилъ взять себя въ руки, чтобы впередъ, по возможности, не дѣлаться жертвою такихъ ужасныхъ иллюзій. Онъ призвалъ на помощь весь свой запасъ философіи, зародыши которой всегда таились въ его душѣ, но до сихъ поръ еще, за ненадобностью, не были имъ выращены.

Казанова вновь подумалъ о снѣ, но тотчасъ рѣшилъ, что ему не уснуть. Хотѣлъ встать, но стукнулся головою въ потолокъ; онъ вспомнилъ, что каморка низка по его росту, и усѣлся на полу. Онъ просидѣлъ такъ часовъ восемь; начиналъ уже брезжить дневной свѣтъ. Казанова съ нетерпѣніемъ дождался дня; ему почему-то казалось, что, какъ только наступитъ день, его тотчасъ выпустятъ изъ тюрьмы. И каждый разъ при этой соблазнительной мысли, которая превратилась въ непоколебимую увѣренность, онъ весь охватывался жаждою мщенія. Онъ видѣлъ себя во главѣ цѣлаго народнаго возстанія; онъ мысленно уже захватывалъ въ плѣнъ всѣхъ членовъ утѣснявшаго его правительства; онъ избивалъ безъ жалости и пощады всѣхъ венеціанскихъ аристократовъ. Онъ зналъ своихъ враговъ, и его пылкая южная фантазія разила ихъ одного за другимъ. Онъ передѣлывалъ все государственное правленіе. Досужая и разболѣвшаяся фантазія сооружала цѣлую гору изъ воздушныхъ замковъ. Какъ всякій человѣкъ, охваченный страстью, онъ совсѣмъ забылъ, что его мышленіемъ руководитъ не другъ—разумъ, а врагъ—гнѣвъ.

Наконецъ совсѣмъ разсвѣло. Гдѣ-то вдали по корридорамъ раздалось лязганье отпираемыхъ замковъ и скрипъ дверей. Раздались шаги человѣка, подошедшаго къ его двери, и послышался голосъ тюремщика сквозь окно каморки:

— Ну, надумали вы, наконецъ, что будете кушать? — крикнулъ онъ узнику.

Казанова отвѣтилъ ему, что хотѣлъ бы рисоваго супа, вареной и жареной говядины, хлѣба, вина и воды. Онъ проговорилъ свое меню очень спокойнымъ голосомъ, и тюремщикъ, какъ ему показалось, былъ удивленъ тѣмъ, что узникъ пребываетъ въ такомъ мирномъ настроеніи, не вопитъ, не жалуется.

Тюремщикъ ушелъ, но черезъ четверть часа вернулся и выразилъ удивленіе по поводу того, что узникъ не потребовалъ себѣ ни кровати, ни мебели.

— Если вы воображаете, — прибавилъ онъ, — что васъ заточили сюда только на одну ночь, то очень заблуждаетесь.

Казанова попросилъ его доставить все, что ему необходимо, но тюремщикъ сказалъ, что узникъ долженъ указать ему, откуда все это слѣдуетъ взять. Онъ подалъ Казановѣ бумагу и карандашъ, велѣлъ составить списокъ всѣхъ нужныхъ вещей и написать адресъ того лица въ городѣ, которое всѣмъ этимъ снабдитъ узника. Между прочимъ, онъ внесъ въ списокъ книги и письменныя принадлежности. Тюремщикъ не умѣлъ читать и Казанова самъ прочелъ ему свой реестръ; тотъ тотчасъ велѣлъ вычеркнуть книги, письменныя принадлежности, зеркало, бритвы; ничего этого держать въ тюрьмѣ не позволялось. Затѣмъ тюремщикъ спросилъ денегъ на обѣдъ. У Казановы было съ собою всего три цехина; онъ отдалъ одинъ изъ нихъ. Тюремщикъ долго ходилъ еще по корридору изъ каморки въ каморку; въ этомъ корридорѣ, какъ потомъ узналъ Казанова, содержалось семеро узниковъ, разсаженныхъ подальше одинъ отъ другого, чтобы они не могли войти въ сношенія.

Около полудня принесли вещи и обѣдъ. Ножа и вилки узникамъ не давали, а только одну костяную ложку. Тюремщикъ велѣлъ заказать обѣдъ на завтра сейчасъ же, потому что онъ приходитъ всего разъ въ день. Что касается книгъ, то секретарь инквизиціи увѣдомлялъ Казанову, что книги, которыя онъ просилъ, не могутъ быть доставлены, а вмѣсто нихъ дадутъ другія.

Полагая, что тюрьма наполнена злодѣями, ворами и разбойниками, Казанова первое время былъ радъ, почти благодаренъ, что его посадили отдѣльно. Но скоро одиночное заключеніе дало ему почувствовать весь свой ужасъ. Онъ былъ не въ состояніи ничѣмъ занять свою мысль. Ему казалось, что во сто кратъ было бы отраднѣе сидѣть съ разбойникомъ, съ заразительнымъ больнымъ, даже съ дикимъ звѣремъ, только бы не быть вѣчно одному, подъ замкомъ.

Онъ попробовалъ ѣсть, но могъ проглотить только нѣсколько ложекъ супа. Онъ былъ весь разбитъ, боленъ. Онъ усѣлся въ кресло и тупо дремалъ весь день. Ночью онъ не могъ сомкнуть глазъ. Его будилъ неумолчный гомонъ крысъ въ сосѣдней камерѣ. Бой часовъ на колокольнѣ св. Марка, громкій, отчетливый, раздававшійся словно въ самой каморкѣ, выводилъ его изъ себя. Къ этимъ двумъ кознямъ присоединилась третья, лютѣйшая изъ всѣхъ: Казанову осадила цѣлая армія блохъ. Ихъ безчисленные укусы доводили его до судорогъ.

На утро пришелъ тюремщикъ съ двумя сторожами. Принесли обѣдъ и обѣщанныя книги, прибрали каморку. Казанова хотѣлъ было выйти

въ сосѣднюю каморку, но ему сказали, что это запрещено. Поѣвъ на этотъ разъ съ нѣкоторымъ аппетитомъ, Казанова взялся за книги; ихъ было двѣ: одна—сочиненіе какого-то іезуита, чисто духовная, другая содержала фантастическую исторію Дѣвы Маріи, написанную какою-то монахинею-визіонеркою. Читая эту странную книгу, Казанова только дивился, какъ она могла быть пропущена цензурою святѣйшей инквизиціи! Это одностороннее и однообразное чтеніе оказало даже на самого Казанову весьма непріятное дѣйствіе. Фантазія монахини осаждала во снѣ его мозгъ, и онъ ужасно жалѣлъ, что у него тогда не было бумаги и пера, чтобы записать все, что ему грезилось. Онъ остался глубоко убѣжденнымъ, что чтеніе подобной книги, при всѣхъ условіяхъ одиночнаго заключенія, очень легко можетъ довести до сумасшествія даже самаго здравомыслящаго и положительнаго человѣка.

Черезъ десять дней средства Казановы истощились. Тогда ему назначили отъ казны опредѣленное содержаніе, приблизительно около рубля въ день. Этого хватало ему съ избыткомъ, потому что тратить много не приходилось. Онъ потребовалъ было, чтобы ему доставляли газету, но этого не разрѣшили. На ѣду же онъ тратилъ сущіе пустяки; аппетитъ у него совсѣмъ пропалъ. Онъ былъ лишенъ свѣта, движенія, свѣжаго воздуха и задыхался отъ жары. Стоялъ іюль мѣсяцъ, и стѣны тюрьмы были раскалены горячимъ итальянскимъ солнцемъ. Казанова сидѣлъ цѣлые дни на креслѣ голый; потъ лилъ съ него ручьями; на полу около кресла стояли лужицы отъ падавшихъ съ него капель испарины.

У него началось страшное разстройство пищеваренія, сопровождавшееся лихорадкою. Однажды онъ совсѣмъ не прикоснулся къ своему обѣду. Тюремщикъ Лоренцо обратилъ на это вниманіе и, увидѣвъ, что узникъ совсѣмъ боленъ, призвалъ врача. На счастье, этотъ эскулапъ оказался человѣкомъ жалостливымъ. Онъ, насколько было возможно, облегчилъ страданія несчастнаго, добылъ для него другія, болѣе интересныя книги, и даже выхлопоталъ переводъ его въ сосѣднюю болѣе удобную камеру; но Казанова отказался отъ этого, боясь крысъ. Всетаки ему позволили выходить въ сосѣднюю камеру на время уборки его помѣщенія. Тамъ онъ могъ расправиться и пройтись.

Такъ прошло два мѣсяца августъ и сентябрь. Казанова ровно ничего не зналъ и не вѣдалъ о своей дальнѣйшей участи. Онъ все ждалъ, что его вызовутъ къ допросу, но напрасно. Въ теченіе сентября въ немъ постепенно созрѣла и укрѣпилась мысль, что его заключеніе непремѣнно окончится 1-го октября. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день, по закону, ежегодно смѣнялся составъ венеціанскаго правительства. Тѣ, которые заточили нашего героя, смѣнятся другими; эти тотчасъ увидятъ, что онъ страдаетъ невинно, и немедленно его выпустятъ; такъ онъ рѣшилъ и вѣрилъ въ это слѣпо, со всѣмъ фанатизмомъ арестанта. Послѣдній день сентября онъ провелъ въ страшномъ возбужденіи, всю ночь не спалъ и утромъ ждалъ Лоренцо, какъ посланника Провидѣнія. Ему все казалось, что его тюремщикъ войдетъ и тотчасъ выведетъ его изъ тюрьмы. Но Лоренцо пришелъ по обыкновенію и ничего новаго не сообщилъ. Дней пять-шесть послѣ того Казанова кипѣлъ отъ ярости и безнадежнаго отчаянія. Потомъ имъ вдругъ овладѣла мысль, что ника-

кого надъ нимъ не будетъ ни суда, ни слѣдствія, а просто-на-просто оставятъ его въ этой норѣ на всю жизнь. Тогда онъ принялъ безповоротное рѣшеніе—либо бѣжать, либо принудить своихъ палачей, чтобы они его убили.

Тогда проекты и планы бѣгства вдругъ толпою нахлынули въ его разгоряченный мозгъ. Онъ хватался за каждый изъ нихъ, напряженно обдумывалъ его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ до тѣхъ поръ, пока не нападалъ новый планъ, который казался ему несравненно удобнѣе и разумнѣе; тогда онъ бросалъ прежній проектъ и съ тою же настойчивостью принимался обдумывать новый.

Въ эти дни случилось событіе, которое ясно показало Казановѣ, въ какое печальное состояніе пришли его мыслительныя способности. Однажды, въ то время, какъ Лоренцо и его помощники собирались выйти изъ каморки Казановы послѣ ея уборки, вдругъ разразился сильный толчекъ землетрясенія. И вотъ, въ самый моментъ толчка Казанова вдругъ почувствовалъ приливъ какой-то непостижимой, захватывающей радости. Онъ стоялъ и ждалъ въ блаженной нѣмотѣ, самъ не зная чего. Спустя нѣсколько секундъ разразился новый толчекъ. Тогда, не въ силахъ будучи сдержать свое восторженное возбужденіе, Казанова вскричалъ:

— Un altra, un altra, gran Dio, ma più forte! (Еще разъ, еще, о, великій Боже, да покрѣпче!)

Тюремщики, подумавъ, что онъ сошелъ съ ума и кощунствуетъ въ безуміи, бросились бѣжать.

Тогда Казанова опомнился и старался сообразить, что́ его такъ обрадовало въ землетрясеніи. И вотъ онъ вспомнилъ, что у него эта катастрофа вызвала внезапное возникновеніе цѣлаго плана спасенія: отъ сильнаго толчка зданіе разрушится, а онъ, здравый и невредимый, очутится на площади св. Марка и, пользуясь сумятицею, преспокойно убѣжитъ. Мелькнула, впрочемъ, также догадка, что зданіе можетъ задавить его своими развалинами. Ну, что же, и это хорошо; по крайней мѣрѣ, конецъ!

Замѣтимъ мимоходомъ, что это землетрясеніе было отзвукомъ той ужасной катастрофы, которая въ 1755 году разрушила Лиссабонъ.

ГЛАВА XI.

Кое-что о тюрьмѣ Piombi.—Тюремные товарищи—Маджоринъ, ростовщики Сквальдо-Нобили и Шалонъ.—Посѣщеніе заключенныхъ секретаремъ инквизиціи.—Исповѣдь Казановы и предсказаніе исповѣдовавшаго его іезуита о днѣ освобожденія.—Казанова запасается лампою и долотомъ и принимается бурить полъ своей камеры.—Внезапный переводъ въ другую камеру и открытіе тайны.

Для того, чтобы лучше уразумѣть всю процедуру бѣгства Казановы изъ страшной «свинчатки», надо дать понятіе хотя въ общихъ чертахъ объ ея устройствѣ. Кто бывалъ въ Венеціи или видалъ фотографіи этого города, тотъ знаетъ, что тюрьма эта составляетъ часть Дворца Дожей, именно его верхній этажъ или чердакъ; а такъ какъ дворецъ крытъ свинцовыми листами, то и тюрьма оказывается непосредственно подъ ними. Отсюда и пошло выраженіе среди венеціанцевъ—

«попасть подъ свинчатки» (по-итальянски свинецъ—piombo) и самое названіе тюрьмы—свинчатки, свинцовые листы—piombi. Такимъ устройствомъ кровли, замѣтимъ мимоходомъ, объясняется и та невыносимая жара и духота въ ней въ лѣтнее время, отъ которой такъ каторжно мучился Казанова. Въ тюрьму имѣется только одинъ ходъ, именно изъ зала засѣданія совѣта инквизиціи, находящагося за каналомъ, черезъ Мостъ Вздоховъ (Ponte dei Sospiri). Ключъ отъ дверей тюрьмы, выходящихъ на мостъ, хранился у секретаря инквизиціи и только разъ въ сутки, на время, необходимое для уборки камеръ, секретарь передавалъ его тюремщику; остальное время входъ въ тюрьму былъ запертъ, и она совершенно была отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Уборка камеръ, какъ уже сказано, производилась утромъ до открытія ежедневныхъ засѣданій совѣта инквизиціи, для того, чтобы сторожа не ходили черезъ этотъ залъ (а мимо него другого хода не было) во время засѣданія.

Тюрьма, т. е., говоря правильнѣе, весь этотъ чердакъ Дожескаго дворца раздѣлялся на нѣсколько отдѣловъ, которые народъ звалъ тюрьмами; когда говорили о Piombi, выражались во множественномъ числѣ—не тюрьма, а тюрьмы, потому что ихъ было нѣсколько, отдѣленныхъ одна отъ другой. Три отдѣленія тюрьмы обращены окнами на западъ, а четыре другія—на востокъ, соотвѣтственно расположенію ската кровли дворца. Казанова попалъ въ одно изъ отдѣленій западнаго ската кровли. Западные отдѣлы выходятъ окнами на дворъ, восточные на улицу, разумѣется, на мѣстную, венеціанскую, т. е. на каналъ, называемый Rio di Palazzo. Въ восточныхъ отдѣлахъ свѣта больше и камеры выше, такъ что тамъ можно стоять во весь ростъ. Западные отдѣлы называются trave, т. е балки, матицы, по тѣмъ толстымъ бревнамъ, концы которыхъ загораживаютъ свѣтъ, какъ мы уже упоминали выше. Полъ каморки Казановы приходился какъ разъ надъ заломъ засѣданій совѣта инквизиціи; венеціанцы называли его bussola, т. е. барабанъ, тамбуръ, сѣни; этотъ залъ служилъ какъ бы сѣнями, преддверіемъ тюрьмы.

Казанова хорошо зналъ расположеніе дворца и тюремъ; зналъ также весь монотонный, въ высшей степени регулярный ежедневный обиходъ занятій инквизиціи. Обсудивъ эти обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что бѣжать изъ тюрьмы можно исключительно лишь черезъ полъ; надо было пробуравить въ немъ отверстіе и спуститься въ залъ засѣданій инквизиціи и оттуда уже бѣжать черезъ дворецъ. Но для этого надо было прежде всего запастись какимъ-нибудь орудіемъ, а у него ничего не было, и онъ тщетно ломалъ себѣ голову, откуда бы добыть хоть что-нибудь, чѣмъ можно пробуравить полъ. Для того, чтобы подкупить служителя, требовались деньги, а у Казановы ихъ не было. Смущали его также тюремщики. Лоренцо приходилъ обыкновенно съ двумя сторожами; одинъ изъ нихъ входилъ въ тюрьму, а другой всегда оставался снаружи, на-сторожѣ. Допустивъ, что онъ могъ бы задушить Лоренцо и того сторожа, который вошелъ съ нимъ, какъ быть со вторымъ сторожемъ? Онъ убѣжитъ и кликнетъ на помощь. Казанова бросилъ книги и думалъ съ непоколебимымъ упорствомъ только объ одномъ—о своемъ побѣгѣ. Онъ всегда вѣрилъ глубоко, что если человѣкъ задумалъ что бы то ни

было и преслѣдуетъ свою цѣль упорно и неотступно, то непремѣнно ея достигнетъ. Онъ можетъ стать папой, можетъ опрокинуть цѣлую имперію, словомъ нѣтъ для него ничего недоступнаго, лишь бы его воля и настойчивость оказались пропорціональны предположенной задачѣ.

Въ половинѣ ноября Лоренцо сообщилъ Казановѣ, что къ нему скоро подсадятъ новаго узника. Секретарь инквизиціи, Бузинелло (назначенный вмѣсто прежняго. Кавалло), приказалъ Лоренцо помѣстить этого узника въ самую неудобную камеру, а неудобнѣе той, гдѣ сидѣлъ Казанова, не было во всей тюрьмѣ. Лоренцо сказалъ было секретарю, что Казанова смотритъ на свое одиночество, какъ на особенную милость; секретарь замѣтилъ на это, что за четыре мѣсяца заключенія мысли узника могли и измѣниться. Извѣстіе обрадовало Казанову; особенно онъ былъ доволенъ назначеніемъ въ секретари этого Бузинелло: онъ зналъ его за весьма хорошаго человѣка.

Въ тотъ же день послѣ полудня привели новаго арестанта. Его молча втолкнули въ камеру и молча ушли. Новичекъ, молодой человѣкъ небольшого роста, довольно свободно стоялъ въ каморкѣ во весь ростъ, не сгибаясь. Казанова ясно видѣлъ его; онъ самъ лежалъ въ это время на кровати, и новоприбывшій, за темнотою, не могъ его видѣть, не могъ и слышать, потому что Казанова лежалъ тихо и неподвижно. Новый обыватель каморки оглядѣлся, увидѣлъ кресло, столъ и, вѣроятно, подумалъ, что все это тутъ поставлено для него. Увидѣлъ потомъ книгу, взялъ въ руки, но съ досадой бросилъ; она была латинская, а онъ не зналъ по-латыни. Потомъ онъ ощупью пошелъ кругомъ каморки и, разумѣется, въ концѣ концовъ добрался до Казановы, нащупавъ его въ постели. Юноша тотчасъ почтительно извинился. Невольные сожители познакомились и молодой человѣкъ сейчасъ же разсказалъ Казановѣ свою исторію.

Онъ былъ родомъ изъ Виченцы; звали его Маджорино. Онъ былъ сынъ кучера графовъ Поджана; учился сначала въ школѣ, затѣмъ былъ отданъ отцомъ въ ученики къ парикмахеру, потомъ поступилъ въ камердинеры къ какому-то графу X. У графа была дочь, которую юный кауферъ ежедневно причесывалъ; причесывалъ, да причесывалъ, и кончилъ тѣмъ, что влюбился въ красавицу-графиню. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, но весьма загадочно то, что и дѣвушка тоже влюбилась въ своего куафера, сына простого кучера. Взаимный пылъ завелъ молодыхъ людей слишкомъ далеко за предѣлы... парикмахерскаго искусства Чрезвычайное положеніе молодой графини не ускользнуло отъ наблюдательнаго ока ея служанки. Эта особа, преданная душою и тѣломъ интересамъ графской семьи, порѣшила сообщить обо всемъ самому графу. Барышня, однако, на нѣкоторое время сумѣла оттянуть катастрофу, уговоривъ или подкупивъ служанку. Влюбленнымъ оставалось одно—бѣжать.

Они такъ и порѣшили. Барышня взяла съ собой деньги и драгоцѣнныя вещи своей покойной матери. Бѣжать рѣшили какъ разъ въ ночь, предшествовавшую заточенію. Но пришлось отказаться изъ-за того, что старый графъ внезапно возложилъ на своего камердинера нѣкое экстренное порученіе, отъ котораго тотъ не могъ уклониться. Порученіе же это состояло въ томъ, чтобы нимало немедля отвезти въ Венецію

письмо графа, адресованное одному важному венеціанскому патрицію. Камердинеръ взялъ письмо, примчался въ Венецію, отыскалъ адресата и передалъ ему посланіе. Адресатъ прочелъ посланіе и... распорядился немедленно заточить подателя его подъ гостепріимную кровлю свинчатки. Графъ заставилъ его (конечно, предварительно узнавъ всю исторію его романа съ дочерью) отвезти въ Венецію пространный доносъ на самого себя.

Юноша рыдалъ, повѣствуя Казановѣ эту плачевную исторію.

— Не правда-ли, м. г., вѣдь я же могу, я имѣю право считать ее своею женою? - вопилъ онъ, осаждаемый воспоминаніями о своемъ счастьи.

— Напрасно вы такъ мечтаете,—урезонивалъ его умудренный опытомъ Казанова.

— Но вѣдь сама натура требовала...—начиналъ возражать бѣдняга.

— Натура,—перебивалъ его Казанова,—когда человѣкъ ее слишкомъ усердно слушается, ведетъ его къ глупостямъ, а глупости приводятъ его подъ свинцовую кровлю.

— Да развѣ я въ «свинчаткѣ»?

— Какъ и я,—отвѣчалъ Казанова.

Итакъ, юноша водворился вмѣстѣ съ Казановою. Онъ понравился нашему герою; это былъ очень милый и неглупый мальчикъ и дебоширъ. Казанова, конечно, охотно прощалъ ему его проступокъ и въ душѣ осуждалъ суроваго графа, который самъ же первый былъ виноватъ, допустивъ извѣстную близость между своею дочкою и хорошенькимъ куаферомъ.

Скоро послѣ того Казановѣ и его сожителю позволили ежедневно выходить ненадолго въ сосѣднюю камеру. Тамъ въ одномъ углу Казанова увидалъ какой-то ящикъ и около него обломки разной мебели. Тутъ же валялась куча какихъ-то бумагъ. Казанова отъ скуки началъ перебирать эти бумаги; это были старыя дѣла инквизиціи, и многія изъ нихъ оказались чрезвычайно любопытными, такъ что Казанова былъ радъ своей находкѣ, какъ источнику развлеченія; а то ему давно уже нечего было читать.

Въ кучѣ стараго хлама, валявшагося въ углу, Казанова нашелъ грѣлку, котелокъ, кочергу, каминные щипцы, подсвѣчники, горшки и т. п. домашнія вещи. Онъ заключилъ, что тутъ когда-то содержался какой-нибудь знатный патрицій, которому, не въ примѣръ прочимъ, дозволили держать въ камерѣ всѣ эти вещи. Тутъ же въ кучѣ валялся громадный, въ полтора фута длиною, замокъ. Казанова замѣтилъ всѣ эти вещи, но сдѣлалъ пока, до поры до времени, видъ, что не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

Въ концѣ ноября пришли за компаньономъ Казановы и перевели его въ другую тюрьму. Впослѣдствіи онъ узналъ, что несчастный Маджорино просидѣлъ въ ней пять лѣтъ, а потомъ отсидѣлъ въ другой тюрьмѣ еще десять лѣтъ. Послѣ перевода куафера въ другую камеру, Казанова вновь почувствовалъ всю тоску одиночества; но за то онъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялся размышлять надъ планами бѣгства. Ему попрежнему позволяли гулять каждый день полчаса въ сосѣдней каморкѣ. На этотъ разъ онъ съ большимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ все, что въ ней было свалено въ видѣ ненужнаго хлама. Онъ заглянулъ въ стоявшіе тамъ

ящики. Въ одномъ изъ нихъ нашлись кипы бумаги, неочиненныя перья и мотки нитокъ. Другой ящикъ былъ заколоченъ. Рядомъ съ ящиками лежалъ кусокъ чернаго мрамора, толщиною въ дюймъ, длиною въ шесть и шириною въ три дюйма. Казанова захватилъ этотъ кусокъ въ свою келью, хотя и не зналъ еще, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ него.

Скоро послѣ того Лоренцо извѣстилъ Казанову, что скоро у него будетъ новый компаньонъ. Этотъ Лоренцо былъ большой болтунъ и, повидимому, очень удивлялся и даже раздражался тѣмъ, что Казанова не пристаетъ къ нему ни съ какими разспросами. Казанова сразу принялъ съ нимъ эту систему молчанія, и хотя не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли (просто противенъ ему былъ этотъ вѣрный стражъ инквизиціи), но система принесла свои плоды. Лоренцо подумалъ: узникъ съ нимъ молчитъ въ увѣренности, что все равно ничего отъ него не добьется,—онъ ничего не знаетъ. Такая мысль обидѣла Лоренцо; онъ захотѣлъ показать Казановѣ, что ему, напротивъ, извѣстны чуть не всѣ государственныя тайны. Онъ становился все болтливѣе, и Казанова прислушивался къ его болтовнѣ, на всякій случай.

На другой день привели новаго компаньона. Такъ какъ у вновь прибывающихъ въ первые дни ничего еще не припасено, то Казановѣ приходилось разыгрывать какъ бы роль хозяина и относиться къ новоприбывшимъ, какъ къ своимъ гостямъ. Новый знакомецъ отвѣсилъ Казановѣ глубокій поклонъ; нашъ герой все время не брился и его борода выросла дюйма на четыре, придавая ему весьма почтенный видъ. Лоренцо иногда давалъ ему ножницы, чтобы остричь ногти, но къ бородѣ не дозволялъ прикоснуться, ссылаясь на приказъ инквизиціи, который Богъ вѣсть чѣмъ былъ мотивированъ.

Новоприбывшій былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, почти одного роста съ Казановою, тощій, болѣзненнаго вида; онъ носилъ черный парикъ и сѣрое платье изъ грубой матеріи. Онъ принялъ обѣдъ, предложенный ему Казановою, но оказался ужасно молчаливымъ, цѣлый день не промолвивъ почти ни слова. Впрочемъ, это молчаніе было просто результатомъ перваго впечатлѣнія тюрьмы. На другой же день новичекъ разомкнулъ уста.

Когда Лоренцо спросилъ у него денегъ на обѣдъ, онъ сказалъ, что у него нѣтъ денегъ.

— Какъ,—вскричалъ Лоренцо,—у такого богача, какъ вы, да нѣтъ денегъ! Ну, коли такъ, я принесу вамъ только сухарей да воды, какъ полагается по тюремнымъ правиламъ.

Скоро онъ вернулся и принесъ полтора фунта сухарей и кружку воды. Новый узникъ посидѣлъ, посидѣлъ, потомъ глубоко вздохнулъ и разжалобилъ этимъ вздохомъ Казанову.

— Не грустите, синьоръ,—сказалъ онъ ему,—пообѣдаемъ вмѣстѣ. Только, мнѣ кажется, напрасно вы не захватили съ собою денегъ, отправляясь сюда.

— У меня есть съ собой деньги, да я не хотѣлъ объ этомъ говорить.

— Совершенно напрасно, потому что этимъ вы лишили себя обѣда За что васъ арестовали, вамъ это извѣстно?

Тощій старецъ отвѣчалъ, что извѣстно, и въ короткихъ словахъ передалъ Казановѣ свою исторію.

Его звали Сквальдо-Нобили. Онъ былъ ростовщикъ. Случилось,

что одинъ изъ сенаторовъ далъ ему въ ссуду 500 цехиновъ, съ просьбою пустить ихъ въ оборотъ. Ростовщикъ исполнилъ его просьбу и нажилъ на его деньги около 15%, которые и вручилъ сенатору. Но тотъ остался недоволенъ такимъ ничтожнымъ барышомъ и потребовалъ свои деньги назадъ. Ростовщикъ хотѣлъ удержать въ свою пользу извѣстный куртажъ, сенаторъ не согласился, началась ссора, потомъ судебная свалка, а въ концѣ концовъ сенаторъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, засадилъ ростовщика въ тюрьму.

Казанова былъ не особенно обрадованъ такою компаніею, но дѣлать было нечего. Его, впрочемъ, очень скоро выпустили; онъ соскучился въ тюрьмѣ; деньги были съ нимъ, онъ заплатилъ все, что требовалъ сенаторъ, и его не зачѣмъ было больше держать; другого преступленія за нимъ не было.

Наступилъ новый 1756 годъ. Въ самый день новаго года Казанова получилъ сюрпризъ, въ высшей степени отрадный для узника. Его покровитель Брагадинъ добился таки позволенія доставить ему теплую одежду, въ которой онъ очень нуждался, такъ какъ зимою подъ свинцовою кровлею тюрьмы узники не меньше страдали отъ холода, чѣмъ лѣтомъ отъ жары. Тотъ же Брагадинъ назначилъ ему субсидію по шести цехиновъ въ мѣсяцъ; на эти деньги ему позволили выписывать газету и покупать книги, какія онъ хочетъ.

«Надо быть въ моемъ тогдашнемъ состояніи,—пишетъ Казанова,—чтобы понять, какъ подѣйствовало на меня это извѣстіе. Я былъ до такой степени умиленъ, что готовъ былъ простить все моимъ притѣснителямъ, забылъ даже о своихъ планахъ бѣгства. До такой степени мягокъ человѣкъ, когда несчастіе удручаетъ и оподляетъ его».

Лоренцо передалъ ему, что старикъ Брагадинъ самъ былъ у инквизиторовъ, стоялъ передъ ними на колѣняхъ, умоляя позволить ему оказать посильную помощь названному сыну, если онъ еще остается въ живыхъ. Инквизиторы сжалились надъ старикомъ. Казанова тотчасъ составилъ списокъ книгъ, которыя ему было желательно имѣть, и передалъ его Лоренцо.

Однажды утромъ, гуляя по сосѣдней камерѣ, Казанова вновь присмотрѣлся къ большой задвижкѣ, которую онъ видѣлъ раньше. У него вдругъ мелькнула мысль, что эта массивная металлическая полоса можетъ сослужить ему добрую службу. Онъ захватилъ ее и спряталъ у себя въ бѣльѣ. Тутъ же онъ вспомнилъ кстати о кускѣ мрамора, который спряталъ раньше; этотъ камень оказался не мраморомъ, а великолѣпнымъ точиломъ; Казанова потеръ о него полосу и очень быстро обточилъ на немъ значительной величины кусокъ. Нимало немедля, нашъ герой принялся за дѣло. Онъ обточилъ конецъ задвижки восемью гранями, сходившимися въ остріе; пришлось при отсутствіи масла работать долго, цѣлую недѣлю, но у каждаго узника время и терпѣнье всегда найдутся въ изобиліи. Это былъ громадный и въ высшей степени утомительный трудъ; его руки онѣмѣли и почти отказывались ему служить, но это скоро прошло, и Казанова не могъ нарадоваться на дѣло рукъ своихъ—великолѣпный стилетъ съ восьмиграннымъ остріемъ. Онъ тотчасъ озаботился найти для своего сокровища надежную кладовую, придумалъ прятать его внутри обивки своего кресла.

Достойно замѣчанія, что Казанова, затрачивая такую массу труда и настойчивости на изготовленіе этого орудія, въ сущности совершенно не сознавалъ, на что оно ему, что онъ сдѣлаетъ съ его помощью. У него вышло что-то вродѣ тѣхъ полупикъ (эспантоновъ), которыми въ старое время были вооружены кавалеристы. Полоса была толщиною въ дюймъ, а длиною дюймовъ въ двадцать. Казанова дня четыре подъ-рядъ только и былъ занятъ тѣмъ, что раздумывалъ надъ ея употребленіемъ. Наконецъ, онъ порѣшилъ продѣлать этимъ долотомъ отверстіе въ полу подъ своею кроватью.

Онъ былъ глубоко увѣренъ въ томъ, что его камера находилась какъ разъ надъ заломъ засѣданій. Пробуравивъ отверстіе, онъ могъ спуститься въ этотъ залъ на полосѣ, сдѣланной изъ бѣлья и простынь. Въ залѣ онъ могъ спрятаться подъ столомъ, за которымъ происходили засѣданія. Когда дверь зала отворятъ, онъ выскользнетъ въ нее и успѣетъ бѣжать. Если его вздумаетъ задержать кто-нибудь изъ сторожей, то вѣдь его долото будетъ съ нимъ и, имѣя въ рукахъ такое оружіе, онъ сумѣетъ постоять за себя. Этотъ планъ казался ему совершенно резоннымъ и выполнимымъ.

Но тутъ ему пришло въ голову новое соображеніе. Полъ его камеры могъ быть двойной, даже тройной; масса мусора должна же быть куда-нибудь удалена, иначе ее увидятъ сторожа, убирающіе камеру. Подъ кровать они не заглянутъ, это еще можно было допустить, да и что бы они тамъ разсмотрѣли въ потемкахъ? Но если увидятъ мусоръ, непремѣнно у нихъ явиться подозрѣніе. Сказать имъ, чтобы не мели камеры — опять таки будетъ подозрительно, особенно послѣ того, какъ Казанова, желавшій по возможности избавиться отъ блохъ, всегда настойчиво просилъ мести полъ, какъ можно тщательнѣе. Это былъ важный и труднѣйшій пунктъ и его надлежало хорошо обдумать.

Казанова прибѣгъ на первое время къ такой уловкѣ. Онъ попросилъ, чтобы камеру не мели, не объясняя, однако, причины. Цѣлую недѣлю его просьба исполнялась безпрекословно. На восьмой день Лоренцо заинтересовался этою упрямою неопрятностью и потребовалъ объясненій. Казанова пожаловался на страшную пыль, которая подымается отъ метлы и причиняетъ ему кашель.

Лоренцо предложилъ поливать полъ камеры водою, чтобы не было пыли. Но Казанова сказалъ, что такъ будетъ еще хуже, заведется сырость. Уловка удалась; не мели еще цѣлую недѣлю. Но дальше тюремщикъ не хотѣлъ ничего слушать и приказалъ вымести полъ. При этомъ отъ Казановы не укрылось одно обстоятельство, свидѣтельствовавшее о томъ, что у тюремщика уже зародилось подозрѣніе; онъ велѣлъ вынести кровать въ сосѣднюю каморку и во время уборки зажегъ свѣчку и свѣтилъ сторожамъ, зорко осматривая полъ и стѣны. Тогда Казанова обдумалъ и привелъ въ исполненіе такого рода уловку. Онъ укололъ себѣ палецъ и окровавилъ свой платокъ, затѣмъ, оставаясь въ постели, сталъ ждать прихода Лоренцо. Когда онъ явился, Казанова сказалъ ему, что отъ пыли съ нимъ случился припадокъ удушливаго кашля, отъ котораго у него лопнула жила; и онъ показалъ тюремщику окровавленный платокъ. Пришлось позвать доктора. Тотъ, выслушавъ разсказъ Казанова, принялся укорять Лоренцо за то, что онъ подымаетъ пыль въ помѣщеніи человѣка, не могущаго ее переносить; словно его-

ворившись съ Казановою, докторъ долго толковалъ именно о томъ, чего такъ хотѣлось добиться нашему узнику, разсказалъ даже случай изъ своей практики, какъ одинъ молодой человѣкъ умеръ, надышавшись пыли. Лоренцо изъ кожи лѣзъ, стремясь увѣрить, что онъ мелъ комнату въ интересахъ самого же узника, чтобы у него было чисто. Рѣшено было совершенно прекратить выметаніе сора изъ каморки Казановы.

Кровопусканіе, которое ему сдѣлалъ врачъ, принесло свою пользу. Казанова, мучившійся безсонницею, на этотъ разъ хорошо выспался. Вообще съ этого времени онъ, къ своему великому удовольствію, сталъ поправляться здоровьемъ. Буреніе пола онъ пока отложилъ; стояла зима и пускаться въ бѣгство въ холодъ было рискованно. Да и въ самой каморкѣ стоялъ такой морозъ, что работать было невозможно: руки застывали.

Зимнія долгія ночи приводили Казанову въ отчаяніе; ему приходилось проводить въ потемкахъ не менѣе девятнадцати часовъ въ сутки. Даже въ самые свѣтлые часы дня почти совсѣмъ невозможно было читать. Онъ дорого бы далъ за самую скверную кухонную лампочку; но гдѣ ее было взять? Эта лампочка сдѣлалась, наконецъ, его неподвижной идеей, и онъ только и думалъ, какъ бы устроить себѣ хотя самый скудный свѣточъ. Надо было раздобыть какой-нибудь сосудъ, свѣтильню, масло и огниво. Сосудъ, положимъ, былъ подъ рукой—та мисочка или формочка, въ которой ему подавали яичницу. Затѣмъ онъ распорядился, чтобы ему купили прованскаго масла; въ этомъ ему не было отказано, продуктъ былъ пищевой и ничего подозрительнаго не заключалъ. Свѣтильню тоже можно было сдѣлать изъ полоски кроватнаго вязанаго покрывала. Надо было добыть кремень. Казанова притворился, что у него болятъ зубы, и растолковалъ Лоренцо, что лучшее средство отъ зубной боли—это кусокъ кремня, размягченнаго въ уксусѣ Казанова упросилъ глупаго малаго принести себѣ этого драгоцѣннаго камня. У него на поясѣ была большая стальная пряжка, она и послужила ему огнивомъ. Теперь надо еще было достать немного трута и сѣры. У Казановы появилась на рукѣ какая-то сыпь; онъ зналъ, что этого рода накожныя болѣзни лечили въ его время сѣрною мазью. Онъ послалъ черезъ Лоренцо записку къ доктору. Тотъ, по счастью, какъ разъ упомянулъ въ своемъ рецептѣ сѣрную мазь. Казанова спросилъ у Лоренцо, нѣтъ ли у него сѣрянокъ, чтобы не бѣгать въ аптеку за сѣрною мазью; тюремщикъ тотчасъ вынулъ изъ кармана нѣсколько спичекъ и отдалъ Казановѣ. Теперь все дѣло остановилось за трутомъ. Гдѣ его добыть, подъ какимъ предлогомъ потребовать отъ Лоренцо? Казанова ничего не могъ выдумать. Замѣтимъ здѣсь, кстати, мимоходомъ, что сѣрянки, которыя далъ ему Лоренцо, не были нынѣшнія, самовозгорающіяся отъ тренія фосфорныя спички; онѣ тогда еще не были изобрѣтены; тогдашнія сѣрянки (ихъ еще хорошо помнятъ старые люди) представляли собою лучинки, покрытыя на концѣ горячею сѣрою, и зажигались не иначе, какъ о тлѣющій уголь; въ печкахъ тогда старались сохранять подъ золою, въ «загнеткѣ», тлѣющіе угли цѣлый день. Казановѣ же приходилось напитать трутъ сѣрою и зажечь его, высѣкая на него искры огнивомъ.

Размышляя объ этомъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что приказывалъ

своему портному положить въ рукава, въ подмышки, слои трута, для того, чтобы испарина не портила матеріи. И эта одежда какъ разъ была съ нимъ, онъ въ ней вошелъ въ тюрьму! Казанова кинулся къ своему кафтану, чтобы немедленно выпороть рукава. Но вдругъ ему подумалось, что портной забылъ исполнить его приказъ. Какое горькое будетъ разочарованіе! Онъ такъ боялся этой неудачи, такъ трепеталъ передъ нею, что не рѣшался прикоснуться къ своему кафтану. Наконецъ, онъ палъ на колѣни и горячо молился Богу, чтобы его надежды не были обмануты. Помолившись, онъ съ содроганіемъ приступилъ къ этому кафтану, подпоролъ подкладку, и — о, счастье! — нашелъ пластинку трута!

Спустя нѣкоторое время, онъ вспомнилъ о своей странной молитвѣ, обдумалъ ее и встревожился. Ему уже не въ первый разъ приходилось ловить себя на подобныхъ странностяхъ, свидѣтельствовавшихъ о болѣзненномъ разстройствѣ его мыслительной способности; онъ уже много разъ терзался сомнѣніемъ и опасеніемъ, какъ бы ему серьезно не спятить съ ума.

«Если портной положилъ трутъ, то куда же онъ могъ исчезнуть? Если не положилъ, то откуда же онъ явится? Неужели я могъ надѣяться, что Провидѣніе совершитъ ради меня настоящее чудо?» Это разсужденіе очень его утѣшило. Оно ему показало, что если онъ способенъ впасть въ логическое заблужденіе, то способенъ и замѣтить его — признакъ успокоительный.

Теперь у него было все, что нужно для свѣтильника. Онъ создалъ свѣтъ среди тьмы и былъ счастливъ, какъ богъ. Теперь для него почи не страшны. Положимъ, сжигая масло, онъ лишался своего салата; но онъ охотно приносилъ эту жертву.

Онъ рѣшилъ начать свою работу—буравленіе пола—съ чистаго понедѣльника, пропустивъ масленицу. На масленой, среди праздничнаго разгула, всегда могли случаться преступленія и, значитъ, являться преступники, которыхъ могли подсадить къ нему; надо было переждать это опасное время. Его работа требовала болѣе или менѣе обезпеченнаго одиночества.

Его опасенія были основательны. Какъ разъ въ воскресенье на масленой къ нему подсадили компаньона. Это былъ извѣстный и даже коротко знакомый ему еврей-ростовщикъ Шалонъ. Гость былъ очень непріятный, но не принять его, къ сожалѣнію, не представлялось возможности. Еврей былъ страшный болтунъ, хвастунъ и вдобавокъ набитый дуракъ, хотя и плутъ; ума у него хватало только на ростовщическія пакости, за которыя его и засадили. Онъ наказывалъ Казанову своимъ сообществомъ цѣлыхъ два мѣсяца. Сначала Казанова не хотѣлъ зажигать при немъ свою лампу, но потомъ ему сдѣлалось невыносимо скучно безъ свѣта; онъ разсказалъ еврею о лампѣ и просилъ его соблюдать секретъ; тотъ обѣщалъ и соблюдалъ, пока сидѣлъ въ тюрьмѣ, а потомъ разболталъ все тому же Лоренцо. Удивительно, что послѣдній не обратилъ вниманія на это открытіе, почему-то не придавъ ему значенія.

Въ среду на страстной недѣлѣ Лоренцо предупредилъ Казанову, что послѣ полудня, согласно давнишнему обычаю, секретарь инквизиціи обходитъ всѣхъ заключенныхъ передъ говѣньемъ, опрашиваетъ

ихъ, не имѣютъ ли претензій на тюремную стражу. Казанова просилъ, чтобы ему прислали духовника на другой день. Въ урочное время явился секретарь. Жидъ, который почему-то былъ увѣренъ, что секретарь его тотчасъ выпуститъ изъ тюрьмы, какъ только увидитъ, при входѣ этого сановника кинулся передъ нимъ на колѣни и началъ рыдать и причитать. Секретарь не сталъ его слушать и не сказалъ ему ни слова.

Встрѣча секретаря съ Казановою вышла очень курьезной. Казанова, одѣтый въ свой нарядный костюмъ, дрожалъ отъ холода и ужасно сердился на себя за эту дрожь; ему не хотѣлось, чтобы секретарь подумалъ, что онъ дрожитъ передъ нимъ отъ страха. Когда сановникъ вступилъ въ сосѣднюю каморку, Казанова вышелъ ему навстрѣчу изъ своей камеры; проходя въ низенькую дверь, онъ былъ вынужденъ согнуться вдвое и это отлично сошло за поклонъ передъ его превосходительствомъ. Затѣмъ, выпрямившись, Казанова молча уставился на секретаря, ожидая, что онъ ему скажетъ. Секретарь, въ свою очередь, молча смотрѣлъ на Казанову, должно быть тоже выжидая, не скажетъ ли что-нибудь узникъ. Такъ постояли они одинъ противъ другого, какъ статуи, минуты двѣ. Выждавъ это время, секретарь молча кивнулъ Казановѣ, тотъ отдалъ поклонъ; секретарь повернулся и вышелъ. А Казанова, дрожавшій отъ холода, немедленно улегся въ постель, чтобы согрѣться.

Въ четвергъ къ Казановѣ пришелъ духовникъ-іезуитъ; онъ исповѣдалъ его, а на слѣдующій день приходилъ священникъ отъ св. Марка и причастилъ узника. Исповѣдникъ, между прочимъ, спросилъ его, молится ли онъ.

— Молюсь съ утра до вечера и съ вечера до утра: въ моемъ положеніи все, что во мнѣ происходитъ, — мое безпокойство, мое нетерпѣніе, даже всѣ движенія моего разума, передъ лицомъ Божественной мудрости, видящей мое сердце, должно являться ничѣмъ инымъ, какъ непрестанною молитвою.

Этотъ іезуитъ, между прочимъ, предсказалъ Казановѣ, что онъ не выйдетъ изъ тюрьмы раньше своихъ имянинъ, т. е. дня св. Іакова (25 іюля по католическимъ святцамъ). Это пророчество, высказанное весьма внушительнымъ тономъ, произвело громадное впечатлѣніе на Казанову. Онъ зналъ, что исповѣдавшій его іезуитъ состоитъ духовникомъ одного изъ инквизиторовъ, сенатора Корнера. Этотъ старецъ былъ человѣкъ громадной учености, и притомъ пользовался репутаціею человѣка незапятнанной честности.

Праздная мысль узника всѣми силами ухватилась за предсказаніе монаха. Онъ возвѣстилъ, что плѣнъ Казановы кончится въ день памяти его святого. Казанова прежде всего подумалъ о днѣ св. Іакова; но онъ тутъ же вспомнилъ, что онъ былъ какъ разъ въ этотъ самый день арестованъ. Значитъ, на предстательство своего главнаго патрона онъ не могъ разсчитывать. Но по католическому обычаю Казанова имѣлъ нѣсколько именъ. Календарь у него былъ и онъ началъ отыскивать въ немъ даты празднованія своихъ святыхъ. У него еще было имя Георгія, но Казанова вспомнилъ, что никогда не думалъ объ этомъ святомъ и не обращался къ нему. Оставался св. Маркъ—покровитель Венеціи. День его памяти падалъ на 25-е апрѣля. Казанова молился ве-

ликому евангелисту цѣлые дни; но 25 апрѣля прошло и кануло въ вѣчность, а Казанова все еще сидѣлъ въ свинчаткѣ. Послѣ того онъ обращался къ инымъ фамильнымъ покровителямъ. Филиппу, Антонію, который по вѣрѣ благочестивыхъ падуанцевъ совершаетъ каждый день тринадцать чудесъ; но для Казановы великій святитель не свершилъ чуда. Въ концѣ концовъ, извѣрившись въ помощь свыше, Казанова вновь сосредоточилъ всѣ свои надежды на своемъ долотѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Пасхи ростовщика перевели въ другую тюрьму; Казанова вновь остался одинъ и могъ приступить къ выполненію своего замысла. Онъ рѣшилъ поторопиться, чтобы опять не привели новаго сожителя. Онъ принялся за работу тотчасъ, какъ только увели жида. Онъ отодвинулъ свою кровать, зажегъ лампочку и, улегшись ничкомъ на полу, принялся буравить полъ, собирая щепки въ салфетку. Работа первое время шла очень туго; Казанова былъ къ ней не привыченъ, да и орудіе его совсѣмъ для этой цѣли не годилось. Но мало-по-малу онъ наловчился и съ удовольствіемъ убѣдился въ томъ, что съ каждымъ ударомъ долота стружки и щепки становятся крупнѣе.

Полъ былъ лиственничный. Казанова началъ долбить въ стыкѣ двухъ досокъ. Скоро его салфетка наполнилась стружками и щепками; онъ завязалъ ее и на другой день незамѣтно выкинулъ изъ нея мусоръ за груду хлама, лежавшаго въ сосѣдней каморкѣ, куда его выпускали прогуляться. Его нѣсколько смутилъ значительный объемъ мусора, но онъ надѣялся, что въ огромной кучѣ хлама этотъ соръ нѣкоторое время останется незамѣченнымъ. Скоро первая доска была обсѣчена съ двухъ сторонъ, и такъ какъ полъ, по счастью, былъ настланъ безъ скрѣпленія досокъ между собою, то отсѣченный участокъ свободно былъ снятъ съ мѣста. Подъ первою настилкою обнаружилась вторая; Казанова, работая съ лихорадочною поспѣшностью, одолѣлъ и эту настилку, потомъ покончилъ и съ третьей. Черезъ три недѣли каторжнаго труда онъ продѣлалъ сквозную дыру черезъ всѣ три настилки. Но, когда дерево было снято, онъ опустилъ въ отчаяніи руки: подъ деревянными настилками былъ налитъ слой мраморнаго цемента, называемаго въ Венеціи «terrazzo marmorin», т. е. мраморной кладки. Эта масса, очень употребительная при тамошнихъ постройкахъ, представляетъ собою крѣпкую и прочную смѣсь мраморныхъ кусочковъ съ цементомъ. Она была такъ тверда, что долото Казановы скользило по ней, почти не оставляя никакихъ царапинъ. Отчаяніе узника легче себѣ представить, чѣмъ выразить словами. Онъ готовъ былъ бросить все на произволъ судьбы. Но его гибкій умъ и память не оставались въ бездѣйствіи и еще разъ выручили его. Онъ вдругъ вспомнилъ одно мѣсто изъ Тита Ливія, которое, по странной случайности, пригодилось ему. Этотъ классическій авторъ, описывая походъ Анибала, упоминаетъ о томъ, что при переходѣ черезъ Альпы карѳагенцы разбивали скалы топорами, смочивъ ихъ предварительно уксусомъ. Внезапная мысль осѣнила Казанову. Уксусъ у него былъ. Онъ облилъ мраморную настилку драгоцѣнною жидкостью и къ своему восторгу, убѣдился въ томъ, что она размягчилась. Онъ вновь съ жаромъ принялся за работу, скоро выбралъ весь этотъ слой кладки и дошелъ до нижнихъ деревянныхъ настилокъ. Работа теперь страшно затруднялась тѣмъ,

что дыра значительно углубилась и надо было копаться въ глубинѣ этой темной ямы. Но надежда на скорое успѣшное окончаніе всѣхъ трудовъ и бѣдствій дала Казановѣ несокрушимую энергію. Пришелъ, наконецъ, давно жданный моментъ; вся толща пола была пробуравлена; оставался только нижній досчатый слой. Казанова осторожно провертѣлъ въ немъ сначала маленькое отверстіе, чтобы взглянуть внизъ; онъ убѣдился, что не ошибся: онъ увидѣлъ подъ собою залъ засѣданій Совѣта Десяти и инквизиціи, какъ и ожидалъ.

Наступилъ іюнь, начались жары. Казанова работалъ совсѣмъ голый; онъ изнывалъ отъ духоты, но духъ его становился съ каждымъ днемъ бодрѣе. И вдругъ, 25-го числа, какъ разъ въ день св. Марка, чтимый всею Венеціею, въ самый разгаръ работы Казанова услыхалъ шумъ шаговъ и стукъ отпираемыхъ замковъ и засововъ. Онъ съ ужасомъ вскочилъ съ пола, задулъ лампу, двинулъ свою койку на мѣсто и бросился на нее внѣ себя отъ страха. Почти въ то же мгновеніе раздался голосъ Лоренцо. Онъ весело, съ своими плоскими шуточками возвѣщалъ Казановѣ прибытіе новаго товарища по заключенію. Несчастный новичокъ, вступивъ въ каморку, съ отчаяніемъ восклицалъ:

— Гдѣ я? Куда меня запираютъ? Боже, какая тутъ жара и духота, какой смрадъ! Съ кѣмъ я тутъ буду?!

Лоренцо, видя Казанову въ чемъ мать родила, попросилъ его одѣться и выйти на минуту въ другую каморку, пока принесутъ кровать и вещи новаго узника. Лоренцо, очевидно, ничего не замѣтилъ и ничего не подозрѣвалъ. Казанова, убѣдившись въ этомъ, перевелъ духъ. Тюремщикъ между тѣмъ хлопоталъ въ каморкѣ и, по обыкновенію, болталъ; онъ успокоивалъ узниковъ, что воздухъ сейчасъ освѣжится, что дурной запахъ ничего не значитъ. «Это отъ масла!» замѣтилъ Лоренцо, какъ бы мимоходомъ. Казанова вздрогнулъ отъ этого слова; ему стало ясно, что жидъ-ростовщикъ выдалъ тюремщику секретъ импровизованной лампы. Но Лоренцо видимо рѣшился допустить эту поблажку узнику; онъ, быть можетъ, не хотѣлъ съ нимъ ссориться изъ-за пустяковъ, хотѣлъ выразить этимъ признательность за денежныя подачки, которыя ему перепадали отъ Казановы.

Между тѣмъ, когда Казанова вышелъ въ сосѣднюю каморку, новоприбывшій, взглянувъ на него, тотчасъ его узналъ и окликнулъ по имени. Казанова тоже узналъ его; это былъ очень милый, свѣтскій человѣкъ, аббатъ Брессанъ, духовникъ графа Фенароло. Они съ радостью привѣтствовали другъ друга.

Когда тюремщики ушли, Брессанъ разсказалъ исторію своего ареста. Поводъ былъ политическаго свойства. Брессанъ бесѣдовалъ съ австрійскимъ посланникомъ, и хотя бесѣда была невиннѣйшая по существу, но въ ней случайно были подслушаны два-три слова, которыя могли показаться подозрительными. Эти слова были подслушаны, переданы инквизиціи и вмѣнены въ государственное преступленіе. Въ то время венеціанское правительство было чрезвычайно щепетильно по этой части и ревниво слѣдило за всѣми сношеніями венеціанскихъ гражданъ съ представителями иностранныхъ державъ. Во всякомъ случаѣ, политическое грѣхопаденіе Брессана было совершенно ничтожное и его выпустили черезъ недѣлю.

— Вы счастливѣе меня,—сказалъ ему Казанова, выслушавъ его

разсказъ,—вы хотя навѣрное знаете, за что васъ посадили, а я до сихъ поръ ничего не вѣдаю о своихъ преступленіяхъ.

Тогда Брессанъ сообщилъ о слухахъ, ходившихъ въ городѣ насчетъ причинъ заключенія Казановы. Одни говорили, что онъ основалъ новую секту; другіе сваливали все на совращеніе имъ въ атеизмъ какихъ-то молодыхъ людей; третьи увѣряли, что главною причиною ареста была вражда Казановы къ нѣкоему несчастному драматургу, аббату Кіари, пьесы котораго нашъ герой усердно освистывалъ, а этотъ Кіари былъ родственникомъ или пріятелемъ одного изъ инквизиторовъ, Антоніо Кондульмера. Все это имѣло внѣшній видъ правды, но Казанова утверждаетъ, что если бы все это потрудились разобрать судебнымъ порядкомъ, то немедленно убѣдились бы въ совершенной пустяшности всѣхъ этихъ обвиненій.

Послѣ освобожденія Брессана, съ которымъ Казановѣ было отрадно отвести душу, оцѣпенѣвшую въ одиночествѣ, нашъ узникъ вновь съ жаромъ принялся за свою работу. Къ 23-му августа все было кончено и готово. Оставалось бѣжать. Казанова назначилъ днемъ для исполненія своей отчаянной попытки 27-е число, день св. Августина. Въ этотъ день собирался ежегодно великій совѣтъ и значитъ залъ bussola, черезъ который ему предстояло выйти, будетъ стоять пустой.

Въ полдень 25-го числа вдругъ послышался знакомый грохотъ замковъ. Казанова помертвѣлъ отъ ужаса и отчаянія. Очевидно, шли къ нему и, вѣроятно, вели новаго заточника въ его камеру. Значитъ, опять надо отложить исполненіе плана, а на какое время? И что можетъ произойти за это время?

Но вотъ вошелъ Лоренцо. Онъ былъ одинъ и его глупая физіономія сіяла радостью. Новый приливъ ужаса у бѣднаго Казановы. Что если онъ принесъ ему вѣсть объ освобожденіи, а тутъ вдругъ откроютъ его работу и за попытку къ побѣгу снова запрутъ?

— Вставайте и идите за мной,—сказалъ ему Лоренцо.

— Подождите, я одѣнусь,—пробормоталъ Казанова, не успѣвшій еще ничего понять и осмыслить.

— Не стоитъ!—сказалъ Лоренцо. — Вамъ придется только переселиться въ новую камеру, свѣтлую, просторную, изъ окна которой вы можете любоваться на Венецію.

ГЛАВА XII.

Въ новой камерѣ.—Ярость Лоренцо и его мщеніе.—Казанова входитъ въ сношеніе съ другимъ заключеннымъ, патеромъ Бальби.—Переговоры о бѣгствѣ вдвоемъ.—Какимъ путемъ Казанова передалъ Бальби свое долото — Новый компаньонъ по заключенію у Казановы—предатель Сорадачи.

Казановѣ въ этотъ роковой день было суждено переходить отъ одного ужаса къ другому. Это былъ самый страшный день въ его жизни.

Извѣстіе о переводѣ, сообщенное ему тюремщикомъ, подняло у него волосы дыбомъ. Съ отчаяніемъ ухватился онъ за послѣднее средство спасенія.

— Скажите секретарю, что я благодарю его за эту милость и умоляю его оставить меня въ этой камерѣ,—сказалъ онъ Лоренцо.

— Вы съ ума сошли!—воскликнулъ Лоренцо.—Васъ берутъ изъ

ада и ведутъ въ рай, а вы упираетесь! Идите, идите, поднимайтесь, давайте руку! Ваши вещи и книги сейчасъ перенесутъ.

Лоренцо, надо полагать, счелъ Казанову за больного и потому распорядился, чтобы прежде всего перенесли его кресло. Онъ ужасно этому обрадовался, потому что его долото было спрятано въ креслѣ. Какъ онъ жалѣлъ о своей лазейкѣ, о своихъ потерянныхъ трудахъ!

Опираясь на Лоренцо, весело болтавшаго дорогою, онъ отправился съ нимъ по коридорамъ, спустился по лѣстницѣ, потомъ прошелъ черезъ большой свѣтлый залъ и опять вступилъ въ небольшой коридоръ. Въ концѣ этого коридора и находилась новая камера, въ которую его пересаживали. Камера была въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше, просторнѣе, выше. Большое окно съ рѣшеткою выходило въ коридоръ, а напротивъ окна камеры приходились два наружныя окна, тоже съ рѣшетками, и черезъ нихъ открывался дѣйствительно прекрасный видъ на Венецію до самаго Лидо. Но въ тѣ минуты Казановѣ было, разумѣется, не до красивыхъ ландшафтовъ. Онъ только впослѣдствіи оцѣнилъ всѣ достоинства новаго помѣщенія. Когда открывали окна, то съ моря тянулъ въ камеру прелестнѣйшій, освѣжающій воздухъ, составлявшій истинное наслажденіе для заключенныхъ.

Какъ только вошли въ камеру, Лоренцо тотчасъ велѣлъ поставить кресло и усадилъ на него Казанову, потомъ отправился за прочими вещами. Онъ зналъ, что лишь только сдвинутъ съ мѣста кровать, сейчасъ же увидятъ его работу. Онъ зналъ, что будетъ гроза, но ждалъ ее съ тупымъ равнодушіемъ. Одно только давило его, одно не выходило у него изъ головы—что весь его трудъ, всѣ планы, всѣ мечты, всѣ надежды на свободу рушились, и Богъ вѣсть теперь, когда можно будетъ вновь приняться за ихъ осуществленіе. Какъ горько онъ каялся, что отложилъ исполненіе своего плана до 27-го числа! Вѣдь уже все было готово, къ чему же онъ медлилъ?..

Онъ сидѣлъ и ждалъ. Скоро пришли двое сторожей съ его кроватью. Они установили кровать и пошли за другими вещами. Казанова сидѣлъ и ждалъ. Время шло и шло, а никто къ нему не являлся, несмотря даже на то, что дверь камеры была отперта. Казанова понялъ, что они тамъ теперь наткнулись на его лазею и перерываютъ всѣ его вещи, перетряхиваютъ по сто разъ каждую вещь, отыскивая орудіе, которымъ онъ работалъ. Онъ старался по возможности успокоиться, привести свой духъ хоть въ нѣкоторое равновѣсіе, чтобы встрѣтить грозившій ему ударъ.

Его тайна открыта. Это ему даромъ не пройдетъ. Но что съ нимъ сдѣлаютъ—вотъ вопросъ, который онъ старался обдумать хоть сколько-нибудь хладнокровно. Быть можетъ, его ожидаетъ и задушеніе. Но если надъ нимъ и смилуются, то неужели его оставятъ въ этой же тюрьмѣ? Это невозможно; по всей вѣроятности, его бросятъ въ одинъ изъ колодцевъ. Объ этихъ колодцахъ стоитъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

«Колодцы» (Pozzi) являются прямымъ противоположеніемъ свинчатокъ. Колодцы—подвалъ дожескаго дворца, свинчатки—его чердакъ. Внушительную свою кличку колодцы получили потому, что въ нихъ всегда стоитъ слой воды, около аршина глубиною. Ихъ полъ ниже уровня почвы, а окошки съ рѣшетками приходятся на самой поверх-

ности земли, такъ что при каждомъ подъемѣ воды, среди которой расположена Венеція, жидкость свободно проникаетъ внутрь этихъ тюремъ. Стать на полъ этой кельи, значитъ стать почти по поясъ въ воду. Начальство приняло въ соображеніе всю непріятность такихъ морскихъ ваннъ и приняло мѣры въ интересахъ заключенныхъ. Въ каждомъ «колодцѣ» поставлена высокая деревянная койка, на которой арестанту не возбраняется проводить свое богатое досугомъ время внѣ воды. Что за существованіе влачили несчастные арестанты въ этихъ колодцахъ, «кладезяхъ безпощадности», — легко себѣ представить. И однако, люди тамъ жили и достигали глубокой старости. Одинъ разбойникъ былъ заточенъ въ «колодецъ» въ возрастѣ сорока четырехъ лѣтъ и прожилъ въ тюрьмѣ тридцать семь лѣтъ. Это былъ шпіонъ, родомъ французъ, по имени Бегеленъ. Во время войны Венеціанской республики съ Турціею, въ 1816 году, онъ служилъ «нашимъ и вашимъ», т. е. шпіонилъ туркамъ про венеціанцевъ и обратно. Венеціанцы изобличили его въ этой двойной игрѣ, и, конечно, заточеніе въ колодцахъ для него являлось еще своего рода помилованіемъ. Казанова, впрочемъ, утверждаетъ, что въ Моравіи, въ крѣпости Шпильбергѣ (или Шпигельбергѣ), гдѣ впослѣдствіи сидѣлъ извѣстный Сильвіо Пеллико, въ прошломъ вѣкѣ были еще болѣе ужасныя кельи. Казанова видѣлъ ихъ. Туда садили осужденныхъ на смерть и помилованныхъ; говорили, что никто не въ состояніи былъ выжить въ этихъ клѣткахъ болѣе года.

Но возвратимся къ нашему герою. Онъ сидѣлъ въ своей новой кельѣ, убитый, уничтоженный. Для него не было сомнѣнія въ томъ, что вся его работа обнаружена, и что Лоренцо немедленно донесетъ на него. Что тогда произойдетъ, чѣмъ покараетъ его инквизиція за попытку къ бѣгству? И вотъ тутъ-то ему вдругъ подумалось, что не миновать ему теперь смерти или въ самомъ лучшемъ случаѣ—заточенія въ колодцѣ.

Но вотъ послышались по корридору частые шаги и передъ Казановою предсталъ Лоренцо. Физіономія тюремщика была совершенно искажена звѣрскою злобою. Онъ заоралъ, какъ бѣшеный, ругался, божился, изрыгалъ хулу на всѣ силы небесныя. Изливъ въ бѣшеныхъ проклятіяхъ избытокъ душившей его ярости, онъ приступилъ къ Казановѣ съ требованіемъ немедленно отдать ему топоръ и другіе инструменты, которыми узникъ пробилъ полъ, и указать, кто изъ служителей доставилъ ему все это. Казанова совершенно хладнокровно и апатично отвѣтилъ ему, что не понимаетъ, о чемъ онъ говоритъ. Лоренцо немедленно распорядился обыскать арестанта. Казанова всталъ съ рѣшительнымъ видомъ, раздѣлся до нога и сказалъ:

— Дѣлайте ваше дѣло, но не смѣть ко мнѣ прикасаться!

Тюремщики обшарили его кровать, карманы, одежду, бѣлье, подушки его кресла и, конечно, ничего не нашли.

— Вы не хотите сказать, куда вы спрятали инструменты,—оралъ Лоренцо,—но это ничего не значитъ, будьте увѣрены, что найдутся средства развязать вашъ языкъ!

— Если бы въ самомъ дѣлѣ оказалось,—хладнокровно возразилъ Казанова, успѣвшій обсудить положеніе,—что я продѣлалъ гдѣ-то какую-то дыру въ полу, и еслибъ меня подвергли допросу, то я сказалъ

бы, что инструментъ для этого доставили мнѣ вы сами, и что по миновеніи въ нихъ надобности, я ихъ вамъ же и отдалъ обратно. Вы меня понимаете?

При этой ловкой репликѣ улыбка явнаго удовлетворенія расцвѣла на лицахъ сторожей, сопровождавшихъ Лоренцо. Вѣроятно, онъ передъ тѣмъ жестоко изругалъ ихъ и обвинялъ въ томъ, что они доставили Казановѣ все нужное для его работы, будучи имъ подкуплены. Онъ съ яростью топнулъ ногою и выбѣжалъ вонъ. Между тѣмъ сторожа принесли всѣ вещи Казановы. Удаляясь, Лоренцо заперъ наглухо окна, черезъ которыя въ камеру входилъ освѣжающій морской воздухъ. Несчастный Казанова очутился въ крошечномъ помѣщеніи, лишенномъ всякой вентиляціи. Это было звѣрски жестоко, а главное совершенно безполезно съ точки зрѣнія безопасности; Лоренцо обнаружилъ въ этомъ свою хамскую мстительность. Но Казанова въ первыя минуты не обратилъ даже и вниманія на эти пустяки. У него свалился камень съ плечъ. Онъ понялъ, что тюремщикъ теперь обезоруженъ, что ябедничать онъ не побѣжитъ: откуда же въ самомъ дѣлѣ узникъ могъ добыть топоръ и прочее, если не отъ того же Лоренцо? Сверхъ того, долото Казанова не было найдено, осталось въ его владѣніи, а вмѣстѣ съ нимъ остались и всѣ надежды на освобожденіе. Въ пылу раздраженія глупый Лоренцо весьма неаккуратно обшарилъ кресло и не нашелъ спрятанной подъ низомъ драгоцѣнной желѣзной полосы.

Отъ пережитаго волненія Казанова провелъ безсонную ночь. Его мучила страшная духота и жажда, но онъ забывалъ о физическихъ страданіяхъ, торжествуя свою побѣду. Утромъ началась расплата за остроумный подвохъ, жертвою котораго сдѣлался глупый тюремщикъ. Лоренцо принесъ Казановѣ вино, которое нельзя было въ ротъ взять, воду такого же качества, и пищевые продукты подъ стать вину и водѣ. Казанова просилъ его открыть окна, но Лоренцо сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Одинъ изъ сторожей постукалъ по стѣнамъ и по полу желѣзнымъ ломомъ; теперь тюремщикамъ, значитъ, пришло въ голову постоянно осматривать камеру, чтобы во-время замѣтить новый подкопъ, если бы узникъ вздумалъ за него взяться. Казанова при этомъ хорошо запомнилъ, что потолокъ оставили безъ осмотра. «Прекрасно,—порѣшилъ онъ,—значитъ, я черезъ потолокъ и убѣгу». Но въ новой кельѣ требовалась удвоенная осторожность. Она была свѣтлая и притомъ заново отдѣланная; тутъ каждая царапина на стѣнѣ явственно бросалась въ глаза.

Днемъ, нѣсколько успокоившись отъ всѣхъ пережитыхъ треволненій, Казанова вникъ, наконецъ, въ поведеніе Лоренцо. Подлый хамъ, очевидно, казнилъ его всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами за то, что узникъ такъ ловко его одурачилъ. Жара въ кельѣ стояла нестерпимая; ни ѣсть, ни пить Казанова не могъ, потому что все, что принесъ Лоренцо, никуда не годилось. Онъ такъ обезсилилъ отъ духоты, испарины и жажды, что не въ силахъ былъ ни читать, ни двигаться. На другой день та же исторія. Отъ пищи прямо разило гнилью.

— Ты что же это?—обратился онъ къ тюремщику.—Развѣ ты получилъ приказаніе уморить меня голодомъ и духотою?

Лоренцо, не говоря ни слова, вышелъ и захлопнулъ дверь. Казанова крикнулъ ему вслѣдъ, требуя бумаги и карандашъ, чтобы написать жалобу секретарю инквизиціи, но отвѣта не получилъ. Узникъ заставилъ себя съѣсть немного супу и хлѣба съ виномъ. Ему хотѣлось сохранить силы хоть настолько, чтобы быть въ состояніи заколоть Лоренцо своимъ долотомъ, когда онъ явится на другой день. Обуявшая его ярость подсказывала ему, что ничего другого ему не остается. Но за ночь онъ успокоился. На другой день онъ, однако, хладнокровно и рѣшительно объявилъ Лоренцо, что убьетъ его немедленно, какъ только его выпустятъ на свободу. Тюремщикъ злобно разсмѣялся и вышелъ, не говоря ни слова.

Казанову начала терзать новая страшная мысль: ему подумалось, что Лоренцо все разсказалъ секратарю инквизиціи и сумѣлъ представить дѣло въ такомъ видѣ, что лично отъ себя отклонилъ бѣду. Секретарь же распорядился уморить Казанову медленною смертью—голодомъ и духотою. Положеніе узника становилось съ каждымъ днемъ ужаснѣе. Онъ умиралъ отъ голода и жажды, послѣднія силы покидали его.

На восьмой день этой пытки Казанова съ бѣшенымъ крикомъ потребовалъ отъ Лоренцо отчета въ своихъ деньгахъ. Тотъ равнодушно отвѣтилъ, что представитъ отчетъ завтра. Казанова схватилъ тюремную посудину, давно уже переполненную и нарочно не опоражниваемую, и хотѣлъ выплеснуть ея содержимое прямо въ корридоръ. Но одинъ изъ сторожей успѣлъ перехватить посудину и вынесъ ее. Лоренцо на минуту отворилъ окно, но уходя опять его заперъ и оставилъ Казанову среди распространившагося по камерѣ смрада. На другой день Казанова собирался встрѣтить его еще лютѣе, но, къ счастью, обстоятельства перемѣнились. Лоренцо явился въ совсѣмъ иномъ видѣ и иномъ расположеніи. Прежде всего онъ вручилъ Казановѣ корзину лимоновъ, присланную Брагадиномъ, а затѣмъ посудину съ хорошей водой и очень свѣжаго, только-что зажареннаго цыпленка; оба окна кельи были немедленно открыты настежь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ Казановѣ счетъ; узникъ тотчасъ распорядился, чтобы весь остатокъ отъ расходовъ былъ переданъ женѣ Лоренцо, которая готовила кушанья, да сверхъ того подарилъ небольшую сумму сторожамъ, сопровождавшимъ Лоренцо; это расположило бѣдняковъ въ его пользу.

Оба сторожа вышли, Лоренцо остался съ глазу на глазъ съ арестантомъ и между ними, наконецъ, состоялось необходимое объясненіе.

— Вы мнѣ уже сказали, синьоръ,—такъ началъ Лоренцо, — что все нужное для того, чтобы продѣлать громадную дыру, вы получили отъ меня; пусть будетъ такъ, не будемъ больше говорить объ этомъ. Но вотъ что мнѣ любопытно знать: кто доставилъ вамъ тѣ припасы, какіе понадобились для того, чтобы сдѣлать свѣтильникъ?

— Вы же сами.

— Этого я отъ васъ не ожидалъ; я зналъ, что вы человѣкъ изворотливый, но не думалъ, что вы способны лгать въ глаза.

— Я не лгу. Вы собственными руками дали мнѣ все, что было надо—масло, кремень, сѣрянки; а остальное у меня было.

— Это правда. Но неужели вы и до сихъ поръ продолжаете утверждать, что я же вамъ доставилъ и инструменты для долбленія дыры?

— Разумѣется, потому что мнѣ не откуда было ихъ взять, кромѣ какъ отъ васъ.

— Господи Боже! Да неужели вы станете увѣрять, что и топоръ я же вамъ доставилъ!

— Если хотите, я вамъ все разскажу, и разскажу по чистой совѣсти, но только не иначе, какъ въ присутствіи секретаря инквизиціи.

— Нѣтъ, ужь лучше я не хочу ничего знать. Не забудьте, что я человѣкъ бѣдный и что у меня есть дѣти, не выдавайте меня!

Онъ схватился обѣими руками за голову и вышелъ, а Казанова отъ души поздравилъ себя съ возобновленіемъ и окончательнымъ подтвержденіемъ своей побѣды надъ этою бестіею. Ясно было, что Лоренцо долженъ оставить все происшествіе въ полномъ секретѣ отъ начальства въ своихъ же собственныхъ интересахъ.

Вскорѣ послѣ того Казанова попросилъ Лоренцо купить ему новыхъ книгъ. Тюремщику этотъ расходъ не нравился; все, что шло на книги, пропадало для его кармана. Онъ началъ отговаривать Казанову покупать книги, сказалъ ему, что въ тюрьмѣ есть другіе арестанты, у которыхъ много разныхъ книгъ, и что съ ними можно сдѣлать обмѣнъ: Казанова можетъ послать имъ свои книги, а тѣ пришлютъ взамѣнъ свои. Казанова чрезвычайно обрадовался этому предложенію. Пользуясь безграмотствомъ Лоренцо, онъ могъ войти въ сношенія съ другими арестантами. Онъ тотчасъ далъ ему одну изъ своихъ книгъ и черезъ нѣсколько минутъ Лоренцо вернулся и принесъ ему взамѣнъ другую, взятую отъ кого-то изъ заключенныхъ книгу. Казанова тотчасъ отмѣнилъ покупку и этимъ обрадовалъ Лоренцо.

Разсматривая принесенную книгу, Казанова нашелъ на одной страницѣ шестистишіе, представлявшее парафразъ стиха Сенеки: «Calamitosus est animus futuri anxius» (Кто тревожится грядущими бѣдами, тотъ несчастливъ). Казанова рѣшилъ тотчасъ написать отъ себя коечто. Важно было только начать переписку, т. е. узнать, желаетъ ли его товарищъ по заключенію войти съ нимъ въ сношенія. Чѣмъ писать—это не затрудняло Казанову. Онъ еще раньше отростилъ себѣ ноготь на мизинцѣ, служившій ему уховерткой. Казанова очинилъ его на подобіе пера, а чернилами для него послужилъ сокъ тутовыхъ ягодъ, которыя у него были. Онъ написалъ также шесть стиховъ (онъ не приводитъ ихъ содержанія) и сверхъ того, на отдѣльномъ листкѣ, написалъ полный каталогъ своихъ книгъ и спряталъ его за корешокъ переплета. Въ то время въ Италіи книги переплетали обыкновенно въ пергаментъ, и переплетъ, какъ и теперь, на ребрѣ или спинкѣ тома не приклеивался, при разгибаніи же книги отдувался, образуя болѣе или менѣе просторный каналъ. Въ этотъ-то каналъ Казанова и вложилъ свой каталогъ, а чтобы дать о немъ знать своему корреспонденту, написалъ на первой страницѣ латинское слово: «Latet», т. е. спрятано. Книга въ такомъ видѣ была передана невѣдомому товарищу по заключенію черезъ ничего не подозрѣвавшаго Лоренцо, который тотчасъ принесъ другую книгу на обмѣнъ. Какъ только Лоренцо вышелъ, Казанова развернулъ эту книгу и нашелъ въ ней записку на латинскомъ языкѣ. Въ запискѣ корреспондентъ извѣщалъ, что онъ монахъ по имени Марино Бальби, по происхожденію знатный венеціанецъ, а его товарищъ по камерѣ—графъ Андрей Асквино, родомъ изъ про-

винціи Фріуле. Этотъ послѣдній былъ старожиломъ тюрьмы; у него была порядочная библіотека и онъ обязательно предоставлялъ ее въ распоряженіе Казановы. Такимъ образомъ, между двумя камерами завязалась дѣятельная переписка.

Но первое же письмо невѣдомаго корреспондента, этого таинственнаго патриція Бальби, навело Казанову на нѣкоторыя безпокойныя размышленія. Дѣло въ томъ, что это письмо было писано на особой бумажкѣ, и она была вложена въ книгу. Возникалъ вопросъ—неужели Лоренцо не догадался раскрыть, перелистовать, вообще осмотрѣть книгу? Если же онъ это сдѣлалъ, то письмо едва ли ускользнуло бы отъ него. Но оно все же доставлено по назначенію. А что, если Лоренцо показалъ его, кому о томъ вѣдать надлежало, и оно передано Казановѣ только для того, чтобы усыпить на время подозрѣнія корреспондентовъ и заставить ихъ выболтать въ своихъ письмахъ все, что они могутъ затѣять? Бальби обрисовался въ этомъ письмѣ, какъ человѣкъ въ высшей степени неосторожный, съ которымъ надо быть на-сторожѣ. Казанова все же отвѣтилъ Бальби, сообщивъ кто онъ, когда арестованъ и пр. Бальби тотчасъ отвѣтилъ ему огромнымъ письмомъ въ 16 страницъ. Это письмо до нѣкоторой степени успокоило Казанову; по разсчету времени выходило, что Лоренцо не имѣлъ возможности показать его кому бы то ни было; онъ отнесъ книгу Казановы къ Бальби и затѣмъ возвратился съ книгою и письмомъ отъ Бальби; очевидно онъ вовсе не замѣчалъ вложенныхъ писемъ.

Въ этомъ громадномъ посланіи Бальби подробно разсказывалъ свою исторію. Его засадили за какія-то амурныя похожденія, несовмѣстимыя съ его монашескимъ саномъ. По общему тону письма и по подробностямъ приключеній Казанова заключилъ о главныхъ чертахъ характера своего корреспондента. Онъ выказывалъ себя человѣкомъ оригинальнаго склада, но недалекимъ, даже глуповатымъ, весьма чувственнымъ, скорѣе злымъ, чѣмъ добрымъ, а главное, взбалмошнымъ и неосторожнымъ. Въ общемъ обрисовывалась личность несимпатичная. «Встрѣться онъ мнѣ въ обществѣ,—говоритъ Казанова,—я уклонился бы отъ знакомства съ такимъ человѣкомъ, но въ тюрьмѣ надо было умѣть изъ всего извлекать пользу. Притомъ же Бальби поспѣшилъ оказать Казановѣ въ высшей степени цѣнную услугу: въ корешкѣ переплета присланной книги нашъ герой нашелъ бумагу, карандашъ и перья,— все, что надо для удобнаго письма.

Бальби обладалъ массою полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній и охотно подѣлился ими съ Казановою. Онъ находился въ тюрьмѣ уже четыре года и зналъ почти всѣхъ узниковъ, сидѣвшихъ въ одно время съ нимъ. Онъ подкупилъ одного изъ сторожей, Николая, и тотъ доставлялъ ему всѣ свѣдѣнія; черезъ него, между прочимъ, Бальби узналъ и о работѣ самого Казанова, т. е. о продѣланной имъ въ полу дырѣ. Это сообщеніе убѣдило Казанову, что свѣдѣнія Бальби въ самомъ дѣлѣ вѣрны и точны. Николай передалъ Бальби, что Лоренцо поспѣшилъ задѣлать дыру, чтобы о ней никто ничего не узналъ; что прозѣвай онъ день-два и Казановѣ удалось бы, пожалуй, бѣжать и тогда Лоренцо былъ бы неминуемо повѣшенъ, такъ какъ никто не усомнился бы, что безъ помощи и вѣдома тюремщика узникъ не имѣлъ бы никакой возможности выполнить такой подвигъ трудо-

любія. Въ заключеніе Бальби просилъ Казанову подробно сообщить ему о его попыткѣ и убѣждалъ вполнѣ положиться на его осторожность.

«Я не сомнѣвался въ его любопытствѣ, — говоритъ Казанова, — но весьма мало вѣрилъ въ его осторожность: уже самая эта просьба изобличала человѣка легкомысленнаго». Но онъ не захотѣлъ выказать открытаго недовѣрія Бальби; ему думалось, что этого человѣка съ его легкомысліемъ легко было подбить на все; а бѣжать вдвоемъ Казановѣ казалось легче, чѣмъ одному. Размышляя обо всѣхъ текущихъ событіяхъ, Казанова, человѣкъ весьма осмотрительный и разсудительный, напалъ, между прочимъ, на догадку о томъ, не обошелъ ли Лоренцо вѣтренаго монаха и не подстроилъ ли такъ, чтобы изъ переписки узниковъ вывѣдать секретъ Казановы — вызнать, откуда онъ добылъ нужные для его работы инструменты. Эта мысль очень безпокоила Казанову. Онъ рѣшился сдѣлать опытъ. Онъ написалъ Бальби, что продѣлалъ дыру въ своей камерѣ ножомъ, который у него былъ съ собою и который ему удалось и послѣ того скрыть отъ тюремщика, спрятавъ его на карнизѣ окна въ корридорѣ. Если Лоренцо участвуетъ въ игрѣ, то, само собою разумѣется, полѣзетъ искать ножъ на карнизѣ окна. Онъ тщательно слѣдилъ за Лоренцо и убѣдился, что тотъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на корридорныя окна. Между тѣмъ для Лоренцо было бы въ высшей степени важно отыскать этотъ ножъ. Дѣло въ томъ, что Казанову ввели въ тюрьму, не обыскавъ его. Лоренцо принялъ его изъ рукъ messer grande, и могъ, конечно, ссылаться на то, что не могъ же онъ думать, чтобы этотъ сановникъ не обыскалъ его; а этотъ послѣдній могъ ссылаться на то, что поднялъ Казанову съ постели, все время не спускалъ съ него глазъ, и потому нашелъ излишнимъ его обыскивать. Значитъ Казанова и могъ какъ-нибудь ухитриться захватить ножъ, а оба отвѣтственныхъ лица, пожалуй, сумѣли бы своими ссылками выпутаться изъ бѣды болѣе или менѣе благополучно.

Узнавъ о ножѣ, Бальби просилъ въ своихъ письмахъ, чтобы Казанова передалъ ему этотъ ножъ черезъ Николая. Казанова отвѣтилъ, что не рѣшается довѣриться въ такомъ важномъ дѣлѣ тюремщику. Но предложеніе Бальби, разумѣется, слѣдовало принять во что бы то ни стало. Самъ Казанова не могъ приступить къ новому буренію въ своей камерѣ; полъ и стѣны ежедневно осматривали, а пробуравить потолокъ было крайне затруднительно. Ему нуженъ былъ внѣшній пособникъ, который рѣшился бы бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Казанова долго и упорно думалъ надъ новымъ планомъ бѣгства и, наконецъ, составилъ его во всѣхъ подробностяхъ. На этотъ разъ планъ и удался вполнѣ; Казанова и Бальби спаслись изъ тюрьмы. Но надо передать все это въ полной послѣдовательности.

Прежде всего надо было удостовѣриться въ добромъ желаніи Бальби—употребить всѣ силы и средства на освобожденіе изъ тюрьмы. Казанова спросилъ его объ этомъ въ письмѣ. Бальби тотчасъ отвѣтилъ, что онъ и его товарищъ готовы на все, но такъ какъ трудно и вообразить себѣ какое-либо доступное имъ средство спасенія, то не стоитъ и разговаривать попусту о несбыточныхъ мечтахъ и планахъ. Онъ на цѣлыхъ четырехъ страницахъ распространился о разныхъ не-

возможностяхъ и несбыточностяхъ, которыя представлялись его ограниченному уму. Видно было, что у него не имѣлось ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Казанова отвѣчалъ ему очень спокойнымъ и убѣдительнымъ письмомъ; онъ извѣщалъ его, что затрудненія общаго свойства нисколько его не безпокоятъ, что онъ увѣренъ въ своемъ планѣ, и что его затрудняютъ только частности, и если эти послѣднія удастся преодолѣть, то онъ ручается своимъ честнымъ словомъ, что выведетъ Бальби изъ тюрьмы, лишь бы только тотъ выполнилъ точно и безъ малѣйшаго отступленія все, что ему прикажетъ сдѣлать Казанова. Бальби въ отвѣтномъ письмѣ обѣщалъ полное послушаніе. Тогда Казанова извѣстилъ его, что у него имѣется долото въ двадцать дюймовъ длиною; это долото надлежало передать Бальби, а Бальби долженъ былъ продолбить имъ сначала потолокъ своей камеры, потомъ стѣну, которая раздѣляла ихъ двѣ камеры и возвышалась до самой кровли, затѣмъ потолокъ камеры Казановы. Этимъ кончалась та часть предпріятія, которую долженъ былъ исполнить Бальби; остальное Казанова бралъ на себя. Бальби отвѣчалъ ему, что пробуравить два потолка и стѣну—вещь возможная, но что на этомъ дѣло и кончится. Выйдя изъ своихъ камеръ, они очутятся въ замкнутомъ чердакѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

— Все это такъ, почтеннѣйшій отецъ,—отвѣчалъ ему Казанова,—и все это я знаю не хуже васъ. Я знаю, что мы попадемъ въ замкнутое пространство, но я и не собираюсь выйти черезъ двери. У меня составленъ особый, совершенно законченный планъ, отъ васъ же я требую только аккуратности въ его исполненіи. Постарайтесь обдумать, какимъ бы путемъ передать вамъ мое долото черезъ посредство тюремщиковъ, такъ, чтобы не возбудить въ нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія. А пока велите купить себѣ картинъ съ изображеніями святыхъ, штукъ сорокъ, такъ, чтобы можно было закрыть ими весь потолокъ и стѣны вашей кельи. Эти картины не возбудятъ подозрѣній въ Лоренцо, а между тѣмъ помогутъ вамъ скрыть вашу работу. Вамъ, чтобы пробуравить потолокъ, придется работать нѣсколько дней подърядъ; каждый день утромъ, когда входитъ Лоренцо, вы будете прикрывать дыру въ потолкѣ картиной, и онъ ничего не замѣтитъ. Вы, быть можетъ, скажете мнѣ, почему я самъ этого не сдѣлаю въ своей камерѣ, но вѣдь вы знаете, что я послѣ моей первой попытки нахожусь подъ подозрѣніемъ.

Казанова тщательно и напряженно обдумывалъ разные способы для пересылки своего долота къ Бальби. Онъ остановился, наконецъ, на такомъ планѣ: велѣлъ Лоренцо купить новое, очень большое изданіе Библіи, которое только-что передъ тѣмъ было выпущено въ свѣтъ. Онъ надѣялся, что долото какъ разъ помѣстится въ отгибѣ корешка этого громаднаго тома. Лоренцо купилъ Библію, но, увы, книга оказалась всетаки мала: долото выставлялось изъ подъ корешка почти на два дюйма.

Между тѣмъ Бальби увѣдомлялъ его, что картины куплены и вся камера уже сплошь покрыта ими. Казанова въ свою очередь сообщилъ ему о своихъ разсчетахъ на Библію, которые такъ плачевно провалились. Тогда Бальби захотѣлось блеснуть своею сообразительностью. Онъ даже упомянулъ о «безплодіи воображенія» у Казановы,

и затѣмъ предложилъ свой геніальный планъ передачи долота: завернуть его въ лисью шубу Казановы и послать эту шубу съ Лоренцо, якобы просто посмотрѣть, полюбоваться. Тупой Бальби былъ почему-то увѣренъ, что Лоренцо такъ и понесетъ шубу свернутою въ комъ. Казанова же былъ убѣжденъ, что тюремщикъ развернетъ шубу просто ради того, чтобы ее легче было нести. Но, чтобы доказать на дѣлѣ, что онъ правъ, Казанова сдѣлалъ видъ, что принимаетъ планъ Бальби и пошлетъ долото въ шубѣ. Шуба совершила путешествіе; конечно, безъ долота. На другой день Бальби разсыпался въ поздннхъ сожалѣніяхъ о своей недогадливости; не найдя долота въ шубѣ, онъ вообразилъ, что Лоренцо дорогою выронилъ его, что оно теперь пропало и что съ нимъ вмѣстѣ пропали и всѣ ихъ надежды. Казанова поспѣшилъ его успокоить: долото цѣло, а шубу онъ посылалъ только ради того, чтобы Бальби самъ убѣдился, что несущій шубу непремѣнно ее развернетъ, потому что такъ легче нести. Казанова не упустилъ случая подать монаху добрый совѣтъ: впередъ не соваться съ своими предложеніями, а безпрекословно исполнять только то, что прикажетъ Казанова.

Онъ вновь принялся раздумывать надъ своимъ долотомъ и надъ передачею его при помощи Библіи, и, наконецъ, придумалъ пріемъ, на который можно было положиться. Однажды, именно въ день св. Михаила, онъ объявилъ Лоренцо, что хочетъ сдѣлать сюрпризъ своему корреспонденту, отблагодарить его за книги, пославъ ему цѣлое блюдо макаронъ, которое онъ самъ намѣревался изготовить и заправить сыромъ и масломъ. Онъ просилъ, чтобы Лоренцо принесъ ему самое большое блюдо, какое у него есть, и кучу разваренныхъ макаронъ на жаровнѣ, чтобы они были совсѣмъ горячія. Лоренцо съ удовольствіемъ взялся доставить просимое и тутъ же заявилъ, что Бальби проситъ прислать ему посмотрѣть ту книгу, «за которую заплачено три цехина», т. е. эту самую Библію (объ этомъ, конечно, Казанова съ Бальби заранѣе условились).

— Прекрасно,—сказалъ Казанова,—съ удовольствіемъ. Я ему пошлю эту книгу вмѣстѣ съ макаронами. Пусть будетъ ему сразу два сюрприза.

Тѣмъ временемъ Казанова обернулъ свое долото въ бумагу и вставилъ его подъ корешокъ Библіи, выпустивъ оба конпа поровну съ каждой стороны. Бальби, конечно, былъ увѣдомленъ обо всемъ подробно; ему особенно было рекомендовано—принять изъ рукъ Лоренцо обѣ вещи непремѣнно вмѣстѣ, отнюдь не снимать блюда съ Библіи.

Наступилъ рѣшительный моментъ. Лоренцо явился съ жаровнею, на которой клокотали макароны, и съ громаднымъ блюдомъ. Библія была уже снаряжена и лежала раскрытая. Какъ только появился Лоренцо, Казанова взялъ у него блюдо и положилъ его на раскрытую Библію; громадное блюдо совершенно закрыло собою книгу, долото можно было бы замѣтить, развѣ только наклонившись и заглянувъ подъ блюдо снизу. Затѣмъ онъ выложилъ макароны на блюдо, приправилъ ихъ сыромъ, потомъ растопилъ масло и облилъ имъ макароны такъ, что слой масла доходилъ почти до краевъ блюда. Тогда онъ попросилъ Лоренцо вытянуть руки и принять на нихъ книгу и блюдо. Онъ просилъ тюремщика быть какъ можно осторожнѣе, чтобы не разлить масла на книгу. Съ замираніемъ сердца, Казанова слѣдилъ за выраженіемъ лица тюремщика и съ

удовольствіемъ убѣдился въ томъ, что все его вниманіе сосредоточилось на переполненномъ масломъ блюдѣ. Лоренцо вначалѣ запротестовалъ; онъ хотѣлъ отнести макароны отдѣльно, а потомъ ужь передать книгу. Но Казанова началъ умолять его, чтобы онъ несъ блюдо вмѣстѣ съ книгою, что ему такъ хочется, что вся его продѣлка пропадетъ, если нести блюдо отдѣльно, что не будетъ никакого эффекта. Лоренцо сдался на это искусно разыгранное ребячество скучающаго арестанта. Онъ покорно вытянулъ руки, взялъ драгоцѣнную ношу и поспѣшилъ отнести ее по назначенію. Казанова ждалъ, ни живъ, ни мертвъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній... Наконецъ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ: раздался условленный кашель Бальби, давшій ему знать о томъ, что Библія и блюдо сняты съ рукъ Лоренцо и что все обошлось благополучно. Тотчасъ появился и самъ Лоренцо доложить, что все исполнено. Самая замысловатая часть плана удалась какъ нельзя лучше. Нечего и говорить, какъ ободрила нашихъ заговорщиковъ такая рѣшительная удача.

Бальби немедленно принялся за дѣло. Черезъ недѣлю онъ уже увѣдомлялъ Казанову, что потолокъ его камеры пробуравленъ и что въ продѣланное отверстіе свободно можно пролѣзть человѣку. Дыра тщательно и очень удачно закрывалась картиною, которую Бальби прилѣплялъ хлѣбнымъ мякишемъ. 8-го октября Бальби покончилъ съ потолкомъ и взялся за стѣну, раздѣлявшую вплоть до кровли обѣ камеры, которыя, сколько можно судить изъ повѣствованія Казановы, находились рядомъ, одна около другой. Бальби жаловался на чрезвычайную прочность этой стѣны: за цѣлую ночь каторжной работы ему удалось выломать изъ нея только одинъ камень. Повидимому, монахомъ начинало овладѣвать нѣкоторое разочарованіе; въ своихъ письмахъ онъ высказывалъ опасеніе, что работа будетъ обнаружена и что заговорщики только ухудшатъ свое положеніе. Казанова старался ободрить его и писалъ, что непоколебимо увѣренъ въ успѣхѣ. «Увы,— признается онъ въ своихъ запискахъ,—я ни въ чемъ не былъ увѣренъ; но надо было или выказывать эту увѣренность, или все бросить». Опытъ жизни научилъ его, что во всякомъ крупномъ и рѣшительномъ дѣлѣ надо не разсуждать, а неуклонно и упрямо идти къ цѣли, отнюдь не оспаривая у судьбы ея права распоряжаться по своему во всѣхъ людскихъ предпріятіяхъ. Между тѣмъ дѣло у Бальби, къ счастью, скоро поправилось; трудно было содрать съ мѣста первый камень, а дальше работа пошла гораздо легче; черезъ нѣсколько дней Бальби извѣстилъ Казанову, что ему удалось вынуть съ мѣста уже 36 кирпичей. Наконецъ, 16 октября утромъ, Казанова, сидя у себя въ камерѣ за работою, вдругъ съ замираніемъ сердца услыхалъ надъ своею головою шорохъ и затѣмъ три условленныхъ удара. Онъ тотчасъ подалъ отвѣтный сигналъ, чтобы Бальби зналъ, что онъ не ошибся. Казанова слышалъ возню у себя надъ головою цѣлый день, а на другой день Бальби написалъ ему, что если его потолокъ состоитъ только изъ двухъ рядовъ плахъ, то онъ надѣется окончить всю работу въ тотъ же день. Онъ долбилъ въ потолкѣ круглую дыру, достаточную для того, чтобы въ нее могъ протискаться человѣкъ, но оставилъ въ ней тонкій слой на днѣ, чтобы на потолкѣ камеры Казановы не было ни малѣйшаго слѣда тайной работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ это тонкое дно въ рѣшитель-

ный моментъ можно было пробить нѣсколькими ударами долота. Не имѣя никакого повода откладывать дѣло, Казанова порѣшилъ, что бѣгство должно совершиться на слѣдующую же ночь. Теперь весь планъ, задуманный Казановою, станетъ понятенъ, если мы добавимъ его послѣднюю часть. Казанова, выбравшись изъ камеры на чердакъ, разсчитывалъ пробить или отодрать одинъ изъ свинцовыхъ листовъ крыши дожескаго дворца, вылѣзть черезъ отверстіе на крышу и потомъ такъ или иначе спуститься на землю и бѣжать.

Итакъ, все было уже готово, все доведено до конца. И вотъ въ этотъ-то важный моментъ судьба послала Казановѣ новое испытаніе. Наканунѣ дня, избраннаго для бѣгства, въ два часа пополудни, Казанова вдругъ услыхалъ звукъ шаговъ у дверей своей камеры. Онъ немедленно вскочилъ и подалъ работавшему надъ его головою Бальби условный сигналъ, чтобы тотъ бросалъ работу, бѣжалъ въ свою камеру и привелъ тамъ все въ порядокъ. Къ счастью, все это удалось выполнить вполнѣ удачно. Въ тотъ же моментъ дверь его камеры отворилась и появился Лоренцо, приведшій какого-то субъекта.

— Привелъ вамъ въ компанію большого мерзавца,—сказалъ онъ.— Что дѣлать, ужь извините, такъ приказано!

Лоренцо проговорилъ свою рекомендацію громко и безъ всякаго стѣсненія; очевидно, онъ зналъ, что говорилъ, да и самъ рекомендуемый держался при этомъ, какъ человѣкъ, которому нечего возражать. Это былъ тощій, маленькій, облѣзлый старичекъ, самой нерасполагающей внѣшности. Новичка развязали (его привели связаннаго) и, наконецъ, оставили его съ глазу на глазъ съ Казановою. Онъ хотѣлъ было обратиться къ нему съ разспросами, но новоприбывшій самъ первый заговорилъ.

Онъ началъ съ разныхъ извиненій. Казанова предложилъ ему кормить его на свой счетъ. Гаденькій человѣчекъ тотчасъ подскочилъ и поцѣловалъ у него руку, а потомъ спросилъ,—будутъ ли ему при этомъ выдавать тѣ десять сольди въ день, которые ему назначили на пропитаніе. Казанова успокоилъ его на этотъ счетъ; надо было вообще по возможности расположить негодяя въ свою пользу, на всякій случай. Услыхавъ утѣшительное извѣстіе, новичекъ опустился на колѣни, вытащилъ изъ кармана огромную цѣпь четокъ и началъ чего-то искать глазами по всей камерѣ. На вопросъ Казановы, что ему требуется, онъ отвѣчалъ:

— Простите, синьоръ, я смотрю, нѣтъ ли гдѣ образа Божьей Матери; я добрый христіанинъ. Если бы хоть небольшое Распятіе! Я, недостойный, ношу имя св. Франциска Ассизскаго и никогда еще въ жизни не имѣлъ такой лютой нужды, какъ теперь, прибѣгнуть къ помощи моего святого покровителя.

Не видя въ камерѣ образа, новый пришелецъ, надо полагать, принялъ Казанову за жида. Нашъ герой тотчасъ разувѣрилъ его, подавъ ему акаѳистъ; въ немъ было печатное изображеніе Мадонны, которое новичекъ набожно поцѣловалъ, а затѣмъ долго молился передъ нимъ. Потомъ Казанова попросилъ его разсказать, за что онъ попалъ въ тюрьму. Сорадачи, такъ звали новаго арестанта, разсказалъ ему въ высшей степени гнусную исторію, подробности которой мы опускаемъ. Суть же дѣла въ томъ, что этотъ Сорадачи представлялъ собою счаст-

ливое сочетаніе шпіона съ агентомъ подстрекателемъ. Онъ состряпалъ что-то вродѣ государственной измѣны, въ которую вовлеклись нѣсколько человѣкъ его пріятелей и даже благодѣтелей; Сорадачи хотѣлъ донести на нихъ и получить за это праведную мзду, но вмѣсто того самъ попался. Дѣло обернулось такимъ образомъ, что доносъ его вышелъ ложнымъ и его самаго засадили въ свинчатку.

Выслушавъ эту гнусную исповѣдь, Казанова не на шутку закручинился. Судьба послала ему въ сотоварищи такого человѣка, на котораго нельзя было ни въ чемъ положиться. Однако, до поры до времени надо было, елико возможно, скрывать отвращеніе, которое этотъ негодяй внушалъ каждому нравственно чистоплотному человѣку. Казанова сдѣлалъ даже видъ, что соболѣзнуетъ его несчастью, утѣшалъ его, называлъ даже патріотомъ! Наболтавшись вдоволь, шпіонъ залегъ спать, а Казанова воспользовался этимъ временемъ, чтобы дать Бальби обо всемъ подробный отчетъ. Надо было, разумѣется, все отложить до болѣе благопріятнаго времени.

На другой день Казанова велѣлъ Лоренцо купить изображенія Мадонны и св. Франциска и деревянное Распятіе. Онъ добылъ также черезъ Лоренцо святой воды. Замѣтивъ обжорство Сорадачи, нашъ герой угостилъ его и упоилъ виномъ, и шпіонъ былъ на верху благополучія. Размышляя надъ повѣствованіемъ Сорадачи, Казанова пришелъ къ заключенію, что шпіона еще навѣрное не разъ потянутъ къ допросу, для разъясненія его доноса. Надо было испытать этого человѣка, и Казанова придумалъ такого рода уловку. Онъ написалъ два письма оба такого содержанія, что если бы ихъ перехватила инквизиція, то они не могли бы принести ему ни малѣйшаго вреда; все преступленіе тутъ заключалось бы лишь въ попыткѣ затѣять тайную переписку съ внѣ тюремными лицами, и въ виду невинности писемъ, такой проступокъ навѣрное былъ бы оставленъ безъ послѣдствій. Ожидая, что Сорадачи вызовутъ къ допросу, онъ порѣшилъ вручить ему эти письма, прося, если его выпустятъ на свободу, передать ихъ по адресу; если бы шпіонъ не вытерпѣлъ—какъ и надлежало опасаться—и передалъ эти письма инквизиціи, то Казанова узналъ бы объ этомъ отъ Лоренцо. Но надлежало устроить передачу писемъ шпіону съ особою церемоніею. Для этого-то Казанова и запасся изображеніями святыхъ, Распятіемъ и святою водою. Сначала онъ обратился къ Сорадачи съ торжественнымъ словомъ:

— Я вполнѣ увѣренъ въ вашей преданности и въ вашемъ мужествѣ,—сказалъ онъ ему.—Вотъ два письма. Я прошу васъ передать ихъ по адресу, когда васъ выпустятъ на свободу. Помните же, что отъ вашей вѣрности и преданности зависитъ вся моя судьба. Не забывайте также, что письма должны быть тщательно скрыты, потому что, если ихъ найдутъ у васъ, то плохо будетъ и мнѣ и вамъ. И я не могу вамъ вручить ихъ, прежде чѣмъ вы не дадите мнѣ клятвы въ вѣрности на этомъ Распятіи и священныхъ изображеніяхъ.

Шпіонъ даже расхныкался отъ избытка чувствъ. Онъ былъ жестоко обиженъ однимъ предположеніемъ, что можетъ измѣнить человѣку, которому такъ много обязанъ. Казанова зналъ, какую цѣну можно дать этимъ увѣреніямъ. Онъ рѣшилъ разыграть комедію, которая бы проняла на сквозь глупаго и суевѣрнаго негодяя. Онъ окропилъ

всю камеру святою водою, поставилъ Сорадачи передъ Распятіемъ и заставилъ его повторять за собою страшнѣйшую клятву, состоявшую изъ совершенно непонятныхъ для шпіона, а потому еще болѣе для него ужасныхъ словъ. Продержавъ его въ самомъ напряженномъ состояніи до седьмого пота, Казанова, наконецъ, вручилъ ему письма. Шпіонъ собственноручно зашилъ ихъ въ свой кафтанъ. Одно изъ писемъ было къ Брагадину, другое къ Гримани; Казанова просилъ въ нихъ не безпокоиться объ его участи, высказывалъ надежду на скорое освобожденіе и т. п. Казанова былъ вполнѣ увѣренъ, что Сорадачи передастъ письма секретарю инквизиціи при первомъ же удобномъ случаѣ; но ему такъ и нужно было; тогда онъ пріобрѣлъ бы еще болѣе сильное вліяніе надъ шпіономъ.

ГЛАВА XIII.

Измѣна Сорадачи и его изобличеніе.—Бальби заканчиваетъ свою работу.—Продѣлка Казановы для того, чтобы запугать Сорадачи.—Явленіе ангела и выходъ изъ камеры.—Казанова знакомится съ компаньономъ Бальби.—Пробуравливаніе свинцовыхъ листовъ и выходъ на кровлю тюрьмы.

Казанова не сдѣлалъ никакой ошибки въ своихъ догадкахъ: все вышло, какъ по писанному.

Дня черезъ два послѣ описанной въ предыдущей главѣ клятвы, Лоренцо пришелъ за Сорадачи, котораго требовалъ къ себѣ секретарь инквизиціи. Увели его днемъ. Прошло много времени, наступалъ вечеръ. Казанова уже начиналъ ликовать; ему подумалось, что шпіона либо выпустили, либо перевели въ другую камеру. Но недолго ему пришлось порадоваться; Сорадачи вновь появился. Когда приведшій его Лоренцо вышелъ, шпіонъ началъ разсказывать, какъ его допрашивали, затѣмъ посадили въ какую-то каморку, потомъ опять допрашивали, наконецъ, связали и вновь водворили въ камерѣ Казановы. Его разсказъ опечалилъ Казанову. Для него стало ясно, что этого негодяя не такъ скоро выпустятъ, потому что дѣло его осложнялось и запутывалось. Онъ поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ Бальби. Пока у него жилъ Сорадачи онъ писалъ, конечно, въ секретѣ отъ него, по ночамъ, привыкнувъ писать въ потемкахъ.

На другой день Казанова, заранѣе будучи увѣренъ въ исходѣ дѣла, попросилъ Сорадачи, чтобы тотъ возвратилъ ему письма; онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ кое-что измѣнить въ одномъ изъ нихъ. Сорадачи началъ опасливо возражать, что боится распарывать свой кафтанъ, какъ бы вдругъ не вошелъ Лоренцо. Казанова сказалъ, что это ничего и потребовалъ свои письма съ нѣкоторою настойчивостью. Сорадачи оставалось только признаться въ своемъ свинствѣ. Онъ бросился на колѣни передъ Казановою и разсказалъ все. Во время вторичнаго допроса онъ почувствовалъ какую-то особенную тяжесть въ спинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ были зашиты письма, заерзалъ на мѣстѣ и обратилъ этимъ на себя вниманіе секретаря инквизиціи. Тотъ будто бы тотчасъ приступилъ къ нему и спросилъ, что означаютъ его ужимки. Тогда бѣдненькій шпіонъ «не имѣлъ болѣе силъ скрывать истину» и во всемъ ему признался. Секретарь позвалъ Лоренцо, велѣлъ ему развязать арестанта, обшарить его кафтанъ; письма, разу-

мѣется, были найдены, секретарь ихъ прочиталъ и положилъ къ себѣ въ столъ. «И онъ сказалъ мнѣ,—заключилъ свой разсказъ негодяй,— что если бы я доставилъ эти письма по адресу, то-то мнѣ было бы худо».

Казанова нашелъ полезнымъ разыграть комедію до конца. Онъ представился пораженнымъ до мозга костей, закрылъ лицо руками и бросился на колѣни передъ изображеніемъ Богоматери. Онъ громко молился, призывая мщеніе на голову предателя и пересыпая свою молитву самыми страшными проклятіями. Потомъ онъ успокоился, впалъ какъ бы въ апатію, легъ на кровать, отвернулся лицомъ къ стѣнѣ, и имѣлъ терпѣніе оставаться въ этой скучной позѣ безъ малѣйшаго движенія цѣлый день. Онъ не слышалъ стоновъ, криковъ, рыданій и покаянныхъ воплей предателя. Казанова ломался, конечно, не даромъ, у него былъ свой планъ. Ночью, когда Сорадачи угомонился, онъ написалъ Бальби пространное письмо; онъ просилъ его начать буравить отверстіе въ потолкѣ ровно въ 19 часовъ (напоминаемъ еще разъ о принятомъ въ Италіи дѣленіи времени не на 12, а на 24 часа),—ни одной минутою раньше или позже и окончить работу къ 23 ½ часамъ; отъ этой точности зависѣлъ весь успѣхъ задуманной Казановою штуки.

Наступалъ конецъ октября. По стародавнему обычаю инквизиторы республики ежегодно проводили на отдыхѣ первые дни ноября, удаляясь куда-нибудь въ окрестности Венеціи. Лоренцо, весьма склонный къ выпивкѣ, въ обычное время обуздывалъ свою склонность, но во время этого ежегоднаго отдыха начальства, и тюремщикъ устраивалъ себѣ бенефисъ: онъ могъ безъ опасенія нализываться каждый вечеръ. Урѣзавъ съ вечера муху, Лоренцо не торопился вставать утромъ, а появлялся въ эти дни въ камерахъ гораздо позже, чѣмъ обыкновенно. Казанова зналъ все это, и разумѣется, приготовлялся къ бѣгству именно въ эти, относительно менѣе опасные, дни. Нашъ герой очень подробно разъясняетъ еще и другую причину, которая побудила его назначить побѣгъ на эти дни. Тюрьма усилила его суевѣріе, отъ котораго онъ, кажется, никогда не былъ вполнѣ свободенъ. Ему вдругъ захотѣлось вопросить свою кабалу—когда, въ какой день освободится онъ изъ тюрьмы. Кабала должна была указать ему то мѣсто въ знаменитой поэмѣ Аріосто «Неистовый Роландъ», по которому онъ могъ бы заключить объ этомъ. Онъ принялся за ворожбу посредствомъ магическихъ квадратовъ. Оракулъ указалъ ему 9-ю пѣснь поэмы, въ ней 7-й стансъ, а въ стансѣ первую строку. У Казановы была книга Аріосто. Онъ съ замираніемъ сердца открылъ ее, перелистовалъ, нашелъ указанную оракуломъ строфу и прочелъ: «Fra il fin d'ottobre cil capo di novembre». (т. е. между концомъ октября и началомъ ноября). Нечего и говорить, какое потрясающее дѣйствіе произвело на Казанову это точное и удивительно совпадавшее съ сутью вопроса возвѣщеніе оракула. Такъ какъ между концомъ октября и началомъ ноября существовалъ совершенно точный раздѣльный пунктъ, именно, полночь съ 31-го октября на 1-е ноября, то Казанова тотчасъ и рѣшилъ, что его выходъ изъ тюрьмы долженъ совершиться ровно въ 12 часовъ ночи 31-го октября. Такъ оно и произошло въ дѣйствительности.

Итакъ, рѣшеніе было принято окончательно, и мы уже упомянули о томъ, что Казанова велѣлъ Бальби явиться къ нему въ камеру ровно

въ 19 часовъ, т. е. за 5 часовъ до заката. Теперь предстояло еще разыграть послѣдній актъ комедіи съ негодяемъ Сорадачи.

Какъ только они остались одни утромъ, послѣ обычнаго визита Лоренцо, Казанова тотчасъ пригласилъ Сорадачи прежде всего покушать. Шпіонъ лежалъ растянувшись на своемъ логовѣ и сказалъ Лоренцо, что боленъ. Когда Казанова окликнулъ его, онъ всталъ, потомъ тотчасъ растянулся передъ Казановою и началъ цѣловать его ноги. Онъ молилъ его о прощеніи, кричалъ, что если онъ не получитъ прощенія, то немедленно умретъ, что онъ уже слышитъ на себѣ проклятіе Казановы и мстительную десницу Провидѣнія. Онъ утверждалъ, что казнь его уже началась, что жестокія боли раздираютъ его внутренности, что ротъ его покрылся язвами. Онъ открылъ ротъ и Казанова увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ тамъ появилось множество язвъ; были ли онѣ раньше—этого, конечно, нашъ герой не могъ знать. Впрочемъ, не въ этомъ было и дѣло, а лишь въ томъ, что негодяй въ самомъ дѣлѣ пораженъ своею измѣною; предстояло этимъ воспользоваться, какъ можно полнѣе. Казанова тотчасъ сообразилъ, что̀ ему дѣлать. Онъ состроилъ вдохновенную физіономію и сказалъ:

— Садись и ѣшь! Я возвѣщаю тебѣ твое помилованіе. Знай, что Пресвятая Дѣва явилась мнѣ въ эту ночь въ видѣніи и повелѣла простить тебя. Ты не умрешь, ты вмѣстѣ со мною выйдешь изъ этой тюрьмы!

Сорадачи дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Аппетита, однако, не утратилъ и исправно уписывалъ супъ, стоя на колѣнкахъ, потому что въ камерѣ было только одно кресло. Поѣвъ, онъ опустился на свой матрацъ и, вперивъ глаза въ Казанову, слушалъ вдохновенныя разглагольствованія Казановы.

— Горе, въ которое повергло меня твое предательство,—пилилъ его Казанова,—лишило меня сна. Я зналъ, что если мои письма попадутъ въ руки инквизиціи, то я буду осужденъ на пожизненное заключеніе. Правда, я зналъ, что и ты не уйдешь отъ кары, что ты погибнешь у меня на глазахъ черезъ три дня, и это меня утѣшило. Я каюсь въ этомъ грѣхѣ, недостойномъ христіанина, ибо Господь намъ повелѣлъ прощать нашихъ враговъ. Мало-по-малу усталость одолѣла меня и я заснулъ. И вотъ, во время сна, я былъ удостоенъ видѣнія. Я видѣлъ Мадонну, изображеніе Которой начертано здѣсь, я видѣлъ ее во-очію, во плоти; я видѣлъ, какъ Она отверзла уста свои и возвѣстила мнѣ то, что я сейчасъ тебѣ передамъ. Слушай же, «Сорадачи,—сказала Она,—набоженъ, и я оказываю ему покровительство. Я хочу, чтобы и ты простилъ ему. И тогда проклятіе, которое онъ навлекъ на себя, перестанетъ тяготѣть на немъ. Въ воздаяніе же за благое дѣло я повелю ангелу своему принять человѣческій образъ, спуститься съ небесъ, разрушить кровлю твоей тюрьмы и вывести тебя изъ нея. Ангелъ начнетъ свою работу сегодня, ровно въ 19 часовъ, и будетъ трудиться до 23½ (до заката солнца), такъ какъ онъ долженъ возвратиться на небо до наступленія ночи. Выходя изъ тюрьмы съ ангеломъ, ты долженъ взять съ собою и Сорадачи и долженъ будешь заботиться о немъ, если только онъ поклянется, что броситъ свое шпіонское ремесло. Ты разскажешь ему обо всемъ». Послѣ того Мадонна скрылась, и я проснулся.

Во время этого разсказа Казанова старался елико возможно со-

хранить на своей физіономіи серьезное и вдохновенное выраженіе, чтобы Сорадачи ни одной минуты не усомнился въ томъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, получившимъ подлинное внушеніе свыше. Уловка, впрочемъ, удалась вполнѣ: Казановѣ стоило только взглянуть на окаменѣлую рожу своего сожителя, чтобы въ этомъ убѣдиться. Покончивъ свою рѣчь, Казанова сдѣлалъ видъ, что весь отдался благоговѣйному и молитвенному настроенію; онъ палъ на колѣни и по временамъ прикладывался къ изображенію Мадонны. Такъ прошелъ битый часъ въ полномъ безмолвіи. Казанова молился, а Сорадачи сидѣлъ, какъ тумба, на своемъ ложѣ. Наконецъ, онъ рѣшился спросить у Казановы, въ какое время явится ангелъ и услышатъ ли они, какъ онъ будетъ ломать кровлю тюрьмы.

— Онъ придетъ ровно въ 19 часовъ,—отвѣчалъ Казанова,—и мы будемъ явственно слышать его работу.

— Да, можетъ быть, вамъ только такъ приснилось?

— Я увѣренъ, что нѣтъ. Скажи же мнѣ, чувствуешь ли ты себя способнымъ оставить шпіонское ремесло?

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, но Сорадачи, очевидно, не имѣлъ силъ на него отвѣтить сразу и безъ колебаній; онъ молчалъ. Между тѣмъ, испытанныя имъ чрезвычайныя впечатлѣнія произвели на него своеобразное дѣйствіе: его глаза начали слипаться, онъ вдругъ ослабѣлъ, растянулся и захрапѣлъ. Проспалъ онъ самымъ безмятежнымъ сномъ часа два. Проснувшись съ такою же внезапностью, съ какою заснулъ, онъ вдругъ спросилъ у Казановы:—Нельзя ли пока, до времени, отложить клятву насчетъ шпіонства? Казанова отвѣчалъ, что, конечно, можно, но не далѣе какъ до появленія въ камерѣ ангела. Если до тѣхъ поръ клятва въ отреченіи отъ шпіонства не будетъ произнесена, то Казанова, повинуясь внушенію свыше, будетъ вынужденъ покинуть его въ тюрьмѣ, причемъ предупреждаетъ его, что шпіонство все равно рано или поздно доведетъ его до висѣлицы, что объ этомъ тоже получено Казановою извѣщеніе свыше.

— Но вѣдь намъ нельзя будетъ оставаться въ Венеціи?—догадался Сорадачи.

— Конечно, и ангелъ самъ отведетъ насъ въ другую область, не подвластную республикѣ. Что же, развѣ вы не хотите дать клятву, что бросите шпіонство? Или, быть можетъ, дадите клятву и опять окажетесь измѣнникомъ?

— Если я дамъ клятву, то, разумѣется, останусь ей вѣренъ. Но подумайте и вы о томъ, что если бы не мое предательство, то Владычица не удостоила бы васъ своею милостію. Моя измѣна была причиною вашего счастья. Значитъ, вы должны быть довольны моею измѣною.

— А ты любишь Іуду, который предалъ Спасителя?

— Нѣтъ.

— Ты видишь, значитъ, что можно ненавидѣть предателя и въ то же время благословлять Провидѣніе за его милости.

Убѣдивъ шпіона въ томъ, что онъ всетаки совершилъ грѣхъ, Казанова искусно довелъ его до сознанія необходимости искупленія этого грѣха. Возникъ вопросъ: что же дѣлать шпіону, ради искупленія. Казанова тотчасъ это разъяснилъ.

— Завтра, когда придетъ Лоренцо, ты долженъ притвориться боль-

нымъ и лежать, отвернувшись къ стѣнѣ; если онъ заговоритъ съ тобою, ты долженъ отвѣчать ему не оборачиваясь, не глядя на него, не дѣлая ни малѣйшаго движенія. Клянись въ этомъ передъ Мадонною.

Сорадачи немедленно далъ клятву. Тогда и Казанова въ свою очередь громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ поклялся, что если завтра, когда придетъ Лоренцо, Сорадачи взглянетъ на него или сдѣлаетъ ему хоть какой-нибудь знакъ, то онъ, Казанова, нимало немедля, задушитъ его. Послѣ того онъ накормилъ шпіона и велѣлъ ему ложиться спать. Пока тотъ спалъ, онъ написалъ подробное письмо Бальби съ послѣдними наставленіями и распоряженіями. На утро Сорадачи, къ чести его, ни малѣйшимъ образомъ не нарушилъ клятвы; онъ сдѣлалъ видъ, что спитъ, а Лоренцо даже и не обратилъ на него вниманія. Казанова, впрочемъ, ни на одинъ мигъ не отводилъ отъ него взгляда, давъ себѣ слово задушить его за малѣйшее двусмысленное движеніе, которымъ онъ могъ бы возбудить подозрительность Лоренцо. Остатокъ дня Казанова все разглагольствовалъ съ величайшею напыщенностью и вдохновеннымъ видомъ. Смыслъ его рѣчей былъ столь же непонятенъ ему самому, сколь и его собесѣднику, но эффектъ ихъ не подлежалъ сомнѣнію. Сорадачи былъ экзальтированъ до умопомраченія, и ждалъ явленія ангела самымъ серьезнымъ образомъ. Ради большаго эффекта Казанова еще не поскупился и на возліянія: онъ запасся виномъ и напоилъ Сорадачи до такой степени, что тотъ въ концѣ концовъ свалился съ ногъ и захрапѣлъ.

Наступилъ, наконецъ, роковой день и часъ: на колокольнѣ св. Марка пробило 19. Въ то же время Бальби началъ свою работу. Скоро полетѣлъ мусоръ и щепки и обнаружилось большое отверстіе въ потолкѣ камеры Казановы. Сорадачи готовился пасть ницъ передъ ангеломъ, но Казанова, сказалъ ему, что въ этомъ нѣтъ необходимости. Ангелъ, т. е. Бальби, пролѣзъ въ отверстіе, и Казанова принялъ его въ свои объятія.

— Теперь ваши труды покончены и начинаются мои,—сказалъ ему Казанова, горячо обнимая своего освободителя.

Бальби передалъ ему знаменитое, столь много поработавшее долото и ножницы. Этотъ инструментъ былъ необходимъ нашимъ бѣглецамъ, чтобы остричь отросшіе въ тюрьмѣ бороды и волосы. Сорадачи, который, по его собственному признанію, кромѣ шпіонства, упражнялся еще и въ куаферскомъ искусствѣ, долженъ былъ справить туалетъ нашихъ героевъ. Казанова оставилъ монаха съ Сорадачи, а самъ полѣзъ на чердакъ, чтобы все осмотрѣть. Отверстія оказались для него достаточными, онъ пролѣзалъ въ нихъ. Онъ спустился въ камеру Бальби и обнялъ графа Асквино. Это былъ почтеннѣйшаго вида старецъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ массивный, рыхлый, дряхлый; ему, конечно, нечего было и думать о бѣгствѣ. Графъ спросилъ Казанову, въ чемъ собственно состоитъ его проектъ, и откровенно не одобрилъ его.

— Я хочу только,—возразилъ Казанова,—шагъ за шагомъ идти впередъ, покуда не дойду до свободы или до смерти.

Графъ пожелалъ ему полнаго успѣха, хотя вновь выразилъ сомнѣніе. Самъ онъ наотрѣзъ отказался принять участіе въ предпріятіи, которое казалось ему безумнымъ. «Я останусь,—сказалъ онъ,—и буду молиться за васъ».

Послѣ того Казанова вновь поднялся на чердакъ, осмотрѣлъ кровлю, попробовалъ ее своимъ долотомъ и убѣдился въ томъ, что достаточно часа времени, чтобы продѣлать отверстіе въ кровлѣ. Съ этимъ успокоительнымъ убѣжденіемъ Казанова вернулся къ себѣ въ камеру и тотчасъ принялся заготовлять веревки изъ простынь, одѣяла и прочаго подходящаго матеріала, разрывая все это на полосы. Узлы онъ дѣлалъ собственноручно, чтобы убѣдиться въ надежной прочности каждаго изъ нихъ. Въ концѣ концовъ у него образовалась полоса длиною болѣе 200 аршинъ. Эта веревка была слишкомъ важная статья въ предпріятіи и заботу о ней нельзя было возложить ни на кого, кромѣ главаря экспедиціи. Затѣмъ Казанова собралъ въ узелъ нѣкоторое количество бѣлья, захватилъ свое платье, и всѣ трое перешли въ камеру Бальби. Нечего и говорить о томъ, какую глупую физіономію дѣлалъ Сорадачи по мѣрѣ того, какъ исторія съ ангеломъ мало-по-малу представала передъ нимъ въ ея истинномъ свѣтѣ. Казановѣ, несмотря на серьезность минуты, было очень смѣшно смотрѣть на одураченнаго шпіона. Онъ, видимо, придумывалъ всяческіе предлоги для того, чтобы уклониться отъ участія въ предстоящей попыткѣ бѣгства; его особенно смущали слова графа Асквино, который не переставалъ предсказывать попыткѣ полный неуспѣхъ.

Казанова велѣлъ Бальби собираться въ дорогу, а самъ пошелъ продѣлывать отверстіе въ крышѣ. Онъ очень легко снялъ деревянную настилку крыши, потому что доски давно успѣли сгнить. Но со свинцовымъ слоемъ онъ одинъ не могъ сладить и позвалъ на помощь Бальби; принявшись за дѣло вдвоемъ, они отодрали долотомъ одно изъ реберъ большого свинцоваго листа на мѣстѣ его стыка съ сосѣднимъ листомъ, отогнули этотъ край, а затѣмъ, подпирая его плечами, запрокинули, такъ что образовалось отверстіе, достаточное для ихъ прохода.

Казанова высунулъ голову въ образовавшееся отверстіе и съ неимовѣрнымъ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ венеціанской ночи, котораго онъ такъ долго былъ лишенъ. Но тутъ онъ обнаружилъ весьма досадное обстоятельство. Небо было чистое, безоблачное и на немъ ярко блисталъ лунный серпъ, давая слишкомъ достаточно свѣта, чтобы освѣтить двѣ фигуры, путешествующія по крышѣ. Надо было переждать. Впрочемъ, Казанова зналъ, что къ полуночи луна закатится, а вслѣдъ затѣмъ разойдется по домамъ и толпа, всегда гуляющая въ эти прелестныя ночи по площади св. Марка. Дѣло было доведено до конца и сгубить всѣ труды однимъ неосторожнымъ шагомъ было бы безуміемъ.

Казанова сообщилъ свои соображенія Бальби. Они рѣшили ждать до полуночи въ камерѣ Бальби. Предстояло еще переговорить съ Асквино и выпросить у него небольшую денежную ссуду; безъ денегъ бѣжать было крайне затруднительно. Казанова зналъ, что старый графъ скуповатъ; онъ сначала хотѣлъ попытать счастья черезъ Бальби; но Бальби скоро вернулся и сказалъ, что старикъ хочетъ переговорить съ Казановою наединѣ. Когда они остались въ камерѣ, старикъ началъ уговаривать Казанову не требовать отъ него денегъ (онъ, конечно, понималъ, что въ крайнемъ случаѣ, бѣглецы просто-на-просто отнимутъ ихъ у него); бѣжать-де можно и безъ денегъ, на

что бѣглецу деньги? А между тѣмъ, если ихъ предпріятіе, какъ и надлежитъ ожидать, не удастся, то занятыя деньги такъ и пропадутъ, а онъ, графъ, человѣкъ бѣдный, обремененный семействомъ, и т. д. и т. д. Казанова отлично понималъ, что тутъ, по настоящему надо дѣйствовать по принципу nolenti baculus (непослушному—дубинка); но ему было жаль хвораго старика, и онъ болѣе полчаса старался убѣдить графа въ томъ, что ихъ предпріятіе налажено превосходно, что оно удастся навѣрняка, и что тогда онъ, Казанова, немедленно вернетъ занятыя деньги. Онъ уговаривалъ Асквино бѣжать вмѣстѣ съ ними, изъявлялъ готовность нести его на себѣ, какъ Эней несъ Анхиза. Старикъ все отнѣкивался и говорилъ, что останется въ тюрьмѣ и будетъ молиться за бѣглецовъ; а Казанова ему ставилъ на видъ, что такая молитва будетъ даже не логична: просить у Бога помощи въ такомъ предпріятіи, которому самъ отказался помочь простымъ и подручнымъ средствомъ—деньгами! Кончилось тѣмъ, что старецъ расчувствовался и далъ, вмѣсто 30 цехиновъ, на которые разсчитывалъ Казанова, только два; да и тѣ умильно просилъ возвратить, если бы случилось, что онъ еще откажется отъ своего плана и воротится съ миромъ въ свою тюрьму.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Казанова позвалъ своихъ спутниковъ, велѣлъ имъ забрать узлы и перенести ихъ къ мѣсту выхода, т. е. къ отверстію въ кровлѣ. Времени у нихъ еще было достаточно. Они сидѣли въ камерѣ Бальби и бесѣдовали. Много надо было желѣзной воли, энергіи и жажды свободы, чтобы поладить съ такими людьми въ такія страшныя и рѣшительныя минуты. Бальби видимо ослабѣлъ духомъ. Онъ жаловался Казановѣ, что тотъ его обманулъ, сказавъ, что у него составленъ в ѣ р н ы й планъ бѣгства, а между тѣмъ оказалось, что ничего вѣрнаго нѣтъ, и что никакъ нельзя сказать, успѣютъ ли они спастись или нѣтъ; если бы, дескать, знать заранѣе, что планъ сведется къ такому абсурду, какъ выходъ черезъ крышу, то онъ, Бальби, и пальцемъ не двинулъ бы. Графъ Асквино съ своей стороны произнесъ цѣлую рѣчь; онъ былъ адвокатъ, и при этомъ случаѣ тряхнулъ стариной. Бѣдный старикъ все еще мечталъ, что Казанова отступится отъ своего плана и отдастъ ему обратно два цехина. Графъ краснорѣчиво доказывалъ, что по крышѣ дожескаго дворца, очень крутой и гладкой, невозможно ходить, невозможно даже твердо стоять на ногахъ, что тамъ не за что будетъ привязать веревки, что придется одному изъ трехъ бѣглецовъ спустить двухъ другихъ, какъ спускаютъ на веревкѣ грузы, а самому вернуться въ тюрьму; что нѣтъ смысла спускаться ни на площадь, ни на дворъ, а можно только спуститься на каналъ, позади дворца; но для этого надо имѣть въ запасѣ гондолу, которая бы ждала бѣглецовъ, и т. д.

Казанова кипѣлъ отъ ярости, слушая эти неумѣстныя и несвоевременныя слова, но онъ сумѣлъ сдержать себя, хотя самъ этому дивится. Надо было все это выслушать терпѣливо, нельзя было ссориться съ этими людьми, потому что если бы Бальби и Сорадачи отступились оба, то Казановѣ одному—онъ это сознавалъ—не удалось бы благополучно довести дѣло до конца. Казанова сдѣлалъ надъ собою отчаянное усиліе, подавилъ свое бѣшенство и тихо, даже кротко возражалъ имъ, увѣрялъ ихъ въ полной осуществимости плана. Изрѣдка

онъ протягивалъ руку (было темно) и ощупывалъ, тутъ ли Сорадачи; отъ этого хвата можно было ожидать всякихъ сюрпризовъ. Въ одиннадцатомъ часу вечера (въ 4 ½ часа по итальянскому времясчисленію) онъ послалъ Сорадачи посмотрѣть, гдѣ мѣсяцъ и ярко ли онъ свѣтитъ. Шпіонъ скоро вернулся и доложилъ, что часа черезъ полтора луна закатится, и что начинается туманъ, отъ котораго свинцовая кровля должна ослизнуть, такъ что на ней совсѣмъ нельзя будетъ держаться.

— Ничего,—бодро отвѣтилъ Казанова,—туманъ не масло. Завязывайте узлы и будьте наготовѣ!

Въ этотъ моментъ нашъ герой вдругъ почувствовалъ (въ камерѣ не видно было ни зги), что злополучный Сорадачи повалился передъ нимъ на колѣни, схватилъ его руки и началъ ихъ цѣловать.

— Отпустите меня,—вопилъ онъ,—не берите меня съ собою! Я навѣрное свалюсь въ каналъ, и погибну, и никакой вамъ отъ меня не будетъ пользы! Воля ваша, я останусь здѣсь; ваша воля—убить меня, коли хотите, а я не пойду съ вами!

Бѣдный шпіонъ и не подозрѣвалъ, до какой степени его желанія совпадаютъ съ тайными намѣреніями Казановы. Тотъ все время только и думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ этого труса и негодяя, который могъ только мѣшать и грозилъ предательствомъ при первомъ случаѣ. Само собою разумѣется, что онъ отвѣтилъ на просьбу Сорадачи полнымъ согласіемъ. Онъ только просилъ его немедленно сходить въ ихъ камеру и перенести оттуда всѣ книги Казановы; онѣ стоили до сотни скуди и могли служить для скупого графа очень солиднымъ обезпеченіемъ долга Казановы.

Послѣ того Казанова попросилъ у графа бумаги, перо и чернилъ и написалъ посланіе къ инквизиціи, которое Сорадачи долженъ былъ передать по назначенію. Приводимъ здѣсь дословно этотъ любопытный документъ:

«Наши господа государственные инквизиторы должны все сдѣлать для того, чтобы задержать виновнаго подъ свинцовою кровлею; виновный же, счастливый тѣмъ, что онъ оставленъ въ тюрьмѣ не на слово, долженъ дѣлать все, что отъ него зависитъ, чтобы вернуть свою свободу. Ихъ право основано на правосудіи, а права преступника на требованіяхъ природы. Какъ они не имѣютъ надобности въ его согласіи, чтобы запереть его, такъ и ему не требуется ихъ согласіе, чтобы освободиться.

«Пишущій эти строки съ горечью въ сердцѣ своемъ, Яковъ Казанова, знаетъ, что онъ можетъ быть изловленъ прежде чѣмъ выйдетъ за предѣлы государства и очутится въ безопасности на гостепріимной, чужой землѣ; знаетъ, что въ такомъ случаѣ онъ попадетъ подъ карающій мечъ тѣхъ, отъ кого онъ приготовляется бѣжать. Но если такое бѣдствіе постигнетъ его, онъ взываетъ къ человѣчности своихъ судей, молитъ ихъ не ухудшать той тяжкой доли, отъ которой онъ пытается бѣжать, не карать его за то, что онъ уступилъ требованіямъ природы. Если его вновь схватятъ, онъ умоляетъ возвратить ему все, что ему принадлежитъ и что онъ оставилъ въ своей камерѣ. Но если ему посчастливиться успѣшно выполнить свое намѣреніе, онъ даритъ все Франциску Сорадачи, который остается въ тюрьмѣ, потому что у него не хватило мужества рискнуть своей жизнью; онъ не можетъ, подобно мнѣ, предпо-

честь свободу жизни. Казанова умоляетъ ихъ превосходительства не оспаривать у этого несчастнаго сдѣланнаго ему подарка. Писано за часъ до полуночи, въ потемкахъ, въ камерѣ графа Асквино, 31 октября 1756».

Онъ передалъ письмо Сорадачи и просилъ его не отдавать его Лоренцо, а непремѣнно передать въ собственныя руки секретарю инквизиціи, который несомнѣнно вызоветъ его для допроса, а можетъ быть и самъ посѣтитъ камеру для производства слѣдствія о побѣгѣ. Графъ старался внушить ему, что если Казанову поймаютъ и вновь засадятъ, то Сорадачи обязанъ все ему возвратить.

Прошло еще нѣсколько минутъ; луна, наконецъ, зашла, настала густая ночная темнота. Откладывать дольше не было надобности. Казанова раздѣлилъ запасъ веревокъ на двѣ части: одну часть надѣлъ себѣ на шею, другую Бальби. Оба они для облегченія движеній и для того, чтобы не изодрать платья, остались въ однихъ жилетахъ, а все прочее связали въ узлы.

«E quindi uscimmo a rimirar le Stelle» (И затѣмъ мы вышли и снова увидѣли звѣзды), такими словами Данта заканчиваетъ Казанова свое повѣствованіе объ этой первой половинѣ любопытной эпопеи своего бѣгства.

ГЛАВА XIV.

Приключенія Казановы и Бальби по выходѣ на кровлю крыши дворца дожей.—Какими путями удалось имъ выбраться изъ дворца.—Бѣгство по каналамъ и высадка.—Страшныя опасности, которымъ Бальби подвергалъ ихъ обоихъ.—Казанова приходитъ къ неизбѣжной необходимости отдѣлаться отъ своего спутника.

Казанова вылѣзъ на крышу первый, за нимъ послѣдовалъ Бальби. Сорадачи, котораго Казанова привелъ съ собою, долженъ былъ послѣ ихъ выхода отогнуть свинцовый листъ и по возможности приладить его на мѣсто. Кровля дожескаго дворца страшно крута; ходить по ней нѣтъ возможности, можно только ползать, лазить. Казанова отгибалъ ударами своего неизмѣннаго долота края листовъ на стыкахъ, хватался за отогнутый край, и такимъ образомъ лѣзъ все вверхъ, до ребра кровли; Бальби карабкался за нимъ, держась за его поясъ. Этотъ подъемъ представлялъ настоящій геркулесовскій подвигъ, тѣмъ болѣе что, какъ предсказывалъ Сорадачи, кровля, смоченная туманомъ, страшно ослизла и не представляла ни малѣйшей надежной точки опоры.

Вдругъ посреди этого гибельнаго подъема Бальби уронилъ одинъ изъ своихъ узловъ—который? Что если веревки? Казановѣ ужасно захотѣлось пнуть его изо всей силы ногою, чтобы отправить его сразу ко всѣмъ чертямъ. Къ счастію, оказалось, что упалъ другой узелокъ, веревки были цѣлы. Монахъ хотѣлъ было спуститься за нимъ, въ разсчетѣ, что дождевой жолобъ не далъ ему упасть съ крыши, но Казанова не далъ ему терять времени. Притомъ монахъ рисковалъ свалиться съ крыши, а Казанова одинъ, навѣрное, не сумѣлъ бы выпутаться изъ всѣхъ предстоявшихъ затрудненій.

Отъ того мѣста крыши, гдѣ наши бѣглецы вылѣзли на свѣтъ Божій, до ея конька Казанова насчиталъ 16 рядовъ свинцовыхъ листовъ. Послѣ

неимовѣрныхъ усилій они, наконецъ, одолѣли эту чертовскую лѣстницу и очутились на ребрѣ кровли, гдѣ и усѣлись верхомъ. Можно было хоть немного отдохнуть.

Наши герои осмотрѣлись вокругъ. Они сидѣли задомъ къ островку Санъ-Джорджо-Маджоре, а внизу подъ ними громоздились купола св. Марка, составляющаго, собственно говоря, часть дожескаго дворца, какъ бы домашнюю церковь дожей. Казанова снялъ съ себя свой грузъ, чтобы лучше отдохнуть, и пригласилъ компаньона сдѣлать то же самое. Бальби при этомъ опять отличился; онъ положилъ свои узелки подъ себя, но затѣмъ сдѣлалъ новое движеніе, узлы выскользнули изъ подъ него и покатились внизъ, шлепнулись о дождевой жолобъ и застряли тамъ вмѣстѣ съ прежними. Бальби очутился безъ рубашки, безъ шляпы и вдобавокъ утратилъ какой-то драгоцѣнный манускриптъ, найденный имъ въ тюрьмѣ, на который онъ возлагалъ громадныя, хотя, кажется, совершенно неосновательныя надежды. Потерю такихъ благъ въ самомъ началѣ бѣгства монахъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Казанова, вообще, не раздѣлялъ такого рода суевѣрій и потому постарался, какъ можно хладнокровнѣе разъяснить своему спутнику, что никакого предзнаменованія онъ тутъ не видитъ, но что если и впредь Бальби намѣренъ вести себя такою же вороною, то, разумѣется, имъ будетъ худо. Узелъ могъ упасть на дворъ, вдобавокъ прямо на голову часовому, и обнаружилось бы, если бы узелъ упалъ съ крыши, что на крышѣ кто-то есть, и тогда ихъ, конечно, схватили бы.

Осмотрѣвшись вокругъ, Казанова велѣлъ монаху сидѣть смирно, а самъ отправился на развѣдки. Онъ поползъ вдоль по коньку кровли, обогнулъ все зданіе, употребивъ на свою экспедицію цѣлый часъ. Онъ всюду заглядывалъ, старался отыскать какой-нибудь пунктъ, гдѣ можно было бы предпринять спускъ внизъ, но совершенно напрасно; главное, что приводило его въ отчаяніе—это отсутствіе всякой надежной точки опоры, къ которой можно было бы привязать его полотнище. Это безнадежное открытіе сбило его съ толку; онъ потерялъ всѣ концы, всѣ нити, не зналъ, что предпринять, за что ухватиться. Передъ нимъ вдругъ исчезли всѣ надежды. На дворъ и на каналъ не представлялось никакой возможности спуститься; это было до очевидности ясно. Спуститься на кровлю св. Марка, значило подвергнуть себя риску блужданія между куполами, устройство и расположеніе которыхъ ему было совершенно неизвѣстно. Перебраться на ту сторону церкви, на такъ называемую «Каноннку»—для этого надо было спускаться и подниматься по такимъ кручамъ кровель, что и подумать было страшно. Казанова былъ готовъ на все; онъ былъ способенъ на самыя отчаянныя мѣры, да и положеніе было совсѣмъ не такое, чтобы пугаться опасности и отступать передъ затрудненіями; но, однако, простой, здравый смыслъ ясно указывалъ на разницу между затрудненіемъ и полною невозможностью. Передъ Казановою не было затрудненій, а были только невозможности,—вотъ въ чемъ заключался весь трагизмъ его положенія. Безграничная отвага и ни малѣйшаго неблагоразумія—вотъ тѣ требованія, которыя предъявляла къ нему эта страшная минута.

Онъ сопоставилъ представлявшіеся ему выходы. Ихъ было только два—броситься на ура въ каналъ, либо мирно вернуться въ свою тюрьму. Что же дѣлать? Надо было во всякомъ случаѣ что-либо начать, пред-

принять. Онъ видѣлъ передъ собою слуховое окно, выходившее на каналъ; оно находилось, примѣрно, на высотѣ двухъ третей ската кровли. Какое помѣщеніе освѣщало это окно? Оно находилось, повидимому, въ сторонѣ отъ тюремныхъ камеръ. Что, если тутъ каморки дворцовой прислуги? Эти люди, если бы они увидѣли бѣглецовъ, не тронули бы ихъ и навѣрное помогли бы имъ выбраться. Казанова былъ въ этомъ глубоко убѣжденъ. Въ Венеціи всѣ и каждый такъ глубоко ненавидѣли инквизицію, что оказаніе помощи людямъ, ускользавшимъ изъ ея когтей, будь это гнуснѣйшіе злодѣи, каждый считалъ чуть ли не благочестивымъ дѣломъ.

Казанова все смотрѣлъ на это слуховое окно и въ немъ все больше разгоралась надежда на то, что, быть можетъ, въ этомъ окнѣ все его спасеніе. Онъ переползъ по коньку кровли и очутился какъ разъ надъ этимъ окномъ, по обыкновенію снабженнымъ собственною особою кровелькою. Онъ слѣзъ съ конька и началъ тихо и осторожно спускаться къ окну. Спускъ былъ страшно рискованный и опасный, но Казанова преодолѣлъ его благополучно, и скоро сидѣлъ верхомъ на кровелькѣ окна. Тогда, опираясь руками на край кровельки, онъ изогнулся и заглянулъ въ окошко. Онъ различилъ въ потемкахъ желѣзную рѣшетку, закрывавшую окно; потомъ онъ протянулъ руку, ощупалъ эту рѣшетку; просунувъ руку дальше, онъ ощупалъ раму съ переплетомъ и стекла. У него немедленно явилось рѣшеніе проникнуть сквозь это окно внутрь чердака. Сладить съ рамою, повидимому, не представлялось затрудненій, вся трудность состояла въ желѣзной рѣшеткѣ; она была очень тонка, но Казановѣ въ первыя минуты все-таки подумалось, что ему ее не удастся выломать безъ помощи подпилка; а у него только и было съ собою его вѣрное долото.

Казанова сидѣлъ на окнѣ, думалъ, .но ничего не могъ придумать. Въ его душу начинала закрадываться мрачная безнадежность, сознаніе полной безвыходности положенія. И вдругъ его всего словно озарила яркая, простая и естественная мысль: выломать всю рѣшетку цѣликомъ, выбить ее изъ стѣнки, въ которую она, безъ сомнѣнія, запущена не на очень значительную глубину. Онъ немедленно принялся долбить своимъ долотомъ; посыпалась штукатурка, мусоръ, концы рѣшеткѣ, запущенные въ стѣну обнажились, и черезъ четверть часа вся рѣшетка свободно снялась съ мѣста. Это былъ истинный тріумфъ для Казановы! Выломать оконную раму—было дѣломъ одной минуты; Казанова, впрочемъ, при этомъ весьма чувствительно поранилъ себѣ лѣвую руку стекломъ, но обращать вниманіе на такіе пустяки у него не было времени.

Веселый и бодрый возвратился онъ къ своему спутнику, который все еще—уже битыхъ два часа—продолжалъ сидѣть верхомъ на прежнемъ мѣстѣ на конькѣ крыши. Бальби встрѣтилъ его упреками и бранью, но Казанова отъ радости успѣха не могъ въ ту минуту сердиться. Онъ успокоилъ бѣсновавшагося Бальби, который чуть было не порѣшилъ вернуться обратно въ тюрьму, и велѣлъ ему слѣдовать за собою. Они подползли къ слуховому окну. Здѣсь Казанова отдалъ Бальби подробный отчетъ. Предстояло спуститься черезъ окно внутрь зданія и тамъ сообразить, куда судьба завела ихъ, и нельзя ли откуда выбраться на свѣтъ Божій. Веревки у нихъ были и спуститься

одному съ помощью другого было нетрудно. Но какъ спуститься другому, если окажется, что отъ окна до полу слишкомъ большое разстояніе? Веревку прикрѣпить было рѣшительно некуда. Казанова высказалъ всѣ эти соображенія Бальби, но тотъ съ нетерпѣніемъ крикнулъ ему:

— Нечего тутъ разговаривать! Спустите сначала меня, а потомъ ужь сами придумывайте, что хотите.

Казанова схватился было за свое долото, чтобы тутъ же прикончить своего черезчуръ эгоистическаго компаньона. Однако, во время остановилъ свой порывъ. Онъ молча размоталъ свою веревку, обвязалъ ею Бальби подъ мышки и потихоньку спустилъ его къ слуховому окну. Бальби пролѣзъ въ окно—оно было достаточно широко для этого—и Казанова понемногу разматывалъ свое полотнище, пока его товарищъ не сталъ на полъ помѣщенія, куда его спустили. Тогда Казанова снова смоталъ полотнище и тотчасъ обмѣрялъ его приблизительно руками, чтобы по его длинѣ судить о глубинѣ помѣщенія, въ которое вело слуховое окно. Измѣреніе дало ему очень крупную цифру—до 50 футовъ. Спрыгнуть съ такой высоты было очень рисковано. Тутъ мы должны сдѣлать довольно существенную оговорку. Одинъ изъ комментаторовъ Казановы указываетъ на большую ошибку въ его разсчетѣ,—глубина помѣщенія, о которомъ Казанова говорилъ (т. е. разстояніе отъ слухового окна до пола), на самомъ дѣлѣ не превышаетъ 2—2½ саженъ. Но Казанова и не могъ сдѣлать точнаго опредѣленія. Такъ или иначе для него стало ясно, что, лишившись содѣйствія Бальби, онъ не имѣлъ никакой возможности самъ спуститься внутрь чердака.

Совершенно растерявшись, не зная, что предпринять, онъ вновь взобрался на конекъ крыши. Оглянувшись еще разъ, онъ обратилъ вниманіе на одинъ изъ куполовъ (церкви или дворца?—въ запискахъ сказано глухо—près d'une coupole). Здѣсь была крытая свинцовыми листами терраса въ видѣ платформы, а на ней виднѣлось окно, запертое ставнями. На террасѣ стоялъ чанъ съ известью; рядомъ съ нею лежали штукатурныя лопатки и большая лѣстница. Вотъ она-то и привлекла вниманіе Казановы. Онъ сразу увидѣлъ, что такая лѣстница должна достать до дна чердака. Онъ зацѣпилъ ее своимъ полотнищемъ и приволокъ къ слуховому окну. Лѣстница, по словамъ Казановы, имѣла въ длину 12 брассовъ, т. е. разверстыхъ рукъ. Эту мѣру можно принять, примѣрно, въ 2½ аршина; такимъ образомъ лѣстница должна была имѣть въ длину почти 10 саженъ. Тутъ опять очевидное преувеличеніе; едва ли въ то время были такія лѣстницы, да если бы попавшаяся нашему герою и была такова, то онъ, конечно, не сладилъ бы съ нею. Очевидно, ея передвиженіе и установка, да еще въ потемкахъ и въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ, была бы совершенно невозможна даже для первокласснаго силача и эквилибриста. Впрочемъ, можетъ быть, Казанова смѣшивалъ французскую мѣру brasse съ итальянскою braccio (оба названія происходятъ отъ слова рука), которая можетъ быть принята равною, примѣрно, 12—14 вершкамъ длинѣ руки отъ плеча до конца средняго пальца. Тогда длина лѣстницы сокращается до 3—3½ аршинъ. Но и такой грузъ при крутизнѣ крыши, на которую жалуется Казанова (опять таки преувеличенно: кровля дожескаго дворца имѣетъ обычную крутизну), всетаки страшно долженъ

былъ затруднять неопытнаго человѣка, работающаго при необычныхъ условіяхъ.

Подведя лѣстницу къ окну, Казанова усѣлся на крышку окна и пропихнулъ одинъ конецъ лѣстницы въ окно. Какъ ему удалось выполнить такой маневръ—это граничитъ почти съ чудомъ. Но тутъ вышла задержка. Лѣстница уперлась концомъ во что-то, надо полагать въ крышу окна—и ни взадъ ни впередъ. Какъ помочь горю — это было ясно: надлежало приподнять другой конецъ лѣстницы, свѣсившійся за край крыши; тогда упершійся конецъ опустился бы, и стоило толкнуть лѣстницу, она бы и свалилась внутрь чердака безпрепятственно. Казановѣ пришла въ голову мысль—воспользоваться лѣстницею, какъ точкою опоры для полотнища. Въ самомъ дѣлѣ, лѣстницу можно было повернуть поперекъ, привязать къ ней полотнище и безопасно спуститься внизъ, на полъ чердака. Но лѣстница осталась бы на мѣстѣ; ее увидали бы при первыхъ проблескахъ дневного свѣта, и тотчасъ догадались бы о бѣгствѣ и пустились бы въ погоню. Лѣстница оставалась бы уликою бѣгства—большая неосторожность! Надо было во что бы то ни стало спустить ее въ окно.

Тогда Казанова выполнилъ истинное чудо силы и ловкости; можно сказать, что передъ нимъ было 99 шансовъ гибели и только одинъ шансъ успѣха. Но судьба улыбнулась ему, и онъ одолѣлъ.

Онъ спустился до самаго свѣса крыши, до дождевого жолоба. Лѣстница держалась крѣпко, ее можно было оставить, не держать. Онъ легъ ничкомъ подъ нею, опираясь носками въ жолобъ. Въ этой позѣ онъ поднялъ руки, уперся ими въ лѣстницу, приподнялъ ее и пихнулъ впередъ. Къ его неимовѣрной радости она подалась впередъ на цѣлый футъ; это, конечно, уменьшило тяжесть ея свѣсившагося конца. Надо было продвинуть ее еще фута на два не болѣе, тогда легко было бы двигать ее, сидя на кровелькѣ слухового окна. Но для этого надо было приподнять ее еще выше. И вотъ Казанова, подъ страхомъ смерти, рѣшился стать на колѣни, упереться въ такой позѣ въ лѣстницу, приподнять ее и двинуть впередъ, вглубь чердака. Но въ то время, какъ Казанова напрягъ всѣ силы, чтобы сдѣлать это движеніе, его ноги сорвались съ жолоба, онъ скользнулъ внизъ за край крыши и, несомнѣнно, ринулся бы внизъ, въ мутныя волны канала, если бы локти его какимъ-то чудомъ не уперлись въ края жолоба. Въ этой ужасающей позѣ онъ и повисъ надъ бездною.

Казанова говоритъ, что онъ всю жизнь не могъ вспомнить этой минуты безъ содроганія. Онъ не помнилъ другого, болѣе страшнаго мгновенія; это висѣніе на локтяхъ затмило даже «мертвую руку» перваго дня его заточенія. Къ счастію, страхъ не отшибъ у него соображенія. Онъ сдѣлалъ усиліе, приподнялся на локтяхъ и легъ животомъ на свѣсъ кровли, на жолобъ; это увеличило поверхность его опоры. Онъ старался утвердиться въ мысли, что теперь, въ эту минуту весь вопросъ о жизни и смерти рѣшается для него цѣною самообладанія и хладнокровія. Надо было, опираясь животомъ и руками въ жолобъ, закинуть на него одно колѣно, потомъ другое. Это движеніе потребовало такого напряженія, такого расхода нервной силы, что когда его правое колѣно было, наконецъ, занесено на жолобъ, его схватила судорога. Казанова имѣлъ столько

силы воли, чтобы переждать схватку, сохраняя полную неподвижность. Припадокъ длился не менѣе двухъ минутъ. Что это были за минуты!

Наконецъ, судорога мало-по-малу прошла. Онъ сдѣлалъ новое усиліе—и со вздохомъ блаженства поставилъ другое колѣно на жолобъ. Теперь онъ смѣло ухватился за лѣстницу; она уже прошла въ окно фута на три и представляла совершенно солидную точку опоры. Онъ безъ большого труда продвинулъ ее еще и еще и она, наконецъ, приняла горизонтальное положеніе. Теперь уже достаточно было ничтожнаго толчка, чтобы конецъ, вошедшій внутрь чердака, перевѣсилъ, и лѣстница опустилась внутрь собственнымъ грузомъ. Все это было исполнено въ одну минуту. Бальби, конечно, видѣлъ лѣстницу и съ своей стороны помогъ снизу ея спуску и установкѣ.

Казанова бросилъ черезъ окно свои узлы и полотнище и спустился туда самъ. Бальби на этотъ разъ встрѣтилъ его съ радостью. Подвигъ съ лѣстницею видимо ободрилъ его; ему, вѣроятно, подумалось, что на человѣка, способнаго къ такимъ подвигамъ, можно смѣло положиться. Оба они немедленно произвели тщательный осмотръ помѣщенія, въ которое попали. Это была какая-то, неопредѣленнаго назначенія камера. шаговъ тридцать длины и двадцать ширины. На одномъ концѣ камеры оказалась желѣзная, двухстворная дверь, которая сначала испугала нашихъ бѣглецовъ своимъ грознымъ видомъ, но, когда къ ней приступили, она безъ усилія открылась. Черезъ нее друзья проникли въ другую камеру, посреди которой стоялъ столъ, окруженный табуретами. Въ этой камерѣ были окна. Казанова тотчасъ подошелъ къ одному изъ нихъ и открылъ его. Оно выходило на куполъ св. Марка. Спуститься отсюда было возможно: было къ чему прикрѣпить полотнище. Но куда спустились бы они? Это надо было знать навѣрное. Казанова чѣмъ дальше, тѣмъ становился хладнокровнѣе и осмотрительнѣе. Слишкомъ много ужъ было сдѣлано и выстрадано, чтобы рисковать на послѣднихъ шагахъ. Онъ рѣшилъ дѣйствовать не иначе, какъ навѣрняка.

Казанова вдругъ ощутилъ страшную усталость. Въ самомъ дѣлѣ, пора было отдохнуть хоть немного. Онъ легъ, подложилъ подъ голову свой узелъ и мигомъ уснулъ. Сознаніе опасности какъ-то вдругъ отлетѣло отъ него и жажда отдыха взяла верхъ надъ всѣми желаніями, всѣми страхами и опасеніями.

Къ счастію, проспалъ онъ не долго—всего три съ половиною часа; о времени онъ могъ точно судить по бою часовъ у св. Марка. Его разбудилъ Бальби, который не спалъ и ужасно тревожился. Но и этого краткаго отдыха было достаточно, чтобы возстановить силы Казановы. Онъ вскочилъ на ноги бодрый и дѣятельный.

Было около пяти часовъ утра, начинало свѣтать; въ Венеціи, въ началѣ ноября, солнце восходитъ въ концѣ седьмого часа. Осмотрѣвшись еще разъ, Казанова вдругъ сообразилъ, что камера, куда они спустились, очевидно, не принадлежитъ къ тюрьмѣ и слѣдовательно, изъ нея долженъ быть выходъ. Онъ опять обошелъ стѣны и въ одномъ углу нашелъ другую дверь. Она была заперта. Казанова нащупалъ замочную скважину, запустилъ въ нее свое спасительное долото и безъ особаго труда разломалъ некрѣпкій замокъ. Дверь отворилась и за нею оказалась каморка, въ которой стоялъ столъ, а на столѣ лежалъ какой-то

ключъ. Въ каморкѣ была другая дверь и ключъ былъ, какъ подумалось Казановѣ, отъ этой именно двери; но она оказалась незапертою. Казанова положилъ ключъ обратно на столъ и вошелъ въ слѣдующую комнату; здѣсь на полкахъ лежали груды бумагъ; это былъ, очевидно, архивъ.

Казанова послалъ Бальби за узлами, а самъ пошелъ дальше. Онъ прошелъ черезъ архивъ и вышелъ на лѣстницу. Онъ спустился по ней. За первой лѣстницей начиналась другая; онъ опять спустился и очутился передъ стеклянной дверью, которая не была заперта. Эта дверь вела въ обширный залъ. Казанова узналъ этотъ залъ; это была канцелярія дожей. Онъ подошелъ къ окну, взглянулъ въ него. Спуститься отсюда на землю не представляло бы никакого затрудненія. Но куда попали бы наши странники? Въ сѣть двориковъ и закоулковъ св. Марка. Это была бы огромная оплошность съ ихъ стороны. Надо было обдумать иной выходъ. Между тѣмъ Казанова увидалъ на столѣ нѣчто вродѣ тупого кинжала съ рукояткою; это былъ буравъ, которымъ прокалывали рукописи на пергаментѣ, для пропуска шнурковъ, на которыхъ прикрѣпляли печати. Казанова захватилъ буравъ на всякій случай. Потомъ онъ открылъ конторку и нашелъ въ ней дѣловыя бумаги; онъ искалъ денегъ, но ихъ, по несчастію, не оказалось.

Покончивъ осмотръ разныхъ столовъ и ящиковъ, Казанова подошелъ къ двери, хотѣлъ было взломать замокъ, но онъ не поддался. Тогда онъ началъ продѣлывать дыру въ двери. Удары массивнаго долота гулко раздавались и были, вѣроятно, слышны по всему дворцу. Казанова понималъ, какъ это опасно, но тутъ необходимость риска была неизбѣжна. Черезъ полчаса отверстіе было готово; Казанова пропихнулъ черезъ него Бальби, затѣмъ передалъ ему узлы, потомъ и самъ пролѣзъ. Дыра была страшно узкая и ея края усѣяны острыми шипами расщепленнаго дерева, которые такъ изодрали Казановѣ все тѣло, что онъ оказался весь окровавленнымъ; но ему было не до нѣжностей.

Выйдя изъ канцеляріи, бѣглецы спустились по лѣстницамъ, прошли длинный корридоръ и подошли къ большой двери «королевской» лѣстницы, около которой находится другая дверь—въ кабинетъ, извѣстный подъ названіемъ Savio alla scritturo. Это былъ выходъ изъ дворца прямо на улицу. Взломать эту дверь нечего было и думать; для этого надо было обладать тараномъ или пороховою миною. Казанова зналъ это. Онъ спокойно и рѣшительно усѣлся около двери и началъ ждать.

— Теперь наша работа кончена,—сказалъ онъ своему монаху.—Будемъ спокойно сидѣть и ждать. Фортуна закончитъ наше предпріятіе, какъ знаетъ.

На что онъ надѣялся? А на то, что, въ концѣ концовъ, долженъ же явиться кто-нибудь изъ сторожей или прислуги, чтобы вымести лѣстницу. Какъ только откроютъ дверь, надо тотчасъ выскочить вонъ и бѣжать. А пока не откроютъ двери, сидѣть и ждать, хотя бы пришлось умереть голодною смертью.

Бальби пришелъ въ ярость. Онъ осыпалъ Казанову упреками, называлъ его обманщикомъ, предателемъ, безумцемъ. Казанова сидѣлъ себѣ спокойно и не обращалъ никакого вниманія на его ярость. Пробили часы: тринадцать, т. е. 6 часовъ утра.

Казанова вспомнилъ о своей внѣшности и встрепенулся. Дѣло въ

томъ, что пока пролѣзалъ черезъ всѣ ходы и отверстія, которыя пришлось продѣлывать по дорогѣ, на немъ что называется живого мѣста не осталось. Особенно чувствительно пострадалъ онъ при пролѣзаніи черезъ послѣднюю щель, въ двери канцеляріи; у него были порваны панталоны, жилетка, даже рубашка; онъ весь былъ покрытъ кровью, которая еще продолжала сочиться струйками изъ ранъ. Въ такомъ видѣ было невозможно показаться на улицу. Казанова, не теряя времени, принялся за свой туалетъ. Онъ вытеръ кровь; къ счастью, у него было чѣмъ это сдѣлать, онъ захватилъ съ собою въ узелкѣ свое бѣлье. Болѣе серьезныя раны онъ перевязалъ платками, перемѣнилъ бѣлье, надѣлъ на себя двѣ перемѣны, чтобы было теплѣе, такъ какъ на дворѣ стоялъ ноябрь. На ноги онъ натянулъ бѣлые чулки. На немъ вновь очутился тотъ роскошный бальный костюмъ, въ которомъ онъ отправился въ тюрьму: рубашка съ тончайшими кружевами, шелковый камзолъ, шляпа въ золототканныхъ испанскихъ кружевахъ, съ страусовыми перьями. Онъ походилъ на человѣка, который провелъ ночь гдѣ-нибудь на балу, а потомъ закончилъ ее неистовымъ дебошемъ гдѣ-нибудь въ вертепѣ распутства,— до такой степени онъ былъ помятъ и потрепанъ. Что касается Бальбя, то онъ, будучи гораздо меньше и сухощавѣе Казановы, остался почти совершенно цѣлъ и невредимъ. Къ сожалѣнію, онъ растерялъ свои узлы. На немъ была только одна жилетка. Правда, въ этомъ видѣ онъ легко могъ быть принятъ за подгороднаго крестьянина, но тогда онъ оказался бы довольно загадочнымъ спутникомъ для щеголя съ бала, какимъ представлялся Казанова. Поэтому нашъ герой уступилъ ему свой нарядный плащъ.

Покончивъ съ туалетомъ, Казанова свернулъ остатки своихъ вещей въ узелокъ и засунулъ ихъ въ темный уголъ; тамъ все это и осталось. Потомъ онъ подошелъ къ окошку и выглянулъ на улицу. Окно выходило на дворъ. Тамъ какъ разъ случились какіе-то люди, обратившіе вниманіе на странную фигуру въ кружевахъ и роскошной шляпѣ, появившуюся во дворцѣ въ седьмомъ часу утра. Они тотчасъ дали знать о своемъ открытіи швейцару. Казанова замѣтилъ свою оплошность, но было уже поздно. Онъ подумалъ, что пришелъ ему капутъ; но вышло такъ, что эта-то оплошность и спасла его. Прошло нѣсколько минутъ и вдругъ послышались снаружи шаги и звонъ ключей. Казанова быстро подскочилъ къ двери, приникъ глазомъ къ щели и увидѣлъ сторожа, идущаго къ двери со связкою ключей. Этотъ человѣкъ былъ одинъ, шелъ безъ шапки, съ беззаботнымъ видомъ. Казанова наклонился къ монаху и съ самымъ внушительнымъ видомъ приказалъ ему держаться позади, не смѣть открывать рта и слѣдовать за нимъ по пятамъ. Онъ судорожно сжалъ въ правой рукѣ свое долото и сталъ у двери такъ, чтобы проскочить въ нее немедленно, какъ только она отворится. Онъ горячо молился о томъ, чтобы сторожъ не вздумалъ задерживать его, иначе пришлось бы безъ всякихъ разсужденій убить его.

И вотъ, наконецъ, дверь отворилась. Бѣдный сторожъ буквально окаменѣлъ при видѣ нашихъ бѣглецовъ. Надо было пользоваться этимъ драгоцѣннымъ моментомъ. Казанова, не теряя ни одной секунды, проскочилъ въ дверь и быстро спустился внизъ по лѣстницѣ; монахъ слѣдовалъ за нимъ. Казанова шелъ очень быстро, но бѣжать онъ опасался; надо было соблюсти видъ человѣка, спѣшившаго

но отнюдь не бѣгущаго отъ опасности. Онъ направился къ такъ называемой лѣстницѣ Гигантовъ. Идіотъ Бальби все твердилъ, слѣдуя позади его, что надо идти прямо въ церковь. Онъ должно быть вспомнилъ, что въ прежнее время храмы были священными убѣжищами, гдѣ никого не смѣли арестовать, но забылъ, что въ Венеціи эти времена давно канули въ вѣчность. Впослѣдствіи, на разспросы Казановы онъ старался его убѣдить, что хотѣлъ направиться прежде всего въ церковь, чтобы возблагодарить Провидѣніе за чудесное спасеніе.

Припоминая тогдашнее свое состояніе духа, Казанова увѣряетъ, что былъ, къ счастью, вполнѣ спокоенъ и разсудителенъ: не спѣшилъ, не трепеталъ, не трусилъ, былъ на-сторожѣ, готовъ былъ каждое мгновеніе встрѣтить лицомъ къ лицу всякую неожиданность и опасность. А моментъ былъ въ самомъ дѣлѣ страшенъ. Наши бѣглецы вышли не на улицу, а на дворъ дожескаго дворца. Надо было перейти этотъ дворъ и выдти на площадь св. Марка черезъ «Царскія» ворота. Онъ шелъ прямо, ни на кого не глядя и прошелъ благополучно. Перейдя черезъ площадь, они очутились на набережной. Какъ разъ попалась порожняя гондола. Казанова немедленно вскочилъ въ нее, Бальби слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь.

— Мнѣ надо въ Фузину,—сказалъ онъ гондольеру,—кликни другого гондольера.

Тотъ не замедлилъ явиться и живо вскочилъ въ гондолу. Легкая ладья была отвязана и поплыла по каналу. Казанова растянулся на сидѣньи, Бальби усѣлся рядомъ на скамьѣ. Лодочники посматривали съ нѣкоторымъ изумленіемъ на своихъ пассажировъ, но ничего не говорили. Скоро обогнули таможню и вошли въ Джудекку; лодочники налегли на весла; это были два молодые, сильные парня; гондола неслась, какъ птица.

Казанова имѣлъ въ виду добраться собственно до Местры, и назвалъ Фузину лишь для отвода глазъ на первое время, какъ болѣе посѣщаемое мѣсто. Когда выѣхали въ Джудекку, онъ обратился къ гондольеру и спросилъ его:

— Какъ ты думаешь, поспѣемъ мы доѣхать до Местры въ четыре часа?

— Но вы приказали, синьоръ, отвести васъ въ Фузину?

— Что ты это? Я сказалъ въ Местру!

Другой гондольеръ подтвердилъ, что въ Фузину, а не въ Местру. Поднялся споръ, въ которомъ опять таки Бальби не упустилъ случая проявить свое врожденное идіотство съ самой блестящей стороны. Вмѣсто того, чтобы поддержать Казанову или, по крайней мѣрѣ, молчать, онъ тоже заспорилъ, что гондола нанята въ Фузину! Что было дѣлать съ этимъ глупорожденнымъ чадомъ! Казановѣ оставалось расхохотаться и признаться въ своей ошибкѣ. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Местру, а вмѣсто того назвалъ Фузину. Инцидентъ весьма благополучно разрѣшился шуткою. Лодочники посмѣялись и объявили, что имъ рѣшительно все равно куда плыть—хоть въ Англію!

Стояла чудная погода. Солнце взошло и озаряло роскошнымъ свѣтомъ воду канала и великолѣпную панораму города. На Казанову нахлынуло ни съ чѣмъ несравнимое чувство возвращенной свободы; онъ пережилъ еще разъ свои тюремныя впечатлѣнія, особенно тревоги только

что минувшей ночи и не могъ сдержать хлынувшихъ ручьями слезъ! Бальби не упустилъ и этого случая, чтобы отличиться. Онъ заключилъ, что его спутникъ льетъ слезы отъ избытка благочестивыхъ чувствъ и, въ качествѣ духовнаго лица, обратился къ Казановѣ съ душеспасительнымъ словомъ. Но его краснорѣчіе было такъ неумѣстно и глупо, что Казанова расхохотался, и вышло опять нехорошо, потому что Бальби счелъ его за помѣшаннаго.

Наконецъ, прибыли въ Местру. Казанова хотѣлъ нанять тамъ верховыхъ почтовыхъ лошадей, но ихъ не оказалось. Пришлось удовольствоваться повозкой; впрочемъ, ѣздили въ этихъ экипажахъ обыкновенно довольно скоро, хотя, конечно, и не такъ быстро, какъ верхомъ. Повозка была готова черезъ три минуты. «Сядемъ и поѣдемъ!» крикнулъ Казанова, полагая, что Бальби стоитъ рядомъ съ нимъ. Но Бальби не оказалось, онъ исчезъ, его нигдѣ не было, никто не видалъ, никто ничего не могъ о немъ сказать. Казанова хотѣлъ было бросить его и умчаться одному. Но ему стало жаль несчастнаго идіота, которому онъ все же былъ такъ много обязанъ. Онъ кинулся самъ на розыски и, наконецъ, нашелъ своего спутника въ сосѣдней кофейнѣ. Бальби преспокойно пилъ кофе и беззаботно болталъ съ хорошенькой служанкой, которая видимо плѣнила его до такой степени, что онъ утратилъ всякое пониманіе опасности своего положенія. Увидавъ Казанову, онъ подмигнулъ ему на служанку: «Какова молъ!» Потомъ предложилъ своему спутнику присѣсть и выпить чашечку шоколаду. Казанова подавилъ бѣшенство, но взялъ Бальби за руку и такъ стиснулъ его, что тотъ поблѣднѣлъ отъ боли. Онъ заплатилъ за Бальби и вывелъ его изъ кофейни. Наконецъ, они усѣлись и тронулись въ путь. Но не успѣли отъѣхать и десяти шаговъ, какъ вдругъ навстрѣчу попался одинъ изъ мѣстныхъ жителей нѣкто Томази, хорошо знавшій Казанову. Это была страшно опасная встрѣча; Томази служилъ въ инквизиціи. Онъ немедленно узналъ Казанову и подошелъ къ нему:

— Какъ, это вы, синьоръ Казанова? Да какъ вы сюда попали!— кричалъ онъ.—Вамъ вѣрно удалось бѣжать? Какъ это вы ухитрились?

— Я вовсе не думалъ бѣжать,—отвѣчалъ Казанова, какъ можно хладнокровнѣе,—меня выпустили.

— Быть не можетъ! Я не дальше какъ вчера былъ у Гримани, тамъ мнѣ сказали бы, если бы васъ выпустили.

Моментъ былъ ужасенъ. Казанова шепнулъ Томази, чтобы онъ говорилъ тише; потомъ вышелъ изъ повозки и отозвалъ Томази въ сторону. Они зашли за домъ. Казанова оглянулся кругомъ; никого не было видно. Тогда онъ выхватилъ свое долото, схватилъ Томази за шиворотъ и замахнулся на него. Къ счастью, Томази вырвался и побѣжалъ изо всѣхъ силъ прямо впередъ, въ открытое поле. Отбѣжавъ довольно уже далеко, онъ обернулся и послалъ Казановѣ воздушный поцѣлуй, какъ бы гарантируя этимъ свою скромность и желая бѣглецу добраго пути. Очевидно, у него и въ умѣ не было предавать знакомаго человѣка. У Казановы отлегло отъ сердца; онъ радовался, что Томази вырвался отъ него и что Провидѣніе охранило его отъ тяжкаго преступленія. Положеніе его было таково, что ему приходилось ради собственнаго спасенія, ни во что не ставить жизнь другого, сокрушать направо и налѣво перваго встрѣчнаго, ставшаго между нимъ и его свободой.

И вновь его охватило чувство безграничнаго негодованія на глупаго монаха, съ которымъ связала его злая судьба. Встрѣча съ Томази произошла прямо изъ-за той задержки, причиною которой былъ Бальби. Этотъ человѣкъ торчалъ около Казановы какъ будто только для того, чтобы на каждомъ шагу подвергать его опасности. Казанова все болѣе и болѣе укрѣплялся въ рѣшеніи отдѣлаться отъ своего спутника при первой возможности.

Наши путники прибыли въ Тревизо безъ особыхъ приключеній. Казанова былъ страшно голоденъ; онъ тотчасъ заказалъ лошадей, и пожертвовалъ пищей, чтобы не терять ни одного мгновенія. Онъ боялся погони и рѣшилъ не ѣхать дальше на почтовыхъ. Лошадей онъ заказалъ лишь для отвода глазъ. Пока закладывали, онъ пошелъ какъ бы прогуляться. Онъ вышелъ изъ города и направился прямо черезъ поля, твердо рѣшивъ до тѣхъ поръ идти впередъ, пока не выйдетъ изъ предѣловъ Венеціанской республики. Всего короче ему было двинуться на Бассанно; но онъ предпочелъ сдѣлать крюкъ, чтобы сбить преслѣдователей. Онъ порѣшилъ держать путь на Фольтре и затѣмъ на Борго ди-Вальсугано; это послѣднее мѣстечко находилось уже за границею; попавъ туда, Казанова былъ бы въ безопасности.

Онъ брелъ три часа подъ-рядъ и, наконецъ, упалъ. Онъ такъ изломался и ослабъ, что ноги отказались служить ему. Надо было или подкрѣпиться немедленно пищею, или лежать въ ожиданіи смерти. Онъ просилъ монаха, который молча тащился за нимъ все время, сходить на ближайшую ферму и тамъ купить чего-нибудь съѣстного.—«Эхъ, вы!—крикнулъ на него монахъ,—я думалъ, что вы человѣкъ мужественный, а вы раскисли!» Онъ былъ такъ глупъ, что не могъ отличить голоднаго отъ труса! Казанова только рукой махнулъ. Бальби отлично поѣлъ передъ выходомъ изъ тюрьмы, да еще дорогою подкрѣпился въ кофейнѣ въ Местрѣ.

Хозяйка на фермѣ оказалась доброю бабою; она прислала Казановѣ сытный обѣдъ и взяла за него пустяки. Казанова плотно поѣлъ, набрался силъ, ободрился. Послѣ ѣды его началъ было одолѣвать сонъ; но онъ встряхнулся и тронулся въ путь. Онъ хорошо зналъ топографію мѣстности, зналъ, куда идти, помнилъ разстояніе между пунктами. Шли они четыре часа и сдѣлали привалъ около какого-то хуторка. Здѣсь путники узнали, что до Тревизо остается около 30 верстъ. Но Казанова чуялъ, что ему далеко не уйти; у него распухли ноги, порвалась обувь. Вдобавокъ до ночи оставалось не больше часа времени. Онъ зашелъ въ встрѣтившуюся рощицу, легъ тамъ среди деревьевъ и обратился къ Бальби съ такою рѣчью:

— Намъ надо попасть въ Борго ди-Вальсугано, это первый городъ за границею республики. Тамъ мы будемъ въ такой же безопасности, какъ въ Лондонѣ, и можемъ отдохнуть. Но, чтобы туда добраться, намъ надо принять особыя предосторожности и прежде всего разойтись врозь. Вы пойдете черезъ лѣса на Мантелло, а я перевалю черезъ горы. Вашъ путь короче и легче, притомъ у васъ будутъ деньги, я останусь безъ денегъ. Я дарю вамъ свой плащъ; вы промѣняйте его на простую накидку и шляпу, и васъ всѣ будутъ считать за крестьянина, да у васъ и фигура подходящая. Вотъ вамъ деньги,—все, что остается у меня отъ двухъ цехиновъ, занятыхъ у графа Асквино; тутъ 17 лив-

ровъ, возьмите. Вы придете въ Борго послѣзавтра къ вечеру, а я черезъ сутки послѣ васъ. Остановитесь въ крайней гостинницѣ, по лѣвую руку отъ входа въ городъ и ждите меня тамъ. Эту ночь я постараюсь хорошенько выспаться, надѣюсь, Богъ поможетъ мнѣ найти добрую постель. Вообще мнѣ нуженъ покой, увѣренность въ себѣ, а съ вами на это нельзя разсчитывать. Я увѣренъ, что насъ теперь ищутъ повсюду, вездѣ сообщены наши примѣты, такъ что намъ нельзя входить вмѣстѣ ни въ одну гостинницу. Вы сами видите, въ какое состоянiе я пришелъ, и должны понять, какъ я нуждаюсь въ покоѣ и отдыхѣ. И такъ, прощайте, идите, оставьте меня одного. Я пойду въ эту сторону и отыщу себѣ пристанище.

Бальби началъ протестовать. Она напоминалъ Казановѣ, что тотъ обѣщалъ не разставаться съ нимъ до послѣдней минуты. Онъ отказался наотрѣзъ уходить.

— Ладно,—сказалъ Казанова,—пусть будетъ такъ!—Онъ всталъ, подошелъ къ Бальби, смѣрилъ его ростъ и отмѣтилъ длину его на поверхности земли. Потомъ вынулъ свое долото и принялся копать землю, ни слова не отвѣчая на вопросы ничего не понимавшаго монаха. Черезъ четверть часа онъ грустно посмотрѣлъ на монаха и посовѣтовалъ ему помолиться передъ смертью.

— Я схороню васъ здѣсь, въ этой ямѣ, живого или мертваго; вы сами довели меня до этой крайности вашимъ упрямствомъ. Впрочемъ, я не помѣшаю вамъ, если вы вздумаете убѣжать.

Бальби ничего не отвѣчалъ, и Казанова вновь принялся за работу. Онъ былъ мраченъ, минутами ему думалось, что онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ рѣшится пришибить монаха. Но тотъ, наконецъ, одумался, и изъявилъ согласiе на разлуку. Казанова ужасно обрадовался, отъ всего сердца обнялъ его, отдалъ ему всѣ свои деньги и поклялся вновь, что въ Борго явится къ нему. Они распрощались и Бальби удалился.

Казанова остался безъ гроша въ карманѣ. Онъ зналъ, что ему предстоитъ страшно утомительный путь и, между прочимъ, двѣ переправы черезъ рѣки. Но онъ былъ доволенъ, что отдѣлался отъ спутника, изъ котораго вся польза была уже извлечена и который впредь могъ быть только вѣчнымъ и неистощимымъ источникомъ опасностей на каждомъ шагу изъ-за его непроходимой глупости.

ГЛАВА XV.

Ночлегъ въ очень опасномъ мѣстѣ.—Казанова вполнѣ подкрѣпляетъ свои силы хорошимъ отдыхомъ.—Встрѣча съ Гримани.—Казанова добываетъ деньги путемъ открытаго насилiя. — Внѣ опасности. — Начало новыхъ странствованiй.

Какъ только Бальби удалился и скрылся изъ вида, Казанова тотчасъ поднялся на ноги. Онъ увидалъ въ сторонѣ небольшое стадо и около него пастуха. Казанова подошелъ къ нему и спросилъ, какъ называется ближайшая деревушка. Пастухъ отвѣчалъ: «Вальдепiадене».

Казанова прiятно изумился: оказалось, что онъ ушелъ гораздо дальше, чѣмъ думалъ. Онъ спросилъ имена нѣкоторыхъ домохозяевъ и пастухъ назвалъ ему ихъ. Имена были все знакомыя. Казанова замѣтилъ это и запомнилъ, ему не хотѣлось идти къ знакомымъ. Онъ

зналъ, что его не выдадутъ, но появленіе бѣглаго въ мирной семьѣ—вещь непріятная; онъ сознавалъ это и не хотѣлъ никому причинять непріятностей. Въ сторонѣ виднѣлся еще большое палаццо; пастухъ сказалъ, что оно принадлежитъ Гримани. Это было имя покровителей Казановы; но тутъ, въ Вальдепіадене—онъ вспомнилъ это—жили другіе Гримани; хозяинъ палаццо былъ никто иной, какъ одинъ изъ инквизиторовъ. Вдобавокъ онъ теперь гостилъ въ своемъ помѣстьи; надо было позаботиться о томъ, чтобы не попасть ему на глаза. Наконецъ, на вопросъ Казановы, кому принадлежитъ большой красный домъ, стоявшій въ дальнемъ концѣ деревни, пастухъ отвѣчалъ, что это домъ капитана, начальника отряда полицейской стражи (сбировъ). Казанова поблагодарилъ пастуха и пошелъ въ деревню. Тутъ съ нимъ произошла удивительная странность, въ которой онъ всю жизнь не могъ дать себѣ отчета. Дѣло въ томъ, что какой-то темный инстинктъ заставилъ его направить свои стопы прямо къ дому капитана команды сбировъ! Онъ шелъ туда, откуда долженъ былъ бы бѣжать.

Безъ малѣйшаго колебанія, съ самымъ развязнымъ видомъ вошелъ Казанова во дворъ дома. На дворѣ маленькій мальчикъ игралъ съ волчкомъ. Казанова подошелъ къ нему и спросилъ, дома ли его отецъ. Мальчикъ ничего не отвѣчалъ; онъ со всѣхъ ногъ бросился къ матери и позвалъ ее. Скоро на дворѣ появилась очень красивая молодая женщина, съ явными признаками интереснаго положенія. Она вѣжливо поздоровалась, спросила, зачѣмъ нуженъ ея мужъ, и сказала, что его теперь нѣтъ дома.

— Жалѣю, что дорогого кума моего нѣтъ дома,—отвѣчалъ Казанова,—и очень радуюсь случаю познакомиться съ его прекрасною супругою.

— Вашего кума?—переспросила дама.—Такъ, значитъ, я имѣю дѣло съ его превосходительствомъ, господиномъ Веттури? Мужъ говорилъ мнѣ, что вы изъявили любезность быть крестнымъ отцомъ моего будущаго дитяти. Очень рада познакомиться съ вами. Мужъ будетъ въ отчаяніи, что не могъ лично принять васъ.

— Я думаю, что онъ скоро вернется. Я хотѣлъ было просить у него пріюта на эту ночь. Вы видите, въ какомъ я состояніи; мнѣ просто неловко идти никуда въ другое мѣсто.

— Я предоставлю вамъ лучшую въ домѣ постель и угощу васъ добрымъ ужиномъ. Мужъ мой лично отблагодаритъ васъ за оказанную честь, когда вернется. Онъ уѣхалъ всего часъ назадъ со всѣми своими людьми и раньше какъ черезъ три или четыре дня не воротится.

— Гдѣ же онъ пробудетъ такъ долго, моя милая кумушка?

— А развѣ вы не слыхали? Изъ «свинчатки» бѣжало двое арестантовъ. Одинъ какой-то патрицій, а другой—нѣкто Казанова. Мужъ получилъ письменный приказъ отъ мессера гранде—разыскать и изловить бѣглецовъ. Если ему удастся ихъ схватить, то придется препроводить ихъ въ Венецію, а нѣтъ—такъ вернется сюда. Меньше какъ въ три дня ему не отдѣлаться.

— Экая досада! Мнѣ ужасно не хотѣлось бы стѣснять васъ, а между тѣмъ я просто такъ и падаю отъ усталости.

— Сейчасъ, сейчасъ! Я скажу матушкѣ, она устроитъ васъ. Но, что съ вами, вы ранены?

— Я былъ на охотѣ въ горахъ, упалъ, расшибся при паденіи, потерялъ много крови и ужасно ослабъ отъ этого.

— О, какъ мнѣ жаль васъ! Но успокойтесь, матушка сдѣлаетъ вамъ перевязку, вылечитъ васъ.

Это была какая-то волшебная сказка въ лицахъ. Казанова нашелъ пріютъ, покой и отдыхъ въ домѣ своего врага, который гнался за нимъ, какъ за дикимъ звѣремъ, въ то время, какъ онъ нѣжился на его пуховикахъ! Бѣдная дамочка, очевидно, была особа очень недальновидная и несообразительная, совсѣмъ не подъ пару полицейскому офицеру. Она не нашла никакой несообразности между бальнымъ костюмомъ своего гостя и его охотничьими приключеніями. Какъ, должно быть, издѣвался надъ нею потомъ ея мужъ, когда она ему разсказала всю эту исторію съ кумомъ?

Между тѣмъ, за Казанову принялась добрѣйшая старушка, мать капитанши. Она ухаживала за ранен ымъ, какъ за роднымъ сыномъ. Раны его были вымыты, перевязаны; ихъ на другой же день затянуло. Накормили его великолѣпнымъ ужиномъ и, наконецъ, уложили въ роскошную постель, на которой онъ растянулся съ несказаннымъ наслажденіемъ. Онъ проспалъ, какъ убитый, двѣнадцать часовъ подъ-рядъ. Всталъ онъ здоровый, свѣжій, бодрый, полный вѣры въ благополучный исходъ своихъ странствованій. Онъ осмотрѣлъ свои раны; ихъ затянуло совершенно и онъ не ощущалъ въ нихъ ни малѣйшей боли. Онъ умылся, причесался, почистился и затѣмъ потихоньку вышелъ изъ дому, предпочитая не встрѣчаться съ добрыми хозяйками.

Онъ шелъ, страшно спѣша; силы вполнѣ возвратились къ нему, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Шелъ онъ уже часовъ пять подъ-рядъ, какъ вдругъ ему послышался совсѣмъ близко колокольный звонъ. Онъ осмотрѣлся. Въ эту минуту онъ находился на вершинѣ возвышенности. Въ сторонѣ виднѣлась маленькая деревенская церковь, съ колокольни которой и неслись звуки колокола. Казанову вдругъ охватило неодолимое желаніе помолиться, возблагодарить Небо за ниспосланную ему удачу. Онъ вошелъ въ церковь и первый, кого онъ тамъ встрѣтилъ, былъ племянникъ инквизитора, Маркъ Антоній Гримани, пришедшій въ церковь съ своею женою. Оба они тоже увидѣли Казанову и уставились на него съ величайшимъ недоумѣніемъ. Они раскланялись. Послѣ обѣдни Казанова вышелъ изъ церкви и хотѣлъ было улепетнуть, но Гримани догналъ его.

— Что вы здѣсь дѣлаете, Казанова, и гдѣ вашъ компаніонъ?

Казанова вкратцѣ разсказалъ ему свои дѣла и обратился къ нему съ просьбою о денежной помощи. Но Гримани рѣзко отказалъ ему. Казанова раскланялся съ нимъ и ушелъ. Онъ опять пустился въ путь, чуть не бѣгомъ, и шелъ до самаго заката. Несмотря на солидный отдыхъ у капитанши, Казанова всетаки страшно усталъ; ему было необходимо отдохнуть и подкрѣпиться.

И вотъ судьба вновь неожиданно улыбнулась ему: вообще, съ момента разлуки со спутникомъ, ему все удавалось. Онъ подошелъ къ какому-то уединенно стоявшему дому, весьма располагающей внѣшности; это была, повидимому, чья-то дача или усадьба. Казанова, не долго думая, вошелъ въ домъ и сказалъ слугѣ, что желаетъ видѣть и переговорить съ хозяиномъ. Слуга отвѣчалъ, что хозяина

нѣтъ дома, но что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безъ него всѣ его друзья располагались въ его домѣ безъ церемоніи. Такимъ образомъ, уже вторую ночь подъ-рядъ Казанова находилъ себѣ безъ всякихъ хлопотъ надежный и комфортный пріютъ. Ему дали хорошо поужинать, а потомъ онъ улегся въ спокойную постель и великолѣпно выспался. По нѣкоторымъ бумагамъ и письмамъ, которыя ему удалось видѣть, онъ заключилъ, что его невѣдомый, гостепріимный хозяинъ былъ консулъ, по имени Ронбенки. Утромъ онъ написалъ и велѣлъ передать почтенному хозяину полное признательности письмо. Онъ всталъ, справилъ туалетъ, поѣлъ и отправился дальше. Тутъ близъ гостепріимнаго дома, какъ разъ надо было переправиться черезъ рѣку. Денегъ же у Казанова не было ни гроша, не на что было нанять перевозчика. Оставалось пуститься на хитрости. Онъ принялъ видъ гуляющаго джентльмэна (одѣтъ онъ былъ достаточно шикарно), вскочилъ въ первую попавшуюся лодку, велѣлъ себя перевести, а на томъ берегу велѣлъ лодочнику ожидать; скоро-де вернусь, перевезешь меня обратно и тогда заплачу. Все это совершилось вполнѣ благополучно.

Переправившись черезъ рѣку (Бренту, судя по маршруту), Казанова шелъ безостановочно часовъ пять подъ-рядъ. По дорогѣ онъ попалъ въ капуцинскій монастырь и въ немъ плотно пообѣдалъ. Подкрѣпившись, онъ опять пустился въ путь и шелъ до трехъ часовъ пополудни. Дорогою, разспросивъ встрѣчнаго крестьянина, онъ узналъ, что по близости находится имѣніе одного изъ его близкихъ пріятелей, имени котораго Казанова не называетъ. Пріятель оказался дома; но когда Казанова вошелъ къ нему, тотъ, знавшій объ его арестѣ, а, вѣроятно, и о бѣгствѣ, пришелъ въ неописанный ужасъ. Казанова бросился было въ его объятія, но пріятель отступилъ отъ него, какъ отъ чумного, и сталъ его гнать немедленно и съ крайнею настойчивостью. Казанова пытался его урезонить, просилъ войти въ его положеніе, не отказать въ необходимой помощи, клялся, что уйдетъ тотчасъ, что вовсе не намѣренъ терзать пріятеля своимъ присутствіемъ и умолялъ только его дать ему шестьдесятъ цехиновъ, которые (пріятель это зналъ какъ нельзя лучше) будутъ ему немедленно возвращены Брагадиномъ, которому Казанова напишетъ тотчасъ же. Пріятель отвѣчалъ, что не только не дастъ денегъ, но и стакана воды, и настаивалъ, чтобы Казанова уходилъ немедленно. Такой жестокій отказъ вывелъ изъ себя нашего героя. Онъ схватилъ своего друга за шиворотъ и, потрясая своимъ вѣрнымъ долотомъ, пригрозилъ прикончить его тутъ же, не сходя съ мѣста, если онъ не дастъ ему денегъ. Такая перемѣна обращенія немедленно оказала дѣйствіе. Хозяинъ задрожалъ, какъ осиновый листъ, вынулъ ключъ изъ кармана, отдалъ его Казановѣ, указалъ ему на шкапъ, гдѣ хранились деньги, и предоставилъ взять оттуда, что ему угодно. Казанова велѣлъ отпереть шкапъ ему самому. Хозяинъ отперъ. Тогда Казанова велѣлъ вынуть шесть цехиновъ.

— Вы говорили шестьдесятъ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Да, пока я былъ увѣренъ, что вы дадите мнѣ ихъ добровольно, взаймы; но когда вы вынудили меня взять у васъ деньги силою, я возьму только шесть, и притомъ безъ всякой расписки. Я напишу объ этомъ въ Венецію, и, будьте спокойны, вамъ всетаки отдадутъ эти деньги.

— Ради Бога не сердитесь,—умолялъ хозяинъ,—берите, что хотите!

— Ничего мнѣ больше не надо. Я ухожу и совѣтую оставить меня въ покоѣ; если же я что-нибудь замѣчу, будь увѣренъ, что вернусь и сожгу твой домъ.

Казанова вышелъ отъ своего трусливаго пріятеля и продолжалъ свой путь безпрепятственно. Пройдя часа два, онъ почувствовалъ сильное утомленіе и зашелъ въ домъ къ какому-то фермеру; здѣсь ему дали поужинать и положили спать на соломѣ. На утро ему удалось купить себѣ болѣе скромную одежду, не столь замѣтную, и нанять осла. Въ такомъ видѣ добрался онъ до пограничнаго пикета Скала. Онъ ожидалъ здѣсь послѣднихъ, и, быть можетъ, въ высшей степени серьезныхъ затрудненій; но, къ его величайшей радости и не меньшему изумленію, дѣло обошлось невѣроятно благополучно: пограничный стражъ даже и не взглянулъ на Казанову, когда онъ переѣзжалъ черезъ роковую пограничную черту.

Наконецъ-то всѣ томленія и опасности окончились: Казанова былъ за чертой венеціанской границы.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе Казановы въ Мюнхенъ и Парижъ.—Его послѣднія приключенія съ Бальби и дальнѣйшая исторія этого монаха.—Казанова въ Парижѣ.—Знакомство съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Берни, съ графомъ Шуаземъ и государственнымъ контролеромъ Булонемъ.—Государственная лотерея, довѣренная Казановѣ.

Переваливъ съ такимъ фантастическимъ благополучіемъ черезъ границу и покончивъ со всѣми своими страхами, Казанова нанялъ повозку и скоро прибылъ въ тирольскій городокъ (Тріентской области) Борго ди-Вальсугано, гдѣ его долженъ былъ ожидать Бальби.

Монахъ благополучно добрался до этого городка раньше Казановы и ожидалъ его въ гостинницѣ. Онъ былъ одѣтъ въ длинный сюртукъ, который такъ его измѣнилъ, что Казанова съ трудомъ узналъ своего, столь надоѣвшаго ему, спутника бѣгства; въ этомъ видѣ Бальби не трудно было пробраться, не возбуждая подозрѣній. Онъ прежде всего встрѣтилъ Казанову изумленными восклицаніями: онъ никакъ его не ожидалъ и былъ увѣренъ, что Казанова его надуетъ. Нашему герою осталось только въ душѣ пожалѣть, отчего онъ, въ самомъ дѣлѣ, не надулъ глупаго монаха, который, строго говоря, больше не нуждался въ своемъ спутникѣ: онъ былъ спасенъ изъ тюрьмы и приведенъ въ безопасное мѣсто.

Казанова тотчасъ написалъ десятка два писемъ въ Венецію; онъ оповѣщалъ своихъ друзей о бѣгствѣ, о своей свободѣ, а главное—объяснялъ всѣмъ свою грабительскую продѣлку съ пріятелемъ, у котораго онъ «заимствовалъ» съ долотомъ въ рукахъ шесть цехиновъ. Ему очень хотѣлось оправдаться въ глазахъ всѣхъ близкихъ въ этомъ поступкѣ.

На другой день Казанова, прихвативъ съ собою Бальби, который никакъ не хотѣлъ отъ него отстать, и судя по всему, былъ глубоко увѣренъ, что отнынѣ пребудетъ до гроба на иждивеніи Казановы,—отправился изъ Борго въ Мюнхенъ, а оттуда въ Па-

рижъ. Но прежде, чѣмъ разсказывать дальнѣйшія приключенія нашего героя, доскажемъ, съ его словъ, печальную исторію его спутника, Бальби. Первыя хлопоты съ нимъ за границею вышли въ Мюнхенѣ. Здѣсь былъ монастырь того же ордена, къ которому принадлежалъ Бальби. Мѣстное начальство, къ которому обратился Казанова, разъясняя свое положеніе, обѣщало ему свое полное покровительство, какъ политическому бѣглецу; но насчетъ монаха возникли нѣкоторыя колебанія. Монахи мѣстнаго монастыря, узнавъ о своемъ собратѣ, могли привязаться къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ началъ свою уголовщину съ того, что повздорилъ съ своимъ монастырскимъ начальствомъ; а мюнхенское правительство вообще держалось полнаго невмѣшательства въ монашескія дѣла. Поэтому Казановѣ посовѣтовали, какъ можно скорѣе убрать куда-нибудь Бальби, чтобы онъ не попадался монахамъ на глаза. Казановѣ все же жаль было своего спутника, ему хотѣлось его какъ-нибудь устроить. Онъ обратился къ духовнику курфюрста и просилъ его дать ему какую-нибудь рекомендацію для Бальби. Духовникъ, іезуитъ, далъ очень уклончивый отвѣтъ: такой же отвѣтъ былъ полученъ отъ другого духовнаго лица. Дѣло принимало хлопотливый оборотъ. Къ счастью, въ Мюнхенѣ въ это время жила одна соотечественница Казановы, балетная танцовщица, Гардела; она приняла участіе въ нашемъ героѣ и дала рекомендательное письмо для Бальби къ нѣкоему канонику Басси, жившему въ Аугсбургѣ. Этотъ Басси, самъ итальянецъ, имѣвшій связи у себя на родинѣ, могъ устроить Бальби полное примиреніе съ венеціанскимъ правительствомъ.

Бальби отправился въ Аугсбургъ и былъ прекрасно принятъ Басси, даже поселился у него, и, по обыкновенію, тотчасъ успокоился; у этого субъекта была врожденная манера жить «около» кого-нибудь. Проѣзжая потомъ, по пути въ Парижъ, черезъ Аугсбургъ, Казанова навѣстилъ Бальби, не столько изъ желанія видѣться съ нимъ, сколько познакомиться съ Басси и отблагодарить его. Самого Басси не было дома и Казанову встрѣтилъ Бальби. Онъ былъ одѣтъ аббатомъ, даже франтовато, причесавъ, напудренъ; его коричневая физіономія мало, впрочемъ, выигрывала отъ хорошаго костюма. Онъ былъ одѣтъ, сытъ, беззаботенъ и жилъ у Басси, на полномъ его иждивеніи. Однако, онъ отнюдь не былъ доволенъ; не такой былъ человѣкъ. Онъ прежде всего напалъ на Казанову за то, что тотъ такъ скоро отдѣлался отъ него. Зная, что Казанова пробирается въ Парижъ, онъ присталъ къ нему съ просьбой взять его туда съ собою, потому что въ Аугсбургѣ онъ умираетъ со скуки.

— Что же вы будете дѣлать въ Парижѣ?—спросилъ его Казанова.

— А что вы сами будете тамъ дѣлать?

— Я пущу въ дѣло свои дарованія.

— А я свои,—отвѣчалъ монахъ.

— Если вы такой талантливый человѣкъ, то къ чему вамъ моя поддержка? Вы и безъ меня обойдетесь. Вдобавокъ, я самъ ѣду съ другими; меня берутъ съ собою знакомые, и я не знаю еще, согласятся ли они взять меня, если я буду не одинъ, а со спутникомъ.

— Но вы обѣщали никогда не покидать меня,—твердилъ монахъ.

— Вы обезпечены, устроены, чего же вамъ еще надо? Развѣ можно говорить о томъ, что вы покинуты, разъ вы такъ хорошо устроены?

— Я обезпеченъ только необходимымъ. У меня нѣтъ ни копѣйки!

— Да зачѣмъ вамъ деньги? А коли нужны, отчего не спросите у вашихъ братій монаховъ.

Эта тлетворная бесѣда съ тунеядцемъ долго шла все въ такомъ же родѣ и кончилась тѣмъ, что Бальби началъ клянчить денегъ у самого Казановы; онъ къ этому и велъ. Казанова отказалъ наотрѣзъ; тогда Бальби присталъ къ нему, чтобы онъ убѣдилъ его благодѣтеля Басси выдавать ему деньги на мелкіе расходы! Казанова не сталъ больше и разговаривать. Послѣ того онъ уже не видался съ своимъ Бальби, но онъ знаетъ всю его дальнѣйшую судьбу. Интересный монахъ прежде всего отблагодарилъ Басси за его гостепріимство тѣмъ, что обокралъ его. Онъ бѣжалъ съ его служанкою, унеся съ собою деньги, часы и серебро своего благодѣтеля. Одно время о немъ не было ни слуху, ни духу; онъ скрывался. Впослѣдствіи оказалось, что онъ бѣжалъ въ Швейцарію и тамъ выдалъ себя за протестантскаго священника, а свою спутницу—за жену. Однако, мѣстное духовенство скоро убѣдилось въ томъ, что новый служитель алтаря шагу ступить не умѣетъ и въ дѣлахъ вѣры оказывается полнымъ невѣждою. Тогда его торжественно уволили изъ духовнаго званія. Между тѣмъ уворованныя деньги были прожиты, равнымъ образомъ были проѣдены и цѣнныя вещи. Подруга, убѣдившись въ нищетѣ своего спутника жизни, отдула его безъ всякаго милосердія и ушла отъ него. Тогда Бальби вспомнилъ объ отчизнѣ, его потянуло туда. Онъ вздумалъ принести покаянную, разсчитывая въ простотѣ своего недальняго разума, что ему отпустятъ всѣ его прегрѣшенія. Онъ бодро вступилъ на территорію Венеціанской республики, явился къ мѣстному губернатору и повѣдалъ ему свои приключенія. Тотъ, выслушавъ грѣшника, распорядился немедленно взять его подъ стражу и препроводить въ Венецію. И вотъ нашъ бѣглецъ вновь засѣлъ подъ гостепріимнымъ свинцовымъ кровомъ. Тамъ онъ просидѣлъ два года, а затѣмъ Инквизиція передала его въ распоряженіе духовнаго начальства. Блудная овца была заточена въ отдаленный монастырь своего ордена. Черезъ полгода онъ бѣжалъ изъ монастыря, пробрался въ Римъ, предсталъ передъ папою и вымолилъ у него отпущеніе всѣхъ своихъ прегрѣшеній. Добродушный пастырь католической церкви уволилъ его изъ монашескаго званія; Бальби преобразился въ патера, вернулся въ Венецію и здѣсь велъ нищее и жалкое существованіе; онъ умеръ въ 1789 году.

Послѣднее слово о бѣгствѣ Казановы. Его личность и его записки въ свое время возбудили большой интересъ; они много разъ комментировались, подвергались критикѣ. Всѣ, кто вникалъ въ эти записки, согласны въ томъ, что въ изложеніи событій Казанова иногда допускаетъ неточности, но никогда не искажаетъ истины; неточности же могли зависить оттого, что записки писались долгое время спустя послѣ совершившихся событій, и авторъ ихъ могъ просто-на-просто забыть кое-что, ту или иную подробность. Но ни одна часть этихъ записокъ не подвергалась такой тщательной критикѣ, какъ повѣствованіе о его

бѣгствѣ изъ Pіомbі. Нашлись критики, которые пришли къ убѣжденію, что въ этомъ повѣствованіи вѣрно только то, что Казанова сидѣлъ въ тюрьмѣ и что онъ бѣжалъ изъ нея; все остальное будто бы придумано для интереса повѣствованія. Бѣжалъ же онъ, просто-напросто подкупивъ тюремщиковъ, которые и выпустили его изъ плѣна самымъ безхитростнымъ и относительно безопаснымъ манеромъ. Но вѣрно ли это? Доказательствъ на это никакихъ не приводится, и потому волей-неволей пришлось держаться разсказа самого Казановы.

Казанова прибылъ въ Парижъ въ январѣ 1757 года. Онъ тотчасъ повидался со своими друзьями, супругами Балетти, о которыхъ уже было упомянуто. Они приняли его самымъ дружественнымъ образомъ и онъ поселился по сосѣдству съ ними. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ направился къ министру иностранныхъ дѣлъ, аббату Берни, съ которымъ близко подружился въ Венеціи, въ годъ своего ареста; тогда Берни былъ тамъ посланникомъ. Онъ не засталъ министра дома; тотъ былъ въ Версалѣ. Казанова немедленно пустился въ Версаль, но, какъ на грѣхъ, Берни только-что оттуда выбылъ обратно въ Парижъ, такъ что дорогою они разъѣхались. Въ Версалѣ, узнавъ объ отъѣздѣ Берни, Казанова только-что собирался сѣсть въ свой экипажъ, чтобы ѣхать обратно въ Парижъ, какъ вдругъ во дворѣ замка началась какая-то неимовѣрно-безпорядочная тревога и бѣготня, и вслѣдъ затѣмъ раздались крики: «Король убитъ! Короля сейчасъ убили!»

Перепуганный возница Казановы заторопился уѣхать поскорѣе отъ этого кавардака, но карету остановили, Казанову высадили и повели въ кордегардію. Тамъ уже скопилась куча народу; всѣ они толпились и ничего не понимали; большинство дрожало отъ страха. Казанова самъ признается, что былъ все время, какъ въ бреду. По счастью, арестованныхъ не долго оставили въ этомъ напряженномъ состояніи, не болѣе пяти минутъ. Вошелъ офицеръ, вѣжливо извинился и объявилъ задержаннымъ, что всѣ они свободны.

— Король раненъ,—объявилъ онъ.—Его перенесли во дворецъ. Убійца, никому невѣдомый человѣкъ, арестованъ.

Казанова помчался въ Парижъ. Дорогою его то-и-дѣло обгоняли курьеры, несшіеся съ вѣстями изъ Версаля въ столицу. Они громко выкрикивали эти вѣсти, во всеуслышаніе встрѣчнымъ. Такимъ образомъ, Казанова по дорогѣ узналъ всѣ первыя подробности извѣстнаго покушенія Даміана. Онъ прибылъ въ Парижъ во всеоружіи самыхъ свѣжихъ новостей; тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ онъ прибѣжалъ къ Сильвіи, актрисѣ-пріятельницѣ, о которой было уже упомянуто при описаніи перваго пребыванія Казановы въ Парижѣ. Его тотчасъ осадили разспросами; онъ немедленно повторилъ всѣ новости, а прислуга разнесла ихъ по сосѣдямъ и знакомымъ; вскорѣ квартира Сильвіи наполнилась любопытными. Казановѣ пришлось двадцать разъ повторить свою реляцію, но зато онъ успокоилъ цѣлый кварталъ. Всѣ знали, что король живъ и здоровъ, а преступникъ схваченъ и будетъ колесованъ. Парижане тогда любили или, по крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ силъ дѣлали видъ, что обожаютъ своего короля. Казанова потомъ присутствовалъ и при казни Даміана, но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ ожиданіи свиданія съ Берни, на котораго Казанова имѣлъ причины

возлагать большія надежды, авантюристъ обдумалъ свое положеніе и пришелъ къ заключенію, что унывать ему нечего. Прежде всего онъ успокоился на томъ, что былъ обезпеченъ матеріально. Добрѣйшій его пріемный отецъ, Брагодинъ, помогалъ ему, а этого, въ ожиданіи лучшаго, хватало вполнѣ на удовлетвореніе текущихъ надобностей; Казанова былъ уже знакомъ съ парижскою жизнью и зналъ, что здѣсь можно очень дешево прожить, соблюдая внѣшній видъ безпечности. Безпокоила его въ то время только скудость его гардероба; у него, не было ни бѣлья, ни приличной одежды. Вотъ почему онъ и возлагалъ всѣ упованія на Берни; онъ былъ увѣренъ, что тотъ не откажетъ ему въ помощи на первыхъ порахъ и поможетъ стать на ноги.

Онъ написалъ и отвезъ письмо къ Берни, а самъ продолжалъ визиты по знакомымъ, причемъ вездѣ и всюду долженъ былъ разсказывать исторію своего бѣгства изъ свинчатки. Это занятіе сдѣлалось для него, наконецъ, крайне утомительнымъ, но дѣлать было нечего; исторія эта приносила ему весьма существенную пользу, привлекая всеобщія симпатіи. Онъ даже успѣлъ съ теченіемъ времени вызубрить свою исторію, пересказывалъ ее почти слово въ слово и зналъ, что она продолжается ровно два часа.

Отвѣтъ отъ Берни былъ полученъ въ тотъ же день, и свиданіе состоялось немедленно. Берни принялъ Казанову очень любезно; онъ понималъ, безъ всякихъ разъясненій, тѣ затрудненія, въ которыя попалъ его другъ-пріятель, и тотчасъ вручилъ ему сотню луидоровъ на первые расходы. Затѣмъ онъ отпустилъ его, пообѣщавъ приложить всѣ заботы къ устройству его дальнѣйшаго благополучія, и сдержалъ свое обѣщаніе.

Прежде всего онъ поговорилъ о немъ съ любимцемъ всемогущей фаворитки, маркизы Помпадуръ, Шуазелемъ и съ государственнымъ контролеромъ Булонемъ. Оба заинтересовались Казановою и пожелали его видѣть. Напутствуя нашего героя, Берни сказалъ ему:

— Оба они примутъ васъ со вниманіемъ, и изъ знакомства съ ними вы, какъ человѣкъ не глупый, сумѣете извлечь пользу. Они сами наведутъ васъ на добрыя мысли. Кого выслушиваютъ, тотъ съ пустыми руками не уйдетъ. Главное, попытайтесь придумать имъ что-нибудь въ интересахъ увеличенія королевскихъ доходовъ; подайте записку, да покороче и попроще. Ручаюсь вамъ, что будетъ хорошо.

Заручившись такимъ напутствіемъ, Казанова явился къ Шуазелю. Онъ засталъ его за туалетомъ; сановникъ писалъ, а куаферъ хлопоталъ въ это время надъ его прическою. Шуазель проявилъ къ Казановѣ большое вниманіе; онъ изрѣдка даже прерывалъ свою работу, чтобы обратиться къ нему съ вопросомъ, но отвѣта уже не выслушивалъ, продолжая писать, пока Казанова говорилъ. Наконецъ, его письмо было кончено. Онъ заговорилъ съ Казановою по-итальянски, сказалъ, что часть исторіи знаменитаго бѣгства Казановы слышалъ отъ Берни, и изъявилъ желаніе выслушать всю исторію сполна.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ Казанова,—это очень длинная исторія, ее надо разсказывать часа два подъ-рядъ, а у васъ едва ли имѣется столько свободнаго времени.

— Разскажите вкратцѣ.

— При всей краткости разсказа все же потребуется не менѣе двухъ часовъ.

— Вы разскажете мнѣ подробности въ другой разъ.

— Да въ подробностяхъ-то весь интересъ, ваше пр—во!

— Мнѣ кажется, что всякій разсказъ можно сократить и притомъ оставить въ немъ весь его интересъ.

— Слушаю, ваше пр—во, я передамъ вамъ въ немногихъ словахъ суть дѣла. Венеціанская инквизиція арестовала меня и заключила въ свинцовую тюрьму. Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ мнѣ удалось пробить кровлю тюрьмы. Послѣ того, одолѣвъ тысячи разныхъ затрудненій, я проникъ черезъ слуховое окно въ канцелярію государственнаго совѣта, проломилъ тамъ дверь, потомъ вышелъ на площадь, прошелъ на пристань, взялъ гондолу, уплылъ на ней изъ города, а затѣмъ явился въ Парижъ, гдѣ и имѣю честь въ настоящую минуту свидѣтельствовать свое почтеніе вашему превосходительству.

— Позвольте... вы упомянули какую-то свинцовую тюрьму... это что же за тюрьма?

— Для того, чтобы разъяснить вамъ, что это такое, мнѣ надо не менѣе четверти часа времени.

— Но какже вамъ удалось пробить крышу?

— А на это, ваше превосходительство, надо не меньше полчаса времени, короче этого не разскажешь.

— Да за что васъ посадили въ тюрьму?

— Это длинная исторія, ваше превосходительство!

— А, пожалуй, вы и правы. Весь интересъ всякой исторіи въ ея подробностяхъ. Теперь я тороплюсь въ Версаль. Вы еще навѣстите меня. А, пока подумайте, чѣмъ я могъ бы вамъ быть полезенъ.

Отъ Шуазеля Казанова отправился къ контролеру Булоню. Берни, очевидно, далъ понять Булоню, рекомендуя ему Казанову, что въ этомъ человѣкѣ онъ найдетъ кладезь финансовой мудрости. Объ этомъ Казанова долженъ былъ заключить изъ первыхъ же словъ Булоня. Онъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, и поздравилъ Казанову съ такимъ высокимъ покровителемъ, какъ аббатъ Берни. Казанова, не знавшій за собою никакихъ финансовыхъ талантовъ, кромѣ скорости къ азартной игрѣ, былъ сильно смущенъ такою рекомендаціею, но, изъ предосторожности, не протестовалъ, а только откланивался.

— Сообщите мнѣ пожалуйста,—говорилъ ему Булонь,—какіе у васъ имѣются планы и проекты. Я выслушаю васъ и, будьте увѣрены, сумѣю оцѣнить ваши мысли. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ у насъ возникло такого рода затрудненіе. Предполагается открыть высшую военную школу, и на это требуется двадцать милліоновъ. Не придумаете ли, какъ бы добыть эту сумму, не обращаясь къ помощи государственной и королевской казны?

— У меня имѣется одинъ планъ,—отвѣтилъ Казанова, повидимому, только въ ту минуту и выдумавшій свой новый планъ. — Я придумалъ нѣкоторую операцію, которая можетъ доставить королю сорокъ милліоновъ.

— Но во сколько эта операція обойдется королю?

— Она потребуетъ только расходовъ по сбору доходовъ.

— Такъ что доходы эти долженъ доставить народъ?

— Само собою разумѣется. Но онъ доставитъ ихъ добровольно, безъ малѣйшаго принужденія.

— Я знаю, что вы задумали!

— Это было бы удивительно, ваше превосходительство! Я никому ничего не сообщалъ о моемъ проектѣ.

— Ну, коли такъ, пожалуйте ко мнѣ завтра обѣдать и разскажите вашъ планъ. Мы подумаемъ, обсудимъ вмѣстѣ. Вы придете?

Казанова, разумѣется, разсыпался въ благодарностяхъ. Выйдя отъ Булоня, онъ крѣпко призадумался. Ему предстояла не легкая задача. У него просили двадцать милліоновъ, а онъ посулилъ сто. Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, раздобыть ихъ? Что придумать? Казанова откровенно признался, что у него не было ровно никакого проекта; это онъ все выдумалъ во время бесѣды съ Булонемъ, подобно тому, какъ Чичиковъ придумалъ «исторію о генералахъ». Онъ вспомнилъ, что Булонь похвасталъ, что отгадалъ его планъ. «Ну, и прекрасно!—порѣшилъ нашъ герой.—Пусть онъ мнѣ самъ скажетъ, въ чемъ состоитъ мой планъ, а тамъ ужь выяснится, какъ быть».

Тутъ Казанова вспомнилъ о Дювернуа, томъ самомъ, который когда-то спасъ Францію отъ бездны, въ которую влекъ ее безразсудный Лоу, съ своею системою раздутыхъ акцій. У Дювернуа были гости, приглашенные на обѣдъ. Послѣ обѣда хозяинъ повелъ Казанову въ другую комнату. Надо замѣтить, что этотъ Дювернуа и былъ то самое лицо, которому поручили устроить военную школу, требовавшую двадцать милліоновъ. Дювернуа вынулъ очень толстую тетрадь и, подавая ее Казановѣ, сказалъ:

— Вотъ вамъ проектъ, г. Казанова.

Весьма изумленный, герой нашъ взялъ эту тетрадь и прочелъ ея заголовокъ: «Лотерея, состоящая изъ 90 билетовъ, разыгрываемая ежемѣсячно»... Казанова даже не дочиталъ заглавія. Его осѣнило внезапное вдохновеніе. Онъ съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ Дювернуа:

— Вы правы, мой проектъ именно въ этомъ и заключается.

Дювернуа отвѣтилъ ему, что его предупредили, что проектъ, изложенный въ тетради, составленъ соотечественникомъ Казановы, нѣкоимъ Кальсабиджи, съ которымъ онъ его тутъ же и познакомилъ.

— Очень радъ,—сказалъ Казанова.—Значитъ, мою идею раздѣляютъ и другіе. Но почему этотъ проектъ до сихъ поръ не принятъ?

— Были возраженія, и авторъ проекта не сумѣлъ ихъ опровергнуть съ достаточной убѣдительностью.

Тогда между Дювернуа и Казановою произошелъ весьма живой обмѣнъ мыслей по поводу этой лотереи. Казанова чрезвычайно быстро овладѣлъ предметомъ, сумѣлъ въ одну минуту все обдумать, все сообразить. Его бесѣда имѣла такой видъ, какъ будто проектъ въ самомъ дѣлѣ давнымъ давно уже составленъ имъ и разроботанъ въ мельчайшихъ деталяхъ, такъ что имъ уже предусмотрѣны и обдуманы всѣ возраженія, какія только могли придти въ голову. Дювернуа былъ видимо поколебленъ, и хотя не далъ на первый разъ никакого рѣшительнаго отвѣта, но Казанова ушелъ отъ него полный надеждъ.

Размышляя надъ неожиданнымъ новымъ оборотомъ своей фортуны, онъ пришелъ къ заключенію, что ему надо во что бы то ни стало сой-

тись съ авторомъ проекта, Кальсабиджи. Онъ немедленно и приступилъ къ этому сближенію. Кальсабиджи тотчасъ подался. Онъ возился, хлопоталъ съ своимъ проектомъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, а дѣло все не двигалось съ мѣста. Проектъ принадлежалъ собственно не ему, а его брату, съ которымъ онъ, конечно, познакомилъ Казанову. Этотъ господинъ, т. е. настоящій авторъ проекта, былъ человѣкъ хворый, который не въ силахъ былъ самъ хлопотать, поэтому за него и орудовалъ его братъ. Старый Кальсабиджи, хотя хилый тѣломъ, былъ, однако же, человѣкомъ чрезвычайно ученымъ и умнымъ. Онъ подробно развилъ Казановѣ свой планъ и тотъ убѣдился въ его несомнѣнной практичности. Къ сожалѣнію, Казанова не разсказываетъ подробно, въ чемъ именно проектъ состоялъ. Изъ его отрывочнаго описанія видно, что затѣя состояла въ государственной лотереѣ, вродѣ нынѣшней итальянской. Публика покупаетъ билеты и разъ въ мѣсяцъ происходитъ тиражъ, причемъ въ розыгрышъ поступаетъ нѣсколько (кажется, пять) крупныхъ выигрышей. Основной лотерейный фондъ обезпечивался королевскою казною и вообще предпріятіе велось отъ имени короля.

Братья Кальсабиджи тщетно бились, стараясь пустить въ ходъ свою лотерею, но у нихъ не было ни одного надежнаго покровителя и ихъ тянули безнадежно долго. Между тѣмъ Казанова въ одинъ мигъ такъ обернулъ дѣло, что оно тотчасъ наладилось на успѣхъ, въ лицѣ его, очевидно, пріобрѣтался надежный компаніонъ, и братья съ великой радостью вошли съ нимъ въ соглашеніе.

Между тѣмъ Дювернуа, видимо поколебленный доводами Казановы, созвалъ цѣлую коммиссію для обсужденія проекта, въ которую былъ приглашенъ и знаменитый д'Аламберъ. Казанова въ трехчасовомъ засѣданіи этой коммиссіи смѣло и рѣшительно встрѣтилъ всѣ нападки и возраженія; онъ былъ неистощимъ въ доводахъ и дѣло было сразу рѣшено.

Тѣмъ временемъ Казанова успѣлъ познакомиться съ знаменитою Помпадуръ, которой его представилъ все тотъ же благодѣтель Берни. Представленіе состоялось въ Версалѣ. Маркиза сдѣлала реверансъ нашему герою, подошла къ нему и сказала, что слышала его исторію и очень ею заинтересовалась. Узнавъ, что онъ не имѣетъ никакой надежды примириться съ венеціанскимъ правительствомъ, она выразила надежду, что онъ больше не покинетъ Парижа.

— Это вѣнецъ всѣхъ моихъ стремленій,—отвѣчалъ Казанова,—но я нуждаюсь въ покровительствѣ, и знаю, что въ этой странѣ оно оказывается только истиннымъ талантамъ, а это обезкураживаетъ меня.

— Напротивъ,—возразила маркиза,—я увѣрена, что вы можете питать полную надежду на успѣхъ, у васъ есть хорошіе друзья. Я и сама воспользуюсь первымъ же случаемъ, чтобы быть вамъ полезной.

Недѣли черезъ двѣ участь лотереи была рѣшена окончательно, и она была открыта. Продажа билетовъ производилась въ семи конторахъ. Главная изъ нихъ была отдана Кальсабиджи, Казановѣ же были переданы шесть отдѣленій. Ему, сверхъ того, было назначено вознагражденіе въ 4 тысячи франковъ. Онъ началъ съ того, что продалъ пять отдѣленій другимъ лицамъ за 2 тысячи каждое. Каждое отдѣленіе давало извѣстный доходъ, въ видѣ процента съ суммы, вырученной отъ продажи билетовъ. Сверхъ того, въ силу договора

съ казною, Казанова могъ оставить службу по своему произволу, и тогда ему должны были выплатить жалованье въ капитализированномъ видѣ, именно въ суммѣ 100 тысячъ франковъ. Повторяемъ, все это изложено въ запискахъ Казановы сжато и неясно.

Онъ остался хозяиномъ одного изъ отдѣленій по продажѣ билетовъ, нанялъ хорошую квартиру, роскошно ее отдѣлалъ и обставилъ и поручилъ продажу конторщику. Уплата выигрышей, по уставу лотереи, должна была производиться въ теченіе первой недѣли послѣ тиража. Казанова, чтобы привлечь къ себѣ публику, объявилъ, что въ его отдѣленіи выигрыши будутъ выдаваться черезъ сутки послѣ тиража. Передъ первымъ же тиражомъ Казанова продалъ билетовъ на 40 тысячъ франковъ; уплатить же выигрышей приходилось около 18 тысячъ франковъ, которые немедленно и были выплачены.

По всѣмъ отдѣленіямъ въ совокупности продажа билетовъ дала два милліона франковъ, а за уплатою выигрышей и всѣми расходами осталось чистаго барыша казнѣ 600 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, операція сразу показала себя въ самомъ блестящемъ видѣ. При томъ на долю Парижа пришлось до 20 выигрышей, которые, конечно, сразу возбудили алчность искателей легкой наживы.

Скоро Казанову узналъ въ лицо весь Парижъ; къ нему всюду, въ театрахъ, въ гостяхъ, подходили незнакомые люди, совали ему въ руки деньги и просили прислать имъ билеты лотереи. Онъ началъ носить билеты съ собою. Зная, какое значеніе имѣетъ въ Парижѣ внѣшній шикъ, онъ обзавелся каретою и вообще окружилъ себя блескомъ, подобающимъ собирателю королевскихъ милліоновъ. Никогда еще фортуна не дарила его своею благосклонностью въ такомъ размѣрѣ.

ГЛАВА XVII.

Казанова исполняетъ тайное порученіе по инспекціи флота.—Знакомство съ маркизою Дюрфэ и графомъ Сенъ-Жерменомъ.—Новое порученіе по финансовой части, принятое на себя Казановою, удачно исполненное и оставшееся безъ вознагражденія.—Пребываніе Казановы въ Амстердамѣ.—Возвращеніе въ Парижъ.—Дѣло о выкидышѣ.—Берни попадаетъ въ опалу.—Знакомство съ Руссо.—Казанова увлекается торговымъ предпріятіемъ.—Банкротство, арестъ и освобожденіе.—Отъѣздъ въ Голландію.

Прошло мѣсяца два со дня открытія лотереи. Казанова богатѣлъ и жуировалъ. Случился у него новый романъ съ какой-то барышней, на которой онъ «чуть-чуть» не женился. Но этихъ чуть-чуть, какъ мы уже упоминали, у него было въ жизни немало.

Однажды онъ посѣтилъ своего мощнаго покровителя, аббата Берни. Тотъ съ первыхъ же словъ спросилъ Казанову, чувствуетъ ли онъ склонность къ тайнымъ порученіямъ. На утвердительный отвѣтъ Казановы онъ порекомендовалъ ему навѣдаться къ одному изъ знатныхъ придворныхъ чиновъ, аббату де-ла-Вилю. Этотъ сановникъ тоже заговорилъ съ нимъ о тайныхъ порученіяхъ, но опять-таки ничего рѣшительнаго не сказалъ, а только оставилъ у себя обѣдать.

На этотъ разъ дѣло тѣмъ и кончилось. Но черезъ нѣсколько дней Берни вновь направилъ нашего героя къ тому же аббату де-ла-Вилю. Тогда тайное порученіе, которое собирались дать Казановѣ, было, наконецъ, ему сообщено. Дѣло шло о томъ, чтобы отправиться въ Дюнкирхенъ, гдѣ въ то время стояла военная эскадра. Надо было познакомиться съ офицерами этой эскадры, посѣтить суда, высмотрѣть ихъ вооруженіе, запасы провіанта, численность экипажа и пр. и обо всемъ представить подробный докладъ. Ему предложили на дорогу денегъ, но онъ отказался, прося сначала принять его докладъ, а затѣмъ уже оцѣнить его услугу.

Онъ немедленно отправился въ Дюнкирхенъ. У него оказались тамъ знакомые. Черезъ нихъ онъ сошелся въ самое короткое время съ морскими офицерами и, увѣривъ ихъ, что самъ служитъ у себя на родинѣ во флотѣ, принялся, со свойственнымъ ему умѣньемъ, разглагольствовать о судоходствѣ, вооруженіи, строеніи и снаряженіи судовъ, о командованіи ими, о морскомъ боѣ, и т. д. Знаній по этой части у него не было, но зато былъ никогда не покидавшій апломбъ, великое умѣнье пустить пыль въ глаза. Моряки охотно съ нимъ бесѣдовали, передружились съ нимъ и въ концѣ концовъ начали его приглашать къ себѣ на суда обѣдать. Этого только ему и хотѣлось. Онъ все высмотрѣлъ, все выспросилъ, и ему доставили всѣ свѣдѣнія съ величайшею готовностью, ничего не подозрѣвая. Онъ въ секретѣ, по ночамъ, записывалъ все, что узнавалъ въ теченіе дня. Не болѣе какъ черезъ три недѣли у него былъ готовъ докладъ весьма внушительнаго объема и онъ отправился обратно въ Парижъ. Тамъ онъ прежде всего представилъ свой докладъ Берни. Тотъ просмотрѣлъ его, посовѣтовалъ кое-что выкинуть, кое-что исправить. Послѣ того докладъ былъ поданъ де-ла-Вилю. Черезъ мѣсяцъ нашъ лазутчикъ получилъ въ награду 500 луидоровъ. За нимъ утвердилась репутація человѣка, который способенъ успѣшно исполнять тайныя порученія. Это ему пригодилось впослѣдствіи.

Около этого времени Казанова познакомился въ Парижѣ съ одною интереснѣйшею старушкою, маркизою Дюрфэ, отъ которой онъ впослѣдствіи немало поживился. Эта почтенная дама была всею душою предана изученію тайныхъ наукъ—алхиміи, астрологіи и т. п. дребедени, въ которую въ то время многіе вѣрили. Она уже давно слыхала о Казановѣ, который успѣлъ прославиться своею кабалистикою, и очень желала съ нимъ познакомиться. Казанова подробно разсказываетъ свою долгую бесѣду со старушкою о разныхъ небылицахъ, которую едва ли будетъ интересно здѣсь передавать. Нашъ герой былъ большимъ знатокомъ по этой части и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ сильно заинтересовалъ старушку. А это стоило труда, потому что маркиза Дюрфэ была страшно богата. Маркиза съ своей стороны тоже, вѣроятно, была убѣждена, что Казанова человѣкъ для нея безцѣнный. Онъ искусно далъ ей понять, что ему извѣстны такія вещи въ области тайныхъ наукъ, которыхъ, кромѣ него, быть можетъ, не знаетъ никто на свѣтѣ!

Маркиза познакомила его со всѣми своими друзьями. Въ числѣ ихъ оказался и знаменитый графъ Сенъ-Жерменъ. Казанова обѣдалъ съ нимъ. Графъ говорилъ безъ умолку; Казанова замѣтилъ даже,

что онъ почти ничего и не ѣлъ, до такой степени любилъ онъ разглагольствовать. Правда, и Казанова тоже почти не ѣлъ; онъ слушалъ графа, разинувъ ротъ. Онъ признается, что въ жизнь свою не встрѣчалъ человѣка, который до такой степени способенъ былъ интересовать и увлекать своею бесѣдою, какъ Сенъ-Жерменъ. А Казанова и самъ былъ великій краснобай.

Сенъ-Жерменъ свободно объяснялся на любомъ языкѣ. При весьма неказистой наружности, этотъ графъ (въ сущности, кажется, простона-просто португальскій жидъ) обладалъ множествомъ талантовъ: онъ былъ отличный музыкантъ, опытный алхимикъ и великій покоритель женскихъ сердецъ или, лучше сказать, душъ. Онъ всего охотнѣе велъ дѣла съ дамами, снабжалъ ихъ румянами и прочими косметиками, а главное соблазнялъ перспективою сохраненія ихъ прелестей въ неувядаемомъ состояніи безконечно долгое время. Онъ очень быстро пріобрѣлъ благосклонность маркизы Помпадуръ; та, разумѣется, познакомила его съ королемъ, и Сенъ-Жерменъ заинтересовалъ короля алхиміею и устроилъ ему лабораторію; король любилъ приготовлять краски. Ловкій авантюристъ сумѣлъ выманить у Людовика сто тысячъ ливровъ на устройство большой алхимической лабораторіи въ Шамборѣ, который былъ отведенъ королемъ для жительства своего алхимика. Въ то время, когда Казанова съ нимъ встрѣтился, Сенъ-Жерменъ увѣрялъ, что ему триста лѣтъ; впослѣдствіи онъ щедро увеличивалъ эту цифру и, если не ошибаемся, подробно разсказывалъ о своемъ переходѣ съ Израилемъ черезъ Чермное море. Онъ страшно и непомѣрно хвасталъ и лгалъ, но въ то же время такъ гипнотизировалъ своимъ краснобайствомъ, что его слушали, и никакъ не догадывались, что онъ просто только враль и нахалъ и больше ничего.

Мало-по-малу Казанова, что называется, раскусилъ старую маркизу. Она была почти помѣшана на тайныхъ наукахъ, твердо и непоколебимо вѣрила въ существованіе какихъ-то духовъ и геніевъ, которыми человѣкъ можетъ командовать, а главное, пришла къ убѣжденію, что Казанова какъ разъ и оказывается счастливымъ командиромъ этихъ безплотныхъ силъ. Однажды она дала ему какую-то рукопись, написанную шифрованнымъ письмомъ. Она была убѣждена, что эту рукопись нельзя прочесть, не зная особаго волшебнаго слова, «ключа»; Казанова, давно уже искусившійся въ чтеніи криптограммъ, хотя и не безъ труда, но все же разобралъ эту рукопись, причемъ, разумѣется, нашелъ и знаменитый «ключъ» шифра. Когда онъ произнесъ передъ маркизою этотъ таинственный ключъ, она не взвидѣла свѣта отъ изумленія и окончательно порѣшила, что Казанова обладаетъ глубочайшими нѣдрами тайныхъ наукъ, что ему подвластны всѣ духи, что онъ, по своему желанію, можетъ дѣлать все, что угодно: осчастливить или сгубить все человѣчество. Казанова не разувѣрялъ ея; онъ подтвердилъ, что духи ему дѣйствительно подвластны и даже объявилъ маркизѣ имя того генія, который къ нему прикомандированъ; этотъ безплотный адъютантъ нашего героя именовался Паралисомъ.

Доведенная почти до бреда, бѣдная старушка повѣдала, наконецъ, Казановѣ свою завѣтную мечту. Вычитала она изъ какихъ-то тарабар-

скихъ книгъ и рукописей, что человѣкъ, посредствомъ извѣстныхъ волхвованій, которыя, конечно, слѣдуетъ произвести умѣючи, можетъ переродиться, т. е., напримѣръ, изъ стараго обратиться въ молодого, изъ женщины въ мужчину, и т. д. Не думая разстаться съ жизнью, которая у ней, она это чуяла, подходитъ къ концу, маркиза съ увлеченіемъ мечтала о томъ, чтобы появиться на свѣтъ вновь, но уже не въ женскомъ, а въ мужскомъ образѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день она обратилась къ Казановѣ съ мольбою совершить надъ нею эту сверхъестественную операцію. Она нимало не сомнѣвалась, что онъ умѣетъ это устроить! Казанова былъ такъ пораженъ этою бездною простодушія, что даже прослезился. Онъ даже не сумѣлъ ей ничего отвѣтить, всталъ и ушелъ. «Я ушелъ отъ нея,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—унося съ собою ея душу, ея сердце и весь небольшой остатокъ ея здраваго смысла».

Между тѣмъ, финансовые тузы, въ своихъ вѣчныхъ хлопотахъ и заботахъ, какъ бы раздобыть денегъ, придумали новую аферу и порѣшили поручить ее Казановѣ, который послѣ дѣла съ лотереею сдѣлался свѣтиломъ финансовѣдѣнія. Дѣло состояло въ томъ, чтобы попытаться продать въ Голландію большую партію французскихъ бумагъ, потерявшихъ во Франціи почти всякую цѣнность. Казанова взялся за дѣло съ свойственною ему отвагою. Правда, онъ на этотъ разъ ничѣмъ и не рисковалъ. Бумаги (въ огромной суммѣ—милліоновъ на 20) пересылались французскому посланнику въ Амстердамѣ, д'Афри, и хранились у него. Казанова же только долженъ былъ хлопотать о ихъ помѣщеніи и попытаться обмѣнять ихъ на какія-нибудь болѣе солидныя цѣнности. Если бы это удалось, д'Афри отдалъ бы бумаги и переслалъ самъ во Францію полученныя за нихъ цѣнности; въ случаѣ же неудачи, которая никого бы не удивила и Казановѣ нимало не могла повредить,—эти 20 милліоновъ преспокойно вернулись бы въ Парижъ.

Онъ имѣлъ рекомендательныя письма къ амстердамскимъ банкирамъ и милліонерамъ. Но, къ сожалѣнію, всѣ они хорошо знали цѣну французскихъ бумагъ и не поддавались ни на какую сдѣлку. Казанова, впрочемъ, упоминаетъ о дѣлѣ только между прочимъ; въ Амстердамѣ онъ свелъ много знакомствъ и успѣлъ очаровать дочь одного изъ милліонеровъ своею кабалистикою. Удивительно, какъ много, если судить по словамъ Казановы, было въ то время любителей тайныхъ наукъ, и какъ высоко цѣнились обладатели этихъ таинствъ!

На этотъ разъ жертвою страсти къ сверхъестественному сдѣлалась единственная дочь богача, красавица. Отецъ ея тоже очаровался кабалистическими квадратами и пирамидами Казановы и прямо прочилъ за него дочку. Казановѣ стоило только пожелать и онъ сталъ бы милліонеромъ. Но онъ боялся брака, какъ могилы, и на этотъ разъ опять-таки, по своему обыкновенію, бѣжалъ отъ своего счастья.

Казанова извѣстилъ о тщетѣ хлопотъ своихъ парижскихъ довѣрителей. Тѣ отвѣчали ему, что согласны продать бумаги за какую угодно цѣну, лишь бы она была хоть немного выше той, какую за нихъ даютъ на парижской биржѣ. Тѣмъ временемъ Казанова имѣлъ случай оказать отцу своей дамы сердца очень существенную услугу. Дѣло въ томъ, что этотъ господинъ потерялъ порт-

8*

фель съ весьма значительною суммою денегъ; эта потеря была почти равносильна банкротству. Но Казанова случайно нашелъ этотъ портфель; однако, онъ не поднялъ его (потеря случилась въ домѣ потерпѣвшаго и не было основанія опасаться, что вещь пропадетъ), а предпочелъ сплутовать при помощи своей кабалистики. Онъ вопросилъ оракулъ и тотъ своимъ отвѣтомъ указалъ мѣсто, гдѣ надо было искать потерянное. Разумѣется, кинулись туда и тотчасъ нашли. Обрадованный богачъ предложилъ Казановѣ въ награду два билета по 1000 фунтовъ стерлинговъ, но нашъ герой нашелъ, что гораздо благоразумнѣе будетъ отказаться. Все это, конечно, неимовѣрно возвысило его въ глазахъ отца и дочери. Отецъ, по его просьбѣ, взялся употребить всѣ усилія, чтобы продать злополучные двадцать милліоновъ французскихъ бумагъ. Но предложенія получались такія, что въ Парижѣ отъ нихъ отказывались; наконецъ-таки, впрочемъ, удалось пристроить эти 20 милліоновъ за 18, и то еще всѣ капиталисты Амстердама удивлялись необычайной удачѣ Казановы.

Въ Парижѣ его встрѣтили съ восторгомъ и изумленіемъ. Всѣ знакомые поздравляли его, и онъ надѣялся, что будетъ хорошо вознагражденъ за свои хлопоты. На другой же день онъ отправился въ Версаль къ Шуазелю. Тотъ принялъ его на этотъ разъ съ большою любезностью и сразу предложилъ ему взять на себя новое порученіе—заключить заемъ въ сто милліоновъ флориновъ. Казанова отвѣчалъ, что онъ обдумаетъ это предложеніе, но что сначала ему желательно видѣть, въ какомъ размѣрѣ вознаградятъ его за исполненное имъ порученіе по продажѣ французскихъ бумагъ.

— Да вѣдь вы заработали на этомъ дѣлѣ 200.000 флориновъ; объ этомъ всѣ говорятъ!

— Это было бы недурно, для начала,—отвѣтилъ Казанова.—Но могу увѣрить, ваше превосходительство, что это неправда. Я ничего не заработалъ. Пусть это докажутъ тѣ, кто это утверждаетъ, и я буду готовъ понести, какое угодно возмездіе. Я настаиваю на своемъ правѣ на вознагражденіе.

— Если такъ, подите и объяснитесь съ государственнымъ контролеромъ.

Булонь только иронически улыбнулся, когда Казанова спросилъ его о вознагражденіи.

— Я знаю, что вы привезли съ собою вексель въ 100 тысячъ флориновъ на ваше имя,—сказалъ онъ.

Это была правда. Казанова въ самомъ дѣлѣ привезъ вексель на эту сумму, но это не было вознагражденіе отъ банкировъ, которымъ онъ продалъ бумаги; это былъ подарокъ отца его невѣсты. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ то время, когда Казанова жилъ въ Амстердамѣ, случилось, что одно судно, шедшее съ богатымъ грузомъ изъ Индіи, гдѣ-то застряло по дорогѣ, и распространился слухъ, что оно погибло. Богачъ О. (отецъ невѣсты Казановы) захотѣлъ попытать счастья—купить это судно; купилъ бы онъ, конечно, очень дешево, но если бы судно пришло благополучно, то получили бы огромный барышъ. Дѣло было очень рискованное. И вотъ, въ своей нерѣшительности О. прибѣгъ къ оракулу. Казанова поворожилъ ему, что

судно не погибло и что оно скоро придетъ. Обрадованный О. тотчасъ купилъ этотъ пловучій грузъ и обѣщалъ Казановѣ 10% съ барыша, который получится отъ распродажи товара. Нашему герою повезло счастье; его предсказаніе исполнилось, судно прибыло въ Голландію, и Казанова получилъ обѣщанный процентъ,—сто тысячъ флориновъ. Изъ Амстердама тотчасъ дали знать въ Парижъ, что эти деньги имъ получены въ видѣ куртажа съ покупателей французскихъ бумагъ.

На этомъ и покончился вопросъ о его вознагражденіи. Казанова никого не могъ увѣрить, что не получилъ этихъ денегъ съ покупателей. Онъ, впрочемъ, не особенно и безпокоился объ этомъ при врожденной безпечности своего нрава. Онъ жилъ, утопая въ удовольствіяхъ, и въ это время онъ принялъ участіе въ скверной исторіи, которая бросила на него самую невыгодную тѣнь. Героинею этой исторіи была какая-то его знакомая дѣвица. Дѣло шло о вытравленіи плода этою особою. Дѣло это очень повредило Казановѣ и было причиною большой неблагосклонности къ нему со стороны парижской полиціи. А между тѣмъ, подоспѣло и другое горе. Его высокаго покровителя, аббата Берни, постигла немилость. Онъ какъ-то въ откровенную минуту сказалъ королю, что принцъ Субизъ не способенъ быть французскимъ главнокомандующимъ. Король передалъ эти слова Помпадуръ; та обидѣлась за своего любимца Субиза и настояла на удаленіи Берни отъ дѣлъ. Казанова остался въ Парижѣ безъ покровителя, и его карьера была окончена.

Но пока онъ еще не имѣлъ никакой причины унывать. Его дѣла были въ блестящемъ положеніи. Онъ не подводитъ итога своимъ средствамъ, но можно думать, что у него было не менѣе 200 или даже 300 тысячъ франковъ.

Около этого времени Казанова имѣлъ случай познакомиться съ знаменитымъ Жанъ-Жакъ Руссо, жившимъ тогда во Франціи, въ Монморанси. Его пожелала видѣть маркиза Дюрфэ, съ которой Казанова поддерживалъ самыя дружескія отношенія. Руссо въ это время жилъ перепискою нотъ; его заваливали этою работою, потому что онъ исполнялъ ее съ большою аккуратностью. Подъ предлогомъ заказа такой переписки, маркиза и отправилась къ нему вмѣстѣ съ Казановою.

«Мы увидѣли,—пишетъ Казанова,—человѣка простой, скромной внѣшности, который очень здраво разсуждалъ, но не отличался ни чѣмъ выдающимся ни по наружности, ни по уму». Вдобавокъ, знаменитый авторъ «Общественнаго договора» и «Эмиля» былъ очень ужь простъ въ обращеніи и поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что щепетильной маркизѣ онъ показался человѣкомъ неотесаннымъ. Казанова видѣлъ и женщину, съ которою тогда сожительствовалъ Руссо, но она почти не поднимала глазъ на посѣтителей. Вотъ и все, что сообщаетъ Казанова о великомъ мыслителѣ.

Между тѣмъ Казанова задумалъ пуститься въ широкую коммерцію. Онъ давно уже обдумывалъ одно предпріятіе, которое казалось ему очень выгоднымъ. Дѣло въ томъ, что въ его время въ Ліонѣ, центрѣ производства знаменитыхъ шелковыхъ тканей, рисунки на этихъ тканяхъ получались при самомъ тканьѣ. Казанова же задумалъ на-

кладывать эти рисунки печатнымъ способомъ. У него были достаточныя свѣдѣнія въ химіи, чтобы попытать счастья по этой части. Случай свелъ его съ однимъ человѣкомъ, который былъ очень опытенъ и въ шелкоткацкомъ дѣлѣ, и въ торговлѣ, и въ рисованіи. Казанова рѣшилъ сдѣлать его директоромъ своей мастерской. Онъ посовѣтовался съ принцемъ Конти, который обѣщалъ ему свое покровительство, т. е. предоставленіе мастерской разныхъ льготъ.

Онъ тотчасъ отыскалъ въ окрестностяхъ Тампля обширное помѣщеніе и нанялъ его; въ немъ нашлось мѣсто не только для всѣхъ отдѣленій мастерской, но и для квартиръ всѣхъ служащихъ и рабочихъ. Для веденія предпріятія онъ задумалъ основать компанію на паяхъ. Всѣхъ паевъ было тридцать; пять изъ нихъ Казанова выдалъ художнику-директору, о которомъ упомянуто выше. Остальные паи онъ рѣшилъ продавать желающимъ участвовать въ предпріятіи. Скоро дѣло у него закипѣло. Всѣ служащіе и рабочіе были наняты и помѣщены въ зданіи мастерской; за все онъ платилъ наличными деньгами. Мастерская пошла въ ходъ и Казанова возлагалъ на нее самыя радужныя надежды. Но какъ разъ въ это время всплыло вновь дѣло о выкидышѣ. Какая-то старуха, случайно узнавшая о сношеніяхъ Казановы съ обвиняемою дѣвицею, сдѣлала на него доносъ, и дѣло приняло очень хлопотливый оборотъ. Старушка имѣла въ виду простой шантажъ, и Казанова могъ легко откупиться, но не захотѣлъ, гордый своею невинностью. Тогда старуха и донесла. Казановѣ пришлось объясняться съ прокуроромъ и съ полиціею. Дѣло тянулось долго и кончилось только тогда, когда дѣвица, наконецъ, благополучно разрѣшилась, и этимъ прекратила всѣ недоразумѣнія.

Между тѣмъ дѣла въ мастерской шли хорошо, и Казанова богатѣлъ бы, если бы не тратилъ денегъ съ непозволительнымъ легкомысліемъ. Скоро нашелся покупатель на паи, соблазнившійся выгодами предпріятія. Казанова продалъ ему паевъ на 50.000 франковъ. Такимъ образомъ этотъ покупатель, по имени Гарнье, сталъ его компаньономъ въ третьей долѣ предпріятія. Но едва состоялась эта сдѣлка, какъ одинъ изъ служащихъ въ мастерской ловко обокралъ кассу и скрылся. Гарнье тотчасъ началъ противъ Казановы искъ, требуя обратно свои 50 тысячъ. Судъ присудилъ эту сумму, и Гарнье описалъ всю мастерскую и даже квартиру Казановы. Гарнье хлопоталъ съ такою энергіею, что добился даже постановленія о личномъ задержаніи Казановы, у котораго денегъ для уплаты не было. Не успѣлъ Казанова, какъ говорится, оглянуться, какъ уже сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ.

Казанова тотчасъ написалъ письмо своему брату, художнику, который передъ этимъ поселился въ Парижѣ и сильно разбогатѣлъ. Братъ ничего не отвѣтилъ и не пришелъ самъ. Другіе знакомые тотчасъ отозвались на письма, и предлагали каждый, кто что могъ. Но все это были пустяшныя суммы—сотни франковъ. Больше же всего удивила его маркиза Дюрфэ. Она написала ему коротенькую записку, въ которой извѣщала, что ждетъ его къ себѣ обѣдать! Казанова подумалъ, что она помѣшалась.

Утромъ на другой день послѣ ареста, камера Казановы была биткомъ набита сочувствующими посѣтителями. Всѣ ахали и охали, го-

ворили на перебой, предлагали тысячи плановъ. Въ самый разгаръ этой вакханаліи соболѣзнованія вошелъ тюремщикъ и вѣжливо доложилъ Казановѣ, что его внизу у воротъ дожидается какая-то дама въ каретѣ, и что онъ свободенъ. Это извѣстіе всѣхъ ошеломило. Казанова послалъ узнать, кто такая эта дама; человѣкъ доложилъ ему, что за нимъ пріѣхала маркиза Дюрфэ. Казановѣ оставалось тольк раскланяться со всею компаніею и сѣсть въ карету маркизы.

Послѣ краткаго объясненія о томъ, какимъ образомъ состоялся выкупъ Казановы, маркиза высадила его около Тюльери и посовѣтовала ему немедленно прогуляться тамъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ всегда толпится много гуляющихъ; надо было показаться въ публикѣ, чтобы всѣ знали, что распространившійся слухъ о банкротствѣ и арестѣ совершенно ложенъ. Казанова нашелъ этотъ совѣтъ благоразумнымъ и послѣдовалъ ему. Удививъ «весь Парижъ» своимъ появленіемъ, онъ обошелъ всѣхъ знакомыхъ, роздалъ доставленныя ему вещи и деньги и всѣхъ горячо отблагодарилъ за помощь и дружбу; потомъ отправился обѣдать къ маркизѣ Дюрфэ.

Эта дама еще разъ удивила его и успокоила. Ему невольно пришло въ голову, какъ бы она не усомнилась въ его волшебномъ могуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ повелѣваетъ геніями и безплотными силами, имѣетъ даже спеціальнаго приставленника, Паралиса, и вдругъ при такомъ сверхъестественномъ могуществѣ не могъ одолѣть какого-то проходимца, который вздумалъ—и засадилъ его за долги въ кутузку, словно какого-нибудь мелочного лавочника! Но что значитъ одностороннее настроеніе! Маркиза, конечно, задумалась надъ арестомъ своего волшебнаго друга и объяснила его себѣ, только совсѣмъ не такъ, какъ могъ опасаться Казанова. Ея геній (у нея тоже былъ свой геній) объяснилъ ей, что Казанова нарочно далъ себя арестовать, чтобы о немъ всѣ заговорили. А зачѣмъ это ему было нужно—это его секретъ. Какъ только она узнала объ арестѣ, тотчасъ поѣхала (несомнѣнно, по внушенію своего генія) и внесла за Казанову залогъ, его тотчасъ и освободили.

Казанова вдругъ утратилъ всякій вкусъ не только къ своей шелковой красильнѣ и къ коммерціи, но даже и къ Парижу. Сверхъ того, онъ питалъ всегда антипатію къ судебной волокитѣ, а теперь, когда самъ въ нее попалъ, возненавидѣлъ ее всѣми силами души. Онъ тотчасъ рѣшилъ раздѣлаться со всѣми своими дѣлами и предпріятіями, которыя его удерживали въ Парижѣ и связывали съ этимъ городомъ. Онъ хотѣлъ жить свободнымъ, обезпеченнымъ, руководясь только своею господствующею страстью къ удовольствіямъ. Онъ считалъ свое время только тогда хорошо употребленнымъ, когда доставлялъ себѣ развлеченіе. У него былъ совершенно опредѣленный планъ:—ликвидировать всѣ дѣла въ Парижѣ, уѣхать въ Амстердамъ, жениться и жить, сообразно своимъ врожденнымъ склонностямъ, безъ всякихъ заботъ. Ликвидація дала ему около 100 тысячъ франковъ наличныхъ денегъ, да приблизительно столько же въ видѣ разныхъ цѣнныхъ вещей.

Онъ покинулъ Парижъ и направился въ Голландію. Тамъ у него была очень соблазнительная приманка—богачъ О. и его красавица дочка, страстная любительница тайныхъ наукъ. Около этого очага

благополучія можно было хорошо погрѣться. Прибывъ въ Гагу, онъ направился прежде всего къ французскому посланнику д'Афри, съ которымъ былъ хорошо знакомъ по своимъ прежнимъ дѣламъ въ Голландіи. Д'Афри, между прочимъ, спросилъ его—что за личность графъ Сенъ-Жерменъ, который недавно появился въ Гаагѣ и уже успѣлъ обратить на себя общее вниманіе. Къ посланнику онъ до сихъ поръ не являлся, а между тѣмъ всюду распускаетъ слухи, что пріѣхалъ въ Голландію по порученію короля Людовика XV, съ цѣлью заключить отъ его имени заемъ въ 100 милліоновъ. Д'Афри не зналъ раньше Сенъ-Жермена и былъ очень заинтересованъ этимъ загадочнымъ господиномъ. Онъ со дня на день ожидалъ, что къ нему обратятся разные денежные тузы, цари биржи, и будутъ наводить справки о Сенъ-Жерменѣ; посланникъ, разумѣется, долженъ былъ знать о личности, прибывшей съ такимъ важнымъ порученіемъ. «А между тѣмъ,—говорилъ д'Афри,—я не получалъ относительно его никакихъ внушеній, и, если ко мнѣ обратятся, я долженъ буду отвѣчать, что ничего не знаю ни о самомъ Сенъ-Жерменѣ, ни о данномъ ему порученіи. Это, несомнѣнно, повредитъ его хлопотамъ. Но какже быть? Онъ ни самъ не явился, и не доставилъ о себѣ ни одной строчки изъ Франціи, хотя бы отъ Шуазеля или маркизы Помпадуръ. Я думаю, что это просто-на-просто обманщикъ и никто ему не давалъ никакихъ порученій».

Казанова, раньше встрѣчавшій Сенъ-Жермена, въ свою очередь, загорѣлся любопытствомъ. Онъ захотѣлъ непремѣнно повидаться съ мнимымъ графомъ. Желаніе его исполнилось.

— Я зналъ, что вы здѣсь, дорогой мой Казанова,—сказалъ ему графъ.—Я самъ хотѣлъ повидаться съ вами. Я увѣренъ, что вы тоже явились сюда хлопотать по какому-нибудь порученію нашего двора. Но предупреждаю васъ, что надежды на успѣхъ—мало. Вся здѣшняя биржа въ негодованіи отъ продѣлки Силуета. (NB. Этотъ Силуетъ, попавшій въ государственные контролеры, внезапно пріостановилъ платежи по какимъ-то цѣнностямъ и этимъ поставилъ французскую казну чуть не въ положеніе банкрота). За себя-то я спокоенъ; я найду свои сто милліоновъ, не взирая ни на что. Я далъ слово Людовику XV, котораго смѣло могу называть своимъ другомъ, и не обману его ожиданій; мнѣ надо всего три, четыре недѣли, чтобы обдѣлать это дѣло.

— Я полагаю,—осторожно замѣтилъ Казанова,—что вамъ могъ бы оказать существенную помощь здѣшній посланникъ д'Афри.

— Я въ его помощи вовсе не нуждаюсь. Вѣроятно, я даже и не увижусь съ нимъ вовсе; а то еще, пожалуй, онъ потомъ будетъ хвастать, что помогалъ мнѣ. Я хочу сдѣлать все самъ, чтобы одному воспользоваться и всею честью успѣха.

— Но, вѣроятно, вы представитесь ко двору? Графъ Брунсвикъ тоже могъ бы вамъ быть полезенъ.

— А зачѣмъ мнѣ представляться? Въ услугахъ Брунсвика я тоже нисколько не нуждаюсь и не буду съ нимъ даже знакомиться. Мнѣ стоитъ только побывать въ Амстердамѣ; мнѣ достаточно одного моего личнаго кредита. Я люблю короля Франціи, и увѣренъ, что во всей странѣ нѣтъ человѣка честнѣе его.

Видно было, что знаменитый графъ что-то затѣялъ и при этомъ уклоняется, быть можетъ, не столько отъ посторонней помощи, сколько отъ лишней огласки.

Казанова скоро уѣхалъ въ Амстердамъ. Здѣсь онъ проводилъ все время у О., обучая кабалистикѣ его хорошенькую дочку и все болѣе и болѣе очаровывая и дочь, и отца. Оба они совсѣмъ открыто заговаривали о свадьбѣ, но Казанова успѣлъ уже обзавестись новою невѣстою въ Парижѣ и такимъ образомъ сѣлъ между двухъ стульевъ. Оракулъ продолжалъ оказывать въ семьѣ О., особенно въ коммерческихъ дѣлахъ отца, неоцѣнимыя услуги.

Въ одинъ прекрасный день богачъ сообщилъ Казановѣ очень странную новость: французскій посланникъ обратился къ голландскому правительству съ просьбою арестовать и выдать Франціи знаменитаго графа Сенъ-Жермена; этого требовалъ самъ король. Просьба была найдена уважительною; въ ту же ночь нагрянули въ гостинницу, гдѣ остановился Сенъ-Жерменъ; но его не захватили; онъ почуялъ опасность и успѣлъ скрыться. Пришлось ограничиться выраженіемъ сожалѣнія, что посланникъ медлилъ и не обратился съ своею просьбою пораньше, когда еще можно было захватить проходимца врасплохъ.

Между тѣмъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Сенъ-Жермена обнаружилась одна изъ его ловкихъ продѣлокъ. Дѣло въ томъ, что Сенъ-Жерменъ всегда открыто хвасталъ своимъ умѣньемъ сплавлять алмазы, т. е. изъ нѣсколькихъ малыхъ дѣлать одинъ большой, высокой цѣны. Онъ особенно заинтересовалъ этимъ искусствомъ Людовика XV. Казанова передаетъ случай, когда Людовикъ будто бы показывалъ кому-то большой брилліантъ, увѣряя, что онъ самъ сдѣлалъ его, сплавивъ нѣсколько маленькихъ. И на этотъ разъ Сенъ-Жерменъ явился въ Амстердамъ съ огромнымъ брилліантомъ, принадлежавшимъ, по его словамъ, королю. Сенъ-Жерменъ хотѣлъ достать 100.000 флориновъ подъ залогъ этого брилліанта. Когда онъ скрылся, чуя свой арестъ, этотъ брилліантъ остался въ рукахъ капиталистовъ, которымъ онъ вручилъ его для оцѣнки. Денегъ ему, по слухамъ, еще не успѣли дать. Теперь, въ виду бѣгства Сенъ-Жермена, возникалъ вопросъ, что дѣлать съ этимъ брилліантомъ? Было рѣшено не выдавать его Сенъ-Жермену, а выдать не иначе, какъ французскому посланнику, конечно, въ томъ случаѣ, если тотъ предъявитъ требованіе отъ имени короля, которому брилліантъ, по словамъ графа, принадлежалъ. По по послѣднему пункту, вышли разногласія: одни настаивали на томъ, чтобы немедленно оповѣстить публику о брилліантѣ, другіе совѣтовали молчать и ничего не предпринимать, пока король не спроситъ о камнѣ черезъ своего посланника. Какъ быть? Вотъ съ этимъ-то вопросомъ О. и обратился къ Казановѣ, прося его прибѣгнуть, по обыкновенію, къ своему оракулу. Ради полноты отвѣта было рѣшено, что дочь О., Эсѳирь, первая спроситъ оракулъ, а потомъ уже начнетъ волхвовать Казанова. Оракулъ возвѣстилъ сначала черезъ барышню, что до поры до времени необходима полная тайна, что алмазъ не имѣетъ никакой цѣны. Отвѣтъ, добытый Казановою, былъ, разумѣется, такого же свойства, хотя иначе выраженный. Пораженный совпаденіемъ отвѣтовъ, О., конечно, рѣшилъ настаивать на рѣшеніи въ смыслѣ этихъ отвѣтовъ, и заранѣе радо-

вался славѣ человѣка прозорливаго ума,—славѣ, которая за нимъ должна была утвердиться послѣ этой исторіи. Онъ настаивалъ на тщательномъ изслѣдованіи камня. Его передали опытнымъ ювелирамъ, которыми такъ славится Амстердамъ, и камень въ самомъ дѣлѣ былъ признанъ фальшивымъ. Волей-неволей надо было молчать о немъ. Исторія, впрочемъ, разгласилась, и надъ бѣдными толстосумами очень смѣялись; поговаривали даже о томъ, что Сенъ-Жермену удалось надуть ихъ вполнѣ, а вовсе не наполовину, какъ они утверждали. Но Казанова увѣряетъ, что это неправда, что проходимцу не дали ни копѣйки, вслѣдствіе его поспѣшнаго бѣгства.

Нельзя сказать, чтобы на этотъ разъ пребываніе въ Амстердамѣ было пріятно для Казановы. Прежде всего его огорчила отказомъ парижская невѣста, которая въ его отсутствіе какъ-то ужъ очень скоро рѣшила выйти замужъ за другого. Правда, въ утѣшеніе ему оставалась несравненно болѣе выгодная партія—Эсѳирь О. Но Казановѣ, очевидно, было на роду написано оставаться холостякомъ. Какъ ни пламенно расписываетъ онъ свою любовь къ этой дѣвицѣ, кончилось все-таки тѣмъ, что онъ уѣхалъ отъ нея и больше съ нею не видался.

Отъѣздъ его изъ Амстердама, повидимому, былъ связанъ съ множествомъ разныхъ довольно крупныхъ непріятностей. Сошелся онъ съ какимъ-то итальянскимъ принцемъ Пикколомини. Этотъ принцъ оказался въ скоромъ времени проходимцемъ, попался съ фальшивымъ векселемъ и изъ-за него Казановѣ опять-таки пришлось возиться съ полиціею. Случилось ему провести вечеръ въ компаніи съ какими-то веселыми дѣвицами, двумя сестрами-венеціанками. На другой же день явился мужественнаго вида воинъ и потребовалъ удовлетворенія за нарушеніе чести его сестеръ, вчерашнихъ веселыхъ дѣвицъ. У одной прекрасной особы, за которою нашъ герой слегка пріударилъ, онъ встрѣтился съ опаснымъ соперникомъ, сыномъ городского головы; между кавалерами произошла ссора, а затѣмъ дуэль, въ которой сынъ бургомистра былъ тяжело раненъ. Другая дуэль вышла у него съ какимъ-то офицеромъ, который систематически задиралъ его за обѣдомъ въ гостинницѣ. Все это постепенно накоплялось и бросало на нашего героя весьма неблаговидную тѣнь. На него начали косо посматривать и благоразуміе повелѣвало убираться по добру-по здорову.

Казановѣ давно уже хотѣлось прокатиться по Германіи и Швейцаріи. Денегъ у него было вполнѣ достаточно. Онъ вручилъ ихъ своему вѣрному другу О., а тотъ выдалъ ему цѣлый пукъ векселей на разныхъ германскихъ и швейцарскихъ банкировъ. Снабженный этою драгоцѣнною кладью, Казанова и тронулся въ путь. Это было въ началѣ 1760 года.

Казанова направился прежде всего въ Кельнъ и Боннъ, а оттуда проѣхалъ въ Штутгартъ. Его странствованія и приключенія, полныя весьма счастливыхъ личныхъ воспоминаній, не заслуживаютъ особаго вниманія; это безконечный рядъ кутежей, картежной игры и романическихъ происшествій, въ изложеніи которыхъ, онъ, по довольно единодушному мнѣнію критиковъ, не стѣсняется съ истиною. Поэтому, имѣя въ виду общій интересъ, приходится дѣ-

лать тщательный выборъ изъ того обильнаго матеріала, который собранъ въ четвертомъ и пятомъ томахъ его записокъ.

Въ Кельнѣ Казанова былъ представленъ мѣстному курфюрсту-архіепископу. Сцена представленія вышла довольно забавная. Архіепископъ окруженъ былъ своими придворными; Казанова раньше его никогда не видалъ, съ растеряннымъ видомъ оглядывалъ всѣхъ и не видѣлъ передъ собою никого въ архіепископскомъ облаченіи. Самъ курфюрстъ, наконецъ, сжалился надъ нимъ и обратился къ нему съ нѣсколькими словами на плохомъ венеціанскомъ нарѣчіи.

— Вы не узнаете меня,—сказалъ преосвященный,—я сегодня въ одеждѣ командора Тевтонскаго ордена.

Казанова тотчасъ, по заведенному этикету, преклонилъ передъ нимъ колѣно и хотѣлъ поцѣловать у него руку. Но архіепископъ удержалъ его, крѣпко пожавъ ему руку.

— Я былъ въ Венеціи,—заговорилъ владыка,—въ то время, когда вы содержались въ свинцовой тюрьмѣ. Мой племянникъ, баварскій курфюрстъ, говорилъ мнѣ, что послѣ вашего бѣгства, вы на нѣкоторое время останавливались у него въ Мюнхенѣ. Если бы вы тогда попали ко мнѣ въ Кельнъ, я васъ не выпустилъ бы. Надѣюсь, что послѣ обѣда вы намъ разскажете исторію вашего бѣгства, а потомъ останетесь съ нами поужинать и примите участіе въ маскарадѣ, которымъ мы собираемся позабавиться.

Казанова пообѣщалъ ему разсказать свою исторію, если онъ дастъ согласіе выслушать ее до конца и предупредилъ, что на это потребуется два часа.

— Ну, за пріятною бесѣдою никто не соскучится, — сказалъ архіепископъ.

При этомъ Казанова припомнилъ свой разговоръ съ Шуазелемъ, когда тотъ просилъ разсказать о бѣгствѣ, и этимъ разсмѣшилъ курфюрста. Мы въ своемъ мѣстѣ передали этотъ разговоръ. Послѣ обѣда Казанова, по приглашенію архіепископа, съ большимъ одушевленіемъ и блескомъ разсказалъ всю свою исторію до конца. Его слушали съ большимъ вниманіемъ. Потомъ вечеромъ устроили маскарадъ. Всѣ гости курфюрста одѣлись въ крестьянскіе костюмы. Эти костюмы хранились въ гардеробной курфюрста, который, надо полагать, былъ большимъ любителемъ этого развлеченія. Казанова съ шикомъ протанцовалъ венеціанскую форлану, которая совершенно его измучила. Это чрезвычайно живой танецъ, требующій громаднаго расхода силъ. А ему пришлось протанцовать его сряду съ двумя дамами.

Пожуировавъ нѣкоторое время въ Кельнѣ, Казанова перебрался въ Штутгартъ. Дворъ герцога вюртембергскаго считался въ то время самымъ блестящимъ въ Европѣ. Герцогъ торговалъ своими солдатами и это доставляло ему громадныя средства; такъ, на службѣ Франціи было постоянно 10.000 вюртембергцевъ, и герцогъ получалъ за нихъ большую арендную плату, которая давала ему возможность жить въ свое удовольствіе. У него были блестящіе экипажи, громадная охота, роскошная конюшня. Но больше всего тратилъ онъ на театръ и на своихъ фавориткъ. Онъ завелъ у себя французскій драматическій театръ, итальянскую оперу и оперетку; у него служило до двадцати итальянскихъ балетмейстеровъ, навербованныхъ въ лучшихъ

итальянскихъ театрахъ. Балетною труппою завѣдывалъ знаменитый въ то время Новеръ; въ кордебалетѣ выступало часто до сотни фигурантовъ. При театрѣ былъ опытный машинистъ и нѣсколько художниковъ-декораторовъ. Женская балетная труппа состояла изъ заботливо подобранныхъ молодыхъ и хорошенькихъ танцовщицъ, изъ которыхъ не было, кажется, ни одной, не пользовавшейся благосклонностью герцога. Султаншею этого сераля была извѣстная балерина Гарделло, дочь простого венеціанскаго гондольера. Она была замужемъ, но герцогъ купилъ ее у супруга. Герцогъ увлекался ею цѣлый годъ; потомъ онъ удалилъ ее со сцены, но съ титуломъ «Madame», который возбуждалъ ужасную зависть въ другихъ феяхъ балета. Пока эта особа была въ силѣ и фаворѣ, ей оказывались почести, почти какъ коронованной особѣ.

Герцогъ былъ, по словамъ Казановы, человѣкъ пустой и суетный. Видно было, что все его самолюбіе клонится къ тому, чтобы заставить о себѣ говорить. Это было для него высшее наслажденіе, и онъ, пожалуй, не прочь былъ бы стать новымъ Геростратомъ, чтобы только удовлетворить своей страсти. Онъ расходовалъ неимовѣрно много силъ на кутежи и дебоши; этихъ силъ у него былъ такой избытокъ, что онъ находилъ достаточнымъ спать какихъ-нибудь три-четыре часа послѣ самой разгульной ночи. Ложась спать, онъ обыкновенно приказывалъ камердинеру въ извѣстномъ часу разбудить его, и если камердинеру не удавалось это, герцогъ прогонялъ его. Правда, служителю предоставлялось прибѣгать къ какимъ угодно пріемамъ и способамъ, чтобы разбудить герцога и заставить его встать. Разсказываютъ, что одинъ изъ его камердинеровъ, человѣкъ весьма рѣшительнаго нрава, если герцогъ не хотѣлъ просыпаться и вставать, не взирая ни на какія усилія, хваталъ его въ охапку и погружалъ въ холодную ванну; герцогъ долженъ былъ самъ вылѣзать изъ нея, если не желалъ захлебнуться.

Вставъ отъ сна, герцогъ обыкновенно принималъ своихъ министровъ и весьма усидчиво занимался государственными дѣлами. Потомъ начинались аудіенціи, на которыя допускались всѣ безъ разбора. Тутъ происходили иногда сцены, не лишенныя комизма. Просителями часто являлись простые крестьяне, рабочіе. Герцогъ иной разъ выбивался изъ силъ, кричалъ до хрипоты, силясь доказать какому-нибудь мужичку всю нелѣпость его ходатайства, и всетаки ничего не могъ добиться. Хорошенькихъ просительницъ онъ всегда принималъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и онѣ уходили отъ него довольныя.

По прибытіи въ Штутгартъ Казанова прежде всего отправился въ оперу. Ее давали въ новомъ театрѣ, недавно выстроенномъ герцогомъ. Публика пускалась въ театръ безплатно. Самъ принцъ присутствовалъ на представленіи. Онъ сидѣлъ въ первомъ ряду, около оркестра, окруженный своею блестящею свитою. Казанова не зналъ мѣстныхъ обычаевъ, и когда ему понравилось исполненіе какого-то актера, прекрасно спѣвшаго свой номеръ, онъ началъ громко аплодировать. Тотчасъ въ ложѣ, которую онъ занималъ, появился какой-то оффиціальнаго вида субъектъ и что-то проговорилъ по-нѣмецки весьма нелюбезнымъ тономъ; это было, очевидно, замѣчаніе, но Казанова не зналъ по-нѣмецки и отвѣчалъ, что не понимаетъ. Тогда блю-

ститель порядка ушелъ и вмѣсто него появился офицеръ, который по-французски объяснилъ Казановѣ, что когда самъ герцогъ въ театрѣ, то апплодировать не позволяется.

— Прекрасно, сударь, — отвѣчалъ Казанова. — Если такъ, я удалюсь и приду въ театръ въ другой разъ, когда герцога не будетъ, потому что, видите ли, когда я слышу хорошее пѣніе, то положительно не въ состояніи воздержаться, чтобы не апплодировать.

Казанова вышелъ изъ театра и только-что усѣлся въ свой экипажъ, какъ около него появился тотъ же офицеръ; онъ передалъ Казановѣ, что герцогъ пожелалъ его видѣть. Скоро нашъ герой предсталъ передъ его свѣтлостью.

— Такъ это вы Казанова?—спросилъ герцогъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость!

— Откуда вы теперь прибыли?

— Изъ Кельна.

— Вы первый разъ въ Штутгартѣ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Долго думаете здѣсь оставаться?

— Пять-шесть дней, если ваша свѣтлость разрѣшитъ.

— Съ удовольствіемъ, сколько вамъ угодно, и притомъ вамъ будетъ предоставлено апплодировать, сколько угодно.

— Я воспользуюсь этимъ позволеніемъ, ваша свѣтлость!

Казанова тотчасъ расположился вновь и дослушалъ пьесу до конца. По окончаніи спектакля герцогъ всталъ, направился въ ложу своей фаворитки, Гарделло, поцѣловалъ у ней руку, и уѣхалъ домой. Какой-то офицеръ, стоявшій рядомъ съ Казановою, поспѣшилъ разъяснить ему, что это за особа. При этомъ онъ прибавилъ, что, такъ какъ Казанова удостоился вниманія герцога, то имѣетъ возможность доставить себѣ честь — войти въ ложу къ «Madame» и поцѣловать ея руку.

Казанову это разсмѣшило; ему вдругъ пришла въ голову блажная мысль блеснуть передъ офицеромъ, и онъ брякнулъ, что хорошо знаетъ эту особу, потому что она его родственница. Офицеръ почтительно раскланялся съ родственникомъ самой «Madame» и, должно быть, тотчасъ ей объ этомъ передалъ: Казанова видѣлъ, что балерина манитъ его къ себѣ вѣеромъ. Онъ тотчасъ поднялся въ ложу, развязно приложился къ ручкѣ «Madame» и назвалъ ее кузиною.

— А вы такъ и герцогу отрапортовали, что вы мой кузенъ?— спросила красавица.

— Нѣтъ!

— Ну, отлично, объ этомъ ужь я сама позабочусь, а вы завтра приходите ко мнѣ обѣдать.

На другой день Казанова обѣдалъ у фаворитки и имѣлъ довольно комичную схватку съ ея мамашей, которая была чрезвычайно горда возвышеніемъ своей дочки. Она была очень недовольна тѣмъ, что Казанова назвался родственникомъ фаворитки, даже намекнула на то, что родство съ комедіантами для нихъ вовсе не лестно. Отецъ и мать Казановы, какъ уже упомянуто въ родословной нашего героя, были актерами. Казанову больше забавляло, чѣмъ раздражало, это высокомѣріе. Онъ зналъ семью Гарделло, и вспомнилъ, что у матери

фаворитки была сестра, очень извѣстная въ Венеціи слѣпая нищенка, собиравшая милостыню на мосту. Онъ вдругъ съ участіемъ спросилъ расходившуюся матрону, «что, молъ, жива ли ваша сестрица, та самая, которая...» Мамаша кузины сконфузилась, отвернулась и ничего не отвѣтила. Когда Казанова уходилъ, «кузина» позвала его на другой день къ завтраку. Каково же было его изумленіе, когда швейцаръ при выходѣ его изъ дома, остановилъ его и передалъ ему, что его просятъ больше никогда впредь не появляться въ этомъ домѣ. Кто это сдѣлалъ такое распоряженіе? Швейцаръ этого не могъ сказать. Казанова понялъ, что онъ сдѣлалъ большую глупость, и что эта выходка съ «кузиною» ничего не обѣщаетъ ему, кромѣ непріятностей. Онъ рѣшилъ завтра же уѣхать изъ Штутгарта. Но ему суждено было, какъ онъ выражается, громоздить глупость на глупости въ этомъ злополучномъ городѣ.

На другой день, пообѣдавъ у знакомыхъ, которыхъ у него много нашлось въ театральномъ мірѣ, Казанова встрѣтился на улицѣ съ тремя офицерами, которые любезно пригласили его провести съ ними вечеръ въ компаніи веселыхъ дамъ.

— Но, милостивые государи, отговаривался нашъ герой, я знаю по-нѣмецки всего четыре слова, и мнѣ придется скучать въ вашей компаніи.

— Отнюдь нѣтъ, — возражали офицеры. — Въ томъ-то и дѣло, что наши дамы итальянки, и вамъ будетъ весело.

Казановѣ очень не хотѣлось участвовать въ этой компаніи, но онъ постѣснялся и отправился.

Пришли въ какой-то притонъ, гдѣ дѣйствительно оказались дамы, весьма зловѣщей внѣшности. Офицеры тотчасъ начали съ ними дебоширить. Казанова воздерживался, по мѣрѣ возможности, отъ всякаго участія въ общемъ весельи. Ему ужасно хотѣлось уйти, но какая-то ложная деликатность удерживала его. Подали скверный ужинъ. Казанова ничего не ѣлъ, но принужденъ былъ выпить два стакана венгерскаго. И вдругъ онъ почувствовалъ, что сильно пьянъ, даже какъ бы ошеломленъ; вино было едва ли не сдобрено чѣмъ-то. Послѣ ужина одинъ изъ офицеровъ предложилъ играть въ фараонъ. Казанова принялъ участіе въ игрѣ и быстро спустилъ бывшую съ нимъ полсотню луидоровъ. Благородные компаньоны были очень опечалены его проигрышемъ и тотчасъ предложили ему отыграться, открывъ ему неограниченный кредитъ. Началась игра на слово. У Казановы голова была явно не въ порядкѣ, онъ чувствовалъ, что совсѣмъ одурѣлъ, что надо немедленно бросить эту сомнительную компанію и бѣжать безъ оглядки. Но онъ, вопреки глубокому внутреннему убѣжденію, все продолжалъ играть съ слѣпымъ азартомъ и упрямствомъ, и проигралъ сто тысячъ франковъ. Тогда офицеры прекратили игру. Казанова былъ такъ пьянъ, что не держался на ногахъ. Офицеры усадили его въ экипажъ и отправили домой. Дома слуга, раздѣвая его, доложилъ, что его золотые часы и табакерка куда-то исчезли.

На другой день, вставъ и осмотрѣвъ свои карманы, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ сто луидоровъ. Откуда взялись эти деньги, этого онъ не въ силахъ былъ понять. Онъ вспомнилъ, что проигралъ

какую-то громадную сумму, но, по врожденной безпечности не сталъ даже и думать объ этомъ. Онъ еще наканунѣ уговорился прокатиться съ знакомыми въ Лупзбургъ. Поѣздка была очень веселая и продолжалась цѣлый день. Когда вечеромъ онъ вернулся домой, его слуга сказалъ ему, что ходилъ въ тотъ домъ, гдѣ вчера баринъ игралъ, но тамъ ничего не знаютъ о его часахъ и табакеркѣ; затѣмъ, слуга сообщилъ, что приходили трое офицеровъ и обѣщали зайти на другой день къ завтраку.

— Милостивые государи,—говорилъ Казанова на другой день пожаловавшимъ къ нему офицерамъ,—я проигралъ громадную сумму, которую я не въ состояніи уплатить, и которой, безъ сомнѣнія, не продулъ бы, если бы не страшное опьянѣніе, происходившее, несомнѣнно, отъ какого-то яда, положеннаго въ ваше венгерское. Вы завели меня въ какой-то вертепъ, въ которомъ меня обокрали подлѣйшимъ образомъ,—утащили у меня на 300 луидоровъ разныхъ цѣнныхъ вещей. Жаловаться я, конечно, не буду, потому что вполнѣ достоинъ того, чтобы понести возмездіе за собственную глупость.

Офицеры разразились неистовыми протестами, вопили о своей чести, о святости карточнаго долга, сдѣланнаго на честное слово. Казанова вновь рѣшительно заявилъ имъ, что платить этого долга не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія. На этомъ мѣстѣ ихъ объясненія были прерваны внезапно пришедшими въ гости къ Казановѣ его друзьями. Пришлось угощать всю компанію завтракомъ, во время котораго офицеры успѣли пообдумать дѣло и перешепнуться между собою. Когда гости ушли, объясненія возобновились. Офицеры вдругъ проявили самую деликатную уступчивость. Они отдавали должную дань и хмелю, и увлеченію, и перемѣнчивости счастья, и увѣряли нашего героя, что понимаютъ, сколь съ ихъ стороны было бы не хорошо пользоваться преимуществами своего положенія. На этомъ основаніи офицерская компанія соглашалась предать все это дѣло забвенію, если Казанова согласится уступить все, что у него при себѣ имѣется—экипажъ, цѣнныя вещи, лишніе костюмы и пр. Все это будетъ оцѣнено по совѣсти и принято по оцѣнкѣ въ уплату долга, а на остальную сумму Казанова выдастъ вексель—и дѣло съ концомъ. «И разойдемся добрыми друзьями»,— заключили офицеры.

— Я совсѣмъ не желаю дружбы людей, которые меня обираютъ, а платить вамъ не согласенъ никоимъ образомъ.

Офицеры принялись хоромъ грозить Казановѣ, но онъ очень хладнокровно отвѣчалъ имъ:

— Господа, угрозами вы меня не испугаете. Покончить же съ вами дѣло могу, предложивъ вамъ два способа. Первый изъ нихъ— это предоставить рѣшеніе нашего казуса суду, а второй—рѣшить дѣло со шпагами въ рукахъ.

Офицеры отвѣчали, что они не прочь будутъ и зарѣзать его, но не раньше, какъ получивъ съ него долгъ. Затѣмъ они ушли, продолжая грозить и увѣрять Казанову въ томъ, что онъ раскается.

Казанова нисколько не безпокоился за исходъ дѣла и пошелъ куда-то въ гости. Но когда онъ тамъ разсказалъ свою исторію, его знакомые, знавшіе вюртембергскіе порядки, очень обезпокоились за него. Тотчасъ призвали адвоката. Тотъ выслушалъ дѣло и успокоилъ

Казанову. По его словамъ, выходило, что офицерамъ не сдобровать, если это дѣло довести до свѣдѣнія герцога, который не можетъ не дорожить честью своей арміи; а поступокъ его офицеровъ можетъ обезчестить его въ глазахъ всей Европы. Адвокатъ настаивалъ на томъ, чтобы Казанова принесъ жалобу герцогу.

Послѣ нѣкотораго колебанія Казанова рѣшился послѣдовать совѣту адвоката. Онъ отправился во дворецъ и попросилъ аудіенціи. Дежурный офицеръ сказалъ ему, что герцогъ сейчасъ его приметъ. Между тѣмъ, къ этому офицеру вдругъ подошелъ, откуда-то взявшійся, одинъ изъ трехъ офицеровъ-враговъ Казановы. Оба вюртембергца очень долго бесѣдовали по-нѣмецки. Казанова не могъ понять, о чемъ шла рѣчь, но не сомнѣвался, что о немъ. Потомъ дежурный выходилъ куда-то и, возвратившись, объявилъ Казановѣ, что дѣло, за которымъ онъ намѣревается обратиться къ герцогу, уже извѣстно ему, и что по этому дѣлу будетъ постановлено надлежащее рѣшеніе.

Между тѣмъ, одна изъ знакомыхъ съ Казановою актрисъ познакомила его съ австрійскимъ посланникомъ. Узнавъ исторію Казановы, посланникъ посовѣтовалъ ему написать прошеніе на имя герцога и обѣщалъ передать это прошеніе. Казанова тутъ же написалъ его и передалъ посланнику. Затѣмъ онъ провелъ весь тотъ день у актрисы. Вечеромъ къ ней прибѣжалъ его слуга и сказалъ, что въ гостинницу приходилъ офицеръ, спрашивалъ Казанову и, не заставъ его, распорядился поставить у дверей гостинницы двухъ солдатъ. Ясно было, что Казанову собирались арестовать.

Тогда его пріятельница и австрійскій посолъ рѣшили, чтобы Казанова не возвращался къ себѣ въ гостинницу, а оставался у актрисы. Она была фавориткою австріяка, и такъ какъ квартира принадлежала ему, то всѣ, находившіеся въ ней, состояли какъ бы подъ сѣнью австрійскаго флага. Это была довольно надежная защита, но ненадолго. Черезъ три дня австріецъ получилъ письмо отъ министра, въ которомъ тотъ просилъ его—выдать проживавшаго въ его домѣ Казанову; онъ долженъ явиться въ качествѣ отвѣтчика передъ судомъ. Этому требованію нельзя было не покориться. Казанова вновь перебрался въ свою гостинницу, и какъ только вступилъ въ свой номеръ, его тотчасъ потребовали къ слѣдователю. Казанова битыхъ два часа подробно разсказывалъ ему всю исторію полатыши, а слѣдователь записывалъ его показанія въ протоколѣ, конечно, по-нѣмецки. Когда протоколъ былъ оконченъ, нѣмецъ велѣлъ Казановѣ подписать его, но тотъ на-отрѣзъ отказался, такъ какъ, не понимая по-нѣмецки, не могъ прочесть, что тамъ такое было написано.

Въ тотъ же день къ нему явился офицеръ, хорошо говорившій по-французски. Онъ объявилъ Казановѣ, что пришелъ отобрать у него шпагу, такъ какъ, по повелѣнію герцога, онъ подвергается домашнему аресту. Дѣло принимало весьма тревожный и видимо неблагопріятный для нашего героя оборотъ. Казанова тотчасъ написалъ своему адвокату, прося его приняться за дѣло повнимательнѣе.

Между тѣмъ австрійскій посолъ далъ знать Казановѣ, что герцогъ уѣхалъ изъ Штутгарта и что передъ отъѣздомъ онъ далъ слово офицерамъ «не вмѣшиваться въ ихъ дѣло съ Казановою». Это означало,

ни болѣе ни менѣе, что по дѣлу будетъ постановленъ приговоръ прямо въ интересахъ офицеровъ. Посланникъ такъ и понималъ и потому совѣтовалъ Казановѣ немедленно удовлетворить офицеровъ, продавъ все, что у него было съ собою; иначе можетъ выйти гораздо хуже. Казановѣ было надъ чѣмъ призадуматься. Правда, у него было съ собою однихъ только брилліантовъ тысячъ на сто франковъ и хватило бы, чѣмъ уплатить долгъ. Но такая развязка исторіи представлялась ему чудовищно несправедливою. Пока онъ терзался, пожираемый нерѣшительностью, къ нему прибѣжалъ встревоженный адвокатъ. Онъ сообщилъ потрясающія новости.

— Что я ни дѣлалъ, какъ ни хлопоталъ,—говорилъ адвокатъ,—все это ни къ чему не повело. Противъ васъ выступаетъ какая-то стакнувшаяся клика, очевидно, заручившаяся поддержкою свыше, такъ что о правильномъ правосудіи въ вашемъ дѣлѣ нечего и думать. Я спѣшилъ предупредить васъ объ этомъ. Постарайтесь во что бы то ни стало покончить дѣло съ этими мошенниками полюбовно, иначе вы погибли. Судопроизводство будетъ только для виду; вы иностранецъ и съ вами церемониться не станутъ. Я знаю, что они подстроили свидѣтелей, которые покажутъ, что знаютъ васъ за профессіональнаго игрока, что вы сами заманили офицеровъ къ вашимъ соотечественницамъ, извѣстнымъ публичнымъ женщинамъ, что никто васъ ничѣмъ не опаивалъ, что никто не кралъ у васъ часовъ и табакерки и что эти вещи навѣрное найдутся у васъ при обыскѣ, котораго вы должны ожидать съ часу на часъ. Къ вамъ придутъ, перероютъ ваши чемоданы, шкатулки, вывернутъ ваши карманы. Всѣ ваши вещи отнимутъ и продадутъ съ аукціона. Если вырученной суммы хватитъ на уплату вашего долга, то это еще слава Богу; если же не хватитъ, васъ самихъ заберутъ въ солдаты. Они уже и теперь посмѣиваются и поздравляютъ герцога съ пріобрѣтеніемъ такого рослаго и виднаго солдата.

Казанова буквально окаменѣлъ при этомъ извѣстіи; онъ не замѣтилъ даже, какъ вышелъ отъ него адвокатъ. Его точно клещами сжала одна неотвязная мысль: онъ, Казанова,—солдатъ, пушечное мясо виртембергскаго герцога, извѣстнѣйшаго торговца этимъ товаромъ, всеевропейскаго поставщика живого мяса! Нѣтъ, этому не бывать! Надо что-нибудь придумать, надо хоть, по крайней мѣрѣ, и прежде всего, выиграть время.

Казанова тотчасъ придумалъ планъ, чтобы оттянуть время. Онъ написалъ два письма: одно изъ нихъ къ офицеру, его главному кредитору, съ просьбою пожаловать для переговоровъ, а другое—къ полиціймейстеру съ просьбою прислать къ нему оцѣнщика его вещей. Въ этомъ послѣднемъ письмѣ Казанова не поскупился пріукрасить главу герцогской полиціи самыми пышными титулами, взывалъ къ его великодушію, говорилъ, что на него вся надежда, и т. д. Оба письма тотчасъ возымѣли дѣйствіе. Прежде всего пришелъ офицеръ. Казанова принялъ его въ постели; его трепала лихорадка. Офицеръ тотчасъ ударился въ чувствительность, жалѣлъ, ахалъ; онъ сообщилъ Казановѣ, что уже видѣлся съ полиціймейстеромъ и знаетъ, что Казанова писалъ тому.

— Это самое благоразумное, что вы могли предпринять,—гово-

рилъ онъ.—Лучше всего намъ покончить дѣло миромъ. Мы можемъ все это сейчасъ же и порѣшить; я имѣю полномочія отъ своихъ друзей.

Но Казанова началъ умолять его, чтобы онъ уважилъ его единственную усерднѣйшую просьбу явиться для переговоровъ всѣмъ вмѣстѣ. Офицеръ отвѣчалъ, что это можно, но что изъ-за этого придется отложить переговоры, такъ какъ офицеры дежурятъ поочередно, и раньше какъ черезъ четыре дня не будутъ свободны всѣ сразу. Казанова чуть не подпрыгнулъ отъ радости. Ему этого и надо было. Четыре дня! Да въ это время мало ли что можно придумать и предпринять.

Послѣ офицера явился очень благообразный господинъ, хорошо говорившій по-итальянски. Это былъ оцѣнщикъ, присланный полиціймейстеромъ. Съ этимъ дѣло отлично уладилось. Казанова пообѣщалъ ему въ награду за усердіе 50 луидоровъ, и оцѣнщикъ взялся все такъ подстроить, что офицеры удовлетворятся половиною всей суммы. Казанова далъ ему небольшой задатокъ, и они разстались пріятелями.

Дѣло теперь выяснилось. У Казанова были впереди четыре дня. Надо было воспользоваться этимъ временемъ и бѣжать. Процедура бѣгства его ни малѣйшимъ образомъ не затрудняла. Бѣжалъ же онъ изъ свинчатки, и то было дѣйствительно трудно, даже, повидимому, невозможно. А какое можетъ быть затрудненіе при бѣгствѣ изъ гостинницы, особенно при пособіи преданныхъ друзей и слуги!

Однако, все же надо было хорошенько обдумать предпріятіе. Онъ былъ въ гостинницѣ подъ домашнимъ арестомъ. Его номеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ: чистой, гдѣ онъ самъ помѣщался, и передней, гдѣ помѣщался его лакей, а со времени ареста—и солдатъ-часовой. Этотъ послѣдній дежурилъ весь день, а когда Казанова ложился спать, онъ запиралъ дверь на ключъ, а самъ уходилъ; утромъ же опять являлся. Казанова тотчасъ обдумалъ планъ своего бѣгства, который удался ему безъ всякаго затрудненія. Но прежде всего онъ созвалъ своихъ друзей и просилъ у нихъ совѣта, какъ поступить съ своими вещами. Надо было забрать все съ собою, кромѣ кареты, которая, разумѣется, останется въ жертву кредиторовъ.

Съ вещами сейчасъ же придумали какъ быть. Друзья Казановы захватили ихъ съ собою и вынесли. Послѣ еще приходили не одинъ разъ и каждый разъ понемногу выносили то одно, то другое. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ дней всѣ вещи Казановы были перенесены въ домъ его пріятельницы-актрисы, жившей около самаго городского рва. Его чемоданы и шкатулки, конечно, должны были остаться въ номерѣ. Равнымъ образомъ оставался въ гостинницѣ и его слуга, которому не угрожало серьезной отвѣтственности и который долженъ былъ потомъ присоединиться къ Казановѣ въ условномъ мѣстѣ.

Бѣгство состоялось ночью. Вотъ какъ распорядился при этомъ Казанова, разумѣется, заранѣе условившись во всемъ со своимъ вѣрнымъ слугою. Казанова при наступленіи ночи сдѣлалъ видъ, что укладывается спать; самъ же держался наготовѣ, одѣтый и готовый выйти въ удобный, заранѣе обдуманный и подготовленный моментъ. Постель была изготовлена какъ слѣдуетъ, на подушкѣ Казанова приладилъ свой парикъ и уложилъ одѣяло такъ, чтобы, въ случаѣ, если часовой вздумалъ бы заглянуть къ своему узнику, то увидѣлъ бы, что и

кровати кто-то спитъ. Когда Казанова, по предложенію солдата-часового, уже улегся, тотъ собрался было уходить, но слуга Казановы предложилъ ему распить бутылочку. Солдатъ охотно принялъ приглашеніе: Казанова и раньше всегда угощалъ его. И вотъ въ то время, какъ они бражничали, слуга Казановы началъ снимать со свѣчки нагаръ и нечаянно потушилъ ее! Спичекъ не было, надо было выйти чуть ли не въ кухню, чтобы добыть огня; передняя въ это время оставалась въ потемкахъ. Вотъ на этотъ-то моментъ и разсчитывалъ Казанова. Пока ходили за огнемъ, онъ преспокойно вышелъ изъ номера, прошмыгнулъ въ выходную дверь и направился къ своей пріятельницѣ-актрисѣ, гдѣ его ожидали, давно уже все подготовивъ для его дальнѣйшаго путешествія. Всѣ его вещи были тщательно уложены въ чемоданы, а чемоданы положены въ карету, которая ждала въ 400 шагахъ отъ дома, у кабачка, расположеннаго за городскимъ валомъ и рвомъ. Казанова наскоро распрощался съ своими друзьями. Какъ уже сказано, домъ его пріятельницы находился у самаго городского вала. Съ этой стороны Казанова и вышелъ изъ дому. Но дверей тутъ не было, и его спустили по веревкѣ черезъ окно. На днѣ рва, стоя въ грязи по колѣно, его ждалъ одинъ изъ пріятелей; онъ принялъ бѣглеца въ свои объятія и провелъ его къ кабачку, гдѣ ждала карета. Въ каретѣ сидѣлъ вѣрный слуга этого же пріятеля, а ямщикъ зашелъ въ кабачекъ и выпивалъ тамъ въ ожиданіи отъѣзда. Казанова сѣлъ въ карету на мѣсто этого лакея, а тотъ удалился вслѣдъ съ своимъ бариномъ. Онъ сидѣлъ и ждалъ минуты двѣ-три. Наконецъ, раздался голосъ ямщика, спрашивавшаго, когда же, молъ, мы тронемся въ путь.

— Садись на козлы и валяй во весь духъ прямо въ Тюбингенъ, не перемѣняя коней въ Вильденбрухѣ,—скомандовалъ ему Казанова.

Ямщикъ очень удивился и съ любопытствомъ заглянулъ въ экипажъ. Что за чудо? Раньше былъ въ экипажѣ совсѣмъ другой человѣкъ, другого вида, съ другимъ голосомъ. Ямщикъ громко высказалъ свое недоумѣніе. Казанова расхохотался ему въ отвѣтъ.

— Ты совсѣмъ пьянъ, дружище!—сказалъ онъ ему съ хохотомъ.— Ну, садись, садись, вотъ, на тебѣ на водку, да поѣзжай живо!

И онъ сунулъ ямщику въ руку весьма крупную мзду, которая сразу разсѣяла у мужика всѣ недоумѣнія. Карета понеслась во всю прыть. Къ разсвѣту Казанова былъ въ Фюрстенбергѣ, за предѣлами Вюртемберга, въ полной безопасности.

Черезъ три дня явился, наконецъ, и его вѣрный испанецъ, Ледюкъ. Онъ прежде всего со страхомъ сообщилъ Казановѣ, что офицеры бѣснуются, что всѣ знаютъ, гдѣ находится Казанова, и что его тутъ непремѣнно убьютъ, если онъ не бѣжитъ тотчасъ же.

— Ну, ну ,трусъ!—прервалъ его Казанова.—Успокойся, и разскажи лучше, что тамъ у васъ произошло послѣ моего отъѣзда.

Ледюкъ отдалъ барину подробный отчетъ обо всемъ. Когда Казанова выскользнулъ изъ комнаты, Ледюкъ съ часовымъ снова зажгли свѣчу и стали допивать бутылку. Потомъ Ледюкъ сказалъ солдату, что баринъ улегся и спитъ. Часовой заперъ дверь на ключъ, даже и не заглянувъ въ комнату, распростился съ Ледюкомъ и ушелъ. На утро солдатъ былъ на своемъ посту въ девять часовъ утра. Ледюкъ сказалъ ему, что баринъ еще спитъ. Черезъ часъ пришли и трое офи-

церовъ для окончательныхъ переговоровъ. Ледюкъ и имъ сказалъ тоже самое, спитъ еще. Офицеры приказали Ледюку, чтобы онъ извѣстилъ ихъ, когда Казанова встанетъ. Въ 12 часовъ они снова явились.— «Спитъ?»—«Все еще спитъ!» Но на этотъ разъ офицеры ничему не вняли и приказали часовому отворить дверь. На подушкѣ, какъ уже сказано, былъ положенъ парикъ, а сверхъ парика одѣтъ ночной колпакъ. Надо полагать, что поддѣлка была сдѣлана очень искусно, потому что офицеры вдались въ обманъ даже при дневномъ свѣтѣ. Они приняли парикъ Казановы за самого Казанова, подошли къ нему, вѣжливо раскланялись, спросили о здоровьѣ. Но парикъ безмолствовалъ на ихъ любезности. Одинъ изъ офицеровъ, полагая, что Казанова все еще спитъ, рѣшился тронуть его за плечо; одѣяло тотчасъ провалилось подъ рукою, а парикъ съ колпакомъ покатился на полъ! Ледюкъ не могъ сдержать хохота и закатился во все горло.

— А!—накинулись на него офицеры,—ты хохочешь, негодяй! Говори, гдѣ твой баринъ?

Офицеры занесли было надъ головою Ледюка свои трости, но тотъ сейчасъ же предупредилъ ихъ, что если они вздумаютъ его тронуть, то онъ будетъ защищаться, и самъ ухватилъ дубину. Насчетъ же барина отозвался полнымъ невѣдѣніемъ. Да и съ какой стати ему караулить барина, когда къ нему былъ приставленъ казенный караульный. «Съ него и спрашивайте!» заключилъ Ледюкъ.

Солдатъ началъ божиться, что плѣнникъ выпрыгнулъ въ окно; его отправили въ карцеръ. Между тѣмъ на шумъ вошелъ хозяинъ. Онъ тотчасъ бросился къ чемоданамъ и шкатулкамъ и, найдя ихъ пустыми, сейчасъ же успокоился на томъ, что въ обезпеченіе платы за номеръ у него осталась карета жильца. Приступили опять съ разспросами къ Ледюку, но тотъ заладилъ одно: знать ничего не знаю, и его бросили. Порѣшили, наконецъ, что плѣнникъ бѣжалъ въ окно и что часовой не виноватъ. Ледюка засадили въ тюрьму, но и тамъ отъ него ничего не добились. Его порядкомъ вздули, но беззаботный испанецъ не особенно этимъ огорчался. Въ концѣ концовъ принуждены были его выпустить.

ГЛАВА XVIII.

Путешествіе Казановы по Швейцаріи.—Его встрѣча въ Женевѣ съ Вольтеромъ.—Его бесѣды съ знаменитымъ философомъ.

Тотчасъ по прибытіи Ледюка и выслушаніи его отчета Казанова снялся съ якоря и пустился въ дальнѣйшій путь. Онъ направился въ Швейцарію—черезъ Шафгаузенъ въ Цюрихъ.

Въ виду его многочисленныхъ, но ничѣмъ особеннымъ не замѣчательныхъ приключеній въ Швейцаріи мы отмѣтимъ только одну странную идею, овладѣвшую имъ въ Цюрихѣ. Очутившись съ такою внезапностью въ городѣ, куда онъ и не думалъ совсѣмъ направляться и куда попалъ Богъ вѣсть какими судьбами, онъ внезапно задумался надъ своимъ положеніемъ. Онъ вспомнилъ всю свою жизнь, разобралъ все свое поведеніе, и вдругъ почувствовалъ самыя острыя угрызенія совѣсти. Онъ вспомнилъ, что судьба постоянно благоволила къ нему превыше его за-

слугъ, а онъ всегда только и дѣлалъ, что самъ разрушалъ свое счастье. Вотъ хоть бы послѣднее приключеніе въ Штутгардтѣ: изъ-за собственной глупости онъ едва не поплатился всѣмъ своимъ состояніемъ! и Онъ тутъ же далъ себѣ слово впредь вести себя хорошо. Онъ подсчиталъ свое имущество и оказался обладателемъ доброй сотни тысячъ экю. Этого совершенно достаточно, чтобы обезпечить себѣ спокойное существованіе вдали отъ всякихъ превратностей. «Мнѣ надо полный миръ, полный душевный покой,—мечталъ онъ,—въ немъ только я и буду счастливъ!»

Онъ заснулъ съ этими мыслями и видѣлъ прелестные сны. Утромъ онъ проснулся все еще подъ властью этой мысли о покоѣ и душевномъ мирѣ. Онъ вышелъ изъ дому и пошелъ, куда глаза глядятъ, безъ опредѣленной цѣли. Увидѣвъ передъ собою какую-то церковь, онъ вошелъ въ нее. Его встрѣтилъ настоятель, который показалъ ему всю церковь и, между прочимъ, слѣдъ стопы, оставленной по преданію самимъ Христомъ Спасителемъ, лично свѣтившимъ эту церковь. Это была мѣстная легенда, которая привлекала въ тотъ храмъ (Эйнзидельской Богоматери) множество паломниковъ. Потомъ онъ разговорился съ настоятелемъ, былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ и подивился роскошному столу и тонкимъ винамъ почтеннаго аббата.

Послѣ обѣда бесѣда у нихъ затянулась, и вотъ, должно быть, подъ вліяніемъ настроенія, навѣяннаго вчерашними размышленіями, Казанову вдругъ одолѣла настойчивая мысль сдѣлаться монахомъ!.. Онъ съ трудомъ удержался, чтобы тотчасъ не изъявить своего желанія настоятелю. Въ концѣ концовъ онъ одолѣлъ таки свою прыть и попросилъ только настоятеля исповѣдовать его. Состоялась торжественная исповѣдь, потомъ, на другой день, торжественное причащеніе. Нашъ герой окончательно настроился на благочестивый ладъ. И это настроеніе упорно держалось въ немъ нѣкоторое время. Еще два-три дня, и, кто знаетъ, Казанова, пожалуй, приступилъ бы къ осуществленію своей блажи. Но лукавый не дремалъ и уже готовилъ нашему герою ловушку.

Въ гостинницу, гдѣ онъ стоялъ, вдругъ явилась какая-то прелестная путешественница. Казанова увидалъ ее, ахнулъ, и благочестивымъ его мыслямъ пришелъ конецъ.

Здѣсь мы пропускаемъ цѣлый рядъ его дальнѣйшихъ, не имѣющихъ никакого общаго интереса похожденій и перейдемъ къ его встрѣчѣ съ Вольтеромъ въ Женевѣ, которую онъ описываетъ съ большими подробностями. Вольтеръ поселился около Женевы, въ усадьбѣ «Delices», въ 1755 году. Казанова прибылъ въ Женеву въ августѣ 1760 года. Онъ зналъ, что Вольтеръ жилъ тамъ, и употребилъ всѣ усилія, чтобы съ нимъ познакомиться. У него нашелся знакомый, который повелъ его къ Вольтеру и представилъ ему.

Великій мыслитель только-что всталъ изъ-за стола, когда Казанова и его спутникъ явились къ нему. Онъ былъ окруженъ, словно придворнымъ штатомъ, толпою кавалеровъ и дамъ. Благодаря такой обстановкѣ, представленіе Казановы отличалось какою-то особою торжественностью.

— Это самый прекрасный моментъ моей жизни, г. Вольтеръ!—такими словами нашъ герой привѣтствовалъ своего хозяина.—Я уже двадцать лѣтъ какъ сталъ вашимъ ученикомъ, и мое сердце наполняется радостью и счастьемъ при лицезрѣніи моего дорогого учителя.

— Monsieur,—сострилъ Вольтеръ ему въ отвѣтъ,—почитайте меня еще 20 лѣтъ и по истеченіи этого времени принесите мнѣ плоды этого почтенія.

Мы даемъ здѣсь лишь приблизительный переводъ веселаго каламбура, сказаннаго Вольтеромъ, который игралъ словами honorer (почитать) и honoraire (гонораръ, награда), («Honorez moi encore pendant 20 ans et promettez moi au bout de ce temps de m'apporter mes honoraires»).

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Казанова,—если только вы будете меня ждать до тѣхъ поръ.

Тѣмъ временемъ Вольтеру представили еще двухъ англичанъ. Раскланиваясь съ ними, Вольтеръ вдругъ сказалъ, что хотѣлъ бы самъ быть англичаниномъ. Это произвело непріятное впечатлѣніе на Казанову; такая любезность показалась ему фальшивою и неумѣстною, англичанамъ на это приходилось отвѣтить, что они хотѣли бы быть французами, чтобы отплатить любезностью за любезность. Впрочемъ, существуетъ извѣстный анекдотъ объ англійскомъ матросѣ, который на точно такія же слова француза отвѣчалъ, что если бы онъ не былъ англичаниномъ, то желалъ бы имъ быть.

Вслѣдъ затѣмъ Вольтеръ опять обратился къ Казановѣ.

— Вы венеціанецъ,—сказалъ онъ ему,—и потому навѣрное знаете графа Альгаротти.

Этотъ Альгаротти былъ въ свое время весьма извѣстный ученый, литераторъ, философъ. Вольтеръ не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ произведеніяхъ; онъ очень уважалъ его.

— Я знаю Альгаротти,—отвѣтилъ Казанова,—но зналъ его не въ качествѣ венеціанца, потому что добрыхъ семь восьмыхъ моихъ милыхъ соотечественниковъ и не подозрѣваютъ о его существованіи.

— Вы должны его знать въ качествѣ писателя.

— Я провелъ съ нимъ два мѣсяца въ Падуѣ семь лѣтъ тому назадъ. Онъ особенно врѣзался мнѣ въ памяти тѣмъ, что высказывалъ величайшее уваженіе къ г. Вольтеру.

— Это очень лестно для меня, но Альгаротти нѣтъ надобности быть чьимъ бы то ни было почитателемъ, чтобы заслуживать всеобщее уваженіе.

— Еслибъ онъ не началъ съ уваженія къ авторитету, то, быть можетъ, и самъ не пріобрѣлъ бы извѣстности. Альгаротти былъ первымъ почитателемъ Ньютона въ Италіи и сумѣлъ такъ популяризовать его, что даже дамы заговорили о теоріяхъ Ньютона.

— Ему это удалось?

— Удалось, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Фонтенелю въ его бесѣдахъ о «Многочисленности міровъ».

— Если вы встрѣтите его въ Болоньѣ, прошу васъ, передайте ему, что я ожидаю отъ него писемъ о Россіи. Пусть онъ ихъ перешлетъ въ Миланъ моему банкиру Біанки, для передачи мнѣ.

— Непремѣнно передамъ, если увижу его.

— Мнѣ сказывали, что итальянцы недовольны его стилемъ?

— Это возможно; его языкъ страдаетъ страшнымъ обиліемъ галлицизмовъ.

— Но развѣ французскіе обороты не скрашиваютъ вашего языка?

— Напротивъ, отъ нихъ онъ становится невыносимъ, это все ровно, какъ если бы начинить французскую рѣчь итальянскими или нѣмецкими оборотами, хотя бы на этой тарабарщинѣ писалъ даже и самъ Вольтеръ.

— Вы правы; конечно, слѣдуетъ писать чистымъ языкомъ. Вотъ тоже критикуютъ Тита Ливія; говорятъ, что его языкъ отзывается нечистымъ сѣвернымъ нарѣчіемъ.

— Когда я началъ изучать латынь, аббатъ Ладзарини, помнится, говорилъ мнѣ, что предпочитаетъ Тита Ливія Саллюстію.

— Аббатъ Ладзарини? авторъ трагедіи «Улиссъ юноша»? Вы должно быть въ то время были еще совсѣмъ молоды. Я хотѣлъ бы быть съ нимъ знакомымъ. Я, впрочемъ, зналъ аббата Конти, который былъ другомъ Ньютона и котораго четыре трагедіи обнимаютъ всю римскую исторію.

— Я его зналъ и очень уважалъ. Я былъ молодъ, но понималъ, какая честь для меня быть принятымъ въ кругу этихъ великихъ людей. Мнѣ представляется, что все это было вчера, хотя прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ. И теперь въ вашемъ присутствіи мое ничтожество передъ ними нисколько меня не унижаетъ: я охотно соглашаюсь быть младшимъ въ человѣчествѣ.

— И вы были бы, безъ сомнѣнія, счастливѣе, чѣмъ еслибъ были старшиной человѣчества. Смѣю спросить васъ, какому роду литературы вы посвящаете ваши труды?

— Никакому. Но со временемъ, быть можетъ, и посвящу себя литературѣ. Пока я только читаю, учусь, да путешествую и по дорогѣ развлекаюсь изученіемъ человѣка.

— Это хорошее средство, чтобы его узнать. Только эта книга слишкомъ обширна. Гораздо легче достигнуть той же цѣли, изучая исторію.

— Конечно, если бы только она не лгала. А то нѣтъ возможности быть увѣреннымъ въ фактахъ. Вдобавокъ исторія—скучная вещь, а во время скитаній по бѣлому свѣту развлекаешься. Горацій, котораго я знаю наизусть, служитъ мнѣ путеводителемъ.

— Вотъ и Альгаротти тоже набилъ себѣ голову Гораціемъ. Вы, конечно, любите поэзію?

— Это моя страсть.

— А сами вы много написали сонетовъ?

— Десять или двѣнадцать такихъ, которые мнѣ самому нравятся и, пожалуй, тысячи двѣ или три такихъ, которыхъ я и самъ не читаю.

— Итальянцы безъ ума отъ сонетовъ.

— Да, у насъ сильно развита эта наклонность изливать мысли въ гармонической формѣ. Сонетъ—вещь трудная; надо уложить какую бы то ни было мысль непремѣнно въ четырнадцати строфахъ, не укорачивая и не растягивая ея.

— Настоящее Прокустово ложе! Отъ этого-то у васъ и мало хорошихъ сонетовъ. У насъ ихъ не пишутъ, но таково уже свойство нашего языка.

— И свойство вашего французскаго генія. Вообще принято думать, что растянутая мысль должна утратить свою силу и свой блескъ.

— А вы развѣ съ этимъ не согласны?

— Извините, дѣло въ томъ, какова идея. Острое слово, напримѣръ, недостаточно для сонета; оно какъ въ итальянскомъ, такъ и во французскомъ языкѣ годится только для эпиграммы.

— Кто у васъ самый любимый изъ итальянскихъ поэтовъ?

— Аріосто. Я не могу даже сказать, что люблю его больше другихъ, потому что это единственный поэтъ, котораго я люблю.

— Но, однако же, вы знакомы и съ другими?

— Я, кажется, всѣхъ читалъ, но всѣ они блѣдны передъ Аріосто. Когда пятнадцать лѣтъ тому назадъ я прочелъ всѣ ваши неблагопріятные отзывы о немъ, я сказалъ себѣ, что вы непремѣнно перемѣните ваше мнѣніе, когда хорошенько перечитаете его.

— Покорно васъ благодарю, вы думаете, что я его вовсе не читалъ! Нѣтъ, я читалъ его, но я былъ молодъ, я зналъ итальянскій языкъ слишкомъ поверхностно и вдобавокъ былъ пропитанъ предубѣжденіями итальянскихъ критиковъ, почитателей Тассо. Вотъ тогда-то я и имѣлъ несчастіе высказать мнѣнія, которыя, конечно, считалъ за свои собственныя, но которыя на самомъ дѣлѣ были только эхомъ чужихъ, повліявшихъ на меня взглядовъ. Я обожаю вашего Аріосто.

— Ахъ, г. Вольтеръ, вы дали мнѣ свободно вздохнуть! Только ради Бога, распорядитесь изъять изъ обращенія ту книгу, въ которой вы такъ зло осмѣяли этого великаго человѣка.

— Э, къ чему это, когда и безъ того всѣ мои книги изъяты изъ обращенія. А вотъ лучше я сейчасъ покажу вамъ, до какой степени я измѣнилъ свой взглядъ на Аріосто.

И къ великому изумленію Казановы, Вольтеръ началъ читать наизусть, въ подлинникѣ, отрывки изъ 34 и 35 пѣсни поэмы Аріосто, именно тѣ мѣста, гдѣ происходятъ бесѣды Астольфа съ апостоломъ Іоанномъ. Вольтеръ читалъ вѣрно, точно, не пропуская ни одного стиха, не дѣлая ни одной ошибки въ произношеніи стиховъ. Потомъ онъ ярко выставилъ всѣ прелести Аріостовскаго стиха. Казанова былъ внѣ себя отъ удивленія. Это была настоящая лекція объ Аріосто, съ учеными комментаріями, которая сдѣлала бы честь любому итальянскому ученому критику.

— Я изумленъ,—воскликнулъ онъ,—и я оповѣщу о моемъ изумленіи всю Италію!

— А я, въ свою очередь,—сказалъ Вольтеръ,—оповѣщу всю Европу о томъ, что считаю себя обязаннымъ возстановить значеніе одного изъ величайшихъ геніевъ, какихъ она произвела.

По окончаніи чтенія г-жа Дени, племянница Вольтера, спросила Казанову, что онъ думаетъ о цитированныхъ мѣстахъ поэмы, считаетъ ли ихъ самыми лучшими.

Казанова отвѣчалъ, что эти мѣста прекрасны, но не самыя лучшія, и на вопросъ Вольтера, какое мѣсто поэмы онъ считаетъ самымъ блестящимъ, онъ отвѣчалъ.

— Тридцать шесть послѣднихъ стансовъ 23-й пѣсни, въ которыхъ поэтъ описываетъ, какъ Роландъ сходитъ съ ума. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, никто еще не зналъ, какъ именно люди сходятъ съ ума, кромѣ Аріосто, который самъ помѣшался къ концу своей жизни. Эти стансы производятъ ужасающее впечатлѣніе, и вы сами, г. Вольтеръ, я увѣренъ въ томъ, читали ихъ съ трепетомъ.

— Да, я вспоминаю эти стихи. Они внушаютъ ужасъ къ чувству любви. Надо будетъ ихъ перечитать.

Г-жа Дени предложила Казановѣ прочесть это мѣсто и онъ изъявилъ согласіе.

— А вы дали себѣ трудъ даже выучить это мѣсто наизусть?— спросилъ его Вольтеръ.

— Скажите лучше удовольствіе, потому что какой же это трудъ? Начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, я рѣдкій годъ не прочитывалъ Аріосто по два и по три раза. Это обратилось у меня въ настоящую страсть, и нѣтъ ничего мудренаго, что поэма отчеканилась у меня въ памяти механически, безъ малѣйшаго усилія. Я знаю ее всю, за исключеніемъ развѣ только длинныхъ родословныхъ, да историческихъ тирадъ, и утомительныхъ и не затрогивающихъ сердца. Изъ другихъ поэтовъ я съ такимъ же рвеніемъ читалъ только Горація; но его посланія часто имѣютъ самый прозаическій оборотъ, такъ что въ этомъ отношеніи даже Буало стоитъ выше его.

Племянница Вольтера приступила къ Казановѣ съ настойчивою просьбою прочесть тѣ 36 стиховъ Аріосто, которые нашъ герой считалъ лучшими въ его знаменитой поэмѣ. Казанова началъ свою декламацію. На него это мѣсто поэмы всегда производило большое впечатлѣніе, на этотъ же разъ особенность обстановки подѣйствовала на него до такой степени, что при послѣднемъ стихѣ онъ и самъ не могъ сдержать хлынувшихъ слезъ, да и всѣ слушатели расчувствовались и плакали, даже рыдали. Вольтеръ съ жаромъ обнялъ искуснаго декламатора.

— Я всегда утверждалъ,—проговорилъ Вольтеръ,—что весь секретъ, чтобы заставить людей плакать, состоитъ въ томъ, чтобы самому заплакать. Только надо, чтобы слезы были искреннія, настоящія, чтобы душа была глубоко растрогана. Благодарю васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Казановѣ и снова обнимая его,—и обѣщаю завтра же продекламировать вамъ это мѣсто и расплакаться такъ же, какъ вы сегодня.

И онъ сдержалъ слово.

— Странно,—замѣтила г-жа Дени (племянница Вольтера), что столь нетерпимый Римъ до сихъ поръ не занесъ пѣвца Ролана въ свой «Index» (списокъ запрещенныхъ книгъ).

— Наоборотъ,—замѣтилъ Вольтеръ, — Левъ X учредилъ эту мѣру, заранѣе предавъ отлученію всякаго, кто осмѣлится осудить Аріосто. Двѣ аристократическихъ фамиліи—Медичи и д'Эсте были въ свою очередь заинтересованы въ томъ, чтобы защищать его. А безъ этого покровительства достаточно было бы, напримѣръ, одного стиха, въ которомъ поэтъ допустилъ слова: «puzza forte» (страшная вонь), чтобы вся поэма подверглась запрету.

— Я думаю, — замѣтилъ въ свою очередь Казанова,—что больше всего ропота возбудилъ тотъ стихъ Аріосто, въ которомъ онъ высказываетъ сомнѣніе въ воскресеніи людей и въ кончинѣ міра. Онъ описываетъ, какъ Африканъ толкаетъ пустынника на камень; тотъ разбивается на смерть и остается лежать какъ бы въ снѣ, отъ котораго пробудится «можетъ быть» только въ день судный. Это «можетъ быть», вставленное сюда, просто какъ реторическое украшеніе или какъ дополненіе къ мѣрѣ стиха, возбудило много криковъ; самъ поэтъ, если бы

былъ живъ, немало посмѣялся бы надъ этими возгласами негодованія.

— А жаль, — замѣтила г-жа Дени,—что Аріосто часто прибѣгаетъ къ такимъ реторическимъ фигурамъ.

— Перестанте, пожалуйста,—прервалъ ее Вольтеръ,—всѣ эти фигуры у него полны ума и соли. Все это блестки, которыми его изящный вкусъ украсилъ его произведеніе.

Послѣ того говорилось еще о многомъ, преимущественно о литературѣ. Узнавъ отъ Казанова, что онъ недавно участвовалъ гдѣ-то въ любительскомъ спектаклѣ, Вольтеръ предложилъ ему устроить такой же спектакль съ его участіемъ. Казанова отвѣчалъ, что собирается немедленно покинуть Женеву. Вольтеръ горячо протестовалъ, заявилъ, что сочтетъ себя обиженнымъ, если Казанова не продлитъ своего визита, по крайней мѣрѣ, на недѣлю.

— Я пріѣхалъ въ Женеву, — отвѣчалъ ему Казанова, — чтобы имѣть честь видѣть васъ. Теперь, добившись этой чести, я не имѣю больше надобности оставаться здѣсь.

— Да вы зачѣмъ пріѣхали? Чтобы самому сказать мнѣ что-нибудь или чтобы меня послушатъ?

— Конечно, затѣмъ, чтобы говорить съ вами, но, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы послушать васъ.

— Коли такъ, останьтесь хоть дня на три, и ходите ко мнѣ каждый день обѣдать, мы и поговоримъ вволю.

Приглашеніе было сдѣлано такъ настойчиво и такъ лестно для Казановы, что онъ не могъ отказаться. Вернувшись домой, онъ, по его увѣренію, тотчасъ записалъ свою бесѣду съ Вольтеромъ, по свѣжей памяти, во всѣхъ подробностяхъ.

На другой день Казанова обѣдалъ у Вольтера. За обѣдомъ философъ зовелъ рѣчь о венеціанскомъ правительствѣ, вѣроятно, въ предположеніи, что Казанова, какъ человѣкъ, пострадавшій отъ притѣсненія, будетъ роптать. Но Казанова, наоборотъ, принялся съ жаромъ доказывать, что нѣтъ другой страны въ мірѣ, гдѣ царила бы такая широкая свобода, какъ въ Венеціанской республикѣ. «Это такъ,—возражалъ Вольтеръ,—тамъ хорошо живется каждому, кто обрекъ себя на роль нѣмого». Но, замѣтивъ, что эта тема непріятна Казановѣ, онъ оставилъ ее, а послѣ обѣда, взявъ своего гостя подъ руку, пошелъ съ нимъ въ свой садъ. Онъ похвастался передъ гостемъ, что этотъ садъ—его созданіе, дѣло его рукъ. Большая аллея сада выходила на берегъ Роны. Они полюбовались окрестностями, а затѣмъ Вольтеръ опять заговорилъ о литературѣ. По словамъ Казановы, философъ поражалъ его своею ученостью, своимъ блестящимъ умомъ, но всякое его разсужденіе оканчивалось ложнымъ выводомъ. Казанова слушалъ его, не прерывая и не возражая. «Онъ говорилъ о Гомерѣ, о Данте, о Петраркѣ; всѣмъ и каждому извѣстно, что онъ думалъ объ этихъ великихъ геніяхъ, но онъ совершенно напрасно напечаталъ все, что о нихъ думалъ».

Казанова встрѣтилъ у Вольтера, извѣстнаго въ свое время, доктора Троншена, того самаго, который ввелъ и распространилъ во Франціи оспопрививаніе. Казанова особенно поразился простотою этого врача, отсутствіемъ въ немъ всякихъ признаковъ того пашиба,

отзывающаго шарлатанствомъ, который въ то время былъ почти неизбѣжною принадлежностью каждаго сына Эскулапа. Казанова мимоходомъ сообщаетъ нѣсколько курьезныхъ случаевъ изъ практики этого врача. Такъ, ему удалось будто бы вылечить какого-то сифилитика молокомъ ослицы, которой было сдѣлано десятка три энергичнѣйшихъ втираній ртутной мази. Ртуть, яко бы проникла въ кровь ослицы, и поступала изъ нея въ молоко, которое и являло собою цѣлебный, натуральный ртутный препаратъ. Въ другомъ случаѣ онъ въ теченіе десяти лѣтъ подъ-рядъ поддерживалъ жизнь 80-тилѣтняго старца, страдавшаго ракомъ. Язва была снаружи, на спинѣ, и Троншенъ лечилъ ее, прикладывая къ ней постоянно возобновлявшіеся ломти телятины. По тогдашнимъ воззрѣніямъ, ракъ представлялъ что-то вродѣ паразита, питавшагося соками больного; значитъ,—такъ, надо полагать, умозаключилъ Троншенъ,—если паразита хорошо питать, доставляя ему пищу извнѣ, то онъ оставитъ больного въ покоѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ дѣло Казанова, трактующій этотъ сюжетъ, конечно, со словъ Троншена.

Въ этотъ же день Вольтеръ показалъ Казановѣ свою переписку. Полученныя имъ письма лежали въ связкахъ, громаднѣйшею кучею; въ ней было не меньше сотни большихъ пачекъ.

— Вотъ моя корреспонденція,—говорилъ Вольтеръ.—Тутъ около 50 тысячъ писемъ, на которыя мнѣ надо было писать отвѣты.

— А у васъ остались копіи съ этихъ отвѣтовъ?—спрашивалъ Казанова.

— Большая часть писемъ скопирована. У меня для этого нанятъ особый секретарь.

— Многіе книгопродавцы заплатили бы хорошія деньги за такое сокровище.

Вольтеръ посовѣтовалъ Казановѣ никогда не связываться съ издателями-книгопродавцами. «Этотъ народъ—сущіе пираты, не лучше варварійскихъ», говорилъ онъ. Казанова отвѣчалъ, что не разсчитываетъ имѣть съ ними никакого дѣла до старости.

Къ вечеру собрались гости. Вольтеръ, по обыкновенію, разговорился. Онъ былъ остроумнѣйшимъ собесѣдникомъ, подчасъ только черезчуръ ѣдкимъ, не щадившимъ даже присутствовавшихъ гостей своихъ. Правда, онъ обладалъ несравненнымъ талантомъ говорить въ глаза довольно рѣзкія вещи, не обижая человѣка.

Онъ жилъ на широкую ногу, любилъ хорошо покушать и не скупился на угощенія. Въ то время ему было шестьдесятъ шесть лѣтъ (онъ родился въ 1694 г.; Казанова видѣлся съ нимъ въ 1760 г.). У него былъ очень хорошій доходъ—около 120 тысячъ ливровъ, — какъ называли въ то время франки. Казанова передаетъ, между прочимъ, ходившій въ то время слухъ, будто Вольтеръ сильно нажился, надувая своихъ издателей; въ дѣйствительности же чаще случалось наоборотъ. Притомъ, какъ человѣкъ, очень цѣнившій славу и извѣстность, Вольтеръ иногда отдавалъ свои произведенія даже даромъ, лишь бы ихъ печатали и распространяли. Казанова самъ былъ свидѣтелемъ такого факта; Вольтеръ при немъ передалъ одному книгопродавцу свой разсказъ «Вавилонская принцесса», написанный, кстати сказать, въ теченіе трехъ дней.

На другой день Казанова снова былъ у Вольтера, который за обѣдомъ не появился; онъ вышелъ къ гостямъ послѣ обѣда. Хозяйничала его племянница, г-жа Дени. Казанова вкратцѣ характеризуетъ эту особу, какъ женщину очень умную, образованную и скромную. Она почему-то глубоко ненавидѣла прусскаго короля и бранила его.

Вечеромъ Казанова опять долго бесѣдовалъ съ Вольтеромъ о литературѣ. Между прочимъ, нашъ герой упомянулъ въ разговорѣ о своемъ близкомъ знакомствѣ, даже дружбѣ съ извѣстнымъ итальянскимъ драматургомъ, Гольдони, котораго онъ называетъ итальянскимъ Мольеромъ. Гольдони былъ очень милый и добродушный человѣкъ, но очень тщеславный; онъ называлъ себя поэтомъ герцога Пармскаго, хотя герцогъ никогда не приглашалъ его въ такомъ качествѣ въ свой придворный штатъ; точно также мало правъ имѣлъ Гольдони и на званіе адвоката, за каковаго тоже охотно себя выдавалъ. По мнѣнію же Казановы, онъ былъ только драматургъ, и больше ничего.

Въ этотъ же вечеръ Вольтеръ представилъ Казановѣ какого-то іезуита, котораго онъ назвалъ Адамомъ.

— Но,—прибавилъ онъ тотчасъ,—этотъ Адамъ не первый человѣкъ.

Вольтеръ держалъ этого іезуита въ качествѣ почти домашняго шута. Онъ любилъ играть съ нимъ въ трикъ-тракъ, и, говорятъ, въ случаѣ проигрыша нерѣдко швырялъ кости прямо ему въ физіономію.

На третій день Казанова засталъ Вольтера въ очень непріятномъ настроеніи; философъ былъ рѣзокъ, ѣдокъ, насмѣшливъ. Казанова передъ тѣмъ, по его просьбѣ, прислалъ ему какую-то итальянскую поэму, которую очень расхвалилъ. Вольтеръ нашелъ ее очень плохою и скучною и жаловался на то, что Казанова заставилъ его потратить на чтеніе этой глупости четыре часа.

Потомъ разговоръ зашелъ о Гораціи. Казанова упомянулъ о томъ, что знаменитый поэтъ писалъ для избранныхъ, онъ «довольствовался небольшимъ кругомъ читателей» (contentus paucis lectoribus).

— Если бы Горацію,—замѣтилъ Вольтеръ,—приходилось бороться съ гидрою суевѣрій, какъ мнѣ, такъ онъ не довольствовался бы избранною публикою, а писалъ бы для всѣхъ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Казанова,—вы могли бы избавить себя отъ этой борьбы противъ врага, котораго никогда не побѣдите.

— Что мнѣ не удастся сдѣлать, то сдѣлаютъ другіе, а за мною всегда останется слава перваго почина.

— Прекрасно. Но допустивъ даже, что вы разрушите суевѣріе, возникаетъ вопросъ, чѣмъ вы его замѣстите?

— Вотъ это мнѣ нравится! Коли я освобождаю человѣчество отъ звѣря, который его пожираетъ, возможно ли спрашивать мнѣ, чѣмъ я его замѣщу?

— Да суевѣріе вовсе не пожираетъ человѣчества; оно необходимо для его существованія.

— Необходимо для его существованія! Это ужасное кощунство, надъ которымъ будущее произнесетъ свое сужденіе. Я люблю родъ человѣческій, я хочу видѣть его свободнымъ и счастливымъ, а суевѣріе не совмѣстимо съ свободою. Гдѣ видали вы, чтобы рабство дѣлало народъ счастливымъ?

— Такъ вы хотите верховенства народа?

— Боже меня упаси! Для управленія массами необходима власть.

— Въ такомъ случаѣ суевѣріе необходимо, потому что безъ него народъ никогда не будетъ покоренъ человѣку, облеченному властью. Я держусь мнѣнія Гоббса. Изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. Народъ безъ суевѣрія будетъ философомъ, а философы никого не пожелаютъ слушаться.

— Это ужасно! И какъ вы это рѣшаетесь говорить, вы, представитель народа! Если вы читали мои книги, то вамъ извѣстно, какъ я доказываю, что суевѣріе—врагъ монарховъ.

— Я читалъ и перечитывалъ ваши книги, и въ особенности тѣ мѣста, въ которыхъ я не согласенъ съ вами. Ваша господствующая страсть—любовь къ человѣчеству. Эта любовь—ваше слабое мѣсто; она ослѣпляетъ васъ. Любите человѣчество, но любите его такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Оно неспособно воспользоваться тѣми благодѣяніями, которыя вы ему сулите; эти благодѣянія станутъ источникомъ его бѣдствій, они развратятъ его окончательно. Оставьте ему этого пожирающаго его звѣря; онъ дорогъ ему. Ничто меня такъ не смѣшило, какъ то затрудненіе, въ которое попалъ донъ Кихотъ, когда ему пришлось обороняться отъ каторжниковъ, имъ же самимъ освобожденныхъ.

— Мнѣ очень грустно, что у васъ составилось такое дурное мнѣніе о вашихъ ближнихъ. Но, кстати, скажите мнѣ пожалуйста, свободно ли живется у васъ въ Венеціи?

— Въ полной мѣрѣ, въ какой только это возможно при аристократическомъ правительствѣ. Положимъ, мы не такъ богаты свободою, какъ, напримѣръ, англичане, но мы довольны.

— Даже и при заточеніи въ «свинчаткѣ»?

— Мое заточеніе было актомъ деспотизма, но я самъ злоупотреблялъ своею свободою и иной разъ бываю склоненъ думать, что правительство имѣло право не церемониться со мною.

— Однако же, вы бѣжали изъ тюрьмы?

— Я пользовался своимъ правомъ, также какъ они пользовались своимъ.

— Чудесно! Но вѣдь если такъ, то у васъ въ Венеціи никто не можетъ назвать себя свободнымъ.

— Пожалуй. Но согласитесь, что для того, чтобы быть свободнымъ, достаточно считать себя свободнымъ.

— Ну, съ этимъ я не такъ охотно соглашусь. Мы съ вами смотримъ на свободу съ разныхъ точекъ зрѣнія. У васъ даже сами ваши правители, аристократы, и тѣ не свободны; они, напримѣръ, не могутъ безъ разрѣшенія выѣзжать за предѣлы республики.

— Это такъ, но вѣдь этотъ законъ они же сами и установили совершенно добровольно. Здѣсь, въ свободной Швейцаріи, напримѣръ, въ Бернѣ, тоже существуютъ законы, которые стѣсняютъ свободу гражданъ, но которые установлены по доброй волѣ ими же самими.

— Да это только и желательно....

На этомъ Вольтеръ быстро и разомъ оборвалъ политическую тему бесѣды. Онъ началъ разспрашивать Казанову о томъ, гдѣ онъ побывалъ, кого видалъ. Узнавъ, между прочимъ, что онъ видѣлся съ Галлеромъ, Вольтеръ разсыпался въ похвалахъ этому ученому и поэту.

выразился даже такъ, что, молъ, передъ этимъ человѣкомъ «надо становиться на колѣни».

— Я того же мнѣнія,—отвѣтилъ ему Казанова.—Мнѣ очень пріятно, что вы отдаете ему должное, и въ то же время я очень сожалѣю, что онъ далеко не столь справедливъ по отношенію къ вамъ.

— Увы,—вздохнулъ Вольтеръ, — можетъ быть, мы ошибаемся.

Эта ядовитая выходка, надо замѣтить, многократно приписывалась Вольтеру и все по разнымъ случаямъ.

ГЛАВА XIX.

Приключеніе на водахъ въ Э.—Гороскопъ m-lle Романъ. — Отъѣздъ изъ Швейцаріи, путешествіе по южной Франціи и Италіи.—Продѣлка русскаго принца Карла Иванова и изгнаніе Казановы изъ Флоренціи.—Путешествія его по Италіи.—Свиданіе въ Римѣ съ папою Климентомъ XIII.—Продѣлка Казановы съ старою маркизою Дюрфэ.

Изъ Женевы Казанова отправился на воды въ Э, въ Савойѣ. Здѣсь случай свелъ его съ молодой монахиней (на ловца и звѣрь бѣжитъ!), очутившейся въ положеніи поистинѣ ужасномъ. Ее кто-то соблазнилъ, и для того, чтобы скрыть результаты увлеченія, она прикинулась больною и уговорила монастырское начальство отправить ее на воды. Ее отправили, но, разумѣется въ сопровожденіи старой монахини, которая не спускала съ нея глазъ. Въ этомъ происшествіи сошлось все, что только могло заинтересовать и завлечь нашего героя—и тайна, и опасность, и романтичность происшествія, и красота несчастной жертвы. Онъ принялся за ея дѣло, какъ за свое собственное. Надо было во что бы то ни стало скрыть «послѣдствія» несчастнаго увлеченія, каковымъ, по ходу событій, надлежало обнаружиться въ самомъ непродолжительномъ времени, а затѣмъ отправить монахиню обратно въ ея монастырь. Все это и удалось благополучно, но мимоходомъ пришлось совершить нѣчто, наполнившее отважную душу нашего героя нѣкоторымъ, небезосновательнымъ безпокойствомъ. Дѣло въ томъ, что ради успѣшнаго заметанія слѣдовъ, было необходимо елико возможно устранить надзоръ старой монахини, которая не подозрѣвала истины. Съ этою цѣлью Казанова распорядился усыплять старушку опіумомъ; она мирно спала, въ то время какъ Казанова, съ помощью подкупленной имъ хозяйки квартиры, гдѣ жили монашенки, оборудовалъ все, что требовалось по ходу дѣла. Но въ одинъ прекрасный день старая монашка, преотмѣнно крѣпко спавшая всю ночь отъ опіума, утромъ не проснулась; не проснулась она и въ полдень, и къ вечеру. Когда ее, наконецъ, внимательно изслѣдовали, она оказалась уснувшею навѣки. Женщина была старая, и потому ея смерть въ первое время не возбудила никакого шума; ее похоронили съ честью. Но все же надо было поскорѣе покинуть мѣста, гдѣ разыгралась такая драма, Казанова снялся съ якоря, какъ только все было благополучно окончено.

Казанова отправился на югъ Франціи. Прежде всего онъ остановился на нѣкоторое время въ Греноблѣ. Здѣсь онъ познакомился съ адвокатомъ Мореномъ, у котораго была красавица-племянница, которую представили Казановѣ подъ именемъ m-lle Романъ-Купьэ Казанова, тотчасъ принявшійся ухаживать за красавицею, попросилъ

позволеніе составить ея гороскопъ. Звѣзды предсказали интересной барышнѣ самую блестящую будущность. Ее ожидало въ Парижѣ исключительное и завидное счастье. По условіямъ гороскопа, она должна была туда прибыть до наступленія восемнадцати лѣтъ. Если въ это время она будетъ имѣть случай представиться королю, то монархъ будетъ увлеченъ ея красотою и плодомъ его любви къ красавицѣ будетъ отпрыскъ королевской крови, которому суждено осчастливить Францію. Замѣчательно, что самъ Моренъ, его жена и племянница—всѣ были въ одинаковой мѣрѣ поражены этимъ предсказаніемъ и всѣ одинаково убѣждены въ его несомнѣнности. Еще удивительнѣе то, что впослѣдствіи все такъ и сбылось, какъ предсказывалъ Казанова; неизвѣстно только, въ какой мѣрѣ интересный потомокъ m-lle Романъ осчастливилъ Францію; Казанова о немъ потомъ не упоминаетъ.

Казанова посѣтилъ Авиньонъ, Марсель, Тулонъ, Ниццу, Геную, Ливорно и Флоренцію. Трудно было бы передать, что онъ дѣлалъ въ этихъ мѣстахъ, просто-на-просто, широко пользуясь своими прерогативами богатаго и совершенно празднаго человѣка, онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и жилъ всюду въ свое удовольствіе: ухаживалъ за женщинами, ѣлъ и пилъ, ходилъ въ театръ, игралъ въ карты. Ничего особенно замѣчательнаго съ нимъ въ это время не случилось, кромѣ только торжественнаго изгнанія его изъ Флоренціи. Здѣсь какой - то проходимецъ выдавалъ себя за русскаго принца «Карла Иванова» (Charles Ivanoff). Онъ встрѣтился съ этимъ субъектомъ еще раньше во Франціи. Въ то время этотъ интересный принцъ занималъ деньги направо и налѣво, и, между прочимъ, обращался и къ Казановѣ, предлагая въ обезпеченіе какіе-то фамильные брилліанты, показавшіеся нашему герою несомнѣнно фальшивыми. Теперь во Флоренціи этотъ же Ивановъ состряпалъ какой-то подложный документъ на имя Казановы, и губернаторъ города, къ безпредѣльному удивленію и негодованію Казановы, заставилъ его уплатить по этому документу. Казанова отказался наотрѣзъ. Тогда губернаторъ приказалъ ему выѣхать изъ Флоренціи въ трехдневный срокъ, а изъ Тосканы—въ пятидневный. Казанова былъ вынужденъ повиноваться и уѣхалъ въ Римъ.

Онъ имѣлъ рекомендательное письмо къ кардиналу Пассіонеи. Это былъ оригинальный господинъ. Онъ принялъ Казанову въ обширной комнатѣ, въ которой было не на чемъ сѣсть: не было буквально ни одного стула, кромѣ того, на которомъ сидѣлъ у стола и писалъ самъ хозяинъ. Нѣкоторое время онъ продолжалъ писать, не обращая никакого вниманія на гостя. Наконецъ, положилъ перо, подошелъ къ Казановѣ, взялъ письмо и прочелъ его. Въ этомъ письмѣ папскій аудиторъ Корнаро просилъ Пассіонеи представить Казанову папѣ. Самъ Корнаро былъ венеціанецъ, и, въ виду счетовъ Казановы съ правительствомъ республики, онъ уклонялся отъ прямого предстательства за нашего героя.

— Мой другъ Корнаро,—сказалъ Пассіонеи, прочтя письмо,—напрасно избралъ меня для такого дѣла; онъ знаетъ, что папа меня не любитъ.

— Онъ предпочелъ человѣка, котораго уважаютъ, такому, котораго любятъ.

— Не знаю, почитаетъ ли меня папа, но знаю только, что я его вовсе не почитаю. Я его уважалъ и любилъ, покуда онъ былъ кардиналомъ,

даже старался провести его въ папы; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ надѣлъ тіару, все перемѣнилось, онъ выказалъ себя сущимъ глупцомъ.

— Конклавъ долженъ былъ бы остановить свой выборъ на вашей эминенціи,—польстилъ Казанова.

— О, нѣтъ, я не выношу никакого беззаконія, никакого злоупотребленія, и началъ бы наносить удары направо и налѣво, не разбирая, на кого они обрушиваются, а это привело бы Богъ вѣсть къ какимъ непріятностямъ. Лучше всего было бы избрать кардинала Тамбурини; но сдѣланнаго не воротишь. Однако, я слышу, кто-то тамъ пришелъ; до свиданья.

На другой день Казанова снова посѣтилъ Пассіонеи. Тотъ попросилъ его разсказать о бѣгствѣ изъ свинчатки. Казанова предупредилъ, что это очень длинная исторія.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ кардиналъ, — говорятъ, вы хорошій разсказчикъ.

— Но, монсиньоръ, гдѣ же прикажете мнѣ сѣсть, прямо на полъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, на васъ такое богатое платье!

Онъ позвонилъ и велѣлъ принести на чемъ сидѣть; служитель принесъ простую табуретку! Казанова, нервный и впечатлительный, тотчасъ утратилъ доброе расположеніе духа. Онъ скомкалъ свой разсказъ, окончивъ его въ четверть часа. Пассіонеи сдѣлалъ ему замѣчаніе о вялости его разсказа.

— Монсиньоръ, я разсказываю хорошо только, когда чувствую самъ себя хорошо, безъ всякихъ стѣсненій.

— Развѣ вы со мной стѣсняетесь?

— Нѣтъ, монсиньоръ, человѣкъ, и особенно ученый, никогда меня не стѣсняетъ; но вашъ табуретъ...

— Вы любите комфортъ?

— Превыше всего на свѣтѣ!

На этомъ его и отпустилъ кардиналъ, предваривъ, что папа допускаетъ его къ аудіенціи и приметъ на другой день утромъ.

Въ назначенный часъ Казанова отправился въ папскій дворецъ. Докладывать о себѣ ему не было надобности, потому что, когда двери папскаго дворца открыты, въ него можетъ входить невозбранно каждый христіанинъ. Притомъ же Казанова знавалъ папу, въ бытность его епископомъ въ Падуѣ. Но онъ всетаки, для важности, попросилъ дежурнаго кардинала доложить о себѣ.

Папа (Климентъ XIII, избранный въ 1758 году) тотчасъ принялъ его. Казанова, по обычаю, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ крестъ, вышитый на туфлѣ главы католической церкви. Папа положилъ руку ему на плечо и вдругъ припомнилъ, что Казанова въ Падуѣ часто не достаивалъ церковной службы до конца.

— Святѣйшій отецъ,—отвѣчалъ нашъ герой,—на мнѣ есть грѣхи гораздо важнѣе этого. Я припадаю къ стопамъ вашей святости и молю объ отпущеніи ихъ.

Папа благословилъ Казанову и милостиво спросилъ, что онъ можетъ сдѣлать полезнаго для него.

— Прошу вашего святѣйшаго посредничества, чтобы мнѣ позволено было вернуться на родину.

— Мы (папа всегда говоритъ отъ себя во множественномъ числѣ перваго лица) поговоримъ съ посланникомъ, а затѣмъ дадимъ вамъ отвѣтъ. Вы часто посѣщаете кардинала Пассіонеи?

— Я былъ у него три раза. Онъ подарилъ мнѣ написанное имъ надгробное слово принцу Евгенію, и я, въ знакъ признательности, послалъ ему томъ Пандектовъ.

— Онъ уже получилъ этотъ томъ?

— Я полагаю, что получилъ, ваше святѣйшество!

— Ну, коли получилъ, то пришлетъ вамъ деньги съ Винкельманомъ.

— Это значило бы поступать со мною, какъ съ букинистомъ; я не возьму съ него платы за мой подарокъ.

— Такъ онъ вамъ пришлетъ обратно ваши Пандекты, можете быть увѣрены, мы его знаемъ!

— Если его преосвященство вернетъ мнѣ Пандекты, то я ему верну его надгробное слово.

Папу такъ распотѣшила эта выходка, что онъ принялся хохотать, держась за бока. Онъ выразилъ желаніе знать конецъ этой исторіи съ книгами, вновь благословилъ Казанову и отпустилъ его.

И вышло именно такъ, какъ предсказывалъ папа. Въ тотъ же день къ Казановѣ пришелъ секретарь кардинала Пассіонеи, Винкельманъ, и принесъ деньги за Пандекты, отъ которыхъ онъ остался въ восторгѣ. Экземпляръ былъ цѣлый, свѣжій, лучше сохранявшагося въ библіотекѣ Ватикана. Казанова отказался отъ платы, а Винкельманъ тотчасъ его предупредилъ, что кардиналъ пришлетъ книгу обратно. Такъ они и обмѣнялись вновь своими подарками. Казанова получилъ обратно свои Пандекты, а Пассіонеи—надгробное слово.

Черезъ день послѣ этого Казанова имѣлъ новое свиданіе съ папою.

— Венеціанскій посланникъ,—возвѣстилъ папа,— сказалъ намъ, что коли вы желаете вернуться въ ваше отечество, то должны представиться секретарю верховнаго суда.

— Ваше святѣйшество, я готовъ на этотъ шагъ, если вы соблаговолите дать мнѣ рекомендательное письмо, написанное вашею собственною рукою. Безъ этой мощной защиты я не рискну подвергнуть себя опасности новаго заточенія въ такое мѣсто, откуда я вырвался, только благодаря чуду промысла Божьяго.

Потомъ папа сказалъ ему, что о развязкѣ исторіи съ книгами ему уже извѣстно.

— Признайтесь,—добавилъ папа,—что вы потѣшили вашу гордость въ этомъ дѣлѣ.

— Да, но принизивъ гордость еще большую, чѣмъ моя.

Папа развеселился отъ такого отвѣта, а Казанова, преклонивъ колѣно, просилъ у папы позволенія пожертвовать свои Пандекты въ библіотеку Ватикана. Папа своимъ благословеніемъ молча изъявилъ согласіе на принятіе этого дара; потомъ, отпуская Казанову, онъ сказалъ ему:

— Мы доставимъ вамъ знаки нашего особеннаго благоволенія.

Эти знаки, которыхъ Казанова съ нетерпѣніемъ ожидалъ, не зная, въ чемъ они будутъ состоять, оказались золотымъ крестомъ ордена Шпоры и дипломомъ на званіе «апостолическаго протонота-

piyca extra urbem». Казанова былъ чрезвычайно польщенъ папскимъ знакомъ отличія; онъ въ то время не зналъ, что, всѣ, получавшіе этотъ крестъ (чаще всего дипломаты), обыкновенно передавали его своей прислугѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Рима Казанова еще разъ видѣлъ папу. Въ этотъ день было какое-то зрѣлище, на которое собрался весь Римъ. Папа съ удивленіемъ спросилъ Казанову, отчего онъ не пошелъ туда, куда всѣ такъ жадно устремлялись. Казанова отвѣтилъ, что хотя онъ большой любитель удовольствій, но оставилъ себѣ удовольствіе наиболѣе цѣнное для каждаго христіанина: засвидѣтельствовать свое почтеніе намѣстнику Христову. Папа былъ видимо польщенъ этою любезностью. Онъ цѣлый часъ бесѣдовалъ съ Казановою, потомъ, благословляя его на прощаньи, сказалъ ему:

— Любезное чадо наше, обратитесь къ Господу, милость Котораго сильнѣе моихъ молитвъ.

Эти слова служили какъ бы отвѣтомъ на повторенную Казановою просьбу насчетъ предстательства о возвращеніи его въ отечество. Видно было, что папа не очень-то разсчитываетъ въ такого рода дѣлахъ на свое апостольское вліяніе.

На обратномъ пути изъ Рима Казанова проѣзжалъ черезъ Флоренцію и вздумалъ, не взирая на свое недавнее изгнаніе изъ этого города, остановиться въ немъ, чтобы повидаться съ знакомыми. Губернаторъ узналъ о его прибытіи и потребовалъ его къ себѣ для объясненій, но Казанова тотчасъ уѣхалъ въ Болонью.

Казанова мимоходомъ сообщаетъ любопытныя замѣчанія объ этомъ городѣ. Въ Италіи найдется немало городовъ, гдѣ можно пользоваться такими же разнообразными удовольствіями, какъ въ Болоньѣ, но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ эти удовольствія не достаются такъ легко и не обходятся такъ дешево. Жизнь тамъ дешева, городъ опрятный, дома хорошей постройки, на улицахъ много тѣни. Но въ городѣ есть одна язва, весьма мучительная для пріѣзжаго—это чесотка. Ее считаютъ мѣстною болѣзнью и приписываютъ происхожденіе водѣ, вину, воздуху, кому какъ вздумается. Сами болонцы привыкли къ этому отвратительному недугу и любятъ почесываться; дамы даже кокетничаютъ этимъ движеніемъ ручекъ, стараясь придавать ему особую грацію.

Изъ Болоньи Казанова пробрался въ Мадену. На другой же день явился посланный отъ губернатора, который рекомендовалъ Казановѣ немедленно продолжать свой путь, отнюдь не заживаясь въ городѣ.

Изъ разспросовъ у хозяина гостиницы Казанова узналъ, что къ нему приходилъ простой городовой (сбиръ). Казанова обидѣлся. Неужели губернаторъ столь мало вѣжливъ, что рѣшается посылать съ своими приказами къ благороднымъ путешественникамъ простыхъ будочниковъ? Далѣе, оказалось, что городовой былъ присланъ не губернаторомъ, а bargello, т. е. начальникомъ отряда сбировъ. Казанова еще больше обидѣлся. Этотъ bargello зналъ о томъ, что Казанова бѣжалъ изъ тюрьмы, и, ревнуя о благочиніи города, рѣшилъ удалить изъ него такого сѣятеля соблазна и бунта. Такъ или иначе, надо было уѣзжать. Между тѣмъ, узнавъ о затрудненіи Казановы, къ нему заявился какой-то мужчина весьма дюжаго сложенія и рѣшительнаго вида. Это былъ ни-

кто иной, какъ наемный убійца, bravo. Онъ предложилъ Казановѣ укокошить bargello за весьма сходную плату—50 цехиновъ.

— Спасибо, другъ,—отвѣтилъ Казанова.—Пускай это животное умираетъ своею смертью. Вотъ тебѣ скуди, выпей за мое здоровье.

Казанова откровенно признается, что если бы могъ положиться на этого bravo, то воспользовался бы его услугами. Изъ Мадены онъ пробрался въ Парму. Здѣсь онъ прописался въ гостинницѣ подъ именемъ кавалера де-Сенгаль, и потомъ постоянно носилъ это имя, присвоивъ его себѣ разъ навсегда. По его глубокому убѣжденію, всякій честный человѣкъ можетъ присвоить себѣ имя, никому другому не принадлежащее и никто не можетъ у него оспаривать этого права.

Изъ Пармы Казанова переѣхалъ въ Туринъ. Здѣсь онъ довольно благополучно журировалъ нѣкоторое время, но въ одинъ прекрасный день и тутъ его пригласили въ полицію.

— Вы кавалеръ де-Сенгаль?

— Я. Что вамъ угодно?

— Я призвалъ васъ, чтобы передать вамъ приказаніе—удалиться изъ города не далѣе, какъ черезъ три дня.

Казанова забунтовалъ; онъ наотрѣзъ отказался уѣзжать. Онъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ; тотъ разспросилъ о немъ, получилъ хорошіе отзывы и позволилъ ему оставаться въ Туринѣ. Онъ оставался тамъ съ мѣсяцъ, а затѣмъ проѣхалъ черезъ Савойю и Ліонъ въ Парижъ, гдѣ ему надо было повидаться съ маркизою Дюрфэ, той самой старушкой, преданной изученію тайныхъ наукъ и жаждавшей перерожденія, о которой мы уже упоминали.

Старушка приняла его съ распростертыми объятіями и, между прочимъ, разсказала о томъ, что г-жа Романъ, для которой онъ составлялъ гороскопъ, уже прибыла въ Парижъ, была представлена королю и стала его оффиціальною фавориткою. Гороскопъ сбылся въ главныхъ чертахъ. Нечего и говорить о томъ, что это еще болѣе подняло и безъ того почти безграничное обаяніе Казановы надъ полоумною старушкою. Тутъ же Казанова уговорился съ нею, что въ интересахъ задуманнаго ею перерожденія ему надо повидаться съ кѣмъ-то въ Аугсбургѣ, куда онъ отправится черезъ двѣ недѣли. А такъ какъ въ хлопотахъ о дѣлѣ придется тратить деньги и подкупать, то онъ просилъ г-жу Дюрфэ заготовить заранѣе въ Аугсбургѣ достаточную сумму денегъ, да побольше разныхъ цѣнныхъ вещей для подарковъ: табакерокъ, перстней, часовъ и т. п. Все это было, по словамъ Казановы, необходимо для того, чтобы выкупить изъ лиссабонской тюрьмы какого-то Квирилинта—человѣка, необходимаго для волхованія. Старушка, конечно, свято вѣрила и въ Квирилинта, и въ необходимость всѣхъ этихъ табакерокъ; да что же тутъ удивительнаго, если она вѣрила въ совершенную осуществимость своего возрожденія въ образѣ прекраснаго молодого человѣка, рожденнаго изъ ея бренныхъ останковъ подъ наитіемъ какого-то безплотнаго духа?!

Однако, Казановѣ не пришлось пробыть въ Парижѣ и двухъ недѣль. У него вышла исторія вродѣ штутгартской: его завлекли какіе-то кавалеры и дѣвицы за городъ и тамъ стянули у него очень цѣнный перстень. Онъ поругался съ кавалерами и въ послѣдовавшей дракѣ одного изъ нихъ проткнулъ шпагою насквозь. Парижская полиція уже знала

его давно, и имѣть съ нею дѣло вновь Казановѣ было не особенно пріятно. Поэтому онъ поспѣшилъ убраться, какъ можно скорѣе. Онъ забѣжалъ только къ г-жѣ Дюрфэ и, разсказавъ ей исторію, просилъ ее передать деньги и вещи его слугѣ, итальянцу Костѣ. Этотъ Коста давно у него служилъ, и Казанова полагалъ вполнѣ возможнымъ довѣриться ему. Всѣ цѣнности и были ему переданы г-жею Дюрфэ, но Коста, не будь дуракъ, въ Аугсбургъ съ ними не поѣхалъ, а отправился неизвѣстно куда.

Между тѣмъ Казанова пріѣхалъ въ Мюнхенъ и здѣсь повелъ самую разнузданную жизнь: игралъ, пьянствовалъ, моталъ деньги. Послѣдствія всякаго рода невоздержанностей скоро дали ему себя чувствовать; онъ довольно серьезно расхворался, и въ первый разъ задумался о томъ, что онъ уже не юноша и что ему надо беречь свои силы. Онъ переѣхалъ въ Аугсбургъ и здѣсь принялся усердно лечиться. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ г-жи Дюрфэ. Старушка наняла и роскошно отдѣлала для него особую квартиру и напоминала ему, что ждетъ его къ обѣду въ новый годъ, 1-го января 1762 года. Она извѣщала его, что тотъ мазурикъ-итальянецъ, съ которымъ у Казановы была дуэль, заставившая его поспѣшно бѣжать изъ Парижа, не былъ имъ убитъ, выздоровѣлъ, успѣлъ надѣлать какихъ-то мошенничествъ и теперь сидитъ въ тюрьмѣ.

По выздоровленіи онъ поѣхалъ въ Парижъ и поселился тамъ въ роскошной квартирѣ, нанятой для него г-жею Дюрфэ. Онъ нарочно никуда не ходилъ, чтобы показать старушкѣ, что прибылъ въ Парижъ исключительно ради нея, для производства операціи перерожденія. Казанова придумалъ очень сложный ритуалъ, представлявшій собою лишь первый, вступительный или пріуготовительный актъ перерожденія. Эта прелюдія состояла изъ обрядностей чествованія каждаго изъ семи геніевъ, которымъ посвящены семь дней недѣли.

Эта шарлатанская продѣлка съ бѣдною старушкою, разсказанная въ запискахъ Казановы со всѣми подробностями, принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу самыхъ неопрятныхъ дѣяній нашего героя. Онъ, по своему обыкновенію, прибѣгаетъ къ ходячему оправданію проходимцевъ: «Не я, такъ другой». Онъ отлично понимаетъ, что имѣлъ дѣло съ человѣкомъ слабоумнымъ, вдобавокъ забравшимъ себѣ въ голову вздоръ неимовѣрный; признаетъ онъ также безъ оговорокъ, что всѣ его продѣлки съ старухою представляли сплошную «сѣть глупостей, за которыми нельзя было даже признать заслуги правдоподобія». «Поглощенный распутствомъ, дорожа жизнью, которую велъ, я извлекъ пользу изъ безумія бѣдной женщины, которая если бы не мной, то все равно кѣмъ-нибудь другимъ была бы обманута: въ сущности вѣдь обманывала она сама же себя. Я, конечно, отдалъ преимущество себѣ; я не могъ дѣлать выбора между собою и другимъ, первымъ встрѣчнымъ обманщикомъ. Я очень хорошо зналъ, что, пользуясь безуміемъ этой очень богатой женщины, я ровно никому не дѣлалъ никакого вреда, не наносилъ никакого ущерба, себѣ же приносилъ пользу несомнѣнную». Вотъ и всѣ основоположенія логики нашего героя.

Покончивъ съ предварительными кривляньями, Казанова приступилъ къ самому перерожденію. Оно должно было заключаться въ томъ, чтобы старушкѣ былъ доставленъ младенецъ, рожденный при совер-

шенно особыхъ обстоятельствахъ, въ непристойныя подробности которыхъ мы не имѣемъ возможности входить. Она должна была спать съ этимъ ребенкомъ семь дней подъ-рядъ. На восьмой день ей надлежало умереть, причемъ ея душа переходила въ этого ребенка. Послѣ того ребенокъ поступалъ подъ опеку Казановы, причемъ, само собою разумѣется, старушка должна была сдѣлать завѣщаніе въ пользу опекуна и опекаемаго. На третьемъ году жизни ребенка покойная должна была ощутить въ немъ свой духъ, т. е. возродиться въ немъ тѣлесно и духовно. Затѣмъ за Казановою же оставались всѣ заботы о воспитаніи этого ребенка и его посвященіи во всѣ таинства высшей мудрости. Какъ можно видѣть изъ этого краткаго обзора, планъ перерожденія былъ въ высшей степени выгоденъ для Казановы.

Ему надо было найти сообщниковъ. Они и были у него на примѣтѣ, но онъ съ ними повздорилъ въ рѣшительный моментъ. Пришлось отложить операцію, причемъ необходимость отсрочки Казанова объяснилъ какими-то неблагопріятными положеніями свѣтилъ. Тогда было рѣшено отложить дѣло до освобожденія изъ лиссабонской тюрьмы славнаго Кверилинта. А пока, до появленія на сценѣ этого Кверилинта, Казанова опять поѣхалъ странствовать и кутилъ въ Швейцаріи и сѣверной Италіи, безпрестанно, по обыкновенію, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Все это время онъ подъискивалъ новыхъ сообщниковъ и когда запасся ими, вызвалъ старую маркизу въ Марсель, гдѣ и состоялась, наконецъ, операція перерожденія. Мы не можемъ здѣсь дать о ней даже и понятія, хотя Казанова и описываетъ ее въ мельчайшихъ подробностяхъ. Она была неприлична до гнусности. Но объ одной частности кудесничества мы не можемъ умолчать. Дѣло въ томъ, что передъ самымъ актомъ возрожденія надлежало принести роскошную жертву всѣмъ семи геніямъ, покровителямъ семи дней недѣли. Древніе, какъ извѣстно, каждому божеству приписывали свой особенно любимый металлъ и любимый драгоцѣнный камень. Вотъ изъ этихъ-то металловъ и каменьевъ и надо было составить жертвоприношеніе. На какую сумму старушка была наказана этою жертвою, о томъ Казанова умалчиваетъ, но упоминаетъ, что шкатулка съ совокупностью жертвенныхъ веществъ вѣсила полсотни фунтовъ. Надо было уложить эти вещества въ шкатулкѣ по особому обряду, и сдѣлать это могъ только самъ Казанова. Поэтому «жертва» въ полномъ составѣ была имъ отнесена къ себѣ домой и тамъ уложена, какъ надлежало. Въ избранный день и часъ Казанова съ маркизою отправились на берегъ моря и тамъ бросили жертвенную шкатулку въ воду, предварительно вознеся моленія къ какому-то духу Селенису (судя этимологически—надо, полагать, генію луны). Жертва была принесена, «къ большому удовольствію маркизы,—разсказываетъ Казанова,—но къ еще большему моему удовольствію, которое станетъ понятно читателю, когда онъ узнаетъ, что шкатулка, брошенная въ море, заключала въ себѣ 50 фунтовъ свинца, настоящая же жертвенная шкатулка со всѣми жертвенными предметами осталась спрятанною у меня въ комнатѣ».

ГЛАВА XX.

Казанова снова въ Парижѣ.—Путешествіе его въ Англію.—Англія и англичане по наблюденіямъ Казановы. — Онъ прокучиваетъ въ Лондонѣ значительную часть своего состоянія.—Бѣгство изъ Англіи.—Встрѣча съ кавалеромъ Эономъ и графомъ Сенъ-Жерменомъ.—Путешествіе въ Германію.—Казанова бесѣдуетъ съ королемъ Фридрихомъ въ саду Санъ-Суси.

Отдѣлавшись отъ старой маркизы Дюрфэ, Казанова уѣхалъ изъ Марселя въ Парижъ. Здѣсь онъ повстрѣчалъ своего брата, неудачника аббата, и отправилъ его вонъ изъ Парижа на родину. Онъ, впрочемъ, пробылъ въ Парижѣ очень недолго, да ему видимо нечего было тамъ и дѣлать. Послѣ продѣлки со старою маркизою ему даже и неловко было оставаться вблизи ея. Онъ поэтому все послѣдующее время провелъ вдали отъ Франціи, частью въ Англіи, частью въ Германіи и Россіи.

Прежде всего онъ прямо изъ Парижа направился въ Лондонъ. Его замѣчанія объ Англіи и англичанахъ не лишены интереса. По его словамъ, каждый иностранецъ, прибывшій въ Англію, долженъ прежде всего въ собственныхъ интересахъ проникнуться самоотверженностью. Таможенный досмотръ оказался придирчивымъ, мелочнымъ, мучительнымъ, почти невыносимымъ. Но Казанова по своимъ спутникамъ аристократамъ видѣлъ, съ какою кротостью подчиняются англичане этимъ притѣсненіямъ и самъ тоже покорился. Англичане питаютъ глубокое уваженіе къ своимъ законамъ; отсюда, быть можетъ, и вытекаетъ эта неумолимость и грубость чиновниковъ; въ этомъ отношеніи Казанова поражался разницею между французами и англичанами.

Въ Англіи, на его взглядъ,—все особенное, все на свой ладъ. Тамъ и земля ему показалась другого цвѣта, и вода въ Темзѣ имѣла какой-то свой особый вкусъ. Бараны, быки, кони, собаки, люди, женщины, дѣти—все въ Англіи свое, особенное. Казанова, уроженецъ довольно грязноватой Италіи, былъ пораженъ чистотою и опрятностью, царившею въ Англіи всюду. Онъ хвалитъ англійскія дороги, цѣны на всѣ предметы первой необходимости, сытную пищу англичанъ. Онъ отмѣчаетъ оригинальную черту въ планировкѣ большинства англійскихъ городовъ—ихъ вытянутость по одному направленію, уподобляющую ихъ какимъ-то длиннымъ трубамъ.

Казанова нашелъ случай быть представленнымъ королю и королевѣ. Король (Георгъ III) что-то говорилъ ему, но такъ тихо, что Казанова ничего не разслышалъ и вмѣсто отвѣта отвѣсилъ королю низкій поклонъ. Королева также оказала милость нашему герою, побесѣдовавъ съ нимъ. Она спросила его, откуда онъ родомъ, разспросила о нѣкоторыхъ личностяхъ ихъ дипломатическаго міра, которыя были ему извѣстны.

Казанова посѣтилъ знаменитый Дрюриленскій театръ, на сценѣ котораго въ то время подвизался Гаррикъ. Здѣсь ему пришлось быть свидѣтелемъ необычайной свирѣпости и неукротимости лондонской толпы. По какому-то случаю какъ разъ въ этотъ вечеръ труппа оказалась не въ состояніи исполнить пьесы, объявленной на афишѣ. Публика тотчасъ подняла страшный шумъ. Для успокоенія ея вышелъ на сцену

самъ Гаррикъ; но ему не удалось водворить порядка, и онъ ушелъ ни съ чемъ. Шумъ становился все сильнѣе, все неистовѣе. Наконецъ, вдругъ раздался крикъ: «Спасайся, кто можетъ!» И немедленно вслѣдъ затѣмъ театръ былъ очищенъ: убѣжали король, королева, ихъ свита, всѣ зрители. Оставшаяся публика принялась буквально безумствовать, разрушать все, что попадалось подъ руку, такъ что отъ театра остались, наконецъ, одни голыя стѣны. И никто, изъ власть имущихъ, не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія этому разбою. Черезъ двѣ недѣли театръ отдѣлали заново, и представленія возобновились. На первомъ же спектаклѣ Гаррикъ вышелъ къ публикѣ и просилъ ее о снисхожденіи. Въ отвѣтъ на его слова какой-то голосъ изъ партера зычно крикнулъ: «На колѣни!» И вслѣдъ за первымъ возгласомъ раздались тысячи такихъ же возгласовъ: «На колѣни, на колѣни!» И Гаррикъ долженъ былъ, или нашелъ необходимымъ стать на колѣни передъ этими извергами. Тогда поднялся громъ рукоплесканій, и все было кончено и предано забвенію.

Казанова, шатаясь по Лондону безъ всякаго дѣла, продолжалъ свои наблюденія надъ англичанами, которые все болѣе и болѣе поражали его своими особенностями. Онъ передаетъ нѣкоторые изъ своихъ уличныхъ встрѣчъ и разговоровъ, характеризующихъ британскій національный духъ. Однажды, напримѣръ, онъ слышалъ, какъ нѣкто говорилъ на улицѣ своему собесѣднику:—Томми покончилъ съ собою и хорошо сдѣлалъ; дѣла его такъ запутались, что для него жизнь стала однимъ горемъ.

— Вы глубоко ошибаетесь,—возражалъ его собесѣдникъ,—Томми и мнѣ былъ долженъ; не дольше какъ вчера я присутствовалъ на общемъ собраніи его кредиторовъ; когда мы подвели балансъ, то оказалось, что онъ смѣло могъ подождать съ самоубійствомъ еще, по крайней мѣрѣ, полгода, а потомъ дѣла, пожалуй, и совсѣмъ бы поправились. Это онъ сглупилъ, какъ школьникъ!

Однажды Казанова получалъ деньги по документу въ какой-то банкирской конторѣ. Кто-то изъ публики чѣмъ-то заинтересовалъ его и онъ спросилъ, кто это такой.

— А это,—отвѣтили ему,—человѣкъ, стоющій сто тысячъ.

— Да кто онъ?

— Не знаемъ.

— Какже такъ?

— Имя тутъ не при чемъ, вся суть въ стоимости человѣка. Знать человѣка, значитъ, знать, что онъ стоитъ. Къ чему имя? Вотъ возьмите у меня деньги и подпишите вексель именемъ Сократа или Атиллы, мнѣ все равно, лишь бы мои деньги были мнѣ возвращены; а кто мнѣ ихъ возвратилъ Казанова или Атилла, не все ли мнѣ равно?

Въ другой разъ онъ вошелъ къ мѣнялѣ, размѣнять крупную ассигнацію, у того денегъ не было на-лицо и онъ просилъ зайти черезъ часъ. Казанова хотѣлъ оставить у него ассигнацію.

— И слѣдовало бы мнѣ ее у себя оставить,—вѣжливо проговорилъ мѣняла,—чтобы дать вамъ хорошій урокъ.

Казанова удивился такой откровенности. Неужели дѣловой, честный человѣкъ способенъ къ такой низости, присвоить себѣ довѣренныя ему на одинъ часъ деньги?

— Я совсѣмъ не безчестный человѣкъ,—поучалъ его мѣняла.—Но тутъ дѣло идетъ о томъ, чтобы положить въ карманъ бумажку, которая

не причинитъ никакого затрудненія. Тутъ всякій честный человѣкъ можетъ сказать, что эта бумажка попала въ его карманъ, разумѣется, послѣ того, вакъ онъ уплатилъ ея стоимость, и кто же ему не повѣритъ? Кто повѣритъ камъ, когда вы будете утверждать, что отдали ассигнацію, не получивъ за нее ея цѣнности въ звонкой монетѣ? Васъ же поднимутъ на смѣхъ.

Однажды онъ наткнулся на улицѣ на такую сцену. Какой-то человѣкъ лежалъ и видимо умиралъ; онъ только-что подрался и его противникъ, опытный боксеръ, засвѣтилъ ему такого «леща», послѣ котораго ему оставалось жить на свѣтѣ не болѣе четверти часа. Среди окружавшей публики тотчасъ двое подержали пари: умретъ онъ или нѣтъ.

Между тѣмъ къ умиравшему подоспѣлъ врачъ и, осмотрѣвъ его, выразилъ увѣренность, что раненаго еще можно бы спасти, если бы принять такія-то и такія-то мѣры. Но одинъ изъ побившихся объ закладъ, тотъ, который былъ за смерть, воспротивился всякимъ мѣрамъ, потому что они видоизмѣняли условія пари къ его ущербу.

— А что же будетъ тому боксеру, который его ухлопалъ?—полюбопытствовалъ Казанова.

— У него осмотрятъ руки и если ничего на нихъ не окажется, то ихъ отмѣтятъ особымъ клеймомъ.

— Не понимаю! Зачѣмъ же это, что это значитъ?

— Если его рука окажется заклейменою, то это послужитъ доказательствомъ, что онъ уже раньше убилъ человѣка въ дракѣ, что рука у него «тяжелая». Послѣ этого убійства его заклеймятъ и при этомъ внушатъ ему: «Берегись напредки, если еще кого-нибудь убьешь, тебя повѣсятъ».

— Но если на него нападутъ?

— Онъ долженъ показать нападающему свою руку. Увидавъ клеймо, всякій утратитъ охоту состязаться съ нимъ въ боксѣ.

— Но если его принудятъ къ дракѣ?

— Это другое дѣло. Если онъ докажетъ свидѣтельскими показаніями, что его вынудили защищаться, то ему, конечно, ничего не будетъ, еслибъ онъ и убилъ противника.

— Какимъ образомъ законъ можетъ терпѣть такое варварство, какъ боксъ?

— Законъ допускаетъ его только при условіи пари. Передъ началомъ боя противники кидаютъ на-земь деньги, которыя и служатъ доказательствомъ состоявшагося пари; эти деньги—ставка. Если же эта формальность не соблюдена, то убійство въ дракѣ трактуется, какъ простая уголовщина, и убійцу безъ разговоровъ вѣшаютъ.

Въ числѣ лондонскихъ встрѣчъ, Казанова отмѣтилъ двѣ: съ графомъ Сенъ-Жерменомъ и съ кавалеромъ д'Эонъ.

О Сенъ-Жерменѣ онъ, впрочемъ, только упоминаетъ. Дѣло въ томъ, что этотъ проходимецъ сумѣлъ какъ-то поладить съ французскимъ правительствомъ, особенно же съ всемогущимъ Шуазелемъ. Но держать его во Франціи было неудобно. Шуазель сдѣлалъ видъ, что окончательно лишаетъ Сенъ-Жермена своего покровительства; такимъ образомъ, ему невозможно было оставаться во Франціи. И онъ перебрался въ Англію, якобы добровольно покинувъ негостепріимную Францію. Въ сущности же, онъ жилъ въ Лондонѣ по соглашенію съ Шуазелемъ, въ

качествѣ его шпіона. Но въ Лондонѣ очень быстро раскусили этотъ секретъ, такъ что самозванному графу-алхимику и тамъ оказалось нечего дѣлать. Казанова еще не разъ встрѣчался съ нимъ впослѣдствіи.

Подъ именемъ кавалера д'Эонъ была извѣстная особа, игравшая въ то время довольно видную роль въ дипломатическомъ мірѣ. По общему убѣжденію всѣхъ современниковъ, эта особа была дѣвица, переодѣтая кавалеромъ. Въ настоящее же время считается доказаннымъ, что это, наоборотъ, былъ подлинный представитель мужескаго пола.

Благодаря необычному обличью, по которому всякій принималъ его за женщину, Эонъ былъ запримѣченъ королемъ Людовикомъ XV, который давалъ ему очень сложныя дипломатическія порученія; такъ, въ Россію, онъ являлся въ видѣ женщины, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ его встрѣтилъ Казанова, онъ былъ уже въ кавалерскомъ образѣ и исполнялъ должность секретаря французскаго посольства. Казанова, тщательно всмотрѣвшись тогда во внѣшность этого интереснаго господина и вслушавшись въ его голосъ, пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что онъ былъ не мужчина, а женщина.

Въ другой разъ Казанова встрѣтился съ Эономъ (его полное имя кавалеръ Эонъ де-Бомонъ) у жившаго въ Лондонѣ маркиза Карачоло. Въ это время Эонъ поссорился съ министерствомъ, которое не хотѣло выплатить ему какихъ-то выслуженныхъ имъ денегъ. Онъ отдался подъ покровительство англійскихъ законовъ и напечаталъ книгу, въ которой опубликовалъ всю свою переписку съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; книгу охотно покупали по фунту стерлинговъ за экземпляръ, и Эонъ нажилъ на ней нѣсколько тысячъ. Въ это же время состоялось въ Лондонѣ любопытное пари. Какой-то банкиръ вносилъ въ государственный банкъ 20 тысячъ гиней, въ видѣ залога по предложенному имъ пари, предметомъ котораго былъ загадочный полъ кавалера Эонъ. Банкиръ стоялъ за женскій полъ и вызывалъ желающихъ доказать противное. Споръ могъ быть рѣшенъ, разумѣется, только при содѣйствіи Эона; но онъ, несмотря на обѣщанное ему весьма щедрое вознагражденіе (половину залоговой суммы, т. е. около 100 тыс. рубл.), наотрѣзъ отказалъ любопытствовавшимъ. Онъ считалъ всякое «удостовѣреніе» въ его полѣ позорнымъ для себя, и Казанова раздѣляетъ его мнѣніе. Черезъ три года послѣ того, онъ помирился съ французскимъ правительствомъ и появлялся при дворѣ въ женскомъ костюмѣ. Говорятъ, что Людовикъ XV зналъ «навѣрное» полъ Эона, но никогда никому объ этомъ не говорилъ. Этотъ король былъ величайшій охотникъ до тайнъ, и особенно цѣнилъ такіе секреты, которые извѣстны только ему одному, и больше никому на свѣтѣ.

Казанова такъ много игралъ и проигрывалъ въ Лондонѣ и такъ много моталъ, что въ одинъ прекрасный день немедленный отъѣздъ изъ туманнаго Альбіона предсталъ передъ нимъ въ видѣ совершенно неизбѣжной необходимости. Онъ проѣлъ всѣ драгоцѣнности жертвенной шкатулки маркизы Дюрфэ и на немъ накопилось уже долговъ до 400 фунтовъ стерлинговъ. Казанова продалъ всѣ свои остальныя цѣнныя вещи, расплатился съ долгами и остался при 80 фунтахъ стерлинговъ; это было все, что у него оставалось отъ его крупныхъ пріобрѣтеній въ Голландіи, во Франціи и отъ бѣдной полоумной старушки-маркизы. Онъ вспомнилъ, что ничего не бралъ отъ своего на-

званнаго отца, Брагодина, уже въ теченіе пяти лѣтъ; это дало ему смѣлость попросить у старика ссудить ему двѣ сотни цехиновъ.

Но Казановѣ было мало сдѣланныхъ глупостей. Уже совсѣмъ порѣшивъ уѣзжать, онъ опять таки втянулся въ игру. Ему, положимъ, повезло, но человѣкъ, который ему проигралъ, не имѣлъ наличныхъ денегъ, а предложилъ какой-то вексель, выданный въ Лиссабонѣ. Казанова взялъ этотъ вексель и учелъ его у знакомаго лондонскаго банкира, получивъ подъ него 500 фунтовъ. Но вексель оказался фальшивымъ. Банкиръ увѣдомилъ объ этомъ Казанову и просилъ его немедленно вернуть его деньги, угрожая, въ противномъ случаѣ, передать вексель въ судъ. Казанова зналъ, что за участіе въ сбытѣ фальшиваго документа, онъ рискуетъ висѣлицею; англійскіе законы въ этихъ дѣлахъ шутить не любятъ. Положеніе его было отчаянное; вдобавокъ, онъ сильно расхворался. Достать 500 фунтовъ онъ не могъ и думать. Ему оставалось только бѣжать. Онъ наскоро продалъ, что еще у него оставалось, выручилъ нѣсколько сотъ рублей и немедленно выѣхалъ изъ Лондона. Ему удалось благополучно добраться до Дувра, а тамъ какъ разъ подвернулся корабликъ, черезъ полчаса снимавшійся съ якоря. Въ тотъ же день вечеромъ Казанова былъ во Франціи, въ Калэ, и вздохнулъ свободно.

Здѣсь онъ окончательно слегъ; у него, судя по запискамъ, случился рецидивъ нѣкоей, весьма неопрятной, болѣзни, которую онъ схватилъ чуть еще не на островѣ Корфу; болѣзнь, по тогдашнему обычаю, лечили ртутью, и этотъ ядъ, введенный въ организмъ въ самомъ безпорядочномъ видѣ, вѣроятно, тоже немало повредилъ нашему герою.

Кое-какъ поправившись, Казанова перебрался въ Дюнкирхенъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ разныхъ знакомыхъ и въ томъ числѣ совершенно неожиданно знаменитаго графа Сенъ-Жермена. Онъ жилъ затворникомъ, никого не принималъ и ни у кого не бывалъ самъ. Казанова написалъ ему, и графъ сдѣлалъ для него исключеніе—принялъ его. Сенъ-Жерменъ былъ окруженъ цѣлою батареею стклянокъ и банокъ съ разноцвѣтными жидкостями; онъ разсказалъ Казановѣ, что работаетъ надъ красками и что въ скоромъ времени собирается открыть шляпную фабрику, на которую ему далъ деньги графъ Кобенцель, австрійскій посолъ въ Бельгіи. Заговорили о маркизѣ Дюрфэ; Казанова у ней и познакомился съ Сенъ-Жерменомъ. Сенъ-Жерменъ сообщилъ, что старушка отравилась, принявъ чрезмѣрную дозу какого-то чудодѣйственнаго лекарства; что въ послѣднее время передъ смертью она полагала, что находится въ интересномъ положеніи, что сама переродится и возродится въ своемъ потомкѣ. Узнавъ о болѣзни Казановы, Сенъ-Жерменъ предложилъ вылечить какими-то пилюлями въ двѣ недѣли. Потомъ онъ показывалъ ему какую-то бѣлую жидкость, и сказалъ, что это и есть а р х е й, то есть универсальный спиртъ, какъ бы эссенція всѣхъ силъ природы. Стклянка съ археемъ была залита воскомъ. Сенъ-Жерменъ увѣрялъ, что стоитъ проткнуть воскъ булавкою и вся жидкость тотчасъ вытечетъ изъ склянки. Казанова сдѣлалъ опытъ и убѣдился, что это правда. Назначеніе этой жидкости онъ объяснить отказался: «Это де мой секретъ!» Потомъ онъ показалъ Казановѣ фофусъ: взялъ мѣдную монету, положилъ на нее комочекъ какого-то

чернаго вещества, накалилъ паяльною трубкою, и, когда монета остыла, она оказалась золотою. Казанова ясно сознавалъ, что это простой фокусъ, подмѣна монеты, но услѣдить за нимъ не могъ; онъ не рѣшился прямо заявить объ этомъ, но сдѣлалъ намекъ. Сенъ-Жерменъ гордо отвѣтилъ, что «кто сомнѣвается въ моихъ знаніяхъ, тотъ недостоинъ и говорить со мною».

Сенъ-Жерменъ, по словамъ Казановы, умеръ въ Шлезвигѣ, приблизительно въ 1786—87 году.

Казанова хотѣлъ было переѣхать въ Брюссель, чтобы тамъ полечиться какъ слѣдуетъ. Но съ нимъ вмѣстѣ изъ Англіи уѣхалъ молодой актеръ Датури, который все время находился при немъ и возился съ нимъ больнымъ, какъ нянька. Казанова вспоминалъ объ этомъ юношѣ съ чувствомъ глубочайшей признательности. Этотъ Датури и уговорилъ его ѣхать въ Брунсвикъ. Тамъ жили родители Датури; онъ увѣрялъ Казанову, что будетъ принятъ въ его семьѣ, какъ родной. Казанова согласился. Но передъ тѣмъ онъ, по совѣту какого-то генерала, котораго не называетъ полнымъ именемъ, на время заѣхалъ въ Везель, гдѣ его пользовалъ молодой, очень искусный врачъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ въ пользованіи Казанова выказалъ большое искусство, потому что нашъ герой поправился очень быстро. Послѣ того онъ отправился въ Брунсвикъ.

На другой день по его пріѣздѣ въ Брунсвикъ прибылъ наслѣдный принцъ прусскій, женихъ дочери герцога. Начались блестящія придворныя празднества. Казанова зналъ прусскаго принца; онъ видѣлъ его въ Лондонѣ. Устроили парадъ войскамъ, которыхъ было въ Брунсвикѣ до 6 тысячъ.

Казанова вполнѣ оправился и ему нечего было дѣлать въ Брунсвикѣ. Наступало лѣто, и онъ хотѣлъ его провести въ большомъ городѣ. Онъ избралъ своею резиденціею Берлинъ. Передъ отъѣздомъ у него опять вышло какое-то недоразумѣніе съ векселемъ. Удивительно, какъ часто у него приключались этого рода затрудненія. Онъ имѣлъ вексель на Амстердамъ. Какой-то еврей учелъ ему этотъ вексель, а потомъ усомнился въ его подлинности и требовалъ деньги назадъ. Казанова прибилъ еврея палкою за сомнѣніе въ его честности. Дѣло обернулось бы, пожалуй, хлопотливо, да, по счастью, о немъ узналъ принцъ; онъ зналъ Казанову и охотно уладилъ это дѣло.

По дорогѣ въ Берлинъ Казанова остановился на недѣлю въ Вольфенбюттелѣ, чтобы посѣтить тамошнюю знаменитую библіотеку, которая въ то время считалась второю или третьею въ Европѣ по богатству и численности. Сначала Казанова хотѣлъ было остановиться въ Потсдамѣ, думая, что застанетъ тамъ короля, но тотъ былъ въ это время въ Берлинѣ, и Казанова проѣхалъ прямо туда.

На пятый день по прибытіи въ прусскую столицу Казанова повидался съ лордомъ Кейсомъ, съ которымъ познакомился въ Англіи. Онъ желалъ, чтобы этотъ магнатъ представилъ его королю или указалъ путь, какъ лучше всего добиться этой чести. Кейсъ отвѣчалъ, что если королю кто-нибудь скажетъ о немъ что-либо, то этимъ скорѣе можетъ ему повредить, нежели оказать пользу. Фридрихъ терпѣть не могъ рекомендацій. Онъ былъ гордъ своимъ умѣньемъ узнавать людей, и любилъ о каждомъ судить самолично. Вслѣдствіе этого, само собою ра-

зумѣется, часто случалось, что онъ открывалъ великія таланты и добродѣтели тамъ, гдѣ никто другой ихъ не усматривалъ, и наоборотъ. Поэтому Кейсъ полагалъ, что лучше всего будетъ, чтобы Казанова подалъ королю докладную записку съ просьбою принять его; если же аудіенція состоялась бы, то Кейсъ уполномочивалъ Казанову упомянуть о томъ, что Кейсъ хорошо его знаетъ. Казанову ужасно удивило это предложеніе. Писать королю! Но онъ знать не знаетъ Казановы! Что онъ подумаетъ о немъ! Но Кейсъ увѣрилъ его, что это будетъ хорошо и что король непремѣнно ему отвѣтитъ.

Казанова послушался и написалъ королю почтительнѣйшее письмо, съ просьбою доставить ему честь представиться его величеству. На другой же день, къ неимовѣрному изумленію нашего героя, онъ получилъ отвѣтъ, подписанный королемъ. Въ письмѣ извѣщалось о полученіи его записки и о томъ, что король въ 4 часа будетъ находиться въ саду Санъ-Суси.

Казанова, разумѣется, былъ аккуратенъ; около 4 часовъ онъ уже прохаживался въ аллеяхъ громаднаго сада. Не зная къ кому обратиться, онъ поднялся по лѣстницѣ дворца, вошелъ, и очутился въ картинной галереѣ. Къ нему подошелъ сторожъ и предложилъ проводить его по галереѣ. Казанова объяснилъ ему, что пришелъ не ради картинъ, но по повелѣнію короля, который писалъ, что будетъ въ саду.

— Теперь король играетъ на флейтѣ,—сказалъ сторожъ. — Онъ каждый день устраиваетъ маленькіе концерты. Онъ назначилъ вамъ часъ?

— Да, четыре часа; но онъ, быть можетъ, забылъ?

— Король никогда ничего не забываетъ. Ровно въ четыре часа онъ будетъ въ саду и вы должны тамъ и ожидать его.

Казанова вышелъ въ садъ и сталъ ждать. Черезъ нѣсколько времени показался король въ сопровожденіи своего чтеца и красивой собаки. Увидавъ Казанову, Фридрихъ тотчасъ подошелъ къ нему, снялъ шляпу, назвалъ Казанову по имени и громовымъ голосомъ спросилъ, что онъ хочетъ. Казанова былъ такъ пораженъ этимъ свирѣпымъ привѣтствіемъ, что онѣмѣлъ отъ смущенія и только смотрѣлъ на короля, не въ силахъ будучи открыть рта.

— Ну, говорите же!—кричалъ Фридрихъ.—Вѣдь это вы писали мнѣ?

— Точно такъ, государь, — отвѣчалъ Казанова, — но я не могу даже вспомнить, что хотѣлъ сказать вамъ. Я могъ раньше обманывать себя тѣмъ, что величіе монарха не произведетъ на меня ошеломляющаго дѣйствія, но впредь я уже не впаду въ такое заблужденіе. Милордъ Кейсъ долженъ былъ предупредить меня.

— Такъ онъ знаетъ васъ? Пойдемте, будемъ ходить. О чемъ же вы хотѣли говорить со мной? Что вы скажете объ этомъ садѣ?

«Что вы хотѣли говорить» и «что скажете о садѣ?» — надо, значитъ, сразу отвѣчать на два вопроса, не имѣющіе между собою ни малѣйшей связи. Казанова чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, попавшаго въ кипятокъ. Соображеніе подсказывало ему, что надо начать говорить о садѣ. Но что̀ онъ понималъ въ садоводствѣ? Между тѣмъ, отозваться своимъ невѣдѣніемъ въ разговорѣ съ монархомъ—дѣло щекотливое. Король рѣшилъ—по какимъ примѣрамъ и соображеніямъ, это ужь его дѣло!—что Казанова долженъ имѣть свое

мнѣніе въ вопросахъ садоводства, и отрицать это—значило бы отрицать прозорливость короля, сказать ему прямо, что онъ ошибается. Кто же говоритъ такія вещи монарху! Всѣ эти соображенія промельнули, какъ молнія, въ головѣ Казановы и онъ немедленно отвѣчалъ, что садъ въ Санъ-Суси онъ находитъ великолѣпнымъ.

— Но Версальскіе сады,—замѣтилъ король,—гораздо лучше.

— Это такъ, государь, но потому, что ихъ краситъ обиліе воды.

— Правда. Но что жь я тутъ могу подѣлать! Воды здѣсь нѣтъ. Я истратилъ 300 тысячъ экю, чтобы обводнить это мѣсто, и ничего не могъ добиться.

— Триста тысячъ экю!—невольно воскликнулъ Казанова.—Если бы ваше величество израсходовали сразу такую сумму, то вода явилась бы.

— Ага,—догадался Фридрихъ,—я вижу вы инженеръ-гидротехникъ?

Новое затрудненіе такого же рода, какъ первое! Казанова, ни аза не понимавшій въ гидравликѣ и гидротехникѣ и вообще въ инженерномъ дѣлѣ, долженъ былъ бы по совѣсти отвѣчать: «Никакъ нѣтъ, ваше величество!» Но сказать «Никакъ нѣтъ», все равно, что сказать: «вы ошибаетесь». Явная дерзость! Поэтому онъ ограничился въ отвѣтъ скромнымъ наклоненіемъ головы, предоставляя королю истолковывать этотъ жестъ по его усмотрѣнію.

Между тѣмъ, король все шелъ впередъ, посматривая направо и налѣво, и вдругъ спросилъ у Казановы, велики ли размѣры вооруженныхъ силъ Венеціи какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, если ихъ привести на военное положеніе? Казанова воспрянулъ духомъ. Вотъ, наконецъ, вопросъ, на который онъ можетъ дать точный отвѣтъ, какъ настоящій знатокъ!

— Двадцать линейныхъ кораблей, государь, и весьма значительное число галеръ,—безъ запинки отвѣтилъ онъ.

— А сухопутныхъ войскъ?

— Семьдесятъ тысячъ человѣкъ, государь, все подданныхъ республики, считая по одному съ каждаго населеннаго мѣста.

— Ну, это вздоръ,—возразилъ король.—Вы просто хотите меня позабавить, разсказывая мнѣ басни! Но вы, вѣроятно, знатокъ по части финансовъ. Скажите, какихъ мыслей вы держитесь о налогахъ?

Казанова вдругъ припомнилъ свои родные, столь любимые и популярные въ Италіи спектакли, Commedie del'arte, въ которыхъ актеры берутъ только извѣстный сюжетъ, какъ канву для своей игры, а всѣ сцены, всѣ разговоры, реплики придумываютъ сами, тутъ же на сценѣ, безъ всякаго суфлера. Горе актеру, который замнется, смѣшается, смутится, не найдется, что сказать, остановится въ перѣшительности хоть на одно мгновеніе. Публика освищетъ его безъ всякаго милосердія. Вотъ именно въ такое положеніе угодилъ и Казанова въ своей бесѣдѣ съ королемъ Фридрихомъ. Надо было нимало немедля вступить въ роль финансиста, глубокаго знатока вопроса о податяхъ и повинностяхъ. Казанова принялъ важный видъ и объявилъ, что онъ готовъ изложить свою теорію налоговъ.

— Конечно, теорію,—отвѣтилъ король,—о практикѣ васъ никто и не спрашиваетъ, это не вашего ума дѣло.

— Существуетъ три рода налоговъ, — началъ свою деклама-

цію Казанова,—одинъ разорительный, другой, по несчастью,—необходимый, а третій—всегда благодѣтельный.

— Отлично. Продолжайте!

— Разорительный налогъ—это налогъ въ пользу королевской казны, необходимый—военный, а благодѣтельный—тотъ, который предназначенъ для общегосударственныхъ расходовъ.

Работа была не легкая. Казанова никогда въ жизни не сочинялъ никакой теоріи налоговъ, даже и не размышлялъ объ этомъ сюжетѣ. Онъ говорилъ, что попало, надѣясь, что изъ словъ сами собою выстроятся идеи; надо было только смотрѣть въ оба, чтобы не сказать какой-нибудь явной нелѣпости.

— Королевскій налогъ, государь,—продолжалъ онъ,—это тотъ, который истощаетъ карманы народа для того, чтобы наполнить сундуки монарха.

— И этотъ налогъ всегда разорителенъ, говорите вы?

— Всегда, государь, ибо онъ вредитъ круговращенію цѣнностей, которая являетъ собою душу торговли и поддерживаетъ государственный строй.

— Но налогъ на содержаніе войска вы считаете неизбѣжнымъ?

— Къ несчастію, ибо война есть бѣдствіе.

— Пожалуй, и такъ. Ну, а общегосударственный налогъ?

— Онъ всегда и неизмѣнно благотворенъ. Тутъ властитель, что беретъ у народа одною рукою, то возвращаетъ ему же другою рукою. Онъ пускаетъ собранное богатство въ общій круговоротъ цѣнностей, основываетъ полезныя учрежденія, покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ, которыя способствуютъ росту общественнаго благосостоянія. Королю остается только споспѣшествовать этому благосостоянію изданіемъ мудрыхъ законовъ, которые направляли бы эти налоги къ вящшему благополучію народной массы.

— Все это отчасти справедливо. Вы, безъ сомнѣнія, знаете Кальсабиджи.

(NB. Объ этомъ Кальсабиджи мы упоминали, разсказывая о лотереѣ, устроенной Казановою въ Парижѣ).

— Мнѣ нельзя его не знать, государь. Семь лѣтъ тому назадъ мы вмѣстѣ съ нимъ устраивали въ Парижѣ лотерею.

— А вотъ, кстати, къ какой группѣ налоговъ отнесете вы эту лотерею, потому что вѣдь это тоже налогъ?

— Да, государь, это налогъ, но налогъ доброкачественный, если только король обращаетъ его на полезные расходы.

— Но король можетъ понести на немъ убытки.

— Въ одномъ случаѣ изъ пятидесяти.

— Это развѣ вычислено съ достовѣрностью?

— Съ полною достовѣрностью, государь, насколько она вообще возможна въ разсчетахъ политическаго характера.

— Эти разсчеты зачастую оказываются невѣрными.

— Они всегда вѣрны, если только Господь Богъ остается нейтральнымъ.

— Зачѣмъ вмѣшивать сюда Господа Бога?

— Если угодно вашему величеству, случай или судьба.

— Ну, прекрасно. Я, пожалуй, коли хотите, думаю такъ же, какъ вы

относительно этихъ лотерей, но я не люблю ихъ. По моему, лотерея—чистое мошенничество, и я не согласился бы на нее, если бы даже успѣхъ ея былъ мнѣ доказанъ, какъ дважды два.

Нѣкоторое время наши собесѣдники прошли молча. Потомъ король остановился, повернулся лицомъ къ Казановѣ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

— А знаете, вѣдь вы очень видный мужчина!

— Возможно ли, ваше величество,—воскликнулъ Казанова,—чтобы послѣ такой продолжительной серьезной бесѣды вы могли замѣтить во мнѣ ничтожнѣйшее изъ достоинствъ, которыми блещутъ ваши гренадеры!

Король отвѣчалъ хитрою улыбкой, а потомъ очень милостиво и добродушно сказалъ Казановѣ:

— Коли Кейсъ знаетъ васъ, то я съ нимъ о васъ поговорю.

Затѣмъ онъ снялъ шляпу, которую онъ снималъ передъ всѣми, и поклонился. Казанова также отвѣсилъ поклонъ и удалился.

Въ ожиданіи рѣшенія королемъ его участи Казанова навѣщалъ знакомыхъ, которыхъ у него нашлось немало въ Берлинѣ. Между прочимъ, онъ повстрѣчалъ нѣкоего Лоліо, съ которымъ онъ когда-то вмѣстѣ учился, еще будучи ребенкомъ, у доктора Годзи, въ Падуѣ. Лоліо очень нажился въ Россіи. Онъ восторженно отзывался объ императрицѣ Екатеринѣ. Слушая его разсказы, Казанова порѣшилъ, если ему не удастся устроиться въ Пруссіи, отправится искать счастье въ Россію.

Тѣмъ временемъ Казанова побывалъ въ Потсдамѣ. Здѣсь онъ осмотрѣлъ роскошный дворецъ, въ которомъ его всего больше поразила комната короля. Это была небольшая, очень скаредно меблированная спальня. За ширмами стояла простая кровать; не видно было никакой одежды, ни даже туфлей. Камердинеръ показалъ посѣтителю старый колпакъ, который король надѣвалъ въ случаѣ насморка; сверхъ этого колпака онъ надѣвалъ шляпу, такъ что получался, надо полагать, очень неудобный головной уборъ. Въ сторонѣ стоялъ диванъ, а передъ нимъ столъ, покрытый бумагами, письменными принадлежностями и какими-то опаленными огнемъ тетрадками. Камердинеръ сказалъ, что въ этихъ тетрадяхъ записана исторія послѣдней войны: случайно эти тетради однажды загорѣлись и король послѣ того забросилъ ихъ. Впрочемъ, впослѣдствіи эта исторія была опубликована уже по смерти Фридриха.

Такъ прошло пять-шесть недѣль. Наконецъ лордъ Кейсъ вызвалъ къ себѣ Казанову и объявилъ ему, что король вспомнилъ таки о немъ и придумалъ для него мѣсто—воспитателя въ недавно основанномъ имъ корпусѣ померанскихъ кадетъ. Всѣхъ кадетъ было пятнадцать, а воспитателей при нихъ пять, на каждаго воспитателя по три кадета. Четыре воспитателя уже были взяты, а мѣсто пятаго король предоставлялъ Казановѣ. Жалованье воспитателю было назначено 600 экю въ годъ, а обязанность его состояла въ томъ, чтобы всюду сопровождать своихъ питомцевъ, даже ко двору. Должности присвоивался особый мундиръ съ галунами.

Казанова разспросилъ, гдѣ находится это заведеніе. Онъ желалъ лично осмотрѣть его, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. Лордъ Кейсъ предупредилъ его, что тянуть не слѣдуетъ, что король этого не любитъ и ждать не будетъ. Казанова немедленно отправился въ корпусъ.

Корпусъ помѣщался въ какой-то невзрачной казармѣ, подъ него

было отведено всего три-четыре комнаты, почти пустыхъ, съ голыми, бѣлеными известкою стѣнами. Каждому кадету полагалась только койка, сосновый столъ, да два такихъ же табурета. Между тѣмъ, всѣ эти кадеты были дѣти богатѣйшихъ померанскихъ магнатовъ. Бѣдные мальчуганы оказались неопрятными, грязными, нечесанными, одѣтыми въ какіе-то смѣшные мундирчики. Тутъ же съ ними были и ихъ воспитатели, которыхъ Казанова сначала было принялъ за служителей. Всѣ они смотрѣли на посѣтителя съ недоумѣніемъ, не подозрѣвая въ немъ будущаго товарища по службѣ.

Само собою разумѣется, что нашъ герой, баловень фортуны, порѣшилъ наотрѣзъ отказаться отъ такого предложенія. Онъ уже собрался уходить изъ корпуса, какъ вдругъ въ немъ внезапно появился Фридрихъ, пожелавшій навѣстить своихъ кадетъ. Король вошелъ, осмотрѣлся кругомъ, видѣлъ, конечно, и Казанову, но не сказалъ ему ни слова. Обходя комнату, Фридрихъ вдругъ увидѣлъ, что изъ подъ одной кровати выставляется наружу нѣкая посудина, оказавшаяся притомъ въ самомъ неопрятномъ видѣ. Король вспылилъ.

— Это что такое? Чья это койка?—вскричалъ онъ.

— Моя, ваше величество,—отвѣтилъ трепетавшій кадетикъ.

— Твоя? Хорошо! Но мнѣ до тебя нѣтъ дѣла; а кто твой воспитатель?

Злополучный воспитатель вытянулся передъ разгнѣваннымъ монархомъ и выслушалъ отъ него капитальнѣйшую головомойку. Казанова былъ окончательно испуганъ этою сценою. Вотъ какая «служба» угрожала ему! Онъ тотчасъ отправился къ Кейсу и съ свойственнымъ ему юморомъ пересказалъ ему все это происшествіе по поводу прозаическаго горшка. Кейсъ отъ души похохоталъ и добродушно согласился, что человѣку, нравственно опрятному, въ самомъ дѣлѣ зазорно исправлять подобную должность. Онъ самъ взялся отблагодарить короля отъ имени Казановы за его милость и извиниться за него. Казанова же принялъ окончательное рѣшеніе отправиться въ Россію. Передъ отъѣздомъ ему еще разъ привелось видѣться съ королемъ Фридрихомъ.

Одинъ знакомый ему венеціанецъ, баронъ Бодиссонъ, хотѣлъ продать королю картину Андреа дель-Сарто и предложилъ Казановѣ поѣхать вмѣстѣ въ Потсдамъ. Когда они туда прибыли, король присутствовалъ на парадѣ; онъ вообще очень любилъ парады. Увидавъ Казанову, онъ тотчасъ самъ подошелъ къ нему и очень любезно и фамильярно заговорилъ съ нимъ.

— Когда вы намѣрены отправиться въ Петербургъ?

— Черезъ пять или шесть дней, съ позволенія вашего величества.

— Добрый путь! Но на что вы надѣетесь тамъ, въ Россіи?

— На то же, на что надѣялся здѣсь,—снискать милость.

— Вы имѣете рекомендацію къ императрицѣ?

— Никакъ нѣтъ, государь, я имѣю только рекомендательное письмо къ банкиру.

Если поѣдете обратно черезъ Берлинъ, доставите мнѣ удовольствіе, разсказавъ, что̀ вы видѣли въ Россіи. Прощайте!

Казановѣ больше было нечего дѣлать въ Берлинѣ. Онъ продалъ коечто изъ своего имущества, выручилъ за все 200 дукатовъ, распростился со своими друзьями и тронулся въ путь.

ГЛАВА XXI.

Путешествіе въ Россію.—Казанова въ Митавѣ и Ригѣ. — Первыя впечатлѣнія въ Россіи.—Свиданіе съ принцемъ Бирономъ.—Генералъ Воейковъ. — Казанова видитъ Екатерину II, при ея проѣздѣ черезъ Ригу. — Прибытіе въ Петербургъ.—Казанова на придворномъ маскарадѣ. — Приключенія въ Петербургѣ.

Какъ уже сказано, Казанова собралъ на дорогу около 200 дукатовъ, т. е. не менѣе 500 рублей (мет.). Этой суммы было совершенно достаточно для того, чтобы добраться до Петербурга. Но въ Данцигѣ онъ познакомился съ молодыми купцами, закутилъ съ ними и убавилъ свой капиталъ ровно наполовину. Вслѣдствіе этого ему не пришлось, какъ онъ разсчитывалъ, остановиться въ Кенигсбергѣ, а онъ имѣлъ туда рекомендательное письмо къ фельдмаршалу Левальду. Всетаки Казанова повидался съ этимъ почтеннымъ старцемъ и получилъ отъ него рекомендательное письмо къ рижскому губернатору, генералу Воейкову.

Между Мемелемъ и Митавою, на границѣ съ Польшею, его вдругъ совершенно внезапно, среди открытаго поля, остановилъ какой-то еврей и потребовалъ пошлины за товары, которые Казанова везъ съ собою.

— Какіе товары!—удивился нашъ герой.—У меня ничего нѣтъ, я не купецъ и не обязанъ платить никакихъ пошлинъ.

— Я имѣю право произвести досмотръ,—настаивалъ еврей.

— Ты съ ума спятилъ!—крикнулъ ему Казанова и велѣлъ ямщику продолжать путь. Еврей началъ удерживать и останавливать экипажъ. Казанова вышелъ изъ экипажа, вздулъ еврея палкою и обратилъ его въ бѣгство. Во все время этой расправы его слуга спокойно сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста. Когда Казанова началъ дѣлать ему за это выговоръ, равнодушный эльзасецъ (Казанова только-что нанялъ его въ Берлинѣ) отвѣтилъ:

— Помилуйте, если бы я вступился въ дѣло, еврей могъ бы потомъ хвастать, что мы вышли противъ него двое!

Въ Митавѣ Казанова навѣстилъ канцлера Кайзерлинга. Тутъ съ нимъ случилось забавное происшествіе. У Кайзерлинговъ его угощали шоколадомъ, который ему подавала служанка, чрезвычайно красивая полька. Казанова былъ тронутъ ея красотою и положилъ ей на подносъ три дуката. Полька, разумѣется, разблаговѣстила по всему городу о такой щедрости. Дѣло дошло до свѣдѣнія мѣстнаго финансиста и фактора, еврея. Онъ почуялъ поживу около блестящаго иноземнаго кавалера, швыряющаго дукаты безъ счета, и самъ предложилъ Казановѣ деньги въ займы, подъ вексель на петербургскаго банкира; онъ что-то много при этомъ выгадывалъ, благодаря тогдашней курсовой разницѣ Такимъ образомъ, зря брошенные три дуката принесли Казановѣ сотню, которая въ ту минуту оказалась для него не лишнею.

Отлично рекомендованный митавскимъ сановникамъ, Казанова удостоился приглашенія на придворный балъ къ герцогу. Онъ былъ представленъ герцогинѣ, а затѣмъ и знаменитому бывшему временщику Бирону (Biron или Birlen, какъ увѣряетъ Казанова въ своихъ запискахъ). Онъ былъ уже очень старъ, но физіономія его еще носила слѣды кра-

соты. Казанова на другой день долго бесѣдовалъ съ герцогомъ; разговоръ шелъ, главнымъ образомъ, объ естественныхъ богатствахъ Курляндіи и о ихъ разработкѣ. По обыкновенію нашъ герой сумѣлъ выставить себя знатокомъ дѣла, о которомъ, въ сущности, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Герцогъ былъ введенъ въ заблужденіе и пригласилъ его остаться у него недѣли на двѣ, чтобы вмѣстѣ объѣхать его владѣнія и лично осмотрѣть естественныя богатства страны. Отправились на другой же день. Казанова взялъ съ собою и своего слугу, Ламберто. Этотъ малый учился въ Страсбургѣ въ какой-то спеціальной школѣ, хорошо зналъ черченіе и съ нимъ были кое-какіе чертежные инструменты; все это было не лишнее для пусканія пыли въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, шикъ былъ заданъ въ изрядной мѣрѣ; Казанова разсуждалъ, одобрялъ, критиковалъ, предлагалъ мѣры; въ одномъ мѣстѣ даже сдѣлали полную съемку мѣстности, начертили планъ, отмѣтили на немъ насыпи, каналы, осушительные и оросительные. Казанова даже самъ дивился своимъ свѣдѣніямъ въ инженерномъ искусствѣ! Онъ старался не даромъ.

Старый временщикъ на прощаньи вручилъ ему двѣ сотни дукатовъ. Онъ отправилъ нашего героя въ Ригу въ собственномъ превосходномъ экипажѣ и снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ своему сыну, генералъ-маіору, герцогу Карлу, служившему въ Ригѣ. Принцъ принялъ его прекрасно и во все время пребыванія Казановы въ Ригѣ проявлялъ къ нему всяческое вниманіе. Казанова побывалъ, конечно, и у генерала «Воякова», какъ онъ его называетъ; онъ остался въ восхищеніи отъ этого стараго служаки. Казанова бывалъ у него ежедневно и они часто бесѣдовали о Венеціи, въ которой генералъ былъ за 50 лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ то время, какъ Казанова проживалъ въ Ригѣ, чрезъ этотъ городъ прослѣдовала императрица Екатерина II, направлявшаяся въ Польшу. Тутъ Казанова впервые имѣлъ случай видѣть великую императрицу. Въ его присутствіи состоялся пріемъ ею лифляндскаго дворянства; царица была въ высшей степени проста и любезна со всѣми; всѣхъ дамъ и дѣвицъ она цѣловала, не допуская ихъ къ своей рукѣ. Въ тотъ же день императрица, любительница карточной игры, устроила для своихъ приближенныхъ фараонъ, въ которомъ сама держала банкъ. Ея банкъ сорвали на первомъ же кругѣ, да она, конечно, только ради этого и затѣяла игру.

Изъ Риги Казанова выѣхалъ въ половинѣ декабря. Стояли морозы около 15°, но Казанова на нихъ не жалуется, потому что былъ хорошо одѣтъ и притомъ почти не выходилъ изъ своего уютнаго дормеза. Изъ Риги съ нимъ увязался какой-то французъ, который все время, около трехъ сутокъ, протрясся на облучкѣ. Онъ былъ очень легко одѣтъ, но на морозъ мало жаловался и видимо не особенно отъ него страдалъ. Впослѣдствіи этотъ французъ былъ встрѣченъ Казановою у Чернышева въ качествѣ «uchitel», т. е. учителя, гувернера.

Казанова ѣхалъ безостановочно и безъ всякихъ приключеній, благодаря казенной подорожной, до самой Нарвы. Здѣсь у него спросили паспортъ, котораго у Казановы не было и не могло быть, по причинѣ его особыхъ отношеній съ своимъ правительствомъ. Нарвскій «губернаторъ», выслушавъ его объясненія, нѣсколько призадумался, а потомъ выдалъ ему паспортъ отъ себя. Этотъ паспортъ сослужилъ Казановѣ столь добрую службу, что у него потомъ уже ни разу не возникало никакихъ щекотливыхъ объясненій. Отъ Копорья (Koporie) до Петербурга

Казанова видѣлъ одну сплошную пустыню безъ всякихъ слѣдовъ жилья. Въ то время, по его словамъ, въ этой мѣстности не было даже русскаго населенія; тутъ разстилалась Ингрія, языкъ которой, какъ полагаетъ Казанова, не имѣетъ ничего общаго ни съ какимъ другимъ. Жители же той мѣстности, будто бы, занимались исключительно обворовываніемъ проѣзжихъ.

Казанова въѣзжалъ въ Петербургъ въ самый моментъ восхода солнца. Было 9 часовъ 24 минуты утра; Казанова, добрый космографъ, тотчасъ вычислилъ, что въ раіонѣ нашей сѣверной Пальмиры въ это время года ночь должна продолжаться $18^{3}/_{4}$ часовъ.

Казанова остановился въ «большой, прекрасной» улицѣ, которая называется Милліонною (La Millione). Ему отвели за очень дешевую плату двѣ комнаты, въ которыхъ было только двѣ кровати, четыре стула и два небольшихъ стола. Въ комнатахъ этихъ Казанову больше всего поразили колоссальныя печки; онъ подумалъ, что такія печи, вѣроятно, истребляютъ страшное количество дровъ. «Но я ошибся,—говоритъ онъ,—въ Россіи искусство строить печи доведено до такого же высокаго совершенства, какъ у насъ въ Венеціи искусство сооруженія водоемовъ». Онъ даже полюбопытствовалъ заглянуть во внутрь этихъ печей и былъ пораженъ искусствомъ расположенія въ нихъ дымовыхъ ходовъ. Ихъ топятъ, по его словамъ, одинъ разъ въ сутки, а тепло въ нихъ сохраняется ровное, «потому что, какъ только дрова прогорятъ, тотчасъ закрываютъ верхнюю отдушину». Далѣе онъ передаетъ о множествѣ случаевъ смертельнаго угара, происходящаго отъ несвоевременно закрытыхъ трубъ, и о томъ, что прислугу, виновную въ этомъ упущеніи обыкновенно вѣшаютъ. Немудрено, что наши сѣверныя благодатныя печи такъ поразили воображеніе южанина, почти и не вѣдающаго никакихъ искусственныхъ способовъ согрѣванія жилья.

Въ то время въ Петербургѣ, по словамъ Казановы, господствовалъ нѣмецкій языкъ, на которомъ можно было объясняться съ кѣмъ угодно, кромѣ простонародья. А такъ какъ Казанова плохо зналъ понѣмецки, то ему было довольно трудно. Вдобавокъ при всякой ошибкѣ въ говорѣ его поднимали на смѣхъ (Казанова сразу замѣтилъ эту особенность русскихъ), что̀ ужасно раздражало нашего самолюбиваго героя.

Въ первый же день пребыванія въ Петербургѣ хозяинъ квартиры сообщилъ Казановѣ, что въ тотъ вечеръ назначенъ при дворѣ маскарадъ, который будетъ продолжаться шестьдесятъ часовъ; что на этотъ маскарадъ можетъ явиться всякій, кто пожелаетъ, и что помѣщенія хватитъ на пять тысячъ гостей. Хозяинъ далъ своему жильцу билетъ на этотъ маскарадъ, и Казанова поспѣшилъ туда отправиться, чтобы видѣть въ сборѣ высшее петербургское общество.

Маскарадъ происходилъ въ залахъ дворца. Казанова увидѣлъ передъ собою несмѣтную толпу танцующихъ. Въ каждомъ залѣ гремѣлъ оркестръ музыки и каждый былъ биткомъ набитъ танцующими. Казанова прошелъ сквозь цѣлый рядъ этихъ залъ и добрался до буфетныхъ комнатъ, гдѣ каждый невозбранно кушалъ и пилъ, что̀ ему было угодно. Всюду царили полное веселье и свобода; безчисленное множество огней освѣщало эту оживленную картину. Казанова остался въ полномъ восхищеніи. Его особенно поражалъ контрастъ между угрю-

мою полярною стужею, царившею снаружи, на улицѣ, и этимъ свѣтлымъ и веселымъ раемъ.

Казанова расхаживалъ по заламъ и вдругъ услыхалъ около себя восклицаніе: «Вотъ царица!» Казанова прежде всего различилъ фигуру Григорія Орлова, который всюду сопровождалъ императрицу. На немъ, какъ и на ней, было очень дешевое домино, въ «пять копѣекъ», какъ выражается Казанова. Нашъ герой тихонько пошелъ вслѣдъ за таинственною маскою и убѣдился, что это въ самомъ дѣлѣ Екатерина, потому что множество гостей кругомъ тихонько сообщали объ этомъ другъ другу. Многіе не узнавали государыни и безъ церемоніи толкали ее, вѣроятно, доставляя этимъ ей искреннее удовольствіе, такъ какъ она, разумѣется, рядилась за тѣмъ, чтобы не быть узнанной. Казанова видѣлъ, какъ она нѣсколько разъ подсаживалась къ гостямъ, которые продолжали безпечно разговаривать между собою, быть можетъ, именно о ней. Такимъ путемъ царица могла выслушивать много лестнаго, а быть можетъ, и непріятнаго для себя, но зато высказаннаго совершенно безпрепятственно, искренно. Маска, которую гости шепотомъ называли Орловымъ, всюду слѣдовала за государынею, ни на одну минуту не теряя ея изъ вида. Всѣ узнавали сановника по его высокой фигурѣ и манерѣ выставлять голову впередъ.

Казанова ушелъ съ маскарада подъ утро. Онъ немедленно улегся спать, разсчитывая встать утромъ такъ, чтобы поспѣть въ церковь къ обѣднѣ. Хорошо проспавъ нѣкоторое время, онъ проснулся и взглянулъ на окно. «Рано еще», порѣшилъ онъ, всмотрѣвшись въ непроглядную тьму, царившую на улицѣ. Онъ забылъ о географическомъ положеніи мѣстности и не могъ сообразить, что въ декабрѣ у насъ въ Петербургѣ солнышко не торопится въ свой дневной походъ. Казанова повернулся на другой бокъ и вновь захрапѣлъ. Спалъ онъ, спалъ, наконецъ, вновь проснулся. Сквозь двойныя рамы оконъ брезжилъ тусклый свѣтъ. Наступилъ, значитъ, день, пора вставать. Онъ позвалъ слугу и просилъ его поторопиться—позвать парикмахера, вычистить одежду, подать умыться и т. д.

— Сегодня первое воскресенье моего пребыванія въ Петербургѣ,— говорилъ онъ въ объясненіе своей спѣшки,—надо сходить къ обѣднѣ.

— Да воскресенье уже прошло,—замѣтилъ слуга. — Воскресенье было вчра, сегодня понедѣльникъ.

Оказалось, что нашъ герой проспалъ двадцать семь часовъ подърядъ! Ему, какъ императору Титу, оставалось только причислить это проспанное воскресенье къ числу своихъ «пропащихъ» дней.

Онъ посѣтилъ банкира Папандопуло (вѣроятно такъ, хотя въ запискахъ Казановы это имя всюду пишется Papanelopulo). Онъ имѣлъ документъ на эту фирму, по которому долженъ былъ получать ежемѣсячно сто рублей. Папандопуло принялъ его прекрасно, далъ ему много добрыхъ совѣтовъ, рекомендовалъ лакея, на котораго можно положиться, указалъ, гдѣ нанять экипажъ; между прочимъ, экипажъ этотъ, карету, Казанова нанялъ за 18 рублей въ мѣсяцъ, — любопытный образчикъ тогдашней дешевизны жизни въ Петербургѣ.

Въ тотъ же день Казанова повстрѣчалъ какого-то знакомаго, своего соотечественника, которому надо было выѣхать изъ Петербурга немедленно, а сдѣлать этого онъ никакъ не могъ; въ то время объ отъ-

ѣздѣ иноземцевъ сначала помѣщалась публикація въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и паспортъ лишь выдавался по истеченіи двухъ недѣль послѣ этой публикаціи. Это правило было введено въ интересахъ кредиторовъ, которые, разумѣется, очень тщательно слѣдили по газетѣ за отъѣздомъ своихъ должниковъ.

Затѣмъ нашъ герой отнесъ рекомендательное письмо отъ Лоліо къ полковнику Петру Ивановичу Мелиссино (Pietro Jwanowitch), который тоже принялъ его весьма любезно. Казанова вообще умѣлъ ладить съ людьми, нравиться имъ, и куда бы ни явился, всегда у него находились знакомые въ лучшихъ кругахъ мѣстнаго общества. У Мелиссино шла большая игра въ фараонъ. Банкъ держалъ нѣкто Лефортъ, сынъ знаменитаго петровскаго сподвижника. За ужиномъ, въ первое же посѣщеніе Мелиссино, Казанова сидѣлъ рядомъ съ Лефортомъ и подружился съ нимъ. Между прочимъ, въ разговорѣ Казанова упомянулъ о какомъ-то князѣ, изъ числа гостей, который въ тотъ вечеръ проигралъ 1000 рублей съ самою величавою небрежностью, даже глазомъ не сморгнувъ. Лефортъ расхохотался въ отвѣтъ: благороднѣйшій князь, по его словамъ, обыкновенно игралъ въ кредитъ и проигрышей не платилъ.

Казанова подпрыгнулъ отъ изумленія. Вся компанія, собиравшаяся у Мелиссино, производила на него впечатлѣніе въ высшей степени порядочное. Какимъ образомъ дворянинъ, князь, могъ не платить карточнаго проигрыша, долга чести?

— У русскихъ своя особенная честь, — отвѣчалъ Лефортъ. — По правиламъ здѣшней чести неплатежъ карточнаго долга позорнымъ не считается. Кто проигралъ на слово, тотъ коли хочетъ—платитъ, а хочетъ—не платитъ, это его добрая воля. Выигравшій не можетъ даже напоминать ему о такомъ долгѣ; это не принято.

— Но если такъ, значитъ, и банкометъ можетъ безнаказанно надувать понтеровъ?

— Само собою разумѣется, и никто не въ правѣ на это обижаться. Вообще, здѣсь въ Россіи насчетъ игры установились такія правила, которыя въ Европѣ возможны развѣ только въ какомъ-нибудь мошенническомъ игорномъ притонѣ.

И Лефортъ привелъ въ примѣръ какого-то дворянина Матушкина, который будто бы составилъ себѣ извѣстность опытнѣйшаго шуллера и открыто хвастался тѣмъ, что можетъ потягаться съ самыми знаменитыми заграничными шуллерами. Этотъ искусникъ взялъ будто бы трехгодовой заграничный отпускъ, намѣреваясь совершить по Европѣ артистическое турнэ, и хвасталъ, что вернется въ отечество милліонеромъ.

У Мелиссано же Казанова познакомился и подружился съ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ Зиновьевымъ, родственникомъ Орлова; этотъ офицеръ былъ ему все время полезенъ. Между прочимъ, при его посредствѣ Казанова купилъ себѣ за 100 рублей какую-то деревенскую красавицу. Въ разсказѣ объ этой куплѣ Казанова, кажется, впадаетъ въ неточность. Словъ нѣтъ, продавать и покупать людей тогда было можно, но отъ владѣльцевъ. Казанова же утверждаетъ, что купилъ дѣвушку отъ ея родителей, причемъ, по объясненію Зиновьева, она все-таки становилась его крѣпостною. Не знаемъ, можно ли было такъ поступать. По поводу этого пріобрѣтенія Казанова дѣлаетъ любопытныя замѣ-

чанія о великомъ значеніи палки и вообще боя въ тогдашнее доброе старое время. Его раба и одалиска оказалась существомъ въ высшей степени ревнивымъ. «Сообразуясь съ правами страны», Казанова, чтобы отучить ее отъ этой ревности или хоть на время успокоить, задавалъ ей капитальную выволочку. «Не удивляйтесь,—предупреждаетъ онъ читателей, —это было лучшее средство доказать ей, что я ее люблю. Таковъ правъ русскихъ женщинъ. Послѣ побоевъ она становилась нѣжной и любящей и между нами устанавливалось доброе согласіе». Кстати сказать, дѣвица ему попалась не промахъ. Однажды, напримѣръ, онъ гдѣ-то загулялся и явился домой поздно ночью. Его «Заира», какъ онъ прозвалъ свою покупку, встрѣтила его грузною бутылкою, которую изо всей силы пустила ему въ голову; Казанова увѣряетъ, что избѣгнулъ явной смерти какимъ-то чудомъ. Послѣ того ему пришлось возиться съ нею до утра, а къ утру въ немъ созрѣло весьма серьезное намѣреніе бѣжать отъ этой бурной любви. Задала она ему страху! Любопытнѣе всего то, что для уличенія Казановы въ измѣнѣ, она ему показала, въ качествѣ неопровержимаго довода, «фигуру изъ 25 картъ, разложенныхъ на столѣ». Она въ его отсутствіе прибѣгла къ ворожбѣ, по нашему обычному способу раскладки картъ, и полученная комбинація во-очію убѣдила ее въ измѣнѣ возлюбленнаго.

— Въ Россіи,—говоритъ Казанова въ другомъ мѣстѣ,—побои совершенно необходимая и неизбѣжная вещь, потому что слова не оказываютъ никакого дѣйствія. Прислуга, любовница, вообще женщина не знаютъ иного резона, кромѣ плети. Разговаривать, убѣждать — только попусту тратить слова; а отхлестать плетью или дубиной — и человѣкъ тотчасъ вразумится. «Баринъ не прогналъ меня, а прибилъ,— такъ, будто бы разсуждаетъ русскій рабъ,—значитъ онъ меня любитъ, и слѣдственно я долженъ для него стараться». У Казановы было, напримѣръ, такого рода столкновеніе съ его слугою, «казакомъ», рекомендованнымъ Папандопуло. Этотъ казакъ, человѣкъ очень усердный и преданный, пришелся нашему герою во всѣхъ отношеніяхъ по вкусу; только одно его огорчало—пристрастіе этого человѣка къ водкѣ, которою онъ изрѣдка напивался до положенія ризъ. Казанова все время дѣлалъ ему выговоры. Однажды, когда онъ сѣтовалъ, въ бесѣдѣ съ Папандопуло, на пьянство своего казака, банкиръ посовѣтовалъ ему взлупить его хорошенько, хоть разъ. «Иначе, смотрите, — предупреждалъ банкиръ, — онъ кончитъ тѣмъ, что васъ приколотитъ». Оно почти такъ и вышло. Казанова, выведенный, какъ-то разъ изъ терпѣнія, раскричался на казака и занесъ надъ нимъ трость; тотъ немедленно кинулся на него и ухватился за трость, очевидно, наровя вырвать ее и вздуть самого барина. Казанова, имѣя на своей сторонѣ преимущество и силы и трезваго состоянія, безъ труда подмялъ подъ себя строптиваго раба, и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ выгналъ его.

За исключеніемъ этихъ двухъ свойствъ, т. е. пьянства и нечувствительности къ словеснымъ убѣжденіямъ, Казанова признаетъ за русскою прислугою сочетаніе самыхъ драгоцѣнныхъ качествъ—выносливость, трудолюбіе, терпѣніе, неприхотливость, послушаніе, честность. Онъ удивляется русскимъ кучерамъ, часто выстаивающимъ цѣлую ночь на лютомъ морозѣ, иногда даже замерзающимъ, особенно когда они не утерпятъ и выпьютъ водки, чтобы согрѣться. Онъ упоминаетъ о массѣ

отмороженныхъ носовъ и ушей въ Россіи, распространяется о признакахъ отмораживанія и извѣстномъ его леченіи—растираніи снѣгомъ. Кто-то увѣрилъ его, что отмороженные и отвалившіеся уши и носы иногда выростаютъ вновь; многіе, и въ тотъ числѣ принцъ Карлъ Курляндскій, удостовѣрили, что это правда. Казанова, впрочемъ, остался въ нѣкоторомъ сомнѣніи по этому пункту.

Папандопуло познакомилъ Казанову съ министромъ Олсуфьевымъ (Alsuwieff), высокимъ и полнымъ, по словамъ Казановы, единственнымъ литературно-образованнымъ человѣкомъ, котораго онъ встрѣтилъ среди тогдашнихъ русскихъ. Познакомился онъ еще съ Нарышкинымъ, егермейстеромъ.

Лоліо дали ему еще письмо къ дѣйствительно знаменитой княгинѣ Дашковой, предсѣдательницѣ Россійской Академіи. Она въ то время жила въ трехъ верстахъ отъ Петербурга, «въ изгнаніи», какъ увѣряетъ Казанова. Дашкова приняла его внимательно и обѣщала поговорить о немъ съ графомъ Панинымъ. Кругъ знакомыхъ Казановы быстро расширялся.

Въ Крещенье Казанова присутствовалъ на Невѣ, на водосвятіи, гдѣ было, по его словамъ, «на пять футовъ» льда. На льду сдѣлали прорубь и когда вода была освящена, священникъ сталъ погружать въ нее маленькихъ дѣтей, которыхъ ему подавали одного за другимъ.

Случилось, что священникъ нечаянно выпустилъ одного изъ малютокъ и тотъ, конечно, тотчасъ исчезъ подо льдомъ и утонулъ. Тогда священникъ будто бы воскликнулъ:

— Drugoï!

Т. е., — объясняетъ Казанова,—давайте мнѣ другого! Но каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ на лицахъ отца и матери погибшаго ребенка выраженіе неописуемой радости. Они были увѣрены, что ихъ чадо прямо вознесется на небо.

Въ томъ году императрица поручила своему архитектору Ринальди, давно жившему въ Петербургѣ, построить громадный амфитеатръ, который покрывалъ бы всю площадь передъ дворцомъ. Этотъ новый Колизей долженъ былъ вмѣщать 100 тысячъ зрителей. Екатерина хотѣла устроить въ немъ великолѣпный карусель и, между прочимъ, устроить кадриль изъ 400 всадниковъ, одѣтыхъ въ національные костюмы всѣхъ народовъ, подвластныхъ Россіи. По всему государству было послано извѣщеніе объ этомъ праздникѣ и по приглашенію начали уже собираться гости со всѣхъ концовъ Россіи. Праздникъ былъ назначенъ на первый же день, когда будетъ хорошая погода. Но, по словамъ Казановы, въ теченіе всего 1765 года, который онъ провелъ въ Петербургѣ, не было хорошей погоды, вслѣдствіе чего предположенный турниръ и не могъ состояться. Амфитеатръ перекрыли и онъ стоялъ такъ до слѣдующаго года, когда удалось, наконецъ, выбрать хорошую погоду для праздника.

Казанова поживалъ себѣ въ Петербургѣ, какъ и всюду: игралъ въ карты, жуировалъ, посѣщалъ загородные кабачки, да сражался съ своею Заирою.

Онъ всѣми средствами добивался быть представленнымъ императрицѣ, чтобы снискать ея милость, но это все никакъ не удавалось.

Императрицѣ доложили о немъ, разсказали всѣ его приключенія, очень, конечно, заинтересовали ими, особенно бѣгствомъ изъ Piombi, но видѣть героя этихъ приключеній она не изъявляла желанія.

ГЛАВА XXII.

Путешествіе Казановы въ Москву. — Оригинальный способъ возбужденія аппетита у лошади.—Мнѣніе Казановы о москвичахъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Встрѣча и бесѣды Казановы съ императрицею Екатериною II въ Лѣтнемъ саду.—Отъѣздъ въ Варшаву.

По свойствамъ своей цыганской натуры, Казанова не усидѣлъ, наконецъ, на мѣстѣ и надумалъ съѣздить въ Москву. Онъ много слышалъ о ней отъ петербуржцевъ; его увѣряли, что тамъ только онъ и увидитъ настоящую Русь.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ, въ «тотъ моментъ,—пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ,—когда пушка съ крѣпости извѣщала населеніе о томъ, что насталъ конецъ дня». Въ маѣ, въ бѣлыя ночи, въ то время палили изъ пушки въ моментъ заката солнца; безъ этого никто, по мнѣнію Казановы, не могъ бы знать, закатилось солнце или нѣтъ, «потому что въ это время можно было въ полночь свободно читать письмо».

Онъ нанялъ русскаго извозчика (chevochic russe), который взялся доставить его на своихъ шести коняхъ, въ шесть сутокъ за восемьдесятъ рублей; Казанова находитъ эту цѣну дешевою въ сравненіи съ заграничными. Въ то время отъ Москвы до Петербурга было 72 почтовыхъ станціи.

Черезъ двое сутокъ Казанова прибылъ въ Новгородъ. Здѣсь chevochic рѣшилъ дать лошадямъ отдыхъ на пять часовъ. При этой остановкѣ Казанова былъ свидѣтелемъ весьма диковиннаго факта, о которомъ онъ подробно повѣствуетъ. Дѣло въ томъ, что одна изъ лошадей извозчика не стала ѣсть; извозчикъ пришелъ, конечно, въ большое уныніе. Онъ сначала долго уговаривалъ лошадь, давая ей нѣжнѣйшія имена, чтобы она покушала; наконецъ, думая все еще одолѣть упорство четвероногаго, началъ рыдать передъ нимъ. Нарыдавшись досыта, онъ взялъ лошадь за морду и уткнулъ ее въ кормъ. Но конь брыкнулъ головою и всетаки не хотѣлъ ѣсть. Тогда извозчикъ обозлился, привязалъ лошадь къ столбу и началъ ее охаживать дубиною; онъ потѣлъ надъ нею не менѣе четверти часа, пока совсѣмъ не выбился изъ силъ. Послѣ того онъ вновь подвелъ лошадь къ яслямъ и—о, чудо!—она начала съ жадностью жевать кормъ, а извозчикъ при видѣ ея аппетита прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій. Этотъ случай, котораго Казанова былъ очевидцемъ, еще разъ убѣдилъ его въ томъ, что въ Россіи дубина составляетъ всеобщую панацею. Впослѣдствіи Казанова слышалъ (т. е. въ то время, когда онъ писалъ свои записки, лѣтъ 25 — 30 спустя послѣ путешествія въ Россію), что лютость побоевъ постепенно смягчилась въ Россіи. Но ему разсказывали, что въ древности палка владычествовала съ еще несравненно большею энергіею, чѣмъ при немъ. Старый генералъ Воейковъ разсказывалъ ему, что при Петрѣ I самъ царь билъ палкою генераловъ, генералы—капитановъ, капитаны—поручиковъ,

и т. д. Воейковъ, по его словамъ, испробовалъ дубинку великаго преобразователя на собственной спинѣ, и притомъ многократно.

Въ Москву прибыли какъ разъ на седьмыя сутки, какъ обѣщалъ извозчикъ. На безсмѣнныхъ лошадяхъ и невозможно проѣхать такое разстояніе въ меньшій срокъ. Казановѣ передавали, что императрица Елисавета Петровна совершала этотъ переѣздъ въ 50 часовъ.

«Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,—такъ говорилъ будто бы Казановѣ какой-то русскій человѣкъ стараго закала,—императрица издала указъ, чтобы ее доставляли изъ одной столицы въ другую въ 50 часовъ, и дѣло съ концомъ. Захотѣла бы—доставили бы и скорѣе; стоило только издать указъ».

«Въ мое время,—говорилъ Казанова,—во всемогуществѣ императорскаго указа не допускалось ни малѣйшаго сомнѣнія; такое сомнѣніе считалось чуть не оскорбленіемъ величества». Однажды ему случилось въ Петербургѣ идти по какому-то мосту черезъ каналъ, въ компаніи съ Мелиссино, Папандопуло и нѣсколькими русскими. Мостъ былъ очень скверный, ветхій, деревянный. Казанова сказалъ что-то такое насчетъ опасности его разрушенія. Кто-то изъ русскихъ замѣтилъ, что скоро этотъ мостъ разрушатъ и вмѣсто него построятъ каменный, потому что черезъ три недѣли этою дорогою должна прослѣдовать императрица. Казанова невольно усомнился, возможно ли въ три недѣли выстроить каменный мостъ. Тогда собесѣдникъ посмотрѣлъ на него пронизывающимъ взглядомъ и очень твердо и вѣско заявилъ, что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что по этому поводу изданъ указъ. Казанова хотѣлъ было возражать, но Папандопуло стиснулъ ему руку и шепнулъ по-итальянски: «Taci!» (молчи). Мостъ, положимъ, не былъ выстроенъ, говоритъ Казанова, но все же я былъ неправъ: императрица издала новый указъ, въ силу котораго постройка моста была отложена на годъ.

Въ Москвѣ Казанова остановился въ гостинницѣ, которую онъ хвалитъ. Ему отвели двѣ комнаты и сарай для кареты. Послѣ обѣда Казанова отправился съ визитами. Онъ нанялъ хорошій экипажъ, запряженный четверкою лошадей. По его словамъ, въ Москвѣ безъ экипажа нельзя было обойтись; городъ былъ громадный и какъ бы «состоялъ изъ четырехъ отдѣльныхъ городовъ»; улицы были очень дурно вымощены. У Казанова было съ полдюжины рекомендательныхъ писемъ въ Москву.

Казанова прибылъ въ первопрестольную въ какой-то праздникъ. Тутъ же мимоходомъ Казанова дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, что какъ разъ въ то время шелъ посѣвъ хлѣбовъ на поляхъ, разумѣется, яровыхъ. Его очень удивилъ такой способъ посѣва; ему былъ извѣстенъ только озимый сѣвъ. Онъ въ тотъ же день развезъ свои письма, былъ отлично всюду принятъ, и ему немедленно отдали визиты, приглашая его запросто на обѣдъ. Посѣтивъ хлѣбосольныхъ хозяевъ, Казанова быстро пришелъ къ заключенію, что настоящая Россія начинается только отсюда, отъ Москвы; петербуржцы же совсѣмъ не русскіе люди, а какіе-то иностранцы, очевидно исковерканные придворною и вообще свѣтскою жизнью. Москвичи произвели на него впечатлѣніе пламенныхъ и даже строптивыхъ патріотовъ; всѣ они говорили, что настоящая Россія—это Москва, и что коренному русаку только въ Москвѣ и жизнь; все, что

внѣ Москвы—это чужбина. На Питеръ всѣ они сердились и были къ нему недружелюбны.

Казанова въ недѣлю осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности первопрестольной—дворцы, церкви, библіотеки, памятники и ничѣмъ особенно не былъ заинтересованъ; по поводу царя-колокола онъ дѣлаетъ только бѣглое замѣчаніе, что въ Россіи звонъ производится языкомъ, а не раскачиваніемъ всего колокола, какъ за границею.

Московскія дамы, по наблюденіямъ Казановы, гораздо красивѣе петербургскихъ, — обстоятельство, приписываемое имъ климату Москвы, несравненно болѣе здоровому, нежели петербургскій. Онѣ очень обходительны и любезны; «чтобы получить отъ нихъ поцѣлуй въ уста, достаточно сдѣлать видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку», увѣряетъ Казанова.

Продовольственная часть первопрестольной не была обойдена молчаніемъ такимъ завзятымъ чревоугодникомъ, какъ нашъ герой. Онъ отмѣчаетъ великое обиліе московскаго стола, но полное отсутствіе въ немъ изысканности. Столъ москвича всегда къ услугамъ друзей. «Русскій никогда не скажетъ:—«мы уже отобѣдали», а каждому пришедшему буде онъ не откажется наотрѣзъ, тотчасъ накрываютъ на столъ». Далѣе Казанова говоритъ: «У нихъ есть прелестный напитокъ, названіе котораго я забылъ; гораздо лучше, чѣмъ константинопольскій шербетъ». Не о квасѣ ли московскомъ идетъ тутъ рѣчь? Этотъ напитокъ продается, будто бы по рублю за бочку, и его вездѣ и всюду такъ много, что даже прислугѣ никогда не даютъ въ питье простой воды, а только это, восхитившее Казанову, питье.

Русскіе отличаются благоговѣйнымъ почитаніемъ Святителя Николая, изображеніе котораго Казанова видѣлъ въ каждомъ домѣ. «Входящій прежде всего обращается къ этому образу, и къ нему обращаетъ свое первое привѣтствіе, а затѣмъ уже здоровается съ хозяиномъ». Если же вошедшій не видитъ образа, то онъ поворачивается во всѣ стороны, ищетъ его и, не найдя, совсѣмъ теряется, не зная, что ему дѣлать. Казанова считаетъ русскихъ «самыми суевѣрными изъ всѣхъ христіанъ». Онъ почему-то убѣдился, что богослуженіе у насъ совершается на греческомъ языкѣ и что народъ совсѣмъ не понимаетъ его.

Въ Петербургъ Казановъ вернулся тѣмъ способомъ, какимъ попалъ въ Москву. Первая новость, которую онъ узналъ здѣсь, было извѣстіе объ указѣ о построеніи новаго храма на Морской (Moscoï), противъ дома, гдѣ остановился Казанова. Постройка была поручена Ринальди. Архитекторъ будто бы все добивался и спрашивалъ у императрицы, какую эмблему помѣстить надъ входомъ во храмъ, и Екатерина требовала, чтобы на порталѣ было начертано слово «Богъ» и больше ничего.—«Я помѣщу его въ треугольникѣ», говорилъ Ринальди.—«Не надо никакого треугольника,—отвѣчала императрица,—просто начертать слово «Богъ» на какомъ угодно языкѣ».

Полковникъ Мелиссино пригласилъ Казанову на парадъ, на которомъ его поразила быстрая стрѣльба изъ пушекъ. Онъ слѣдилъ за пальбою съ часами въ рукахъ и удостовѣряетъ, что каждая пушка дѣлала двадцать выстрѣловъ въ минуту.

Послѣ парада (или, вѣрнѣе, смотра) генералъ Алексѣй Орловъ давалъ блестящій обѣдъ всѣмъ гостямъ, на который попалъ и Казанова. Рядомъ

съ нимъ сидѣлъ секретарь французскаго посольства. За обѣдомъ подавали венгерское; неопытный французъ, полагая, что это вино не крѣпче шампанскаго, пилъ его бокалъ за бокаломъ, и вдругъ охмелѣлъ до неприличія. Орловъ тотчасъ пособилъ горю; онъ заставилъ француза еще пить до тѣхъ поръ, пока избытокъ выпитаго не отбавился естественнымъ путемъ, тогда француза уложили въ постель и онъ переспалъ свой хмель. За обѣдомъ произносили здравицы и Казанова отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, показавшіяся ему особенно оригинальными. Такъ, Мелиссино, возглашая тостъ за здравіе генерала Орлова, прибавилъ въ заключеніе: «Желаю тебѣ дожить до того дня, когда ты станешь богатымъ!» Тостъ былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ; Орловъ славился своею щедростью и благотворительностью, которыя мѣшали ему стать богатымъ человѣкомъ.—«Желаю тебѣ умереть, не иначе какъ отъ моей руки!» отвѣтилъ ему Орловъ. Козанова при этомъ дѣлаетъ общую характеристику русскаго ума. Онъ указываетъ на его энергію, прямоту, силу, отсутствіе въ немъ изворотливости и деликатности.

Императрица очень почитала Вольтера, а потому и въ русскомъ обществѣ въ то время было множество вольтеріанцевъ. Самыми выдающимися приверженцами философа Казанова считаетъ Строганова и Шувалова. Оба писали французскіе стихи, которые Казанова читалъ и очень хвалилъ; онъ говоритъ даже, что и самъ Вольтеръ не отказался бы подписать свое имя подъ такими стихами. Прочтя всего Вольтера, русскіе вольтеріанцы считали себя столь же свѣдущими, какъ ихъ учитель. Казанова пробовалъ вступать въ пренія съ этими эрудитами, но кстати припомнилъ изреченіе какого-то римскаго жреца: «берегись спорить съ человѣкомъ, который прочелъ только одну книгу!»

Казанова, пріѣхавъ въ Россію съ единственною цѣлью «снискать милость», какъ онъ выразился въ разговорѣ съ королемъ Фридрихомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить на себя вниманіе. Онъ писалъ цѣлые трактаты о разныхъ предметахъ и представлялъ ихъ знакомымъ сановникамъ; онъ зналъ, что его произведенія просматривала и императрица, но они, очевидно, не привлекали ея вниманія. «Въ Россіи, —замѣчаетъ по этому случаю Казанова,—цѣнятъ только тѣхъ, кого призываютъ, а кто самъ представляется, тѣ рѣдко имѣютъ успѣхъ».

Но онъ не унывалъ. Ему хотѣлось лично представиться императрицѣ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку, обратить на себя ея милостивый взоръ. Долго его друзья изыскивали всякіе способы представить его, но все какъ-то не удавалось. Наконецъ, графъ Панинъ придумалъ такого рода уловку. Императрица имѣла привычку очень часто рано утромъ прогуливаться въ Лѣтнемъ саду. Если бы она встрѣтила Казанову тамъ, какъ бы случайно, то, весьма вѣроятно, сама съ нимъ заговорила бы. Казанова внялъ этому совѣту и началъ гулять по утрамъ въ саду. Желанный случай скоро представился. Казанова ходилъ по саду и разсматривалъ статуи, вѣроятно, тѣ самыя, что и теперь украшаютъ аллеи. Его поразила грубость этихъ скульптурныхъ произведеній. Онъ читалъ высѣченныя на ихъ пьедесталахъ надписи и посмѣивался. За этимъ занятіемъ его и застала императрица, пришедшая въ садъ въ сопровожденіи графовъ Орлова и Панина и двухъ дамъ. Казанова сталъ къ сторонкѣ, чтобы пропустить мимо себя императрицу со свитою. Поровнявшись съ нимъ, Екатерина весело улыбнулась и спросила его, какъ ему

нравятся статуи. Казанова ответилъ, что ихъ тутъ поставили, вѣроятно, для того, чтобы дать случай посмѣяться каждому, кто знакомъ съ исторіей и миѳологіей.

— Я знаю только одно,—сказала императрица,—что на этихъ статуяхъ обманули мою тетку, которая потомъ такъ и махнула на это рукой. Впрочемъ, надѣюсь, что не все, что вы видѣли у насъ, показалось вамъ столь же достойнымъ осмѣянія, какъ эти статуи.

Казанова почтительно отвѣтилъ, что смѣшное въ Россіи совершенно исчезаетъ передъ великимъ, которое заставляетъ иноземца изумляться. Онъ тотчасъ вооружился своимъ врожденнымъ краснобайскимъ талантомъ и началъ описывать свои впечатлѣнія въ Россіи. Ему случайно довелось коснуться при этомъ сосѣдней Пруссіи и ея короля. Онъ воздалъ должную дань величію знаменитаго монарха, но съ нѣкоторой горечью отозвался о его тяжелой манерѣ собесѣдованія. Екатерина все съ тою же благосклонною улыбкою спросила его, о чемъ онъ говорилъ съ Фридрихомъ, и Казанова передалъ уже приведенную нами бесѣду. Тогда царица, видимо заинтересованная талантливымъ разсказчикомъ, спросила его, отчего она никогда не видитъ его на куртагахъ? Такъ назывались придворные концерты, происходившие обыкновенно по воскресеньямъ, послѣ обѣда. На нихъ бывалъ кто хотѣлъ, и императрица, прохаживаясь среди публики, часто бесѣдовала съ своими гостями. Тогда Казановѣ пришла блестящая мысль отвѣтить, что онъ не бываетъ на куртагахъ потому, что онъ не охотникъ до музыки. Это было, конечно, сказано отнюдь не спроста. Дѣло въ томъ, что однажды онъ былъ въ театрѣ и слышалъ, какъ Екатерина отзывалась о данной въ тотъ день оперѣ.

— Музыка этой оперы,—говорила государыня,—всѣмъ доставляетъ большое удовольствіе, поэтому и я ей довольна. Но все же она на меня навѣваетъ скуку. Музыка—вещь хорошая, но я не понимаю, какъ можно любить ее до страсти; развѣ ужь человѣку не чѣмъ инымъ посерьезнѣе заняться! Я приглашаю сюда Буранелло; на знаю, заставитъ ли онъ меня заинтересоваться музыкою; сомнѣваюсь въ этомъ; я, кажется, такъ ужь создана, что не могу увлекаться ею.

Казанова отлично запомнилъ этотъ отзывъ царицы и въ своей бесѣдѣ съ нею политично пустилъ въ ходъ свой взглядъ на музыку, вполнѣ совпавшій, какъ бы нечаянно, со взглядомъ Екатерины. Выслушавъ его, она тотчасъ оборотилась къ Панину, и, смотря на него со смѣхомъ, сказала, что ей извѣстенъ нѣкто, страдающій тѣмъ же непониманіемъ музыки. Въ эту минуту къ группѣ подошелъ Бецкой, и царица заговорила съ нимъ; на этотъ разъ разговоръ тѣмъ и окончился.

Казанова въ это время близко и внимательно разсмотрѣлъ царицу. Она, по его описанію, была средняго роста, очень хорошо сложена, обладала величественною осанкою и великимъ искусствомъ нравиться всѣмъ. Она не была красавицею, но очаровывала своею ласковостью и умомъ, которымъ никогда не старалась никого поразить; въ этомъ отношеніи она владѣла замѣчательнымъ тактомъ, и это было, по словамъ Казановы, тѣмъ болѣе достойно изумленія, что великая царица имѣла полнѣйшее право быть о своемъ умѣ высокаго мнѣнія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого перваго свиданія Панинъ говорилъ Казановѣ, что императрица уже два раза спрашивала о немъ,—

явный признакъ, что имъ интересуются. Панинъ совѣтовалъ караулить всѣ случаи, чтобы вновь попасться императрицѣ на глаза. Заинтересовавшись Казановою, она, несомнѣнно, при встрѣчѣ вновь пожелала бы съ нимъ бесѣдовать и, быть можетъ, ему удалось бы снискать ея милость и получить какое-нибудь практическое примѣненіе своихъ талантовъ и знаній. Казанова не могъ себѣ представить, въ какомъ качествѣ онъ могъ бы пристроиться въ совершенно чуждой ему странѣ, которая, вдобавокъ, не нравилась ему, но все же порѣшилъ попытать счастья. Онъ ежедневно гулялъ въ Лѣтнемъ саду, и вотъ однажды вновь встрѣтился съ Екатериною. Она замѣтила его издали и тотчасъ послала къ нему офицера, который передалъ ему, что императрица желаетъ бесѣдовать съ нимъ. Въ то время какъ разъ въ Петербургѣ шли толки о затѣянномъ каруселѣ въ большомъ амфитеатрѣ на Дворцовой площади. Императрица повела разговоръ на эту тему и спросила у Казановы, можно ли было бы устроить такой праздникъ въ Венеціи? Казанова тотчасъ распространился о Венеціи, ея мѣстоположеніи и климатѣ и о возможности устраивать тамъ особыя увеселенія, почти неосуществимыя въ другихъ мѣстностяхъ. Императрицу видимо занимали его разглагольствованія. Онъ упомянулъ, между прочимъ, и томъ, что въ Венеціи погода большею частью стоитъ хорошая, что тамъ ясный день можно считать общимъ правиломъ, а ненастье исключеніемъ, въ Петербургѣ же совершенно наоборотъ. «А между тѣмъ годъ въ Россіи моложе, чѣмъ за границей», заключилъ Казанова свою рѣчь.

— Въ самомъ дѣлѣ,—согласилась царица,—у васъ годъ старѣе на одиннадцать дней.

— Ваше величество,—замѣтилъ Казанова,—не находите ли вы, что уравненіе возраста русскаго года съ нашимъ было бы дѣяніемъ вполнѣ достойнымъ вашего величія? Всѣ протестантскія страны уже давно приняли грегоріанскій календарь, а 14 лѣтъ тому назадъ его приняла и Англія, которая успѣла уже выгадать на этой перемѣнѣ нѣсколько милліоновъ. Вся Европа изумляется тому, что въ странѣ, гдѣ глава государства сосредоточиваетъ на себѣ и главенство надъ Церковью, въ странѣ, гдѣ существуетъ своя академія наукъ, до сихъ поръ еще остается старый стиль. Петръ Великій, вводя новый годъ съ 1 января, навѣрное ввелъ бы и новый стиль, но онъ, очевидно, сообразовался тогда съ господствовавшимъ въ Англіи старымъ стилемъ, въ интересахъ торговыхъ сношеній съ нею.

— Знаете,—замѣтила Екатерина съ тонкою улыбкою,—Петръ Великій вѣдь не былъ ученымъ.

— Государыня, онъ былъ болѣе чѣмъ ученый; безсмертный Петръ былъ первостепенный геній. У него взамѣнъ знанія былъ утонченный тактъ, который помогалъ ему имѣть точное сужденіе обо всемъ, что̀ могло служить къ благосостоянію его подданныхъ. Его обширный геній, въ сочетаніи съ рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ, не позволялъ ему уклониться на ложный путь и давалъ ему средства живо покончить съ тѣми злоупотребленіями, которыя стояли помѣхою его великимъ намѣреніямъ.

Царица слушала его съ видимымъ удовольствіемъ. Но какъ разъ въ это время показались двѣ какія-то дамы, которыхъ она велѣла подозвать.

— Я охотно отвѣчу вамъ когда-нибудь въ другой разъ,—сказала она Казановѣ на прощанье.

Новая встрѣча произошла дней черезъ десять, опять таки въ Лѣтнемъ саду. Екатерина сказала ему съ первыхъ же словъ, что реформа, которую онъ считалъ необходимою для славы Россіи, уже осуществлена, что всѣ письма и государственные акты, какіе только могутъ интересовать Европу, помѣчаются двойною датою—по новому и старому стилямъ. Каждому извѣстно, что разница въ счисленіи 11 дней.

— Осмѣлюсь замѣтить вашему величеству, — сказалъ Казанова,— что въ концѣ этого вѣка разница достигнетъ уже двѣнадцати дней.

— Совсѣмъ нѣтъ, да и это уже улажено. Послѣдній годъ этого столѣтія не будетъ високосный ни у насъ, ни у васъ. Такъ что между нами не останется никакой дѣйствительной разницы. Вѣдь этой убавки достаточно, если она препятствуетъ росту неточности. Даже и лучше, что разница вышла какъ разъ въ одиннадцать дней: 11— это число, на которое каждый годъ возрастаетъ эпакта; такъ что, значитъ, эпакта у насъ и у васъ одинаковая, только разница въ ней на одинъ годъ. Она у насъ остается совмѣстною даже въ послѣдніе одиннадцать дней тропическаго года. Что касается до Пасхи, то тутъ ужь ничего не подѣлать. У васъ весеннее равноденствіе 21 марта, у насъ 10; астрономы одинаково ссорятся изъ-за этого, и съ нами и съ вами, то вы правы, то мы, потому что равноденствіе приходитъ часто на день, на два, даже на три дня раньше или позже; но коли мы въ точности знаемъ время равноденствія, то законъ мартовской луны для насъ уже утрачиваетъ значеніе. Вѣдь вы знаете, что иногда впадаете въ разницу даже съ евреями, которые обладаютъ, сколько извѣстно, самымъ совершеннымъ эмболизмомъ. Да, наконецъ, эта разница въ празднованіи Пасхи не причиняетъ никакого нарушенія общественнаго порядка и не вноситъ никакого затрудненія въ законы и дѣйствія правительства.

— Все, что ваше величество сказали мнѣ, преисполнено мудрости и глубокаго знанія; я просто пораженъ. Но празднованіе Рождества Христова...

— Вотъ только въ этомъ Римъ и правъ,—перебила Екатерина,—вы, разумѣется, хотѣли сказать о томъ, что мы празднуемъ Рождество не въ тотъ день, когда бы слѣдовало—не въ день зимняго солнцестоянія. Мы это знаемъ; только я полагаю, что это мелочь. По моему, пусть лучше здѣсь останется эта маленькая неточность, нежели вычеркивать изъ жизни моихъ подданныхъ одиннадцать дней и оставить изъ нихъ два или три милліона безъ имянинъ и безъ дней рожденія. Пожалуй, еще станутъ говорить, что я, въ силу неслыханнаго деспотизма, сократила у людей жизнь на одиннадцать дней. Конечно, открыто роптать никто бы не сталъ, это у насъ не въ обычаѣ, но зато начали бы нашептывать другъ другу на ухо, что я безбожница и нарушаю постановленіе Никейскаго собора.

На этотъ разъ царица оставила Казанову въ полномъ изумленіи и восхищеніи. Правда, ему тотчасъ пришло въ голову, что она нарочно подготовилась къ этой бесѣдѣ, изучила вопросъ, чтобы ослѣпить собесѣдника своими блестящими познаніями. Эту догадку подтвердилъ и Олсуфьевъ, хотя тутъ же оговорился, что нѣтъ, дескать,

ничего мудренаго въ томъ, что императрица и раньше была ознакомлена съ этимъ вопросомъ, потому что она все знаетъ и безпрерывно пріобрѣтаетъ новыя свѣдѣнія.

Скоро послѣ того Панинъ извѣстилъ Казанову, что царица собирается дня черезъ два-три переѣзжать въ лѣтнюю резиденцію, и нашъ ґерой поспѣшилъ еще разъ увидѣть ее. Онъ пошелъ въ Лѣтній садъ и тамъ его засталъ сильный дождь. Пока онъ раздумывалъ, гдѣ бы ему укрыться, къ нему подошелъ офицеръ, посланный императрицею, и пригласилъ отъ ея имени въ залъ перваго этажа (какого помѣщенія— Казанова не упоминаетъ), гдѣ онъ засталъ ее, прохаживавшейся съ Григорьевичемъ (Gregorewitch?.. Быть можетъ, Григорій Орловъ?)

— Я забыла въ тотъ разъ спросить васъ,—заговорила она съ обычною чарующею любезностью,—считаете ли вы поправку, сдѣланную въ лѣтосчисленіи, совершенно свободною отъ неточности?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ Казанова,—да и въ самой поправкѣ объ этомъ упомянуто; только эта неточность совсѣмъ ничтожная, которая можетъ дать чувствительную погрѣшность лишь въ теченіе девяти или десяти тысячъ лѣтъ.

— И я думаю то же самое. А коли такъ, то мнѣ кажется, что папа Григорій не долженъ былъ бы признавать погрѣшности. Законодатель никогда не долженъ показывать себя слабымъ или мелочнымъ. Нѣсколько дней тому назадъ я расхохоталась, когда подумала о томъ, что если бы поправка календаря не исключила радикальной ошибки, съ отмѣною високосныхъ годовъ въ концѣ столѣтія, то черезъ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ въ мірѣ прибавился бы лишній годъ и что въ теченіе этого времени равноденствіе 130 разъ измѣнило бы свое мѣсто, гуляя по всѣмъ днямъ года. И тогда Рождество пришлось бы праздновать лѣтомъ десять или двѣнадцать тысячъ разъ. Глава католической церкви совершилъ реформу съ легкостью, которая совершенно недоступна мнѣ, связанной древними обычаями.

— Я всегда думалъ, что ваше величество встрѣтили бы полное послушаніе.

— Я и сама въ этомъ не сомнѣваюсь. Но какое огорченіе это причинило бы нашему духовенству, вынужденному при перемѣнѣ календаря выпустить изъ церковнаго обихода праздники всѣхъ святыхъ, память которыхъ пала бы на тѣ одиннадцать дней! У васъ на каждый день приходится по одному святому, а у насъ по дюжинѣ. Да и всѣ вообще старыя государства привержены къ своимъ древнимъ обычаямъ. Вѣдь вотъ у васъ въ Венеціи, какъ мнѣ передавали, годъ начинается съ марта, и этотъ обычай представляется мнѣ скорѣе величественнымъ, чѣмъ варварскимъ; да, пожалуй, и правильнѣе начинать годъ съ марта, нежели съ января. А, кстати, скажите, это не причиняетъ путаницы?

— Ни малѣйшей, государыня. Къ каждой датѣ января и февраля мы приписываемъ буквы «М. V.», такъ что никакой ошибки быть не можетъ.

— Венеція еще отличается своими гербами, которые совсѣмъ не подчиняются обычнымъ правиламъ, не имѣютъ обычнаго въ гербахъ поля. Кромѣ того, у Венеціи, есть еще особенность въ изображеніи евангелиста-покровителя города (св. Марка); говорили мнѣ также, что

въ пяти латинскихъ словахъ, съ которыми венеціанцы обращаются къ своему святому, есть какая-то грамматическая ошибка, при томъ очень почтенной древности. А правда ли, что вы не дѣлите на двѣ половины двадцать четыре часа суточнаго времени?

— Это совершенно вѣрно, государыня, мы начинаемъ счетъ часовъ дня съ начала ночи.

— Вотъ видите, что значитъ сила привычки! Вамъ такъ удобно и вамъ дѣла нѣтъ до того, что остальной міръ надъ вами смѣется. А мнѣ бы это казалось ужасно неудобнымъ.

— Тогда, посмотрѣвъ на часы, ваше величество сразу видѣли бы, сколько еще остается часовъ до конца дня, и вамъ не было бы надобности слушать крѣпостную пушку, которая возвѣщаетъ публикѣ о томъ, что солнце сѣло за горизонтъ.

— Это такъ, но противъ вашего одного преимущества—знать число часовъ до конца дня, у насъ имѣется цѣлыхъ два: мы знаемъ, что въ двѣнадцать часовъ либо полдень, либо полночь.

Послѣ того царица еще поразспросила его о венеціанскихъ нравахъ, о страсти венеціанцевъ къ азартнымъ играмъ, спросила, учреждена ли въ Венеціи генуэзская лотерея. При этомъ она сообщила Казановѣ, что такую лотерею хотѣли ввести и въ Россіи, но что она ее разрѣшала только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ставки были не меньше рубля, съ цѣлью устранить отъ игры бѣдныхъ людей.

На этомъ и кончилась послѣдняя бесѣда Казановы съ императрицею. Послѣ того онъ скоро рѣшилъ уѣхать. Свою крѣпостную Заиру онъ вернулъ къ отцу, подаривъ ей всѣ наряды, которые купилъ ей. Разлука устроилась съ обоюднаго согласія; все дѣло обошлось гладко, а особенно были довольны родители дѣвушки.

Казанова выѣхалъ изъ Петербурга въ началѣ лѣта, побывалъ въ Ригѣ, Кенигсбергѣ и въ октябрѣ 1765 года былъ уже въ Варшавѣ.

ГЛАВА XXIII.

Пребываніе Казановы въ Варшавѣ.—Его представленіе королю и бесѣды съ нимъ.—Ссора и дуэль съ графомъ Браницкимъ.—Казанову высылаютъ изъ Варшавы.

По дорогѣ, ни въ Римѣ, ни въ Кенисбергѣ съ Казановою не случилось ничего примѣчательнаго. Въ Варшаву онъ прибылъ въ октябрѣ 1765 года, имѣя рекомендательныя письма къ князю Чарторыжскому, тогдашнему подольскому губернатору, и князю Сулковскому, который потомъ былъ польскимъ посломъ во Франціи. Чарторыжскій пригласилъ его къ себѣ ужинать: «коли вамъ больше нечего дѣлать», прибавилъ онъ въ концѣ своего приглашенія. Чарторыжскій превосходно говорилъ по-французски,—en français parfumé, какъ выражается Казанова.

У Чарторыжскаго онъ встрѣтилъ много народа—все разныхъ польскихъ магнатовъ: епископа Красинскаго, коронпаго нотаріуса Ржевускаго, виленскаго губернатора Огинскаго, генерала Роникера и другихъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ Казановы появился новый гость—очень красивый и статный мужчина. При входѣ его всѣ встали. Хозяинъ представилъ вновь прибывшему Казанову, а затѣмъ, оборотясь къ Казановѣ, важнымъ и холоднымъ тономъ, произнесъ:

— Это король.

Казанова въ первое мгновеніе подумалъ было, «ужь не хочетъ ли хозяинъ позабавиться на его счетъ!» Но онъ тотчасъ отбросилъ эту мысль, сдѣлалъ два шага впередъ и преклонилъ колѣно. Король милостиво подалъ ему руку. Потомъ онъ заговорилъ съ нимъ, но Чарторыжскій подалъ ему какое-то письмо, которое король тотчасъ же началъ читать. Окончивъ чтеніе, онъ принялся разспрашивать Казанову о Россіи, о царицѣ, объ ея придворныхъ и, видимо, интересовался сообщаемыми Казановою подробностями.

Скоро доложили, что столъ накрытъ. Король не отпустилъ отъ себя Казанову; онъ продолжалъ бесѣдовать съ нимъ и посадилъ его около себя за столомъ. Онъ почти ничего не ѣлъ и все разговаривалъ съ Казановою, который былъ чрезвычайно польщенъ тѣмъ, что вся компанія польскихъ сановниковъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушаетъ его рѣчи. Послѣ ужина король началъ обуждать все, что услышалъ отъ Казановы. Уходя, онъ сказалъ нашему герою, что очень радъ будетъ видѣть его у себя при дворѣ. Чарторыжскій тотчасъ взялъ на себя представленіе его ко двору.

Король Станиславъ-Августъ былъ средняго роста; онъ не отличался красотою лица, но оно было у него очень выразительное и располагающее. Онъ былъ слегка близорукъ. Въ бесѣдахъ онъ очень оживлялся и любилъ шутить.

Черезъ нѣсколько времени Казанова ужиналъ у нѣкоей госпожи Шмидтъ, которую король помѣстилъ у себя во дворцѣ. Эта дама предупредила его, что за ужиномъ будетъ король. Станиславъ-Августъ въ этотъ вечеръ, по обыкновенію, былъ веселъ, остроуменъ; онъ навелъ разговоръ на древніе классическіе анекдоты, причемъ все цитировалъ какіе-то совершенно неизвѣстные Казановѣ латинскіе сборники. Казанова въ этотъ вечеръ оказался страшно голоденъ; онъ ѣлъ за четверыхъ, и такъ какъ ротъ у него былъ занятъ, то онъ могъ принимать участіе въ бесѣдѣ только односложными междометіями. Наконецъ, разговоръ завертѣлся около Горація, любимаго поэта Казановы, котораго онъ зналъ чуть ли не всего наизусть. Одинъ изъ гостей, аббатъ Гиджотти, замѣтилъ, что въ сатирѣ трудно соблюдать деликатность.

— Да, только эта трудность не существовала для Горація, — вступился Казанова.—Не даромъ же Горацій былъ любимцемъ императора Августа, безсмертнаго покровителя ученыхъ, сумѣвшаго побудить вѣнценосцевъ слѣдовать своему примѣру; многіе изъ нихъ принимали его имя, хотя иногда, впрочемъ, въ искаженномъ видѣ.

Король, который тоже принялъ это имя, т. е. присоединилъ его къ своему собственному, насторожился при этихъ словахъ, даже сталъ серьезенъ и спросилъ:

— Кто же изъ вѣнценосцевъ принялъ имя Августа, исказивъ его?

— Первый король Швеціи,—отвѣтилъ Казанова,—назывался Густавъ, а Густавъ—анаграмма Августа.

Каламбуръ показался забавнымъ королю; онъ расхохотался и объявилъ, что этотъ анекдотъ стоитъ всѣхъ, какіе въ тотъ вечеръ были разсказаны. Потомъ онъ просилъ Казанову указать такое мѣсто у Горація, которое доказывало бы высказанное имъ мнѣніе относительно удачнаго сочетанія римскимъ поэтомъ сатиры съ вѣжливостью.

Казанова отвѣтилъ, что можетъ привести цѣлый рядъ такихъ мѣстъ и тотчасъ припомнилъ одно изъ нихъ «Coram rege sua de paupertate tacentes plus quam poscentes ferent», т. е. умалчивающіе въ присутствіи своего короля о своей бѣдности получатъ больше, чѣмъ говорящіе о ней.

Цитата была подобрана очень кстати и, конечно, не безъ умысла. Казанова велъ себя хорошо въ Варшавѣ, не кутилъ, не игралъ въ большую игру. Но, вертясь постоянно въ кругу высшей аристократіи, онъ долженъ былъ проявлять немало внѣшняго шика и это ввело его въ непосильные расходы. Онъ не только истратилъ все, что у него было, но успѣлъ уже и долговъ надѣлать. Выстрѣлъ былъ направленъ вѣрно и ловко: на другой же день король при встрѣчѣ тихонько всунулъ ему въ руку тяжелый свертокъ и шепнулъ:

— Скажите спасибо Горацію, а меня не благодарите.

Въ сверткѣ оказались двѣ сотни дукатовъ, и Казанова имѣлъ возможность расплатиться со своими кредиторами.

Послѣ того Казанова часто посѣщалъ короля, который, видимо, очень полюбилъ итальянца-краснобая и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Свое благоволеніе къ нему онъ особенно наглядно показалъ послѣ дуэли Казановы съ Браницкимъ. Эта дуэль является однимъ изъ крупнѣйшихъ событій въ бурной жизни нашего героя. Мы здѣсь подробно передадимъ всю эту исторію по изложенію самого Казановы.

Во время пребыванія его въ Варшавѣ туда пріѣхала нѣкая балерина Бинетти, соотечественница и добрая знакомая Казановы. Она очень скоро устроилась въ Варшавѣ, найдя себѣ весьма высокихъ покровителей. Ее окружилъ цѣлый рой поклонниковъ, въ числѣ которыхъ особенно выдавались стольникъ Мошчинскій и молодой уланскій полковникъ, личный другъ короля, графъ Браницкій. Мало-по-малу этотъ послѣдній затмилъ другихъ обожателей и остался если не единственнымъ, то все же главнымъ покровителемъ хорошенькой балерины.

Въ то время директоромъ театра, гдѣ подвизалась Бинетти, былъ нѣкто Томатисъ, тоже итальянецъ. У него была любовница, балерина Катаи, которая раньше царила на сценѣ, но съ прибытіемъ Бинетти отступила на задній планъ. Отсюда—вражда и цѣпь закулисныхъ интригъ между двумя балеринами и злополучнымъ импрессаріо. Все это усугублялось еще тѣмъ, что молодой Браницкій далеко не проявлялъ себя вѣрнымъ вздыхателемъ одной только Бинетти: онъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ и Катаи.

Однажды, въ концѣ февраля 1766 года, Браницкій забрался въ уборную къ Катаи. Та въ это время одѣвалась и у ней былъ Томатисъ. Онъ началъ довольно развязно ухаживать за балериною. Катаи, а съ нею вмѣстѣ и Томатисъ, пришли оба къ убѣжденію, что графъ поссорился съ Бинетти. Это, конечно, льстило Катаи, она видѣла, что ее предпочли сопернице; поэтому она принимала ухаживанія графа съ благосклонностью. Наконецъ, балерина переодѣлась и вышла изъ театра. Браницкій подалъ ей руку и провелъ до кареты. Катаи вошла въ карету, Браницкій помѣстился рядомъ съ нею и, оборотясь къ опѣшившему Томатису, сказалъ ему, чтобы онъ садился въ его экипажъ и ѣхалъ вслѣдъ за ними. Импрессаріо былъ обиженъ такою безцеремонностью: въ его

собственный экипажъ, съ его оффиціальною любовницею садится ея обожатель, а ему велитъ ѣхать сзади! Онъ вѣжливо, но рѣшительно попросилъ Браницкаго выйти изъ кареты, а тотъ крикнулъ кучеру «пошелъ!» Не прошло полминуты, какъ недоразумѣніе перешло въ ссору, а ссора въ скандалъ. Кончилось тѣмъ, что Браницкій вышелъ изъ кареты, но велѣлъ своему гайдуку ударить Томатиса, и халуй исполнилъ барскій приказъ съ такимъ азартомъ, что Томатисъ чуть не потерялъ сознаніе.

Казанова былъ очевидцемъ всей этой дикой сцены. Обсудивъ ее хладнокровно, онъ нашелъ, что оба дѣйствующія лица были достаточно виноваты. Томатисъ подвергъ Браницкаго явному позору—высадилъ его изъ своего экипажа, но графъ слишкомъ ужъ безцеремонно туда вломился и слишкомъ надменно повелъ себя, приказавъ ударить обидчика своему гайдуку. Конечно, дѣло это даже и косвенно не задѣвало Казанову, но у него осталось все же какое-то тяжелое впечатлѣніе обиды. «Словно,—говоритъ онъ,—на мою долю пришлась половина пощечины, полученной Томатисомъ». А тутъ еще подлила масла въ огонь Бинетти: встрѣтившись какъ-то съ Казановою, она разсыпалась въ коварныхъ и явно насмѣшливыхъ сожалѣніяхъ по поводу печальнаго происшествія, случившагося съ «другомъ» Казановы. Ему тогда удалось убѣдить себя, что онъ не обратилъ никакого вниманія на глупенькія инсинуаціи злой бабенки, но ясно, что въ душѣ его залегло неизгладимое, глухое чувство раздраженія противъ Браницкаго. Онъ сталъ задумываться. Его положеніе день-ото-дня дѣлалось все болѣе и болѣе блестящимъ; онъ перезнакомился со всею варшавскою знатью, былъ всюду прекрасно принятъ. У первѣйшаго магната Чарторыжскаго онъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ, ежедневно тамъ обѣдалъ. Онъ мѣтилъ въ личные секретари къ королю, который былъ къ нему какъ нельзя болѣе милостивъ. Надо было вести себя осторожнѣе.

Въ день св. Казиміра, 4 марта, въ именины старшаго брата короля, при дворѣ былъ блестящій обѣдъ, на который и Казанова удостоился приглашенія. Послѣ обѣда король спросилъ Казанову, будетъ ли онъ въ театрѣ, гдѣ въ тотъ вечеръ впервые давали пьесу на польскомъ языкѣ. Казанова отвѣчалъ, что онъ еще не освоился съ польскимъ языкомъ, и ему будетъ неинтересно смотрѣть непонятную пьесу, но король возразилъ: «все равно, пріѣзжайте, и приходите ко мнѣ въ ложу!» Казанова, разумѣется, принялъ приглашеніе.

Во второмъ антрактѣ былъ балетъ. Новая балерина Казаччи такъ восхитила короля, что онъ даже аплодировалъ ей—милость почти безпримѣрная. Казанова не былъ знакомъ съ этою танцовщицею. Ея оффиціальнымъ покровителемъ былъ графъ Понинскій. Казанова часто бывалъ у него, и графъ каждый разъ шутливо выговаривалъ ему за то, что Казанова знакомъ со всѣми актрисами, а съ Казаччи все еще не познакомился. Въ этотъ разъ Казанова вздумалъ зайти къ ней въ уборную и поздравить ее съ милостью, оказанною королемъ. Проходя по корридору, онъ видѣлъ Бинетти, выходившую изъ своей уборной съ графомъ Браницкимъ. Казанова обмѣнялся съ ними поклономъ и прошелъ къ Казаччи. Та очень удивилась, видя его передъ собою въ первый разъ, начала ему любезно выговаривать за то, что онъ не хочетъ знать свою землячку; Казанова разсыпался въ любезностяхъ и извиненіяхъ. Кончилось тѣмъ, что земляки подружились и въ знакъ заключенной дружбы

поцѣловались. И вотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Казанова цѣловалъ Казаччи, Браницкій, который за минуту передъ тѣмъ былъ со своею возлюбленною Бинетти, вдругъ вошелъ въ уборную Казаччи. Ясно, что онъ шелъ слѣдомъ за Казановою. Но съ какой цѣлью?.. Значитъ, онъ уже заранѣе рѣшилъ повздорить съ нимъ?

Какъ только Браницкій, въ сопровожденіи своего адъютанта Бининскаго, вошелъ въ уборную, Казанова всталъ, частью изъ простой вѣжливости, частью потому, что онъ уже кончалъ свой визитъ и собирался уходить. Онъ бы тотчасъ и вышелъ, но Браницкій остановилъ его и сказалъ:

— А я, кажется, вошелъ сюда невпопадъ, м. г. Вы, я вижу, влюблены въ эту особу?

— Конечно, влюбленъ, графъ,—отвѣтилъ Казанова, очевидно, намѣреваясь придать разговору шуточный оборотъ.—А вы сами развѣ не находите ее очень милой?

— О, я нахожу ее въ высшей степени милою! Скажу вамъ болѣе, я влюбленъ въ нее и мой нравъ не таковъ, чтобы равнодушно переносить соперника.

— Этого я не зналъ, графъ. Теперь буду знать и превращу свое ухаживаніе.

— Значитъ вы мнѣ ее уступаете?

— Съ полнымъ удовольствіемъ, графъ. По моему, каждый долженъ сдѣлать уступку такому человѣку, какъ вы.

— Это хорошо; только я считаю человѣка, который дѣлаетъ уступки, трусомъ.

— Это очень сильно сказано, графъ.

И, проговоривъ эту реплику, Казанова уставился своими горячими глазами на графа, указывая ему рукою на рукоять своей шпаги. Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ, услыхавъ ясно раздавшіяся ему вслѣдъ слова Браницкаго: «венеціанскій трусишка!» Сдерживая свое бѣшенство, Казанова обернулся и—сколько могъ хладнокровно—сказалъ своему обидчику:

— Венеціанскій трусишка можетъ убить храбраго поляка, если онъ потрудится выйти изъ театра.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ вышелъ на улицу и сталъ ждать. Но Браницкій не появлялся. Казанова ждалъ, пока не окоченѣлъ отъ холода (дѣло было въ началѣ марта). Тогда онъ кликнулъ свою карету и уѣхалъ. Обдумавъ дѣло, онъ остался доволенъ тѣмъ, что Браницкій не вышелъ по его предложенію. Съ нимъ былъ его адъютантъ Бининскій, который, по тогдашнимъ польскимъ нравамъ, долженъ былъ вступиться за своего начальника, и Казанова былъ бы просто-на-просто убитъ, какъ собака. Такое нападеніе скопомъ на одного, по словамъ Казановы, было самымъ обычнымъ явленіемъ среди поляковъ. Не знаемъ, правъ ли онъ въ этомъ.

Возвратясь домой, Казанова вновь зрѣло обдумалъ свой казусъ. Его назвали трусомъ въ присутствіи посторонниxъ свидѣтелей; кромѣ Казаччи и Бининскаго всю сцену созерцали еще четверо какихъ-то офицеровъ, незнакомыхъ Казановѣ. Онъ рѣшилъ разсказать всю исторію королю и просить его, чтобы онъ принудилъ своего любимца Браницкаго дать ему, Казановѣ, полное удовлетвореніе. Онъ отправился къ Чарто-

рыжскому, въ надеждѣ, что у него за ужиномъ увидитъ короля. Но Станиславъ-Августъ какъ разъ въ этотъ вечеръ не былъ у Чарторыжскаго. Сѣли за ужинъ. Казанова ничего не ѣлъ, и его угнетенное состояніе бросалось въ глаза. Любившій его старикъ Чарторыжскій, не подозрѣвая причины его мрачности, все подшучивалъ надъ нимъ. Къ концу ужина пріѣхалъ князь Любомірскій. Онъ сначала не замѣтилъ Казановы, но когда усѣлся, вдругъ увидалъ и съ жаромъ обратился къ нему и сталъ выражать горячія сожалѣнія «о случившемся». Очевидно, ему уже передали о схваткѣ. «Браницкій былъ пьянъ,—утѣшалъ онъ нашего героя,—не сердитесь на него; развѣ пьяная болтовня можетъ обидѣть порядочнаго человѣка!»

Его слова возбудили всеобщее любопытство.

— Да что такое? Въ чемъ дѣло?—раздались голоса.

Казанова упорно молчалъ. Накинулись съ разспросами на Любомірскаго, но тотъ взглянулъ на Казанову, и видя, что онъ безмолвствуетъ, отвѣчалъ, что коли тотъ молчитъ, то онъ не считаетъ возможнымъ разглашать дѣло, которое его касается.

Старикъ Чарторыжскій обратился къ Казановѣ и съ самымъ теплымъ участіемъ спросилъ его, что у него вышло съ Браницкимъ.

— Я подробно разскажу вамъ всю исторію, графъ, но только послѣ ужина и съ глазу на глазъ.

Послѣ ужина Казанова разсказалъ старику весь казусъ, не упуская ни малѣйшей подробности, и просилъ его совѣта.

— Я въ такихъ дѣлахъ уклоняюсь давать совѣтъ,—отвѣтилъ старый магнатъ.—Тутъ надо совершить либо ничего, либо очень много.

Казанова нашелъ этотъ отвѣтъ полнымъ мудрости. Въ сущности въ немъ и заключался совершенно опредѣленный совѣтъ. На другой день онъ написалъ Браницкому слѣдующее письмо, помѣченное 5 марта 1766 года:

«Вчера вечеромъ, ваше превосходительство, въ театрѣ, вы съ легкимъ сердцемъ нанесли мнѣ оскорбленіе, не имѣя никакого права и никакой причины такъ дѣйствовать по отношенію ко мнѣ. Изъ этого я долженъ заключить, что вы меня ненавидите, и слѣдовательно питаете желаніе вычеркнуть меня изъ числа живущихъ. Я могу и желаю доставить вамъ такое удовлетвореніе. Итакъ, соблаговолите, захватить меня съ собою въ вашъ экипажъ и отвезти въ такое мѣсто, гдѣ моя погибель не дѣлала бы васъ виновнымъ передъ польскими законами и гдѣ бы я могъ пользоваться такимъ же преимуществомъ, если Богъ поможетъ мнѣ убить ваше превосходительство. Я не дѣлалъ бы вамъ такого приглашенія, еслибъ не вѣрилъ въ благородство вашей души».

Упоминаніе въ этомъ письмѣ о польскихъ законахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время былъ изданъ законъ, по которому дуэль въ предѣлахъ города Варшавы и ближайшихъ окрестностяхъ (кажется, на 120 верстъ вокругъ города) была запрещена подъ страхомъ смертной казни.

Браницкій тотчасъ извѣстилъ его, что принимаетъ его вызовъ, предоставляетъ ему выборъ оружія и мѣсто встрѣчи и просилъ только, чтобы дуэль состоялась въ тотъ же день. Казанова отвѣтилъ полнымъ согласіемъ. Тогда графъ прислалъ за нимъ экипажъ съ просьбою пожаловать для переговоровъ. Казанова отвѣтилъ, что разговаривать имъ

больше не о чемъ и что онъ поѣдетъ не иначе какъ прямо на мѣсто дуэли. Не прошло и часа, какъ къ нему явился самъ графъ. Онъ былъ одинъ, его люди остались на улицѣ. Онъ тотчасъ выслалъ трехъ посѣтителей, бывшихъ въ это время у Казановы, заперъ на замокъ дверь и усѣлся на кровати. Не постигая, что все это значитъ, Казанова на всякій случай взялъ свои пистолеты.

— Не безпокойтесь,—сказалъ ему Браницкій,—я пришелъ не затѣмъ, чтобы зарѣзать васъ, а затѣмъ, чтобы сказать вамъ, что принимаю вашъ вызовъ, и что разъ дуэль рѣшена, я не привыкъ ее откладывать до другого дня. Слѣдовательно, намъ надо драться либо сегодня, либо никогда.

— Мнѣ сегодня нельзя,—отвѣчалъ Казанова.—Сегодня среда, почтовый день, притомъ, я долженъ закончить работу для короля.

— Вы кончите ее послѣ дуэли. По всей вѣроятности, вы останетесь живы, ну, а погибнете, такъ вѣдь король охотно проститъ вамъ вашу неаккуратность. Наконецъ, вѣдь мертвые срама не имутъ.

— Я долженъ также написать завѣщаніе.

— Ну, вотъ еще, завѣщаніе! Да что за чортъ, вы, должно быть, боитесь смерти! Полноте! Завѣщаніе вы напишете, когда вамъ минетъ пятьдесятъ лѣтъ.

— Но, ваше сіятельство, что побуждаетъ васъ такъ упорно сопротивляться отсрочкѣ?

— Я не желалъ бы попасть впросакъ.

— Вамъ нечего, кажется, этого опасаться съ моей стороны.

— Это такъ, но насъ обоихъ могутъ арестовать сегодня же, по повелѣнію короля.

— Это совершенно невѣроятно, если только вы сами не разгласите исторіи.

— Вы меня смѣшите! Я понимаю вашу уловку. Но я не дамъ вамъ сдѣлать мнѣ вызовъ безнаказанно. Я дамъ вамъ удовлетвореніе, но либо сегодня, либо никогда.

— Хорошо-съ! Эту дуэль я принимаю до такой степени близко къ сердцу, что не хочу дать вамъ ни малѣйшаго предлога уклониться отъ нея. Пріѣзжайте за мной послѣ обѣда; я долженъ подкрѣпить свои силы.

— Съ удовольствіемъ. Что до меня касается, то я предпочитаю хорошенько поужинать потомъ, нежели пообѣдать прежде.

— У всякаго свой вкусъ.

— Само собою. Но, кстати, вы упоминали о шпагахъ. Зачѣмъ на шпагахъ? Я хочу драться на пистолетахъ, я не могу сражаться на шпагахъ съ неизвѣстными.

— Что вы подразумѣваете подъ словомъ неизвѣстный? Я васъ покорнѣйше прошу воздержаться отъ оскорбленій меня въ моемъ домѣ. Я могу вамъ указать въ Варшавѣ два десятка лицъ, которыя поручатся за меня, что я не спеціалистъ фехтовальнаго искусства, не профессоръ. А на пистолетахъ биться я не желаю, и вы не можете меня къ этому принудить, потому что вы же сами предоставили выборъ оружія мнѣ; у меня ваше письмо.

— Въ сущности, вы правы. Но вы человѣкъ любезный, я увѣренъ, что вы не откажетесь драться на пистолетахъ, коли я увѣряю васъ, что вы этимъ доставите мнѣ большое удовольствіе. Вамъ ничего не стоитъ

сдѣлать мнѣ эту уступку. Вѣдь обыкновенно по первому выстрѣлу даютъ промахъ. И если я промахнусь и вы потомъ промахнетесь, то обѣщаю вамъ, что мы потомъ будемъ биться на шпагахъ, сколько вашей душѣ угодно. Вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи?

— То, что вы сказали, мнѣ нравится, и я охотно удовлетворю васъ, хотя мнѣ придется сдѣлать надъ собою насиліе, потому что дуэль на пистолетахъ я считаю варварствомъ. Я согласенъ. Вы возьмете съ собою пару пистолетовъ, при мнѣ ихъ зарядите, и за мною остается право выбора. Если мы оба сдѣлаемъ промахъ, то мы деремся на шпагахъ до первой крови или, коли пожелаете, на смерть. Вы пожалуете за мною въ три часа, и мы отправимся въ такое мѣсто, гдѣ будемъ внѣ угрозы закона.

— Прекрасно, вы очень любезны. Дайте мнѣ обнять васъ. Вы даете мнѣ честное слово, что никому ничего не скажете, потому что тогда насъ обоихъ тотчасъ арестуютъ.

— Какъ можете вы сомнѣваться въ моемъ молчаніи!

— Ну, хорошо, хорошо! До свиданія! Въ три часа!

Послѣ того Казанова запаковалъ всѣ бумаги, которыя онъ долженъ былъ передать королю и вручилъ ихъ своему вѣрному другу Кампіони, прося передать этотъ пакетъ въ случаѣ его смерти. На Кампіони можно было положиться вполнѣ, что онъ никому не скажетъ ни слова. Затѣмъ Казанова съ аппетитомъ покушалъ, а въ назначенный часъ за нимъ заѣхалъ его противникъ.

Казанова не взялъ съ собою слуги, а съ Браницкимъ было двое. Графъ замѣтилъ Казановѣ, что онъ напрасно не беретъ никого съ собою, потому что можетъ имѣть нужду въ помощи. Казанова отвѣтилъ, что полагается на благородство своего противника и увѣренъ, что въ случаѣ надобности его люди окажутъ ему помощь. Браницкій подалъ ему руку и увѣрилъ его, что онъ можетъ быть въ этомъ спокоенъ.

Дорогою Казанова хотѣлъ было спросить, куда они ѣдутъ, но раздумалъ. Долго сидѣли они молча, наконецъ, нашъ герой порѣшилъ завести какой-нибудь, хоть пустяшный разговоръ, чтобы только убить время. Они перекидывались незначительными фразами. Не прошло и полчаса, какъ экипажъ остановился у воротъ какого-то очень красиваго сада. Противники направились въ бесѣдку. Одинъ изъ гайдуковъ графа положилъ на столъ пару громадныхъ пистолетовъ, фута по полтора длиною, пороховницу и вѣсы. Онъ отвѣсилъ зарядъ пороха, зарядилъ пистолеты и вновь положилъ ихъ на столъ, крестъ на-крестъ. Тогда Браницкій сказалъ, обращаясь къ Казановѣ:

— Выбирайте оружіе, милостивый государь!

Одинъ изъ его спутниковъ, его сослуживецъ, офицеръ, вдругъ спросилъ у Браницкаго.

— Это что же такое? У васъ будетъ дуэль?

— Да,—отвѣтилъ графъ.

— Вы не можете здѣсь драться, эта мѣстность находится въ предѣлахъ круга запрещенія.

— Это ничего не значитъ.

— Это много значитъ! Я не могу быть секундантомъ. Вы меня не предупредили!

— Ну, хорошо, довольно! Я за все отвѣчаю. Я обязанъ дать удовлетвореніе порядочному человѣку, и хочу, чтобы это было сдѣлано здѣсь.

— Г-нъ Казанова,—обратился тогда офицеръ къ нашему герою,— вы не можете здѣсь драться.

— Зачѣмъ же меня сюда привезли? А я могу защищаться всюду, гдѣ на меня нападаютъ.

— Подайте жалобу королю, и я увѣренъ, что онъ воздастъ вамъ справедливость.

— На это я согласенъ съ удовольствіемъ, если только графъ согласится въ вашемъ присутствіи выразить свое сожалѣніе о томъ, что произошло между нами.

При этихъ словахъ Браницкій гордо взглянулъ на Казанову и сказалъ, что онъ пріѣхалъ сюда драться, а не разговаривать.

— Милостивый государь, — обратился Казанова къ секунданту,— вы можете засвидѣтельствовать, что я съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, чтобы избѣжать дуэли.

Секундантъ отошелъ въ сторону, съ отчаяніемъ схватившись обѣими руками за голову. Казанова сбросилъ шубу и схватилъ пистолетъ. Браницкій, взявъ другой, сказалъ ему, что ручается за оружіе.

— Я сейчасъ испробую его на вашей головѣ,—сказалъ Казанова.

Браницкій поблѣднѣлъ, скинулъ шпагу, передалъ ее одному изъ своихъ людей и обнажилъ свою грудь. Казанова не безъ сожалѣнія послѣдовалъ его примѣру. Ему не хотѣлось выпускать изъ рукъ шпаги. Богъ вѣсть какъ могло обернуться дѣло послѣ выстрѣла. Если бы случилось, что Браницкій палъ мертвый, его люди убили бы Казанову, какъ собаку, и ему нечѣмъ было бы защититься отъ нихъ.

Противники разошлись на пять или шесть шаговъ. Казанова снялъ шляпу и пригласилъ Браницкаго стрѣлять первымъ. Графъ медленно поднялъ пистолетъ и началъ не спѣша прицѣливаться. Казанова, стоявшій въ пяти шагахъ, нашелъ, что прицѣлъ продолжается черезчуръ ужь долго и что дѣло начинаетъ смахивать на убійство. Въ немъ заговорило чувство самосохраненія. Онъ мгновенно поднялъ свой пистолетъ и выстрѣлилъ. Какъ разъ въ это же самое мгновеніе выстрѣлилъ и Браницкій; всѣ свидѣтели единогласно утверждали, что оба выстрѣла слились въ одинъ нераздѣльный звукъ.

Въ тотъ же моментъ Казанова почувствовалъ боль въ лѣвой рукѣ, въ которую ударила пуля противника. Но не успѣлъ онъ осмыслить своего положенія, какъ увидалъ, что Браницкій валится съ ногъ. Казанова мгновенно бросился къ нему на помощь и опустился около него на колѣни. И вдругъ онъ увидѣлъ надъ самой своей головой три ножа, направленные въ него гайдуками графа! Онъ это предчувствовалъ. Будь Браницкій убитъ наповалъ, Казанова тоже свалился бы мертвымъ на его трупъ! Къ счастью нашего героя, его противникъ не утратилъ сознанія и, громовымъ голосомъ выругавъ своихъ челядинцевъ, приказалъ имъ оставить Казанову.

Казанова и офицеръ-свидѣтель подняли графа подъ руки и провели его въ ближайшій трактиръ, находившійся въ сотнѣ шаговъ отъ мѣста дуэли. По дорогѣ кровь лилась изъ руки Казановы и залила ему панталоны и чулки. Въ гостинницѣ графа уложили, раздѣли и тутъ увидѣли,

что онъ очень опасно раненъ: пуля попала ему въ правый бокъ подъ седьмымъ ребромъ, пробила все тѣло насквозь и вышла съ лѣвой стороны. Браницкій слабѣлъ съ минуты на минуту.

— Вы меня убили, — сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ, обращаясь къ Казановѣ.—Спасайтесь, иначе вы рискуете сложить голову па эшафотѣ. Дуэль происходила въ предѣлахъ запретнаго округа. Не теряйте времени, бѣгите, если у васъ нѣтъ денегъ, вотъ вамъ мой кошелекъ, возьмите!

И онъ протянулъ Казановѣ свой тяжелый кошелекъ, который выпалъ у него изъ руки и грузно хлопнулся объ полъ. Казанова поднялъ его, вновь положилъ раненому въ карманъ и поблагодарилъ его.

Онъ наклонился къ раненому, поцѣловалъ его въ лобъ и вышелъ изъ гостинницы. На улицѣ не было видно ни людей, ни каретъ. Они бросились въ городъ за докторомъ, за священникомъ и за родственниками. Казанова очутился одинъ на улицѣ, въ самомъ плачевномъ положеніи: раненый, недоумѣвающій, гдѣ онъ, куда ему идти. Онъ побрелъ наудачу. На его счастье попался ему какой-то мужикъ, ѣхавшій въ саняхъ. Казанова остановилъ его, показалъ ему дукатъ и произнесъ: «Варшава». Мужикъ понялъ, чего отъ него требовали, и посадилъ Казанову себѣ въ санки. Черезъ нѣсколько минутъ на дорогѣ показался человѣкъ, бѣжавшій во весь духъ, съ саблею въ рукѣ. Казанова съ ужасомъ узналъ въ немъ Бининскаго, закадычнаго друга Браницкаго; очевидно, тотъ узналъ о происшествіи и бѣжалъ за Казановою, чтобы убить его. Къ счастію, мужицкія сани не привлекли его вниманія и Казанова благополучно добрался до города. Онъ сначала заѣхалъ къ Чарторыжскому, но тамъ никого не засталъ дома. Тогда онъ направился въ ближайшій монастырь, который могъ ему послужить убѣжищемъ. Привратникъ не хотѣлъ было его впускать, но онъ опрокинулъ его пинкомъ и такъ закричалъ на сбѣжавшихся монаховъ, что они безъ всякаго сопротивленія впустили его въ какую-то каморку, очень смахивавшую на тюремную келью. Онъ тотчасъ послалъ за своими слугами, и когда тѣ пришли, отправилъ ихъ за докторомъ и Кампіони. Рану Казановѣ, наконецъ, осмотрѣли и перевязали. Она была не опасна; пуля ударила въ запястье и раздробила правый (нижній, ладонный) суставъ указательнаго пальца.

Скоро весь городъ зналъ о дуэли. Казанову навѣстилъ зять Чарторыжскаго, князь Любомірскій. Онъ разсказалъ Казановѣ всѣ происшествія, послѣдовавшія за дуэлью. О ней прежде всего узналъ Бининскій, который тотчасъ помчался по слѣдамъ Казановы, съ саблею въ рукахъ, поклявшись убить его, какъ собаку. Ему взбрело въ голову, что Казанова убѣжалъ къ Томатису. Онъ кинулся туда. Въ это время у Томатиса были гости, между прочимъ, и князь Любомірскій. Бининскій спросилъ, гдѣ Казанова, и когда Томатисъ отвѣтилъ ему, что не знаетъ, бѣсноватый полякъ выпалилъ въ него изъ пистолета. При видѣ такого неистоваго звѣрства тутъ же бывшій графъ Мошчинскій схватилъ одурѣвшаго улана поперекъ тѣла и хотѣлъ выбросить его изъ окна, но тотъ ударилъ графа три раза саблею по головѣ, распоролъ ему лицо, вышибъ три зуба и, вырвавшись у него изъ рукъ, накинулся на Любомірскаго. Схвативъ его за шиворотъ и наставивъ ему въ лобъ пистолетъ, Бининскій потребовалъ, чтобы князь вывелъ его на дворъ, обороняя

отъ прислуги Томатиса. Любомірскій былъ вынужденъ оказать бѣсноватому эту услугу. Мошчинскому пришлось слечь и начать серьезное леченіе. Въ городѣ же по поводу дуэли поднялось страшное смятеніе.

Прежде всего, уланы Браницкаго, которыхъ увѣрили, что ихъ командиръ уже умеръ, кинулись по всѣмъ направленіямъ искать Казанову, чтобы изрубить его въ куски. Главнокомандующій варшавскимъ гарнизономъ тотчасъ распорядился окружить монастырь, гдѣ пріютился Казанова отрядомъ драгунъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не дать ему бѣжать, въ сущности же, какъ увѣрилъ его Любомірскій, для того, чтобы защитить его отъ ярости уланъ. Рана Браницкаго была признана очень тяжкою. Если пуля тронула кишечникъ, ему угрожаетъ смерть,— таково было мнѣніе врачей послѣ перваго осмотра раненаго. Его помѣстили въ домѣ канцлера, такъ какъ въ собственномъ помѣщеніи, во дворцѣ, его, нарушителя закона, преступника, помѣстить было неудобно. Говорили еще о томъ, что Казанову спасла отъ смерти только выговоренная имъ въ моментъ дуэли угроза—стрѣлять въ голову противника. Эта угроза подѣйствовала на Браницкаго; онъ былъ взволнованъ, встревоженъ и не прицѣлился какъ слѣдуетъ. А стрѣлялъ онъ превосходно, разрѣзалъ пулю объ остріе ножа, такъ что на пятишаговомъ разстояніи ни за что не далъ бы промаха. Король уже навѣстилъ своего раненаго друга и это одно указывало на то, что къ дуэлистамъ не будетъ примѣненъ грозный законъ, о которомъ мы упомянули выше. Таковы были первыя новости, сообщенныя Казановѣ Любомірскимъ

Вслѣдъ за нимъ явился офицеръ, посланный Чарторыжскимъ, съ письмомъ отъ стараго магната, въ которомъ была вложена записка короля. Чарторыжскій обращалъ только вниманіе Казановы на эту записку и рекомендовалъ ему «спать спокойно». Въ запискѣ же короля было сказано:—«Любезный дядюшка, Браницкій очень плохъ. Мои хирурги хлопочутъ около него, и дѣлаютъ для него все, что могутъ. Но я не забылъ и Казановы. Вы можете его увѣрить въ помилованіи, даже въ томъ случаѣ, если бы Браницкій умеръ». Казанова показалъ эту записку всѣмъ своимъ гостямъ, и всѣ они изумлялись великодушію короля.

На другой день, когда первыя волненія нѣсколько улеглись, къ Казановѣ нахлынули цѣлыя толпы посѣтителей. Всѣ знакомые магнаты приносили и присылали ему увѣсистые кошельки съ золотомъ, деликатно предлагая ему помощь, какъ иноземцу, попавшему въ совершенно экстренное затруднительное положеніе. Казанова благодарилъ и отказывался; по его разсчету, онъ отклонилъ такимъ образомъ цѣлое богатство, около 4.000 дукатовъ, и откровенно сознается, что впослѣдствіи очень въ этомъ раскаивался; такой ужь тогда нашелъ на него стихъ—блеснуть своимъ джентльмэнствомъ. Отъ Чарторыжскихъ ему ежедневно доставляли превосходный обѣдъ, но аппетитъ у него былъ плохъ, да и пользовавшій его врачъ оказался строгимъ приверженцемъ діэты.

Между тѣмъ рана Казановы, сама по себѣ пустая, благодаря «искусству» тогдашнихъ врачей, быстро разболѣлась и не долѣе какъ на четвертый день стала грозить антоновымъ огнемъ. Врачи усмотрѣли эту опасность и порѣшили, что всю кисть руки надо ампутировать. Казанова наотрѣзъ отказался отъ этой операціи. Тогда врачи черезъ день объявили, что надо отнять уже всю руку до плеча. Казанова заспорилъ

съ эскулапами, которыхъ собралось уже трое на консиліумъ, побранился съ ними и выгналъ ихъ вонъ. Врачи разсказали объ этомъ упрямствѣ по всему городу; дошла вѣсть и до короля. Онъ тоже удивился, и Чарторыжскій написалъ Казановѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что королю кажется страннымъ такое «отсутствіе мужества», король рѣшилъ, что Казанова боится операціи. Это задѣло его за живое. Онъ тотчасъ написалъ королю полусерьезное, полушутливое письмо, въ которомъ говорилъ, что рука безъ кисти ему все равно ни къ чему ни пригодна, такъ ужь лучше переждать, и если окажется нужнымъ, пускай отнимаютъ всю руку. Казановѣ все думалось, что врачи ошибаются, что гангрены у него нѣтъ, и, къ счастью, онъ оказался правъ. Знакомый ему французскій врачъ согласился съ нимъ, сталъ лечить руку, и Казанова поправился, хотя еще очень долго, больше года, не могъ вполнѣ свободно владѣть раненою рукою.

По выздоровленіи, когда Казанова могъ уже выходить изъ дому, держа руку на перевязи, онъ, по предварительному уговору, долженъ былъ разыграть небольшую комедію въ присутствіи короля. Онъ выстоялъ мессу въ придворной церкви, затѣмъ представился королю; тотъ милостиво допустилъ его къ рукѣ и громко спросилъ его, въ присутствіи толпы придворныхъ:

— Отчего у васъ рука на перевязи?

— Страдаю ревматизмомъ, ваше величество,—отвѣтилъ Казанова.

— Смотрите, берегитесь, впредь не простужайтесь, — сказалъ король съ улыбкою.

Потомъ Казанова сдѣлалъ визитъ своему недругу Браницкому. Это было совершенно необходимо: графъ много разъ присылалъ справляться о здоровьи Казанова, пока тотъ еще не могъ выходить. Въ обширной передней Казанова увидалъ адъютанта и попросилъ его доложить о себѣ. Офицеръ молча вздохнулъ и вышелъ; скоро онъ распахнулъ дверь на обѣ стороны и, отвѣсивъ Казановѣ поклонъ, просилъ его войти. Браницкій лежалъ еще въ постели, блѣдный, какъ смерть. Онъ привѣтствовалъ Казанову, снявъ свой ночной колпакъ.

Послѣ оффиціальныхъ фразъ о здоровьи и т. п., Казанова просилъ у Браницкаго покровительства противъ его друзей, которые всѣ единодушно порѣшили, что Казанова сталъ имъ заклятымъ врагомъ, осмѣлившись поднять руку на графа. Браницкій совершенно успокоилъ его на этотъ счетъ; онъ уже объявилъ, что будетъ считать своимъ личнымъ врагомъ каждаго, кто будетъ враждебенъ Казановѣ изъ-за этого происшествія. Онъ сообщилъ ему кстати, что взбалмошный Бининскій разжалованъ и даже исключенъ изъ дворянскаго сословія. Сверхъ того, король, какъ было извѣстно Браницкому, продолжалъ относиться къ Казановѣ съ прежнею милостью.

Казанова, по просьбѣ Браницкаго, усѣлся около его кровати и они бесѣдовали нѣкоторое время самымъ дружескимъ манеромъ. Скоро пришелъ въ комнату больного Чарторыжскій, а затѣмъ она мало-по-малу наполнилась цѣлою толпою знати. Всѣхъ видимо изумляло и трогало то дружественное отношеніе, какое установилось между двумя бывшими врагами. Они непринужденно бесѣдовали, вспоминали разныя обстоятельства дуэли, обмѣнивались изъявленіями самыхъ великодушныхъ чувствъ.

Казанова посѣтилъ одного за другимъ всѣхъ своихъ великосвѣтскихъ друзей. Всѣ его поздравляли съ выздоровленіемъ и королевскою милостью, но при этомъ всѣ въ голосъ твердили, что онъ нажилъ себѣ кучу враговъ, что эти враги будутъ ловить каждый случай, чтобы вызвать его на ссору, и что если они опять доведутъ его до новой дуэли, то ему придется плохо. Многіе совѣтовали ему не выходить изъ дому пѣшкомъ и особенно въ позднее время. Вообще же за это время Казанова былъ просто подавленъ всеобщимъ къ нему участіемъ, принимавшимъ даже тягостные размѣры. Его, можно сказать, разрывали на части; онъ съ утра до ночи ходилъ по гостямъ, и всюду былъ принуждаемъ разсказывать съ мучительными подробностями исторію своей дуэли, которая набила ему оскомину едва ли не больше, чѣмъ знаменитая двухчасовая исторія его бѣгства изъ Ріомбі.

Онъ былъ ужасно обрадованъ, когда ему, наконецъ, было сдѣлано приглашеніе кѣмъ-то изъ магнатовъ, съѣздить въ его имѣніе. Это дало возможность на время отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній, освѣжиться и кстати взглянуть поближе на совершенно новую для него страну. Онъ отправился въ путь, посѣтивъ того, кто его пригласилъ, да попутно еще нѣсколько другихъ имѣній и мѣстностей. Характерно то, что онъ упоминаетъ очень немного собственныхъ именъ, личностей и мѣстностей; онъ откровенно признается, что забылъ или, лучше сказать, не могъ запомнить ихъ. «Я забылъ, — повторяетъ онъ, то-и-дѣло въ своихъ запискахъ, — эти польскія имена ужасно трудныя».

Проѣздивъ мѣсяца полтора или два, Казанова вернулся въ Варшаву. Первые же шаги, первые визиты въ Варшавѣ поразили его, какъ громомъ. Всюду, куда только онъ ни являлся, его принимали не только холодно, но положительно непріязненно. Иные прямо и безъ всякихъ обиняковъ говорили ему: «Мы никакъ не думали видѣть васъ здѣсь вновь. Зачѣмъ вы сюда опять пожаловали?»

«Мнѣ надо уплатить долги»,—бормоталъ сбитый съ толку Казанова. Онъ раскланивался, являлся въ другой домъ — та же исторія! Онъ ничего не понималъ и молча бѣсновался. Княгиня Чарторыжская была нѣсколько милостивѣе остальныхъ; она пригласила его ужинать. За ужиномъ былъ и король; онъ сидѣлъ противъ Казановы, но ни разу не только не заговорилъ съ нимъ, но даже и не взглянулъ на него. На другой день Казанова обѣдалъ у графини Огинской. Хозяйка спросила за столомъ: «Гдѣ вчера ужиналъ король?» Казанова, ужинавшій вмѣстѣ съ королемъ, промолчалъ, а изъ другихъ гостей никто не зналъ, гдѣ былъ король. Но въ тотъ моментъ, когда уже вставали изъ-за стола, пришелъ генералъ Роникеръ, у котораго хозяйка тотчасъ и спросила, гдѣ вчера ужиналъ король.

— У княгини Чарторыжской,—отвѣчалъ генералъ, и видя тутъ Казанову, добавилъ:—г. Казанова былъ тамъ.

— Отчего же вы мнѣ этого не сказали?—спросила его хозяйка.

—Потому, графиня,—отвѣчалъ Казанова,—что я глубоко опечаленъ тѣмъ, что былъ тамъ. Его величество не только не промолвилъ со мною ни слова, но даже не взглянулъ на меня. Я вижу, что попалъ въ немилость, а причину этого отгадать не въ силахъ.

Потомъ Казанова посѣтилъ особенно къ нему расположеннаго князя

Августа Сулковскаго. Князь и на этотъ разъ принялъ его дружески, какъ всегда, но тотчасъ замѣтилъ ему, что напрасно онъ вернулся въ Варшаву, потому что за это время всѣ перемѣнили мнѣніе о немъ.

— Да что я такое сдѣлалъ!—воскликнулъ Казанова.

— Ничего! Но что же дѣлать? Таковъ ужь вообще польскій нравъ: непослѣдовательность, непостоянство, поверхностность. Мы, сарматы, въ сущности не обладаемъ никакими положительными нравственными качествами, а только показываемъ видъ, что обладаемъ ими. Вы оплошали, дали маху; счастье улыбалось вамъ, надо было ловить моментъ, а вы его прозѣвали. Послушайтесь моего совѣта, удаляйтесь отсюда.

Вернувшись домой, Казанова нашелъ у себя письмо, доставленное и писанное неизвѣстно кѣмъ, видно было только, что не врагомъ, а другомъ. Въ этомъ письмѣ настойчиво подтверждался совѣтъ, только-что данный ему Сулковскимъ. Самъ король началъ говорить о Казановѣ нехорошо, выражалъ желаніе, чтобы онъ больше не появлялся при дворѣ. Кто-то сказалъ королю (и заставилъ его повѣрить), что Казанову съ позоромъ выгнали изъ Парижа, что онъ укралъ тамъ казенныя (лотерейныя) деньги, и что раньше въ Италіи онъ былъ просто-напросто бродячимъ комедіантомъ.

Всѣ такія клеветы было очень легко распустить и столь же легко имъ было повѣрить. Но какъ ихъ опровергнуть? Казанова понялъ, что его дѣло кончено и что надо какъ можно скорѣе сниматься съ якоря. Но у него въ самомъ дѣлѣ были долги, и уѣхать, оставивъ позади себя эти долги неоплаченными, было бы совсѣмъ нехорошо. До отъѣзда онъ рѣшилъ сидѣть дома, никуда не выходить и ни съ кѣмъ не видѣться; онъ написалъ Брагадину и въ другія мѣста, откуда могъ получить деньги, и ждалъ.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день къ нему неожиданно пожаловалъ какой-то генералъ и, принявъ соболѣзнующій видъ, объявилъ нашему герою отъ имени короля приказъ—въ теченіе недѣли закончить свои дѣла и выѣхать изъ Варшавы. Читатели могли обратить вниманіе на то, что Казанова подвергался подобному остракизму уже не менѣе двадцати разъ въ жизни. У него на этотъ случай уже была выработана извѣстная манера: онъ начиналъ шумѣть, вопить о деспотизмѣ и обыкновенно отказывался повиноваться добровольно, требуя, чтобы его выгоняли открытою силою. Такъ и на этотъ разъ: онъ объявилъ генералу, что такому приказу повиноваться не намѣренъ; если онъ уѣдетъ, то пусть всѣ видятъ и знаютъ, что былъ принужденъ уступить силѣ. Такъ вы, дескать, и передайте королю.

Генералъ вѣжливо отвѣтилъ, что онъ не можетъ принять на себя передачу такого отвѣта, и что только доложитъ королю объ исполненіи его порученія, а тамъ ужь Казанова пускай поступаетъ, какъ самъ знаетъ. Съ этимъ генералъ и ушелъ, а Казанова, будучи не въ силахъ сладить съ своимъ раздраженіемъ, тотчасъ засѣлъ за письмо къ королю. Онъ роптал, жаловался и закончилъ свое письмо тѣмъ, что его «честь требуетъ отъ него, чтобы онъ ослушался королевскаго приказа». «Мои кредиторы,—писалъ онъ,—простятъ мнѣ, если будутъ знать, что я не былъ въ состояніи уплатить имъ долги только изъ-за того, что ваше величество принудили меня силою покинуть Польшу». Письмо было написано,

но надо было обдумать, какъ доставить его въ руки короля. Пока онъ думалъ, къ нему какъ разъ кстати явился графъ Мошчинскій. Казанова тотчасъ разсказалъ ему о своемъ затрудненіи, и графъ взялся доставить его письмо королю. Мошчинскій унесъ письмо, а Казанова пошелъ къ Сулковскому, который нимало не изумился, когда узналъ о королевскомъ приказѣ. Въ утѣшеніе Казановѣ онъ разсказалъ случай, только-что передъ тѣмъ происшедшій въ Вѣнѣ съ самимъ Сулковскимъ. Онъ передъ тѣмъ былъ въ Виртембергѣ; тамошній принцъ Людвигъ поручилъ ему, когда будетъ въ Вѣнѣ, передать отъ него поклонъ эрцгерцогинѣ Христинѣ. Марія-Терезія нашла такое порученіе неприличнымъ и выслала Сулковскаго изъ Вѣны въ двадцать четыре часа.

Король Станиславъ-Августъ въ дѣлѣ Казановы выказалъ весь свой милостивый нравъ. Прочтя письмо Казановы, онъ смутился, ничего не зная о долгахъ Казановы. Онъ тотчасъ вручилъ Мошчинскому тысячу дукатовъ для передачи Казановѣ. При этомъ онъ поручилъ передать нашему герою, что онъ невѣрно понялъ его приказъ, что онъ не имѣлъ въ виду гнать его изъ Варшавы безъ всякой причины, а повелѣвалъ ему удалиться, потому что зналъ, какія опасности грозятъ Казановѣ въ Варшавѣ. Король и на этотъ разъ убѣждалъ Казанову черезъ Мошчинскаго немедленно кончить всѣ свои денежныя и другія дѣла и какъ можно скорѣй покинуть столицу. Казанова далъ Мошчинскому слово, что не останется въ Варшавѣ ни одного лишняго дня, и просилъ его передать глубокую благодарность королю за его помощь и вниманіе. Что касается до опасностей, о которыхъ предупреждали его, то на этотъ счетъ и самъ Казанова начиналъ тревожиться; онъ получилъ уже до полудюжины въ высшей степени заносчивыхъ писемъ. Казанова ничего не отвѣчалъ этимъ корреспондентамъ, но зналъ, что можетъ ожидать отъ нихъ всего худшаго, напримѣръ, ночного нападенія и убійства.

ГЛАВА XXIV.

Отъѣздъ изъ Варшавы.—Казанова, объѣхавъ нѣкоторые прусскіе города и, встрѣтившись съ знакомою француженкою, пріѣзжаетъ съ нею въ Вѣну.—Происшествіе въ гостинницѣ, характеризующее тогдашніе вѣнскіе нравы.—Казанову выпроваживаютъ изъ Вѣны.—Казанова опять въ Парижѣ и снова оттуда высылается.

На другой же день послѣ свиданія съ Мошчинскимъ Казанова уплатилъ всѣ свои долги—около 200 дукатовъ—и немедленно выѣхалъ изъ Варшавы. Онъ отправился въ Германію, побывалъ въ Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Шверинѣ, Прагѣ; въ этихъ мѣстахъ съ нимъ не приключилось ничего особеннаго. Дорогою онъ встрѣтилъ одну старую знакомую и вмѣстѣ съ нею поѣхалъ въ Вѣну. Эта дама въ Вѣнѣ была намѣрена обратиться за помощью къ французскому консулу, чтобы онъ помогъ ей добраться до Парижа. Въ Вѣнѣ съ ними разыгрался эпизодъ, очень характеристичный для тогдашнихъ вѣнскихъ порядковъ. Дѣло въ томъ, что императрица Марія-Терезія была черезчуръ ярою поборницею чистоты нравовъ; мы уже упоминали, впрочемъ, объ этомъ и разъясняли, какими страшными непріятностями и стѣсненіями обрушивались на вѣнское населеніе тѣ мѣропріятія, какія были тогда приняты въ

видахъ оздоровленія нравственности. Происшествіе съ Казановою приключилось именно на этой чреватой приключеніями почвѣ.

Казанова вмѣстѣ съ своею дамою остановился въ гостинницѣ, причемъ размѣстились они въ двухъ разныхъ номерахъ. На другой день, когда оба они мирно пили кофе у нея въ номерѣ, къ нимъ вдругъ ворвались двое господъ, вѣроятно, полицейскихъ агентовъ, и безъ всякихъ предисловій грубо спросили у дамы, кто она такая. Та сказала свое имя—Блазенъ.

— А этотъ господинъ, кто такой?

— Спросите у него.

— Что вы дѣлаете въ Вѣнѣ?

— Какъ видите, пью кофе.

— Если этотъ господинъ вамъ не мужъ, то вамъ придется оставить Вѣну въ двадцать четыре часа.

— Онъ мнѣ не мужъ, а просто знакомый, а уѣду я отсюда, когда мнѣ заблагоразсудится, если только меня не выгонятъ силою.

— Прекрасно. Что касается до васъ, милостивый государь, то хотя мы и знаемъ, что у васъ свой отдѣльный номеръ, но это ничего не значитъ.

И одинъ изъ агентовъ затѣмъ вышелъ и отправился въ номеръ Казановы, который молча пошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Мнѣ надо только видѣть вашу постель,—объяснилъ агентъ.—Вотъ она. Вы на ней спали, это ясно! Этого достаточно!

— Тысяча чертей!—загремѣлъ Казанова.—Что вамъ за дѣло до моей постели и какого дьявола вамъ вообще отъ меня надо?! Что это за наглое шпіонство!

Но агентъ не удостоилъ его отвѣтомъ, вошелъ вновь къ г-жѣ Блазенъ, подтвердилъ ей вновь, что она должна въ суточный срокъ выѣхать изъ Вѣны, и затѣмъ ушелъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ.

— Одѣньтесь,—сказалъ Казанова своей спутницѣ,—отправляйтесь къ французскому посланнику и разскажите ему обо всемъ. Блазенъ съѣздила къ посланнику и тотъ совершенно успокоилъ ее, сказавъ ей, чтобы она спокойно оставалась въ Вѣнѣ, сколько ей нужно; онъ все бралъ на себя. Наши друзья порадовались, съѣздили по дѣламъ вмѣстѣ, потомъ вмѣстѣ же пообѣдали, и послѣ обѣда сидѣли и благодушествовали до вечера. Часовъ въ восемь вечера къ нимъ вошелъ хозяинъ гостинницы.

— Сударыня,—сказалъ онъ,—я получилъ приказаніе отъ полиціи перевести васъ въ другой номеръ, подальше отъ г. Казановы.

— Извольте, я переберусь съ удовольствіемъ,—съ хохотомъ отвѣчала Блазенъ.

— А скажите,—спросилъ у хозяина Казанова,—барыня должна ужинать одна у себя въ номерѣ или мы можемъ поужинать вмѣстѣ? На этотъ счетъ вами не получено никакого распоряженія?

— Нѣтъ, не получено,—разсмѣялся хозяинъ.

— Ну, коли такъ, мы поужинаемъ вмѣстѣ, угостите же насъ хорошенько.

Послѣ того Блазенъ прожила въ Вѣнѣ еще четыре дня и никто не безпокоилъ ни ея, ни Казановы; потомъ она уѣхала, а Казанова перебрался на частную квартиру. Онъ нѣкоторое время жилъ очень спо-

койно, ходилъ въ театры, видался кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ, былъ веселъ, здоровъ, замышлялъ путешествіе въ Португалію. Еще будучи въ Лондонѣ, онъ познакомился съ какою-то португальскою аристократкою, которая очень звала его къ себѣ на родину. Онъ теперь, должно полагать, разсчитывалъ поправить около этой дамы свои обстоятельства, хотя прямо объ этомъ и не говоритъ въ своихъ Запискахъ. Но лукавый уже готовилъ ему новый сюрпризъ,—одинъ изъ тѣхъ, которые съ нимъ неоднократно случались. Само собою разумѣется, врагъ рода человѣческаго выслалъ впередъ, въ видѣ застрѣльщика, женщину. Эта особа заманила нашего героя въ какой-то притонъ, въ которомъ онъ очутился съ глазу на глазъ съ нѣкимъ своимъ соотечественникомъ Поккини. Въ первый разъ Казанова повстрѣчался съ этимъ Поккини еще въ бытность на островѣ Корфу; тогда онъ тамъ нищенствовалъ, и Казанова помогъ ему, какъ соотечественнику, попавшему въ затруднительное положеніе. Потомъ онъ встрѣтился съ нимъ въ Штутгартѣ; тутъ Поккини что-то у него укралъ и скрылся. Третья встрѣча была въ Лондонѣ. Тамъ Поккини удалось заманить къ себѣ Казанову тоже посредствомъ какихъ-то дѣвицъ; но тогда онъ преспокойно отхлопалъ негодяя палкою. Теперь въ Вѣнѣ, Казанова нарывался на этого соотечественника въ четвертый разъ. На этотъ разъ, увы, сила была на сторонѣ Поккини. Дѣло происходило въ какомъ-то вертепѣ, звать на помощь было безполезно, а Поккини припасъ себѣ на помощь пару здоровенныхъ ассистентовъ, и всѣ они были хорошо вооружены. Кончилось тѣмъ, что Казанова былъ вынужденъ вручить честной компаніи свой кошелекъ. Послѣ этого его выпустили здоровымъ и невредимымъ.

Казанова вернулся домой и началъ, вмѣстѣ съ своимъ закадычнымъ другомъ Кампіони, обдумывать, какъ бы накрыть негодяя и отобрать у него, если не поздно, кошелекъ съ деньгами. Придумали изложить всю исторію письменно и подать эту записку вѣнскому оберъ-полицiймейстеру (Statthalter). Однако, прежде чѣмъ отнести записку къ этому сановнику, Казанова хотѣлъ еще посовѣтоваться съ адвокатомъ. Но его предупредили. Къ нему явился полицейскій агентъ и передалъ приглашеніе отъ оберъ-полицiймейстера, графа Шротенбаха, пожаловать для объясненій. Казанова немедленно отправился по приглашенію.

Онъ увидалъ передъ собою толстяка, стоявшаго посреди комнаты. Поодаль стояло еще нѣсколько человѣкъ, очевидно, подчиненныхъ. Толстый господинъ при входѣ Казановы вынулъ часы и, протянувъ ихъ Казановѣ, просилъ его замѣтить время.

— Вижу,—сказалъ Казанова.

— Прекрасно. Такъ вотъ-съ, если завтра въ этотъ самый часъ вы будете еще въ Вѣнѣ, то я велю силою выпроводить васъ за черту города.

— Но съ какой же стати ко мнѣ примѣняется такая несправедливая и произвольная мѣра?

— Я не обязанъ давать вамъ никакого отчета. Скажу вамъ только, что вы оказались виновны въ нарушеніи закона, изданнаго ея величествомъ касательно азартныхъ игръ. А вамъ извѣстны вотъ эти карты и этотъ кошелекъ?

— Картъ я не узнаю, но кошелекъ узнаю, потому что это мой ко-

шелекъ; правда, въ немъ теперь остается на видъ не больше четверти того золота, что было, когда его у меня отняли.

И съ этими словами Казанова подалъ штатгальтеру составленную имъ докладную записку, въ которой было изложено все дѣло.

Штатгальтеръ пробѣжалъ бумагу, потомъ расхохотался и сказалъ Казановѣ, что въ его остроуміи и умѣньи хорошо разсказывать нисколько и не сомнѣвался, но что ему очень хорошо извѣстно, что за птица Казанова, за что его выгнали изъ Варшавы и т. д. Что же касается до исторіи, разсказанной въ запискѣ, то это очевидная нелѣпость, сплетеніе лжи и невѣроятностей. «Словомъ,—заключилъ градоправитель,—вы должны выѣхать изъ Вѣны, и мнѣ желательно знать, куда вы направитесь».

— Я вамъ это сообщу, милостивый государь, когда я приму рѣшеніе выѣхать отсюда.

— Какъ! Вы осмѣливаетесь мнѣ говорить, что намѣрены ослушаться моего приказанія!

— Да вѣдь вы же сами оставили за мной свободный выборъ: вы сказали, что я могу выѣхать добровольно или меня вышлютъ насильно.

— А, хорошо! Мнѣ уже говорили, что вы человѣкъ съ характеромъ, только здѣсь вашъ характеръ не послужитъ вамъ на пользу. Совѣтую вамъ удалиться безъ всякихъ хлопотъ.

— Прошу васъ возвратить мнѣ мою записку.

— Ничего я вамъ не возвращу. Прощайте!

«Только подлая привязанность къ жизни,—патетически восклицаетъ Казанова,—помѣшала мнѣ выхватить шпагу и проткнуть ею насквозь недостойнаго штатгальтера, который велъ себя со мною не какъ судья, а какъ палачъ!» Надо было, однако же, къ кому-нибудь обратиться съ просьбою о заступничествѣ. Казанова вспомнилъ о графѣ Кауницѣ, который его зналъ, и отправился къ нему. У Кауница были посѣтители, и Казанова разсказалъ свою исторію во всеуслышаніе при нихъ. Закончивъ свой разсказъ, Казанова просилъ Кауница замолвить за него слово императрицѣ. Кауницъ сказалъ ему, чтобы онъ написалъ прошеніе императрицѣ, и брался передать его. Казанова выразилъ опасеніе, что пока императрица разсмотритъ его прошеніе, его вышлютъ изъ Вѣны, а за него не кому заступиться: онъ, бѣглецъ, не имѣетъ отечества, и не можетъ обратиться къ своему дипломатическому представителю.

Услыхавъ это, одинъ изъ посѣтителей Кауница, мужчина громаднѣйшаго роста, подошелъ къ Казановѣ. Это былъ саксонскій посланникъ, графъ Фицтумъ. Онъ сказалъ, что можетъ принять Казанову подъ свое покровительство, потому что чуть не вся его семья (мать, братъ) постоянно живутъ въ Саксоніи; мать его была тамъ актрисой, а братъ, художникъ, хранителемъ музея въ Дрезденѣ. Условились, что, если резолюція императрицы на прошеніе Казановы запоздаетъ, онъ можетъ укрыться въ домѣ Фицтума, гдѣ никто не посмѣетъ его тронуть. Казанова тутъ же у Кауница написалъ слѣдующее, не лишенное курьеза, посланіе къ императрицѣ.

«Государыня! Я увѣренъ, что если бы въ то время, когда ваше императорское и королевское величество изволите шествовать, какое-нибудь

насѣкомое жалобнымъ голосомъ сказало вамъ, что вы его раздавите,— вы отстранили бы стопу вашу, чтобы не причинить зла бѣдному созданью. Я именно такое насѣкомое, государыня,—насѣкомое, осмѣливающееся молить васъ о томъ, чтобы вы повелѣли штатгальтеру Шротембаху отложить на восемь дней мое раздавливаніе туфлею вашего величества. Возможно, что, по истеченіи этого краткаго срока, онъ не только не раздавитъ меня, но ваше величество возьмете изъ его рукъ августѣйшую туфлю, которую вы вручили ему для того, чтобы давить негодяевъ, а не венеціанца, человѣка честнаго, не взирая на его бѣгство изъ свинцовой тюрьмы, и совершенно покорнаго законамъ вашего величества».

Это оригинальное посланіе произвело настоящій фуроръ. Даже холодный Кауницъ улыбался во весь ротъ, читая его, и на вопросъ кого-то изъ дипломатовъ—неужели онъ передастъ его императрицѣ?—отвѣчалъ, что, конечно, пошлетъ немедленно, что такое прошеніе можно было бы подать не только королю, но самому Господу Богу. Многіе просили у Казановы позволенія списать для себя это прошеніе. Весь тотъ день только и разговору было, что объ этомъ удивительномъ произведеніи. За обѣдомъ у Кауница тоже все время говорили о Казановѣ, о его бѣгствѣ изъ тюрьмы, о дуэли съ Браницкимъ. Венеціанскій посолъ, присутствовавшій за обѣдомъ, на вопросъ Кауница, за что Казанова попалъ въ тюрьму, откровенно отвѣтилъ, что не знаетъ; это, конечно, было очень важное свѣдѣтельство въ пользу нашего героя.

За него, очевидно, похлопотали, потому что императрица дала согласіе на просимую отсрочку. Казанова воспрянулъ духомъ. Онъ немедленно засѣлъ за подробный докладъ императрицѣ, въ которомъ разсказывалъ все свое дѣло. Онъ мечталъ о томъ, что ограбившихъ его негодяевъ разыщутъ, накажутъ, кошелекъ ему возвратятъ, а штатгальтера съ позоромъ прогонятъ съ мѣста. Прежде чѣмъ подать докладъ императрицѣ, онъ надумалъ зайти къ графинѣ Зальморъ, приближенной къ Маріи-Терезіи особѣ, ежедневно видавшей императрицу утромъ и вечеромъ. Онъ хотѣлъ разсказать ей свой казусъ и расположить ее въ свою пользу, чтобы она подѣйствовала на императрицу. Но почтенная дама встрѣтила его сурово.

— Что это такое?—накинулась она на него.—Зачѣмъ вы до сихъ поръ носите руку на перевязи? Что это за шарлатанство. Со времени вашей дуэли прошло девять мѣсяцевъ, и вамъ нѣтъ никакой надобности въ этой перевязи!

Чрезвычайно удивленный и сбитый такимъ пріемомъ, Казанова кое-какъ отвѣчалъ, что онъ бы не носилъ перевязи, если бы ему въ этомъ не было нужды, что онъ вовсе не шарлатанъ, и что онъ пришелъ не за этимъ.

— Знаю я, зачѣмъ вы пришли, но я не намѣрена вмѣшиваться въ это дѣло. Знаю я васъ, итальянцевъ, всѣ вы проходимцы!

Казанова повернулся и, не поклонившись сердитой дамѣ, молча вышелъ. Онъ даже не въ силахъ былъ бѣсноваться. Онъ просто не понималъ, какъ могъ онъ попасть въ такое положеніе. На него опрокинулась цѣлая груда мошенниковъ изъ всѣхъ сферъ, всѣхъ общественныхъ положеній, и придавила его подъ собою. У него оставался только одинъ доброжелатель, графъ Фицтумъ, принявшій его подъ

свое покровительство. Онъ въ тотъ же день вечеромъ посѣтилъ Казанову и передалъ ему, чѣмъ кончились всѣ хлопоты у императрицы по его дѣлу. Марія Терезія сказала Кауницу (а тотъ передалъ Фицтуму), что, по словамъ штатгальтера, исторія, разсказанная Казановою въ докладной запискѣ,—чистая сказка, что Казанова металъ банкъ поддѣльными картами: что его перевязь—одна только уловка, для того чтобы ловчѣе скрыть передержки, которая онъ дѣлалъ при игрѣ; что его поймали на шуллерской продѣлкѣ, и, конечно, какъ водится, отобрали у него шуллерски выигранныя деньги; что кошелекъ, отобранный отъ Казановы, съ 40 дукатами, былъ представленъ обобранными имъ игроками въ полицію и, разумѣется, конфискованъ. Эта продѣлка съ кошелькомъ была очень ловко придумана жуликомъ Поккини. Въ кошелькѣ, по словамъ Казановы, было 200 дукатовъ; изъ нихъ, значитъ, Поккини 160 взялъ себѣ, а 40 представилъ въ полицію, и этимъ снялъ съ себя всякое подозрѣніе, явился въ глазахъ полиціи честною жертвою шуллера. Въ заключеніе императрица сказала, что она не можетъ выбирать между Казановою и своимъ оберъ-полиціймейстеромъ, который оказалъ городу громадныя услуги, очистивъ его отъ мошенниковъ, которыми онъ раньше кишѣлъ. Казановѣ же она могла предоставить лишь одно утѣшеніе—онъ могъ пробыть въ Вѣнѣ, сколько ему было нужно.

Казановѣ оставалось только отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и покинуть негостепріимную столицу Австріи. Онъ такъ и сдѣлалъ, принявъ твердое рѣшеніе, во-первыхъ, опубликовать всю эту исторію, съ должными комментаріями, въ газетахъ, а во-вторыхъ, разыскать негодяя Поккини и повѣсить его собственными руками. Однако, ни того, ни другого онъ такъ и не исполнилъ.

Казанова направился въ Германію. Изъ Линца онъ, не утерпѣвъ, написалъ полное яда письмо къ вѣнскому штатгальтеру; ему надо было отвести душу. «Это письмо,—говоритъ Казанова,—было необходимо для моего здоровья, иначе гнѣвъ задушилъ бы меня». Потомъ онъ переѣхалъ въ Аугсбургъ и здѣсь прожилъ нѣкоторое время. Цѣлая компанія друзей, особенно варшавскихъ, отправлявшихся на воды въ Спа, увлекала за собою Казанову. Но у него не было денегъ. Отъ Брагадина онъ уже повытянулъ все, что только было возможно. Онъ порылся въ неизсякаемомъ источникѣ своей сообразительности, и наконецъ, придумалъ обратиться за помощью къ своему другу, герцогу Карлу Курляндскому, который въ это время гостилъ въ Венеціи. Но надо же было не просто выклянчить субсидію, а получить ее за что-нибудь. И вотъ, нашъ герой придумалъ поистинѣ удивительное средство—онъ сообщилъ герцогу подробный рецептъ для приготовленія золота! Чрезвычайно трудно разобрать, вѣрилъ ли Казанова самъ въ этотъ рецептъ или онъ совершалъ сознательное шарлатанство. Вотъ его собственныя слова:

«Я написалъ принцу Карлу Курляндскому, который тогда былъ въ Венеціи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ сотню дукатовъ. Чтобы побудить его прислать мнѣ ихъ немедленно, я сообщилъ ему вѣрнѣйшій способъ добыванія философскаго камня. Такъ какъ мое письмо, содержавшее такой важный секретъ, было не шифрованное, то я просилъ тотчасъ его сжечь, увѣривъ принца, что у меня осталась точная копія. Онъ этого

не сдѣлалъ и письмо было у него схвачено вмѣстѣ съ другими его бумагами, когда его засадили въ Бастилію».

Когда Бастилія была взята и ея архивъ сдѣлался достояніемъ изслѣдователей, въ ихъ руки попало и письмо Казановы. Оно тогда произвело впечатлѣніе, было переведено на разные языки и напечатано. Конечно, на него взглянули, какъ на произведеніе чисто шарлатанское. Это было уже въ концѣ жизни Казановы, когда онъ жилъ на иждивеніи графа Вальдштейна, въ его богатомъ замкѣ; какъ разъ въ это время онъ и составлялъ свои мемуары. Въ нихъ онъ отводитъ мѣсто и этому письму. Онъ брюзжитъ на своихъ обвинителей, называетъ ихъ невѣждами, скотами, ослами, обвиняетъ въ томъ, что они исказили его письмо и проникается, повидимому, самымъ серьезнымъ замысломъ оправдать себя въ глазахъ потомства, и съ этою благою цѣлью печатаетъ это письмо въ своихъ запискахъ цѣликомъ. Мы считаемъ излишнимъ дословно приводить этотъ документъ, а перескажемъ только его содержаніе. Въ началѣ Казанова распространяется о своей преданности герцогу; онъ не сомнѣвается въ томъ, что и герцогъ его искренно любитъ и цѣнитъ, но ему хочется дать доказательства своей преданности болѣе существенныя, нежели его личные таланты и качества, снискавшіе ему высокое расположеніе герцога. Съ этою цѣлью онъ и сообщаетъ ему вѣрнѣйшій рецептъ изготовленія философскаго камня, посредствомъ котораго можно «размножать» золото до безконечности, получая при этомъ настоящее, чистое золото, годное для чеканки монеты. Само собою разумѣется, что относительно всякаго, объявляющаго себя владѣльцемъ секрета дѣлать золото, возникаетъ у здравомыслящаго человѣка вопросъ—почему онъ самъ его не дѣлаетъ, а навязываетъ секретъ другимъ? Словно предвидя это, Казанова распространяется въ своемъ письмѣ о томъ, что производство золота требуетъ величайшей тайны, чтобы кто-нибудь не проникъ въ секретъ и не воспользовался имъ. Такая тайна возможна только для владѣтельной особы, она недоступна для частнаго лица. Вотъ почему Казанова ею до сихъ поръ и не воспользовался. Послѣ этого предисловія идетъ самый рецептъ, по обыкновенію, нѣсколько сбивчивый; въ немъ, впрочемъ, соблюдается внѣшній видъ точности: возьми того-то столько-то, и т. д. Приводимъ для любителей курьезовъ, знакомыхъ съ химіею, этотъ диковинный рецептъ приготовленія золота. Казанова прежде всего предписываетъ растворить серебро въ крѣпкой водкѣ, т. е. въ азотной кислотѣ. При этомъ получится, конечно, растворъ ляписа, азотнокислаго серебра. Потомъ онъ тотчасъ предписываетъ обратную реакцію,—осажденіе серебра изъ раствора мѣдью. Отъ дѣйствія мѣди серебро, значитъ, вновь получится въ первоначальномъ металлическомъ видѣ. Его промываютъ, очищаютъ, сушатъ. Потомъ этотъ серебряный порошокъ смѣшиваютъ съ нашатыремъ, и смѣсь кладутъ въ.... но тутъ Казанова впадаетъ въ туманный языкъ древнихъ алхимиковъ, онъ выражается такъ: «dans une tortue propre à devenir récipient», т. е. въ черепаху (надо подразумѣвать, вѣроятно, реторту), способную стать пріемникомъ. Каждому химику извѣстно, что̀ такое реторта и что̀ такое пріемникъ, и каждому ясно, что авторъ рецепта въ этомъ мѣстѣ вдается въ шарлатанскую сбивчивость описанія. Покончивъ съ этою частью операціи, надо взять (столько-то) жженыхъ квасцовъ, венгерскаго хрусталя, мѣди, самородной

киновари и сѣры. Все это измельчается и смѣшивается; смѣсь кладется въ колбу такой вмѣстимости, чтобы содержимое заняло половину ея объема. Колба ставится на печь съ четырьмя поддувалами, «потому что необходимо довести огонь (или жаръ) до четвертой степени»—вновь шарлатанская тьма. Начинаютъ съ «медленнаго» огня, который долженъ извлечь изъ смѣси только одни «флегмы» или «гидропическія» части, а «когда станутъ появляться спирты», надо подвергнуть ихъ дѣйствію пріемникъ, гдѣ «содержится луна съ амміачными солями» (т. е. реторта, содержащая смѣсь серебра съ нашатыремъ?) Всѣ стыки слѣдуетъ замазать «замазкою премудрости», и по мѣрѣ того, какъ спирты будутъ перегоняться, огонь надо постепенно поднимать до третьяго градуса. Когда же начнется «возгонка», нужно смѣло открыть четвертое поддувало; но надлежитъ опасаться, чтобы возгонъ не проникъ въ пріемникъ, гдѣ находится луна, заткнуть у него носокъ пузыремъ, въ «три двойныхъ», и поставить его на 24 часа въ печь съ круговращеніемъ, а потомъ снять пузырь и обратить реторту къ центру, чтобы изъ нея могла идти перегонка. Огонь надо усиливать, чтобы окончательно, на-сухо выгнать изъ массы спирты. Послѣ троекратнаго повторенія этой операціи въ ретортѣ окажется золото. Если это золото сплавить съ двумя унціями настоящаго золота, то получится 4 унціи настоящаго чистаго золота. Слѣдовательно, получится, въ сущности, вещество, способное множить золото, увеличивать вдвое его вѣсъ. Какъ видятъ читатели, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что письмо Казановы, найденное въ Бастиліи, возбудило хохотъ и совершенно основательное обвиненіе нашего героя въ шарлатанствѣ.

«Какъ только мой кошелекъ пріобрѣлъ приличную полноту,—говоритъ Казанова, покончивъ съ своимъ письмомъ,—я тотчасъ покинулъ Аугсбургъ». Но какимъ путемъ была достигнута эта полнота, онъ не объясняетъ. Неужели герцогъ поддался на удочку и выслалъ ему денегъ? Очень возможно: въ то время многіе еще свято вѣрили въ философскій камень и въ искусство дѣлать золото.

Казанова пробирался въ Парижъ, его любимый городъ, который вѣчно тянулъ его къ себѣ, и съ которымъ онъ, кажется, вѣкъ бы не разстался, если бы его оттуда не выгоняли. По дорогѣ, въ Ульмѣ, его догналъ курьеръ герцога Виртембергскаго, мчавшійся въ Штутгартъ съ извѣстіемъ о скоромъ возвращеніи туда герцога, гостившаго въ это время въ Венеціи. Съ этимъ курьеромъ было также письмо герцога Курляндскаго къ Казановѣ, который предполагалъ, что курьеръ застанетъ нашего героя въ Аугсбургѣ. Передавая письмо, курьеръ полюбопытствовалъ узнать, не тотъ ли, молъ, вы самый Казанова, у котораго была ссора въ Штутгартѣ съ тремя офицерами изъ-за картъ (мы въ своемъ мѣстѣ разсказали эту исторію)? Казанова отвѣчалъ утвердительно. А тутъ какъ разъ подвернулся какой-то виртембергскій офицеръ, который, услыхавъ этотъ разговоръ, вѣжливо раскланялся съ Казановою и сказалъ, что эта свалка съ офицерами надѣлала большого шума въ Штутгартѣ, и что общественное мнѣніе было тогда за Казанову. Казанова тѣмъ временемъ читалъ письмо герцога и вдругъ ему пришло въ голову выкинуть штуку. Окончивъ чтеніе, онъ обратился къ офицеру и сказалъ ему:

— Да, милостивый государь! Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, и вотъ

теперь только мнѣ удалось, наконецъ, убѣдить въ своей правотѣ его высочество. Вотъ его письмо, въ которомъ онъ отдаетъ мнѣ должную справедливость, и въ воздаяніе за долготерпѣніе назначаетъ меня своимъ кабинетъ-секретаремъ, съ жалованьемъ въ 1.200 экю.

Онъ вздумалъ одурачить своихъ бывшихъ супостатовъ-офицеровъ и все штутгартское общество. Онъ зналъ, что курьеръ или офицеръ, его случайный собесѣдникъ, немедленно разболтаетъ новость по всему городу и заранѣе любовался тою миною, которую сдѣлаютъ его враги, узнавъ о его внезапномъ возвышеніи въ милости герцога. Онъ могъ вести свою продѣлку безопасно, потому что до прибытія герцога оставалось еще нѣсколько дней, и притомъ о времени пріѣзда онъ всегда могъ узнать въ точности. И вотъ Казанова торжественно въѣхалъ въ Штутгартъ, изъ котораго семь лѣтъ тому назадъ былъ вынужденъ бѣжать тайкомъ. Штука удалась вполнѣ: въ Штутгартѣ, ко времени его пріѣзда, всѣ уже знали о томъ, что онъ кабинетъ-секретарь его высочества. Встрѣтили его съ почтеніемъ и вниманіемъ. Онъ тотчасъ посѣтилъ своихъ друзей, которые помогали тогда его бѣгству; онъ и имъ не выдалъ секрета, такъ что и они были введены въ обманъ вмѣстѣ съ прочими, и искренно радовались счастью Казановы. Онъ безпечно прокутилъ съ ними около недѣли, пока герцога не было въ столицѣ. Когда же пришла вѣсть, что герцогъ возвращается и уже находится вблизи города, Казанова сдѣлалъ видъ, что долженъ выѣхать къ нему навстрѣчу, чтобы вступить въ городъ въ его свитѣ. Въ то же время онъ началъ спѣшно укладываться, и тутъ только его друзья догадались о его продѣлкѣ. Похохотали отъ души надъ одураченными штутгартцами которые, что называется, не знали, куда посадить секретаря его высочества, и весело проводили его. Онъ безъ всякихъ приключеній прибылъ въ Мангеймъ, а оттуда проѣхалъ въ Кёльнъ, гдѣ ему надо было раздѣлаться съ мѣстнымъ журналистомъ, напечатавшимъ про него какой-то пасквиль. Журналистъ былъ человѣкъ хилый и робкій, и Казанова могъ дѣлать съ нимъ, что хотѣлъ. Онъ потребовалъ отъ него выдачи письма, на основаніи котораго была составлена газетная замѣтка. Но письмо не отыскалось. Казанова далъ пинка своему обидчику и уѣхалъ въ Аахенъ. Здѣсь онъ повстрѣчалъ цѣлую компанію варшавскихъ знакомыхъ, направлявшихся на воды въ Спа. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

Въ Спа Казанова повстрѣчался съ своимъ соотечественникомъ Кроче, съ которымъ много лѣтъ назадъ составилъ игорную компанію. Кроче былъ завзятый, профессіональный игрокъ, и притомъ, едва ли не шулеръ, хотя Казанова объ этомъ прямо и не говоритъ. Шатаясь по Европѣ, онъ гдѣ-то, кажется, въ Брюсселѣ, сманилъ барышню изъ очень хорошей семьи и выдавалъ ее за свою жену. Пріѣхалъ онъ въ Спа богачемъ, у него было много денегъ. Онъ познакомился со знатью, съѣхавшеюся на воды, и началъ крупную игру. Но ему страшно не повезло; онъ проигралъ всѣ деньги, всѣ драгоцѣнности, всѣ дорогія вещи своей возлюбленной и даже весь ея гардеробъ; въ концѣ концовъ, оба остались, въ чемъ были. Тогда Кроче откровенно разъяснилъ Казановѣ, въ какое онъ попалъ положеніе. Онъ рѣшилъ уйти изъ Спа пѣшкомъ, а свою барышню поручилъ Казановѣ, умоляя доставить ее въ Парижъ. Несчастная женщина была въ интересномъ положеніи. Казанова, проводивъ своего легкомысленнаго пріятеля, отправился къ его покинутой

возлюбленной и просилъ у нея позволенія принять отнынѣ на себя всѣ заботы о ней. Бѣдной дѣвушкѣ ничего другого не оставалось, какъ положиться на своего новаго покровителя. Они вмѣстѣ прибыли въ Парижъ, въ октябрѣ 1767 года. Вскорѣ по прибытіи Шарлотта (такъ звали возлюбленную Кроче) разрѣшилась мальчикомъ, но вслѣдъ затѣмъ и сама скончалась. Казанова былъ страшно пораженъ ея смертью. Онъ не отходилъ отъ нея ни на минуту до самыхъ похоронъ. День смерти Шарлотты оказался роковымъ въ жизни нашего героя, потому что въ этотъ же день имъ было получено изъ Венеціи письмо отъ старика Дандоло, въ которомъ онъ извѣщалъ о смерти названнаго отца Казановы, Брагадина.

«Источникъ моихъ слезъ изсякъ,—говоритъ Казанова,—у меня не хватило слезъ, чтобы оплакать смерть этого человѣка, который въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ замѣнялъ мнѣ отца. урѣзывалъ себѣ во всемъ, даже должалъ, чтобы только помогать мнѣ». Имущество старика все пошло на уплату его долговъ; но, предчувствуя свою смерть, онъ скопилъ тысячу скуди, обратилъ ихъ въ переводный вексель, и озаботился переслать этотъ вексель Казановѣ.

Погоревалъ Казанова, однако, недолго, всего лишь до конца октября, а въ ноябрѣ уже началъ заглядывать въ театры. Однажды вечеромъ, сидя въ концертѣ, онъ вдругъ услыхалъ свое имя; оно было произнесено кѣмъ-то, сидѣвшимъ позади его. Казанова обернулся и разсмотрѣлъ говорившаго. Это былъ молодой человѣкъ, съ азартомъ повѣствовавшій о чемъ-то двумъ своимъ сосѣдямъ. Казанова пристально смотрѣлъ на него, а тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ говорить о немъ; говорилъ онъ вещи въ высшей степени нелестныя, между прочимъ, сообщилъ своимъ слушателямъ, что Казанова выманилъ у его покойной тетки, маркизы Дюрфэ, громадную сумму. Это была сущая правда, о чемъ можно судить по собственному признанію Казановы; мы уже разсказали его исторію съ полоумною старушкою. Но такъ какъ правда колола глаза и могла быть съ удобствомъ истолкована, какъ личное оскорбленіе, то Казанова немедленно и воспылалъ благороднымъ негодованіемъ.

— Вы безстыдный лжецъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ племяннику маркизы.—Еслибъ дѣло происходило въ другомъ мѣстѣ, я надавалъ бы вамъ пинковъ, чтобы проучить васъ хорошенько!

Молодой человѣкъ хотѣлъ броситься на Казанову, но его собесѣдники удержали его силою. Казанова вышелъ изъ театра и нѣкоторое время ожидалъ на улицѣ, не выйдетъ ли его обидчикъ, чтобы развѣдаться съ нимъ на шпагахъ. Но того, очевидно, не пустили.

На другой день Казанова мирно обѣдалъ у своего брата, батальнаго живописца, въ компаніи со многими другими гостями. Вдругъ доложили о приходѣ какого-то офицера, спрашивавшаго нашего героя. Казанова тотчасъ всталъ изъ-за стола и вышелъ къ офицеру; тотъ передалъ ему бумагу въ конвертѣ. Казанова развернулъ бумагу и увидѣлъ на ней печать и подпись короля. Это было одно изъ тогдашнихъ личныхъ королевскихъ распоряженій, грозное «письмо съ печатью»— lettre de cachet. Въ немъ Казановѣ предписывалось выѣхать изъ Парижа въ суточный срокъ. а изъ Франціи—въ трехнедѣльный. Мотивомъ, какъ вообще въ этихъ указахъ, выставлялось, просто-на-просто, «доброе удовольствіе»—bon plaisir.

— Слушаю-съ, — сказалъ Казанова по прочтеніи рокового письма.—Я доставлю это «удовольствіе» королю. Только, если въ теченіе сутокъ мнѣ не удастся собраться, то пусть король дѣлаетъ со мной, что ему угодно.

Офицеръ успокоилъ его, сказавъ, что этотъ срокъ назначается только для порядка и что можно пробыть въ Парижѣ нѣсколько дней, но только не появляться въ публичныхъ мѣстахъ. Письмо было помѣчено 6 ноября, а Казанова выѣхалъ изъ Парижа 20. Шуазель, по старой памяти, охотно снадбилъ его паспортомъ. Приказъ объ изгнаніи былъ вызванъ его ссорою съ племянникомъ маркизы Дюрфэ, человѣкомъ, весьма виднымъ въ высшемъ обществѣ.

Казанова рѣшилъ, наконецъ, отправиться въ Португалію, къ своей лондонской знакомкѣ, отъ которой, какъ мы уже замѣтили, онъ, вѣроятно, разсчитывалъ поживиться. Но въ Португалію онъ не попалъ, потому что застрялъ въ Испаніи, гдѣ его ожидали довольно бурныя приключенія, о которыхъ мы теперь и разскажемъ.

ГЛАВА XXV.

Путешествіе Казановы въ Мадридъ.—Очерки испанскихъ нравовъ.—Встрѣча съ венеціанскимъ посломъ и хлопоты о примиреніи съ Венеціею.—Его арестъ и заточеніе въ тюрьмѣ.—Надежды хорошо пристроиться въ Испаніи, разрушенныя ссорами съ Менгсомъ и Мануччи, фаворитомъ венеціанскаго посланника.—Отъѣздъ изъ Мадрида.

Казанова трогательно прощается въ своихъ запискахъ съ Франціею, которую очень любилъ, едва ли не больше своей родины. Эти прощальныя слова являются какъ бы политическимъ исповѣданіемъ нашего героя и потому не лишнее будетъ привести ихъ для характеристики Казановы. Надо замѣтить, что записки свои онъ писалъ въ самый развалъ революціи, когда во Франціи утвердилась республика.

«О, моя милая, прекрасная Франція,—восклицаетъ Казанова,—въ которой въ тѣ времена все шло такъ прекрасно, несмотря на письма съ печатью, на барщину, на народную нищету, на «доброе удовольствіе» короля и министровъ! Дорогая Франція, чѣмъ стала ты теперь? Твой владыка—народъ, самый грубый, жестокій и тираническій изъ властелиновъ! У тебя нѣтъ больше «добраго удовольствія» короля, это вѣрно, но зато у тебя теперь завелись капризы черни, да республика, это истинное общественное бѣдствіе, самая ужасная форма правленія, совершенно непригодная для нынѣшнихъ, слишкомъ богатыхъ, слишкомъ образованныхъ, а главное, слишкомъ развращенныхъ народовъ, такъ какъ эта форма требуетъ отъ народа трезвости, самопожертвованія и всяческихъ иныхъ добродѣтелей». Казанова ѣхалъ на Орлеанъ, Пуатье и Бордо; потомъ пересѣкъ знаменитые Ланды и, черезъ Байонну, добрался до Сенъ-Жанъ-де-Луса. Здѣсь онъ продалъ экипажъ и черезъ Пиренеи переваливалъ верхомъ на мулѣ. Мимоходомъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе объ этихъ горахъ, показавшихся ему гораздо разнообразнѣе и живописнѣе Альповъ. Отъ Пампелуны шла еще не дурная дорога, не хуже, чѣмъ во Франціи, но она тянулась не болѣе 80 верстъ. Дальше никакой дороги не было; путники двигались впередъ, держась извѣстнаго направленія, спуска-

лись внизъ, карабкались вверхъ; по всему пути не было видно ни малѣйшаго слѣда колесъ, и такъ было по всей Старой Кастиліи. До самаго Мадрида Казанова не встрѣтилъ ни одного хорошаго жилья; всюду царила страшная нищета и грязь. Населеніе, если только ему было чѣмъ кормиться, не хотѣло и пальцемъ двинуть. Когда останавливались на ночлегъ, хозяинъ лѣниво указывалъ клѣтушку, въ которой можно было ночевать: въ ней иногда была и печь, но путнику самому приходилось ее топить, если онъ хотѣлъ обогрѣться или приготовить себѣ пищу. У хозяина часто не было ни дровъ, ни пищевыхъ припасовъ. Правда, за свое гостепріимство эти бѣдные люди брали совершенно ничтожную плату. Мѣстные крестьяне довольствовались такимъ пропитаніемъ, которое было впору только свиньямъ. Обычной ихъ пищей были печеные каштаны, bellotas, которые расли всюду въ изобиліи, такъ что трудъ по ихъ воздѣлыванію ограничивался ихъ собираніемъ. Но почти каждый мужичекъ курилъ папиросы изъ бразильскаго табака. Это куренье было настоящимъ священнодѣйствіемъ: курящій усаживался въ спокойнѣйшей позѣ и очень не долюбливалъ прерывать это эпикурейское времяпрепровожденіе. Населеніе гордилось своею древнекастильскою національностью; съ незапамятныхъ временъ въ немъ укоренилось полное презрѣніе ко всякому труду, который считался ни болѣе, ни менѣе, какъ срамомъ и поборомъ для каждаго уважающаго себя кастильца. Услуживать проѣзжающему чужаку—совсѣмъ послѣднее дѣло. По дорогѣ, между прочимъ, повстрѣчалась имъ цѣлая толпа монаховъ-капуциновъ; но, всмотрѣвшись въ лица этихъ монаховъ, Казанова убѣдился, что всѣ они были женщинами. Проводникъ разъяснилъ ему, что такія странствія въ одной одеждѣ капуцина (безъ рубахи) предпринимаются женщинами, какъ подвигъ благочестія.

У Мадридскихъ городскихъ воротъ потребовали паспортъ и произвели досмотръ. Одновременно съ Казановою подошелъ къ городу какой-то монахъ, у котораго не оказалось паспорта; его не впускали въ городъ. Казанова тотчасъ распозналъ въ этомъ монахѣ своего соотечественника. Онъ вступился за него. Поразспросивъ монаха, онъ узналъ, что тотъ пробирается въ Мадридъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ какому-то знатному гранду, высшему сановнику.

— Такъ предъявите же это письмо, — посовѣтовалъ ему Казанова,—можетъ быть, оно поможетъ вамъ лучше всякаго паспорта. Монахъ такъ и сдѣлалъ. Но едва лишь досмотрщикъ прочелъ подписб рекомендующаго лица, Скильясе,—имъ овладѣло негодованіе.

— Какъ,—закричалъ онъ,—вы осмѣливаетесь являться въ Мадридъ съ рекомендаціею отъ Скильясе!

При этомъ имени на лицахъ всѣхъ служащихъ, даже всѣхъ солдатъ, выразилось совершенно непостижимое для Казановы раздраженіе. Изъ послѣдовавшаго объясненія выяснилось, что этотъ Скильясе былъ предметомъ всеобщей ненависти для каждаго кастильца, что его, навѣрное, народъ разорвалъ бы на клочья, если бы за него не вступился самъ король. Казанова пустилъ входъ все свое краснорѣчіе, кое-какъ, съ величайшимъ трудомъ, отстоялъ бѣднаго монаха и провелъ его вмѣстѣ съ собою въ городъ. Плохо досталось бы бѣднягѣ безъ заступничества нашего героя.

Казанова поселился въ гостиницѣ. Двери всѣхъ номеровъ въ гостиницахъ Мадрида отличались одною необычною особенностью. У нихъ былъ очень основательный замокъ, но не внутри, а снаружи, такъ что постоялецъ не имѣлъ возможности запереться у себя въ номерѣ. Казанова полюбопытствовалъ освѣдомиться, что это обозначаетъ, и ему тотчасъ объяснили, что такое устройство замковъ принято въ интересахъ святѣйшей инквизиціи, которая должна была обезпечить за собою совершенно свободный входъ повсюду, куда ей надлежало сдѣлать визитъ.

— Да что же нужно вашей проклятой инквизиціи... — зашумѣлъ Казанова.

— Ради Бога, сеньоръ,—перебилъ его хозяинъ,—не кричите такихъ вещей во весь голосъ, иначе мы оба съ вами сгинемъ, какъ мухи!

— Однако,—понизилъ тонъ Казанова, — что же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ интересовать святую инквизицію въ моемъ поведеніи?

— Какъ что? Да все! Ей любопытно знать, не кушаете ли вы скоромное въ постные дни, не собираются ли у васъ кавалеры вмѣстѣ съ дамами и не ведутъ ли они себя, какъ супруги, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ, и т. д. Святая инквизиція, сеньоръ, неустанно бодрствуетъ надъ нами, ради нашего спасенія!

Очень досаждалъ Казановѣ повсюду въ Испаніи и до нынѣ еще не выведшійся обычай колѣнопреклоненія передъ Святыми Дарами. Патеръ, неся ихъ по городу, напримѣръ, для напутствія умирающаго, звонилъ въ колокольчикъ, и всѣ, кто встрѣчалъ на пути Св. Дары, долженъ былъ становиться при ихъ появленіи на колѣни прямо на землю, не взирая на состояніе почвы. Ѣхавшіе должны были выходить изъ экипажей. Теперь этотъ обычай соблюдается лишь по доброй волѣ благочестивыми людьми, прежде онъ былъ обязателенъ для всѣхъ безъ изъятія, подобно тому, какъ, напримѣръ, обязательно обнаженіе головы въ Москвѣ, передъ Спасскими воротами Кремля.

Во время таможеннаго досмотра у городскихъ воротъ, у Казановы отобрали «Иліаду» на греческомъ языкѣ и Горація; книги показались подозрительными. Чрезъ три дня ихъ возвратили. Сверхъ того, одинъ изъ досмотрщиковъ попросилъ у него понюхать табачку. Казанова обязательно протянулъ ему свою табакерку. Чиновникъ, заглянувъ въ нее, тотчасъ выхватилъ табакерку изъ рукъ Казановы и высыпалъ изъ нея табакъ на землю.

— Сеньоръ,—сказалъ онъ строгимъ тономъ,—этотъ табакъ запрещенъ въ Испаніи.

Въ то время табачная монополія составляла спеціально королевскую статью дохода и потому чужой табакъ строго преслѣдовался таможнями. Вслѣдствіе этого развивалась страшная контрабанда: знатоки и любители ни во что не ставили мѣстный нюхательный табакъ и были готовы платить какія угодно деньги за иностранный, особенно за превосходный французскій табакъ.

Казанова имѣлъ рекомендательное письмо къ графу Арандѣ. Это былъ весьма энергичный министръ, сумѣвшій очистить Испанію отъ іезуитовъ. Это создало ему гораздо больше враговъ, нежели друзей, но онъ не обращалъ никакого вниманія ни на тѣхъ, ни на другихъ. Казанову онъ принялъ довольно холодно, и прежде всего непріятно ого-

рошилъ его вопросомъ: зачѣмъ, собственно, онъ пожаловалъ въ Испанію?

Казанова отвѣтилъ въ общихъ фразахъ о поучительности странствій, добавивъ, впрочемъ, нѣсколько словъ о надеждахъ насчетъ примѣненія въ Испаніи своихъ скромныхъ талантовъ.

— Вы не имѣете ни малѣйшей надобности въ моемъ покровительствѣ, чтобы спокойно жить въ Испаніи,—отрѣзалъ Аранда.—Сообразуйтесь съ законами и полицейскими постановленіями и никто васъ не тронетъ. Что же касается до примѣненія вашихъ талантовъ, то обратитесь къ вашему посланнику, онъ выдвинетъ васъ и поможетъ вамъ устроиться.

Казанова выяснилъ свое исключительное положеніе по отношенію къ своему правительству, которое отнимало у него надежду на предстательство посланника.

— Если такъ,—возразилъ Аранда,—то вамъ не удастся устроиться при дворѣ, потому что король, разумѣется, обратится за свѣдѣніями о вашей личности къ тому же посланнику. Тогда вамъ остается только жить здѣсь и развлекаться.

Послѣ того Казанова побывалъ у неаполитанскаго посланника, у родныхъ испанскихъ тузовъ, и всѣ они сказали ему то же самое, что и Аранда. Наконецъ, по совѣту герцога Лоссада, онъ рѣшилъ лично познакомиться съ венеціанскимъ посланникомъ; тотъ могъ рекомендовать его на свой страхъ, не упоминая о его приключеніяхъ. Казанова написалъ своему старому другу Дандоло, чтобы тотъ прислалъ ему рекомендательное письмо къ венеціанскому послу Мочениго. Затѣмъ онъ явился къ секретарю посольства, Содерини. Послѣдній принялъ его хорошо, но ничего не могъ посовѣтовать, кромѣ того, чтобы Казанова написалъ письмо къ послу; герой нашъ такъ и сдѣлалъ.

На другой же день къ Казановѣ явился чрезвычайно красивый молодой человѣкъ, графъ Манучча, личный секретарь Мочениго. Старый венеціанецъ имѣлъ склонность къ выбору себѣ такихъ миловидныхъ секретарей. Казанова живо поладилъ съ этимъ Адонисомъ и тотъ обѣщалъ ему свое могучее покровительство. Для первой встрѣчи съ посломъ у нихъ было условлено, что Казанова сдѣлаетъ визитъ Манучча, а тотъ пригласитъ къ себѣ на это время и Мочениго. Встрѣча состоялась. Посолъ былъ очень милостивъ, но выразилъ глубокое сожалѣніе, что не можетъ открыто принять у себя Казанову, изъ боязни нажить себѣ враговъ въ Венеціи.

Казанова предупредилъ его о томъ, что ждетъ рекомендательныхъ писемъ изъ Венеціи, и Мочениго успокоилъ его, что если такія письма будутъ имъ получены, то онъ смѣло берется представить Казанову королю. Онъ всегда могъ оправдать свое поведеніе тѣмъ, что мотивы вражды инквизиціи къ Казановѣ ему неизвѣстны.

Въ первые же дни своего пребыванія въ Мадридѣ Казанова свелъ знакомство съ извѣстнымъ художникомъ Менгсомъ,—нѣмецкимъ Рафаэлемъ. Онъ уже шесть лѣтъ состоялъ придворнымъ художникомъ, получалъ хорошее вознагражденіе, жилъ открыто, принималъ друзей и любилъ пображничать съ ними.

Пока за него хлопотали друзья, Казанова, вѣрный своему коренному правилу — жить въ свое удовольствіе, развлекался, какъ умѣлъ. Онъ

посѣщалъ театры, бои быковъ, публичные балы. Случалось, что въ самый разгаръ спектакля сторожъ отворялъ дверь и громко кричалъ: «Dios!» (т. е. Богъ). Это значитъ, что мимо театра проходитъ патеръ со Святыми Дарами. Тогда актеры и публика падала на колѣни и въ театрѣ царило безмолвіе до тѣхъ поръ, пока раздавался звонъ колокольчика, съ которымъ всегда ходятъ въ этихъ случаяхъ испанскіе патеры.

На балу Казанова скучалъ, потому что ни одна дама не шла танцовать съ нимъ. Какой-то старичокъ, замѣтивъ его затрудненіе, сжалился надъ нимъ и разговорился съ нимъ. Онъ разъяснилъ ему, что въ Испаніи на балы каждый кавалеръ приводитъ свою даму и не позволитъ ей танцовать ни съ кѣмъ другимъ. Казанова еще больше загрустилъ: онъ—иностранецъ, откуда ему взять даму. Но старичокъ его тотчасъ успокоилъ и урезонилъ. Иностранцу гораздо легче достать себѣ даму, чѣмъ мадридскому жителю.

— Намѣтьте себѣ любую красавицу,—поучалъ старецъ,—хоть, напримѣръ, въ церкви или въ театрѣ, узнайте, гдѣ она живетъ, смѣло заявитесь къ ея родителямъ, отрекомендуйтесь, скажите, что вы иностранецъ, что у васъ нѣтъ знакомства въ Мадридѣ, и что вы просите позволенія сопровождать ихъ барышню на балы; я увѣренъ, что вамъ нигдѣ не откажутъ, а если бы даже и отказали, то стоитъ только откланяться и пойти въ другой домъ; ваше предложеніе никто не сочтетъ за дерзость—это главное.

Казанова послѣдовалъ этому совѣту опытнаго мадридскаго старожила. Онъ высмотрѣлъ въ церкви какую-то красавицу, выслѣдилъ ее; она оказалась дочерью чеботаря, необычайно гордаго испанца, считавшаго себя дворяниномъ, гидальго. Этотъ гидальго, между прочимъ, не шилъ новой обуви, а только занимался починкою старой. Резонъ у него на это былъ весьма аристократическаго свойства. Чтобы сшить новую обувь, надо снять мѣрку, надо склониться передъ заказчикомъ и прикоснуться руками къ его ногѣ, а это позоръ для дворянина. Починять же старую обувь—дѣло нисколько не зазорное, и дворянства ни капли не мараетъ. Старый дворянинъ-чеботарь съ перваго слова согласился отпускать свою дочку на балы съ Казановою; видно, это было въ нравахъ старой Испаніи. Правда, вмѣстѣ съ дочкою должна была ѣхать и мать, но она не входила на балъ, а спокойно спала въ каретѣ Казановы, пока дочка отплясывала съ нимъ фанданго. Кстати, Казанова говоритъ объ этомъ танцѣ, какъ о сладострастнѣйшемъ продуктѣ хореграфическаго искусства. Во все время своего пребыванія въ Мадридѣ Казанова ухаживалъ за этою гордою дворянкою, которую ему приходилось даже костюмировать на свой счетъ; противъ этого родители также ничего не имѣли.

Извѣдавъ и изучивъ всѣ стороны испанской общественной жизни, Казанова не миновалъ и испанской тюрьмы. Вообще, онъ только въ одной Россіи прожилъ безъ особо выдающихся приключеній; каждая другая изъ посѣщенныхъ имъ странъ внесла щедрую дань въ бурный потокъ его жизни. Вотъ что разсказываетъ онъ о своихъ испанскихъ острожныхъ приключеніяхъ.

Однажды, послѣ обѣда у Менгса, возвращаясь домой, Казанова былъ остановленъ какимъ-то человѣкомъ, весьма нерасполагающей

внѣшности; незнакомецъ отозвалъ его въ сторонку, сказавъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное. Казанова пошелъ за нимъ. Убѣдившись, что никто не слышитъ ихъ, мрачный вѣстникъ сообщилъ Казановѣ, что въ слѣдующую ночь къ нему явится съ обыскомъ мѣстный алькадъ, Месса. Алькадъ откуда-то узналъ, что у Казановы имѣется запрещенное въ Испаніи оружіе и провѣдалъ даже, что оно спрятано за печкою. Сверхъ того, алькаду извѣстно-де и еще кое-что, и всего этого въ совокупности будетъ за глаза достаточно для того, чтобы арестовать Казанову и помѣстить его въ тюрьму. Незнакомецъ, безъ обиняковъ, объявилъ, что знаетъ все это потому, что состоитъ на службѣ у названнаго алькада Мессы.

Казанова въ самомъ дѣлѣ имѣлъ оружіе, запрещенное въ Испаніи, и потому повѣрилъ предупрежденію. Онъ поблагодарилъ незнакомца и далъ ему щедрую мзду, чаяніе которой, разумѣется, только и побудило этого человѣка оказать услугу иностранцу, жившему въ свое удовольствіе и слѣдовательно имѣвшему деньжонки. Казанова тотчасъ пошелъ домой, захватилъ свое оружіе, спряталъ его подъ плащъ и понесъ его къ Менгсу. Здѣсь онъ былъ въ безопасности, потому что Менгсъ занималъ квартиру во дворцѣ короля. Художникъ принялъ его и пріютилъ на одну ночь, но предупредилъ, что на слѣдующій день Казанова долженъ позаботиться о новомъ убѣжищѣ, потому что алькадъ, навѣрное, имѣетъ какія-нибудь другія, болѣе основательныя причины для ареста, чѣмъ пустой самъ по себѣ фактъ храненія запрещеннаго оружія.

Усѣлись ужинать, и въ дружеской бесѣдѣ засидѣлись за полночь. Поздно ночью явился перепуганный хозяинъ квартиры Казановы, знавшій, гдѣ находится его жилецъ. Онъ сообщилъ, что сейчасъ только приходилъ алькадъ съ цѣлою толпою полицейскихъ, велѣлъ взломать дверь квартиры Казановы, обшарилъ ее всю, ничего не взялъ — очевидно, не нашелъ того, чего искалъ—потомъ вышелъ и запечаталъ дверь. Уходя, онъ захватилъ съ собою лакея Казановы. Онъ обвинялъ этого человѣка въ томъ, что лакей предупредилъ своего барина объ обыскѣ. «Иначе,—говорилъ онъ,—венеціанецъ не укрылся бы у Менгса, гдѣ я не могу его арестовать». Значитъ, алькаду стало какимъ-то путемъ извѣстно, что Казанова скрывается у Менгса.

Тогда и самъ Менгсъ, до тѣхъ поръ слегка подтрунивавшій надъ опасеніями Казановы, убѣдился, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Онъ посовѣтовалъ Казановѣ завтра же утромъ обратиться къ заступничеству графа Аранды. Потомъ они, поговоривъ еще нѣсколько минутъ, разошлись спать. Утромъ на другой день Казанова по всѣмъ примѣтамъ убѣдился, что Менгсъ желаетъ поскорѣе отдѣлаться отъ своего подозрительнаго гостя. Казанова на-скоро закусилъ и только-что распрощался съ Менгсомъ, намѣреваясь тотчасъ отправиться къ графу Арандѣ, какъ вдругъ вошелъ офицеръ и вѣжливо спросилъ у художника, у него ли находится Казанова.

— Это я,—поспѣшилъ отвѣтить Казанова.

— Милостивый государь,—сказалъ ему офицеръ, —я прошу васъ безъ сопротивленія послѣдовать за мною. Я долженъ доставить васъ въ тюрьму Buen-Retiro, гдѣ вы останетесь въ заключеніи. Я не могу арестовать васъ силою, потому что вы находитесь въ королевскомъ

дворцѣ. Но я долженъ васъ предупредить, что г. Менгсъ черезъ часъ получитъ приказъ удалить васъ изъ своей квартиры и тогда васъ схватятъ и поведутъ въ тюрьму, съ обычнымъ шумомъ и скандаломъ; а вѣдь это, я полагаю, вамъ самимъ будетъ непріятно.

Казанова попросилъ позволенія написать письмо, но офицеръ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ни ждать, ни позволить писать письма: онъ обязалъ немедленно доставить Казанову въ тюрьму. Пришлось покориться безъ разговоровъ. Казанова простился съ Менгсомъ и вышелъ. На улицѣ стояла карета Казановы. Онъ сѣлъ въ нее вмѣстѣ съ офицеромъ; захватили также и пистолеты Казановы, потому что офицеръ самымъ настойчивымъ образомъ этого потребовалъ: ему было, очевидно, извѣстно, что оружіе принесено Казановою къ Менгсу.

Buen-Retiro (то есть доброе, хорошее убѣжище) — это королевскій дворецъ, построенный при Филиппѣ V, впослѣдствіи онъ былъ заброшенъ, дворъ въ немъ не жилъ, и его обратили въ тюрьму. Казанову отвели въ обширный залъ нижняго этажа. При входѣ туда, его охватилъ тошнотворный смрадъ. Въ камерѣ было около тридцати арестантовъ, въ томъ числѣ съ десятокъ солдатъ. Кроватей было не болѣе десяти; имѣлось нѣсколько скамей, но не было ни столовъ, ни стульевъ.

Казанова обратился къ какому-то солдату, изъ числа сторожей и, вручивъ ему дуро, попросилъ достать ему письменныхъ принадлежностей. Солдатъ съ веселымъ смѣхомъ взялъ монету, ушелъ и пропалъ. Казанова спрашивалъ о немъ потомъ у всѣхъ, но вопрошаемые только хохотали надъ нимъ и ничего не отвѣчали. Въ числѣ заключенныхъ Казанова увидалъ своего слугу и нѣкоего итальянца, графа Марадзани, съ которымъ Казанова познакомился въ Мадридѣ. Марадзани сообщилъ, что собирался было изъ тюрьмы написать Казановѣ, но потомъ узналъ, что скоро онъ и самъ прибудетъ въ тюрьму. Тотъ же Марадзани сказалъ, что ихъ продержатъ въ тюрьмѣ недѣли двѣ, а потомъ отправятъ въ какую-нибудь крѣпость на каторжныя работы, оттуда можно будетъ писать по начальству, оправдываться, но все же пройдетъ не меньше трехъ-четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ удастся освободиться изъ каторги. Извѣстія были крайне неутѣшительныя и во всякомъ случаѣ ошеломляющія для Казановы, который ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ—въ чемъ собственно онъ провинился?

— Я полагаю,—замѣтилъ онъ,—что не осудятъ же меня на каторгу, прежде чѣмъ не подвергнутъ хоть допросу.

— Это такъ. Алькадъ придетъ сюда завтра же, допроситъ васъ, запишетъ ваши отвѣты. Но этимъ все и кончится. А потомъ васъ сошлютъ, неизвѣстно куда, быть можетъ, въ Африку.

— Да васъ-то судили уже?—спросилъ Казанова у Марадзани.

— Меня вчера допрашивали битыхъ три часа.

— О чемъ же васъ допрашивали?

— Спрашивали имя банкира, который доставлялъ мнѣ деньги. Я отвѣчалъ, что не имѣю дѣла ни съ какимъ банкиромъ, а живу на деньги, занимаемыя у моихъ друзей, въ ожиданіи моего опредѣленія въ лейбъ-гвардію. Затѣмъ спросили—почему мое имя неизвѣстно парижскому министру; я отвѣчалъ, что министръ меня не знаетъ, потому что я ему не представился. Тогда алькадъ сказалъ мнѣ, что безъ рекомендаціи дипломатическаго представителя моей страны, меня не могутъ

принять въ лейбъ-гвардію, но что король озаботится дать мнѣ другое мѣсто, куда не требуется никакой рекомендаціи. Послѣ этого алькадъ ушелъ и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духѣ. Я опасаюсь, что если венеціанскій посолъ не вступится за васъ, не удостовѣрится, что вы ему извѣстны, то васъ постигнетъ та же участь, что и меня.

Казанова былъ такъ пораженъ этою перспективою, вѣроятность которой онъ не могъ оспаривать, что ничего даже не нашелъ отвѣтить своему собесѣднику. Онъ присѣлъ на одну изъ кроватей. Но скоро невыносимый зудъ далъ ему знать, что онъ успѣлъ уже кое-что позаимствовать съ этого логова. Испанія по этой части, кажется, не имѣетъ соперницъ. Казанова всталъ съ гнуснаго ложа и стоялъ неподвижно, пожираемый отчаяніемъ. Онъ чувствовалъ себя гораздо хуже, чѣмъ въ первыя минуты заточенія въ Piombi; тамъ у него было хоть сознаніе какой-нибудь вины и, сверхъ того, надежда на заступничество названнаго отца, на скорое освобожденіе. Тутъ же передъ нимъ скатертью разстилалась полная безнадежность и беззащитность: онъ былъ въ чужой странѣ, гдѣ никому не было до него дѣла, гдѣ никто даже и не охнетъ о его погибели. Оставался одинъ рессурсъ—написать Арандѣ, венеціанскому послу, всѣмъ, отъ кого можно было ожидать заступничества. Но откуда достать бумаги, перо, чернилъ? Солдатъ, очевидно, унесъ его деньги и, безъ сомнѣнія, пропьетъ ихъ, насмѣхаясь надъ глупымъ арестантомъ.

Такъ прошло время до полудня. Марадзани напомнилъ Казановѣ, что пора позаботиться объ обѣдѣ. Онъ зналъ одного солдата, на котораго можно было положиться, дать ему денегъ и поручить купить съѣстного. Но Казановѣ ѣда и на умъ не шла. Его лакей попросилъ у него денегъ на ѣду для себя, но Казанова, подозрѣвавшій, что попалъ въ тюрьму по доносу этого человѣка, отказалъ ему на-отрѣзъ. Заключенные ѣли жидкій луковой супъ съ отвратительнымъ хлѣбомъ; только двое или трое, видно люди съ деньгами, ѣли свое. Къ счастію, о Казановѣ позаботился Менгсъ: онъ прислалъ ему чрезвычайно роскошный и обильный обѣдъ. Слуга хотѣлъ оставить всю посуду до вечера, обѣщаясь вечеромъ принести ужинъ и тогда захватить всю посуду. Но Казановѣ не хотѣлось дѣлиться этимъ обѣдомъ со сволочью, которая его окружала, и онъ, поѣвъ немного, тотчасъ отправилъ остатки назадъ, попросивъ принести только обѣдъ на другой день въ этотъ же часъ, а ужина не приносить. «Вы хоть бы вино-то оставили!» угрюмо замѣтилъ ему Марадзани; но Казанова ничего ему не отвѣчалъ: онъ не любилъ этого человѣка и имѣлъ какія-то причины считать его большимъ негодяемъ и чуть ли не участникомъ въ приключившемся съ нимъ несчастіи.

Вскорѣ послѣ обѣда въ тюрьму пришелъ Мануччи, секретарь венеціанскаго посла. Онъ выразилъ пока только свое соболѣзнованіе, на которое Казанова отвѣчалъ банальными благодарностями. Казанова спросилъ тюремнаго офицера, вошедшаго вмѣстѣ съ Мануччи, можетъ ли онъ написать письмо своимъ знакомымъ, которые, безъ сомнѣнія, только потому и не спѣшатъ къ нему на выручку, что ничего не знаютъ объ его арестѣ.

Офицеръ отвѣчалъ, что это не запрещается. Тогда Казанова принесъ ему жалобу на солдата, похитившаго его деньги. Но,

къ сожалѣнію, караулъ уже смѣнился, тотъ солдатъ ушелъ, и никто не могъ сказать его имени. Офицеръ тутъ же поручился Казановѣ, что солдатъ будетъ разысканъ и наказанъ, а деньги отъ него отобраны, и вызвался немедленно доставить Казановѣ всѣ нужныя письменныя принадлежности. Мануччи пообѣщалъ прислать разсыльнаго изъ посольства, который доставитъ его письма по адресамъ.

Казанова вынулъ изъ кармана три золотыхъ и объявилъ во всеуслышаніе, что дастъ ихъ въ награду тому, кто сообщитъ имя солдата, похитившаго его дуро. При видѣ денегъ, имя солдата тотчасъ вспомнили, и—удивительное дѣло!—первымъ выкрикнулъ это имя графъ Марадзани! Эта выходка—пожертвованіе тремя дуро, чтобы воротить одно—произвела впечатлѣніе на тюремнаго офицера. Мануччи ушелъ, обѣщавъ замолвить о Казановѣ словечко венеціанскому посланнику.

По его уходѣ Казанова началъ писать письма. Арестанты безъ церемоніи обступили его и читали, что онъ пишетъ; иные, не разобравъ написаннаго, преспокойно спрашивали, что, молъ, ты написалъ? Это была чистая пытка! Иные, очевидно, ради забавы, лѣзли снимать со свѣчки и гасили ее. Одинъ солдатъ предложилъ унять эту сволочь, но требовалъ за это дуро. Казанова вытерпѣлъ все это безобразіе и закончилъ свои письма. Нечего и говорить, сколько яду подпустилъ онъ въ эти посланія! Онъ писалъ Мочениго (венеціанскому посланнику), убѣждая его, что онъ обязанъ заступиться за него, какъ за венеціанскаго подданнаго, который не лишенъ по суду правъ венеціанскаго гражданства и не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ, такъ какъ Мочениго самъ же не сумѣлъ бы сказать, за что, собственно, Казанова отсиживалъ въ Piombi. Еще болѣе энергичное посланіе написалъ онъ графу Арандѣ и другимъ, знавшимъ его испанскимъ грандамъ. Арандѣ онъ напоминалъ о томъ, что былъ ему рекомендованъ въ высшей степени почтенною личностью (княгинею Любомірскою), что если ему суждено погибнуть, то онъ долженъ думать, что его убійцею былъ никто иной, какъ Аранда: Казанова заявлялъ арестовавшему его офицеру, что онъ лично извѣстенъ графу, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія; очевидно, онъ дѣйствовалъ по предписанію самого графа.

Поздно вечеромъ пришелъ обѣщанный Мануччи служитель и захватилъ письма Казановы. Между тѣмъ, нашъ герой провелъ ночь, которой, по его выраженію, «самъ Данте не выдумалъ для осужденныхъ въ адъ». Кровати всѣ были заняты, и на каждой спало по два, по три человѣка; да и невозможно было ложиться въ эти зловонныя гноища. Казанова просилъ принести пукъ соломы, но ему отказали, да онъ и самъ понималъ, что ее даже и положить негдѣ: весь полъ былъ покрытъ какой-то гнуснаго вида жижею... Пришлось ночевать, сидя на узкой скамейкѣ, безъ спинки.

Въ седьмомъ часу утра вновь забѣжалъ въ тюрьму красавчикъ Мануччи, которому Казанова былъ безпредѣльно признателенъ за его вниманіе; онъ называетъ Мануччи своимъ вторымъ Провидѣніемъ. Казанова умолялъ его сходить къ тюремному офицеру и выпросить у него позволенія хоть на полчаса выдти въ какое-нибудь другое помѣще-

ніе, чтобы вздохнуть свободно. Обязательный дежурный офицеръ тотчасъ изъявилъ согласіе и вывелъ Казанову въ дежурную комнату. Здѣсь онъ разсказалъ Мануччи о своихъ мученіяхъ ночью, и у добраго юноши волосы стали дыбомъ отъ его разсказа. Мануччи пожалѣлъ, что Казанова написалъ Мочениго нѣсколько рѣзкое письмо, но Казанова съ жаромъ убѣждалъ его, что въ его положеніи именно такія только письма и можно писать, что они должны оказать самое сильное дѣйствіе. Мочениго какъ разъ въ тотъ день долженъ былъ обѣдать у Аранды, и Мануччи ручался, что венеціанскій посолъ замолвитъ о немъ слово.

Черезъ часъ послѣ того Казанову навѣстилъ и самъ величественный донъ-Діего, гадальго-чеботарь, отецъ его дамы сердца, вмѣстѣ съ самою дамою. Старикъ произнесъ цѣлый спичъ; онъ прямо заявилъ, что если бы не вѣрилъ въ невинность Казановы, то никогда не рѣшился бы и придти къ нему въ тюрьму; что заключеніе нашего героя произошло либо по ошибкѣ, либо по клеветѣ; что его, несомнѣнно, немедленно, скоро выпустятъ и посрамятъ его враговъ, и т. д. Въ заключеніе, онъ всунулъ въ руку Казановѣ свертокъ съ деньгами, прося его принять эту помощь и возвратить этотъ долгъ по освобожденіи изъ тюрьмы. Казанова шепнулъ ему, что не нуждается въ деньгахъ, что они у него есть и онъ только боится вынуть ихъ и показать: тогда товарищи по заключенію украдутъ ихъ, да, пожалуй, и его самого убьютъ. Его дочь, донья-Игнасія не произнесла все время ни одного слова; она, видимо, боялась разрыдаться, какъ только раскроетъ ротъ.

Въ первомъ часу за Казановою пришли и потребовали его къ алькаду. Месса сидѣлъ въ небольшой комнатѣ, за столомъ, покрытымъ бумагами. Онъ попросилъ Казанову сѣсть, предварилъ его, что ему будетъ сдѣланъ допросъ, и что его отвѣты будутъ записаны.

— Я по-испански не говорю и намѣренъ отвѣчать только письменно на вопросы, предложенные мнѣ на языкахъ: итальянскомъ, французскомъ или латинскомъ.

Месса былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ. Онъ началъ задавать вопросы, и хотя Казанова хорошо понималъ, что онъ говоритъ, но отвѣчалъ неизмѣнно одно и то же,—что онъ не понимаетъ по-испански и не станетъ отвѣчать.

Кончилось тѣмъ, что алькадъ предложилъ Казановѣ написать по-итальянски его имя, званіе и зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Испанію. Казанова вооружился перомъ и написалъ небольшой документъ въ весьма рѣшительномъ тонѣ. Онъ сказалъ въ этомъ документѣ, кто онъ, назвалъ себя литераторомъ, заявилъ, что, будучи человѣкомъ со средствами, путешествуетъ ради собственнаго удовольствія; что онъ извѣстенъ въ Мадридѣ такимъ-то и такимъ-то лицамъ; что онъ ни въ какомъ смыслѣ не нарушалъ законовъ его католическаго величества, а между тѣмъ, его схватили, заточили съ ворами и убійцами, подвергли медленной смерти; что если король не желаетъ его пребыванія въ Испаніи, то воленъ лишь выслать его за границу; что оружіе, которое послужило предлогомъ для его ареста, всегда и всюду онъ возитъ съ собою для защиты; что это оружіе видѣли въ его каретѣ въ моментъ его въѣзда въ Мадридъ, и если

оно въ самомъ дѣлѣ запрещенное, то его тогда же и должны были конфисковать.

Когда алькадъ прочелъ этотъ изступленный протоколъ, онъ вскочилъ съ мѣста и въ бѣшенствѣ закричалъ, что такая дерзость не пройдетъ даромъ и Казанова за нее поплатится. Затѣмъ онъ вышелъ и приказалъ заключить Казанову въ ту же камеру.

Вечеромъ вновь приходилъ Мануччи. Онъ пересказалъ Казановѣ о свиданіи венеціанскаго посла Мочениго съ графомъ Арандою. Мочениго много говорилъ въ пользу и защиту Казановы, конечно, конфиденціально; онъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ оказать оффиціальнаго содѣйствія нашему герою, такъ какъ онъ попалъ въ немилость венеціанской инквизиціи.

— Не подлежитъ сомнѣнію,—сказалъ при этомъ графъ Аранда,— что Казановѣ нанесена горькая обида, но вовсе не такая, однако же, отъ которой умный человѣкъ могъ потерять голову. Я бы ничего и не зналъ, если бы онъ мнѣ не написалъ бѣшенаго письма; я знаю, что такія же письма онъ написалъ герцогу де-Лоссада и дону де-Рода. Конечно, онъ правъ, но кто же пишетъ такія письма!

— Ну, коли признано, что я правъ, то мнѣ больше ничего и не требуется,—сказалъ Казанова.—Если Аранда признаетъ мою невинность, то обязанъ оказать мнѣ помощь. А писалъ я, конечно, въ бѣшенствѣ, но потому, что меня довели до бѣшенства. Вы поглядите только на эту камеру: кровати у меня нѣтъ, полъ покрытъ мерзостью, такъ что даже лечь нельзя, и я уже вторую ночь провожу сидя. Вѣдь вы же сами можете разсудить, въ какое состояніе повергается человѣкъ, который ни за что, ни про что долженъ переносить такое обращеніе. Если меня завтра не выпустятъ отсюда, я либо повѣшусь, либо сойду съ ума.

Мануччи понялъ состояніе Казановы и обѣщалъ хлопотать о немъ неустанно. Онъ посовѣтовалъ узнику откупить себѣ кровать, чтобы хоть одну ночь выспаться какъ слѣдуетъ; но Казанова боялся этихъ колонизированныхъ насѣкомыми логовищъ, боялся также показывать свои деньги, потому что его могли обворовать. И вотъ онъ вновь усѣлся на ночь на узкую скамью и дремалъ, вздрагивая и просыпаясь отъ каждаго шума, отъ движенія собственнаго тѣла. Утромъ рано пришелъ Мануччи и видимо поблѣднѣлъ, взглянувъ на Казанову—до такой степени онъ сталъ страшенъ. Молодой человѣкъ захватилъ съ собою хорошаго шоколада, который Казанова съ удовольствіемъ проглотилъ; это его нѣсколько подкрѣпило. Пока онъ пилъ шоколадъ, дверь отворилась, вошелъ какой-то важный военный чинъ и кликнулъ Казанову. Онъ извѣстилъ узника, что его прислалъ графъ Аранда, что онъ очень извиняется передъ Казановою и что, безъ сомнѣнія, тотчасъ его выручилъ бы, если бы получилъ отъ него извѣщеніе своевременно.

Казанова отвѣчалъ, что запозданіе письма не отъ него зависѣло, и разсказалъ исторію съ солдатомъ, укравшимъ его деньги. Нашъ герой далъ волю накипѣвшему негодованію и почти кричалъ на офицера, присланнаго Арандою, такъ что тотъ смотрѣлъ на него съ нескрываемымъ изумленіемъ. Казанова и самъ замѣтилъ, наконецъ, что онъ своимъ изступленнымъ крикомъ просто пугаетъ своего добраго вѣстника, тотчасъ извинился передъ нимъ и сказалъ нѣсколько словъ въ объяс-

ненiе своего бѣшенаго состоянiя. Офицеръ успокоилъ его, сказавъ, что его сегодня же выпустятъ, что его невинность неоспорима, и что ему нечего обижаться, такъ какъ судебное преслѣдованiе не можетъ быть позорнымъ для невиннаго (довольно оригинальный взглядъ!) и т. д. Алькадъ же Месса, въ свою очередь, не можетъ быть судимъ строго, потому что введенъ въ обманъ доносомъ человѣка, который служилъ у Казановы и, конечно, долженъ былъ знать дѣла своего господина.

Казанова и раньше подозрѣвалъ, что всею этою исторiею обязанъ своему вѣрному слугѣ; при подтвержденiи этого подозрѣнiя имъ овладѣло такое раздраженiе, что онъ тутъ же попросилъ, чтобы этого человѣка убрали изъ камеры, такъ какъ онъ не можетъ за себя ручаться. Этой просьбѣ немедленно вняли.

Послѣ того Казановѣ доставили спокойное кресло, въ которомъ онъ могъ удобно протянуться. Въ три часа дня въ тюрьму пришелъ алькадъ Месса. Онъ безъ всякихъ лишнихъ словъ заявилъ, что былъ обманутъ ложнымъ доносомъ и теперь получилъ приказанiе доставить Казанову на его квартиру. При прощанiи алькадъ выразилъ сожалѣнiе о своей ошибкѣ. «Если бы вы не держали у себя слугою негодяя, котораго я сгною на каторгѣ, то съ вами ничего бы этого не случилось», заключилъ алькадъ.

— Теперь не стоитъ объ этомъ разговаривать, — рѣшилъ Казанова,—предадимъ всю эту печальную исторiю забвенiю. Но согласитесь, г. алькадъ, вѣдь если бы я не умѣлъ писать, вы отправили бы меня на каторгу?

— Увы, очень можетъ быть!—признался Месса.

Послѣ этой надѣлавшей шуму исторiи, дѣла Казановы въ Мадридѣ очень поправились. Его, видимо, хотѣли вознаградить за перенесенную обиду. Венецiанскiй посолъ рѣшилъ даже, наконецъ, на свой страхъ представить его королю; какъ разъ въ это время Мочениго получилъ письмо изъ Венецiи отъ Дандоло, письмо такого содержанiя, что онъ могъ быть спокоенъ за себя: оказывая покровительство Казановѣ, онъ не рисковалъ нажить себѣ враговъ, а его только это и безпокоило, лично же онъ былъ, видимо, расположенъ къ Казановѣ.

Казанова по настоятельной просьбѣ Менгса рѣшился поселиться у него. Наступилъ великiй постъ, приближалась Пасха. Однажды за обѣдомъ у венецiанскаго посланника зашелъ разговоръ о колонизацiи пустынной Сiера-Морены. Туда хотѣли поселить швейцарцевъ, конечно, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, предоставивъ всевозможныя льготы. Казанова долго слушалъ обмѣнъ мнѣнiй по этому вопросу между собравшимися и, наконецъ, рѣшился самъ заговорить. Его взглядъ на это дѣло выслушали съ интересомъ, и Олавидесъ, извѣстный поэтъ, которому было поручено устройство этихъ колонiй, попросилъ Казанову изложить его мнѣнiе письменно. Казанова усердно принялся за дѣло; ему думалось и, быть можетъ, не безъ основанiя, что такимъ путемъ онъ выдвинется и устроится въ Испанiи. Ни о колонизацiи, ни о хозяйствѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятiя; но у него былъ апломбъ, съ помощью котораго можно было пустить больше пыли въ глаза, чѣмъ съ помощью самыхъ основательныхъ свѣдѣнiй; мы уже видѣли тому примѣры; укажемъ здѣсь, хотя бы на парижскую лотерею, гдѣ Казанова умѣлъ выдвинуться, отнюдь не съ помощью финансоваго

генія и положительныхъ знаній, а исключительно благодаря своему умѣнію ладить съ людьми. Но его блестящимъ надеждамъ было не суждено осуществиться. Послѣ краткой полосы блестящаго подъема, онъ столь же быстро свалился съ высоты своего благополучія. Первыя непріятности вышли у него по поводу ссоры съ Менгсомъ, а окончательно его доканала ссора съ Мануччи. Вотъ какъ все это произошло.

Передъ Пасхой король переѣхалъ въ Арангуесъ. Мочениго пригласилъ туда къ себѣ гостить Казанову, обѣщая уловить случай, чтобы представить его королю. Едва Казанова туда переѣхалъ, какъ захворалъ. У него началась лихорадка, а потомъ обнаружилась громадныхъ размѣровъ опухоль, которая приводила въ ужасъ Мочениго и Мануччи. Казанова же самъ нисколько не опасался этой опухоли, будучи увѣренъ, что это простой вередъ, хотя и необычайныхъ размѣровъ. Нарывъ въ свое время назрѣлъ, его вскрыли и рубецъ зажилъ. Но въ этихъ хворостяхъ Казанова провелъ весь остатокъ поста и не могъ говѣть. Между тѣмъ, священникъ, настоятель того прихода, гдѣ жилъ Казанова (напомнимъ, что онъ все это время жилъ у Менгса), оказался великимъ ревнителемъ по части спасенія душъ своей паствы, и тщательно отмѣчалъ всѣхъ не говѣвшихъ прихожанъ. Онъ составилъ подробный списокъ этихъ блудныхъ своихъ чадъ, и вывѣсилъ его у себя въ церкви, на всеобщее назиданіе. Въ этотъ списокъ, увы, попалъ и нашъ герой. Менгсъ, узнавъ о такомъ поношеніи своего жильца, вмѣсто того, чтобы вступиться за него, испугался. Ему представилось, что Казанова, уже и безъ того скомпрометированный, и вообще окруженный какою-то подозрительною атмосферою, на этотъ разъ сдѣлается законною добычею инквизиціи, а это, пожалуй, отразится большими непріятностями и на немъ, Менгсѣ, давшемъ у себя пріютъ столь явному еретику. Внѣ себя отъ страха, художникъ поспѣшилъ написать Казановѣ письмо, приводимое въ его запискахъ цѣликомъ; письмо это, въ самомъ дѣлѣ, некрасиво. Онъ сообщаетъ Казановѣ о помянутомъ спискѣ и о томъ, что патеръ уже говорилъ съ нимъ, Менгсомъ, и корялъ его за то, что онъ держитъ у себя нечестивца; что, онъ, Менгсъ, не зналъ, что ему и отвѣтить: въ самомъ дѣлѣ Казанова могъ бы остаться лишній день въ Мадридѣ, чтобы исполнить долгъ христіанина, хотя бы изъ вниманія къ нему, къ Менгсу; что все это кидаетъ на него непріятную тѣнь, и поэтому онъ предупреждаетъ Казанову, что не можетъ больше оказывать ему гостепріимства подъ своимъ кровомъ.

Посланный требовалъ отвѣта на письмо. Казанова, совершенно взбѣшенный, скомкалъ письмо художника, швырнулъ его въ физіономію ни въ чемъ неповиннаго посланнаго и велѣлъ передать Менгсу, что другого отвѣта на это письмо отъ него не будетъ.

Между тѣмъ, Казанова и самъ понялъ, что въ благочестивой Испаніи очень рискованно дѣлать такія упущенія въ набожности, въ какомъ онъ провинился; онъ поспѣшилъ обратиться къ патеру, справилъ все, какъ надлежитъ быть, и взялъ отъ патера письменное удостовѣреніе въ своей болѣзни и исповѣди. Это свидѣтельство онъ отправилъ къ мадридскому патеру, съ настоятельною просьбою немедленно вычеркнуть его имя изъ позорнаго реестра.

Ссора съ Менгсомъ, который пользовался большою любовью короля, нѣсколько смутила Казанову; онъ нажилъ себѣ въ лицѣ художника довольно вліятельнаго врага. Опасался онъ также, какъ бы случай съ его говѣньемъ не дошелъ въ превратномъ видѣ до ушей инквизиціи. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, случилось у него новое столкновеніе съ какимъ-то молодымъ монахомъ; послѣдній былъ тоже ревнителемъ благочестія и, движимый ревностью, исказилъ какую-то замѣчательную картину духовнаго содержанія, замаравъ на ней какія-то детали, казавшіяся ему непристойными. Казанова тщетно убѣждалъ его, что онъ учинилъ настоящее варварство, совершенно не оправдываемое требованіями благочестія. Монашекъ очень разсердился, и Казановѣ подумалось, что онъ непремѣнно доведетъ о его взглядахъ на духовныя картины до свѣдѣнія священнаго судилища. Казанова рѣшилъ забѣжать впередъ и самъ сдѣлалъ визитъ великому инквизитору. Сей сановникъ, едва ли не высшее въ то время лицо въ государствѣ, имѣвшее возможность держать въ почтительномъ страхѣ даже самого короля, оказался весьма милымъ человѣкомъ. Казанова прямо объяснилъ ему, зачѣмъ онъ пришелъ и сумѣлъ такъ забавно разсказать столкновеніе съ строптивымъ монахомъ, что великій инквизиторъ все время хохоталъ, держась за бока. Это, конечно, дало всему дѣлу благопріятный оборотъ. Инквизиторъ показалъ Казановѣ поступившіе на него доносы; онъ призналъ, что Казанова былъ правъ въ своихъ столкновеніяхъ съ патерами, но — «не всякую правду можно говорить,—поучалъ добрый старецъ,—не надо напрасно раздражать людей. На будущее время избѣгайте всякихъ праздныхъ споровъ по вопросамъ вѣры, это будетъ самое лучшее». Тутъ же онъ кстати извѣстилъ Казанову, что патеръ, внесшій его въ списокъ уклонившихся отъ говѣнья, получилъ выговоръ за поспѣшность и неосмотрительность; надо было сначала разузнать, отчего человѣкъ не говѣлъ.

Поправивъ свои дѣла съ этой стороны, Казанова, принялся вновь дѣятельно знакомиться съ выдающимися представителями аристократіи и въ то же время неустанно работалъ надъ своимъ докладомъ объ устройствѣ швейцарской колоніи въ Сіерра-Моренѣ. Познакомился онъ, между прочимъ, и подружился съ очень близкимъ къ королю человѣкомъ, дономъ Долинго Варньеромъ, который часто доставлялъ ему возможность близко видѣть короля и сообщилъ о немъ много біографическихъ подробностей.

Тогдашній король Карлъ III Бурбонъ (1759—1788) былъ человѣкъ очень некрасивый, но у него былъ братъ, въ сравненіи съ которымъ король казался красавцемъ; этотъ братъ прямо пугалъ своимъ безобразіемъ. Король рано овдовѣлъ и съ тѣхъ поръ велъ жизнь безукоризненную; за нимъ не числилось ни малѣйшей интриги. Его день былъ распредѣленъ по часамъ съ нерушимою точностью: въ извѣстный часъ онъ вставалъ, слушалъ обѣдню, охотился, завтракалъ, обѣдалъ, ужиналъ. Доступъ къ нему для просителей былъ чрезвычайно затруднителенъ; какъ за Казанову ни старались, пока его фонды были еще высоки, онъ такъ и не былъ представленъ Карлу III. Обыкновенно въ Арангуесъ наѣзжало пропасть народа, чтобы хлопотать о мѣстахъ у министровъ; но почти всѣ безъ исключенія возвращались восвояси ни съ чѣмъ.

Казанова, однако, не унывалъ, рѣшившись терпѣть и ждать. Ему надо было какъ-нибудь устроиться. Онъ, какъ уже сказано, пробирался собственно въ Португалію, къ своей лондонской знакомкѣ. Но на письмо, которое онъ написалъ ей изъ Мадрида, отвѣта не получилось и такимъ образомъ надежда на этотъ источникъ постепенно гасла. Тѣмъ временемъ венеціанскій посолъ Мочениго былъ назначенъ на новый постъ, въ Парижъ, а на его мѣсто ожидался изъ Венеціи Кверини, на котораго Казанова могъ разсчитывать гораздо больше, нежели на Мочениго. Съ этою перемѣною надежды его на карьеру въ Испаніи увеличились. Но скоро все это рушилось безвозвратно, такъ какъ Казанова повздорилъ съ любимцемъ Мочениго, Минуччи. Казанова очень подробно разсказываетъ обстоятельства этой ссоры, но они не особенно любопытны и потому мы сообщимъ только суть дѣла.

Въ то время появился въ Мадридѣ нѣкто баронъ Фретюръ, родомъ французъ, съ которымъ Казанова познакомился въ Спа. По словамъ Казановы, этотъ баронъ былъ кутила, искатель приключеній, мотъ и картежникъ,—словомъ личность подозрительная. Явившись въ Мадридъ, онъ напалъ на слѣдъ Казановы и сдѣлалъ ему визитъ. «Онъ принудилъ меня,—пишетъ Казанова, — принять его любезно». Французъ былъ вѣжливъ и въ высшей степени приличенъ, такъ что не представлялось возможности противиться его вкрадчивому обращенію. Дней черезъ пять послѣ перваго визита баронъ вновь пожаловалъ и откровенно высказалъ Казановѣ свои затрудненія; онъ попалъ въ незнакомый ему городъ и очутился безъ всякихъ средствъ. Объяснивъ свои обстоятельства, онъ попросилъ Казанову выручить его, ссудивъ ему взаймы десятка два луидоровъ. Казанова вѣжливо отблагодарилъ за оказанныя ему довѣріе и честь, но въ деньгахъ отказалъ. Фретюръ началъ настаивать, соблазнялъ перспективою «какого-нибудь» выгоднаго дѣльца, которое они могли бы устроить въ компаніи. Это предложеніе возбудило въ нашемъ героѣ нехорошія чувства; онъ давно замѣчалъ, что всѣ шуллера, съ которыми его сталкивала судьба, какъ-то черезчуръ ужь съ легкимъ сердцемъ считали его своего поля ягодою. Онъ вновь и еще настойчивѣе отказался и отъ ссуды, и отъ всякихъ общихъ предпріятій. Тогда Фретюръ сталъ просить Казанову «успокоить» его квартирнаго хозяина, который тѣснитъ его, требуя уплаты за прожитое время. Казанова опять-таки отказалъ и въ этомъ.

Фретюръ ушелъ и, разумѣется, унесъ съ собою не совсѣмъ дружелюбное чувство къ нашему герою. Но они продолжали видѣться. Однажды случилось, что Фретюръ встрѣтилъ Казанову вмѣстѣ съ его другомъ Минуччи; Фретюръ тотчасъ постарался познакомиться съ юнымъ Адонисомъ. Онъ разспросилъ Казанову объ этомъ красавчикѣ и... вотъ тутъ-то нашъ герой сдѣлалъ большую глупость и даже подлость, въ которой совершенно откровенно признается и кается: увлекшись своимъ краснобайствомъ и злоязычіемъ, онъ подробно разсказалъ Фретюру, что за птица этотъ Минуччи, и въ какихъ интересныхъ отношеніяхъ состоитъ онъ съ Мочениго. Фретюръ намоталъ это себѣ на усъ. Казанова скоро одумался; каковъ бы ни былъ Минуччи самъ по себѣ, для него, Казановы, онъ былъ настоящимъ другомъ и благодѣтелемъ. Онъ понялъ, что сдѣлалъ большую

неосторожность, но утѣшался, пока тѣмъ, что это только неосторожность, которая не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Судьба рѣшила, однако, иначе и обратила неосторожность въ непріятность.

Фретюръ, получивъ отъ нашего героя такія драгоцѣнныя свѣдѣнія, началъ съ того, что явился къ Мануччи и попросилъ у него деньжонокъ. Но Мануччи былъ изъ молодыхъ да ранній; онъ щедростью не отличался и отказалъ безцеремонному барону вѣжливо, но наотрѣзъ.

Недѣлю спустя, Мануччи пришелъ къ Казановѣ сильно разстроенный. «Въ чемъ дѣло?» спросилъ его Казанова. Мануччи съ самымъ озабоченнымъ видомъ повѣдалъ ему, что Фретюръ не даетъ ему покоя. Послѣ того, какъ онъ приставалъ къ Мануччи за деньгами, Мануччи не велѣлъ Фретюра пускать къ себѣ; тогда авантюристъ началъ осаждать его письмами. Въ послѣднемъ письмѣ онъ грозился, что если Мануччи не выручитъ его, то онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Это ужасно безпокоило юношу, а денегъ давать ему все же не хотѣлось. А что если тотъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлиться?

Казанова разсмѣялся и успокоилъ своего юнаго друга. Фретюръ и ему писалъ такія же страшныя письма; на это нечего смотрѣть; стрѣляться онъ и не подумаетъ; самое лучшее—вовсе не отвѣчать ему. Но все это почему-то не могло успокоить впечатлительнаго юношу. Онъ всетаки вручилъ Казановѣ сотню пистолей и просилъ передать эти деньги Фретюру, чтобы только тотъ отсталъ. Казанова отправился къ барону, передалъ ему деньги и при этомъ немало подивился тому равнодушію, съ которымъ этотъ человѣкъ принималъ такую солидную подачку, не взирая на то, что она, по его же собственнымъ словамъ, должна была спасти его отъ смерти. Казанова взялъ съ него расписку въ полученіи денегъ и отнесъ эту расписку къ Мануччи. Тотъ оставилъ его обѣдать: за обѣдомъ присутствовалъ и посланникъ, Мочениго. Все шло попрежнему, и Казанова даже подозрѣвать не могъ, что надъ нимъ уже собирается гроза.

Черезъ три дня послѣ того долженъ былъ состояться обѣдъ, который старый посолъ Мочениго давалъ новому, Кверини. Казанова разсчитывалъ принять участіе въ этомъ обѣдѣ. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ урочный часъ въ посольство, но вдругъ швейцаръ огорошилъ его, какъ обухомъ по лбу: онъ объявилъ нашему герою, что его не приказано принимать! Не помня себя отъ изумленія, онъ прибѣжалъ домой и написалъ записку Мануччи, умоляя его объяснить, что это значитъ. Слуга принесъ ему записку обратно нераспечатанною. Казанова рѣшилъ либо сгинуть, либо добиться разъясненія этой внезапно выросшей тайны.

Послѣ обѣда явился слуга отъ Мануччи съ письмомъ отъ него. Вручивъ Казановѣ письмо, онъ тотчасъ ушелъ, видимо получивъ инструкцію не дожидаться отвѣта. Казанова вскрылъ конвертъ. Въ немъ было вложено письмо, но не отъ Мануччи къ Казановѣ, а отъ Фретюра къ Мануччи. Предпріимчивый баронъ выпрашивалъ еще сотню пистолей, обѣщаясь за это открыть Мануччи имя человѣка, котораго онъ считаетъ своимъ другомъ и который на самомъ дѣлѣ его злѣйшій врагъ. Мануччи соблазнился предложеніемъ узнать, кто его злѣйшій врагъ; онъ выдалъ Фретюру награду и тотъ ему сообщилъ всѣ подробности

насчетъ Мануччи, которыя выболталъ ему Казанова. Все это подробно разсказывалось въ другомъ письмѣ, вложенномъ въ тотъ же конвертъ. Изложивъ дѣло, Мануччи обзывалъ Казанову предателемъ и неблагодарнымъ, и приказывалъ ему уѣхать къ Мадрида немедленно, такъ чтобы черезъ недѣлю духу его не было въ предѣлахъ Испаніи.

Казанова отдалъ должную справедливость негодованію Мануччи и нисколько не оправдывалъ себя. Но приказъ о выѣздѣ нашелъ требованіемъ черезчуръ самонадѣяннымъ. Онъ сознавалъ свою вину и рѣшилъ дать обиженному Мануччи джентльмэнское удовлетвореніе. Первое время мысли его слишкомъ раскидывались, онъ не въ силахъ былъ обдумать положенія съ надлежащею зрѣлостью. Онъ рѣшилъ сначала хорошенько выспаться, отдохнуть. Подкрѣпившись сномъ, онъ, наконецъ, обдумалъ и написалъ Мануччи письмо, длинное и задушевное. Онъ безусловно признавалъ свою вину передъ нимъ, и расписалъ эту вину и свое раскаяніе, не щадя своего самолюбія. Онъ взывалъ къ его добрымъ чувствамъ, къ его благородству и, указывая ему на полную искренность своего раскаянія, высказывалъ увѣренность, что это письмо должно бы послужить само по себѣ достаточнымъ удовлетвореніемъ; если бы, противъ ожиданія, Мануччи этимъ не удовольствовался, то Казанова просилъ его указать, чѣмъ и какъ онъ можетъ искупить свою вину, и онъ сдѣлаетъ все, что будетъ совмѣстимо съ требованіями чести. Что же касается до отъѣзда изъ Мадрида, котораго требовалъ Мануччи, то въ этомъ пунктѣ Казанова, по своему обыкновенію, уперся, какъ быкъ: «Уѣду, дескать, когда найду нужнымъ, хоть убей меня». Опасаясь, что Мануччи не захочетъ читать и этого письма, Казанова попросилъ кого-то другого написать адресъ. Но напрасно ждалъ онъ отвѣта весь тотъ день и слѣдующій.

На третій день Казанова рѣшилъ, наконецъ, сдѣлать визиты и поразузнать, не было ли чего-нибудь уже предпринято мстительнымъ Мануччи. Въ первомъ же домѣ его не приняли, т. е. швейцаръ такъ-таки прямо объявилъ ему, что его не велѣно принимать. Онъ посѣтилъ еще кого-то и не засталъ дома; наконецъ, отправился къ Варньеру. Этотъ принялъ его; онъ уже зналъ всю исторію съ Мануччи и сообщилъ Казановѣ, что Мочениго рекомендовалъ его герцогу Медина-Сидонія, отъ котораго судьба Казановы сильно зависѣла, какъ человѣка опаснаго. Герцогъ внялъ предупрежденію и уже распорядился не принимать Казановы.

Не было сомнѣнія, что Мануччи дѣятельно хлопочетъ, чтобы передъ носомъ у Казановы захлопнулись всѣ двери. Нашъ герой вернулся домой и написалъ Мануччи новое письмо, въ которомъ убѣждалъ его пріостановить свое недостойное мщеніе; иначе, дескать, я буду вынужденъ давать полное объясненіе (со всѣми подробностями) всѣмъ тѣмъ, кто будетъ меня позорить, чтобы доставить удовольствіе венеціанскому послу и его фавориту. Письмо это онъ отправилъ незапечатаннымъ и притомъ не на имя Мануччи, а на имя секретаря посольства, который, прочтя его, разумѣется, долженъ былъ передать его по назначенію.

На слѣдующій день Казанова посѣтилъ еще кое-кого и его не приняли. Тогда онъ увидѣлъ, что дѣло зашло далеко и едва ли поправимо. Ему оставалось только повидаться съ графомъ Арандою. А

тотъ какъ разъ самъ прислалъ за нимъ. У Казановы ёкнуло сердце: зачѣмъ зоветъ его всемогущій грандъ?

Но какъ только онъ предсталъ передъ графомъ, его опасенія тотчасъ разсѣялись. Аранда былъ любезенъ, усадилъ Казанову (раньше онъ всегда принималъ его стоя) и съ улыбкою спросилъ, что онъ такое сдѣлалъ своему посланнику, чѣмъ его раздражилъ? Казанова въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ, полныхъ тонкой ироніи, изложилъ суть дѣла. Его краснобайство, столь много разъ его выручавшее, не измѣнило ему и на этотъ разъ. Аранда пожалѣлъ о случившемся, потомъ откровенно сказалъ Казановѣ, что посланникъ очень просилъ выслать его изъ Испаніи, но Аранда въ этомъ ему отказалъ, такъ какъ за нашимъ героемъ не числилось никакого преступленія; если же онъ оклеветалъ Мануччи, то за клевету его можно преслѣдовать законнымъ порядкомъ. Кончилось тѣмъ, что Мочениго просилъ, по крайности, приказать Казановѣ, чтобы онъ не смѣлъ ничего разсказывать о немъ, Мочениго, венеціанскимъ гражданамъ, живущимъ въ Мадридѣ. Казанова далъ въ этомъ честное слово Арандѣ. Тотъ совершенно этимъ удовлетворился и успокоилъ нашего героя, увѣривъ его, что онъ можетъ себѣ жить въ Мадридѣ въ полной безопасности, тѣмъ болѣе, что Мочениго очень скоро долженъ уѣхать. Этимъ и кончилась вся исторія, но этимъ кончились и всѣ надежды Казановы на полученіе мѣста въ Мадридѣ. Больше ему тамъ нечего было дѣлать и мѣсяца черезъ полтора послѣ ссоры съ Мануччи онъ уѣхалъ изъ столицы Испаніи.

ГЛАВА XXVI.

Приключенія Казановы въ Валенсіи.—Актриса Нина и ея возлюбленный—губернаторъ Барселоны.—Казанова въ Барселонѣ.—Ночное нападеніе на него.—Заточеніе его въ тюрьму.—Отъѣздъ изъ Испаніи и скитанія по Италіи.—Встрѣча въ Ливорно съ русскимъ адмираломъ Орловымъ.—Конецъ записокъ Казановы и его дальнѣйшая судьба по разсказу принца Де-Линя.

Итакъ, Испанія, не оставляла въ душѣ нашего героя ничего, кромѣ огорченій и обидъ. Онъ уѣзжалъ изъ нея безъ сожалѣнія и, какъ кажется, думалъ опять пробраться въ свою милую Францію. Но ему не было суждено дешево раздѣлаться съ страною гитаръ и кастаньетъ.

Онъ отправился на Барселону, не объясняя въ своихъ запискахъ, почему собственно избранъ былъ этотъ маршрутъ. По дорогѣ онъ пріостановился въ Валенсіи. Шатаясь по городу, онъ, между прочимъ, забрелъ взглянуть на бой быковъ. Кстати, еще будучи въ Мадридѣ, онъ часто видалъ это зрѣлище, но не описывалъ его, ссылаясь на его всесвѣтную извѣстность, не упоминалъ даже о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ отъ этого зрѣлища. Пробѣгая глазами по рядамъ зрителей, онъ вдругъ увидалъ какую-то даму, поразившую его особымъ величіемъ осанки. Онъ спросилъ у сосѣда, кто это такая. Тотъ отвѣчалъ, что это «знаменитая» Нина. А на вопросъ, чѣмъ она знаменита, ему отвѣчали, что это длинная исторія, которую въ двухъ словахъ не разскажешь.

Казанова, конечно, заинтересовался знаменитою дамою и долгое время упорно разсматривалъ ее. Дама тоже замѣтила его вниманіе; она

подозвала какого-то субъекта подозрительнаго вида, пошепталась съ нимъ; тотъ подошелъ къ Казановѣ, заговорилъ съ нимъ и сообщилъ ему, что заинтересовавшая его дама пожелала узнать его имя. Казанова былъ глупѣйшимъ образомъ польщенъ вниманіемъ знаменитости и отвѣтилъ, что послѣ спектакля самъ подойдетъ къ ней. Вновь обратившись къ прежнему своему собесѣднику, онъ на этотъ разъ получилъ отъ того необходимыя предварительныя свѣдѣнія. Знаменитая Нина оказалась просто-на-просто фавориткою барселонскаго губернатора, графа Рикла. Онъ временно удалилъ ее изъ Барселоны въ Валенсію, потому что эта милая особа такъ себя вела, что мѣстный епископъ настоялъ на ея удаленіи изъ города. Графъ былъ влюбленъ въ эту балетную диву до безумія, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что изъ-за нея дѣлалъ одну глупость за другою. Дальнѣйшая исторія этой, въ своемъ родѣ замѣчательной, особы была повѣдана Казановѣ впослѣдствіи ея старшею сестрою, съ которой онъ познакомился въ Марсели. Нина была, — какъ это ни сверхъестественно — дочерью своей старшей сестры и ихъ общаго родителя вдовца. Ей предстояла та же участь, что и старшей сестрѣ, но на ея счастье отецъ умеръ, прежде чѣмъ успѣлъ осуществить свои намѣренія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что яблочко упало недалеко отъ яблони. Нина вышла столь бойкою особою, что уже съ 12 лѣтъ начала подвизаться въ балетѣ. Она посѣтила Испанію, Португалію, наконецъ, появилась въ Барселонѣ. Здѣсь въ одинъ прекрасный день она танцовала съ такимъ жаромъ, что дирекція оштрафовала ее за неприличіе; дѣло въ томъ, что тогда въ Испаніи были строжайше запрещены такія движенія, при которыхъ могли предстать передъ глазами зрителей панталоны танцовщицы; Нина какъ разъ въ этомъ и провинилась. Но послѣ того она выкинула штучку еще почище: протанцовала съ такою же живостью, но вовсе безъ... Публика стонала отъ восторга, но, однако, выходка была уже ни съ чемъ не сообразна, и бойкую жрицу Терпсихоры тутъ же потребовали къ губернатору, который въ тотъ вечеръ былъ въ театрѣ. Губернаторъ встрѣтилъ ее чрезвычайно сурово.

— Да въ чемъ я провинилась?—полюбопытствовала Нина.—Законъ воспрещаетъ дѣлать движенія, при которыхъ видны панталоны; а такъ какъ на мнѣ ихъ вовсе не было, то и законъ не могъ быть нарушенъ.

Красота танцовщицы и ея бойкія рѣчи плѣнили сердце губернатора. Онъ сталъ къ ней внимателенъ и скоро она овладѣла имъ, какъ вещью. Онъ тратилъ на нее безумныя деньги, но она не этимъ главнымъ образомъ упивалась; ей было всего отраднѣе видѣть, что такой крупный сановникъ готовъ изъ любви къ ней и изъ ревности на всякую глупость и на любое беззаконіе. И она только и дѣлала, что доставляла ему случаи совершать всевозможныя глупости и подлости. Самымъ обыкновеннымъ для этого пріемомъ служило ей возбужденіе ревности губернатора; для этого она начинала амурную исторію съ первымъ встрѣчнымъ. Такимъ путемъ попалъ къ ней въ передѣлку и нашъ герой. При первой же встрѣчѣ на боѣ быковъ она пригласила его къ себѣ. Онъ пошелъ къ ней на другой день и былъ свидѣтелемъ столь отвратительной сцены, что у него сразу отшибло всякое желаніе

къ ухаживанію за этой бойкою дамою. Но она тотчасъ все это отлично поняла и такъ ловко сумѣла изгладить невыгодное первое впечатлѣніе, что Казанова провелъ въ Валенсіи цѣлую недѣлю, ежедневно посѣщая эту особу. У него, впрочемъ, вырывается откровенное признаніе, что ему захотѣлось «наказать это чудовище»; но наказаніе, имъ придуманное, состояло въ томъ, чтобы обыграть ее въ карты; изъ-за этого, конечно, стоило нѣкоторое время поухаживать за опасною авантюристкою.

Спустя недѣлю Нина порѣшила ѣхать обратно въ Барселону; должно быть, Рикла какъ-нибудь уладилъ дѣло съ возмущеннымъ епископомъ и тотъ согласился на возвращеніе авантюристки. Она упросила и Казанову пріѣхать туда одновременно съ нею, хотя и отдѣльно отъ нея, и сказала ему, въ какой гостинницѣ онъ долженъ остановиться. Казанова прибылъ въ эту гостинницу, и тутъ его ждалъ большой сюрпризъ: ему было приготовлено роскошное помѣщеніе, ему подали отличный обѣдъ, у него оказался особый слуга, экипажъ. Казанова призадумался. Такіе расходы были ему не по карману. Онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяиномъ гостинницы, швейцарцемъ, но тотъ сейчасъ же его успокоилъ: «Все это, дескать, вамъ не будетъ стоить ни копѣйки, за все уже заплачено впередъ». Казанова подпрыгнулъ отъ изумленія. Какъ, кто заплатилъ? Оказалось, что плательщицею была Нина. Нравился ли ей Казанова больше, чѣмъ другіе обожатели или она рѣшила на этотъ разъ, какъ можно основательнѣе озлить несчастнаго графа Рикла, чтобъ вполнѣ насладиться его бѣшенствомъ, — такъ или иначе, она задумала придать своей связи съ Казановою особую пышность, подчеркнуть ее.

Казанова раздражился такою заботливостью о немъ со стороны особы, о нравственности которой онъ былъ весьма невысокаго мнѣнія, и рѣшительно сказалъ хозяину, что будетъ за все платить самъ. Добрый швейцарецъ возразилъ, что онъ не можетъ взять двойной платы, и что Казанова воленъ устроиться, какъ ему угодно съ самою Ниною. На этомъ и порѣшили. Казанова тотчасъ отправился дѣлать визиты, посѣтилъ, между прочимъ, и губернатора. По одному пріему этого сановника (тотъ нарочно встрѣтилъ его стоя, чтобы не приглашать садиться) Казанова увидѣлъ, что его приключенія съ Ниною доподлинно извѣстны графу. Онъ, между прочимъ, спросилъ у Казановы, долго ли тотъ намѣренъ остаться въ Барселонѣ и, видимо, остался недоволенъ, когда услышалъ, что тотъ намѣренъ пожить въ городѣ нѣкоторое время.

Вскорѣ въ Барселону прибыла и Нина. Казанова зналъ, что губернаторъ посѣщаетъ ее каждый вечеръ и сидитъ у ней до полуночи, и потому пришелъ попозже, послѣ ухода графа. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Однажды, во время загородной прогулки, къ Казановѣ подошелъ какой-то офицеръ и послѣ вѣжливыхъ извиненій попросилъ позволенія сказать нашему герою нѣчто, для него весьма существенное. Получивъ это позволеніе, офицеръ сообщилъ ему, что его ночные визиты къ Нинѣ стали извѣстны всему городу, и, разумѣется, прежде всего губернатору. «Нина увѣряетъ васъ,—говорилъ этотъ неожиданный доброжелатель,—что это ничего, что на ревность Риклы не надо обращать вниманія. Это неправда; ревность

испанца далеко не изъ тѣхъ вещей, на которыя не надо обращать вниманія; тутъ что-нибудь одно: либо она ошибается сама, либо обманываетъ васъ. А графъ очень слѣдитъ за ея обожателями, и многіе изъ нихъ уже тяжко поплатились за свою смѣлость». И обязательный офицеръ разсказалъ Казановѣ много случаевъ изъ мѣстной хроники въ подтвержденіе своихъ предостереженій. Казанова горячо благодарилъ этого господина, въ добрыхъ намѣреніяхъ котораго не имѣлъ причины сомнѣваться, но своихъ визитовъ къ Нинѣ рѣшилъ не прекращать: пускай, дескать, либо она сама мнѣ откажетъ, либо графъ Рикла дастъ мнѣ замѣтить, что мои посѣщенія его фаворитки ему не нравятся.

Катастрофа, въ которой никто во всей Барселонѣ, кромѣ самого Казановы, не сомнѣвался, разразилась 15 ноября. Въ то время, какъ Казанова выходилъ позднею ночью изъ дома Нины, на него, подъ воротами дома, напали двое вооруженныхъ людей. Казанова отскочилъ назадъ, крикнулъ на помощь, и въ то же время, выхвативъ шпагу, вонзилъ ее въ одного изъ нападавшихъ. Другой выстрѣлилъ въ него, но впотьмахъ промахнулся. Казанова выскочилъ на улицу и пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой онъ упалъ, потерялъ свою шляпу, но не остановился до тѣхъ поръ, пока не добѣжалъ до своей гостиницы. Онъ передалъ свою окровавленную шпагу хозяину гостинницы и просилъ его пойти завтра съ нимъ въ полицію, чтобы заявить о случившемся.

Выслушавъ разсказъ Казановы, добрый старикъ выразилъ мнѣніе, что Казановѣ было бы гораздо разумнѣе немедленно выѣхать изъ Барселоны, нежели ходить въ полицію и искать правосудія. Вся эта исторія, по его твердому убѣжденію, исходила отъ губернатора, а при такихъ условіяхъ смѣшно было мечтать о правосудіи. Но, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, Казанова заупрямился; онъ правъ, ему бояться нечего, на него напали убійцы, и ихъ должны найти и покарать.

И, порѣшивъ на этомъ, онъ улегся спать. На другой день, рано утромъ, къ нему явился какой-то офицеръ и передалъ ему требованіе губернатора выдать всѣ его бумаги, а самому одѣться и слѣдовать за нимъ. Офицеръ предупредилъ, что всякое сопротивленіе будетъ безполезно, такъ какъ съ нимъ имѣются люди. Возражать нельзя было. Казанова открылъ свой чемоданъ, передалъ свое бѣлье и одежду на сохраненіе хозяину, а бумаги, которыми просторный чемоданъ былъ набитъ почти наполовину, предоставилъ офицеру. Тотъ спросилъ, нѣтъ ли у Казановы еще бумагъ въ карманахъ. Казанова сказалъ, что въ карманѣ у него только паспорта. «Ихъ-то намъ и надо», отвѣчалъ ему офицеръ. Пришлось отдать и паспорта; офицеръ, впрочемъ, выдалъ Казановѣ подробную расписку въ ихъ отобраніи отъ него. Потомъ его отвели въ цитадель и тамъ заточили въ просторной, чистой комнатѣ, которая казалась ему раемъ, въ сравненіи съ смрадной камерой, въ которой его содержали въ Мадридѣ. Ему доставили превосходную постель. Вообще не притѣсняли.

Оставшись одинъ, Казанова началъ упорно думать, какую связь этотъ арестъ могъ бы имѣть съ его ночнымъ приключеніемъ, но ничего придумать не могъ. Отъ него отобрали бумаги, значитъ, надо

думать, считаютъ его прикосновеннымъ къ какой-нибудь противоправительственной или религіозной интригѣ; тогда ему нечего бояться, потому что по этой части онъ невиненъ, какъ голубь. Бумаги его просмотрятъ, въ невинности убѣдятся, а затѣмъ отпустятъ, пока же онъ жаловаться не могъ; помѣстили его хорошо. Но тутъ ему вдругъ вспомнились всѣ эти безконечные разговоры о беззаконіяхъ, учиняемыхъ графомъ Рикла, въ пароксизмахъ ревности, вспомнилось предупрежденіе офицера, вспомнился вчерашній совѣтъ хозяина—удирать немедленно,—и ему стало жутко. Но дѣлать было нечего, надлежало выжидать, чѣмъ все это кончится. Скверно было еще и то, что въ Барселонѣ ему уже рѣшительно не къ кому было обратиться съ просьбою о защитѣ, да еще противъ кого?—противъ губернатора!

Въ ожиданіи дальнѣйшаго хода дѣла Казанова, чтобы убить время, вздумалъ было писать, но ему сказали, что узникамъ не полагается ни чернилъ, ни перьевъ; однако, бумагу и карандашъ ему добылъ подкупленный имъ солдатъ. На другое утро пришелъ караульный офицеръ и объявилъ Казановѣ непріятную новость: его велѣно было перемѣстить въ башню. Эта башня оказалась обширной круглой постройкой, съ мощенымъ каменнымъ поломъ и очень узенькими окнами. Помѣщеніе было сносное, просторное, но содержаніе полагалось строгое; надо было заказывать пищу одинъ разъ на весь день; ночью въ тюрьму никто не входилъ; лампа полагалась, но чтеніе не разрѣшалось, книгъ въ тюрьму не допускали. Вносимая пища тщательно разрѣзалась и осматривалась дежурнымъ офицеромъ. Не дозволялось ни получать, ни писать писемъ, не давали даже газетъ. Казанова попробовалъ пригласить офицера съ собою обѣдать, но тотъ отвѣчалъ, что это строжайше запрещено. Бумагу и карандашъ, однако, дали, и Казанова воспользовался этими письменными матеріалами, чтобы написать всю свою «Исторію венеціанскаго правленія» съ начала до конца. Тамъ изо-дня-въ-день Казанова провелъ въ этой тюрьмѣ 6 недѣль, не имѣя ни малѣйшаго понятія о причинѣ своего ареста, ни о ходѣ его дѣла. Наконецъ, 28 декабря за нимъ пришелъ караульный офицеръ; Казанова одѣлся и вышелъ въ кордегардію, гдѣ его ожидалъ тотъ же офицеръ, который его арестовалъ. Онъ отвезъ Казанову въ губернаторскій дворецъ; тамъ, въ канцеляріи, ему передали его чемоданъ съ бумагами и паспорта, причемъ успокоили насчетъ ихъ законности. Затѣмъ ему объявили, что онъ свободенъ, но обязанъ немедленно выѣхать изъ Барселоны и изъ Испаніи. Казанова попытался было заявить неудовольствіе на такое правосудіе, но ему на это сказали, что онъ воленъ отправиться въ Мадридъ и тамъ принести жалобу. Но Казанова былъ и безъ того доволенъ своимъ пребываніемъ въ Испаніи и рѣшилъ выбраться изъ нея поскорѣе; къ этому же всячески побуждалъ его и добрый швейцарецъ, его хозяинъ.

Казанова выѣхалъ изъ Барселоны 31 декабря. Его везъ добрый малый, соотечественникъ, родомъ изъ Пьемонта. На одной станціи этотъ возница вошелъ въ комнату, гдѣ Казанова закусывалъ, и спросилъ его, не замѣтилъ ли онъ, что за нимъ все время слѣдуютъ по пятамъ.

— Кто такіе?—встревожился Казанова.

— Трое хорошо вооруженныхъ людей. Я видѣлъ ихъ еще въ Барселонѣ. Сегодня ночью они спали въ конюшнѣ вмѣстѣ съ моими мулами. Сегодня они здѣсь пообѣдали и потомъ уѣхали впередъ, по нашей дорогѣ. Они мнѣ кажутся подозрительными.

Обсудили дѣло сообща и рѣшили выѣхать попозже, чтобы дать преслѣдователямъ возможность дальше уйти впередъ, а по дорогѣ остановиться въ одной стоявшей въ сторонѣ харчевнѣ или корчмѣ; дальше рѣшено было тронуться окольнымъ путемъ. Вечеромъ остановились въ той корчмѣ. Казанова только-что сѣлъ поужинать, какъ вдругъ опять вошелъ его возница и сказалъ, что трое бандитовъ тутъ сидятъ въ конюшнѣ и пьютъ. Дѣло принимало скверный оборотъ. Бояться разбойниковъ въ гостинницѣ не было причинъ, но на границѣ, до которой было уже недалеко, они несомнѣнно могутъ уловить благопріятный моментъ, чтобы расправиться съ путниками. Однако, выручилъ тотъ же возница, который, по счастью, превосходно зналъ мѣстность; онъ далъ разбойникамъ опередить ихъ, а самъ пробрался окольною дорогою за границу; ночью Казанова благополучно прибылъ въ Перпиньянъ. Такъ закончились его испанскія приключенія.

Несмотря на королевское письмо за печатью, полученное Казановою годъ тому назадъ, онъ смѣло въѣхалъ во Францію и нѣкоторое время кружилъ по югу страны, побывавъ въ Монпелье, Марсели, Э. Ничего особо замѣчательнаго за это время въ его запискахъ мы не находимъ. Онъ по большей части описываетъ свои встрѣчи со старыми знакомыми, кое-какія галантныя приключенія, карте́жную игру, въ общемъ довольно удачную, потому что вслѣдъ затѣмъ мы видимъ его разъѣзжающимъ по всей Италіи и весьма широко кутящимъ. Въ Э, гдѣ Казанова провелъ всю масляницу, онъ простудился, расхворался, и его положеніе было до такой степени безнадежно, что его даже исповѣдывали и причастили. Однако, онъ кое-какъ отлежался, поправился и уѣхалъ въ Швейцарію, въ Лугано, а оттуда въ Туринъ.

Тамъ онъ узналъ, что въ Ливорно пришла русская эскадра, подъ командою графа Орлова, которая должна была идти въ Константинополь, и какъ говорили, взять этотъ городъ съ моря приступомъ. Казанова былъ лично извѣстенъ Орлову; у него тотчасъ созрѣлъ планъ— явиться къ русскому адмиралу и предложить ему свои услуги. Въ качествѣ кого? Этотъ вопросъ никогда не затруднялъ нашего неунывающаго героя. Орловъ—адмиралъ, идущій съ эскадрою на войну въ незнакомыя воды; ему нуженъ опытный лоцманъ, знатокъ этихъ водъ. А чѣмъ же онъ не знатокъ, онъ, Казанова? Вѣдь онъ былъ въ Константинополѣ, значитъ, Мраморное море ему извѣстно, какъ свои пять пальцевъ.

Орловъ въ то время квартировалъ въ Ливорно, въ домѣ англійскаго консула. Казанова имѣлъ къ консулу письмо, явился къ нему, познакомился и былъ имъ представленъ русскому адмиралу. Тотъ встрѣтилъ его съ радостью и самъ первый сказалъ, что будетъ очень радъ видѣть его у себя на кораблѣ. Онъ даже попросилъ Казанову не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, а тотчасъ доставить на судно весь свой багажъ, потому что эскадра снимется съ якоря при первомъ попутномъ вѣтрѣ. Затѣмъ Орловъ заторопился и куда-то отправился по дѣлу.

Казанова былъ въ первую минуту очень обрадованъ предложенiемъ, которое предупредило всѣ его надежды и мечты. Но вслѣдъ затѣмъ онъ призадумался. Адмиралъ, правда, пригласилъ его на свой корабль, но въ качествѣ кого? Это надо было разъяснить. Съ этою цѣлью онъ отправился къ Орлову на другой же день утромъ. Адмиралъ былъ еще въ постели, просилъ подождать. Пока Казанова ждалъ, вдругъ вошелъ польскiй посланникъ, при венецiанскомъ правительствѣ Да-Лолiо, хорошо знакомый съ Казановою, и спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Жду, когда встанетъ адмиралъ; надо съ нимъ повидаться.

— Онъ очень занятъ,—замѣтилъ Да-Лолiо, и тотчасъ прошелъ въ комнаты адмирала. Казанова обидѣлся; явная дерзость—этотъ Да-Лолiо хотѣлъ сказать, что адмиралъ для него, Казановы, занятъ, а для Лолiо не занятъ! Однако, вслѣдъ за Лолiо вошелъ еще кто-то знакомый, тоже поговорилъ сначала съ Казановою, а потомъ прошелъ къ адмиралу. Нашъ обидчивый герой начиналъ сердиться. А между тѣмъ, время шло, и Казанова высидѣлъ въ прiемной нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ адмиралъ вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ Онъ былъ окруженъ цѣлою толпою гостей. Онъ подошелъ къ Казановѣ, извинился, что ему некогда и предложилъ переговорить съ нимъ за обѣдомъ или послѣ обѣда. Условились отложить бесѣду на послѣ обѣда.

За обѣдомъ Казанова сидѣлъ молча; онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ; съ нимъ что-то очень ужъ не церемонились. Послѣ обѣда адмиралъ какъ-то случайно взглянулъ на него и вдругъ какъ бы что-то вспомнилъ. Онъ подошелъ къ Казановѣ, взялъ его подъ руку, отвелъ въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ поторопился переѣзжать на корабль, потому что, если вѣтеръ не перемѣнится, эскадра завтра же выйдетъ изъ Ливорно.

— Переѣхать недолго,—отвѣтилъ Казанова,—но позвольте, графъ, спросить васъ, какую, собственно, должность вы мнѣ назначаете, кѣмъ я буду у васъ на эскадрѣ?

— Въ настоящее время я не имѣю въ виду для васъ никакой должности; но со временемъ, можетъ быть, что-нибудь и представится для васъ подходящее. Поѣдемте съ нами просто въ качествѣ моего личнаго знакомаго.

— Это для меня въ высшей степени лестно,—отвѣчалъ Казанова.— Но, согласитесь, что такое званiе не обезпечиваетъ за мною ни малѣйшаго служебнаго преимущества. Да и во время самой экспедицiи, я боюсь, что только вы одни, графъ, и будете оказывать мнѣ вниманiе; остальныхъ же ничто къ этому не будетъ обязывать. На меня даже, быть можетъ, будутъ смотрѣть, какъ на приживальщика, взятаго скуки ради; пожалуй, дадутъ мнѣ это замѣтить, а я не стерплю обиды и убью обидчика. Поэтому я желалъ бы получить какое-нибудь опредѣленное мѣсто, должность. Я гожусь на все понемножку. Я знаю языкъ страны, куда вы направляетесь, знаю и самую страну; я здоровъ, силенъ, не отличаюсь недостаткомъ мужества. Словомъ, я не хочу получить даромъ вашей дружбы, я хочу ее заслужить.

— Дорогой мой, я не могу предложить вамъ никакой должности.

— Въ такомъ случаѣ, желаю вамъ счастливаго пути, а я отправ-

ляюсь въ Римъ. Желаю также, чтобъ вамъ никогда не пришлось раскаиваться въ томъ, что вы меня не взяли съ собою; говорю такъ потому, что безъ меня вамъ никогда не удастся пройти черезъ Дарданеллы.

Орловъ съ своею экпедиціею дѣйствительно не прошелъ черезъ Дарданеллы, но прошелъ ли бы онъ черезъ проливъ, если бы взялъ Казанову, это, разумѣется, дѣло темное.

Казанова направился въ Римъ. Дорогой онъ посѣтилъ Пизу, Сіенну и другіе попутные города; изъ Рима съѣздилъ въ Неаполь и вновь вернулся въ Римъ. Кошелекъ его былъ, судя по запискамъ, въ довольно исправномъ состояніи. Правда, онъ имѣлъ особые случаи къ его наполненію. Такъ, въ Неаполѣ, онъ нашелъ одну изъ своихъ дочерей (разумѣется, натуральнаго происхожденія) замужемъ за чрезвычайно богатымъ аристократомъ. Когда-то, въ дни большого благополучія, онъ далъ этой особѣ въ видѣ приданаго пять тысячъ экю; ставъ теперь богатою, она вспомнила объ этомъ и принудила Казанову взять эти деньги обратно. По временамъ также ему улыбалась фортуна въ картежной игрѣ. Послѣднія главы его записокъ относятся къ началу 70 годовъ прошлаго вѣка; въ это время ему было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и онъ не разъ вспоминаетъ о томъ, что годы берутъ свое. Такъ, въ Римѣ у него затѣялась было очень занятная интрига съ какими-то двумя дѣвицами сразу, но оказалось, что эти юныя особы дарили ему свое вниманіе только для того, чтобы съ его помощью бѣжать съ своими возлюбленными. Исторія эта, надо полагать, окончилась непріятнѣйшимъ образомъ для нашего героя; онъ внезапно обрываетъ свой разсказъ, такъ что въ восьмомъ томѣ его записокъ недостаетъ конца восьмой главы и всей девятой и десятой. Комментаторы тщетно ломали себѣ головы надъ вопросомъ, куда дѣлись эти главы и что именно побудило Казанову скрыть эту часть своихъ приключеній. Имѣются, впрочемъ, кое-какія указанія на то, что вся исторія съ помянутыми двумя дѣвицами была заранѣе подстроена и, что всего обиднѣе для нашего самолюбиваго героя, подстроена его друзьями-пріятелями, и онъ, значитъ, былъ кругомъ одураченъ самыми близкими людьми, и его горячее сердце не стерпѣло этой обиды. Подробности этой исторіи, должно быть, слишкомъ ужь обидны для его самолюбія, и это именно обстоятельство побудило уничтожить непріятныя для него главы.

Такимъ образомъ, продолженіе записокъ начинается прямо съ 11-й главы, начинается внезапно свиданіемъ Казановы съ великимъ герцогомъ флорентинскимъ, у котораго нашъ герой проситъ гостепріимства въ его государствѣ, обѣщая вести себя скромно, заниматься литературнымъ трудомъ. Герцогъ охотно даетъ ему свое согласіе, и Казанова въ самомъ дѣлѣ усидчиво работаетъ съ мѣсяцъ. Потомъ онъ съ кѣмъ-то знакомится, попадаетъ, какъ это съ нимъ уже бывало десятки разъ, въ какую-то исторію, въ которой играютъ роль женщины, участвуетъ въ какой-то дракѣ, и его флорентинское тихое житье завершается тѣмъ, что герцогъ выгоняетъ его изъ Флоренціи. Казанова ѣдетъ въ Болонью, оттуда въ Алкону. Тамъ у него начинается новый, послѣдній изъ описанныхъ имъ романовъ, съ какою-то жидовкою, который Казанова описываетъ съ величайшими, совершенно не цензурными подробностями; ему, должно быть, послѣ неудачи римскаго романа, хотѣлось еще разъ

хвастнуть, показать, какой онъ молодецъ, несмотря на свои 50 лѣтъ! Потомъ Казанова попадаетъ въ Тріестъ и здѣсь тщится обратить на себя милостивое вниманіе венеціанскаго правительства; ему къ старости, очевидно, страстно захотѣлось повидать еще разъ свою родину. Казановѣ удалось помириться съ своимъ правительствомъ, но объ этомъ онъ ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ и мы узнаемъ изъ перваго изданія исторіи его бѣгства изъ Pioмbi, появившагося въ 1788 году въ Лейпцигѣ, записки же его круто обрываются на январѣ 1774 года.

Въ упомянутой «Исторіи» разсказывается о томъ, что въ бытность Казановы въ Тріестѣ, въ 1774 году, венеціанскій консулъ Монти передалъ ему бумагу отъ инквизиціи, въ которой ему предписывалось черезъ мѣсяцъ явиться въ Венецію къ секретарю инквизиціи Бузинелло. Казанова не сталъ ожидать, когда минетъ мѣсяцъ, а тотчасъ отправился въ родной городъ. Инквизиторы приняли его любезно, приглашали даже къ себѣ на обѣдъ и заставляли разсказывать исторію его бѣгства изъ тюрьмы. Казанова считаетъ возвратъ въ родной городъ прекраснѣйшимъ моментомъ своей жизни. Его простили прямо и просто, не наложивъ никакого покаянія, и это его особенно радовало, такъ какъ служило, по его мнѣнію, лучшимъ оправданіемъ въ глазахъ всей Европы. Въ Венеціи всѣ поздравляли его отъ души и предсказывали ему, что онъ получитъ на государственной службѣ какое-нибудь почетное мѣсто. Но Казанова увѣряетъ, что онъ этого и не ожидалъ, хотя очень въ томъ нуждался, потому что средства его окончательно изсякали; инквизиція могла даровать ему прощеніе, но награждать его — это значило бы сознавать свою вину передъ нимъ.

Но вотъ что загадочно. Почему, примирившись съ своимъ правительствомъ, будучи въ возрастѣ, когда вѣчныя странствованія утомляютъ человѣка, когда его тянетъ на покой, Казанова все таки не остался на родинѣ, а покончилъ свои дни въ далекой, чуждой и скучной Богеміи? На это мы не находимъ у него прямого отвѣта, а встрѣчаемъ лишь какіе-то туманные намеки. «Либо я не созданъ для Венеціи,—говоритъ онъ въ той же «Исторіи» своего бѣгства,—или Венеція не для меня создана; что-нибудь одно. Къ такому настроенію моему присоединилась еще крупная непріятность, которая дала мнѣ послѣдній толчокъ. Я рѣшился покинуть родину, какъ покидаютъ домъ, въ которомъ очень пріятно было бы жить, да не даетъ покоя непріятный сосѣдъ, котораго выжить изъ дому нѣтъ возможности». Изъ этого можно заключить, что, должно быть, и въ Венеціи, какъ во множествѣ другихъ мѣстъ, съ Казановой опять случилась одна изъ тѣхъ «исторій», многочисленные образцы которыхъ мы передали въ этомъ извлеченіи изъ его любопытныхъ записокъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Казановы, послѣ 1774 года, на которомъ обрываются его записки, мы узнаемъ лишь стороною, изъ его краткой біографіи, входящей въ записки хорошо его знавшаго принца де-Линя, да кое-что изъ записокъ извѣстнаго въ тѣ времена театральнаго импресаріо Да-Понте.

Надо думать, что изъ Венеціи Казанова попалъ въ Вѣну, откуда его нѣсколько лѣтъ назадъ выгнали, но на этотъ разъ, должно быть, оставили въ покоѣ; денегъ у него не было и онъ безпрестанно занималъ

ихъ у своихъ земляковъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, очутившись совсѣмъ безъ гроша, онъ задумалъ грандіозный проектъ устройства въ Вѣнѣ какихъ-то необычайныхъ народныхъ увеселеній, что-то вродѣ китайскаго праздника. Онъ немедленно засѣлъ за работу и написалъ громадный проектъ, который представилъ императору. Іосифъ II никому не отказывалъ въ аудіенціи и потому Казановѣ не стоило никакого труда лично подать свою чудовищную по объему записку прямо въ руки императору. Тотъ развернулъ ее, взглянулъ на ея угрожающіе размѣры и не сталъ читать, а просилъ Казанову объяснить на словахъ, въ чемъ дѣло. Казанова тотчасъ продекламировалъ ему обстоятельный словесный экстрактъ изъ своей записки. «Какъ васъ зовутъ?»—спросилъ Іосифъ, когда Казанова окончилъ свой докладъ. Услыхавъ имя нашего героя, императоръ нѣсколько призадумался, какъ бы нѣчто припоминая, а потомъ сказалъ, что Вѣна не охотница до такихъ зрѣлищъ, и повернулся къ Казановѣ спиною.

Послѣ того Казанова попалъ еще разъ въ свой излюбленный Парижъ, но уже въ послѣдній разъ. Дѣла его были до крайности плохи. Его, впрочемъ, всетаки всюду принимали, по старой памяти. Однажды, за обѣдомъ у венеціанскаго посланника, онъ познакомился съ племянникомъ принца Де-Линя, графомъ Вальдштейномъ. Они разговорились. Графъ былъ большимъ любителемъ тайныхъ наукъ и заговорилъ на эту тему. Казанова тотчасъ оживился. Жизненный элексиръ, Соломонова печать, философскій камень — всѣ это было по его части; и какія огромныя услуги они оказали ему въ его бурной жизни! Они сослужили ему вѣрою и правдою и на этотъ разъ. Графъ Вальдштейнъ подружился со старымъ прожигателемъ жизни. Онъ зналъ, что Казанова совсѣмъ обнищалъ, что пришли къ концу его денежныя средства, странствованія и приключенія, что ему не куда дѣваться, и предложилъ жить у него въ Богеміи, въ родовомъ замкѣ Дуксъ, близъ Теплица. Казанова съ радостью ухватился за это предложеніе, тѣмъ болѣе, что ему былъ приданъ благоприличный видъ: нашъ герой получалъ въ замкѣ мѣсто библіотекаря, съ опредѣленнымъ жалованьемъ.

Де-Линь говоритъ, что Казанова провелъ въ этомъ замкѣ послѣднія четырнадцать лѣтъ своей жизни, а такъ какъ онъ, по свидѣтельству Де-Линя, умеръ въ 1798 году, то, надо думать, что у Вальдштейна поселился въ 1785 году. Можно было предполагать, что съ этого момента жизнь Казановы будетъ протекать мирно, какъ и подобаетъ въ послѣдней тихой пристани. Но эта была не такая натура, чтобы жить тихо. Тамъ, гдѣ не было равнехонько никакихъ поводовъ для бурныхъ вспышекъ, онъ самъ съ неподражаемымъ талантомъ создавалъ и возбуждалъ ихъ. Надо только дивиться безконечному терпѣнію графа Вальдштейна, безропотно переносившаго подъ своимъ кровомъ этого сварливаго старичка, вѣчно терзаемаго своимъ уязвленнымъ самолюбіемъ. Каждый день Казанова былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и брюзжалъ нестерпимо. Онъ ссорился за чашку кофе, за стаканъ молока; изъ-за блюда макаронъ поднималъ цѣлый содомъ. То онъ жаловался на повара, испортившаго ему кушанье, то на конюшаго, отпустившаго съ нимъ сквернаго кучера, то на собакъ, лаявшихъ всю ночь и не дававшихъ ему спать; то брюзжалъ, что его

посадили за отдѣльный столъ, такъ какъ по случаю большого съѣзда гостей за большимъ столомъ не хватило мѣста. Утромъ его раздражалъ звукъ охотничьяго рога, вечеромъ сердилъ священникъ, пришедшій обращать его въ протестантскую вѣру. На другой день онъ поднималъ исторію изъ-за того, что утромъ графъ не сказалъ ему первый «съ добрымъ утромъ», изъ-за того, что ему подали слишкомъ горячій супъ «нарочно, чтобы онъ обжегъ ротъ». Попросилъ онъ пить, лакей замѣшкался немного—глядь, опять въ домѣ гвалтъ! Онъ горько жаловался на то, что графъ не познакомилъ его съ какимъ-то важнымъ гостемъ, сердился на то, что графъ кому-то далъ какую-то книгу изъ библіотека, ничего не сказавъ Казановѣ, на то, что конюшій не снялъ передъ нимъ шапки. А всего больше раздражалъ Казанову вѣчный смѣхъ надъ нимъ, который онъ самъ же возбуждалъ своими причудами. Такъ, напримѣръ, вдругъ ему вздумается разговаривать по-нѣмецки, но его разговоръ выходитъ до такой степени комичнымъ, что нѣтъ возможности не хохотать надъ нимъ, а онъ весь бурлитъ отъ злости, которая, въ свою очередь, только усиливаетъ смѣхъ. Иной разъ онъ вздумаетъ похвастать своими французскими стихами или начнетъ декламировать съ смѣшными жестами итальянскіе стихи—и надъ нимъ опять-таки смѣются. Иногда онъ при входѣ дѣлалъ реверансъ, какъ его училъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ знаменитый учитель танцевъ Марсель, либо являлся одѣтымъ въ костюмъ, вышедшій изъ моды полвѣка назадъ—и, конечно, возбуждалъ общее веселье. «Cospetto, — ругался онъ,—всѣ вы сволочь, всѣ вы якобинцы, вы относитесь съ неуваженіемъ къ графу, а графъ выказываетъ неуваженіе ко мнѣ тѣмъ, что оставляетъ васъ ненаказанными!» Однажды онъ гордо сказалъ графу: «Я пробилъ пулею животъ польскому генералу. Я не дворянинъ по рожденію, но самъ изъ себя сдѣлалъ дворянина!» Графъ не могъ не разсмѣяться. Утомившись вѣчнымъ брюзжаніемъ старика, графъ задумалъ попугать его и прикинулся оскорбленнымъ; онъ вошелъ съ серьезнымъ видомъ къ Казановѣ и подалъ ему пару пистолетовъ. Тотъ подумалъ, что ему предлагаютъ дуэль, съ жаромъ вскричалъ: «Мнѣ поднимать руку на моего благодѣтеля!»—и расплакался отъ избытка чувствъ.

Въ послѣдній годъ жизни Казанова сталъ замѣтно хирѣть и падать силами; у него пропалъ его завидный аппетитъ; наконецъ, онъ слегъ и уже не вставалъ съ кровати. Передъ смертью онъ причастился, не утерпѣвъ и тутъ, чтобы не разразиться театральными словами и жестами. «Великій Боже,—воскликнулъ онъ,—и вы всѣ свидѣтели моей смерти! Я жилъ, какъ подобаетъ философу, и умираю, какъ подобаетъ христіанину!»

228

Жизнь и приключенія графа Каліостро.

ГЛАВА I.

Встрѣча Казановы съ таинственнымъ богомольцемъ и его женою.—Джузеппе Бальзамо; данныя для его жизнеописанія.—Дѣтство Бальзамо по его собственному разсказу.—Дѣтство и воспитаніе по даннымъ, добытымъ слѣдственною коммиссіею римской инквизиціи.—Первые шаги Бальзамо на поприщѣ исканія приключеній.—Продѣлка съ ростовщикомъ Мурано.

Яковъ Казанова, съ приключеніями котораго мы только-что покончили, описываетъ въ послѣднемъ томѣ своихъ записокъ одну довольно любопытную встрѣчу. Мы съ намѣреніемъ исключили это мѣсто изъ его исторіи, такъ какъ оно прямо относится къ біографіи знаменитѣйшаго изъ проходимцевъ прошедшаго вѣка, Іосифа Бальзамо, именовавшаго себя графомъ Каліостро (Cagliostro).

Казанова въ это время вернулся изъ своего многострадальнаго путешествія по Испаніи и жилъ въ южной Франціи, въ городкѣ Э, недалеко отъ Марсели. Онъ жилъ въ гостинницѣ и обѣдалъ за общимъ столомъ. Однажды за обѣдомъ гости заговорили о какомъ-то странствующемъ богомольцѣ, который только-что прибылъ въ Э со своею женою. Эти загадочные пилигримы были итальянцы и пробирались пѣшкомъ изъ Испаніи, куда ходили на поклоненіе знаменитому католическому святителю Іакову Компостельскому. По виду и поведенію это были знатные люди; при входѣ въ городокъ они щедрою рукою направо и налѣво раздавали милостыню. Говорили тогда за столомъ, что супруга богомольца чрезвычайно хороша собою и притомъ совсѣмъ молода, лѣтъ восемнадцати. Длинный путь, совершонный, благочестія ради, по пѣшему хожденію, очень утомилъ красавицу и она, тотчасъ по прибытіи, предалась отдохновенію. Остановились они въ той же гостинницѣ, гдѣ жилъ Казанова. Эта любопытная парочка благочестивыхъ богомольцевъ очень занимала всѣхъ постояльцевъ и они рѣшили свести съ нею знакомство. Казанова, въ качествѣ соотечественника пилигримовъ, естественно выступилъ зачинателемъ въ дѣлѣ сближенія публики съ новыми гостями.

Выбравъ удобный моментъ, вся любопытствующая компанія, съ Казановою въ главѣ, ввалилась въ номеръ богомольцевъ. Юная пилигримка сидѣла въ креслѣ, съ видомъ глубоко утомленнаго путника. Она была въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ молода и очень хороша собою; ея личико носило на себѣ отпечатокъ грусти, который еще усиливался и подчеркивался длиннымъ латуннымъ крестомъ, бывшимъ у нея въ рукахъ. При входѣ пуб-

лики, она положила крестъ на столъ, встала съ кресла и встрѣтила вошедшихъ весьма привѣтливо. Ея мужъ въ это время съ сосредоточеннымъ вниманіемъ возился надъ своимъ странническимъ хитономъ, что-то въ немъ исправляя; онъ, какъ бы хотѣлъ сказать, что ему не до посѣтителей, что онъ очень занятъ, и что, если кому нужно, пусть обращается къ его спутницѣ. Ему было на видъ лѣтъ двадцать пять; это былъ человѣкъ небольшого роста, довольно плотный; его красивая физіономія выражала смѣсь лукавства, смѣлости, безцеремонности и плутовства; это была прямая противоположность съ лицомъ его жены, которое дышало благородствомъ, скромностью, наивностью и тѣмъ болтливымъ смущеніемъ, которое придаетъ молодой женщинѣ такъ много очарованія. Оба они почти не говорили по-французски и замѣтно обрадовались, когда Казанова заговорилъ съ ними по-итальянски. Молодая дама сообщила Казановѣ, что она римлянка, да въ этомъ и надобности не было: ея родина сказывалась въ ея красивомъ говорѣ. Что касается до пилигрима, то Казанова счелъ его за неаполитанца, либо за сицилійца. Казанова справился потомъ о его паспортѣ; онъ былъ выданъ въ Римѣ, и въ немъ пилигримъ былъ обозначенъ подъ именемъ Бальзамо. Она же называлась Серафима Феличьяни и осталась всегда при этомъ имени, самъ же Бальзамо впослѣдствіи превратился въ Каліостро, да еще вдобавокъ въ графа.

Серафима принялась разсказывать о своихъ странствованіяхъ. Они побывали у св. Іакова Компостельскаго и у Пресвятой Дѣвы Пиларской; теперь они возвращаются въ Римъ. Всю дорогу шли пѣшкомъ безъ денегъ, выпрашивая милостыню. Это было покаянное богомолье, добровольно наложенное на себя супругами за какія-то прегрѣшенія. Красавица просила милостыню, въ разсчетѣ, что ей подадутъ грошикъ, но ей, по ея словамъ, всегда подавали серебро и даже золото, такъ что странники имѣли возможность, въ каждомъ городѣ, куда прибывали, раздавать накопившіеся излишки неимущей братіи. Мужъ, человѣкъ крѣпкій и сильный, выносилъ путешествіе съ большою легкостью, но молодая женщина много страдала отъ постояннаго хожденія пѣшкомъ, скудной пищи и ночлеговъ на соломѣ или на голой землѣ, «никогда не снимая одежды,—добавила красавица,—чтобы не заразиться какою-нибудь болѣзнью». Это добавленіе, по догадкѣ Казанова, юная богомолка сдѣлала съ цѣлью обратить вниманіе публики на замѣчательную опрятность и бѣлизну своего тѣла, въ чемъ всѣ могли убѣдиться при взглядѣ на ея прелестныя ручки. На вопросъ—долго ли они намѣрены остаться въ Э., молодая дама отвѣчала, что она чувствуетъ большое утомленіе и потому разсчитываетъ отдохнуть три дня, затѣмъ они отправятся въ Туринъ, гдѣ совершатъ поклоненіе нерукотворенному образу, а оттуда пойдутъ въ Римъ.

Гости распростились съ прекрасною пилигримкою и ея супругомъ, унося съ собою весьма слабую вѣру въ ихъ благочестіе; таково, по крайней мѣрѣ, было настроеніе Казановы. На другой день супругъ-пилигримъ зашелъ къ Казановѣ и попросилъ позволенія позавтракать въ компаніи съ нимъ, приглашая его къ себѣ или намѣреваясь придти къ нему. Казанова пригласилъ ихъ къ себѣ. За завтракомъ Казанова спросилъ своего гостя о его профессіи и тотъ объявилъ себя рисовальщикомъ. Онъ былъ собственно копировщикъ пе-

ромъ и достигъ въ этомъ искусствѣ, по словамъ Казановы, замѣчательнѣйшаго совершенства; ему удавалось срисовать, напримѣръ, гравюру, съ такимъ сходствомъ, что его копіи не было возможности отличить отъ подлинника. Казанова поздравилъ его съ такимъ талантомъ и сказалъ, что съ нимъ онъ нигдѣ не пропадетъ. Пилигримъ отвѣчалъ, что всѣ его въ этомъ увѣряютъ, а между тѣмъ онъ убѣдился на практикѣ, что это искусство ничего не сулитъ ему, кромѣ голодной смерти, что въ Римѣ и Неаполѣ онъ работалъ цѣлые дни и едва лишь заработывалъ себѣ дневное пропитаніе. Онъ показалъ Казановѣ расписанные имъ вѣера безподобнаго рисунка, напоминавшаго самую тончайшую гравюру. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ копію съ гравюры Рембрандта, которую Казанова нашелъ болѣе совершенной по исполненію, чѣмъ оригиналъ. Плохо вѣрилось, чтобы такое искусство не прокормило его обладателя; можно было скорѣе думать, что этотъ человѣкъ просто-на-просто лѣнивецъ, который бродяжничаетъ по бѣлому свѣту, вмѣсто того, чтобы сидѣть на мѣстѣ и работать. Казанова предложилъ ему луидоръ за одинъ изъ его вѣеровъ, но тотъ отказался отъ платы; онъ просилъ взять вѣеръ даромъ, а взамѣнъ—сдѣлать сборъ въ его пользу, т. е. для его дальнѣйшихъ странствованій по святымъ мѣстамъ. За слѣдующимъ же обѣдомъ Казанова насбиралъ богомольцамъ двѣсти франковъ. Случилось, что молодую дамочку попросили что-то написать; она скромно отказалась, объяснивъ, что у нихъ въ Римѣ молодыя дѣвушки хорошихъ семей не обучаются грамотѣ. Казанова зналъ, что это вздоръ и что неграмотными оставались въ то время только римлянки изъ простонародья, но смолчалъ изъ вѣжливости; зато онъ понялъ, что хорошенькая пилигримка—невысокаго полета птица. На другой день дамочка пришла къ Казановѣ и просила его дать имъ рекомендательныя письма въ Авиньонъ; тотъ немедленно написалъ два письма. Черезъ нѣсколько времени дама возвратила одно изъ писемъ: ея мужъ сказалъ, что оно будетъ безполезно для нихъ; при этомъ она попросила внимательно всмотрѣться въ это письмо—точно ли оно то самое, которое писалъ Казанова. Тотъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на свое письмо, потомъ на нее, и сказалъ, что это то самое письмо. Она расхохоталась и сказала, что это вовсе не его письмо, а копія съ него, сдѣланная ея мужемъ.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ изумленный Казанова. Но въ это время вошелъ самъ Бальзамо и подалъ Казановѣ его подлинное письмо. Тогда Казанова сказалъ ему, что его искусство изумительно, что если употреблять его въ дѣло, не уклоняясь отъ стези закона, то можно извлечь изъ него немалую пользу, но что, съ другой стороны, если поддаться искушенію, то такое искусство легко можетъ довести его обладателя и до висѣлицы.

Интересная парочка выбыла изъ Э на другой день. «Я разскажу въ своемъ мѣстѣ,—заканчиваетъ Казанова,—гдѣ и какъ встрѣтилъ я черезъ десять лѣтъ этого же человѣка, подъ именемъ Пеллегрини, вмѣстѣ съ доброю Серафимою, его женою и преданною соучастницею». Но Казанова прерываетъ свои записки гораздо ранѣе этой встрѣчи и мы не можемъ сказать, при какихъ обстоятельствахъ эта встрѣча произошла.

Мы привели это мѣсто изъ записокъ Казановы потому, что оно лю-

бопытно, какъ свидѣтельство очевидца, встрѣтившагося съ знаменитымъ кудесникомъ въ самой ранней его молодости, передъ началомъ или въ въ самомъ началѣ его карьеры. Каліостро, можно сказать, выдается цѣлою головою надъ сонмомъ другихъ авантюристовъ-шарлатановъ, удручавшихъ европейское общество въ теченіе XVIII столѣтія. Передъ нимъ пасуетъ даже знаменитый графъ Сенъ-Жерменъ, который беретъ нѣкоторый верхъ развѣ только въ размѣрахъ таинственности, которою ему удалось окутать свою личность. Рѣдко человѣку незнатнаго, даже темнаго происхожденія приходилось съ такимъ изумительнымъ успѣхомъ выдвинуться впередъ, создать себѣ такую громкую славу, такъ очаровать своею личностью современниковъ, какъ это удалось Каліостро. Правда, онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, сумѣлъ попасть въ тонъ своему суевѣрному времени.

Что можемъ мы сообщить о происхожденіи и первыхъ годахъ жизни Каліостро? Ровнехонько ничего достовѣрнаго! Когда онъ, въ концѣ жизни, попалъ въ когти римской инквизиціи, она-таки добилась полнѣйшей правды. Она все узнала, кто онъ, откуда, какъ жилъ, что и когда творилъ. Всѣ эти данныя, можетъ быть, и донынѣ хранятся въ бездонныхъ архивахъ Ватикана, а, можетъ быть, и уничтожены. Правда, какому-то монаху, современнику Каліостро, удалось кое-что урвать изъ этихъ матеріаловъ, собранныхъ инквизиціею; онъ составилъ по этимъ матеріаламъ книжечку, и она считается единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ свѣдѣній о первой половинѣ жизни великаго шарлатана. Другой источникъ по этой части исходитъ уже отъ самого Каліостро. Здѣсь невольно приходитъ въ голову одно сопоставленіе. Про Казанову, съ приключеніями котораго мы только-что покончили, всѣ изслѣдователи единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ человѣкъ правдивый и намѣренно никогда не лжетъ; про Каліостро было бы черезчуръ смѣло утверждать то же самое; наоборотъ, все, что онъ пишетъ о себѣ, навѣрное сочинено. Но тѣмъ не менѣе мы начнемъ его біографію, руководясь его собственною запискою; онъ составилъ эту записку въ видѣ оправдательнаго документа, когда его притянули по извѣстнѣйшему дѣлу объ ожерельи, проданномъ королевѣ Маріи-Антуанеттѣ. Пусть эти свѣдѣнія ложны, но они все же любопытны для насъ, потому что характеризуютъ личность. Вѣдь любопытно знать, какъ и что́ именно сочиняетъ о себѣ человѣкъ.

«Ни мѣсто моего рожденія, ни родители мои мнѣ неизвѣстны»,— такъ начинаетъ Каліостро свою автобіографію. Далѣе онъ подпускаетъ тонкій намекъ, что, молъ, «различныя обстоятельства моей жизни родили во мнѣ сомнѣнія и догадки», но сколь онъ ни вникалъ въ дѣло, добился только того вывода, что пріобрѣлъ о своемъ происхожденіи самое высокое мнѣніе, но весьма неопредѣленное. Затѣмъ, какъ водится, онъ обращается къ первымъ воспоминаніямъ своего дѣтства. Онъ помнитъ себя... въ Мединѣ, въ Аравіи. Онъ жилъ въ «чертогахъ» какого-то муфти Ялахаима; самого же его звали въ то время Ахаратомъ. Въ этихъ чертогахъ муфти къ младенцу Ахарату было приставлено четверо тѣлохранителей. Старшій изъ нихъ былъ почтеннѣйшій старецъ, 60 лѣтъ, по имени Альтотасъ. Это и былъ наставникъ чудеснаго младенца. Онъ изрѣдка, но весьма малыми порціями сообщалъ кое-что нашему герою о его происхожденіи, открывая ему лишь краешекъ той таинственной завѣ-

сы, которою судьбѣ угодно было закрыть это происхожденіе. Эта-то таинственность и дала Каліостро поводъ составить необычайныя понятія о его родѣ и племени, и на публику, зачитывавшуюся его откровеніями, она тоже, конечно, производила впечатлѣніе тайны. Великій Альтотасъ сообщилъ младенцу, что онъ осиротѣлъ на третьемъ мѣсяцѣ жизни; родители же его были христіане, благороднаго происхожденія; но объ ихъ имени, о мѣстѣ рожденія Альтотасъ видимо боялся и заикнуться Каліостро. Какъ водится, однако, у воспитателя вырывались иногда «неосторожныя» слова; изъ этихъ драгоцѣнныхъ словечекъ Каліостро долженъ былъ заключить, что онъ родился на островѣ Мальтѣ. Кромѣ Альтотаса около Каліостро всегда безотлучно состояли еще трое служителей, изъ которыхъ одинъ, его камердинеръ или дядька, былъ бѣлый, а двое другихъ—черные, должно полагать, негры или арабы.

Альтотасъ былъ воспитателемъ и духовнымъ отцомъ этого чада, осуществившаго собою впослѣдствіи какъ бы своего рода идеалъ и мечту самаго отъявленнаго шарлатанства. Онъ тщательно развивалъ врожденный умъ и способности ввѣреннаго ему таинственными родителями младенца. По словамъ Каліостро, Альтотасъ имѣлъ глубокія познанія рѣшительно по всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, начиная отъ самыхъ отвлеченнѣйшихъ и кончая такими, которыя служатъ лишь забавою. Каліостро особенно налегалъ на физику, ботанику и медицину; впослѣдствіи, въ самый разгаръ его шарлатанской карьеры, онъ выдавалъ себя за врача, постигшаго всѣ тайны восточной медицины. Сверхъ того, Альтотасъ неустанно поучалъ питомца о необходимости твердой вѣры, любви къ ближнему и почитанію вѣры и законовъ тѣхъ странъ, гдѣ судьба заставитъ его жить. Это напоминаніе о глубокомъ почитаніи чужихъ законовъ, внѣдренномъ съ дѣтства, было, конечно, не излишне въ устахъ человѣка, котораго засадили въ Бастилію.

Оба они, Альтотасъ и младенецъ Ахаратъ, носили мусульманскую одежду и по наружности исповѣдывали вѣру Магометову, но «истинная вѣра была запечатлѣна въ сердцахъ нашихъ». Самъ муфти Ялахаимъ не рѣдко видался съ младенцемъ, обходился съ нимъ милостиво и выказывалъ большое уваженіе къ Альтотасу. Отъ того же Альтотаса Каліостро выучился и большей части восточныхъ языковъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ питомцемъ наставникъ очень часто возвращался къ Египту, разсказывалъ о его пирамидахъ и глубокихъ пещерахъ, въ которыхъ скрыто драгоцѣнное золото древне-египетской мудрости. И это словечко объ египетской мудрости тоже закинуто было недаромъ: Каліостро долго и весьма успѣшно выдавалъ себя за великаго кофта, главу какого-то, кажется, имъ самимъ и придуманнаго египетскаго масонства.

Между тѣмъ младенецъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста. Имъ вдругъ начала овладѣвать страстная охота путешествовать, видѣть всѣ тѣ чудеса, о которыхъ повѣствовалъ ему Альтотасъ. Тогда наставникъ возвѣстилъ ему, что настало время покинуть Медину и гостепріимный кровъ муфти Ялахаима и начать странствовать; онъ словно угадалъ волновавшую питомца страсть. Приготовились въ путь и скоро распростились съ муфти. Изъ Медины прежде всего прибыли въ Мекку и направились прямо во дворецъ шерифа. Здѣсь начали съ того, что переодѣли отрока въ одежды, несравненно великолѣпнѣйшія тѣхъ, какія онъ носилъ раньше. На третій день пребыванія въ Меккѣ Альтотасъ предста-

вилъ отрока шерифу, который оказалъ ему нѣжнѣйшія ласки: «При взглядѣ на этого властителя,—пишетъ Каліостро,—несказанное смятеніе овладѣло всѣми моими чувствами; глаза мои наполнились благодатными слезами. Я ясно видѣлъ тѣ усилія, какія онъ долженъ былъ надъ собою дѣлать, чтобы удержать слезы. Объ этой минутѣ я никогда не могъ вспомнить безъ сладчайшаго душевнаго умиленія». Каліостро ничего не говоритъ прямо, да это было бы и не хорошо—разсѣялась бы вся дымка тайны; онъ только старается навести читателя на соображеніе, не былъ ли сей меккскій шерифъ виновникомъ дней его?.. Онъ говоритъ, что любовь къ нему шерифа со дня-на-день возрастала; взглянувъ на него нечаянно, онъ постоянно убѣждался въ томъ, что шерифъ упорно и съ нѣжностью смотритъ на него, а потомъ воздымаетъ глаза къ небу и его лицо выражаетъ скорбь и умиленіе; младенецъ со смущеніемъ отвращалъ лицо и терзался любопытствомъ. Альтотоса онъ не смѣлъ разспрашивать; тотъ со строгостью обрывалъ всякіе даже отдаленные вопросы. Пытался мальчикъ повывѣдать что-нибудь отъ приставленнаго къ нему чернокожаго служителя; но тотъ молчалъ, какъ чугунная тумба. Но однажды Каліостро присталъ къ нему неотступно; тогда арабъ, наконецъ, разомкнулъ уста, но изрекъ, однако, не Богъ вѣсть какъ много; онъ сказалъ только, что если мальчикъ когда-нибудь покинетъ Мекку, то ему будетъ худо, а больше всего долженъ онъ опасаться города Трапезунда.

Но склонность къ путешествіямъ, ставшая неодолимою, побѣдила благожелательныя предупрежденія араба. Каліостро пробылъ въ Меккѣ три года; ему, стало быть, исполнилось уже пятнадцать лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день къ нему въ комнату вошелъ самъ шерифъ и, съ великою нѣжностью обнявъ его, началъ его увѣщевать всегда хранить вѣру въ Предвѣчнаго и ручался, что если мальчикъ вѣрно выполнитъ его завѣтъ, то сдѣлается счастливымъ и «познаетъ свой жребій». Затѣмъ, на прощаньи, онъ оросилъ отрока слезами и съ чувствомъ воскликнулъ: «Прости, несчастный сынъ природы!»

Для юнаго путешественника и его приставника изготовили особый караванъ. Направились прежде всего въ Египетъ; здѣсь Каліостро посѣтилъ пирамиды и познакомился съ жрецами разныхъ храмовъ... Загадочное словцо! Какихъ храмовъ, какіе жрецы? Не хочетъ ли Каліостро намекнуть, что онъ путешествовалъ по Египту еще во времена глубокой древности? Онъ, кажется, подобно Сенъ-Жермену, иногда намекалъ на то, что живетъ уже не одно столѣтіе и даже брался сообщить такую долговѣчность другимъ. Египетскіе жрецы почему-то сочли нужнымъ водить юнаго путешественника по такимъ мѣстамъ, куда обыкновенный странникъ никогда проникнуть не можетъ. Изъ Египта тронулись дальше, посѣтили главнѣйшія азіятскія и африканскія государства. Во время этихъ странствованій съ ними случались безчисленныя «чрезвычайныя» приключенія, но о нихъ онъ только упоминаетъ, не передавая ихъ въ подробностяхъ. Наконецъ, прибыли на островъ Мальту. Судно, на которомъ плылъ Каліостро, вопреки установленному правилу, не было подвергнуто карантину. Вообще, чрезъ все описаніе проходитъ указаніе на то, что путешествуетъ не обыкновенный смертный, а человѣкъ совсѣмъ особенный, отмѣченный печатью тайны и величія. На Мальтѣ путники были приняты съ великою честью

гросмейстеромъ мѣстнаго ордена; имъ было отведено какое-то особое помѣщеніе около какой-то лабораторіи. Гросмейстеръ поручилъ Каліостро попеченіямъ кавалера д'Аквино; онъ долженъ былъ всюду сопровождать юношу и наблюдать за тѣмъ, чтобы ему оказывались подобающія почести: «Тогда-то,—говоритъ Каліостро въ своей запискѣ,— я вмѣстѣ съ европейскою одеждою принялъ и европейское имя— графа Каліостро. Вмѣстѣ съ тѣмъ внезапно преобразился и премудрый Альтотасъ; онъ оказался мальтійскимъ рыцаремъ съ извѣстнымъ крестомъ этого ордена на груди. Тогдашній гросмейстеръ, графъ Пинто, былъ увѣдомленъ о происхожденіи Каліостро; онъ бесѣдовалъ съ нимъ и о шерифѣ, и о Трапезундѣ; но, увы, никогда не давалъ никакихъ окончательныхъ разъясненій, такъ что тайна происхожденія нашего героя не только не выяснилась, но становилась только еще интереснѣе въ своей заманчивой темнотѣ. Гросмейстеръ все убѣждалъ юношу посвятиться въ рыцари ордена, обѣщая ему быстрое повышеніе; но склонность къ путешествіямъ и страсть къ врачебной наукѣ вновь побудили Каліостро отречься отъ столь лестнаго предложенія. Во время пребыванія на Мальтѣ Каліостро лишился своего духовнаго отца Альтотаса. Умирая, сей почтенный мужъ, очевидно, коротко знакомый съ родословнымъ древомъ Каліостро, всетаки заупрямился и ничего ему не открылъ. Да и что онъ ему могъ бы сказать? Что Каліостро сынъ могущественнаго вельможи, князя, короля, самого папы?.. Но вѣдь если бы это открыть, то тутъ былъ бы и конецъ всѣмъ секретамъ. Какой интересъ въ загадкѣ, когда вамъ подсказали ея разгадку? Загадка дорога, пока она загадка. Поэтому, умирающій Альтатосъ, въ повѣствованіи Каліостро, и ограничивается въ своемъ предсмертномъ напутствіи питомцу лишь одними прописными пошлостями: «Сынъ мой, имѣй всегда передъ очами своими страхъ къ Предвѣчному и любовь къ своему ближнему и скоро ты познаешь истину всѣхъ моихъ поученій». И только. Послѣ смерти Альтотоса Каліостро въ сопровожденіи кавалера д'Аквино посѣтилъ Сицилію, гдѣ былъ представленъ всему мѣстному дворянству; потомъ объѣхали Архипелагъ, вступили въ Средиземное море и, наконецъ, прибыли въ Неаполь. Здѣсь д'Аквино остался, а Каліостро одинъ поѣхалъ въ Римъ, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы его никто не видалъ и не зналъ; но возможно ли ему было укрыться отъ всеобщаго любопытства? Не успѣлъ онъ водвориться въ Римѣ и приняться за изученіе итальянскаго языка, какъ къ нему пожаловалъ секретарь кардинала Орсини и просилъ его пожаловать къ его преосвященству. Кардиналъ принимаетъ его съ великою честью, представляетъ всей римской знати и, наконецъ, самому папѣ, который ведетъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, притомъ, опять-таки «особливыя», а не простые разговоры.

Далѣе Каліостро упоминаетъ о своей женитьбѣ на Серафимѣ Феличьяни, а затѣмъ съ чувствомъ распространяется о своихъ странствіяхъ по Европѣ, о благодѣяніяхъ, оказываемыхъ имъ повсюду бѣдствующему человѣчеству, о тысячахъ больныхъ, которые стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, о ихъ безплатномъ леченіи, о безвозмездной раздачѣ имъ лекарствъ, приводитъ десятки письменныхъ свидѣтельствъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, подтверждающихъ содѣянныя имъ чудеса, и т. д.

Этихъ отрывковъ изъ собственныхъ записокъ достаточно, чтобы характеризовать нашего героя. Теперь мы приступимъ къ его подлинной и достовѣрной біографіи, руководясь, главнымъ образомъ, данными тщательно собранными въ извѣстномъ, многотомномъ и обстоятельномъ трудѣ Бюлау о таинственныхъ исторіяхъ и загадочныхъ людяхъ («Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen»).

Каліостро очень охотно говорилъ о своемъ родствѣ по женской линіи, но еще охотнѣе умалчивалъ о своемъ восходящемъ родствѣ по мужской линіи; причиною тому можно считать іудейское происхожденіе этой послѣдней линіи. Что же касается до женской, то она упирается въ нѣкоего Маттео Мартелло, имя соблазнительное, ибо напоминаетъ Карла Мартелла; Каліостро что-то такое толковалъ о связи своего рода съ потомствомъ знаменитаго короля-молота. У этого Мартелло было двѣ дочери и одна изъ нихъ вышла за Іосифа Каліостро; другая же дочь вышла за Іосифа Браконьера, а одна изъ дочерей этого послѣдняго, Феличита, была выдана за Петра Бальзамо. Эти Бальзамо были купцы, торговавшіе лентами въ Палермо. Отъ этого брака, какъ удалось впослѣдствіи выяснить инквизиціи во время процесса Каліостро, и произошелъ нашъ герой.

Онъ родился въ концѣ мая 1743 года, въ Палермо. Когда онъ подросъ, его отдали въ мѣстную семинарію св. Рокка; оттуда онъ на тринадцатомъ году перешелъ въ монастырь Картаджироне, близъ Палермо. Тутъ онъ скоро подружился съ монахомъ, завѣдывавшимъ аптекой; монахъ былъ человѣкъ со свѣдѣніями, знатокъ ботаники, химіи, медицины. Нѣтъ сомнѣнія, что ему Каліостро и обязанъ, по крайней мѣрѣ, основою своихъ свѣдѣній въ этихъ наукахъ и во врачебномъ искусствѣ. Вообще же онъ велъ себя въ монастырѣ прескверно и доставлялъ добрымъ монахамъ немало хлопотъ. Продѣлки его были, правда, больше глупенькія, мальчишескія, но неумѣстныя именно въ благочестивомъ монастырѣ; такъ, напримѣръ, когда за ужиномъ ему доводилось читать Житія святыхъ, онъ вмѣсто ихъ именъ подставлялъ имена извѣстныхъ воровъ, разбойниковъ, либо веселыхъ женщинъ. Монахи всѣми мѣрами старались направить блудное чадо на путь истинный; жезлъ не переставалъ дѣйствовать въ ихъ карающихъ десницахъ, и Каліостро пришлось, наконецъ, солоно; онъ рѣшилъ бѣжать изъ монастыря.

Онъ вернулся въ Палермо и жилъ тамъ, предоставленный собственному усмотрѣнію, самолично промышляя себѣ пропитаніе. У него обнаружился крупный талантъ къ рисованію и фехтованію. Послѣдній, правда, способствовалъ только частымъ схваткамъ, да сдѣлалъ мальчугана коротко извѣстнымъ полиціи; но и первый талантъ, художественный, о которомъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ и Казанова, не принесъ ему ничего хорошаго. Онъ отлично наловчился поддѣлывать чужую руку и стремился извлечь изъ этого какъ можно больше пользы; говоря по-просту, онъ занялся поддѣлками. На помощь къ этому занятію онъ присоединилъ еще всяческіе способы эксплуатаціи людского суевѣрія. Онъ изготовлялъ приворотныя зелья, давалъ записки о кладахъ и наставленія къ ихъ добыванію, поддѣлывалъ театральные билеты, оффиціальные документы, паспорты, квитанціи и т. п. Къ этому времени относится его знаменитое приключеніе съ золотыхъ

дѣлъ мастеромъ и ростовщикомъ Мурано или Марано. Дѣло происходило еще въ бытность Каліостро въ Палермо.

Марано, человѣкъ, надо полагать, восточнаго происхожденія, любилъ деньги до алчности. Но онъ былъ остороженъ и недовѣрчивъ; провести такого человѣка представлялось даже заманчивымъ съ точки зрѣнія чистаго искусства. Его уже, впрочемъ, и раньше надували разные мастера по части добыванія золота, которымъ удавалось выманивать у него деньги. Марано самъ первый услыхалъ о Бальзамо и очень имъ заинтеровался; про юношу разсказывали чудеса; онъ давалъ приворотныя зелья и чуть ли не состоялъ въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ самимъ сатаною. Долго слушалъ эти розсказни старый ростовщикъ и, наконецъ, рѣшилъ свести знакомство съ Бальзамо. Послѣдній охотно отозвался на приглашеніе старика и посѣтилъ его. Они сразу переговорили о дѣлѣ и условились работать вмѣстѣ. Бальзамо брался указать ему несмѣтный кладъ въ одной изъ множества пещеръ въ окружающихъ Палермо горахъ. Бальзамо привелъ старика къ этой пещерѣ, и здѣсь, предъ входомъ въ таинственное подземелье, объяснилъ ему, что тамъ хранится груда драгоцѣнныхъ каменьевъ, охраняемая нечистымъ духомъ. Бальзамо знаетъ этотъ кладъ и давно бы, конечно, овладѣлъ имъ самъ, но, увы, онъ не можетъ даже къ нему прикоснуться руками, потому что отъ одного этого прикосновенія онъ утратилъ бы всю свою таинственную и чудесную силу; поэтому онъ можетъ только передать кладъ другому лицу. Но это лицо должно согласиться на извѣстныя условія. Само собою разумѣется, что ростовщикъ былъ готовъ на все. Бальзамо объявилъ ему, что онъ самъ не можетъ даже сказать ему условій кладодобыванія, но можетъ устроить, что ему сообщатъ духи, сторожа клада. И вслѣдъ затѣмъ изъ глубины пещеры послышался голосъ; онъ возвѣщалъ, на какихъ условіяхъ и кому именно, т. е. какому человѣку кладъ можетъ быть выданъ. Само собою разумѣется, что этимъ условіямъ въ точности удовлетворялъ старикъ Марано. Существеннѣйшее изъ этихъ условій состояло въ томъ, чтобы кладодобыватель передъ входомъ въ пещеру положилъ 60 унцій золота. Марано сначала было уперся передъ издержкою такой суммы. Бальзамо равнодушно побрелъ обратно въ городъ, съ видомъ человѣка, которому больше нечего дѣлать. Старикъ кинулся за нимъ, началъ торговаться, но самъ же понялъ, что сумма назначена духами, сторожащими кладъ, и что Бальзамо тутъ не при чемъ. Въ концѣ концовъ порѣшили идти на добычу на другой день, захвативъ съ собою деньги. Старикъ былъ очень остороженъ. Онъ углубился въ пещеру, но потихоньку вернулся и сталъ подсматривать; ему думалось, какъ бы Бальзамо не стянулъ его деньги и не убѣжалъ съ ними; но юноша сидѣлъ на камнѣ съ самымъ равнодушнымъ и скучающимъ видомъ. Наконецъ, старикъ рѣшился, вошелъ въ пещеру и углубился дальше. Вдругъ изъ темнаго закоулка пещеры на него накинулись четыре черныхъ демона; они принялись тормошить и кружить его въ адской пляскѣ; старикъ понялъ это, какъ необходимое мытарство, безъ котораго кладъ не дастся въ руки, и рѣшился все перетерпѣть, лишь бы добраться до сокровища. Между тѣмъ, нечистые подхватили его и увлекли въ темный закоулокъ пещеры и тамъ исколотили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; старый ростовщикъ лежалъ на днѣ пещеры

полуживой. Тогда раздался громовой голосъ, который повелѣвалъ ему лежать неподвижно цѣлый часъ; если пролежитъ, то ему будетъ указанъ кладъ, если встанетъ—тутъ ему и капутъ. Само собою разумѣется, что старикъ лежалъ и ждалъ, да и трудно было ему, избитому, подняться съ мѣста. Но время шло, никто за нимъ не являлся, чтобы показать кладъ; старикъ, наконецъ, уразумѣлъ, что его еще разъ одурачили, выползъ изъ пещеры и кое-какъ добрался до города. А Бальзамо, разумѣется, тотчасъ скрылся изъ Палермо съ его золотомъ.

ГЛАВА II.

Бѣгство изъ Палермо и окончательное вступленіе на путь приключеній.—Истинный Альтотасъ выступаетъ на сцену.—Путешествіе въ Египетъ, на Родосъ.—Пребываніе на Мальтѣ; знакомство съ гросмейстеромъ мальтійскаго ордена, Пинто.—Переѣздъ въ Неаполь, а оттуда въ Римъ.—Женитьба на Лоренцѣ Феличьяни.—Приключенія въ Испаніи, Англіи и Франціи.—Основаніе древне-египетскаго масонства.

Въ послѣдующіе годы жизни Бальзамо успѣлъ облетѣть всю Италію, продолжая съ успѣхомъ пользоваться своими жульническими талантами. Имя свое онъ за это время перемѣнилъ разъ двадцать. Онъ являлся подъ именемъ графа Хара, графа Дель-Фениче, маркиза Пеллегрини, Мелисса, Бельмонте и т. д. Тогда изъ Палермо онъ направился въ Мессину. Здѣсь, а можетъ быть, еще раньше въ Палермо, онъ явилъ замѣчательный образчикъ своего калиграфическаго художества—великолѣпно поддѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу нѣкоего маркиза Мауриджи. Но это, между прочимъ; самое же существенное то, что Бальзамо повстрѣчался въ Мессинѣ съ тѣмъ самымъ Альтотасомъ, который, по его автобіографіи, былъ его воспитателемъ и руководителемъ въ первые годы жизни. Кто былъ этотъ Альтотасъ, этого не дозналась, кажется, даже всевѣдущая инквизиція. Одни думаютъ, что онъ грекъ, другіе считаютъ его испанцемъ, третьи—армяниномъ или вообще восточнымъ человѣкомъ; одѣвался онъ на армянскій манеръ. Бальзамо очень быстро оцѣнилъ этого человѣка и почувствовалъ къ нему живѣйшую симпатію; Альтотасъ, съ своей стороны, быстро оцѣнилъ даровитаго юношу и взялъ его подъ свое покровительство. Этотъ человѣкъ несомнѣнно много зналъ; онъ былъ врачъ, химикъ и натуралистъ, почти во всеоружіи знаній своего времени, размѣрами которыхъ не трудно было поражать въ то время публику, коснѣвшую въ невѣжествѣ. Сохранился разсказъ о томъ, что при первой же встрѣчѣ Альтотасъ страшно поразилъ Бальзамо, разсказавъ ему всѣ таинственнѣйшія событія его жизни, ровно никому невѣдомыя, кромѣ самого Бальзамо. Удивилъ онъ его еще будто бы тѣмъ, что въ первую же встрѣчу, къ концу бесѣды, началъ торопить юношу, чтобы онъ бѣжалъ скорѣе домой, потому что къ нему забрался воръ. Бальзамо побѣжалъ и въ самомъ дѣлѣ накрылъ вора. Всѣ эти розсказни указываютъ на то, что Альтотасъ въ тогдашней публикѣ считался въ самомъ дѣлѣ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Самъ Альтотасъ утверждалъ, что живетъ чуть ли не отъ сотворенія міра, обладаетъ искусствомъ дѣлать

золото, и вообще располагаетъ чуть ли не безграничнымъ могуществомъ. Впрочемъ, онъ былъ далеко не щедръ на лишнія откровенности и даже своему наперснику, Бальзамо, не сообщилъ ровно ничего, напримѣръ, о своемъ происхожденіи. Скоро послѣ заключенія дружбы Альтотасъ съ Бальзамо отправились путешествовать по Востоку; но передъ отъѣздомъ Бальзамо вздумалъ посѣтить свою тетку, жившую въ Мессинѣ, старушку Каліостро, Винченцу, дочь Матвѣя Мартелло. Онъ узналъ, что она уже умерла и что наслѣдствомъ послѣ нея ему не удастся поживиться, такъ какъ имъ завладѣли уже другіе родственники. Бальзамо пришлось удовольствоваться унаслѣдованіемъ ея имени; съ этого времени онъ и сталъ называться графомъ Каліостро.

Наши путники побывали въ Египтѣ и тамъ выдѣлывали какія-то ярко, подъ золото окрашенныя ткани, имѣвшія большой сбытъ; Альтотасъ, видимо обладалъ какими-то секретами изъ области химической технологіи. Изъ Египта они перебрались на островъ Родосъ; отсюда попали на Мальту, гдѣ случай послалъ имъ добрую добычу — они познакомились съ гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена, Пинто. Дѣло въ томъ, что этотъ рыцарь былъ преданнѣйшій старатель на поприщѣ тайныхъ наукъ. Онъ не только искалъ философскій камень и варилъ золото, но и охотно вѣрилъ въ колдовство и всякія таинственныя силы. Онъ цѣлые дни проводилъ въ своей алхимической лабораторіи. Стоило Альтотасу выдать себя за алхимика, какъ Пинто широко открылъ передъ нимъ свои объятія и свой объемистый кошелекъ. Альтотасъ и Бальзамо немедленно водворились во дворцѣ гросмейстера, и пошла у нихъ дѣятельная стряпня элексира вѣчной юности и философскаго камня. Не подлежитъ сомнѣнію, что злополучный гросмейстеръ истратилъ на эти опыты громадныя суммы и нѣчто изъ этого расхода попало въ карманы Альтотаса и его ученика. Долго ли, коротко ли шли эти опыты, кончились они тѣмъ, что Альтотасъ вдругъ исчезъ. Объ его исчезновеніи осталось два преданія; по одному—онъ будто бы внезапно растаялъ въ воздухѣ на глазахъ самого гроссмейстера, и тотъ его только и видѣлъ. По другому же, болѣе вѣроятному сказанію, гросмейстеръ, убѣдившись, что проходимецъ водитъ его за носъ, распорядился... уволить его отъ жизни. Но и это сказаніе не хорошо вяжется съ тѣмъ фактомъ, что Каліостро не только остался цѣлъ и невредимъ, но даже былъ отпущенъ съ Мальты съ честью и получилъ рекомендательныя письма отъ гросмейстера къ разнымъ лицамъ. Въ одно время съ Каліостро отбылъ съ Мальты кавалеръ д'Аквино, и гросмейстеръ рекомендовалъ молодого путешественника его особливому вниманію. Прибыли въ Неаполь. Здѣсь Каліостро сумѣлъ весьма успѣшно поддержать свое графское достоинство и у него были хорошія деньги—очевидно, плоды его алхимическихъ работъ у Пинто, а покровительство аристократа д'Аквино открыло ему доступъ въ высшій свѣтъ. Скоро случай опять послалъ ему такую же поживу, какъ и на Мальтѣ. Онъ встрѣтилъ какого-то графа—опять-таки любителя тайныхъ наукъ, который, прельстившись обширными познаніями Каліостро въ алхиміи, уговорилъ его поѣхать съ нимъ въ Сицилію и тотъ согласился. Между тѣмъ, это было не совсѣмъ для него безопасно, потому что въ Сициліи его уже знали. Тотчасъ, по прибытіи туда, онъ повстрѣчался съ однимъ изъ своихъ старыхъ пріятелей, отъявленнымъ

мошенникомъ. Тотъ началъ его разспрашивать, куда онъ ѣдетъ. Каліостро отвѣчалъ, что ѣдетъ дѣлать золото къ сицилійскому графу. «Брось, не стоитъ,—уговаривалъ его пріятель,—давай лучше добывать золото на другой манеръ,—откроемъ въ компаніи игорный домъ». Это предложеніе соблазнило Каліостро. Но едва они приступили къ своему артистическому путешествію, какъ нарвались на скверную исторію: ихъ арестовали по подозрѣнію въ увозѣ какой-то дѣвицы. Такъ какъ они въ этомъ были неповинны, то имъ удалось отдѣлаться очень скоро; но возня съ полиціею очень не понравилась Каліостро и онъ поспѣшилъ направиться въ Римъ. Здѣсь ему захотѣлось прежде всего немножечко пообѣлиться въ мнѣніи публики. Деньги у него были и потому онъ могъ жить даже долгое время тихо и благородно; онъ ходилъ ежедневно въ церковь и укрѣпилъ за собою репутацію образцоваго молодого человѣка. О немъ случайно услыхалъ тогдашній посланникъ отъ Мальтійскаго ордена при папскомъ дворѣ, и узнавъ, что ему покровительствовалъ графъ д'Аквино, самъ принялся ему покровительствовать и ввелъ его въ аристократическіе дома. Каліостро очаровывалъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ розсказнями о своихъ чудесныхъ приключеніяхъ; иногда, подъ рукою, онъ снабжалъ нуждающихся разными элексирами, за которые получалъ хорошую мзду. Дѣла его шли вообще хорошо. Онъ былъ почтителенъ, скроменъ, на него можно было положиться; въ его громадныхъ свѣдѣніяхъ по части тайныхъ наукъ ни у кого не было сомнѣнія.

Къ этому времени относится и женитьба Каліостро. Лоренца Феличьяни (или Серефима, впослѣдствіи) была дѣвушка простого званія, даже, кажется, неграмотная, дочь какого-то слесаря. Она прельстила авантюриста своею замѣчательною красотою. Онъ тотчасъ сообразилъ, что съ такою супругою, если ее какъ слѣдуетъ обтесать, умный человѣкъ никогда не пропадетъ. Что касается до самой дѣвушки и ея родителей, то съ ихъ стороны не могло быть препятствій. Женихъ былъ молодъ, недуренъ собою, графъ, богачъ; партія во всѣхъ отношеніяхъ блестящая. Свадьба состоялась.

Вскорѣ послѣ женитьбы, Каліостро приступилъ къ обработкѣ ума и сердца своей юной супруги, сообразно съ своими видами и соображеніями. Онъ началъ толковать ей объ относительности понятій добродѣтели и супружеской чести, о томъ, что надо прежде всего умѣть пользоваться своими природными дарами и талантами и что такая вещь, какъ измѣна, буде она предпринимается съ вѣдома супруга и въ его несомнѣнномъ интересѣ, отнюдь не можетъ быть поставлена супругѣ въ осужденіе. Такія правила представляли для молоденькой женщины ужасъ новизны и она поспѣшила сообщить родителямъ о своихъ бесѣдахъ съ мужемъ. Старики Феличьяни были страшно взбѣшены и хотѣли расторгнуть бракъ, но Лоренца уже успѣла привязаться къ мужу и ее трудно было уговорить. Кончилось тѣмъ, что молодые окончательно разсорились съ родителями жены и стали жить отдѣльно.

Въ это время Каліостро подружился съ какими-то двумя проходимцами (одинъ изъ нихъ вскорѣ былъ даже повѣшенъ) и занялся дѣятельною фабрикаціею фальшивыхъ документовъ. Продѣлки ихъ, конечно, обнаружились. Они всѣ бѣжали въ Венецію, но ихъ пере-

хватили по дорогѣ въ Бергамо. Каліостро съ женою были освобождены, потому что умѣли какъ-то спрятать концы въ воду и ихъ ни въ чемъ нельзя было изобличить. Но когда ихъ выпустили, оказалось, что ихъ общая касса расхищена однимъ изъ компаньоновъ, скрывшимся невѣдома куда. Супруги остались въ чужомъ городѣ буквально безъ гроша. Вотъ тогда-то и было ими затѣяно путешествіе по святымъ мѣстамъ въ одеждѣ богомольцевъ, во время котораго ихъ встрѣтилъ Казанова; эта встрѣча уже описана въ началѣ первой главы.

Положеніе богомольцевъ-странниковъ доставляло извѣстныя преимущества, которыми можно было воспользоваться. Богомолецъ—человѣкъ Божій; ему дается даромъ одежда, кровъ, пища; въ качествѣ странника можно нѣкоторое время благополучно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, во-первыхъ, безъ гроша въ карманѣ, а во-вторыхъ, подъ покровительствомъ общаго уваженія. А тамъ мало ли чего сулятъ многочисленныя дорожныя встрѣчи и приключенія! И они пошли и не ошиблись въ разсчетѣ; хорошенькой богомолкѣ подавали, на дорожку, щедрою рукою, очень часто серебряныя и золотыя монетки; мы видѣли, что въ Э за обѣдомъ въ гостинницѣ супруги собрали около двухсотъ франковъ. Они тогда увѣряли всѣхъ встрѣчныхъ, что пробираются въ Компостелло, къ св. Іакову, или, что идутъ уже обратно оттуда. На самомъ же дѣлѣ они тамъ не были, а добрались только до Барселоны. Въ этомъ городѣ они застряли—трудно понять изъ-за чего—на цѣлые полгода. Средства ихъ истощились и пришлось вновь подниматься на выдумки. Каліостро выдалъ себя за знатнаго римлянина, вступившаго въ тайный бракъ и принужденнаго временно скрываться отъ родныхъ. Этимъ объяснялось и его пилигримство, и его безденежность. Нашлись люди, которые этому повѣрили, начали величать его «превосходительствомъ» и даже дали денегъ; но оффиціальныя лица возъимѣли какія-то подозрѣнія и потребовали бумаги, а бумагъ никакихъ не было. Но тутъ ихъ обоихъ выручила та покладистая супружеская мораль, которую Каліостро внушилъ своей супругѣ; она обратилась къ защитѣ какого-то знатнаго богача и такъ обернула дѣло, что они живо выпутались изъ всякихъ затрудненій, да еще добыли себѣ крупную сумму на дорогу. Теперь можно было тронуться далѣе. Побывали въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Здѣсь Каліостро встрѣтился съ какой-то англичанкою, и отъ нея позаимствовался свѣдѣніями въ англійскомъ языкѣ. Это было новое орудіе въ добрыхъ рукахъ; зная языкъ, можно было навѣдаться и въ Англію. Поѣхали въ Англію. Здѣсь Лоренца начала съ того, что вскружила голову какому-то богатому цѣнителю дамскихъ прелестей; она назначила ему свиданіе, конечно, предупредивъ обо всемъ мужа, который въ надлежаще избранный моментъ и накрылъ парочку. Любителю пришлось откупиться отъ непріятностей сотнею фунтовъ стерлинговъ; это было не дурно для начала. А потомъ все пошло, какъ по маслу: во все время этого перваго визита въ Англію Каліостро пропитывался разными продѣлками, въ которыхъ главную роль играла его супруга. Однако, англичане туго подавались на прелести хорошенькой итальянской графини; бывали у супруговъ и совсѣмъ голодные дни, задолжали они и за квартиру; дошло до того, что нашъ герой попалъ за долги въ тюрьму; выручила всетаки Лоренца, если не своими преле-

стями, то своею трогательною безпомощностью на чужой сторонѣ; она разжалобила какого-то богача и тотъ выкупилъ Каліостро.

Они рѣшили уѣхать изъ негостепріимной Англіи во Францію—широкое поле дѣятельности авантюристовъ и шарлатановъ. Еще по дорогѣ, въ Дуврѣ, познакомились они съ какимъ-то богатымъ французомъ, который, посмотрѣвъ взоромъ знатока и цѣнителя на прелестную графиню, рѣшилъ принять участіе въ издержкахъ по путешествію супруговъ. У француза съ Лоренцою дѣло сладилось очень прочно. Долгое время этотъ французъ просто-на-просто содержалъ обоихъ супруговъ, такъ что они катались, какъ сыръ въ маслѣ; потомъ французъ, надо полагать, постепенно внушилъ молодой женщинѣ, что не въ примѣръ благоразумнѣе ей бросить своего проходимца мужа, съ которымъ ей ничего, кромѣ голода и тюрьмы, не улыбается и жить съ нимъ, человѣкомъ богатымъ и ведущимъ себя хорошо. Лоренца, подготовленная къ такой перемѣнѣ судьбы усердными наставленіями мужа, разсудила, что ея обожатель вполнѣ правъ, и скоро переѣхала на отдѣльную квартиру. Но тутъ Каліостро вдругъ сталъ строгимъ мужемъ; онъ подалъ жалобу на свою жену и добился таки, что ее посадили въ тюрьму, и тамъ она просидѣла нѣсколько мѣсяцевъ, пока обиженный мужъ не простилъ ея. Послѣ того супруги помирились и стали опять жить совмѣстно, какъ ни къ чемъ не бывало. Эта исторія въ свое время разгласилась въ Парижѣ; ее припоминали во время второго нашествія Каліостро на Парижъ; но Каліостро упорно отрицалъ ее, онъ утверждалъ даже, что совсѣмъ никогда прежде не бывалъ въ столицѣ Франціи. Но отъ перваго визита, къ сожалѣнію, остались слѣды въ видѣ долговъ, которые супругами не были тогда уплачены, и даже принудили ихъ бѣжать изъ Франціи.

Въ то время Каліостро умчался въ Брюссель, а оттуда двинулся въ Германію. Объѣхавъ эту страну, онъ вновь появился на родинѣ и добрался даже до Палермо. Но это была неосторожность; въ Палермо онъ какъ разъ нарвался на своего лютаго врага, ростовщика Мурано, котораго наказалъ на 60 унцій золота. Ростовщикъ подалъ на него жалобу и заточилъ въ темницу; но Каліостро живо выпутался съ помощью какого-то знатнаго богача, къ которому запасся рекомендательнымъ письмомъ. Освободившись отъ узъ, Каліостро уѣхалъ въ Неаполь; тамъ нѣкоторое время онъ жилъ уроками, но скоро соскучился и перебрался въ Марсель. По пословицѣ—на ловца и звѣрь бѣжитъ, Каліостро тотчасъ повстрѣчалъ какую-то богатую старушку, преданную изученію тайныхъ наукъ; у старушки былъ давнишній другъ-пріятель, тоже богачъ и алхимикъ; оба, что называется, такъ и вцѣпились въ Каліостро, и онъ весьма долгое время упражнялся съ ними въ варкѣ жизненнаго эликсира. Наконецъ, оба они надоѣли ему до смерти и чтобъ отъ нихъ отдѣлаться, онъ увѣрилъ ихъ, что ему для варки снадобья нужно добыть что-то, какую-то траву, за которою надо самому съѣздить куда-то за тридевять земель. Старички дали ему на дорогу каждый по туго набитому мѣшечку золота.

Объѣхавъ югъ Испаніи и мимоходомъ обобравъ въ Кадиксѣ какого-то любителя алхиміи, Каліостро вновь появился въ Лондонѣ. Здѣсь случай свелъ его съ какими-то чудаками, всю свою жизнь посвятившими открытію способа безошибочно угадывать выигрышные номера

лотерейныхъ билетовъ. Каліостро тотчасъ повѣдалъ имъ, что ему извѣстны такіе способы астрономическихъ изъясненій, посредствомъ которыхъ можно угадывать эти номера безошибочно. И какъ нарочно, первый же указанный имъ номеръ случайно выигралъ крупную сумму. Конечно, послѣ этого ему невозможно было не вѣрить, и когда онъ вслѣдъ затѣмъ объявилъ своимъ чудакамъ, что умѣетъ дѣлать брилліанты и золото, то они тотчасъ безпрекословно выдали ему крупную сумму денегъ на опыты. Не лишена интереса развязка этого дѣла. Кончилось оно тѣмъ, что золотоискатели, понявъ, что ихъ одурачиваютъ, подали на кудесника жалобу. Его притянули къ суду, но онъ очень развязно отъ всего отперся: — никакихъ онъ денегъ не бралъ, а кабалистикою, точно, занимается, но только лишь для собственнаго удовольствія и никогда ни съ кого за это денегъ не беретъ. Билеты съ выигрышемъ угадывать умѣетъ и даже предложилъ судьямъ указать номеръ, который возьметъ главный выигрышъ въ ближайшій розыгрышъ. Изъ дѣла онъ выпутался благополучно, и на этомъ, кажется, и покончилъ свой первый періодъ жизни—періодъ мелкаго жульничества.

Каліостро, безъ сомнѣнія, давно уже зналъ о франкъ-масонахъ, но до сихъ поръ какъ-то не находилъ нужнымъ остановить на нихъ своего вниманія. Теперь же, въ Лондонѣ, онъ столкнулся съ кѣмъ-то, принадлежащимъ къ этой сектѣ, и рѣшилъ самъ примкнуть къ ней. Онъ видѣлъ Востокъ самъ, вѣроятно, наслушался о немъ немало отъ Альтотаса и зналъ, какое обаяніе это слово «Востокъ» производитъ на любителей чудеснаго и таинственнаго въ Европѣ. Его осѣнила новая мысль; онъ задумалъ эксплуатировать человѣческую глупость гораздо глубже, по болѣе широкой программѣ, нежели дѣлалъ это раньше путемъ мелкихъ жульническихъ продѣлокъ. Раньше онъ былъ чуть не карманникомъ, которому на каждомъ шагу грозила тюрьма и висѣлица; теперь онъ задумалъ стать тузомъ, знаменитостью, передъ которою склонятся самыя гордыя и властныя головы.

Обдумавъ дѣло, онъ порѣшилъ, что на обыкновенномъ, европейскомъ масонствѣ далеко не уѣдешь. Масоны—народъ осторожный и, главное, неторопливый; принявъ новаго члена, они чрезвычайно долго и внимательно испытываютъ его, пока дадутъ ему сдѣлать шагъ впередъ по лѣстницѣ масонскаго чиноначалія. Пришлось бы слишкомъ долго ждать, чтобы добиться отъ масонства чего-либо существеннаго. Поэтому Каліостро придумалъ свое собственное масонство, египетское; и не успѣли его единомышленники, что называется, оглянуться, какъ нашъ герой уже оказался на самой вершинѣ этого масонства, его верховнымъ главою, великимъ кофтомъ, какъ называлъ онъ самъ себя. Но что собственно онъ проповѣдывалъ?

Масоны того времени представляли собою мистиковъ, стремившихся къ разгадкѣ какихъ-то необычайныхъ таинствъ, пропитывающихъ собою все существующее. Они представляли себѣ міръ, какъ игралище безплотныхъ силъ. Сонмы этихъ силъ, духовъ или геніевъ, съ цѣлою лѣстницею степеней и чиновъ, управляютъ всѣмъ сущимъ; но ихъ два лагеря — духи злые и добрые, и, конечно, оба лагеря пребываютъ въ вѣчной борьбѣ, главнымъ образомъ, разумѣется, изъ-за душъ человѣческихъ. Задача масонства заключалась въ томъ, чтобы

заполучить въ свое распоряженіе власть надъ этими духами; человѣкъ, вооруженный этою властью, можетъ творить, что ему угодно: лечить болѣзни, превращать старца въ юношу, дѣлать серебро и золото и т. д. Конечно, для того, чтобы творить эти чудеса, надо достигнуть сначала высшихъ степеней духовнаго совершенства. Каліостро, какъ человѣкъ смѣтливый, прямо съ того и началъ, что, помѣстился на самой высшей ступени, объявилъ себя великимъ главою настоящаго, самаго древняго, основаннаго ветхозавѣтными патріархами египетскаго масонства.

Казалось бы, нашъ герой затѣялъ ересь, расколъ въ средѣ масонства, и долженъ былъ бы нажить себѣ враговъ въ лицѣ чистыхъ масоновъ. Ничуть не бывало. Они поняли, что враждою съ нимъ только ослабятъ себя, а главное выдадутъ себя, раскроютъ часть своей таинственности, которою они всегда дорожатъ болѣе, чѣмъ всѣми другими статьями своего вѣроученія. Ловкость и пронырливость Каліостро была у нихъ на виду; нажить себѣ въ такой личности врага было неблагоразумно, гораздо умнѣе было сдѣлать изъ него друга и союзника. Пусть онъ проповѣдуетъ свое особое масонство. По существу его масонство почти ни въ чемъ не отступаетъ отъ настоящаго, и такимъ образомъ, привлекая сторонниковъ къ своему египетскому масонству, Каліостро въ сущности работаетъ на пользу общаго дѣла. И вышло, въ концѣ концовъ, что масоны не только не враждовали съ Каліостро, а, напротивъ, щедрѣйшимъ образомъ ему помогали; объ этомъ надо заключить по внезапно появившимся въ его рукахъ громаднымъ средствамъ. Онъ вдругъ превратился въ большого барина, имѣющаго возможность бросать деньги горстями направо и налѣво. Онъ разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто цѣлымъ поѣздомъ, въ нѣсколько экипажей, окруженный толпою слугъ, одѣтыхъ въ богатѣйшія ливреи; въ Парижѣ, напримѣръ, онъ платилъ за одежду своихъ лакеевъ по 100 рублей—расходъ неимовѣрный по тому времени.

Каліостро обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ одурачиванья. Помимо роскошной внѣшней обстановки, которая уже сама по себѣ много значила, онъ умѣлъ еще поговорить и блеснуть своими знаніями и очаровать заманчивыми тайнами своего новаго ученія и сложною обрядностью посвященія въ свое масонство. Охотники до чудеснаго валили къ нему толпою, и всего любопытнѣе то обстоятельство, что въ числѣ охотниковъ пристать къ новому масонству оказалось множество усердныхъ членовъ стараго; они измѣняли старой вѣрѣ и перекрещивались въ новую.

Привлекая новообращенныхъ, Каліостро, конечно, долженъ же былъ чѣмъ-нибудь прельщать ихъ. Онъ сулилъ имъ прежде всего полное духовное и физическое совершенство—здоровье, долговѣчность и высшую душевную красоту. Предѣльнымъ низшимъ возрастомъ для достиженія этихъ благъ полагался возрастъ для кавалеровъ—50 лѣтъ, для дамъ—36. Черта благоразумная. Каліостро не хотѣлъ привлекать къ себѣ легкомысленную молодежь. Новопосвящавшіеся выдерживали строгій и продолжительный искусъ; надо было занять ихъ время и поразить воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было ограничить процедуру всеобщаго перерожденія человѣка выдачею ему простой квитанціи въ томъ, что онъ сопричисленъ къ лику перерожденныхъ!

Кандидатъ въ блаженные прежде всего подвергался сорокадневному строгому посту и уединенію, съ предписаніемъ множества мелкихъ правилъ, наблюденіе которыхъ съ пользою заполняло его досуги и распаляло воображеніе. Сверхъ того—это то же надо замѣтить—всякій неуспѣхъ въ обѣтованномъ перерожденіи можно было потомъ съ большимъ успѣхомъ объяснять отступленіями отъ этихъ предписаній; человѣкъ не достигъ совершенства, потому что не исполнилъ какъ слѣдуетъ всего, что отъ него требовалось. Во все время поста обращаемый принималъ какіе-то эликсиры, пилюли и капли, данные ему кудесникомъ. Постъ надо было начинать не когда вздумается, а непремѣнно съ весенняго новолунія. Въ извѣстный день поста новичекъ подвергался кровопусканію и бралъ ванну съ какимъ-то, должно полагать, весьма крѣпкимъ металлическимъ ядомъ, вродѣ сулемы, потому что у него появлялись признаки настоящаго отравленія: судороги, лихорадка, дурнота и сверхъ того выпадали волосы и зубы,—признаки подозрительные, напоминающіе ртутное отравленіе. Каліостро, какъ показало разслѣдованіе его врачебной дѣятельности, вообще не церемонился съ сильнодѣйствующими средствами. Выдержавшимъ полный искусъ и повторившимъ его черезъ полстолѣтія послѣ посвященія, Каліостро гарантировалъ пятерной Мафусаиловскій вѣкъ—5557 лѣтъ жизни. Въ это время Каліостро, какъ Сенъ-Жерменъ и многіе другіе изобрѣтатели жизненнаго эликсира, утверждалъ, что самъ онъ живетъ чуть не отъ сотворенія міра; онъ выдавалъ себя за современника Ноя и утверждалъ, что вмѣстѣ съ нимъ спасся отъ всемірнаго потопа. Это очень смѣшно, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многозначительно, такъ какъ даетъ ключъ къ уразумѣнію умственнаго уровня среды, гдѣ Каліостро набиралъ своихъ приверженцевъ. Каліостро нѣкоторое время упражнялся въ Англіи, потомъ во Франціи, а къ концу 70 годовъ прошлаго вѣка попалъ въ Германію. Вся эта страна въ то время бредила высшими и тайными науками; вездѣ процвѣтали клубы разныхъ иллюминатовъ, масоновъ, розенкрейцеровъ; цѣлые клубы и общества гуртомъ и скопомъ варили жизненные эликсиры и готовили философскій камень и золото. Тутъ нашему герою было полное раздолье. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обладалъ высшимъ талантомъ одурачиванія публики, иначе нечѣмъ было бы объяснить ту славу, которой онъ сумѣлъ окружить свое имя. Въ особой брошюрѣ, изданной въ Страсбургѣ на французскомъ языкѣ въ 1786 году, разсказывается цѣлый рядъ настоящихъ чудесъ, сотворенныхъ имъ въ Германіи. Здѣсь мы кстати должны упомянуть о томъ, что этихъ брошюрокъ, спеціально прославлявшихъ кудесничество Каліостро, вышла цѣлая куча и многія изъ нихъ немедленно переводились на иностранные языки. Знаменитое его оправданіе по дѣлу объ ожерельи королевы было немедленно переведено даже на русскій языкъ и вдобавокъ вышло одновременно въ двухъ изданіяхъ—петербургскомъ и московскомъ. Изъ этого можно судить, до какой степени вся Европа была наполнена славою этого проходимца, если при жалкой скудости нашей тогдашней литературы и при ограниченномъ кругѣ читающей публики издатели всетаки смѣло разсчитывали на сбытъ книжекъ.

Существуетъ—въ одной изъ этихъ безчисленныхъ брошюрокъ о Каліостро—разсказъ о томъ, что въ Голштиніи онъ повстрѣчался съ еще болѣе таинственнымъ шарлатаномъ, чѣмъ онъ самъ, съ гра-

фомъ Сенъ-Жерменомъ, о которомъ мы уже упоминали по запискамъ Казановы, и которому потомъ посвятимъ отдѣльный очеркъ. Здѣсь мы не будемъ входить въ подробности, а упомянемъ только, что, судя по этой книжкѣ, Каліостро отнесся къ Сенъ-Жермену съ величайшимъ подобострастнымъ почтеніемъ и молилъ посвятить его во всѣ таинства, которыми обладалъ графъ-чудодѣй. Сенъ-Жерменъ снизошелъ на его просьбу и продѣлалъ будто бы надъ нимъ и его женою какую-то сложную и довольно мучительную процедуру обращенія. Но во что собственно, въ какую вѣру или какую секту были обращены или посвящены супруги—это весьма затруднительно уразумѣть. Это было что-то вродѣ духовнаго возрожденія или перерожденія. Но неужели такой опытный жуликъ, какъ Каліостро, могъ вѣрить въ это перерожденіе? Конечно, нѣтъ, и вся эта исторія, быть можетъ, не безъ вѣдома и даже не безъ внушенія со стороны самого героя, сочинена кѣмъ-нибудь изъ его усердныхъ почитателей.

Теперь мы подошли къ самой интересной для насъ полосѣ дѣятельности Каліостро — къ его пребыванію у насъ въ Россіи. Какъ ни гремѣла его слава въ Германіи, онъ, какъ человѣкъ неглупый, все же понималъ, что при его образѣ жизни и дѣятельности подолгу засиживаться на мѣстѣ не годится; самая профессія побуждала его вести странствующую жизнь. Притомъ же, сколь ни легковѣрно было общество, въ которомъ онъ пожиналъ лавры, все же и среди него находились люди съ достаточно здравымъ сужденіемъ, чтобы проникнуть въ истинную, т. е. чисто шарлатанскую суть его дѣятельности. Такъ, въ Кенигсбергѣ его встрѣтили далеко не привѣтливо. Тамъ въ то время жилъ умный и серьезно образованный епископъ Боровскій, который успѣлъ настроить противъ шарлатана мѣстное общество. Надо было заблаговременно, прежде чѣмъ успѣла образоваться хорошо сплотившаяся враждебная партія, перекочевать на другое мѣсто, предоставивъ нѣмцамъ время предать его нѣкоторому забвенію. Слава его не сгинетъ, ибо изъ новыхъ мѣстъ дѣятельности будутъ долетать до прежнихъ извѣстія о его новыхъ чудесахъ, притомъ извѣстія, преувеличенныя разстояніемъ, значитъ особо выгодныя для нашего героя. Передъ нимъ лежала громадная полудикая страна, едва лишь тронутая европейскимъ образованіемъ, — наша матушка Россія. Онъ рѣшился попытать тамъ свое счастье.

Въ 1779 году Каліостро появился въ Митавѣ. Надо замѣтить, что здѣсь его уже ожидала важная пособница, одна изъ наивнѣйшихъ и преданнѣйшихъ его почитательницъ, Элиза фонъ-деръ-Рекке, урожденная графиня Медемъ. Эта дама внесла свою скромную лепту въ сокровищницу каліостровской литературы въ видѣ брошюры подъ заголовкомъ: «Nachricht von der berüchtigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779». (Извѣстіе о пребываніи славнаго Каліостро въ Митавѣ въ 1779 г.). Къ приверженцамъ Каліостро принадлежала не только сама эта дама, но и ея родственники, графы Медемы, которые были масонами и усердными алхимиками.

Нечего и говорить о томъ почтительномъ восторгѣ, съ какимъ г-жа Рекке и ея родня приняли Каліостро. Они поспѣшили ввести его въ лучшіе дома города, перезнакомили со всею мѣстною знатью. Всѣ были сильно возбуждены, всѣ ждали отъ волшебника чудесъ, и при-

шлось, конечно, показывать чудеса. Но сначала скажемъ два слова о впечатлѣніи, которое производилъ въ то время Каліостро своею личностью. Онъ былъ на видъ похожъ на разряженнаго лакея; его необразованность бросалась въ глаза съ перваго взгляда, онъ даже писать не могъ безъ грубыхъ ошибокъ. По-французски онъ говорилъ плохо, употреблялъ много грубыхъ, простонародныхъ выраженій; даже на родномъ итальянскомъ языкѣ онъ, строго говоря, не умѣлъ объясняться; имъ не былъ усвоенъ литературный итальянскій языкъ (тосканское нарѣчіе) и говорилъ онъ на угловатомъ и шипящемъ сицилійскомъ нарѣчіи. Казалось, было чѣмъ смутиться каждому, кто сталкивался съ такою неуклюжею фигурою, но почитателей это нисколько не смущало: они объясняли его огрубѣніе долговременнымъ пребываніемъ на Востокѣ. Велъ онъ себя, надо правду сказать, безукоризненно, не предавался ни обжорству, ни пьянству, ни какимъ вообще излишествамъ; онъ проповѣдывалъ воздержаніе и чистоту нравовъ и первый подавалъ тому примѣръ. На вопросы о цѣли его прибытія въ Россію онъ отвѣчалъ, что, будучи главою египетскаго масонства, онъ возымѣлъ намѣреніе распространить свое ученіе на дальнемъ сѣверо-востокѣ Европы и съ этою цѣлью будетъ стараться основать въ Россіи масонскую ложу, въ которую будутъ приниматься и женщины. Первая ложа очень быстро сформировалась въ Митавѣ и въ нее попало много знатныхъ людей обоего пола. Черезъ нѣсколько времени онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ своихъ митавскихъ почитателей и устроилъ для нихъ волшебный сеансъ. Для этого ему требовался мальчикъ; онъ избралъ его изъ семейства Медемъ. Бѣдный мальчуганъ былъ прежде всего вымазанъ какимъ-то «елеемъ премудрости», отъ котораго его ударило въ обильный потъ; затѣмъ Каліостро проговорилъ надъ нимъ какое-то заклинаніе. Послѣ того на головѣ и рукахъ ребенка онъ начерталъ таинственныя фигуры и велѣлъ мальчику смотрѣть себѣ на руку. Мальчикъ былъ надлежаще подготовленъ, пріобрѣлъ даръ ясновидѣнія. Тогда Каліостро вопросилъ отца этого мальчика, что желаетъ онъ, чтобы его сынъ увидалъ? Отецъ выразилъ желаніе, чтобы дитя увидѣло свою мать и сестру, которыя оставались дома. Каліостро вновь пробормоталъ заклинаніе и спросилъ мальчика, что онъ видитъ. Тотъ отвѣчалъ, что видитъ мать и сестру. «А что дѣлаетъ твоя сестра?» — «Она держитъ руку у сердца, словно оно у ней болитъ... а теперь пришелъ домой братъ и она его цѣлуетъ». Опытъ чародѣйства былъ не изъ очень убѣдительныхъ, но онъ былъ достаточно убѣдителенъ для окружавшей Каліостро публики, которая и безъ того слѣпо увѣровала въ шарлатана.

Въ другой разъ онъ во время сеанса въ домѣ графа Медемъ попросилъ сказать ему имена двухъ уже умершихъ людей изъ семьи Медемъ. Онъ написалъ эти имена на бумажкѣ, окруживъ ихъ разными чертежами, потомъ сжегъ эту бумажку и ея золою натеръ голову того же самаго мальчика, который помогалъ ему при прежнемъ сеансѣ. Послѣ этой подготовки онъ увелъ мальчика въ сосѣднюю комнату и тамъ заперъ, предваривъ присутствовавшихъ, что ребенокъ увидитъ въ той комнатѣ великія чудеса. Зрителей онъ усадилъ передъ дверью и приказалъ имъ хранить полное молчаніе и неподвижность, пристращавъ, что малѣйшее нарушеніе этого приказанія можетъ повлечь за собою большую бѣду. Усадивъ свою публику, онъ самъ вооружился шпагою и

началъ размахивать ею, гримасничать и ломаться, произнося при этомъ разныя дикія слова. Случилось, что кто-то изъ публики шевельнулся, и Каліостро въ страшномъ волненіи и гнѣвѣ кинулся къ провинившемуся и закричалъ, что если кто-нибудь хоть пикнетъ или шевельнется, то всѣ присутствующіе сгинутъ тутъ же на мѣстѣ. Накривлявшись вдоволь, онъ крикнулъ мальчику сквозь дверь, чтобы тотъ сталъ на колѣни и говорилъ, что онъ видитъ. Оказалось, что мальчикъ видитъ какого-то юношу. Каліостро сталъ ему задавать вопросы или, вѣрнѣе, подсказывать, что онъ долженъ еще увидѣть, и мальчуганъ все это видѣлъ, описывалъ наружный видъ видѣнныхъ лицъ, цѣловалъ ихъ и т. д. Въ концѣ концовъ мальчугану якобы показался какой-то высокій мужчина въ бѣломъ одѣяніи съ краснымъ крестомъ на груди. Каліостро велѣлъ мальчику поцѣловать ему руку, а затѣмъ сталъ просить невидимаго крестоносца, чтобы онъ взялъ этого ребенка подъ свое покровительство. Потомъ онъ быстро распахнулъ дверь, вывелъ мальчика и самъ тутъ же упалъ безъ чувствъ! Вся сцена, конечно, произвела значительный эффектъ. Къ кудеснику кинулись на помощь, привели его въ чувство; онъ просилъ всѣхъ опять притихнуть попрежнему и вышелъ въ ту комнату, гдѣ былъ запертъ ребенокъ. Дверь онъ заперъ. Скоро мертвое безмолвіе той комнаты нарушилось какими-то невнятными звуками; потомъ послышался шумъ, наконецъ настоящій грохотъ, и скоро оттуда вышелъ самъ кудесникъ съ весьма довольнымъ выраженіемъ лица. Онъ объявилъ присутствовавшимъ, что одинъ изъ персонажей, являвшихся мальчику, чѣмъ-то провинился передъ нимъ и онъ сейчасъ покаралъ его за это; затѣмъ онъ предсказалъ, что на другой день мальчуганъ, жертва его заклинаній, будетъ хворать. Это оправдалось, но сама Рекке припоминаетъ, что за день передъ тѣмъ мальчикъ обѣдалъ наединѣ съ Каліостро, и что тотъ ему давалъ внутрь какое-то лекарство.

Былъ еще опытъ съ отысканіемъ клада. На этотъ разъ кладъ состоялъ не изъ вещественныхъ, а изъ духовныхъ сокровищъ—книгъ и рукописей магическаго содержанія, зарытыхъ будто бы 600 лѣтъ тому назадъ на землѣ графа Медемъ, жившимъ въ то время въ тѣхъ мѣстахъ великимъ волшебникомъ. Кладъ, конечно, стерегутъ злые духи, но Каліостро, сумѣвшій узнать о самомъ кладѣ, брался, разумѣется, и добыть его, хотя предупредилъ, что это предпріятіе сопряжено съ ужасными опасностями. Но дѣлать нечего, надо рискнуть, потому что если этотъ кладъ достанется въ руки приверженцамъ черной магіи, то міръ ожидаютъ безчисленныя бѣдствія, и, наоборотъ, если поспѣшатъ и овладѣютъ добычею бѣлые маги, то могутъ осчастливить все человѣчество. Значитъ, было изъ-за чего постараться. Каліостро началъ съ того, что рекомендовалъ всей семьѣ и домочадцамъ Медемъ соединить ихъ молитвы съ его молитвами, чтобы небо даровало имъ успѣхъ. Затѣмъ онъ указалъ въ точности ту мѣстность, гдѣ слѣдуетъ искать кладъ. Для большей убѣдительности онъ вновь заколдовалъ того же мальчика Медемъ, и тотъ оповѣстилъ, что видитъ нѣдра земли и въ нихъ груды золота и бумаги. Теперь надо было сначала одолѣть злого духа, стерегущаго кладъ; эта операція, подробности которой магъ хранилъ въ секретѣ, продолжалась нѣсколько дней подъ-рядъ. Наконецъ, онъ объявилъ, что врагъ побѣжденъ и что можно приступить къ открытію

клада. Но дѣло какъ-то было отложено еще на нѣкоторое время, а потомъ нашъ кудесникъ умчался въ Петербургъ.

Въ Митавѣ его дѣла дали въ общемъ выводѣ превосходный итогъ. Всѣ были имъ успѣшно одурачены, ни одного протестующаго голоса не поднялось. Ему дали рекомендательныя письма въ Петербургъ, которыя сразу открывали ему доступъ въ высшій кругъ столичной аристократіи. Онъ мечталъ распространить тамъ свое масонство. Для того, чтобы окончательно упрочить за собою успѣхъ, онъ уговорилъ ѣхать съ собою въ Петербургъ г-жу Рекке, которая окончательно увѣрилась въ его сверхъестественномъ могуществѣ и стала слѣпымъ оружіемъ въ его рукахъ. Столица сулила ему богатую добычу; онъ, впрочемъ, и въ Митавѣ хорошо поживился: многіе изъ новообращенныхъ масоновъ почтили его щедрыми подарками, деньгами и вещами, и онъ принималъ ихъ безъ церемоніи. Къ сожалѣнію, разсчеты его на г-жу Рекке провалились по его же собственной винѣ. Мы уже упомянули о томъ, что въ сущности этотъ графъ-кудесникъ былъ грубое животное, неотесанный сицилійскій мужикъ. Однажды въ кругу семьи Медемъ его внезапно обуялъ духъ бахвальства самаго дурного тона: онъ началъ хвастать, что ни одна женщина не устоитъ передъ нимъ, ибо ему извѣстенъ секретъ, какъ ихъ покорять немедленно и навѣрняка. Мало-по-малу, войдя во вкусъ, онъ углубился въ такія подробности процедуры покоренія, что присутствовавшіе нашли себя вынужденными насильно заткнуть этотъ прорвавшійся фонтанъ грязнаго краснорѣчія. На этой бесѣдѣ присутствовала и г-жа Рекке. Особа въ высшей степени скромная и глубоко-нравственная, она была не только возмущена, но и испугана выходкою своего идола. Правда, она объяснила этотъ припадокъ Каліостро тѣмъ, что имъ по временамъ овладѣваютъ духи тьмы, съ которыми онъ ведетъ вѣчную борьбу; но тѣмъ не менѣе, ѣхать съ нимъ въ Петербургъ наотрѣзъ отказалась. Нашъ герой отправился одинъ.

Въ Петербургѣ Каліостро сохранилъ свое имя, но выдалъ себя почему-то за полковника испанской арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ врача. Какъ полковникъ, онъ, конечно, никого не могъ къ себѣ привлекать, но какъ врачъ заинтересовалъ публику; къ нему потянулись разные недужные люди. Онъ осматривалъ больныхъ, давалъ лекарства; денегъ не бралъ, но даже раздавалъ бѣднымъ свои деньги. Это тотчасъ принесло свои плоды; о безкорыстномъ врачѣ заговорили по всему городу, о немъ узнали при дворѣ. Услыхалъ о немъ, разумѣется, въ числѣ прочихъ, и испанскій посланникъ и заинтересовался своимъ землякомъ. Что это за полковникъ испанской арміи Каліостро? Испанская знать вся была извѣстна посланнику; такого имени среди грандовъ онъ не помнилъ. Онъ навелъ справку въ своемъ генеральномъ штабѣ и оттуда ему отвѣтили, что въ спискахъ испанскаго войска такого полковника не числилось и не числится. Посланникъ, на всякій случай, тотчасъ опубликовалъ объ этомъ въ петербургскихъ газетахъ. Но это уже не могло принести нашему герою большого вреда; онъ успѣлъ упрочить свою врачебную славу, его на расхватъ звали въ самые знатные петербургскіе дома. Сумѣлъ онъ проникнуть и къ всемогущему князю Тавриды; говорятъ даже, что Потемкинъ посѣщалъ его.

Вскорѣ, однако, Каліостро пришлось оставить Петербургъ. Вотъ какъ происходило дѣло. У какого-то богатаго аристократа, князя и приближен-

наго человѣка Екатерины, сильно захворалъ грудной ребенокъ, его единственное дѣтище. Родители обращались къ помощи всѣхъ извѣстнѣйшихъ врачей, но ребенокъ чахъ и таялъ и надо было съ часу на часъ ждать его смерти. Въ этой крайности обезумѣвшіе отъ горя родители вспомнили о Каліостро и кинулись къ нему. Онъ осмотрѣлъ маленькаго больного и сказалъ, что вылечить его—пустяковое дѣло, только для этого необходимо, чтобы ребенокъ былъ переданъ ему; онъ увезетъ его къ себѣ домой и будетъ лечить самъ, родители же нѣкоторое время не должны даже и навѣщать его. Нечего дѣлать, согласились и на такія условія. Каліостро продержалъ у себя ребенка съ мѣсяцъ и потомъ возвратилъ его родителямъ въ самомъ дѣлѣ вполнѣ поправившимся. Но черезъ нѣсколько времени мать съ ужасомъ распознала, что это не ея ребенокъ. Все «леченіе» Каліостро состояло въ томъ, что онъ подыскалъ гдѣ-нибудь у чухонцевъ ребенка такого же возраста и вида, какъ врученный ему на излеченіе, и передалъ его родителямъ своего паціента. Конечно, на такое врачеваніе была принесена жалоба императрицѣ, и она распорядилась немедленно выслать Каліостро изъ Россіи. Говорятъ, что толпа чуть было не устроила разгрома квартиры кудесника. Разсказываютъ еще о томъ, что петербургскіе врачи подали императрицѣ прошеніе, чтобы Каліостро было запрещено лечить народъ, потому что онъ, продавая разные эликсиры вѣчной юности и приворотныя зелья, подрываетъ авторитетъ научной медицины и можетъ нанести вредъ своими снадобьями. Каліостро же, будто бы, чтобъ поддержать свое обаяніе, предложилъ врачамъ интересное состязаніе: составить микстуру изъ ядовитыхъ веществъ и принять ее поровну ему, Каліостро, и врачамъ, его противникамъ; кто выдержитъ въ этомъ искусѣ, тотъ и правъ. Конечно, это состязаніе не состоялось.

ГЛАВА III.

Каліостро въ Варшавѣ.—Брошюра о его пребываніи здѣсь, написанная графомъ Мощинскимъ. — Его фокусы съ помощью малолѣтковъ и разоблаченіе этихъ фокусовъ.—Процедура изготовленія серебра и золота.—Бѣгство изъ Варшавы. — Торжественный пріемъ Каліостро въ Страсбургѣ и чудеса, совершонныя въ этомъ городѣ.—Переѣздъ въ Парижъ.

Распростившись съ негостепріимною сѣверною Пальмирою, Каліостро перебрался въ Варшаву. Въ Митаву онъ, вопреки своему обѣщанію, уже не заѣзжалъ, опасаясь, что туда дошли слухи о его петербургскихъ подвигахъ. Въ Варшавѣ онъ появился въ маѣ 1780 года. У него были рекомендательныя письма къ польскимъ магнатамъ, между прочимъ, къ графу Мощинскому. Каліостро прямо отрекомендовался главою египетскаго масонства и мастеромъ по части вызыванія духовъ и прочихъ тайныхъ наукъ. О немъ, конечно, уже слыхали и въ Варшавѣ, и графъ Мощинскій какъ разъ оказался его ярымъ противникомъ, глубоко сомнѣвавшимся въ его магическихъ талантахъ, но зато нимало не сомнѣвавшимся въ его шарлатанствѣ. Этотъ умный и положительнаго склада магнатъ оставилъ намъ интересный свой дневникъ, въ которомъ варшавскія приключенія Каліостро изложены шагъ за шагомъ. Его брошюрка озаглавлена: «Cagliostro démasqué à Varsovie ou relation authentique de ses operations alchimiques» (Каліостро, разоблаченный въ Варшавѣ, или достовѣрное сообщеніе о его алхимическихъ опера-

ціяхъ). Считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь кое-какіе отрывки изъ этой брошюры. Замѣтимъ только мимоходомъ, что и эта брошюрка тоже была переведена, тогда же (1788 г.) на русскій языкъ—новое доказательство того необычайнаго интереса, которымъ сумѣлъ окружить себѣ дошлый сициліецъ.

Каліостро прожилъ нѣсколько дней въ Варшавѣ, знакомясь съ окружающими и ощупывая почву, на которой приходилось работать. Его пріютилъ у себя въ домѣ князь П... (Понинскій, Понятовскій?). Каліостро тотчасъ устроилъ въ своемъ помѣщеніи лабораторію и нѣкоторое время секретничалъ въ ней, никого къ себѣ не допуская. Наконецъ, онъ объявилъ своимъ хозяевамъ и всему любопытствующему кругу ихъ знакомыхъ, что согласенъ подѣлиться съ ними своими теоретическими и практическими свѣдѣніями. Назначено было общее собраніе всѣхъ желающихъ просвѣтиться. Въ комнатѣ, гдѣ происходила эта лекція, слушатели видѣли только большой черный коверъ, повѣшенный на дверяхъ. Явился Каліостро, потребовалъ вниманія и началъ разглагольствовать. Онъ повелъ рѣчь о какихъ-то основахъ чего-то, о «главныхъ предметахъ», имѣющихъ отношеніе къ «самой сущности». Не знаемъ, Каліостро ли выражался столь неопредѣленно, или авторъ брошюры такъ неясно резюмировалъ его лекцію, только мы не въ состояніи о ней больше ничего сообщить. По окончаніи теоретической части засѣданія, Каліостро приступилъ къ наглядному доказательству своей сверхъестественной мощи. На сценѣ появилась дворовая дѣвочка, лѣтъ восьми; она была избрана заранѣе, и супруги Каліостро очень долгое время всячески ее ласкали и наставляли, какъ вести себя во время предстоявшихъ волшебныхъ представленій. Надлежаще подготовленная дѣвочка была заперта въ отдѣльную комнату: Каліостро сталъ у двери этой комнаты и продѣлалъ почти тоже самое, что имъ было устроено въ Митавѣ съ мальчикомъ Медемъ. Опять начались намазываніе масломъ, кривлянія, размахиванія шпагою; потомъ разговоры съ дѣвочкою сквозь дверь: — «Видишь ли ты ангела? — Видишь ли двухъ ангеловъ?.. — Цѣлуй ангела!» и т. д. На Мощинскаго эта сцена производила такое впечатлѣніе, какъ будто Каліостро, размахивая шпагою и топая ногами, кричалъ на дѣвочку и самымъ вопросомъ, заданнымъ такимъ грознымъ тономъ подсказывалъ ей отвѣтъ, заставляя ее говорить: «да», «вижу», и чмокать себя въ руку. Потомъ Каліостро взялъ бумажку, на которой всѣ его зрители заранѣе написали свои имена. Онъ при нихъ сжегъ эту бумажку, а затѣмъ велѣлъ дѣвочкѣ поднять пакетикъ, который лежалъ у ея ногъ на полу. Потомъ онъ просунулъ руку въ дверь, какъ бы принимая изъ рукъ дѣвочки этотъ пакетикъ и показалъ его публикѣ. Онъ былъ запечатанъ масонскою печатью; печать была оттиснута очень не ясно, но это обстоятельство почему-то очень обрадовало Каліостро; онъ объяснилъ, что это служитъ знакомъ добраго расположенія къ нему безплотныхъ силъ, дѣйствіями которыхъ онъ, разумѣется, объяснялъ всѣ свои продѣлки. Вскрыли конвертъ и въ въ немъ оказалась та самая бумажка, на которой расписались присутствовавшіе и которую онъ только-что сжегъ передъ всѣми. Фокусъ былъ весьма убѣдителенъ, но мы уже говорили о неподражаемомъ искусствѣ копированія чужихъ почерковъ, которое выработалъ Каліостро путемъ долговременной практики.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ волновавшихъ его подозрѣній, Мощинскій побудилъ отца дѣвочки, служившей Каліостро при его фокусахъ, разспросить ее хорошенько. Дѣвочка совершенно откровенно сказала, что не видала никакихъ ангеловъ. Каліостро узналъ объ этомъ и тотчасъ избралъ себѣ въ подручныя другую уже взрослую дѣвушку. Съ этой ему удалось гораздо лучше столковаться; опыты ясновидѣнія пошли такъ удачно, что даже невѣрующій Мощинскій сталъ колебаться. Каліостро, можетъ быть, удалось бы убѣдить всю публику въ подлинности своего волшебства, если бы онъ опять самъ себѣ не подгадилъ; слишкомъ ужь часто прорывался у него изъ подъ оболочки великаго кофта и графа простой сицилійскій мѣщанинъ. Не довольствуясь добрыми услугами дѣвицы по волшебной части, онъ потребовалъ отъ нея еще какихъ-то услугъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ бѣлою магіею; та обидѣлась и въ раздраженіи все выболтала Мощинскому. Каліостро насулилъ ей золотыя горы, обѣщалъ выдать замужъ, наградить, если она будетъ послушна. Онъ репетировалъ съ нею свои представленія, говорилъ, какіе будетъ задавать вопросы, и что надо на нихъ отвѣчать, условился въ разныхъ сигналахъ и знакахъ, и т. д.,—словомъ, заранѣе поддѣлалъ все свое волшебство, превращавшееся послѣ разоблаченій сообщницы въ самое грубое надувательство публики.

Мощинскій былъ теперь совершенно спокоенъ; у него не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ имѣетъ передъ собою наглаго шарлатана. Но что было дѣлать съ остальною публикою? Князь П., давшій у себя пріютъ Каліостро, ничего не видѣлъ и ничѣмъ не хотѣлъ убѣждаться. Онъ вѣрилъ въ Каліостро. А тотъ, замѣтивъ враждебное настроеніе Мощинскаго, говорилъ ему самыя откровенныя дерзости, называлъ его чуть ли не въ глаза чудовищемъ, клялся всѣми своими богами, что онъ сдѣлаетъ золото у всѣхъ на глазахъ, даже при содѣйствіи своего врага Мощинскаго, его собственными руками и что тогда всѣ будутъ завалены золотомъ и осчастливлены такъ, какъ они и не заслуживаютъ по ихъ маловѣрію. Мощинскій рѣшилъ сдержать себя и претерпѣть до конца. Онъ надѣялся изобличить шарлатана блистательно и рѣшительно, такъ, чтобы ни у кого не оставалось никакихъ сомнѣній, а затѣмъ выпороть его хорошенько и отпустить съ миромъ. Но пока, въ ожиданіи этой экзекуціи, приходилось вести себя съ большою осторожностью. Каліостро сумѣлъ такъ настроить всю публику, что на Мощинскаго косились, даже ссорились съ нимъ; великій магъ, въ числѣ другихъ даровъ природы, обладалъ неподражаемымъ искусствомъ наговаривать людямъ другъ на друга и ссорить ихъ; надо полагать, онъ прочелъ какъ-нибудь на досугѣ Маккіавелли и принялъ его поученія къ свѣдѣнію.

Въ началѣ іюля приступили, наконецъ, къ варкѣ золота. Всѣ операціи производилъ собственноручно Мощинскій; Каліостро только распоряжался и отдавалъ приказанія: взять того-то столько-то, обработать, нагрѣть и т. д. Ему, очевидно, хотѣлось показать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія возбуждать дальнѣйшія подозрѣнія. Дѣлайте, дескать, все сами, своими руками, и вы убѣдитесь во-очію въ моемъ всемогуществѣ. Прослѣдить всѣ процедуры златоваренія, какъ ее описываетъ Мощинскій, нѣтъ возможности. Онъ самъ считался опытнымъ химикомъ, но химія конца прошлаго вѣка и химія наша, современ-

ная, это двѣ несравнимыя вещи; иной разъ трудно даже понять, о какомъ веществѣ и о какой операціи говоритъ Мощинскій; пришлось бы наводить справки въ спеціальныхъ исторіяхъ алхиміи, чтобы въ точности понять, въ чемъ состояла операція.

Дѣло началось съ того, что Каліостро велѣлъ Мощинскому отвѣсить фунтъ ртути. Это вещество, съ его удивительными свойствами, всегда привлекало алхимиковъ и казалось имъ какимъ-то посредствующимъ и переходнымъ звеномъ между жидкостями и металлами; они упорно считали его первоисточникомъ, изъ котораго навѣрное получится золото, лишь бы только (за малымъ дѣло стало!) найти средства и способы для его превращенія. Искатели золота подвергали ртуть всѣмъ мытарствамъ химической обработки, какія только могли придумать. И платились же они, несчастные, за эту возню съ ядовитою металлическою жижею! Едва ли хоть одинъ изъ нихъ не растерялъ преждевременно зубовъ и волосъ и не впалъ въ характеристическое ртутное худосочіе. Итакъ, взяли фунтъ ртути; но предварительно надо было ее очистить, освободить отъ воды и въ этой водѣ сыскать и выдѣлить изъ нея какую-то «сущность» или «вторую матерію». Что это такое было, Мощинскій не объясняетъ, и мы можемъ только догадываться, что дѣло шло о случайныхъ нечистотахъ, которыя часто бываютъ примѣшаны къ ртути, да объ ея окислахъ, если она передъ тѣмъ была подвергаема кипяченію, что̀ весьма вѣроятно. Мощинскій, очевидно, зналъ, о чемъ идетъ рѣчь, потому что упоминаетъ въ своей брошюрѣ, что онъ выдѣлилъ это загадочное вещество и даже съ точностью указываетъ, сколько именно его удалось извлечь — 16 грановъ. Потомъ, по указанію Каліостро, Мощинскій изготовилъ какое-то свинцовое соединеніе—свинцовый экстрактъ. Вооружившись этими матеріалами, самую операцію повели такимъ путемъ. Въ сосудъ была положена прежде всего выдѣленная изъ ртути «сущность», на нее вылили часть ртути, прибавили 30 капель свинцоваго экстракта и все это тщательно размѣшали. Послѣ того Каліостро вынулъ какіе-то порошки—свѣтлый и красный; ихъ было очень немного, съ десятокъ грановъ; это, очевидно, были тѣ самыя таинственныя бродила, которыя обладали силою превращенія ртути въ благородные металлы. Послѣ того сдѣлали болтушку изъ гипса и горячей воды и залили ею всю смѣсь; Каліостро собственноручно прибавилъ въ сосудъ еще гипса и разравнялъ его рукою. Затѣмъ смѣсь поставили сначала на горячіе угли, чтобы она высохла, и, наконецъ, водрузили сосудъ въ горячій песокъ, гдѣ онъ грѣлся съ полчаса. Этого ничтожнаго времени оказалось достаточнымъ для превращенія ртути. Когда сосудъ былъ снятъ съ песка и разломанъ, то внутри его, въ массѣ гипса, оказался слитокъ серебра вѣсомъ около фунта. Откуда взялось это серебро?

Мощинскій тщательно обсуждаетъ весь ходъ опыта, припоминаетъ всѣ его подробности. Слитокъ серебра, когда онъ его вынулъ изъ разбитаго сосуда, не былъ даже горячъ; онъ, значитъ, за получасовое нагрѣваніе въ горячемъ пескѣ успѣлъ образоваться изъ ртути, сплавиться и остынуть. Это было ни съ чѣмъ несообразно. Затѣмъ онъ припомнилъ, что Каліостро самъ добавилъ въ сосудъ гипсу и тщательно его разравнивалъ рукою; въ это время онъ, очевидно, и

успѣлъ всунуть слитокъ въ смѣсь. Сверхъ того, Мощинскій обнаружилъ въ квартирѣ Каліостро, въ его пресловутой лабораторіи, явные слѣды плавленія; все это время, надо замѣтить, Каліостро запрещалъ публикѣ посѣщать лабораторію. Онъ тамъ совершалъ нѣчто такое, что посторонній человѣкъ при одномъ видѣ фигуръ, начертанныхъ имъ на полу, долженъ былъ, по его увѣренію, убѣжать безъ оглядки отъ ужаса. Вѣрующая часть публики, конечно, и не ходила, но Мощинскій заглянулъ туда, страшнаго ничего не видѣлъ, а слѣды плавильной работы нашелъ.

Каліостро съ торжествомъ представилъ этотъ слитокъ своей публикѣ, повидимому, все еще вѣровавшей въ него (кромѣ скептика Мощинскаго). Онъ объявилъ, что это не серебро и не золото, а нѣчто среднее, чему онъ давалъ названіе мнимаго философскаго золота. Предстояло превратить его въ настоящее золото. Съ этою цѣлью онъ облилъ измельченное въ порошокъ серебро азотной кислотой и выпарилъ ее; эту операцію онъ называлъ первымъ возгономъ; потомъ остатокъ вновь былъ облитъ тою же кислотою, и послѣдовалъ второй возгонъ; затѣмъ въ такомъ же порядкѣ должно было произвести еще шесть обработокъ, а всего—восемь. Послѣ седьмой парки съ кислотою, по словамъ Каліостро, должно было получиться красное вещество, способное превращать ртуть въ философское серебро, а послѣ восьмой—чистое золото. Оставалось только все это продѣлать, и вѣрующіе ученики терпѣливо ждали конца операцій. Но Каліостро не спѣшилъ, онъ все старался держать публику на первыхъ возгонахъ, приводя совершенно достаточные доводы, объяснявшіе задержку въ ходѣ операціи. Надо полагать, что публика скучала въ ожиданіи первой порціи золота, и, чтобы ее развлечь, Каліостро предложилъ показать ей самаго великаго кофта, главу древне-египетскаго масонства, который долженъ былъ явиться передъ публикою по его вызову. Для этого былъ назначенъ особый сеансъ. Передъ зрителями въ самомъ дѣлѣ внезапно предстала какая-то плотная фигура, съ совершенно бѣлыми длинными волосами, съ чалмою на головѣ, разумѣется, въ древнемъ восточномъ костюмѣ—длинной бѣлой хламидѣ. Эта фигура задала присутствовавшимъ вопросъ, кого они видятъ передъ собою. Мощинскій тотчасъ отвѣтилъ, что видитъ передъ собою переодѣтаго Каліостро; онъ ясно различилъ переодѣтаго шарлатана, разсмотрѣлъ на немъ и парикъ, и привязную бороду, и только дивился безграничной наглости самозваннаго графа, рѣшившагося надувать публику столь наивными штуками. Услыхавъ свое имя, кофтъ немедленно погасилъ двѣ свѣчи, слабо освѣщавшія его фигуру; въ комнатѣ воцарилась тьма, и въ этой тьмѣ зрители могли слышать, какъ онъ снималъ съ себя свою мантію и другія принадлежности переодѣванья.

Между тѣмъ золото все варилось да варилось, и все никакъ не сваривалось. Каліостро, очевидно, съ большими усиліями придумывалъ всевозможные предлоги для объясненія этого замедленія. Главною препоною служили, конечно, козни дьявола; кудесникъ даже предупреждалъ ожидавшихъ, что врагъ рода человѣческаго можетъ явиться передъ ними въ образѣ черной собаки или кошки; онъ даже принималъ особыя мѣры, чтобы эта кошка не проникла въ печь, гдѣ шла варка золота, загораживая ее магическими заслонками.

Но, наконецъ, всѣ ухищренія были истощены и надо было просто-на-просто удалиться по-добру по-здорову. Въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ, что ему надо куда-то съѣздить, далъ тщательныя наставленія, какъ слѣдить за посудиною съ варящимся золотомъ и уѣхалъ, и больше, конечно, не возвращался. Такъ разсказывается конецъ его похожденій въ брошюрѣ Мощинскаго. Нѣсколько иное повѣствуется въ другихъ источникахъ. Утверждаютъ, именно, что пріютившій у себя Каліостро графъ П. (Понинскій?), человѣкъ суевѣрный, слѣпо вѣрившій въ чародѣйство, прельстился обѣщаніемъ Каліостро—дать ему приворотное зелье и вообще устроить такъ, что графъ завоюетъ сердце какой-то красавицы, за которою онъ долго и тщетно ухаживалъ. Каліостро долгое время водилъ влюбленнаго магната, пока не вывелъ его изъ терпѣнія; тогда тотъ выгналъ его изъ своего дома, а затѣмъ настоялъ и на его изгнаніи изъ предѣловъ Польши.

Изъ Варшавы Каліостро отправился вновь на западъ Европы. Онъ устремлялся собственно во Францію; навѣрное, онъ освѣдомился о томъ, что тамъ въ это время свирѣпствовала мода на животный магнетизмъ и хотѣлъ воспользоваться такимъ общественнымъ настроеніемъ, т. е. повышеннымъ стремленіемъ публики къ чудесному. Между тѣмъ, онъ, быть можетъ, еще и не зналъ, какая ему предшествовала повсюду слава. Его путешествіе, сравнительно скромное въ предѣлахъ Германіи, по мѣрѣ приближенія къ Франціи превращалось въ настоящее тріумфальное шествіе. Въ Страсбургѣ, напримѣръ, населеніе устроило ему чуть не царскую встрѣчу, такъ что онъ расчувствовался и даже прожилъ нѣкоторое время въ этомъ городѣ, найдя не безполезнымъ упрочить свою популярность и будучи увѣренъ, что изъ Страсбурга вѣсти о немъ живо перенесутся въ Парижъ и подготовятъ ему тамъ такую же восторженную встрѣчу. Но въѣздъ его въ Страсбургъ ознаменовался сценою, которая могла бы сразу подорвать добрую часть его славы, если бы онъ не нашелся въ самый драматическій моментъ и не отклонилъ грозу.

Современные лѣтописцы утверждаютъ, что о днѣ въѣзда Каліостро въ Страсбургъ населеніе узнало какъ-то заранѣе и что громадная толпа вышла ему навстрѣчу за городъ. Каліостро тоже, должно быть, зналъ, что его ждутъ и нашелъ нужнымъ не охлаждать общихъ ожиданій и предстать передъ страсбуржцами въ особомъ великолѣпіи. Онъ двигался къ городу цѣлымъ поѣздомъ—видно, что онъ все же хорошо поживился въ Варшавѣ, а, можетъ быть, и раньше въ Россіи. Графъ и его супруга возсѣдали въ роскошнѣйшемъ открытомъ экипажѣ, а за ихъ каретою двигался цѣлый обозъ—свита людей въ блестящихъ и дорогихъ ливреяхъ. И вотъ, при самомъ въѣздѣ какой-то весьма невзрачный стариченка, на видъ еврей, кинулся къ экипажу, остановилъ лошадей и во все горло закричалъ на графа: «Наконецъ-то, ты попался мнѣ, бездѣльникъ! Стой и давай мои деньги!»

Каліостро съ ужасомъ узналъ въ этомъ жидѣ ростовщика Мурано, приключеніе съ которымъ мы въ своемъ мѣстѣ уже разсказали. Было отчего смутиться всякому, но Каліостро не потерялся. Мы, кажется, забыли упомянуть объ одномъ изъ его талантовъ, а именно, объ искусствѣ чревовѣщанія, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. И вотъ,

въ то время, когда взбѣшенный Мурано кричалъ толпѣ—кричалъ, увы, великія слова правды, которую этой толпѣ не суждено было оцѣнить по достоинству—кричалъ о томъ, что это вовсе не графъ, что это Бальзамо, извѣстный въ Сициліи мазурикъ,—въ это время Каліостро только смотрѣлъ на него съ спокойнымъ изумленіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда жидъ переводилъ духъ, накричавшись въ волю, внезапно раздался сверху, съ небесъ (въ этомъ никто изъ присутствовавшихъ не могъ сомнѣваться) голосъ: «Это безумецъ, имъ овладѣлъ злой духъ, удалите его!» Эта сцена, говорятъ, до того потрясла публику, что многихъ гласъ съ небесъ повергъ въ ужасѣ на землю.

Мы уже замѣтили, что Каліостро зналъ, съ какимъ интересомъ населеніе Страсбурга ожидаетъ его. Онъ, надо думать, заранѣе озаботился послать туда дѣятельныхъ и ловкихъ агентовъ, которые, быть можетъ, и подготовили ему встрѣчу, распаливъ своими росказнями воображеніе народа. Эти же агенты согнали со всего города толпу больныхъ, жаждавшихъ исцѣленія. Вся эта въ высшей степени разношерстная толпа, стенящая, охающая, хромая, кривая, кровоточивая, собралась въ особо нанятомъ большомъ залѣ. Конечно, впускали сюда не всѣхъ желавшихъ видѣть великаго врачевателя, а отобрали, по возможности, не особенно тяжко-больныхъ; позволительно думать, что среди нихъ было немало и притворщиковъ. Всѣ собранные въ залѣ больные были мгновенно вылечены—таковъ былъ тогда общій голосъ. Однихъ Каліостро исцѣлялъ простымъ наложеніемъ рукъ, другихъ—какими-то «словами», третьихъ—лекарствами, которыя тутъ же давалъ принимать. Денегъ онъ ни съ кого не бралъ; наоборотъ, роздалъ немало своихъ денегъ, такъ какъ для излеченія собрались преимущественно бѣдняки. Здѣсь, кажется, впервые выступила на сцену такъ называемая универсальная цѣлебная жидкость Каліостро, его жизненный эликсиръ, излечивавшій всѣ болѣзни. О составѣ ея въ свое время очень много спорили, хотя она едва ли заслуживала и тысячной доли такого вниманія, да и то развѣ лишь со стороны содержанія въ ней сильно дѣйствующихъ веществъ.

Само собою разумѣется, что сотни излеченныхъ имъ больныхъ мгновенно въ устахъ публики превратились въ тысячи, и Страсбургъ въ мгновеніе ока озарился лучами славы великаго цѣлителя. Всѣ поздравляли другъ друга съ прибытіемъ кудесника въ городъ словно съ праздникомъ. Каліостро понялъ, что его дѣло тутъ сразу стало прочно и что зѣвать не подобаетъ. Онъ началъ съ того, что пригласилъ всю страсбургскую знать на великолѣпный заданный имъ ужинъ. Каліостро озаботился освѣтить залъ особымъ способомъ, придававшимъ ему фантастическій видъ. Когда ужинъ окончился, въ залъ вошли нѣсколько маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; нашъ герой уже запасся ими и, конечно, подготовилъ ихъ надлежащимъ образомъ. Каліостро выбралъ изъ нихъ одного мальчика и одну дѣвочку. Серафима увела ихъ, одѣла въ бѣлыя платья, надушила и дала имъ выпить какого-то эликсира, потомъ ввела ихъ обратно въ залъ, къ гостямъ. Каліостро облачился въ пышный костюмъ генерала отъ древне-египетской магіи—въ шелковый черный балахонъ, расшитый какими-то знаками вродѣ іероглифовъ; одежда, въ общемъ, напоминала ту, которую мы видимъ на египетскихъ памятникахъ; она дополнялась только

роскошнымъ мечемъ, сравнительно болѣе новаго фасона, чѣмъ древне-египетскіе. Его видъ, осанка пріобрѣли что-то особо-внушительное, отъ чего надо было либо прыснуть со смѣху, либо повергнуться во прахъ отъ избытка благоговѣнія. Но смѣяться тогда въ той толпѣ не нашлось охотниковъ. Всѣ прониклись если не страхомъ, то, по крайней мѣрѣ, почтительнымъ изумленіемъ; всѣ молчали и ждали, что будетъ дальше.

Среди зала, на черномъ кругломъ столикѣ, явился графинъ. Какіе-то прислужники, вродѣ египтянъ, какъ ихъ обычно всѣ себѣ представляютъ, подвели къ этому столику избранныхъ мальчика и дѣвочку и загородили ихъ ширмою. Каліостро возложилъ на нихъ руки, какъ-то особенно кривляясь, описывая по воздуху руками что-то вродѣ гіероглифическихъ знаковъ. Дѣти должны были смотрѣть въ графинъ, и тамъ имъ появлялись разныя видѣнія. Подъ дномъ графина въ столѣ было отверстіе, и подъ него подводились разные чертежи и рисунки.

Каліостро спрашивалъ, напримѣръ, что дѣлаетъ въ эту минуту человѣкъ, который оскорбилъ его при въѣздѣ въ городъ, и выставлялъ подъ графиномъ незамѣтнымъ движеніемъ фигуру спящаго. Ребенокъ, конечно, отвѣчалъ: «Онъ спитъ». Если случалось, что дѣти затруднялись отвѣтомъ, то должны были молчать; за нихъ отвѣчалъ самъ Каліостро, пользуясь своимъ чревовѣщательнымъ даромъ. Каліостро предложилъ самимъ присутствовавшимъ задавать вопросы. Нѣкоторые отвѣты поражали воображеніе непостижимою вѣрностью. Спрашиваетъ, напримѣръ, незамужняя дѣвица, сколько лѣтъ ея мужу; дѣти молчатъ, и это молчаніе истолковывается толпою гостей въ сторону ихъ прозорливости; они знаютъ, что мужа никакого нѣтъ. Другая дама подаетъ запечатанный пакетъ съ запискою. Мальчикъ отвѣчаетъ: «Не получитъ». Вскрываютъ пакетъ, оказывается, что дама спрашиваетъ въ запискѣ, получитъ ли ея родственникъ повышеніе по службѣ. Старый и почтенный человѣкъ, мѣстный администраторъ, спрашиваетъ, что дѣлаетъ его жена, бывшая въ то время дома. Предварительно Каліостро послалъ узнать, дома ли жена и чѣмъ именно она занята. Дѣти въ графинѣ ничего не видали и молчали на этотъ вопросъ. Но вдругъ раздался какой-то таинственный голосъ, который возвѣстилъ, что жена вопрошавшаго играетъ въ карты съ двумя знакомыми, и это было вѣрно.

Какимъ образомъ устраивались эти фокусы—мы не можемъ сообщить. Шарлатанство Бальзамо столь положительно засвидѣтельствовано, что нельзя думать, чтобы въ этомъ случаѣ примѣнялось чтеніе мыслей въ томъ видѣ, какъ оно часто примѣняется теперь. Сверхъ того, не надо забывать, что всѣ эти безчисленныя брошюрки, преимущественно французскаго происхожденія, въ которыхъ исчислялись необычайные подвиги Каліостро, навѣрное, были писаны или при его внушеніи, или его черезчуръ слѣпыми приверженцами, принимавшими на вѣру все, что бы имъ ни разсказали о немъ.

Знаменитый физіономистъ Лафатеръ, какъ гласитъ преданіе, очень заинтересовался Каліостро, и въ бытность его въ Страсбургѣ нарочно ѣздилъ туда, чтобы повидаться съ нимъ. Каліостро принялъ его непривѣтливо. Онъ слыхалъ о необыкновенной (хотя и преувеличенной) про-

ницательности Лафатера, о его умѣньи чуть не мгновенно, съ одного взгляда, опредѣлять натуру человѣка, и, быть можетъ, опасался его прозорливости. Видали въ это время нашего кудесника и другіе выдающіеся люди, упоминающіе о немъ въ своихъ запискахъ; большею частью они поняли его, какъ ловкаго фокусника, хотя, кажется, и это было не совсѣмъ справедливо. Каліостро былъ, конечно, фокусникомъ, но его фокусы были ужасно грубы. Недаромъ же Мощинскій изумлялся легковѣрію людей, поддающихся на такія грубыя продѣлки, какія не стѣснялся творить Каліостро.

Онъ пробылъ въ Страсбургѣ цѣлыхъ три года; рѣдко онъ такъ долго засиживался на одномъ мѣстѣ. Но и тутъ въ концѣ концовъ опять-таки нашлись враги, которые нападали на него и въ разговорахъ, и въ печати. Надо полагать, что не мало поработалъ противъ него озлобленный Мурано, и его слова не могли не имѣть никакого дѣйствія; затѣмъ, невозможно предположить, чтобы въ большомъ европейскомъ городѣ не нашлось людей, сумѣвшихъ отстоять независимость своего здраваго сужденія отъ всеобщей заразы легковѣрія, подобно Мощинскому въ Варшавѣ. Такъ или иначе эти «враги» и «преслѣдованія», на которыхъ Каліостро глухо жалуется въ своей объяснительной запискѣ по дѣлу объ ожерельи королевы Маріи-Антуанеты, заставили его покинуть Страсбургъ.

ГЛАВА IV.

Каліостро въ Парижѣ, на вершинѣ своей славы.—Вызываніе тѣней усопшихъ.—Ужины Каліостро и бесѣды его застольниковъ съ тѣнями великихъ людей.—Распространеніе египетскаго масонства.—Обряды посвященія въ это масонство.

Каліостро съѣздилъ въ Италію, потомъ побывалъ въ разныхъ городахъ на югѣ Франціи, между прочимъ, въ Бордо и Ліонѣ и, наконецъ, въ самомъ началѣ 1785 года, появился въ Парижѣ, этомъ центрѣ всѣхъ проходимцевъ прошлаго вѣка. Явился онъ сюда тихо и скромно, словно крадучись. Ему надо было сначала осмотрѣться, сообразиться. Парижъ тогда буквально бредилъ животнымъ магнетизмомъ; слава знаменитаго Месмера достигала высшей точки. Кромѣ магнетизма, люди почти ничѣмъ инымъ и не лечились. Выступать при такомъ настроеніи общества въ качествѣ цѣлителя посредствомъ жизненнаго эликсира было неблагоразумно. Надо было подниматься на другіе фокусы. Онъ рѣшилъ заняться вызываніемъ духовъ. Этому не могъ помѣшать никакой Месмеръ и никакой магнетизмъ; тутъ успѣхъ былъ обезпеченъ. И надо отдать справедливость, онъ такъ ловко повелъ дѣло, что падкіе до новизны парижане скоро бросили всѣ свои другія увлеченія и не хотѣли ни о чемъ слышать, кромѣ «божественнаго» Каліостро. Мы не шутимъ и не насмѣхаемся: такое прилагательное къ имени знаменитаго шарлатана дѣйствительно утвердилось за нимъ въ то время въ Парижѣ. Слава его здѣсь создалась съ какою-то непостижимою быстротою; не подлежитъ сомнѣнію, что ему ужасно много помогли его страсбургскіе друзья; все это былъ очень видный и вліятельный народъ, у всѣхъ были крупныя связи въ столицѣ. Такимъ образомъ, часть этой славы

предшествовала Каліостро, но остальное онъ всетаки завоевалъ самолично, своими волшебными сеансами съ вызываніемъ духовъ. Дошло, говорятъ, до того, что самъ король Людовикъ XVI былъ вовлеченъ въ общій потокъ и будто бы объявилъ, что всякое оскорбленіе великаго кудесника онъ будетъ карать, какъ оскорбленіе величества—случай единственный въ своемъ родѣ, если только онъ вѣренъ.

Обыкновенно вызываніе тѣней умершихъ производилось за ужинами, которые Каліостро устраивалъ у себя на дому; въ другихъ мѣстахъ онъ, кажется, не волхвовалъ, потому что, разумѣется, для такой операціи надо было устроить извѣстную обстановку, которую трудно было воздвигнуть на скорую руку въ чужомъ домѣ. Выборъ вызываемыхъ тѣней предоставлялся гостямъ. Само собою разумѣется, что о пребываніи Каліостро въ Парижѣ написаны особыя книги его современниками. Въ одной изъ нихъ подробно описываются эти вечера съ вызываніями.

Каліостро приглашалъ извѣстное, большею частью, не значительное число гостей, разсаживалъ ихъ за столомъ, съ двойнымъ противъ числа гостей числомъ приборовъ и объявлялъ имъ, что пустые приборы будутъ заняты тѣми особами, души которыхъ гости пожелаютъ вызвать. Когда гости усаживались за столъ, прислуга вносила кушанья и затѣмъ всѣ лишніе люди удалялись и никому не позволялось больше входить въ залъ подъ угрозою смерти. Тогда гости называли собесѣдниковъ съ того свѣта, которыхъ желали видѣть, и Каліостро объявлялъ, что всѣ назначенныя лица тотчасъ явятся, какъ живые, вполнѣ воплощенными фигурами и займутъ свои мѣста за столомъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ гости вздумали вызвать недавно скончавшихся энциклопедистовъ: Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Монтескье. Каліостро громкимъ и внушительнымъ голосомъ произнесъ эти имена посреди всеобщаго гробового молчанія. Прошло нѣсколько мгновеній, въ теченіе которыхъ души присутствовавшихъ совершали переселеніе въ ихъ пятки. И вотъ вдругъ всѣ вызванные покойники откуда-то появились въ залѣ, подошли къ столу и усѣлись за приборы. Похожи ли они были на живыхъ Дидро, Монтескье и прочихъ, объ этомъ исторія умалчиваетъ; но гости, очевидно, ни мало не сомнѣвались въ томъ, что имъ доставлено удовольствіе созерцать подлинныхъ знаменитостей. Гости живые и гости-тѣни нѣкоторое время молчали, потомъ живые, пріободрившись, начинали понемногу заговаривать съ тѣнями. Раздавался робкій вопросъ о томъ, какъ, молъ, идутъ дѣла на томъ свѣтѣ? И какой-нибудь «философъ Дидеротъ», какъ его называли у насъ при Екатеринѣ, ни мало не медля, со всѣмъ своимъ общеизвѣстнымъ безбожіемъ, отвѣчалъ, что никакого «того» свѣта нѣтъ, что смерть есть только прекращеніе нашей тѣлесной жизни, что послѣ смерти человѣческое существо превращается въ безразличную духовную сущность, не вѣдающую ни наслажденій, ни страданій и т. д. Какъ и всѣ вообще вызванные духи, эти гости Каліостро рѣдко говорили что-нибудь очень умное и въ тѣняхъ великихъ людей не всегда можно было съ легкостью распознать живыхъ ихъ предшественниковъ; со смертью самые великіе умы очень слабнутъ. Иногда сами бывшіе философы даже откровенно въ этомъ признавались въ своихъ загробныхъ бесѣдахъ за гостепріимнымъ столомъ Каліостро. Однажды кто-то спросилъ вызваннаго и спокойно засѣдавшаго за ужиномъ Дидро, что сталось на томъ свѣтѣ съ его громадными

познаніями, и тотъ отвѣчалъ, что никакими особенными знаніями онъ не обладалъ, что пользовался всегда источниками, бралъ изъ книгъ то, что ему было нужно. Тутъ въ его рѣчь вставляетъ свое слово и великій Вольтеръ. Онъ горячо одобряетъ мысль изданія Энциклопедіи, которая способствовала распространенію его философскихъ воззрѣній; на него тутъ же нападаетъ припадокъ страшной откровенности; онъ выражаетъ сомнѣніе, правъ ли онъ былъ въ этихъ воззрѣніяхъ, хотя и воздерживается произнести окончательное сужденіе о своей философіи. Тотъ же Вольтеръ вдругъ заявляетъ, что послѣ кончины, уже на томъ свѣтѣ, ему случалось бесѣдовать съ разными усопшими римскими папами, которыхъ онъ при жизни вообще не жаловалъ, и онъ убѣдился въ томъ, что между ними были преумные люди, чего онъ при жизни никогда бы не подумалъ. Иногда во время ужина мертвые очень оживлялись (быть можетъ, подъ вліяніемъ тлѣнныхъ земныхъ напитковъ) и вступали уже сами отъ себя въ шумливыя бесѣды, даже въ споры между собою и съ живыми, такъ что ужинъ проходилъ не скучно. Часто подробности этихъ застольныхъ бесѣдъ попадали въ газеты, но при этомъ никакъ нельзя было добиться, кто же именно изъ живыхъ присутствовалъ за описываемымъ ужиномъ. Это было странно: мертвые гости поименовывались на перечетъ, а о живыхъ—ни слова. Такимъ образомъ, ловко устранялась всякая попытка провѣрить сообщенное въ газетѣ опросомъ очевидца, участника застольной бесѣды съ выходцами загробнаго міра; они хранили упорное молчаніе, не давали ни подтвержденій, ни опроверженій.

Ужины вошли въ страшную, необычайную славу. Но Каліостро понималъ, что на одномъ духовѣдѣніи далеко не уѣдешь и что оно, пожалуй, скоро надоѣстъ. Онъ все стремился пустить въ ходъ свое египетское масонство; это была гораздо болѣе солидная доходная статья. Въ секту можно было привлечь толпу богачей и подъ видомъ сбора средствъ на проповѣдь новой вѣры добыть громаднѣйшія средства, а потомъ, пожалуй, можно было бы и почить на лаврахъ. Каліостро, постоянно вращаясь среди богатой знати, не переставалъ твердить, что онъ явился съ Востока, что постигъ тамъ всю мудрость сѣдой древности, что посвященъ во всѣ таинства Изиды и Анубиса. Такъ какъ культы этихъ древне-египетскихъ боговъ дышали распущенностью, то, разумѣется, для тогдашней распущенной французской знати они представлялись въ высшей степени заманчивыми. Охотниковъ до посвященія въ такую вѣру можно было найти сотни, надо было только дѣлать хорошій выборъ изъ массы жаждущихъ обращенія. Масонство въ Парижѣ тогда было сильно распространено: въ немъ насчитывалось свыше семидесяти ложъ; нужно было только превратить это обычное масонство въ ту разновидность, которую придумалъ Каліостро.

Къ разговорамъ Каліостро о его масонствѣ многіе внимательно прислушивались. Мало-по-малу около него образовался кружокъ лицъ, жаждавшихъ ознакомиться съ дѣломъ поближе. Каліостро тотчасъ выступилъ навстрѣчу этому желанію. Онъ, надо полагать, прямо заявилъ жаждавшимъ, что посвященіе въ провозглашенныя имъ таинства вѣры Анубисовой стоитъ денегъ, и золото полилось къ нему потоками. Сначала

въ секту шли только кавалеры. Но мало-по-малу, конечно, не безъ содѣйствія умной и ловкой сообщницы Лоренцы, все еще блиставшей своею обворожительною красотою, о новомъ масонствѣ начали распространяться въ высшей степени заманчивые слухи среди свѣтскихъ дамъ. «Но вѣдь дамамъ нельзя поступать въ масоны»—думали огорченныя представительницы прекрасной половины. Каліостро давно уже предусмотрѣлъ это затрудненіе, еще въ Митавѣ. Онъ первымъ долгомъ исключилъ изъ своего устава этотъ затруднительной пунктъ; въ его масонство свободно и безпрепятственно принимались дамы. Впрочемъ, дамы даже поспѣшили и упредили Каліостро: онѣ тайно отъ своихъ мужей составили особое общество съ цѣлью изученія магіи и обратились, конечно, къ женѣ великаго кофта съ просьбою посвятить ихъ въ секреты тайныхъ знаній. Та переговорила съ супругомъ, и оба сообразили, что глупо будетъ упускать изъ рукъ такую благодать, коли она сама идетъ въ руки. Лоренца объявила просительницамъ, что она самолично, но подъ надзоромъ и руководствомъ мужа, прочтетъ рядъ лекцій по магіи, но только избранному, ограниченному кружку дамъ, въ числѣ не болѣе трехъ дюжинъ слушательницъ, каждая изъ которыхъ обязывалась сдѣлать взносъ въ сотню луидоровъ (500 рублей). Началась подписка, и весь комплектъ учениць, равно какъ и плата за курсъ ученія были собраны въ теченіе одного дня. Графиня Каліостро стала сама чѣмъ-то вродѣ кофтши, какъ бы второю главою египетскаго масонства. Слушательницы обязывались вести себя постницами, въ строжайшемъ воздержаніи и въ полнѣйшемъ повиновеніи распоряженіямъ своей руководительницы. Для этихъ своего рода высшихъ женскихъ курсовъ наняли особое помѣщеніе, которое быстро было приведено въ надлежащій видъ. Скоро начались и занятія на курсахъ.

Первое засѣданіе было назначено на 7 августа, поздно вечеромъ. Дамы прибыли въ помѣщеніе курсовъ въ полномъ числѣ и въ великомъ секретѣ. Впрочемъ, впослѣдствіи всѣ эти секреты были какимъ-то путемъ разоблачены, потому что мы находимъ въ особой современной брошюрѣ весьма обстоятельное описаніе ихъ. Лоренца или, вѣрнѣе, самъ Каліостро, придумалъ для посвященія сложный обрядъ,—надо же было что-нибудь дать за взысканную довольно высокую плату. Прежде всего всѣхъ участницъ подѣлили на шесть группъ, по шести въ каждой. Всѣхъ ихъ переодѣвали въ особую одежду, цвѣтъ которой мѣнялся по группамъ. Каждая ученица получила длинную мантію или накидку. Послѣ переодѣванія дамы были введены въ обширный залъ, освѣщенный съ потолка; это былъ храмъ, мѣсто посвященія и совершенія таинствъ. Въ немъ стояло 36 креселъ, по числу ученицъ; сама Лоренца, тоже особеннымъ образомъ костюмированная, засѣдала на настоящемъ тронѣ, а около нея, съ обѣихъ сторонъ, помѣщались какія-то двѣ уже совсѣмъ непостижимыя фигуры, неопредѣленнаго и неразгаданнаго вида, пола и назначенія—фигуры, впрочемъ, чисто декоративнаго свойства. Усѣлись, началось посвященіе. Свѣтъ началъ постепенно блѣднѣть, угасать, наконецъ, почти совсѣмъ стемнѣло. Лоренца приказала посвящаемымъ встать съ мѣстъ, опереться правыми руками о колонны и обнажить лѣвыя бедра. По исполненіи этого движенія, вошли двѣ дѣвы съ мечами въ рукахъ; онѣ принесли шелковыя веревки, которыми особеннымъ образомъ связали всѣхъ посвящавшихся. Тогда Лоренца начала свой

спичъ, надо полагать, заготовленный для нея супругомъ, ибо, сколько намъ извѣстно, бѣдная хорошенькая графиня сама по себѣ не умѣла хватать звѣздъ съ неба. Она сравнила положеніе женщинъ въ обществѣ и семьѣ съ ихъ связаннымъ положеніемъ въ тотъ торжественный моментъ. Вы, дескать, рабы, вы въ оковахъ, въ цѣпяхъ, мужчины владычествуютъ надъ вами. Въ дальнѣйшемъ развитіи рѣчи, однако, не оказалось программы открытой борьбы съ мужскимъ поломъ, вообще ничего похожаго на программу современнаго женскаго движенія. Лоренца свела на то, что женщина можетъ овладѣть всѣмъ міромъ, что она можетъ очищать нравы, направлять по своему произволу общественное мнѣніе, распространять кругомъ деликатныя чувства и вообще уничтожать зло и житейскія бѣдствія. Все это было выражено очень неопредѣленно, но зато чрезвычайно заманчиво, и аудиторія по окончаніи рѣчи наградила ораторшу громомъ рукоплесканій. Дамъ развязали. Тогда Лоренца предупредила ихъ, что ихъ ждутъ великія и трудныя испытанія. Всѣ ли сильны духомъ, всѣ ли готовы подвергнуться искусу и надѣются его выдержать? И когда всѣ твердо изъявили готовность свою на всякія испытанія, ихъ раздѣлили на группы, по шести въ каждой, и развели шестерки по отдѣльнымъ комнатамъ. Искусителями новопосвященныхъ явились никто иные, какъ кавалеры. Они откуда-то являлись толпами передъ дамами; одни изъ нихъ грубо насмѣхались надъ ними за ихъ затѣю постигнуть таинства и избавиться отъ обычнаго ихъ рабства; другіе старались отклонить ихъ отъ опасныхъ намѣреній нѣжнѣйшими ухаживаніями. Почти всѣ посвящавшіяся были убѣждены, что передъ ними явились не живые люди, а призраки. Искушаемыя вооружились мужествомъ и твердостью и не поддавались ни насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, ни нѣжнымъ ухаживаніямъ; ни одна не выбыла изъ рядовъ. Долго ли, коротко ли—искусъ этотъ кончился, кавалеры куда-то провалились и искушаемыхъ пригласили вернуться въ храмъ. Здѣсь ихъ встрѣтила ихъ руководительница горячими поздравленіями съ побѣдою надъ соблазномъ. Нѣкоторое время всѣ посидѣли въ безмолвіи, отдыхая и собираясь съ силами. Вдругъ потолокъ храма разверзся и сверху сталъ медленно спускаться въ залъ какой-то человѣкъ, возсѣдавшій на громадномъ золотомъ шарѣ. Въ рукѣ онъ держалъ змѣю, а на головѣ у него сверкало пламя. Лоренца тотчасъ отрекомендовала это новое дѣйствующее лицо своимъ ученицамъ. «Это духъ истины,—сказала она,—который изъ собственныхъ устъ сообщитъ вамъ все, что до сихъ поръ оставалось отъ васъ скрытымъ. Это самъ божественный и безсмертный Каліостро, носитель и хранитель знанія на землѣ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ». Болѣе пышной рекомендаціи супруги, должно быть, не въ силахъ были составить. Между тѣмъ египетскій магъ, спустившійся внизъ, держалъ рѣчь къ новообращеннымъ. Онъ началъ толковать имъ о великомъ значеніи магіи, о томъ, что въ добрыхъ рукахъ она служитъ средствомъ дѣлать добро, что она проникаетъ въ тайны природы, овладѣваетъ этими тайнами и обращаетъ ихъ на служеніе добру и истинѣ. Онъ обѣщалъ имъ открыть всѣ эти тайны, но, конечно, не сейчасъ и не сразу, а постепенно. Теперь же, на первый разъ, онъ изъяснилъ только, что высшая цѣль египетскаго масонства, которое онъ, Каліостро, вывезъ съ Востока въ Европу, состоитъ именно въ устроеніи счастья всего

человѣчества, для достиженія же этой цѣли и служитъ магія. «Живите счастливо,—заключилъ свое поученіе (по правдѣ сказать, очень краткое) великій кудесникъ,—любите, дѣлайте добро, а все прочее—пустяки». Проговоривъ свой поучительный спичъ, египетскій масонъ опять сѣлъ на шаръ и улетѣлъ изъ зала туда, откуда явился. Но этимъ фокусы не кончились. Въ тотъ моментъ, когда за вознесшимся кофтомъ закрылся потолокъ, разверзся полъ храма и изъ подъ него поднялся роскошно сервированный столъ, установленный хрусталемъ, фарфоромъ, золотомъ, цвѣтами и самыми изысканными блюдами и напитками; невѣдомо откуда въ залъ ворвались волны свѣта. Восхищенныя масонки стали усаживаться за столъ, а тѣмъ временемъ на нихъ уже сваливался новый сюрпризъ: въ залъ вдругъ вошла толпа кавалеровъ, и все знакомыхъ, друзей сердца обращаемыхъ дамъ. Начался пиръ горой, а послѣ него танцы до трехъ часовъ утра. Такимъ образомъ, супруги Каліостро взяли деньги не даромъ; они устроили плательщицамъ чудную, фантастическую ночь. За ужиномъ Лоренца явилась въ простомъ платьѣ и поспѣшила успокоить своихъ ученицъ, что этотъ вечеръ былъ простымъ развлеченіемъ, а что серьезный курсъ магіи еще предстоитъ впереди; никто, впрочемъ, и не думалъ претендовать на ловкую даму.

Каліостро почти совсѣмъ бросилъ медицину; ему гораздо была выгоднѣе спеціальность вызывателя духовъ. Впрочемъ, такъ какъ всѣ знали по его страсбургскимъ подвигамъ, что онъ обладаетъ чудодѣйственными врачебными знаніями, то всетаки къ нему шло множество больныхъ. Онъ съ ними держался прежней системы и бѣдныхъ лечилъ даромъ и иногда еще одѣлялъ деньгами, но къ богатымъ ѣздилъ не охотно и бралъ съ нихъ за визиты безъ всякой церемоніи. Оффиціальные врачи роптали на него, но слегка, не очень настойчиво, не поднимая исторіи.

Случилось, что занемогъ принцъ Субизъ, близкій родственникъ того самаго кардинала Рогана, который такъ глупо влетѣлъ въ извѣстное дѣло объ ожерельи королевы. Каліостро познакомился съ нимъ въ Страсбургѣ и пріобрѣлъ въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ своихъ почитателей. Субизъ заболѣлъ опасно, врачи не надѣялись на его выздоровленіе. Роганъ бросился къ Каліостро и умолялъ его помочь родственнику. Каліостро ухватился за этотъ случай, понимая, что тутъ онъ ничѣмъ не рискуетъ: больной приговоренъ къ смерти и, если умретъ, то это никого не удивитъ, зато, если выздоровѣетъ, то это будетъ очень хорошо. Сообразивъ это дѣло, Каліостро принялъ мѣры, чтобы пока, до поры до времени, никто не зналъ, что больного пользуетъ онъ, Каліостро; пусть думаютъ, что его посѣщаетъ какой-то врачъ и только. Между тѣмъ, случаю было угодно, чтобы больной поправился; чѣмъ его лечилъ Каліостро—это его секретъ. Но когда стало несомнѣнно, что Субизъ выздоровѣлъ, тогда вдругъ торжественно объявили имя его врачевателя. Это было чрезвычайно крупное торжество. Всѣ парижскіе врачи, весь факультетъ роптал уже исподтишка на Каліостро и аттестовалъ его, какъ шарлатана. И вдругъ этотъ шарлатанъ излечиваетъ больного, отъ котораго оффиціальные представители врачебной науки всѣ отказались. Вѣсть съ быстротою молніи разнеслась по городу; у дома Каліостро стояли цѣлые

ряды экипажей знати, поздравлявшій его съ успѣхомъ; даже королевская чета нашла нужнымъ поздравить Субиза съ выздоровленіемъ. Тогда и безъ того уже громадная слава Каліостро достигла своей вершины. Онъ сдѣлался настоящимъ идоломъ Парижа. Повсюду продавались его портреты, бюсты и весь Парижъ только и дѣлалъ, что говорилъ о немъ и его чудесномъ искусствѣ.

Теперь, наконецъ, можно было приступить къ осуществленію широкаго плана, повидимому, давно уже задуманнаго Каліостро; онъ, судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, уже не разъ дѣлалъ попытки пустить въ ходъ эту затѣю, но обстоятельства никогда еще такъ ей не благопріятствовали, какъ теперь, послѣ блестящаго оправданія его врачебной репутаціи въ дѣлѣ Субиза. Корень задуманной имъ штуки исходилъ все изъ того же египетскаго масонства, которое уже успѣло оказать ему столько добрыхъ услугъ. Онъ составилъ смѣлый планъ—навербовать среди парижской знати и богачей особую ложу избранныхъ масоновъ, строго ограничивъ число ея членовъ. Но надо же было чѣмъ-нибудь особеннымъ заманить людей въ эту затѣю. Каліостро этотъ пунктъ нисколько не затруднялъ: онъ просто-на-просто, какъ мы уже сообщали выше, гарантировалъ всѣмъ членамъ таинственной ложи, ни болѣе, ни менѣе, какъ 5557 лѣтъ жизни! Однако, съ такими обѣщаніями необходимо было держаться поосмотрительнѣе. Исполнить ихъ, даже въ сотой долѣ общаго объема, совершенно невозможно, а посему здравый смыслъ обязывалъ принять свои мѣры, поставить такія условія и оговорки, за которыми всегда можно спрятаться. Каліостро обставилъ достиженіе долголѣтія такими оговорками и условіями, которымъ едва ли кто могъ удовлетворить безспорно. Принимаемый въ ложу долженъ былъ обладать самое меньшее 50 тысячами франковъ годового дохода, а главное, долженъ былъ отъ рожденія и до посвященія оставаться и пребывать чистымъ и непорочнымъ до такой степени, чтобы его не могло коснуться даже самое ядовитое и безцеремонное злословіе; въ то же время всѣ поступавшіе должны были быть холостыми, бездѣтными и цѣломудренными! Общее число членовъ никакъ не могло превышать тринадцати. Съ такимъ сочетаніемъ условій, разумѣется, можно было смѣло приступить къ дѣлу, не боясь никакихъ нареканій; слишкомъ хорошъ былъ запасъ причинъ, на которыя можно было сваливать возможный неуспѣхъ. Долголѣтіе—это была, конечно, самая существенная приманка, но ей одной нельзя было еще ограничиться. Оно только закрѣпляло новообращеннаго, но надо было еще занять его воображеніе и время. Съ этою цѣлью Каліостро и придумалъ цѣлый рядъ сложныхъ обрядностей—постовъ, ваннъ, діэтъ, кровопусканій и т. д., о которыхъ мы уже говорили. Эти обрядности повторяются однажды въ каждое полустолѣтіе, продолжаются сорокъ дней и послѣ нихъ человѣкъ вновь возрождается, молодѣетъ и начинаетъ жизнь сызнова.

Само собою разумѣется, что кудесникъ, раздававшій Маѳусаиловы годы всѣмъ желающимъ, долженъ былъ ожидать вопроса—воспользовался ли онъ самъ своимъ чуднымъ рецептомъ? Каліостро сотни разъ приходилось отвѣчать на этотъ щекотливый вопросъ и онъ очень спокойно удовлетворялъ любопытствующихъ. «Я родился черезъ двѣсти лѣтъ послѣ всемірнаго потопа», обыкновенно отвѣчалъ онъ. Такимъ

образомъ, онъ оказывался «своимъ человѣкомъ» съ Моисеемъ и Аарономъ, участвовалъ въ оргіяхъ Нерона и Геліогабала, бралъ Іерусалимъ съ Готфридомъ Бульонскимъ,—словомъ, безъ него не обходилось ни одно сколько-нибудь замѣчательное историческое событіе. Онъ открыто говорилъ объ этомъ. Перечитывая сказанія о подвигахъ Каліостро, нѣтъ возможности побороть своего изумленія передъ тою бездною людского легковѣрія, на почвѣ котораго могъ возрасти этотъ пышный цвѣтокъ шарлатанства.

Увлеченіе ловкимъ пройдохою среди французской знати было до такой степени повальнымъ, что, когда онъ сдѣлалъ призывъ въ свою ложу, то вмѣсто тринадцати вызываемыхъ сразу нахлынули сотни соискателей. Его умоляли увеличить число членовъ ложи; но онъ началъ ломаться; надо было строго держаться заранѣе объявленной цифры и непремѣнно связать съ нею какой-нибудь таинственный и роковой смыслъ. Но, увы, пока онъ тратилъ время на праздные разговоры и спорилъ о числѣ членовъ ложи блаженныхъ, надъ его головою собиралась грозная туча: на сцену выступало знаменитое дѣло объ ожерельи королевы, въ которомъ онъ оказался замѣшаннымъ столь серьезно, что его пришлось засадить въ Бастилію, не взирая на всю славу, которая его въ то время окружала, дѣлая его чуть не полубогомъ.

Дѣло объ ожерельи мы подробно изложили въ статьѣ «Королева Марія-Антуанетта», напечатанной въ мартовской книжкѣ этого года *). Напомнимъ здѣсь только суть дѣла. Нѣкая искательница приключеній, Ламоттъ, увѣрила простоватаго духовника короля, кардинала Рогана, что королева желаетъ пріобрѣсти отъ извѣстнаго ювелира Бёмера бриллiантовое колье громадной цѣнности. Состояніе казны въ то время было плачевное, и королева не могла сразу уплатить всю сумму (1.600.000 франковъ), которую ювелиръ просилъ за эту вещь; вмѣстѣ съ тѣмъ, королевѣ нежелательно было самой торговаться съ купцомъ, и она, по словамъ Ламоттъ, подыскивала человѣка, который повелъ бы это дѣло отъ ея имени, но съ соблюденіемъ полной тайны. Выборъ ея палъ на кардинала Рогана; ему королева и намѣревалась довѣрить переговоры съ Бёмеромъ. Легкомысленный духовникъ повѣрилъ пройдохѣ, переговорилъ съ Бёмеромъ и выдалъ ему векселя отъ имени королевы; Бёмеръ, видя подпись королевы на письмѣ, которое ему предъявили, повѣрилъ всему, что ему сообщили, и выдалъ драгоцѣнное ожерелье, а Роганъ передалъ его Ламоттъ. Когда же наступилъ срокъ уплаты перваго взноса, у Рогана денегъ не оказалось; онъ началъ тянуть, а Бёмеръ вышелъ изъ терпѣнія и обратился прямо къ королевѣ. Дѣло все объяснилось, главные преступники тотчасъ обнаружились и были арестованы. Но какимъ образомъ замѣшался въ исторію Каліостро?

Дѣло въ томъ, что кардиналъ Роганъ былъ однимъ изъ самыхъ наивныхъ (онъ былъ вообще человѣкомъ весьма недальняго ума) и восторженныхъ почитателей великаго египетскаго мага. Когда хитрая Ламоттъ сдѣлала ему предложеніе отъ имени якобы королевы, Роганъ, какъ онъ ни былъ простъ и какъ ни соблазняло его лестное предложеніе, все же призадумался, не сразу рѣшился. Онъ былъ по-

*) См. «Истор. новости», стр. 238—241, въ отдѣлѣ „Заграничная хроника".

груженъ въ мучительное сомнѣніе. Кто могъ вывести его изъ этого сомнѣнія, кромѣ его преданнаго могучаго друга Каліостро? Онъ одинъ могъ вопросить будущее и повѣдать всю судьбу заманчиваго предпріятія. Каліостро, когда кардиналъ обратился къ нему, вѣроятно, тотчасъ уразумѣлъ, что тутъ что-то неладно; ему не хотѣлось вмѣшиваться въ исторію, которая не могла особенно соблазнять его барышами, потому что деньги и безъ того лились къ нему рѣкою. Онъ сначала всячески уклонялся, но его сбила съ толку Лоренца. Она, надо полагать, была дружна съ Ламоттъ, и та, быть можетъ, откровенно посвятила ее въ свою затѣю, суля ей хорошую поживу. Она съ жаромъ убѣждала мужа, и тотъ, наконецъ, рѣшился. Правда, онъ ничѣмъ особеннымъ не рисковалъ; отъ него требовали только, чтобы онъ поворожилъ, вопросилъ подвластныхъ ему геніевъ, стоитъ ли кардиналу браться за это дѣло, увѣнчается ли оно добрымъ успѣхомъ. Оракулъ далъ на этотъ мучительный вопросъ самый ободряющій отвѣтъ: «Да, за дѣло стоитъ взяться, оно совершится благополучно, увѣнчается полнымъ успѣхомъ».

Повидимому, руководители дѣла, т. е. Ламоттъ и ея мужъ, разсчитывали одурачить Рогана, обобрать его и выйти сухими изъ воды. Легковѣрный кардиналъ читалъ письма, доставляемыя ему Ламоттъ, письма самой королевы, съ ея подписью, которыя приводили его въ слезный восторгъ, потому что, увы, онъ давно уже вздыхалъ по красавицѣ-королевѣ. Но его смущало, что королева не надѣваетъ ожерелья, которое ей уже давно было доставлено, и, кромѣ того, не выказываетъ ему, Рогану, никакихъ внѣшнихъ знаковъ вниманія. Умная Ламоттъ давала всему этому очень резонныя объясненія, которыя успокаивали кардинала и дѣлали его положеніе все болѣе и болѣе глупымъ. Очевидно, опутавшіе его ловкачи собирались довести несчастнаго человѣка до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, а затѣмъ безпощадно разсказать ему всю истину. Тогда, увидѣвъ во-очію, какъ онъ дурацки попался, кардиналъ самъ не захочетъ поднимать исторіи и уплатитъ долгъ Бёмеру изъ собственныхъ кармановъ. Ожерелье же давно было сплавлено въ Англію, тамъ разобрано и продано по частямъ. Разсчетъ былъ вѣренъ со стороны психологической, но проходимцы весьма легкомысленно упустили изъ вида денежное положеніе своей жертвы. Кардиналъ былъ человѣкъ промотавшійся и ему рѣшительно неоткуда было взять полтора милліона. Онъ запутался на первыхъ порахъ, не сдѣлалъ во время срочнаго платежа Бёмеру и заставилъ того обратиться прямо къ королевѣ.

Каліостро, быть можетъ, избѣжалъ бы всякаго безпокойства по этому дѣлу, ибо его участіе, повидимому, ограничивалось только тѣмъ, что онъ ворожилъ кардиналу объ успѣхѣ предпріятія, а такъ какъ ворожба происходила почти безъ свидѣтелей, то его трудно было и изобличить. Но ему сильно повредила Лоренца. Она все время вела непрерывныя сношенія съ Ламоттъ, и этого, къ сожалѣнію, нельзя было скрыть. Однажды, когда злополучный кардиналъ особенно серьезно задумался и усомнился, Ламоттъ сочла полезнымъ устроить ему поддѣльное свиданіе съ королевою. У Лоренцы постоянно бывала нѣкая баронесса Олива, по наружности очень похожая на Марію-Антуанетту; вотъ эта-то особа и разыграла при свиданіи роль королевы. Это обстоятель-

ство всплыло наружу и бросило весьма подозрительную тѣнь не только на супругу великаго чародѣя, но и на него самого. Вдобавокъ, какъ только начались аресты послѣ обнаруженія мошенничества, Лоренца немедленно бѣжала изъ Парижа и такимъ образомъ всѣ подозрѣнія пали на одного Каліостро. Почему онъ не бѣжалъ, это трудно объяснить. Быть можетъ, вслѣдствіе самонадѣянности, увѣренности, «что противъ него нѣтъ серьезныхъ уликъ и что, когда его оправдаютъ, то слава его еще ярче возсіяетъ». Онъ въ этомъ и не ошибся. На судѣ онъ благополучно выпутался, потому что концы въ воду сумѣлъ спрятать безукоризненно ловко; можетъ быть, впрочемъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ сторонѣ, а орудовала его супруга за свой рискъ и страхъ. Такъ или иначе, пришлось его оправдать и онъ отдѣлался только предварительнымъ заключеніемъ въ Бастиліи.

Его оправданіе вызвало въ Парижѣ цѣлую бурю восторга. Говорятъ даже, что въ его честь звонили въ колокола! Однако, при дворѣ, должно быть, не особенно вѣрили въ его невиновность. Какъ ни былъ расположенъ къ нему ранѣе самъ король, все же онъ нашелъ нужнымъ немедленно послѣ суда удалить его изъ Парижа. Онъ переѣхалъ въ Пасси и здѣсь прожилъ нѣкоторое время. Къ нему пріѣзжали цѣлыя толпы почитателей и онъ усердно вербовалъ среди нихъ новыхъ членовъ своего масонства. Но ему, вѣроятно, было нѣсколько жутко оставаться во Франціи. Восторги легковѣрныхъ почитателей не могли спасти его отъ преслѣдованій судебной власти; а за нимъ навѣрное было кое-что, заставлявшее его опасаться новаго заточенія въ Бастиліи. Всего благоразумнѣе было удалиться изъ Франціи. Сохранилось сказаніе, что, когда онъ садился на корабль, увозившій его въ Англію, то передъ нимъ преклонила колѣни цѣлая толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, просившая его благословенія! Многіе изъ приверженцевъ послѣдовали за нимъ въ Лондонъ и здѣсь способствовали его торжествамъ.

Живя въ Лондонѣ, Каліостро разразился замѣчательнымъ документомъ, который тогда былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками подлинника этого документа. Онъ носитъ заголовокъ: «Lettre au peuple français»—письмо къ французскому народу, и помѣченъ 1786 годомъ. По существу содержанія — это рядъ злыхъ и обличительныхъ выходокъ противъ существовавшаго тогда во Франціи порядка, противъ правительственныхъ лицъ, суда, двора, даже самого короля. Всего замѣчательнѣе въ этой брошюркѣ то, что въ ней предсказана была французская революція. Тамъ же въ Лондонѣ онъ продолжалъ свою масонскую проповѣдь. Приверженцы у него нашлись, хотя, быть можетъ, и не такіе беззавѣтные, какъ во Франціи; но тутъ, вѣроятно, обнаружилась только разница въ народныхъ темпераментахъ. Въ сущности же, въ Англіи ему было не худо. Онъ могъ пожить тамъ нѣкоторое время, потомъ объѣхать Германію, Австрію, и такъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, очень благополучно дожить свой вѣкъ въ богатствѣ и славѣ. Но какой-то злой рокъ тянулъ его на родину, въ Италію; тутъ, опять таки, надо искать ключа къ разгадкѣ событій не въ немъ самомъ, а въ его женѣ. Она тосковала по родинѣ и неустанно звала туда мужа. Очень вѣроятно, что осторожная женщина хотѣла, наконецъ, успокоиться, угомониться, положить конецъ этой блестящей, но очень тревожной и исполненной опасно-

стей жизни шарлатановъ. Средства Каліостро въ это время были, вѣроятно, весьма солидны. Онъ могъ отлично устроиться у себя на родинѣ и дожить свой вѣкъ большимъ бариномъ.

Какъ бы то ни было, кончилось тѣмъ, что стремленіе къ родинѣ взяло верхъ, и супруги Каліостро очутились въ Римѣ. Лоренца настаивала на томъ, что пора бросить всѣ эти масонства и чародѣйства и превратиться изъ чародѣевъ въ простыхъ обывателей, по возможности ни чѣмъ не привлекающихъ на себя вниманіе всевидящей инквизиціи. Совѣтъ этотъ былъ полонъ мудрости, но Каліостро не внялъ ему и— погибъ. Поживъ нѣкоторое время въ Римѣ на покоѣ, онъ соскучился, ему надо было, по усвоенной многолѣтней привычкѣ, кого-нибудь дурачить, что-нибудь проповѣдывать, играть роль, привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе, и онъ опять взялся за свое масонство. Это было чрезвычайно опасно. Въ Римѣ масонство было признано папскою буллою дѣломъ богопротивнымъ и изобличенные въ немъ карались смертною казнью. Не успѣлъ Каліостро привлечь и трехъ приверженцевъ, какъ одинъ изъ нихъ оказался измѣнникомъ. Онъ донесъ на Каліостро инквизиціи, и нашъ герой былъ тотчасъ схваченъ. Это было въ сентябрѣ 1789 года; съ этого момента Каліостро и покончилъ всѣ свои мірскія дѣла; онъ уже не вышелъ на свѣтъ Божій изъ мрачныхъ казематовъ инквизиціи. Его судили, возстановили до мелочей всю его прошлую жизнь, всю его біографію, разрушивъ при этомъ всю прекрасную легенду, которою онъ окружалъ свое дѣтство и отрочество. Онъ былъ осужденъ и, по всей вѣроятности, казненъ въ тюрьмѣ. Когда Римъ былъ взятъ французами въ 1798 году и они выпустили на волю всѣхъ узниковъ инквизиціи, среди нихъ уже не оказалось Каліостро, къ великому огорченію его друзей, которыхъ было немало въ республиканской арміи, овладѣвшей Римомъ.

268

Графъ Сенъ-Жерменъ.

Таинственность, окружающая происхожденіе Сенъ-Жермена. — Различныя догадки и предположенія по этому предмету.—Появленіе его во Франціи, близкія отношенія къ Шуазелю и Людовику XV.—Что извѣстно о его жизни?— Общая характеристика его по отзывамъ современниковъ.

Передъ нами прошли два типа авантюристовъ—Казанова и Каліостро. Первый—это яркій образчикъ прожигателя жизни, дѣятельность котораго лишь въ легкой степени запечатлѣна шарлатанствомъ. Второй, наоборотъ,—чистый, настоящій шарлатанъ, король шарлатановъ и проходимцевъ. Теперь мы познакомимъ читателей съ третьимъ искателемъ приключеній, Сенъ-Жерменомъ, являющимъ опять таки свои особенности. По общему обличію онъ ближе примыкаетъ къ Каліостро. Сенъ-Жерменъ былъ шарлатанъ—дѣлатель золота и эликсира долголѣтія; этимъ онъ главнымъ образомъ и пріобрѣлъ извѣстность. Но за нимъ всегда останется громадное преимущество передъ Каліостро и именно въ его таинственности. Какъ ни морочилъ публику Бальзамо своимъ чуть не сверхъ-естественнымъ происхожденіемъ, кончилось тѣмъ, что римская инквизиція разузнала всю его подноготную. Сенъ-Жерменъ же какъ былъ въ свое время, такъ остался по настоящее время подъ спудомъ непроницаемой тайны; кто онъ, откуда, когда появился на сценѣ—объ этомъ можно только догадываться, дѣлать предположенія, достовѣрно же ничего никому и никогда не было о немъ извѣстно.

Впервые таинственный Сенъ-Жерменъ обратилъ на себя вниманіе около 1750 года, когда появился въ Италіи. Сначала онъ былъ извѣстенъ въ разныхъ городахъ подъ именемъ графа Де-Монферра. Вслѣдъ затѣмъ, въ Венеціи онъ выступилъ уже подъ другимъ именемъ—графа Белламаре; въ Пизѣ онъ назвалъ себя кавалеромъ Шенингомъ, въ Миланѣ—кавалеромъ Уэльфономъ (англичаниномъ), въ Генуѣ—графомъ Салтыковымъ, въ Швабахъ—графомъ Царочи и Ракочи и, наконецъ, въ Парижѣ, куда постепенно перебрался — графомъ Сенъ-Жерменомъ. Это имя потомъ такъ и осталось за нимъ. Надо полагать, что съ нѣкоторыми изъ лицъ, носившихъ эти имена, онъ сталкивался случайно, и потомъ либо выдавалъ себя за нихъ, либо просто заимствовалъ ихъ имена, какъ извѣстныя публикѣ. Напримѣръ, одинъ изъ Салтыковыхъ долго жилъ за границею и пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ дѣятелей масонства. Графъ Сенъ-Жерменъ (т. е. настоящій) тоже существовалъ, и былъ въ свое время замѣтною личностью; онъ былъ сначала

іезуитомъ, затѣмъ служилъ офицеромъ во Франціи, Германіи и Австріи, потомъ былъ въ Даніи при Струензэ военнымъ министромъ и, наконецъ, во Франціи при Людовикѣ XVI—также военнымъ министромъ; умеръ онъ въ 1778 году. Съ нашимъ авантюристомъ онъ не имѣлъ ровно никакого родства и вообще ничего общаго.

О происхожденіи Сенъ-Жермена не осталось ни малѣйшихъ сколько-нибудь достовѣрныхъ извѣстій. Самъ онъ о себѣ никогда не обмолвился ни единымъ словомъ. Онъ не скрывалъ, что его имя—заимствованное, а о своемъ происхожденіи лишь смутно давалъ понять, что существуетъ чуть ли не отъ сотворенія міра. Когда его спрашивали, онъ не молчалъ, а принимался разсказывать о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, но разсказывалъ нѣчто вродѣ того, что сообщалъ о себѣ Каліостро. Родился онъ, по его словамъ, гдѣ-то въ странѣ съ блаженнѣйшимъ приморскимъ климатомъ; вспоминалъ какіе-то неслыханнаго великолѣпія дворцы, террасы, по которымъ онъ бѣгалъ, будучи ребенкомъ. Иногда упоминалъ о томъ, что онъ былъ сыномъ и наслѣдникомъ мавританскаго короля, царствовавшаго въ Испаніи, въ Гренадѣ, еще во времена арабскаго владычества. Но такъ какъ въ то же время Сенъ-Жерменъ намекалъ на свое знакомство съ Моисеемъ и Авраамомъ, то приходилось заключить, что онъ нѣсколько разъ въ жизни перерождался. Въ такое перерожденіе многіе въ XVIII столѣтіи свято вѣрили; мы уже знаемъ изъ записокъ Казановы, что онъ самолично совершалъ процедуру перерожденія бѣдной полоумной старушки, маркизы Дюрфэ.

Баронъ Стошъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о нѣкоемъ маркизѣ Монферра, котораго онъ зналъ. Этотъ маркизъ былъ незаконный сынъ вдовы испанскаго короля Карла II и одного мадридскаго банкира; Стошъ встрѣчалъ его въ Байоннѣ во времена регентства, т. е. съ 1715 по 1723 годъ. Не этотъ ли маркизъ и превратился потомъ въ Сенъ-Жермена? Но такихъ догадокъ, совершенно ничѣмъ не подтвержденныхъ, было высказано множество. Сенъ-Жермена принимали за португальскаго маркиза Ветмара, за испанскаго іезуита Аймара, за эльзасскаго еврея Симона Вольфа, за сына савойскаго сборщика податей, носившаго имя Ротондо. Герцогъ Шуазель, первый министръ при Людовикѣ XV, какъ и самъ король, хорошо зналъ Сенъ-Жермена, даже пользовался его услугами по дипломатической части и утверждалъ, что Сенъ-Жерменъ просто-на-просто португальскій еврей. Догадокъ и предположеній, какъ можно видѣть, сколько угодно, достовѣрнаго же—ничего.

Равнымъ образомъ, нѣтъ никакой возможности представить біографію Сенъ-Жермена, послѣ его появленія на сценѣ, въ сколько-нибудь связномъ видѣ. Онъ то появляется и играетъ громадную роль, то вдругъ канетъ въ неизвѣстность, а потомъ вновь заявится. Мы уже упоминали о его тѣсной дружбѣ съ Шуазелемъ и о благоволеніи къ нему Людовика XV. Шуазель, какъ извѣстно, особенно лелѣялъ планъ союза Франціи съ Австріею, къ этому были направлены всѣ усилія его политики. Но у него былъ дѣятельный и ловкій противникъ, большой ненавистникъ Австріи, маршалъ графъ Бель-Иль. Людовикъ XV и маркиза Помпадуръ очень скучали, пока шла безконечная война съ австрійцами и хотѣли мира; Шуазель тоже былъ сторонникомъ мира. Въ это время Сенъ-Жерменъ и предложилъ свои услуги; онъ объявилъ себя другомъ

князя Людвига Брауншвейгскаго; этотъ принцъ былъ въ то время въ Гаагѣ, и Сенъ-Жерменъ брался съѣздить туда къ нему и расположить его къ миру. Король Людовикъ XV и Шуазель согласились дать ему это порученіе и онъ отправился въ Гаагу. Въ Гаагѣ въ то время французскимъ посланникомъ былъ графъ Д'Аффри. Отъ него почему-то скрыли командировку Сенъ-Жермена. Когда же Д'Аффри узналъ о ней, то очень обидѣлся и написалъ Шуазелю, что съ нимъ очень безцеремонно поступаютъ, предоставляя вести переговоры о мирѣ помимо его какому-то неизвѣстному человѣку. Отвѣтъ на эту жалобу пришелъ весьма скоро и поразилъ Д'Аффри своею неожиданностью. Шуазель предписывалъ посланнику немедленно потребовать отъ голландскаго правительства выдачи Сенъ-Жермена, затѣмъ арестовать его, и немедленно препроводить во Францію, прямо въ Бастилію. Причину такого внезапнаго оборота дѣла почти невозможно понять. Казанова въ своихъ запискахъ (мы въ своемъ мѣстѣ говорили объ этомъ эпизодѣ, см. стр. 121) объясняетъ дѣло тѣмъ, что Сенъ-Жерменъ старался продать въ Гаагѣ громадный брилліантъ, принадлежащій будто бы королю Людовику, по его личному порученію. Между тѣмъ, такого порученія король ему не давалъ, да и брилліантъ потомъ оказался фальшивымъ. Можно думать, что эту исторію узнали въ Парижѣ и изъ-за нея требовали выдачи Сенъ-Жермена. Такъ или иначе, арестъ не удался; Сенъ-Жерменъ во-время провѣдалъ объ опасности, бѣжалъ и на нѣкоторое время канулъ въ воду. Это происшествіе было въ 1760 году. Надо полагать, что Сенъ-Жерменъ бѣжалъ сначала въ Англію; по крайней мѣрѣ, тамъ онъ былъ бы въ безопасности, такъ какъ при тогдашнихъ враждебныхъ отношеніяхъ между Франціею и Англіею послѣдняя не выдала бы его по требованію короля Людовика. Послѣ того онъ, кажется, былъ въ Россіи и принималъ участіе въ событіяхъ при воцареніи Екатерины II. Объ этомъ можно заключить изъ словъ графа Григорія Орлова, сказанныхъ имъ маркграфу Аншпрахъ въ Нюренбергѣ, въ 1772 г. Орловъ относился къ Сенъ-Жермену чрезвычайно дружески, оказалъ ему очень значительную денежную помощь и въ разговорѣ о немъ съ маркграфомъ прямо выразился, что «этотъ человѣкъ игралъ большую роль» въ упомянутыхъ событіяхъ. Но странно, что о немъ не упоминаетъ ни одинъ изъ современниковъ, описывавшихъ эти событія.

Изъ Россіи, если только онъ былъ въ ней, Сенъ-Жерменъ направился въ Германію. Онъ долго кружилъ по Германіи и Италіи. Тутъ онъ и свелъ знакомство съ помянутымъ маркграфомъ Аншпрахскимъ, котораго сопровождалъ въ его путешествіи по Италіи. Послѣ того онъ познакомился съ ландграфомъ Карломъ Гессенскимъ. Этотъ принцъ былъ извѣстнымъ въ свое время знатокомъ и страстнымъ любителемъ алхиміи и вообще всякихъ тайныхъ наукъ, а Сенъ-Жерменъ твердо упрочилъ за собою репутацію первѣйшаго мастера по этой части, проникшаго въ самую глубь всѣхъ алхимическихъ секретовъ. Графъ долгое время пользовался услугами Сенъ-Жермена; около него вообще удалось поживиться многимъ шарлатанамъ; человѣкъ онъ былъ, надо полагать, весьма легковѣрный. Сенъ-Жерменъ жилъ при немъ до самой своей смерти. Умеръ онъ въ 1780 году; это чуть ли не единственная достовѣрная дата во всей біографіи Сенъ-Жермена. Послѣ него,

говорятъ, остались бумаги, которыми и завладѣлъ его покровитель ландграфъ Карлъ. Но что Сенъ-Жерменъ прочелъ въ этихъ бумагахъ, этого онъ никому не сообщилъ. Такимъ образомъ и этотъ единственный источникъ свѣдѣній о Сенъ-Жерменѣ ускользнулъ изъ рукъ пытливыхъ исторiографовъ, и нашъ герой какъ былъ такъ и остался окутаннымъ мракомъ совершенно непроницаемой тайны.

Сенъ-Жерменъ и цѣлый рядъ ему подобныхъ авантюристовъ исполняютъ въ жизни образованныхъ народовъ роль наглядныхъ свидѣтелей легковѣрія и податливости даже развитыхъ и образованныхъ людей къ самому наглому обману, если только обманщикъ обладаетъ умѣньемъ облечь обманъ въ заманчивую оболочку таинственнаго. Правда, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ отзывамъ современниковъ, лично знавшихъ Сенъ-Жермена, это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Прежде всего это былъ настоящій ораторъ, умѣвшій буквально очаровывать слушателей, заставлявшій слушать себя, что называется раскрывъ ротъ. Мы уже упоминали о впечатлѣніи, произведенномъ Сенъ-Жерменомъ на Казанову, который встрѣтился съ нимъ за обѣдомъ у маркизы Дюрфэ. Онъ говорилъ до такой степени увлекательно, что Казанова, самъ великій краснобай, забылъ даже ѣду и слушалъ его, не спуская съ него глазъ. Онъ признается, что ему въ первый и единственный разъ въ жизни доводилось встрѣтить человѣка, который до такой степени плѣнилъ его своимъ разговоромъ. Уже одного этого необычайнаго дарованія было достаточно, чтобы подчинять себѣ людей и плѣнять ихъ. Съ этой стороны Сенъ-Жерменъ имѣетъ громадное преимущество передъ Каліостро, который почти вовсе не умѣлъ говорить, даже на своемъ родномъ итальянскомъ языкѣ, литературное нарѣчіе котораго, тосканское, не давалось этому сыну Сициліи. Сенъ-Жерменъ же съ одинаковою легкостью объяснялся и ораторствовалъ на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ. Другое громадное преимущество Сенъ-Жермена была его образованность, которой онъ поражалъ даже ученыхъ. Алхимію онъ дѣйствительно зналъ, т. е. въ самомъ дѣлѣ прочелъ массу этихъ темныхъ фоліантовъ, въ которыхъ старые, средневѣковые кудесники записывали свои опыты и изслѣдованія; мало того: онъ не только все это прочелъ, но, какъ можно думать, все это и продѣлалъ самъ; у него былъ явный навыкъ въ обращеніи съ химическими веществами и основательное знаніе ихъ свойствъ. Очень возможно, что онъ зналъ кое-что, еще не успѣвшее въ его время стать достояніемъ школьной науки. Такъ, напримѣръ, онъ показывалъ Казановѣ склянку съ какою-то жидкостью, которую онъ называлъ археемъ, т. е. праматерьею, таинственнымъ первоначальнымъ веществомъ, изъ котораго все произошло. Казанова видѣлъ эту жидкость. Сенъ-Жерменъ при немъ вскрылъ склянку съ археемъ и жидкость тотчасъ вся исчезла, къ великому изумленію Казановы. Теперь химикамъ извѣстно множество подобныхъ легко испаряющихся жидкостей, но тогда онѣ еще не были извѣстны, и потому намъ понятно изумленіе Казановы, который и самъ занимался химіею, самъ много зналъ, но этого явленія понять не могъ. Историческія познанія Сенъ-Жермена были необычайно глубоки и при его искусствѣ разсказывать производили въ его устахъ чрезвычайно странную иллюзію: слушателямъ казалось, что они слушаютъ очевидца разсказываемаго событія. Иногда онъ какъ бы заговаривался, дѣ-

лалъ видъ, что забывается и вставлялъ въ разсказъ самого себя. Разсказывая, положимъ, о Генрихѣ IV, онъ вдругъ нечаянно ронялъ слова: «тогда король обратился ко мнѣ и сказалъ»... но тутъ онъ вдругъ какъ бы спохватывался и поправлялъ свою ошибку: «король обратился къ герцогу такому-то...» Эти нечаянныя оговорки въ соединенiи съ массою мельчайшихъ подробностей событiя, подробностей всегда достовѣрныхъ (онъ никогда не выдумывалъ главныхъ подробностей, а дѣйствительно зналъ ихъ) оставляли въ легковѣрномъ слушателѣ впечатлѣнiе, что подобный разсказъ можетъ вести только очевидецъ событiя. А Сенъ-Жермену этого и нужно было; онъ хотѣлъ выставить себя старожиломъ земного шара, свидѣтелемъ-очевидцемъ и участникомъ всѣхъ историческихъ событiй чуть не отъ сотворенiя мiра. У него былъ вѣрный взглядъ и умѣнье сразу точно распознавать людей, схватывать на лету, съ перваго натиска, ихъ слабыя стороны. «Для того, чтобы познавать людей,—сказалъ онъ какъ-то разъ Людовику XV,—не надо быть ни исповѣдникомъ, ни министромъ, ни полицейскимъ приставомъ». Онъ никогда ни передъ кѣмъ не робѣлъ и не смущался. На всей его фигурѣ лежалъ отпечатокъ самой высшей порядочности, огромной привычки къ самому утонченному блеску свѣтской жизни. Онъ свободно и легко заговаривалъ съ министромъ, епископомъ, королемъ, съ свѣтскою львицею, и говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, какъ свой человѣкъ, который только и дѣлалъ всю жизнь, что разговаривалъ съ графинями, да королями. Очень часто въ его отношенiи къ собесѣдникамъ сквозила нота явнаго превосходства; онъ словно хотѣлъ показать, что снисходитъ къ человѣку, бесѣдуя съ нимъ; но никогда не проявлялъ онъ той мужицкой грубости, которую многiе отмѣтили въ Калiостро.

Во Францiю его привлекъ маршалъ Бель-Иль, встрѣтившiй его въ Германiи. Этотъ Бель-Иль былъ одинъ изъ многихъ тогдашнихъ аристократовъ, великихъ поклонниковъ тайныхъ наукъ. Бель-Иль представилъ его маркизѣ Помпадуръ, а та была имъ такъ очарована сразу, что немедленно представила его королю, который, въ свою очередь, сразу поддался очарованiю. Скоро Сенъ-Жерменъ сталъ для него необходимымъ человѣкомъ. Людовикъ цѣлые вечера проводилъ въ разговорахъ съ нимъ; король былъ самъ охотникъ до алхимiи и, обзаведясь такимъ знатокомъ, какъ Сенъ-Жерменъ, хотѣлъ извлечь изъ него пользу и поселилъ его въ одномъ изъ своихъ замковъ, гдѣ была устроена обширная лабораторiя. Сенъ-Жерменъ, вѣроятно, обладалъ искусствомъ выдѣлывать превосходные искусственные драгоцѣнные каменья, т. е. окрашенное стекло. Однажды онъ показалъ маркизѣ Помпадуръ буквально цѣлую груду различныхъ каменьевъ, имъ самимъ приготовленныхъ; несомнѣнно, что это были искусно окрашенныя стеклышки. Людовикъ XV утверждалъ, что Сенъ-Жерменъ научилъ его сплавлять алмазы, т. е. изъ нѣсколькихъ мелкихъ дѣлать одинъ крупный; король однажды показывалъ большой брилліантъ, который онъ будто бы самъ изготовилъ.

Къ числу диковинокъ Сенъ-Жермена принадлежала его картинная галерея; онъ показывалъ ее лишь немногимъ избраннымъ людямъ, понимавшимъ толкъ въ живописи, о которой онъ такъ же бойко разглагольствовалъ, какъ о прочихъ вещахъ, ему хорошо извѣстныхъ. Всѣхъ картинъ у него было не больше дюжины; между ними была одна, представлявшая Святое Семейство, которая поражала всѣхъ знатоковъ мастер-

ствомъ и какою-то совершенно особенною манерою письма. Объ этой картинѣ онъ тоже говорилъ какъ-то такъ таинственно, что надо было заключить объ ея особенномъ, таинственномъ происхожденіи.

Сенъ-Жерменъ, при его мастерствѣ въ опредѣленіи людей, всегда отлично различалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и какъ ему держаться съ собесѣдникомъ. Съ иными онъ не церемонился и, разсказывая какой-нибудь фактъ изъ жизни Карла Великаго или Генриха II, преспокойно упоминалъ о томъ, что былъ самъ очевидцемъ событія. Съ людьми же болѣе тонкаго склада ума онъ прибѣгалъ къ упомянутой нами выше уловкѣ: ошибался, дѣлалъ обмолвку и вставлялъ ее въ разсказъ. Вольтеръ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые не поддались его обаянію. Старый философъ ѣдко трунилъ надъ шарлатаномъ; онъ называлъ его вмѣсто comte Saint-Germain—conte pour rire (графъ Сенъ-Жерменъ—сказка для смѣха) и утверждалъ, будто онъ ему разсказывалъ о томъ, какъ онъ ужиналъ съ отцами вселенскаго собора. Иногда Сенъ-Жерменъ въ бесѣдѣ съ умными людьми самъ охотно разоблачалъ себя, конечно, до извѣстной степени. Такъ, барону Глейхену онъ однажды говорилъ: «Эти дурачье парижане вѣрятъ, что я живу 500 лѣтъ; я ихъ не думаю разубѣждать, потому что вижу, какое это доставляетъ имъ удовольствіе; притомъ я и въ самомъ дѣлѣ гораздо старше, нежели выгляжу». Впрочемъ, 500 лѣтъ—это цифра очень умѣренная; многіе были твердо убѣждены, что Сенъ-Жерменъ былъ современникомъ Спасителя, что ему болѣе 2.000 лѣтъ. Однажды какіе-то шутники въ Парижѣ вздумали сыграть штуку съ какими-то простаками; они привели къ нимъ одного извѣстнаго тогдашняго враля, тотъ выдалъ себя за графа Сенъ-Жермена, началъ болтать всякій вздоръ и, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что онъ лично зналъ всѣхъ евангельскихъ лицъ. Съ этого случая главнымъ образомъ и укрѣпилась во всемъ парижскомъ населеніи слава о долголѣтіи Сенъ-Жермена; самъ же онъ избѣгалъ много говорить объ этомъ, потому что былъ человѣкъ умный и осторожный; онъ зналъ, когда, кому и что можно приврать по этой части.

Сенъ-Жерменъ былъ мужчина средняго роста, плотный, здоровый. Онъ одѣвался чрезвычайно просто, но съ неподражаемымъ своеобразнымъ изяществомъ; онъ обладалъ тайною «носить» костюмъ — porter la toilette, какъ выражаются французы. Онъ велъ очень умѣренную, воздержанную жизнь: ѣлъ мало, ничего не пилъ, принималъ какіе-то особые порошки или лепешки изъ александрійскаго листа. Онъ увѣрялъ, что такой порядокъ жизни—лучшее средство для достиженія долголѣтія. Однако же, его пріятель баронъ Глейхенъ, хоть и слѣдовалъ его наставленіямъ, однако, дольше 73 лѣтъ не могъ прожить.

Сенъ-Жерменъ рѣдко нуждался въ деньгахъ, онѣ у него всегда были. Современниковъ мало удивляло это обиліе средствъ у таинственственнаго графа; онъ умѣлъ дѣлать золото и драгоцѣнные каменья, всѣ это знали, всѣ были въ этомъ увѣрены, слѣдовательно, что же удивительнаго въ томъ, что у такого кудесника были всегда деньги? На самомъ же дѣлѣ надо предположить два главныхъ источника, изъ которыхъ Сенъ-Жерменъ черпалъ свои средства. Первый источникъ это — касса благоволившаго къ нему короля Людовика XV, который поселилъ его въ своемъ замкѣ Шамборѣ и далъ ему возможность заниматься алхимическими работами, требовавшими тогда большихъ

средствъ. Несомнѣнно, что съ этой стороны Сенъ-Жерменъ хорошо поживился.

Другимъ источникомъ его богатства надо считать его дипломатическіе подвиги. Можно думать, что этотъ господинъ былъ просто-на-просто искуснѣйшимъ шпіономъ и что его услугами пользовались въ то время всѣ заправилы дѣлъ и вершители судебъ Европы — Шуазель, Кауницъ, Питтъ. Ловкій, вкрадчивый, обходительный, чрезвычайно краснорѣчивый, владѣвшій всѣми европейскими языками, посвященный во всю подноготную тогдашней политики, онъ, конечно, лучше чѣмъ кто-нибудь другой соотвѣтствовалъ для роли международнаго тайнаго политическаго агента.

Баронъ Тренкъ.

I.

Біографія-романъ. — Два Тренка. — Старшій Тренкъ, какъ одна изъ свирѣпѣйшихъ фигуръ прошедшаго вѣка.—Фридрихъ Тренкъ, его происхожденіе, воспитаніе, первые годы службы.—Его романъ съ принцессою Амаліею.

Вслѣдъ за авантюристомъ-прожигателемъ жизни, передъ нами прошли два авантюриста-шарлатана. Теперь мы займемся исторіею четвертаго авантюриста, удивительнаго по разнообразію приключеній,— барона Фридриха Тренка.

Не думаемъ, чтобы въ исторіи Европы прошедшаго и нынѣшняго столѣтій нашелся кто-нибудь другой, чья жизнь была бы исполнена такихъ превратностей и треволненій, такихъ трагическихъ несчастій, какъ этого знаменитаго барона Тренка. Его жизнь — настоящій бульварный романъ во французскомъ вкусѣ, но только романъ отнюдь не вымышленный, потому что до сихъ поръ никто еще не заподозрилъ Тренка въ искаженіи дѣйствительности; его записки считаются точнымъ разсказомъ о его бурной жизни. Эти записки изданы по-нѣмецки и по-французски; въ послѣднемъ изданіи онѣ образуютъ три довольно объемистыхъ тома.

Прежде всего замѣтимъ, что это имя, Тренкъ, сдѣлано знаменитыми двумя совершенно различными личностями, двумя двоюродными братьями, Францемъ и Фридрихомъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду собственно приключенія второго изъ нихъ, но и первый до такой степени замѣчателенъ, что и о немъ считаемъ не лишнимъ привести краткія біографическія подробности, тѣмъ болѣе, что судьбы обоихъ братьевъ часто приходили въ весьма бурное соприкосновеніе.

Старшій баронъ Тренкъ, Францъ, прославилъ себя, какъ одна изъ самыхъ жестокихъ и свирѣпыхъ личностей прошедшаго вѣка. Онъ былъ нѣмецъ, но родился въ Италіи, въ Калабріи, въ 1711 году. Его отецъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Славоніи. Онъ привезъ своего сына изъ Италіи въ Вѣну и помѣстилъ его въ тамошнюю гимназію. Лютый нравъ Франца быстро обозначился даже въ этомъ юномъ школьномъ возрастѣ: онъ былъ драчунъ, забіяка, грубіянъ, мучилъ и тиранилъ всѣхъ, кто только ему былъ подъ силу; и товарищи и начальство одинаково ненавидѣли его отъ всей души. На семнадцатомъ году онъ вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ офицеры. Изъ него вышелъ дѣтина громаднаго роста, необычайной силы; онъ

свободно объяснялся на нѣсколькихъ языкахъ, былъ хорошимъ музыкантомъ. Едва поступивъ на службу, онъ тотчасъ разсорился съ нѣсколькими товарищами и затѣялъ нѣсколько дуэлей. Ему нужны были деньги на кутежи и онъ требовалъ ихъ безъ церемоніи, чуть не отъ перваго встрѣчнаго; какой-то фермеръ отказалъ ему, не далъ денегъ, и Францъ немедленно разрубилъ ему голову саблей. Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ подвиговъ, свидѣтельствовавшихъ о безгранично жестокомъ и необузданномъ нравѣ, Францу стало невозможно служить въ Австріи, и онъ перебрался въ Россію; онъ явился въ наше отечество въ 1738 году; его приняли на службу капитаномъ. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ турками и при своей гигантской силѣ и свирѣпости, конечно, не замедлилъ отличиться. На него обратилъ вниманіе знаменитый Минихъ, взявшій молодого капитана подъ свое покровительство; но это могучее покровительство не спасло его отъ тюрьмы. Онъ повздорилъ съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ и, не будучи въ силахъ сдержать своей свирѣпости, прибилъ своего командира и хотя, благодаря Миниху, былъ избавленъ отъ смерти, но все же попалъ въ крѣпость. Отбывъ наказаніе, онъ былъ признанъ неудобнымъ въ нашей арміи и уѣхалъ снова къ себѣ на родину. Въ то время въ Австріи пограничное съ Турціею населеніе сильно терпѣло отъ разбойниковъ. Жители пограничной деревни Пандуръ славились, какъ великіе мастера въ преслѣдованіи и поимкѣ этихъ грабителей. А имѣніе Тренковъ какъ разъ находилось въ тѣхъ мѣстахъ. Францъ, вернувшись на родину, вздумалъ составить изъ пандурцевъ особые отряды для борьбы съ разбойничествомъ. Съ этими отрядами онъ такъ энергически взялся за преслѣдованіе разбойниковъ, такъ неслыханно жестоко расправлялся съ ними, что скоро отъ ихъ подвиговъ осталось одно воспоминаніе. Эта кампанія, безъ сомнѣнія, можетъ быть поставлена въ большую заслугу Тренку, хотя населеніе, избавленное отъ разбойниковъ, все же не безъ трепета смотрѣло на своего избавителя, видя, съ какою яростью онъ расправлялся съ грабителями. Въ 1740 г. онъ набралъ цѣлый полкъ пандурцевъ и предложилъ его, подъ собственнымъ предводительствомъ, къ услугамъ Маріи-Терезіи. Въ этотъ полкъ онъ мимоходомъ завербовалъ и до трехъ сотенъ бывшихъ разбойниковъ, съ которыми воевалъ. Держать такую силу въ строгой дисциплинѣ обычными средствами не представлялось возможности; но люди Тренка очень хорошо знали своего главаря, извѣдали его безграничную жестокость и свирѣпость и вели себя хорошо. Его полкъ принялъ участіе въ войнѣ начала 40 годовъ прошлаго столѣтія съ Баваріею и Франціею. Тренкъ постепенно осаждалъ и бралъ приступомъ одинъ за другимъ вражескіе города. Въ одномъ изъ нихъ, Хамѣ (въ Баваріи), онъ такъ обошелся съ населеніемъ, проявилъ такую необузданную жестокость, что привелъ въ трепетъ даже свое собственное правительство, которое нашло нужнымъ вызвать его въ Вѣну для объясненій; ему удалось отдѣлаться только тѣмъ, что на ряду съ звѣрствами пришлось поставить и его весьма существенныя военныя заслуги; а время стояло такое, что эти услуги приходилось цѣнить дорого. Впослѣдствіи онъ учинилъ безчисленныя новыя жестокости и вдобавокъ оскорбилъ Марію-Терезію; его снова судили, и тутъ кстати припомнили всѣ его звѣрства, которыя даже въ тѣ суровыя времена рѣшительно невозможно было

оставить безнаказанными; они во многихъ отношеніяхъ превышали даже подвиги башибузуковъ. Тренкъ понялъ, что на этотъ разъ ему не сдобровать, подкупилъ своихъ стражей и бѣжалъ въ Голландію. Но его тамъ накрыли, арестовали, осудили и заточили въ брюнскую крѣпость, гдѣ онъ, какъ полагаютъ, отравился въ 1749 году. Личность, какъ можно видѣть изъ этого краткаго очерка, въ своемъ родѣ замѣчательная, настоящій царь башибузуковъ.

Фридрихъ Тренкъ, герой нашего разсказа, какъ уже сказано, приходился двоюроднымъ братомъ этому башибузуку, но по своему нраву рѣзко отличался отъ него. Онъ былъ храбръ не менѣе Франца, но его нельзя упрекнуть въ жестокости и звѣрствѣ; если его жизнь и вышла трагедіею, то въ этомъ виновата судьба.

Фридрихъ Тренкъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1726 году. Мы не будемъ здѣсь описывать его жизнь шагъ за шагомъ; хотя вся она полна драматическаго интереса, но его приключенія поражаютъ только своимъ скопленіемъ въ судьбѣ одной и той же личности, сами же по себѣ въ отдѣльности не представляютъ ничего необычайнаго. Но что особенно отличаетъ Тренка, выдвигаетъ его изъ ряда другихъ героевъ бурной жизни, это его приключеніе въ тюрьмахъ, попытки бѣгства изъ нихъ; а такъ какъ Тренкъ провелъ въ тюремномъ заключеніи весьма значительную долю своей жизни, то эти эпизоды его житейскаго романа и сосредоточиваютъ въ себѣ главный интересъ. Поэтому промежутки между тюремными сидѣніями мы сократимъ, самыя же сидѣнія изложимъ прямо по его запискамъ, со всѣми ихъ главными интересными подробностями.

Баронъ Фридрихъ Тренкъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1726 году. Еще будучи ребенкомъ, онъ проявилъ большія умственныя способности и склонность къ занятіямъ. На тринадцатомъ году онъ уже изучилъ нѣсколько языковъ, усердно читалъ, много зналъ. На семнадцатомъ году онъ поступилъ студентомъ въ кенигсбергскій университетъ и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями, такъ что его даже представили королю Фридриху II, какъ лучшаго ученика университета. Король былъ къ нему очень внимателенъ и милостивъ, бесѣдовалъ съ нимъ и предложилъ ему оставить науки и поступить въ военную службу. Молодой человѣкъ соблазнился предложеніемъ короля; онъ вышелъ изъ университета, поступилъ въ военную службу и не имѣлъ причинъ въ этомъ раскаиваться. Его служба пошла чрезвычайно успѣшно; онъ быстро прошелъ всю лѣстницу первыхъ офицерскихъ чиновъ; онъ былъ отличенъ самимъ королемъ, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ офицеровъ. Въ это время былъ въ Пруссіи изданъ новый уставъ кавалерійской службы, и на Тренка было возложено порученіе ввести этотъ уставъ въ Силезіи. Король былъ лично расположенъ къ молодому офицеру и удостоилъ его, восемнадцатилѣтняго юношу, небывалой чести, которая не снилась ни одному тогдашнему прусскому поручику: онъ ввелъ его въ свой интимный кругъ, гдѣ онъ имѣлъ случай бесѣдовать съ Вольтеромъ, Мопертюи*), Іорданомъ**) и другими знаменитостями, которыми окружалъ

*) Мопертюи—знаменитый французскій математикъ, геометръ, котораго Фридрихъ избралъ президентомъ берлинской академіи наукъ.

**) Французскій уроженецъ, литераторъ, вице-президентъ той же академіи.

себя король. Правда, молодой офицеръ былъ не таковъ, чтобы ударить лицомъ въ грязь въ этомъ избранномъ кружкѣ свѣтилъ. Онъ былъ богато одаренъ отъ природы и превосходно образованъ и воспитанъ; вдобавокъ, онъ былъ силенъ, какъ Геркулесъ, и красавецъ. Но, увы, эти же блестящія качества, давъ ему необычайно пышную удачу на первыхъ шагахъ его бурной жизни, впослѣдствіи послужили источникомъ всѣхъ его бѣдъ и напастей.

Въ 1743 году при дворѣ происходилъ рядъ блестящихъ праздниковъ и баловъ по случаю выдачи замужъ принцессы Ульрики за шведскаго короля. Само собою разумѣется, что нашъ юный красавецъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ кавалеровъ на всѣхъ этихъ празднествахъ; тутъ-то онъ и былъ впервые отличенъ сестрою короля, принцессою Амаліею. Молодой офицеръ, смѣлый и самонадѣянный, замѣтилъ вниманіе, которое выказывала ему принцесса, и скоро убѣдился, что это вниманіе быстро расширяется и принимаетъ размѣры серьезнаго увлеченія. Его нисколько не испугала сложная, опасная и безпокойная завязка любовной интриги съ сестрою короля и онъ смѣло бросился навстрѣчу выпавшаго на его долю счастья. Интрига быстро развилась и дошла до предѣловъ, до которыхъ немногіе на мѣстѣ Тренка рѣшились бы довести ее. Скоро онъ сталъ «счастливѣйшимъ во всемъ Берлинѣ смертнымъ», какъ выражается онъ самъ въ своихъ запискахъ. Надо отдать справедливость влюбленнымъ: оба они оказались, какъ говорится, на высотѣ своей хитрой и трудной задачи; о ихъ настоящихъ отношеніяхъ долго никто и не догадывался. Объ этомъ надо было прежде всего заключить по поведенію короля; онъ продолжалъ осыпать Тренка знаками своего милостивѣйшаго отмѣннаго вниманія. Король не только высоко цѣнилъ Тренка, какъ образцоваго офицера, талантливаго и вѣрнаго своего слугу, но и любилъ его, обращаясь съ нимъ скорѣе какъ съ сыномъ, чѣмъ какъ съ хорошимъ служакою.

Между тѣмъ въ слѣдующемъ году, 1744, началась война съ Австріею. Тренкъ, конечно, попалъ въ дѣйствующую армію. Его громадная сила, молодость, отвага, самонадѣянность живо выдвинули его на первый планъ. Онъ оказался однимъ изъ самыхъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ. Фридрихъ, уже испытавшій его въ мирное время и высоко цѣнившій его служебный успѣхъ, былъ окончательно очарованъ молодымъ воиномъ, показавшимъ себя съ новой блестящей стороны. Передъ нимъ открывалась самая блестящая будущность. Онъ былъ еще почти юноша, а уже успѣлъ занять прочное служебное положеніе; его любилъ его государь, ему на долю досталось совершенно исключительное вниманіе принцессы, сестры государя. Нѣтъ ничего мудренаго, что такой головокружительный успѣхъ сбилъ съ толку счастливаго юношу и побудилъ его сдѣлать не мало неосторожностей, роковыя послѣдствія которыхъ тотчасъ же и обнаружились. Цѣлая толпа завистниковъ, несомнѣнно, давно ужъ подкарауливала Тренка, слѣдила за его неслыханными успѣхами и терпѣливо изучала его слабыя стороны. Достаточно было малѣйшей оплошности, чтобы тайна его сердечныхъ узъ съ принцессою Амаліею разоблачилась; о ней немедленно же поспѣшили довести до свѣдѣнія короля, который, разумѣется, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому важному извѣстію. Это была, несомнѣнно, первая и главная причина немилости короля къ своему любимцу. Для того,

чтобы эта немилость вспыхнула яркимъ огнемъ, надо было только дождаться искры; она и не заставила себя долго ждать.

Военныя дѣйствія были въ полномъ разгарѣ. Юный Тренкъ ничего не подозрѣвалъ, ему и въ голову не приходило, что королю уже стало извѣстно объ его амурахъ съ принцессою; да, быть можетъ, если бы онъ и зналъ объ этомъ, то по своей юной беззаботности, по безграничной вѣрѣ въ свою счастливую звѣзду, не очень этимъ и обезпокоился: онъ тогда разсчитывалъ на расположеніе къ нему короля, какъ на каменную стѣну. Между тѣмъ разыгралась одна исторія, которою его враги и воспользовались, чтобы сразу окончательно погубить его. Дѣло въ томъ, что въ рядахъ австрійскаго войска въ это время ратоборствовалъ его интересный двоюродный братъ, свирѣпый вербовщикъ и предводитель пандуровъ, съ краткой біографіи котораго мы начали этотъ очеркъ. Въ это время оба Тренка еще были въ хорошихъ родственныхъ отношеніяхъ между собою. Но они служили въ разныхъ государствахъ—одинъ въ Австріи, другой въ Пруссіи—и теперь волей-неволей сошлись на поляхъ битвъ, какъ враги. Случилось однажды, что кучка пандуровъ сдѣлала набѣгъ на пруссаковъ и между прочими захватила въ плѣнъ двухъ боевыхъ коней Тренка и его денщика. Король Фридрихъ въ это время еще былъ, вѣроятно, въ достаточной мѣрѣ вооруженъ противъ своего любимца; ему, несомнѣнно, путемъ искусныхъ намековъ, дали понятіе объ отношеніяхъ Тренка къ принцессѣ Амаліи, но для посвященія его во всю суть этой непріятной новости выжидали случая. Узнавъ о приключеніи своего любимца, король тотчасъ распорядился, чтобы ему доставили пару верховыхъ коней съ королевской конюшни. Но едва было сдѣлано это распоряженіе, какъ уведенные пандурами кони и денщикъ неожиданно появились въ прусскомъ лагерѣ. Ихъ сопровождалъ солдатъ изъ непріятельскаго лагеря, который, передавая Тренку коней, вручилъ ему записку. Она была отъ его двоюроднаго брата Франца, предводителя пандуровъ. «Тренкъ-австріецъ,—писалъ свирѣпый полковникъ,—не воюетъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Тренкомъ-пруссакомъ; онъ очень радъ, что ему удалось спасти изъ рукъ своихъ гусаровъ двухъ коней, которыхъ они увели у его брата, и возвращаетъ ихъ нему».

Тренкъ, получивъ это посланіе, немедленно пошелъ къ Фридриху и ему отдалъ подробный отчетъ объ этомъ любопытномъ происшествіи. Король выслушалъ его разсказъ довольно мрачно и ограничился тѣмъ, что сказалъ ему, все съ тою же мрачностью:

— Коли вамъ вашъ братъ возвратилъ коней, значитъ, мои вамъ не нужны.

И только. Тренкъ, очевидно, понялъ всю эту исторію лишь въ томъ смыслѣ, что королю не понравились такія дружескія сношенія его любимца съ непріятелемъ, что онъ только временно разсердился. Эта догадка отчасти и оправдалась дальнѣйшимъ поведеніемъ короля. Онъ видимо началъ смягчаться и вновь сталъ внимателенъ къ Тренку. Молодой офицеръ не зналъ и не подозрѣвалъ, что противъ него давно уже весьма искусною рукою ведется хитрая и осторожная интрига. Еще раньше, чуть ли не до войны, одинъ изъ его начальниковъ разговорился съ нимъ какъ-то о его домашнихъ дѣлахъ и отношеніяхъ къ Францу Тренку и убѣдилъ его написать тому письмо. Тренкъ послушался и написалъ.

Это письмо не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго, касалось семейныхъ дѣлъ. На него долженъ былъ придти отвѣтъ, но отвѣта почему-то все не получалось. Этотъ отвѣтъ вдругъ и совершенно неожиданно пришелъ уже во время войны, и притомъ послѣ происшествія съ конями. Такимъ образомъ, дѣло приняло такой видъ, что Тренкъ поддерживаетъ постоянную переписку съ однимъ изъ офицеровъ непріятеля. Король былъ этимъ раздраженъ и распорядился немедленно арестовать Тренка и заключить его въ крѣпость Глацъ, близъ границы Богеміи.

ГЛАВА II.

Содержаніе Тренка въ Глацѣ.—Первая неудачная попытка бѣгства.—Вторая попытка: прыжокъ со стѣны крѣпости; Тренкъ застряваетъ въ ямѣ съ нечистотами. — Третья попытка: Тренкъ вырываетъ шпагу у офицера и прокладываетъ себѣ путь сквозь ряды солдатъ. — Четвертая удачная попытка: Тренкъ бѣжитъ изъ Глаца съ Шеллемъ.

Весь узелъ интриги Тренкъ узналъ только впослѣдствіи. Всю ее велъ тотъ же самый его командиръ, который такъ сердечно бесѣдовалъ съ нимъ о его семейныхъ дѣлахъ и давалъ совѣты насчетъ письма къ Франциску. Этотъ же командиръ озаботился поставить короля въ извѣстность о дружбѣ Тренка съ принцессою Амаліею, и онъ же, вѣроятно, сфабриковалъ отвѣтъ Франца Тренка и устроилъ его доставку въ прусскій лагерь такимъ образомъ, чтобы переписка получила огласку.

Какъ стало извѣстно Тренку впослѣдствіи, король, въ сущности, не былъ окончательно разгнѣванъ на своего любимца и хотѣлъ продержать его въ крѣпости не больше года, для острастки. Его держали въ крѣпости вовсе не тѣсно; онъ жилъ въ общей офицерской комнатѣ, могъ ходить внутри крѣпости, вообще пользовался нѣкоторою свободою. Но ему почему-то показалось, что король считаетъ его за настоящаго измѣнника; можетъ быть, это ему было нарочно внушено друзьями-пріятелями, подставлявшими ему ножку. Такъ или иначе, онъ скоро пришелъ въ весьма рѣшительное и мрачное настроеніе и написалъ королю довольно рѣзкое письмо, въ которомъ гордо требовалъ, чтобы его предали военному суду, коли считаютъ его виновнымъ въ измѣнѣ. Прошло пять мѣсяцевъ со дня подачи этого письма; миръ былъ заключенъ, мѣсто Тренка въ гвардіи занялъ другой. Тогда ему показалось, что о немъ забыли, что его больше не хотятъ знать, и что ему остается только одно—бѣжать.

Во время своего заточенія Тренкъ, малый веселый, образованный и общительный, пріобрѣлъ себѣ кучу друзей среди офицеровъ гарнизона, своихъ стражей. Кромѣ личныхъ располагающихъ качествъ, онъ, впрочемъ, привлекалъ къ себѣ всѣ сердца и еще кое-чѣмъ, болѣе существеннымъ; онъ былъ человѣкъ не бѣдный и въ деньгахъ никогда не стѣснялся; около него всегда широко пользовались всѣми благами друзья-пріятели. Когда онъ завелъ въ дружеской компаніи разговоры о бѣгствѣ, у него тотчасъ нашлись помощники и даже участники; съ нимъ задумали бѣжать двое другихъ офицеровъ. Планъ, быть можетъ, и удался бы, но заговорщики задумали по пути освободить еще четвертаго пріятеля; это былъ какой-то жалкій офицерикъ, засаженный

въ крѣпость на десять лѣтъ. Они сообщили ему свои планы и приглашали бѣжать съ собою. Онъ внимательнѣйшимъ образомъ выслушалъ ихъ, выспросилъ всѣ подробности плана бѣгства, а потомъ донесъ на нихъ, надѣясь этимъ предательствомъ купить свое освобожденіе. Одному изъ трехъ заговорщиковъ удалось бѣжать, другого удалось до нѣкоторой степени выгородить изъ дѣла путемъ подкупа на деньги Тренка. Самого же Тренка съ тѣхъ поръ подвергли болѣе строгому заключенію. Тренкъ потомъ встрѣтилъ этого предателя въ Варшавѣ и убилъ его на дуэли.

Во время содержанія Тренка въ крѣпости, еще до его заговора, его мать обращалась къ королю Фридриху съ просьбою о помилованіи сына, и король подалъ ей надежду, что ея сынъ будетъ продержанъ въ крѣпости не болѣе года. Когда же Фридрихъ узналъ о замышлявшемся бѣгствѣ, онъ разгнѣвался и приказалъ держать Тренка строго, отложивъ его помилованіе на неопредѣленное время. Тренкъ ничего объ этомъ не зналъ, онъ зналъ только, что къ нему стали строже и еще болѣе укрѣпился въ мысли непремѣнно бѣжать во что бы то ни стало. Съ этихъ поръ начались его многочисленныя тюремныя приключенія, его вѣчныя попытки къ бѣгству, изъ которыхъ только одна была удачной, всѣ же остальныя, стоившія ему всегда громадныхъ усилій, преисполненныя высоко драматическихъ подробностей, судьба безжалостно проваливала. Въ общей сложности Тренкъ провелъ въ прусскихъ тюрьмахъ болѣе 11 лѣтъ. Мы опишемъ его приключенія, придерживаясь его записокъ.

Скоро послѣ обнаруженія перваго покушенія на бѣгство Тренка заточили въ башню крѣпости, выходившую въ сторону города Глаца. Его окошко возвышалось сажень на пять надъ землею. Онъ прежде всего порѣшилъ бѣжать, просто-на-просто спустившись изъ этого окна. Надо было, значитъ, спустившись изъ крѣпости, пройти потомъ черезъ весь городъ и притомъ заранѣе обезпечить за собою какое-нибудь надежное убѣжище. Друзей у него оставалось еще не мало. Одинъ изъ нихъ, офицеръ крѣпостного гарнизона, подыскалъ въ городѣ какого-то ремесленника, который согласился пріютить бѣглеца у себя. Тогда Тренкъ приступилъ къ работѣ. Надо было, конечно, прежде всего выпилить рѣшетку окна. Тренкъ вооружился перочиннымъ ножичкомъ, который онъ зазубрилъ на манеръ пилы, и этимъ-то орудіемъ, работая цѣлые дни, онъ перепилилъ желѣзныя полосы рѣшетки; скоро ножикъ совсѣмъ извелся, но ему добыли подпилокъ. Надо было работать съ большою осторожностью, потому что часовой могъ легко замѣтить работу. Но все шло благополучно; долго ли, коротко ли, рѣшетка была вся перепилена. У него была съ собою большая кожаная сумка. Онъ разрѣзалъ ее на ремни, скрѣпилъ ихъ концами, и у него вышла длинная ременная веревка; онъ навязалъ къ ней еще полосъ, нарѣзанныхъ изъ простынь. Выбравъ удобную минуту, онъ смѣло спустился по этой хрупкой лѣстницѣ на землю. Дѣло было ночью, шелъ дождь, стояла тьма и, повидимому, все благопріятствовало бѣглецу. Онъ направился въ городъ, но дорогою неожиданно попалъ въ громадную яму, въ которую стекали всѣ городскія нечистоты. Онъ, какъ не мѣстный житель, ничего не зналъ объ этой ужасной ямѣ, не зналъ, что она лежитъ у него какъ разъ

на дорогѣ. Онъ мгновенно увязъ въ отвратительной, густой и смрадной грязи. Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы выбраться изъ нея, но отъ каждаго движенія только хуже вязнулъ. Убѣдившись, наконецъ, что безъ посторонней помощи неминуемо погибнетъ въ этомъ морѣ нечистотъ, онъ во весь голосъ завопилъ. Его вопли услыхалъ часовой у крѣпости. Тотъ подбѣжалъ, разсмотрѣлъ или узналъ по голосу погибающаго и немедленно далъ знать коменданту крѣпости. Къ довершенію несчастья, комендантомъ въ то время былъ генералъ Фукэ (вѣроятно, французъ), человѣкъ суровый, бурбонъ, проповѣдникъ слѣпого повиновенія; у него когда-то была дуэль съ отцомъ Тренка, который его ранилъ, вдобавокъ австрійскій Тренкъ, командиръ пандуровъ, тоже чѣмъ-то досадилъ ему во время войны, такъ что въ концѣ концовъ онъ не могъ равнодушно слышать даже имени Тренкъ. Можно себѣ представить, какъ онъ обрадовался, когда ему доложили о бѣгствѣ Тренка, о постигшемъ его несчастьѣ! Онъ тотчасъ распорядился прежде всего, чтобы Тренка оставили въ этой гнусной ямѣ до полудня, такъ, чтобы на него могъ до-сыта налюбоваться весь гарнизонъ крѣпости. Когда же его, наконецъ, извлекли изъ этой гадости и заточили вновь въ башню, ему нарочно цѣлый день не давали воды, въ которой ему предстояла крайняя надобность, чтобы обмыться. О положеніи Тренка въ то время легко судить: онъ весь буквально, съ ногъ до головы, былъ покрытъ всякою мерзостью и былъ вынужденъ оставаться въ такомъ видѣ цѣлый день! Только къ ночи ему прислали двухъ людей, которые помогли ему вычиститься.

Съ этого времени надзоръ за Тренкомъ принялъ чрезвычайные размѣры. Рѣшено было, что называется, не спускать съ него глазъ. Въ это время у него еще оставались деньги, около двухъ тысячъ рублей. Онѣ ему скоро очень пригодились. Онъ ужасно радовался, что эти деньги не были отъ него отобраны.

Не далѣе какъ черезъ недѣлю послѣ несчастной попытки бѣгства Тренкъ уловилъ новый случай для новой отчаянной попытки. Началось съ того, что къ нему зашелъ маіоръ Доо въ сопровожденіи своего адъютанта, чтобы произвести осмотръ его каземата; боялись все, что онъ опять начнетъ перепиливать окна или вести подкопъ. Послѣ осмотра Доо разговорился съ арестантомъ, началъ читать ему наставленія о томъ, что онъ отягчилъ свое преступленіе попытками бѣгства, и что король очень на него разгнѣванъ. Тренкъ, не знавшій за собою никакого преступленія, былъ взбѣшенъ этимъ словомъ и наговорилъ маіору дерзостей. Тотъ оказался, по счастью, человѣкомъ благоразумнымъ, понялъ, что онъ самъ раздражилъ узника, и постарался его успокоить. Пока они бесѣдовали такъ, Тренкъ все поглядывалъ на шпагу маіора. Онъ былъ человѣкъ внезапныхъ рѣшеній и порывовъ. Неожиданная мысль вдругъ осѣнила его и овладѣла имъ. Онъ кинулся на маіора, во мгновеніе ока выхватилъ у него шпагу и бросился вонъ изъ каземата. Часовой не успѣлъ опомниться, какъ былъ уже сваленъ съ ногъ и отброшенъ далеко въ сторону богатырскою рукою Тренка. Но внизу услыхали шумъ солдаты. Всѣ они бросились къ лѣстницѣ и загородили Тренку дорогу; онъ уже, очевидно, не помня себя, началъ махать шпагою съ такимъ звѣрскимъ отчая-

ніемъ, что передъ нимъ невольно разступились; четверо солдатъ были довольно серьезно ранены имъ.

Проскочивъ сквозь эту кучу солдатъ, онъ бросился къ краю крѣпостной стѣны и, не давъ себѣ времени подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, спрыгнулъ съ нея прямо въ ровъ. Прыжокъ съ огромной высоты обошелся, по непостижимому счастью, благополучно; Тренку удалось пасть на ноги. Онъ все еще держалъ въ рукѣ шпагу маіора, не выронивъ ея. Онъ быстро перебѣжалъ разстояніе до другой стѣны, спрыгнувъ и съ нея такъ же благополучно,—правда, она была гораздо ниже первой. Онъ имѣлъ значительныя преимущества во времени передъ своими преслѣдователями; онъ слѣдовалъ такимъ прямымъ путемъ, которымъ никто другой не могъ за нимъ послѣдовать; преслѣдовавшимъ надо было сдѣлать большой обходъ, чтобы добраться до него. Къ несчастью, его во-время замѣтилъ одинъ изъ часовыхъ; онъ тотчасъ съ ружьемъ въ рукахъ наскочилъ на бѣглеца; Тренкъ удачно увернулся отъ штыка и разсѣкъ часовому лицо ударомъ шпаги. Но тутъ его увидалъ другой часовой. Чтобы избавиться отъ него, Тренкъ рѣшился перескочить черезъ высокій, около сажени высотою, частоколъ, окружавшій крѣпость. Онъ благополучно перебрался черезъ эту ограду, но, по неосторожности, попалъ ногою въ просвѣтъ между двухъ бревенъ частокола и нога у него застряла; онъ никакъ не могъ ее высвободить. Часовой, между тѣмъ, подбѣжалъ къ частоколу и успѣлъ ухватиться обѣими руками за ногу бѣглеца, изо всѣхъ силъ крича и призывая помощь. Тренкъ дѣлалъ отчаянныя усилія, но вырваться не могъ. Подоспѣли люди. Тренкъ защищался, какъ бѣшеный тигръ, но его живо угомонили сильными ударами ружейныхъ прикладовъ и вновь отвели въ тюрьму. Впослѣдствіи онъ сообразилъ, что избранный имъ тогда, совершенно наугадъ, путь спасенія, былъ вполнѣ возможенъ. Если бы онъ убилъ второго солдата и благополучно перескочилъ черезъ частоколъ, то успѣлъ бы скрыться отъ преслѣдованія въ лѣсистыхъ горахъ, примыкающихъ къ крѣпости. Бѣгалъ онъ необыкновенно быстро и успѣлъ бы уйти отъ самыхъ быстрыхъ бѣгуновъ.

Эта, уже третья неудача, сильно обезкуражила Тренка, не взирая на врожденный, почти неистощимый въ немъ запасъ силы, молодости, здоровья и отваги. Онъ понялъ, что теперь ему отрѣжутъ всѣ пути къ бѣгству, будутъ караулить неусыпно. Въ самомъ дѣлѣ, противъ него были приняты особыя, чрезвычайныя мѣры. Въ его камерѣ постоянно и неотлучно торчалъ унтеръ-офицеръ съ двумя солдатами, а снаружи всѣмъ часовымъ было внушено, чтобы они все свое вниманіе сосредоточивали на надзорѣ за Тренкомъ. Но первое время ему нечего было и думать о бѣгствѣ; онъ былъ весь разбитъ ударами прикладовъ, ему предстояло долго и серьезно лечиться. У него оказалась вывихнутою нога, онъ харкалъ кровью. Тренкъ прохворалъ цѣлый мѣсяцъ. Но едва онъ только поправился, какъ всѣ его мысли вновь сосредоточились на бѣгствѣ. У него въ головѣ уже созрѣвали новые планы.

Въ ожиданіи благопріятнаго случая, онъ, пока что, присматривался къ солдатамъ, которые дежурили у него въ комнатѣ, и изучалъ ихъ. Деньги у него были, значитъ, при случаѣ, онъ могъ и подкупить кого потребовалось бы. Онъ зналъ солдатъ своего времени, зналъ, какъ для нихъ тошна, тягостна и ненавистна была служба. Мало-по-малу Тренкъ

входилъ въ сношенія съ солдатами. Однихъ онъ убѣждалъ, другихъ подкупалъ. Съ каждымъ онъ старался вести дѣло отдѣльно, такъ чтобы никто другой не зналъ; солдаты и сами понимали важность секрета. Скоро у него въ гарнизонѣ было свыше тридцати человѣкъ союзниковъ, на которыхъ онъ считалъ возможнымъ разсчитывать. Благодаря принятому имъ порядку тайны, его друзья не знали одинъ другого, и потому не могли сговориться и скопомъ выдать его; если бы нашелся измѣнникъ, то ему пришлось бы дѣйствовать въ одиночку, а на другихъ еще можно было въ этомъ случаѣ разсчитывать. Скоро Тренку удалось такъ ловко обернуть дѣло, что среди гарнизона крѣпости состоялся настоящій заговоръ. Было рѣшено возстать вооруженною силою, освободить всѣхъ заключенныхъ въ крѣпости, снабдить ихъ оружіемъ, и всѣмъ скопищемъ уйти заграницу.

Предводителемъ сформированнаго имъ отряда Тренкъ избралъ унтеръ-офицера Николаи. Этотъ служивый велъ дѣло мастерски, но все-таки въ концѣ концовъ оплошалъ, нарвался на измѣнника. Онъ познакомился съ какимъ-то австрійскимъ дезертиромъ и, неизвѣстно почему, почелъ возможнымъ посвятить его во всѣ подробности заговора. Тотъ, вызнавъ все, немедленно сдѣлалъ доносъ. Комендантъ, получивъ доносъ, распорядился немедленно арестовать Николаи. Но Николаи не упалъ духомъ, немедленно нашелся. Какъ только онъ узналъ, что его приказано арестовать, онъ тотчасъ кинулся въ казарму къ солдатамъ и крикнулъ имъ: «Къ оружію, ребята! Насъ выдали!» Тотчасъ же заговорщики схватили ружья и порохъ и прежде всего бросились къ каземату Тренка, чтобы освободить его. Но желѣзная дверь его камеры не подалась на дружный натискъ солдатъ, выдержала. Время терять было невозможно и великодушный Тренкъ самъ настоялъ на томъ, чтобы друзья оставили его и спасались сами. Николаи со всѣми людьми благополучно вышелъ изъ крѣпости и, прежде чѣмъ снарядили отрядъ для ихъ преслѣдованія, они уже успѣли отмахать половину дороги до границъ Богеміи. Имъ удалось благополучно добраться до границы и перейти ее около городка Браунау. Они спаслись.

Но Тренку пришлось еще хуже, чѣмъ было, хотя и безъ того уже его положеніе граничило съ наихудшимъ изъ всего, что можно было придумать. Комендантъ рѣшилъ отдать его подъ судъ, какъ руководителя заговора, чтобы по возможности подвести его подъ смертную казнь. Это было бы не трудно устроить. Къ счастью, начальство, видимо, не заподозрило никого изъ офицеровъ, а это было въ высшей степено важно для Тренка: среди офицеровъ было у него много друзей.

Среди этихъ офицеровъ, былъ одинъ, нѣкто Бахъ, страшный дуэлистъ. Онъ вѣчно заводилъ ссоры съ товарищами, и, надо отдать ему справедливость, дрался лихо, такъ что противникъ рѣдко уходилъ отъ него цѣлымъ и невредимымъ. Этотъ Бахъ тоже дежурилъ у Тренка. Однажды онъ, по своему обыкновенію, расхвастался и началъ разсказывать Тренку, какъ онъ наканунѣ дрался съ поручикомъ Шеллемъ и и ранилъ его. «Будь я на свободѣ, — замѣтилъ ему Тренкъ,—вы бы со мной не такъ легко сладили». Бахъ немедленно вскочилъ. Въ камерѣ Тренка нашлись двѣ какихъ-то желѣзныхъ полосы. Оба вооружились этими странными мечами и начали драться. Тренкъ съ перваго же выпада чувствительно тронулъ Баха. Тогда тотъ, не говоря ни слова,

вышелъ, и тотчасъ вернулся, неся подъ одеждою двѣ солдатскихъ сабли. «Вотъ теперь,—сказалъ онъ,—посмотримъ-ка, каковъ ты мастеръ, хвастунишка!» Тренкъ нисколько не боялся за себя, но онъ страшился за участь этого сумасшедшаго, который подвергался страшной отвѣтственности за эту нелѣпую дуэль съ арестантомъ. Онъ старался образумить Баха, но тотъ ничего не хотѣлъ слышать и съ бѣшенымъ натискомъ напалъ на Тренка, такъ что нашему герою волей-неволей пришлось защищаться. Кончилось тѣмъ, что онъ распоролъ Баху руку. Тогда тотъ швырнулъ саблю, бросился Тренку на шею и вскричалъ: «Ты мой владыка, другъ Тренкъ, ты будешь на волѣ, я самъ это устрою; этъ такъ же вѣрно, какъ то, что мое имя Бахъ!»

Такимъ образомъ безумная дуэль окончилась благополучно. Въ тотъ же день вечеромъ Бахъ снова пришелъ къ Тренку и снова заговорилъ о бѣгствѣ. По его словамъ, бѣжать было никакъ нельзя иначе, какъ вмѣстѣ съ офицеромъ, который обязанъ былъ сторожить Тренка по очереди. Самъ Бахъ не хотѣлъ этого дѣлать, откровенно заявивъ, что считаетъ низостью бѣжать во время исполненія обязанностей службы. Но онъ клялся, что укажетъ Тренку офицера, который на это согласится. На другой же день онъ привелъ къ узнику упомянутаго выше поручика Шелля, съ которымъ у него была дуэль. Шелль и Тренкъ дружески обнялись и тотчасъ условились, какъ имъ дѣйствовать.

Шелль долженъ былъ дежурить у Тренка черезъ три дня. Въ эти дни надо было достать денегъ, потому что у Тренка ихъ оставалось уже маловато. Бахъ долженъ былъ съѣздить въ сосѣдній городъ, гдѣ жили родственники Тренка, и взять для него денегъ у нихъ.

Изъ всѣхъ офицеровъ гарнизона только одинъ, нѣкто Редеръ, относился къ Тренку враждебно, всѣ же остальные были его друзья; одинъ изъ нихъ, маіоръ Квaадтъ, былъ даже его родственникъ. Всѣ они дѣлали, кто что могъ для облегченія бѣгства Тренка. Эта дружба съ узникомъ имѣла свою невыгодную сторону. До свѣдѣнія начальства дошло, что офицеры держатся съ узникомъ съ подозрительною близостью, и тотчасъ же, вслѣдствіе этого, послѣдовало распоряженіе объ усиленіи за нимъ надзора. Дверь его камеры рѣшили запереть на замокъ и все, что ему было нужно, ему подавали и отъ него принимали черезъ окошко въ двери. Но офицеры добыли другой ключъ и входили въ камеру. Но въ этихъ сношеніяхъ надо было соблюдать величайшую осторожность. Черезъ корридоръ изъ дверей въ двери съ Тренкомъ содержался другой офицеръ, Дамницъ, осужденный за дезертирство и шпіонство. Онъ тщательно слѣдилъ за сношеніями офицеровъ съ Тренкомъ и обо всемъ доносилъ.

Дежурство Шелля приходилось на 24 декабря (1744 г.). Въ этотъ день они съ Тренкомъ подробно уговорились обо всемъ, обсудили всѣ приготовленія, и днемъ бѣгства назначили слѣдующій дежурный день Шелля, 28 декабря. Но 24 числа одинъ изъ офицеровъ обѣдалъ у коменданта крѣпости, и тамъ узналъ, что поручика Шелля рѣшено немедленно арестовать. Дамницъ, значитъ, успѣлъ проникнуть въ заговоръ и донесъ. Значитъ, бѣгство нельзя было откладывать вовсе, ни на одну минуту. Шелль немедленно прибѣжалъ къ Тренку, сооб-

щилъ ему о предательствѣ, вручилъ ему солдатскую саблю и объявилъ, что бѣжать надо сейчасъ же, не медля ни одного мгновенія. Тренкъ живо одѣлся и собрался съ такою поспѣшностью, что, къ своему несчастью, забылъ даже захватить съ собою деньги.

Оба они вышли изъ камеры Тренка. Шелль, какъ дежурный офицеръ, сказалъ часовому, что ведетъ плѣнника по дѣлу, и часовому приказалъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ по крѣпости, какъ вдругъ встрѣтили маіора съ адъютантомъ. Шелль въ ужасѣ бросился къ крѣпостному валу и спрыгнулъ внизъ. Тренкъ послѣдовалъ за нимъ. Ему ужь не въ первый разъ приходилось прыгать съ этой стѣны, и онъ отдѣлался благополучно. Но Шелль, человѣкъ маленькій и тщедушный, прыгнулъ очень неудачно: онъ вывихнулъ ногу. Онъ мгновенно оцѣнилъ свое положеніе. Какое же бѣгство съ вывихнутой ногой? Онъ понялъ, что погибъ. Не долго думая, онъ выхватилъ свою шпагу и умолялъ Тренка прикончить его, а самому бѣжать дальше. Но Тренкъ былъ не такого нрава человѣкъ, чтобы отдѣлаться подобнымъ способомъ отъ товарища. Онъ схватилъ маленькаго и легонькаго безпомощнаго Шелля на свои могучія руки, понесъ его, перетащилъ черезъ частоколъ, потомъ взвалилъ его на плечи и пошелъ впередъ, не зная даже хорошенько, куда онъ бредетъ.

Солнце только-что закатилось. Было холодно, сыро, стоялъ густой туманъ. Напомнимъ, что дѣло происходило среди зимы, въ рождественскій сочельникъ. Тренкъ слышалъ, какъ въ крѣпости звонили въ набатъ, собирая людей для преслѣдованія бѣглецовъ. Но Тренкъ и Шелль успѣли все же выгадать полчаса, прежде чѣмъ за ними пустились въ погоню. Скоро раздался и пушечный выстрѣлъ, которымъ упреждали всѣхъ окрестныхъ жителей о бѣгствѣ арестанта изъ крѣпости. Этотъ выстрѣлъ привелъ Шелля въ ужасъ. Онъ зналъ по опыту, что если этотъ роковой выстрѣлъ раздавался раньше, чѣмъ по истеченіи двухъ часовъ послѣ бѣгства, то бѣглецу рѣдко удавалось добраться до границы. Тотчасъ послѣ выстрѣла гусары и окрестные крестьяне пускались по всѣмъ направленіямъ и обыкновенно ловили бѣглеца; всѣмъ сосѣднимъ крестьянамъ были даны на эти случаи очень точныя инструкціи, которыхъ ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился бы не исполнить.

Правда, на сторонѣ Тренка было много преимуществъ передъ всякимъ обыкновеннымъ бѣглецомъ. Его всѣ любили, всѣ знали и готовы были, въ предѣлахъ возможнаго, помочь его бѣгству. Сверхъ того, знали его страшную силу и храбрость, знали, что къ нему нельзя подступаться въ одиночку. Думали также, что бѣглецы хорошо снарядились, что у нихъ съ собою запасы всякаго оружія. Все это придавало много бодрости Тренку.

Пройдя нѣсколько времени, онъ положилъ товарища на землю и оглядѣлся вокругъ; онъ не видалъ ни города, ни крѣпости, густѣйшій туманъ скрылъ ихъ изъ глазъ, и онъ же долженъ былъ скрывать ихъ самихъ отъ погони. Онъ началъ было разспрашивать Шелля, но бѣдный юноша былъ такъ измученъ, такъ страдалъ, имъ овладѣло такое отчаяніе, что онъ молилъ только Тренка не покидать его живого въ руки преслѣдователей. Тренкъ поклялся ему, что собствен-

норучно убьетъ его въ случаѣ опасности, не дастъ его въ руки враговъ, и эта клятва ободрила юношу. Онъ въ свою очередь осмотрѣлся и призналъ мѣсто, гдѣ они находились; по его словамъ, они были недалеко отъ берега Нейсы. Тренкъ тѣмъ временемъ успѣлъ разсмыслить о томъ, что въ Богемію имъ не пробраться; всѣ знаютъ, что они бросились въ эту сторону; да и обычно сюда направлялись всѣ бѣглецы. Онъ поэтому порѣшилъ перейти Нейсу и идти въ другую сторону.

До бѣглецовъ со всѣхъ сторонъ доносились крики крестьянъ, поднятыхъ тревогою. Видно было, что бѣглецовъ хотятъ окружить цѣлою цѣпью, черезъ которую имъ нельзя было бы прорваться. Тренкъ вновь взвалилъ Шелля на плечи и смѣло вошелъ въ воду рѣки, покрытую толстымъ льдомъ. Онъ брелъ сквозь этотъ ледъ, ломая его, пока могъ идти въ бродъ. Но посреди рѣки встрѣтилъ глубокое мѣсто, надо было плыть. Шелль не умѣлъ плавать, и Тренкъ перетащилъ его, велѣвъ ему держаться за его волосы. Къ счастью, глубокое мѣсто шло всего сажени на двѣ и скоро бѣглецы были на томъ берегу. Ихъ тотчасъ охватилъ леденящій морозъ; о сухой одеждѣ нечего было пока еще и мечтать. Тренкъ, влекшій на себѣ товарища, все же хоть согрѣвался отъ ходьбы, но несчастный Шелль страшно страдалъ отъ мороза.

Но, несмотря на всѣ мученья отъ мороза, наши бѣглецы въ значительной мѣрѣ успокоились по переходѣ черезъ рѣку, потому что никому въ голову не пришло, чтобы они рискнули на такой переходъ въ концѣ декабря, сквозь сплошной ледъ, и пустились по дорогѣ въ Силезію. Тренкъ нѣкоторое время брелъ вдоль рѣки, а потомъ, руководясь указаніями Шелля, который зналъ эти мѣста, онъ дошелъ до ближайшей деревни, нашелъ тамъ лодку на берегу Нейсы, вновь переправился черезъ нее и скоро очутился среди горъ, сравнительно уже въ безопасномъ мѣстѣ. Здѣсь путники сдѣлали привалъ, отдохнули и держали совѣтъ, что имъ дальше дѣлать. Шелль, къ счастью, нѣсколько оправился. Съ помощью палки онъ могъ брести одинъ. Трудно было имъ идти; снѣгъ былъ глубокъ, задернутъ толстою корою, которая ломалась подъ ихъ ногами и задерживала ихъ на каждомъ шагу, особенно инвалида Шелля. Они, однако же, брели всю ночь безъ отдыха. На разсвѣтѣ они, по ихъ разсчету, должны были подойти на близкое разстояніе къ границѣ, такъ какъ отошли отъ Глаца верстъ на 30. Но ихъ ошибка скоро обнаружилась; они съ ужасомъ услыхали знакомый имъ бой часовъ въ Глацѣ.

Они были страшно утомлены и голодны. Перенести еще одинъ такой же день они были бы уже рѣшительно не въ силахъ. Но все же оставалось пока только одно—идти впередъ. Они пошли и черезъ полчаса дошли до какой-то деревни. Они разсмотрѣли съ высоты два отдѣльныхъ стоящихъ дома; къ нимъ они и направились. Шелль, такъ какъ онъ бѣжалъ прямо съ дежурства, былъ въ служебной формѣ и, слѣдовательно, его внѣшность должна была дѣйствовать внушительно на крестьянъ, придавая ему видъ начальства. Правда, у начальства была потеряна шляпа, но они надѣялись это какъ-нибудь объяснить. Они, впрочемъ, придумали исторію, которую надлежало разсказать. Тренкъ порѣзалъ себѣ палецъ, весь обмазался кровью и устроилъ себѣ перевязку; онъ

имѣлъ видъ раненаго. Подойдя къ домамъ, они остановились и Шелль связалъ Тренка, но, конечно, такъ, чтобы тотъ, въ случаѣ надобности, могъ тамъ мгновенно освободиться отъ узъ. Тренкъ шелъ впереди, Шелль сзади и кричалъ во все горло, призывая на помощь. Скоро на крики появились два крестьянина; Шелль крикнулъ имъ, чтобы они тотчасъ бѣжали въ деревню и передали старшинѣ, чтобы тотъ запрегъ лошадь въ телѣгу. «Я арестовалъ вотъ этого негодяя,—объяснилъ онъ, указывая на Тренка,—онъ убилъ мою лошадь, и я, падая, вывихнулъ ногу, но, какъ видите, мнѣ удалось его пристукнуть и связать. Живо привезите сюду телѣгу; мнѣ хочется его отвезти въ городъ, чтобы успѣть его повѣсить, прежде чѣмъ онъ околѣетъ». Тренкъ держалъ себя, какъ тяжело раненый, который въ самомъ дѣлѣ, того и гляди, свалится и испуститъ духъ. Подошли еще крестьяне, пожалѣли Шелля, дали ему хлѣба и молока. И вдругъ, къ ужасу бѣглецовъ, одинъ старикъ, всмотрѣвшись въ Шелля, узналъ его и назвалъ по имени. Дѣло въ томъ, что еще наканунѣ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ было дано знать о бѣгствѣ двухъ людей изъ крѣпости и сообщены точныя ихъ примѣты. По этимъ примѣтамъ старикъ тотчасъ и призналъ бѣглецовъ; кромѣ того, онъ хорошо зналъ Шелля въ лицо, потому что подъ его начальствомъ служилъ сынъ старика, солдатъ. Положеніе бѣглецовъ было въ высшей степени критическое. Надо было принять какое-нибудь быстрое рѣшеніе. Тренкъ живо перешепнулся съ Шеллемъ и, оставивъ его занимать старика, самъ побѣжалъ въ конюшню, чтобы захватить тамъ одну, а коли найдется, то и двухъ лошадей. Къ счастью, старикъ оказался добрымъ человѣкомъ, не пожелавшимъ губить бѣглецовъ; онъ самъ же подробно разсказалъ Шеллю, куда имъ надо ѣхать, чтобы какъ можно скорѣе перебраться черезъ границу. Оказалось, что они отошли всего лишь 10 верстъ отъ Глаца и проблуждали зря, не зная дороги, сдѣлавъ около тридцати верстъ безполезныхъ зигзаговъ.

Между тѣмъ Тренкъ нашелъ въ конюшнѣ трехъ лошадей, взнуздалъ двухъ изъ нихъ и вывелъ. Старикъ крестьянинъ началъ умолять не трогать его коней. Онъ видимо не хотѣлъ употреблять противъ нихъ открытой силы, а они были такъ разбиты и обезсилены, что ихъ можно было обоихъ сразу свалить съ ногъ однимъ ударомъ первыхъ попавшихся подъ руку вилъ. Конечно, бѣглецы остались неумолимы, вскочили на коней и помчались по указанной старикомъ дорогѣ. Лошадь Тренка сначала было уперлась и не шла, но онъ былъ очень опытный наѣздникъ и живо справился съ нею. Въ сущности имъ бы, конечно, не сдобровать въ этой встрѣчѣ съ крестьянами, да на ихъ счастье дѣло случилось въ первый день Рождества и почти все деревенское населеніе было въ церкви.

Они помчались во весь опоръ на неосѣдланныхъ лошадяхъ. Имъ надо было проѣхать черезъ ближній городокъ Вуншельбургъ. Но они не могли объ этомъ и думать; тамъ ихъ непремѣнно арестовали бы. Оба были безъ шляпъ, ѣхали на неосѣдланныхъ коняхъ, и вдобавокъ Шелля зналъ въ лицо чуть не весь городъ! Къ счастью, Шелль припомнилъ обходный путь. Подскакавъ почти уже къ самой границѣ, они вдругъ лицомъ къ лицу встрѣтились съ поручикомъ Церботомъ, посланнымъ за ними въ погоню. Къ счастью, поручикъ былъ одинъ, его солдаты остались въ сторонѣ, а самъ онъ былъ надежнымъ другомъ.

— Скачите влѣво,—успѣлъ онъ крикнуть Тренку и Шеллю,—направо наши гусары!—и тотчасъ умчался въ сторону, сдѣлавъ видъ, что не видалъ нашихъ бѣглецовъ. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже въ богемскомъ городкѣ Браунау, внѣ всякой опасности.

ГЛАВА III.

Приключенія Тренка послѣ бѣгства изъ Глаца, его служба въ Россіи.—Хлопоты о наслѣдствѣ въ Вѣнѣ.—Поѣздка въ Данцигъ, арестъ, заточеніе въ Магдебургъ.—Первая неудачная попытка бѣжать черезъ проломъ стѣны въ сосѣднюю камеру.—Тренка заточаютъ въ подземную камеру и заковываютъ всего въ цѣпи.—Тренкъ едва не умираетъ отъ разстройства желудка.

Такъ кончилось первое, сравнительно непродолжительное тюремное заключеніе Тренка. Но его приключенія далеко не прекратились въ Браунау. Онъ очутился за границею безъ денегъ; мстительный Фридрихъ разставлялъ ему западни на каждомъ шагу; онъ ступить не могъ безъ того, чтобы не наткнуться на прусскихъ агентовъ, которымъ было дано спеціальное порученіе—изловить его во что бы то ни стало и доставить въ Пруссію. Онъ написалъ матери, прося выслать ему денегъ; но ему не удавалось нигдѣ утвердиться настолько безопасно, чтобы выждать этихъ денегъ; онъ бродилъ изъ стороны въ сторону, подъ вѣчною опасностью попасться въ руки подосланныхъ Фридрихомъ агентовъ. Надо полагать, что король очень опасался Тренка, объ отношеніяхъ котораго къ принцессѣ Амаліи ему, разумѣется, въ то время было извѣстно. Онъ не безъ основанія могъ думать, что раздраженный, такъ много перестрадавшій юноша не станетъ церемониться съ добрымъ именемъ принцессы и сумѣетъ отомстить своему преслѣдователю. Поэтому Фридрихъ, повидимому, былъ тогда не прочь и вовсе отдѣлаться отъ непріятнаго офицера, и попытки нападенія на него разныхъ разбойниковъ чуть не на каждомъ шагу Тренкъ ставитъ въ прямую связь съ такими чувствами къ нему прусскаго короля.

Послѣ продолжительныхъ скитаній и увертываній отъ руки подосланныхъ убійцъ Тренкъ добрался, наконецъ, до Эльбинга, бывшаго тогда польскимъ городомъ. Здѣсь онъ могъ, наконецъ, вздохнуть свободно, выждать денегъ. Скоро деньги были получены отъ матери и отъ принцессы Амаліи. Онъ отправился въ Вѣну, въ разсчетѣ поступить на службу. Но въ Вѣнѣ его поджидалъ еще болѣе лютый врагъ, нежели Фридрихъ,—двоюродный братецъ Францъ, знаменитый предводитель (чтобъ не сказать атаманъ) пандуровъ. Въ это время между братьями или между ихъ семьями возникли какіе-то споры объ общемъ имуществѣ, и Францъ заблагоразсудилъ отдѣлаться отъ непріятнаго сонаслѣдника, отправивъ его на тотъ свѣтъ. Онъ подослалъ къ Тренку своихъ молодцовъ-пандуровъ, и несчастному нашему герою пришлось быть вѣчно на-сторожѣ и то-и-дѣло схватываться съ этими головорѣзами; только его дюжая сила да умѣнье съ безподобною ловкостью владѣть оружіемъ и спасли его отъ неминуемой смерти. Наскучивъ этою вѣчною войною, онъ выбрался изъ Австріи и отправился было въ Голландію, въ разсчетѣ получить мѣсто гдѣ-нибудь въ отдаленной голландской провинціи; но потомъ разду-

малъ и двинулся къ намъ въ Россію. Здѣсь ему улыбнулось счастье. Онъ былъ принятъ на службу въ драгунскій полкъ. Онъ могъ въ то время превосходно устроиться въ Россіи, но ему не былъ въ книгѣ судьбы назначенъ покой. Самая его богатырская и въ высшей степени привлекательная внѣшность отнимала у него всякую возможность оставаться въ покоѣ. Едва успѣлъ онъ сколько-нибудь обезопасить себя отъ прусскихъ когтей, которые непрестанно тянулись за нимъ, какъ за желанной добычею, а ему уже грозили новыя ковы со стороны женщинъ; должно быть, ужь таковъ былъ молодецъ, что нельзя было равнодушно смотрѣть на него, да и самъ онъ обладалъ сердцемъ не каменнымъ. Начался у него цѣлый рядъ интригъ въ столичномъ обществѣ, и обстоятельства сложились такъ, что въ 1749 году ему пришлось покинуть тепло пріютившую его Россію.

А въ это время какъ разъ скончался его свирѣпый двоюродный братъ Францъ; нашъ герой долженъ былъ получить послѣ него изрядное наслѣдство, потому что главарь пандуровъ въ теченіе своей бурной жизни не сидѣлъ сложа руки и успѣлъ кое-что прикопить. Онъ отправился черезъ Швецію, гдѣ посѣтилъ королеву Ульрику, сестру принцессы Амаліи; здѣсь ему былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Но ему надо было спѣшить въ Вѣну за наслѣдствомъ; онъ попалъ сюда въ 1750 году. Прежде всего ему пришлось проститься съ своимъ лютеранствомъ и перейти въ католическую вѣру, иначе не было никакой надежды овладѣть наслѣдствомъ Франца. Но и послѣ того ему пришлось не мало повозиться; онъ велъ сразу болѣе 60 процессовъ съ разными претендентами на это наслѣдство, и въ концѣ концовъ на его долю изъ колоссальнаго богатства, награбленнаго покойнымъ братцемъ, досталось всего лишь 60 тысячъ флориновъ. Въ Вѣнѣ онъ поступилъ на службу и, вѣроятно, остался бы тамъ навсегда, если бы въ это время не умерла его мать, жившая въ Данцигѣ. Являться въ Данцигъ, коренной прусскій городъ, было для него до безумія рискованно; но не знавшій страха богатырь и не подумалъ объ опасности, смѣло явился въ Данцигъ, быть можетъ, разсчитывая, съ страннымъ легкомысліемъ, что о немъ уже успѣли забыть. Но о немъ, увы, хорошо помнили, и какъ только онъ появился въ Данцигѣ, его немедленно схватили по повелѣнію короля и заточили на этотъ разъ въ Магдебургскіе казематы.

Тренкъ высидѣлъ въ этой ужасной тюрьмѣ почти десять лѣтъ и всѣ эти десять лѣтъ провелъ въ непрерывныхъ попыткахъ къ бѣгству. Освободиться изъ тюрьмы — какая мечта можетъ быть естественнѣе у заключеннаго? Но большинство только мечтаетъ о свободѣ, часто даже и не думая о бѣгствѣ. Тренкъ же былъ, такъ сказать, урожденный бѣглецъ изъ тюремъ. Тюремныя приключенія Тренка по своей продолжительности и драматизму далеко оставляютъ за собою приключенія Казановы въ венеціанской свинчаткѣ.

Въ Магдебургѣ Тренка посадили въ камеру, имѣвшую десять футовъ въ длину и шесть въ ширину. Тройная дверь отдѣляла камеру отъ корридора; наружная дверь была продѣлана въ стѣнѣ въ сажень толщиною. Въ камерѣ было окошко, пробитое такимъ образомъ, что узнику не было видно ни земли, ни неба, а виднѣлся только клочекъ какой-то крыши. Окно было задѣлано желѣзною рѣшеткою снаружи

и изнутри; между этими двумя рѣшетками въ отверстіяхъ окна была еще внутренняя рѣшетка, въ каналѣ окна, состоявшая изъ такого частаго переплета желѣзныхъ полосъ, что черезъ нее трудно было бы видѣть что-нибудь. Внизу, вокругъ тюрьмы, шелъ частоколъ. Кровать была такъ установлена и прикована къ полу такъ, чтобы узникъ вовсе не могъ подходить къ окну. Видно было, что о Тренкѣ получены особыя инструкціи. Его сразу посадили на хлѣбъ и на воду. Хлѣбъ давали такой скверный, что онъ, несмотря на мучившій его непрерывно голодъ, могъ съѣдать только половину даваемой ему порціи, т. е. около полфунта. Надо полагать, что этимъ усиленнымъ постомъ имѣлось въ виду сломить богатырскія силы Тренка, чтобы онъ былъ не такъ опасенъ въ своихъ попыткахъ къ бѣгству, которыхъ отъ него ожидали. На этомъ сухоядѣніи узника выдержали почти цѣлый годъ и дѣйствительно довели его до полнаго истощенія и отчаянія. Онъ молилъ своихъ палачей о милосердіи, но ему сухо отвѣчали, что таковъ приказъ короля и что они больше ничего не могутъ дать ему.

Ключи отъ камеры были у коменданта. Камеру отпирали только одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ. Солдатъ чистилъ камеру, и послѣ того комендантъ и плацъ-маіоръ входили и дѣлали тщательный осмотръ. Тренкъ мѣсяца два присматривался ко всѣмъ порядкамъ и понемногу обдумывалъ планъ бѣгства. Ему удалось расположить къ себѣ нѣкоторыхъ часовыхъ и они разсказали ему о расположеніи тюрьмы. Онъ узналъ, что сосѣдняя съ нимъ камера не занята и дверь ея не заперта. Значитъ, если бы удалось проникнуть въ эту камеру, то можно было бы выйти въ корридоръ, а слѣдовательно и дальше. Этого луча надежды для отчаяннаго Тренка было достаточно, чтобы попытать счастья. Надо было только выйти изъ тюрьмы и перебраться черезъ Эльбу, а тамъ уже оставалось всего восемь верстъ до саксонской границы.

Тренкъ скоро приступилъ къ работѣ. Въ камерѣ стоялъ шкапъ для необходимой посуды и печка. Оба предмета были придѣланы помощью желѣзныхъ полосъ или скобъ къ каменному полу. Тренкъ прежде всего овладѣлъ этими желѣзными полосами; онѣ послужили ему орудіемъ для выламыванія кирпичей. Онъ потомъ прилаживалъ эти полосы на мѣсто и вколачивалъ въ нихъ гвозди, такъ что при осмотрахъ все оказывалось въ нерушимомъ порядкѣ. Потомъ онъ началъ вынимать съ мѣста кирпичи стѣнной кладки одинъ за другимъ и тщательно отмѣчалъ ихъ номерами для того, чтобы ко времени осмотра уложить ихъ въ прежнемъ порядкѣ; такимъ образомъ, до перваго предстоящаго осмотра, т. е. до ближайшей отъ начала работы среды, ему удалось разработать стѣну на глубину одного фута. Передъ осмотромъ онъ тщательно уложилъ всѣ кирпичи на ихъ мѣста, швы между ними забилъ мусоромъ. Изъ собственныхъ волосъ онъ соорудилъ кисть, разболталъ известку у себя на ладони и этой кистью замазалъ вновь сложенную кирпичную кладку. Конечно, весь разсчетъ былъ на то, что всѣ осмотры будутъ происходить регулярно по средамъ; случись осмотръ въ другой день—и Тренка какъ разъ застали бы въ разгарѣ его трудовъ. Но при работѣ, какъ ни избѣгалъ этого Тренкъ, всетаки оставался лишній мусоръ, который надо было тща-

тельно удалять куда-нибудь. Тренкъ разбрасывалъ его по полу своей камеры и ходилъ по нему, топталъ его ногами, раздробливая его въ мелкій порошокъ. Потомъ онъ собиралъ этотъ порошокъ, клалъ его на окошко и пропихивалъ сквозь рѣшетки до наружнаго отверстія, такъ что весь этотъ соръ понемногу, крошечными щепотками, высыпался на улицу. Для пропихиванія же его онъ устроилъ нѣчто вродѣ щетки, опять таки изъ собственныхъ волосъ, рукояткою же ему служили щепки, которыя онъ отламывалъ отъ своей кровати. Къ окну же онъ ухитрялся пробраться, залѣзая наверхъ своего шкапа, откуда можно было достать до внутренняго отверстія окошка. Для того, чтобы судить о кропотливости этого труда, достаточно сказать, что, по разсчету Тренка, онъ такимъ путемъ высыпалъ щепотками черезъ окно и развѣялъ по вѣтру до 300 фунтовъ мусора! Часть мусора онъ еще незамѣтно разсовалъ въ разныхъ мѣстахъ своего шкапа, а нѣкоторую часть, отдѣльные кусочки, выдувалъ въ окошко черезъ трубку, свернутую изъ бумаги, на манеръ извѣстной дѣтской забавы. Онъ ловко научился попадать этими камешками прямо въ гнѣзда рѣшетокъ, которыми было задѣлано окошко.

Такъ работалъ онъ непрестанно съ утра до ночи цѣлые полгода. За это время онъ успѣлъ разобрать саженную стѣну, отдѣлявшую его отъ сосѣдней пустой камеры почти на всю ея глубину, до послѣдняго ряда кирпича. Тѣмъ временемъ подвигалось впередъ и его знакомство съ солдатами-часовыми; они помогали ему, чѣмъ могли: одинъ далъ старую желѣзную полосу, другой старый ножъ въ деревянной ручкѣ. Одинъ изъ солдатъ, Гефгардтъ, очень подробно разсказалъ ему о расположеніи тюрьмы. Этотъ Гефгардтъ самъ рѣшился бѣжать со службы и оказался драгоцѣннымъ сотрудникомъ. Онъ долженъ былъ озаботиться пріисканіемъ лодки, чтобы переплыть черезъ Эльбу. Онъ привлекъ къ дѣлу одну еврейку, Эсѳирь Гейманъ, у которой кто-то изъ родни тоже сидѣлъ въ крѣпости. Она подкупила двухъ солдатъ, которые во время своего стоянія на часахъ давали ей возможность переговариваться съ нимъ. Тренкъ соорудилъ изъ щепъ, отколотыхъ отъ кровати, длинную гибкую палку, нѣчто вродѣ удилища. Онъ выставлялъ эту палку въ окно и ея конецъ опускался до земли. Эсѳирь нацѣпляла на конецъ этой палки нѣкоторыя нужныя Тренку вещи, а онъ осторожно поднималъ ихъ къ себѣ; такимъ путемъ ему удалось втащить къ себѣ ножъ, подпилокъ, бумагу.

Все шло хорошо, все было приготовлено, налажено. Тренкъ передалъ жидовкѣ кое-какія письма. Два изъ нихъ предназначались его родственникамъ, которые должны были доставить ему деньги, а одно онъ велѣлъ передать министру, графу Пуэбла, который принималъ въ Тренкѣ большое участіе. Графъ хорошо принялъ еврейку и отослалъ ее къ своему секретарю, Вейнгартену. Секретарь оказался еще любезнѣе, осыпалъ Эсѳирь вопросами, и неосторожная женщина все ему выболтала, весь такъ хитро задуманный, стоившій Тренку такихъ неимовѣрныхъ трудовъ планъ бѣгства. Вейнгартенъ не подалъ ей никакого вида, отпустилъ ее, даже снабдилъ деньгами, но, разумѣется, немедленно довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія начальства.

Не будемъ говорить о жестокой расправѣ со всѣми прикосновен-

ными къ этому заговору. Досталось даже сестрѣ Тренка, въ сущности ни въ чемъ неповинной, потому что она еще не успѣла даже передать брату денегъ, которыхъ онъ просилъ у нея. Ее подвергнули денежному штрафу и присудили уплатить всѣ расходы по сооруженію новой камеры въ тюрьмѣ для ея брата. Тренкъ долго ничего не зналъ; онъ видѣлъ только, что всѣ люди, съ которыми онъ завязалъ сношенія, куда-то исчезли. Наконецъ вѣрный Гефардтъ предупредилъ его, что для него готовятъ новую камеру. Фридрихъ самъ пріѣзжалъ въ Магдебургъ и лично осмотрѣлъ и одобрилъ все, что было приготовлено для Тренка. А нашъ узникъ все еще не зналъ всей правды и хотя понялъ, что противъ него что-то замышляютъ новое, но продолжалъ дѣятельно готовиться къ бѣгству. Онъ уже избралъ ночь для своего бѣгства, какъ вдругъ въ эту самую ночь къ нему вошли въ камеру люди, сковали его, завязали ему глаза и поволокли его куда-то—куда именно, онъ въ этомъ не могъ отдать себѣ отчета.

Въ новой камерѣ, куда его привели, ему развязали глаза. Онъ прежде всего увидалъ двухъ кузнецовъ, которые возились съ громадными цѣпями, лежавшими на полу камеры; эти цѣпи предназначались Тренку. Ими приковали его за ноги къ кольцу, вдѣланному въ стѣну. Цѣпи были ужасно массивны и тяжелы и позволяли узнику дѣлать не болѣе двухъ-трехъ шаговъ вправо и влѣво отъ громаднаго кольца, за которое онѣ держались. Но этого мало. Тренка раздѣли, окружили его талію толстымъ желѣзнымъ обручемъ и къ этому обручу была прикрѣплена цѣпь, имѣвшая на концѣ желѣзную полосу въ два фута длиною; къ концамъ этой полосы приковали цѣпями его руки. Покончивъ всѣ эти звѣрства, толпа палачей удалилась въ гробовомъ молчаніи. Тренкъ слышалъ только, какъ съ визгомъ и лязгомъ захлопнулись четыре массивныя двери и прозвенѣли ключи въ тяжелыхъ замкахъ.

Такъ провелъ Тренкъ неописуемую первую ночь своего адскаго плѣна. О наступившемъ днѣ онъ могъ судить по брезжущему свѣту, который невѣдомо откуда вошелъ въ его камеру. Тренкъ постепенно разсмотрѣлъ ее; это была келья въ 10 футовъ длины и 8 ширины. Въ одномъ углу виднѣлся каменный выступъ стѣны, представлявшій собою нѣчто вродѣ скамьи, на которую узникъ могъ садиться, опираясь затылкомъ въ стѣну. Противъ кольца, къ которому были прикованы цѣпи, Тренкъ разсмотрѣлъ что-то вродѣ окна въ стѣнѣ. Оно было полукруглое, имѣло всего около фута по радіусу и шло въ саженной толщинѣ стѣны изгибомъ; внутренняя половина этого свѣтового канала шла прямо, а внѣшняя половина загибалась въ полъ, къ землѣ. Окно было задѣлано, какъ и въ прежней камерѣ, тремя рѣшетками, но еще болѣе частыми и короткими. Эта новая камера была выстроена въ откосѣ крѣпостного рва спеціально для него, Тренка. Надъ окномъ на стѣнѣ онъ разобралъ даже свое имя, выложенное изъ крупныхъ красныхъ кирпичей; камера была, значитъ, отмѣчена его именемъ. Ему точно хотѣли сказать: «Читай свое имя и казнись!». Наружное отверстіе окна опиралось почти прямо въ землю, такъ что въ самый яркій день въ камерѣ лишь чуть-чуть брезжилъ свѣтъ; зимой же, когда лучи солнца не попадали вглубь крѣпостного рва, въ ка-

мерѣ царствовали почти полныя потемки. Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени Тренкъ приспособился къ этому освѣщенію и такъ изощрилъ свои глаза, что сталъ видѣть даже мышей, иногда пробѣгавшихъ по его жилищу. Къ довершенію жестокости, въ самой камерѣ узника была заранѣе выкопана его могила. На ней лежала заранѣе изготовленная плита съ его именемъ и съ обычнымъ изображеніемъ мертвой головы и скрещенныхъ подъ нею костей. «Живи, пока духъ жизни не оставитъ тебя,—твердила ему ежеминутно эта мрачная тюрьма,—но помни и знай, что ты до конца твоихъ дней не выйдешь изъ этой тюрьмы, что въ ней тебѣ суждено умереть и въ ней же тебя схоронятъ; живой ты останешься пока на той же самой пяди земли, которая скроетъ тебя въ себѣ мертваго».

Камера запиралась двойною дверью изъ массивнаго дуба. За этою дверью было нѣчто вродѣ передней съ окномъ, тоже съ двойною дверью. Все это сооруженіе было окружено во рву двойнымъ частоколомъ въ 12 футовъ высоты, имѣвшимъ цѣлью отнять у Тренка всякую возможность входить въ сношеніе съ часовыми.

Тренкъ былъ такъ скованъ, что въ первое время могъ только передвигаться скачками шага на два во всѣ стороны отъ кольца, къ которому его приковали. Въ камерѣ стояла пронизывающая холодная сырость, и чтобы согрѣться, узникъ судорожно двигалъ верхнею частью тѣла. Съ теченіемъ времени богатырь Тренкъ нѣсколько освоился съ тяжестью цѣпей и могъ ходить на пространствѣ предоставленныхъ ему четырехъ футовъ. Вся эта адская келья была выстроена въ одиннадцать дней, и какъ только она была готова, въ нее тотчасъ и перевели Тренка. Стѣны были, конечно, еще совсѣмъ сырыя и сверху, со свода, капала откуда-то набиравшаяся вода, какъ разъ на то мѣсто (быть можетъ, и это было сдѣлано съ намѣреніемъ), гдѣ долженъ былъ все время толочься узникъ. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ одежда Тренка все время оставалась мокрою; вода цѣлою лужею шлепала у него подъ ногами, покрывала скамью, на которой ему было устроено сидѣнье.

Какъ уже не разъ упомянуто, Тренкъ былъ могучій и сильный мужчина, въ цвѣтѣ лѣтъ, настоящій богатырь. Ему были нипочемъ самыя ужасныя житейскія драмы. Но на этотъ разъ и его сильный духъ былъ приведенъ въ смятеніе. У него пропала вѣра въ свои силы, въ свое спасеніе. Онъ мрачно глядѣлъ на чуть мерцавшія въ потемкахъ имена свои на стѣнѣ и на плитѣ его будущей могилы, предупредительно заготовленной его безжалостнымъ преслѣдователемъ, и его обычная увѣренность въ себѣ постепенно таяла, а на ея мѣсто въ душу внѣдрялись отчаяніе и мысль о самоубійствѣ. У него былъ съ собою захваченъ ножъ, который ему удалось скрыть въ одеждѣ. Онъ сталъ теперь все думать объ этомъ ножѣ. Очень можетъ быть, что онъ и покончилъ бы съ собою, если бы его оставили одного на весь первый день его заточенія въ новой темницѣ. Но, на его счастье, о немъ вспомнили и среди дня пришли къ нему. Ему принесли деревянную койку, матрацъ и шерстяное одѣяло. Пришедшій съ людьми плацъ-маіоръ передалъ узнику большой хлѣбъ, фунтовъ въ шесть вѣсомъ, и объявилъ, что хлѣба ему будутъ выдавать, сколько онъ потребуетъ. Это было истинное блаженство для Тренка, потому что его уже около года держали впроголодь и онъ едва волочилъ ноги отъ истощенія силъ. Онъ накинулся на этотъ хлѣбъ, какъ голод-

ный волкъ, съѣлъ его чуть не весь и едва не поплатился жизнью за свою жадность. У него началось ужасное разстройство пищеваренія, которое онъ перенесъ благополучно въ этой обстановкѣ, конечно, только благодаря своему богатырскому сложенію. Это была, судя по всему, положительно желѣзная натура, для которой все было нипочемъ.

ГЛАВА IV.

Первая попытка бѣгства изъ новой темницы—черезъ проломъ дверей.— Вторая попытка—черезъ подкопъ подъ землею.—Третья попытка—заговоръ среди солдатъ съ цѣлью овладѣть Магдебургомъ.—Новый подкопъ.— Помилованіе Тренка и его дальнѣйшая судьба и гибель во время Террора въ Парижѣ.

Провалявшись нѣсколько дней между жизнью и смертью, нашъ неугомонный герой поправился, и первою его мыслью вмѣстѣ съ возвращеніемъ силъ была мысль о бѣгствѣ! Кормили его теперь, если не хорошо, то, по крайней мѣрѣ, сытно, хлѣба давали вволю; богатырь быстро началъ отъѣдаться на этихъ казенныхъ хлѣбахъ. Окрѣпло тѣло, окрѣпъ и духъ.

Онъ началъ съ тщательнаго изученія своей камеры. Двери въ ней хотя были и двойныя, и чрезвычайно массивныя, но все же деревянныя, само собою разумѣется, съ замками, хотя и массивными, но вдѣланными въ то же дерево. Значитъ, эти замки можно было вырѣзать, двери отворить и выйти изъ тюрьмы. А дальше что? А дальше—прорваться сквозь толпу стражниковъ, расшвырять ихъ всѣхъ направо и налѣво и бѣжать. Такая мысль весьма естественна въ головѣ доведеннаго до отчаянія богатыря. Вдобавокъ Тренкъ уже и раньше дѣлалъ попытку такого рода, и хотя она удачи не имѣла, но съ его ли нравомъ было обезкураживаться неудачею. Ножъ былъ съ нимъ, и можно было немедленно приступить къ дѣлу. Но онъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ. Надо было сначала освободиться отъ оковъ. Онъ началъ съ того, что рванулъ свою правую руку, и хотя почти изувѣчилъ ее, но все же протащилъ черезъ кольцо кандаловъ. Это былъ для начала весьма ободряющій успѣхъ. Теперь его правая руку была въ его полномъ распоряженіи. Онъ началъ изо всѣхъ силъ хлопотать надъ лѣвою рукою, но на ней кольцо было уже и она никакъ сквозь него не проходила. Тогда онъ выломалъ кирпичъ изъ своей скамьи, разбилъ его и осколками принялся спиливать заклепку кольца. Что это былъ за трудъ—о томъ можетъ судить каждый, кто дастъ себѣ трудъ попробовать тереть кирпичь о желѣзо. Подъ натискомъ богатырской руки заклепка подалась, ея головка была стерта, и Тренкъ вынулъ ее изъ гнѣзда. Разогнуть кольцо и вынуть лѣвую руку уже было нетрудно. Но его тѣло было окружено еще цѣлымъ желѣзнымъ обручемъ, отъ котораго шли цѣпи къ рукамъ. Эти цѣпи были скрѣплены съ обручемъ простымъ желѣзнымъ крюкомъ. Тренкъ уперся ногами въ концы цѣпей, понатужился,—крюкъ разогнулся и тяжелыя цѣпи свалились. Оставалось выручить изъ цѣпей ноги. Эти цѣпи были самыя тяжелыя и крѣпкія. Но теперь зато Тренкъ владѣлъ обѣими руками. Онъ ухватился за эти цѣпи и могучимъ движеніемъ скрутилъ ихъ такъ, что звенья ихъ разогнулись и лопнули. Теперь онъ былъ весь свободенъ.

Онъ бросился къ двери и ощупалъ ее; въ камерѣ было темно и ему приходилось работать ощупью. Онъ скоро отыскалъ головки гвоздей или винтовъ, которыми замки были придѣланы къ дверямъ. Онъ вырѣзалъ въ двери, внизу, небольшую дырку, по которой могъ судить о толщинѣ двери; эта проба дала утѣшительный результатъ. Дверь, казавшаяся ему страшно массивною, на самомъ дѣлѣ была всего въ дюймъ толщины. Правда, надо было одолѣть четыре такихъ двери—двѣ въ камерѣ и двѣ въ передней, но Тренкъ разсчиталъ, что всю эту работу можно покончить въ одинъ день. Все это подняло его духъ, онъ уже началъ тверже надѣяться на освобожденіе.

Но надо было еще напрактиковаться надѣвать цѣпи и приводить ихъ въ полный порядокъ, чтобы люди, приходившіе каждый день, не замѣтили, что Тренкъ ихъ снимаетъ. Правда, до сихъ поръ его цѣпи еще ни разу не осматривали, должно быть вполнѣ надѣялись на ихъ неразрушимость. Онъ съ досадою замѣтилъ, что мѣстами цѣпи совсѣмъ разорвались; онъ тотчасъ свилъ жгуты изъ своихъ волосы и ими связалъ разорванныя мѣста. Все шло благополучно, все онъ приладилъ на себѣ, какъ было; только правая кисть, сильно пострадавшая, распухшая, никакъ не проходила назадъ въ кандальное кольцо. Тренкъ цѣлую ночь и утро безъ устали стиралъ кирпичемъ заклепку на этомъ кольцѣ, но она была очень аккуратно загнана и расклепана и не подавалась отъ кирпича. А между тѣмъ близился полдень, надо было съ минуты на минуту ждать обычнаго посѣщенія тюремнаго начальства. Стиснувъ зубы и издавая стоны отъ нестерпимой боли, онъ сдѣлалъ сверхъестественное усиліе и просунулъ таки руку въ упрямое кольцо; теперь все на поверхностный взглядъ казалось въ порядкѣ.

Онъ заранѣе избралъ день для своего бѣгства—4 іюля. Какъ только въ этотъ день люди вышли изъ его камеры и заперли дверь, Тренкъ немедленно сбросилъ свои цѣпи. Потомъ онъ схватилъ свой ножъ и началъ вырѣзать замки у дверей. Съ первою дверью онъ покончилъ не болѣе какъ въ часъ, но вторая, окрывавшаяся наружу, задала ему работы; но онъ не унывалъ и одолѣлъ. Тутъ онъ съ ужасомъ взглянулъ на свои руки: онѣ были ободраны и изъ нихъ текла кровь; самъ онъ былъ весь въ поту. Выйдя изъ своей камеры въ переднюю, онъ осторожно подползъ къ окну и выглянулъ въ него. Онъ впервые разсмотрѣлъ крѣпостной ровъ и отдалъ себѣ отчетъ о расположеніи своей тюрьмы. Въ полусотнѣ шаговъ отъ своей двери онъ видѣлъ часового; далѣе тянулся частоколъ, черезъ который надо было перелѣзать. Покончивъ этотъ осмотръ, онъ вновь принялся за работу.

Третья дверь, т. е. внутренняя дверь сѣней была прикончена къ заходу солнца. Оставалась одна только наружная дверь, и Тренкъ бодро принялся за нее. Но съ ней было еще труднѣе сладить, чѣмъ со второй. Тренкъ былъ измученъ, ободранныя руки не слушались его, потъ лилъ съ него градомъ, онъ обезсилѣлъ. Онъ присѣлъ отдохнуть; отдыхъ подкрѣпилъ его, онъ вновь принялся за работу; но тутъ съ нимъ случилось неожиданное колоссальное несчастье: его ножъ вдругъ сломался и отломившійся клинокъ выпалъ наружу.

На этотъ разъ отчаяніе полное, безграничное овладѣло неодолимо всѣмъ его существомъ. Всѣ его надежды рушились. Черезъ нѣсколько часовъ придутъ люди, увидятъ всю его работу, которой онъ не въ состояніи

скрыть, и щадить его больше уже, разумѣется, не будутъ. Значитъ, все равно смерть неизбѣжна. Мысль о самоубійствѣ вдругъ такъ рванула его за душу, что онъ, не давая себѣ труда одуматься, ухватилъ свой ножъ и остатками его лезвія вскрылъ себѣ жилы на рукахъ и на ногахъ. Кровь хлынула изъ него струями. Онъ лежалъ и спокойно ждалъ смерти... Скоро его начала охватывать та сладкая истома и дремота, которою всегда сопровождается большая потеря венной крови; не даромъ этотъ способъ самоубійства считается самымъ легкимъ и даже пріятнымъ, хотя, конечно, въ другой обстановкѣ.

Тренкъ валялся и дремалъ. Эта предсмертная дремота должна была казаться ему райскимъ блаженствомъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ ужасовъ, послѣ крушенія всѣхъ взлелѣянныхъ имъ надеждъ. Духъ жизни постепенно отлеталъ отъ него. Онъ скоро заснулъ бы и, вѣроятно, навѣки... Вдругъ онъ услыхалъ свое имя кѣмъ-то много разъ настойчиво выкликнутое. Онъ очнулся и началъ слушать: его звали, въ этомъ не было сомнѣнія. «Баронъ Тренкъ, баронъ Тренкъ!» раздавалось гдѣ-то неподалеку. «Кто меня зоветъ?» крикнулъ узникъ. Оказалось, что его звалъ его вѣрный другъ, гренадеръ Гефгардтъ. Онъ ухитрился незамѣтно проскользнуть на гребень вала, шедшаго около темницы Тренка, и окликалъ его. Тренкъ былъ такъ слабъ отъ потери крови, что этотъ дружескій голосъ не въ силахъ былъ взбодрить его. «Я истекаю кровью,—отвѣтилъ онъ Гефгардту, — мое дѣло кончено, завтра меня найдутъ здѣсь мертвымъ».—«Какъ мертвымъ!—крикнулъ Гефгардтъ.— Да отсюда вамъ легче спастись, чѣмъ изъ крѣпостныхъ казематовъ. Я вамъ доставлю все, что нужно, всѣ инструменты. Не унывайте, положитесь на меня, я выручу васъ»... И вотъ въ мужественномъ сердцѣ Тренка вновь закопошилась покинувшая его надежда; онъ раздумалъ умирать, ему еще захотѣлось пожить и побороться за свою волю. Къ счастью, было еще не поздно. Онъ выпустилъ изъ себя хорошую порцію крови, цѣлую лужу, но у него еще осталось ея довольно, чтобы поддержать его богатырское тѣло и духъ. Онъ тотчасъ остановилъ кровь и перевязалъ свои раны.

Трудно было несчастному узнику. Онъ ужасно ослабъ отъ потери крови, онъ едва держался на ногахъ. А между тѣмъ объ отдыхѣ нечего было и думать. Надо было бы немедленно привести все въ порядокъ, чтобы ничего не было замѣтно; но это было невозможно. Тогда въ отуманенномъ мозгу узника вдругъ созрѣлъ отчаянный и безсмысленный планъ сопротивленія открытою силою. Онъ разломалъ свою скамью-лежанку и изъ этой груды кирпичей устроилъ въ дверяхъ баррикаду, такъ что не было возможности пройти въ эту дверь, надо было пролѣзать, а пока человѣкъ пролѣзаетъ, Тренкъ, конечно, имѣлъ бы достаточно времени, чтобы его пришибить. Закрывшись этимъ заваломъ, Тренкъ ждалъ полудня—часа, когда приходила стража.

Скоро люди явились и были поражены, видя всѣ двери, кромѣ наружной, открытыми настежь. Самъ Тренкъ стоялъ у внутреннихъ дверей своей темницы. Его видъ былъ рѣшительно ужасенъ. Его геркулесовскій торсъ обрисовывался совершенно голый въ узкомъ отверстіи заваленной двери; онъ изодралъ свою рубашку на перевязку ранъ. Онъ стоялъ, держа въ одной рукѣ кирпичъ, въ другой—свой изломанный ножъ, и совершенно сумасшедшимъ голосомъ кричалъ

входившимъ людямъ: «Уходите, уходите прочь! Скажите коменданту, что я на все рѣшился, что я не намѣренъ дольше жить въ этихъ цѣпяхъ! Пусть онъ пришлетъ солдатъ и пусть они размозжатъ мнѣ голову! Я никого не впущу сюда! Я убью полсотни, прежде чѣмъ ко мнѣ проберется хоть одинъ!»

Плацъ-маіоръ, явившійся со стражею, пришелъ въ ужасъ при видѣ этого бѣсноватаго и, не зная, что дѣлать, послалъ за комендантомъ. Тренкъ усѣлся на свою кучу кирпичей и ждалъ. У него шевелилась безумная надежда, что ему уступятъ, сдадутся, снимутъ съ него цѣпи и предоставятъ ему какія-нибудь облегченія. Скоро пришелъ комендантъ, генералъ Боркъ, съ офицерами гарнизона. Боркъ вошелъ было въ сѣни, но Тренкъ угрожающе вознесъ надъ головой свой кирпичъ, и генералъ благородно ретировался. Сѣни были крошечныя, такъ что въ нихъ могло войти сразу не болѣе двухъ человѣкъ. Комендантъ сначала сгоряча распорядился было скомандовать на приступъ, но гренадеры немедленно отступили, какъ только увидали передъ собою бѣшеную фигуру узника съ кирпичемъ въ рукѣ. Настала минута нерѣшительности. Непріятель, очевидно, держалъ военный совѣтъ. Черезъ нѣсколько времени въ сѣняхъ появились плацъ-маіоръ и еще другой офицеръ; они начали говорить въ успокоительномъ тонѣ. Долго шли эти переговоры безъ всякаго результата. Горячій комендантъ снова потерялъ терпѣніе и скомандовалъ на приступъ. Но первый же гренадеръ, полѣзшій въ дверь, растянулся бездыханный у ногъ Тренка. Плацъ-маіоръ вновь появился въ сѣняхъ въ роли парламентера. «За что вы хотите меня погубить, баронъ?—взмолился онъ къ Тренку.— Вѣдь вы понимаете, что я одинъ понесу на себѣ всю отвѣтственность за происшедшее. Что я вамъ сдѣлалъ?» Тренкъ наконецъ уступилъ, далъ войти въ свою камеру. Его видъ возбудилъ всеобщее къ нему состраданіе. Ему немедленно сдѣлали перевязку, оказали ему всевозможную помощь. Цѣпей на него не надѣвали, оставили его спокойно отлеживаться нѣсколько дней, до поправки и возстановленія силъ. Но когда онъ поправился, его вновь заковали въ такія же цѣпи, какъ прежде. Поставили новыя двери у камеры и внутреннюю изъ нихъ обили желѣзомъ.

Тренкъ отдыхалъ и собирался съ силами. Онъ совсѣмъ успокоился и хладнокровно обдумалъ свое положеніе. Онъ помнилъ, что у него есть за дверями тюрьмы надежный другъ—Гефгардтъ. Вѣрный гренадеръ скоро напомнилъ ему о себѣ. Онъ вновь нашелъ случай переговорить съ узникомъ и условился съ нимъ насчетъ плана бѣгства. Онъ сумѣлъ перебросить къ нему тонкую мѣдную проволоку и по ней передалъ Тренку множество полезныхъ вещей: подпилки, ножи, бумагу, карандашъ. Тренкъ написалъ письма своимъ друзьямъ въ Вѣну съ просьбою выслать денегъ на имя Гефгардта. Вѣрный сообщникъ сумѣлъ передать ему эти деньги въ кружкѣ съ водою. Теперь, обладая почти всѣмъ, что было необходимо для работы, Тренкъ окончательно воспрянулъ духомъ и бодро принялся за работу.

Драгоцѣнные подпилки дали ему возможность очень аккуратно распилить свои кандалы и цѣпи. Онъ выдернулъ гвоздь изъ пола и обточилъ его въ видѣ отвертки; такимъ образомъ онъ могъ быстро развинчивать и ввинчивать всѣ винты на своихъ оковахъ и въ дверяхъ ка-

меры. У него накопилось много желѣзныхъ опилокъ; онъ прекрасно ими воспользовался; онъ смялъ ихъ съ хлѣбнымъ мякишемъ и добылъ отличную замазку, которая закрывала всѣ перепиленныя мѣста въ желѣзныхъ предметахъ. Такимъ образомъ ему нечего было бояться осмотра; всѣ изъяны были задѣланы артистически и въ полутьмѣ тюрьмы ничего нельзя было разсмотрѣть; все казалось вполнѣ исправно. Гефгардтъ все подбавлялъ ему вещь за вещью: доставилъ свѣчку, огниво. Когда всѣ подготовительныя работы были окончены, Тренкъ приступилъ къ выполненію своего новаго плана. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять полъ камеры и сдѣлать въ грунтѣ подкопъ—длинный подземный лазъ, ведущій прямо за крѣпостной валъ. По этому лазу и бѣжать.

Онъ взялся за полъ. Полъ былъ сложенъ въ три ряда изъ дубовыхъ плахъ, толщиною въ три дюйма. Онъ былъ сколоченъ 12-ти дюймовыми гвоздями. Одинъ изъ этихъ гвоздей Тренкъ обработалъ въ видѣ долота и началъ орудовать. Онъ обсѣкъ край одной изъ досокъ, но такъ, чтобы она укладывалась срѣзомъ какъ разъ вплоть къ стѣнѣ, чтобы ничего не было замѣтно. Всѣ зарѣзы и зарубки онъ заботливо замазывалъ хлѣбомъ и посыпалъ пылью. Щепы и мусоръ онъ пропихнулъ подъ полъ. Ему безъ труда удалось обсѣчь концы трехъ досокъ всѣхъ трехъ настилокъ пола, такъ что онъ могъ поднимать ихъ, а потомъ опять класть на мѣсто и задѣлывать стыкъ у стѣны такъ, что его было незамѣтно. Къ его великой радости, почва подъ поломъ оказалась мелкимъ сыпучимъ пескомъ, который можно было рыть хоть даже просто руками. Но возникло важное затрудненіе: куда дѣвать вырытый песокъ? Надо было, чтобы кто-нибудь принималъ отъ него этотъ песокъ и выкидывалъ вонъ; необходима была помощь Гефгардта. Другъ-гренадеръ доставилъ Тренку хорошее полотнище, а Тренкъ ухитрился надѣлать изъ него длинныхъ кишковидныхъ мѣшковъ; въ эти мѣшки онъ ссыпалъ вырытый песокъ и передавалъ ихъ Гефгардту, а тотъ опоражнивалъ мѣшки и передавалъ ихъ обратно Тренку. Само собою разумѣется, что работу можно было вести только въ тѣ дни, когда Гефгардтъ стоялъ на часахъ около камеры Тренка. А судя по нѣкоторымъ словамъ записокъ нашего героя, очередь часовыхъ возвращалась черезъ 2 или 3 недѣли. Значитъ, вся эта работа должна была затянуться на весьма продолжительное время.

Тренкъ работалъ дѣятельно, а тѣмъ временемъ запасался черезъ Гефгардта всѣмъ необходимымъ для бѣгства; у него появился даже небольшой пистолетъ, порохъ, пули, ножи, ружейный штыкъ. Все это онъ могъ прятать теперь подъ поломъ. Стѣны его темницы были углублены въ грунтъ на четыре фута; онъ скоро подрылся подъ стѣну и велъ свою траншею впередъ, въ сторону крѣпостного вала.

Такъ работалъ онъ восемь мѣсяцевъ и былъ все еще далеко до конца своего лаза. Но въ это время все дѣло едва опять не погибло. Тренкъ написалъ кому-то письмо и передалъ его Гефгардту, а тотъ своей женѣ, чтобы она отправила его. Неумѣлая баба обращалась съ этимъ письмомъ съ избыткомъ предосторожности, который кинулся въ глаза. Письмо перехватили и изъ него хотя, къ счастью, и не многое узнали, но всетаки догадались, что Тренкъ что-то такое творитъ въ своей тюрьмѣ. Нагрянули немедленно съ обыскомъ. Плотники осмотрѣли полъ, кузнецы — оковы Тренка, и, удивительное дѣло,

ничего особеннаго не замѣтили. Все вниманіе начальства, къ великому благополучію Тренка, обратилось почему-то на окно его камеры. Это окно осмотрѣли во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и, повидимому, были твердо убѣждены, что Тренкъ замышляетъ бѣжать именно черезъ него. Ради предосторожности это окно было задѣлано добавочною кирпичною кладкою, такъ что отъ него остался только узкій каналъ, уже почти вовсе не дававшій свѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ обрушились и на самого узника; ему учинили строжайшій допросъ съ самыми лютыми угрозами, понуждая его выдать своихъ сообщниковъ. Допросъ велся въ присутствіи всего гарнизона крѣпости. Но Тренка было мудрено уже чѣмъ-нибудь испугать; онъ видѣлъ лицомъ къ лицу всякіе страхи, какіе только возможно себѣ вообразить. Конечно, отъ него не добились ни малѣйшаго намека, ни единаго неосмотрительнаго слова. Солдаты и офицеры поняли, что этотъ человѣкъ не выдастъ, и это послужило нашему узнику къ пользѣ. Скоро у него явились дѣятельные друзья среди офицеровъ гарнизона.

Тотчасъ послѣ этого осмотра и допроса строгости усилились. У Тренка отняли кровать, а цѣпей прибавили, такъ что теперь онъ не могъ уже даже прилечь на полъ, а могъ только сидѣть, прислонившись къ стѣнѣ. Онъ, конечно, легко сладилъ бы съ новыми цѣпями, но, къ сожалѣнію, занемогъ и тяжко прохворалъ два мѣсяца, покинутый на все это время безъ всякой помощи. Ему возвратили только его постель.

Встать на ноги онъ было уже потерялъ всякую надежду. Но онъ ошибся, смерть ждала его гораздо позже. На этотъ же разъ онъ поправился и скоро вошелъ въ дружбу съ тремя офицерами гарнизона, онъ, впрочемъ, просто-на-просто подкупилъ ихъ. Ему доставили свѣчи, газеты, книги. Ему скоро вновь удалось одолѣть свои цѣпи. Его лазъ давно уже ждалъ его; теперь можно было вновь продолжать работу. Одинъ изъ офицеровъ-благопріятелей сумѣлъ такъ ловко распорядиться, что, подъ предлогомъ пущей безопасности, узнику надѣли якобы гораздо болѣе прочныя поручни, на самомъ же дѣлѣ эти поручни были просторнѣе прежнихъ, такъ что Тренкъ безъ особаго труда выпрастывалъ изъ нихъ свои руки, когда было надо.

Онъ получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія о расположеніи мѣстности. Онъ рѣшилъ вырыть новый ходъ до подземной галереи, окружавшей ровъ крѣпости. Надо было, по разсчету, рыть этотъ ходъ на 37 футовъ въ длину. Старый ходъ надо было бросить, потому что онъ шелъ какъ разъ подъ ногами часовыхъ и тѣ могли слышать работу узника подъ землей. Теперь онъ могъ нѣсколько ускорить работу, т. е. вести ее непрерывно, не дожидаясь дежурства Гефгардта, потому что песокъ, выбранный изъ новаго лаза, онъ забивалъ въ старый, брошенный лазъ. Такимъ образомъ онъ, какъ настоящій кротъ, цѣлыя ночи проводилъ подъ землею, а утромъ ему надо было вновь задѣлать полъ, убрать всѣ малѣйшіе слѣды ночной работы, вновь надѣть цѣпи и кандалы и ждать, какъ ни въ чемъ не бывало, посѣщенія стражи. Для сокращенія работы онъ до такой степени сократилъ размѣры, т. е. поперечникъ лаза, что могъ лишь съ трудомъ протискиваться въ немъ ползкомъ, вытянувшись, какъ змѣя. Работа была до такой степени трудная, изнурительная, копотная, что Тренкъ иной разъ усаживался на свою кучу песку и предавался самымъ мрачнымъ мыслямъ; ему казалось, что силъ его не хва-

титъ на то, чтобы довести это дѣло до конца. Но, отдохнувъ, онъ встряхивался и вновь принимался за свой муравьиный трудъ.

Между тѣмъ, случилось то, чего и надо было ожидать. Часовые на крѣпостномъ валу постоянно слышали среди ночной тишины какое-то явственное шуршанье, какую-то возню подъ землею, у себя подъ ногами. Они, конечно, донесли о своихъ наблюденіяхъ по начальству. Опять сдѣлали осмотръ въ камерѣ. Но у Тренка теперь были друзья среди офицеровъ. Осмотръ произвели днемъ, въ обычное время, и слѣдовательно все оказалось благополучно. Часовымъ сдѣлали даже выговоръ: они-де слышали крота подъ землей и попусту обезпокоили начальство. Но черезъ нѣсколько времени часовой опять среди ночи услыхалъ явственный шумъ подъ ногами; на этотъ разъ онъ немедленно далъ знать плацъ-маіору. Къ довершенію отчаянія Тренка, это случилось какъ разъ въ тотъ день, когда онъ уже совсѣмъ заканчивалъ свой лазъ. Едва онъ прокопалъ отверстіе въ подземную галерею, какъ увидалъ свѣтъ и тотчасъ сообразилъ, что его тутъ уже ждутъ. Онъ немедленно протискался назадъ, въ свою камеру, и имѣлъ достаточно силы и присутствія духа, чтобы запрятать подъ полъ всѣ свои вещи— пистолетъ, свѣчки и пр. Едва онъ кончилъ это, какъ двери отворились и къ нему вошли. На этотъ разъ онъ былъ накрытъ. Въ камерѣ лежали кучи песку.

Тренка подвергли новому допросу въ присутствіи всего гарнизона. Надо было во что бы то ни стало разузнать, кто его сообщники.

— Очень просто, — отвѣчалъ нашъ узникъ на грозные окрики начальства,—мнѣ помогаетъ самъ сатана; онъ мнѣ и доставилъ все, что было нужно. По ночамъ мы съ нимъ играемъ въ трынку; онъ и свѣчку съ собой приноситъ! Вы такъ и знайте, что̀ бы вы ни дѣлали, онъ сумѣетъ выручить меня изъ вашей темницы!

Его всего обыскали, но на немъ, конечно, ничего не нашли, а подъ поломъ посмотрѣть не догадались. Тренкомъ овладѣло сумасшедшее желаніе позабавиться надъ своими истязателями. Когда они уже вышли изъ его камеры, онъ вновь ихъ окликнулъ: «Вы, дескать, забыли самое главное!» Тѣ вернулись, а онъ подалъ имъ подпилокъ со словами: «Вотъ видите, вы только-что вышли, а дьяволъ, мой пріятель, ужъ успѣлъ подсунуть мнѣ новый подпилокъ». И опять, только-что они вышли, онъ вновь ихъ окликнулъ и показалъ имъ ножъ и деньги. Должно быть, на этотъ разъ они порѣшили, что и въ самомъ дѣлѣ тутъ дѣло нечисто, безъ дьявола не обошлось, и всѣ убѣжали, а Тренкъ расхохотался имъ вслѣдъ.

Долгое время нашъ герой оставался въ бездѣйствіи. За нимъ очень ужъ пристально слѣдили. Онъ рѣшилъ склонить на свою сторону, главнымъ образомъ путемъ подкупа, офицеровъ гарнизона, и это ему удалось постепенно устроить. Онъ получилъ отъ нихъ важныя свѣдѣнія. Оказалось, что въ Магдебургѣ содержалось въ казематахъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ хорватовъ, забранныхъ во время войны съ Австріею. Узнавъ объ этомъ, Тренкъ задумалъ чрезвычайно смѣлое предпріятіе: взбунтовать этихъ хорватовъ, ворваться съ ними въ арсеналъ, захватить тамъ оружіе, затѣмъ напасть на крѣпость, овладѣть ею и преподнести ее въ подарокъ Австріи! Замѣчательно, что среди гарнизона онъ нашелъ себѣ дѣятельныхъ пособниковъ. Должно быть,

солоно было тогда въ прусской военной службѣ! Все шло хорошо, все было уже условлено и подготовлено, недоставало только денегъ. Тренкъ написалъ своимъ друзьямъ въ Вѣну. Но тамъ взглянули на эту затѣю недовѣрчиво. Посланнаго съ письмомъ подвергли заключенію и о заговорѣ сообщили магдебургскому коменданту. Начальство крѣпости ужаснулось, когда узнало объ этомъ дѣлѣ, и рѣшило не доводить о немъ до свѣдѣнія Фридриха. Онъ, конечно, не пощадилъ бы Тренка, но и самому начальству тоже не сдобровать бы. Дѣло постарались замять.

Тренкъ опять взялся за свой подкопъ. Одинъ изъ его преданныхъ друзей, гарнизонный офицеръ, доставилъ ему нужные инструменты. Опять онъ распилилъ свои оковы, поднялъ полъ, нашелъ подъ нимъ свои, раньше туда запрятанныя, деньги, пистолеты и проч. Вновь возникло передъ нимъ старое затрудненіе—куда дѣвать вырытый песокъ? И на этотъ разъ онъ придумалъ довольно остроумный способъ для удаленія этого громоздкаго матеріала. Онъ тщательно задѣлалъ свой настоящій подкопъ, а самъ сдѣлалъ видъ, что роетъ ходъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. При этомъ онъ постарался какъ можно громче шумѣть и стучать во время работы, такъ что его возня была услышана часовыми. Къ нему внезапно нагрянули въ камеру и застали его за работою; цѣлая гора песку лежала въ его камерѣ. Начальство какъ-то оплошало и не обратило должнаго вниманія на странное несоотвѣтствіе между размѣрами этой груды и ничтожествомъ вырытаго хода. Песокъ, конечно, вынесли изъ камеры, а Тренку только этого и надо было; настоящаго же его подкопа не обнаружили.

Между тѣмъ, въ самый разгаръ его работы произошло важное событіе: комендантъ Магдебурга помѣшался и на его мѣсто былъ назначенъ молодой наслѣдный принцъ Гессенъ-Кассельскій. Онъ узналъ всю исторію несчастнаго Тренка и очень жалѣлъ его. Онъ распорядился снять съ него цѣпи и вообще насколько возможно постарался облегчить его участь. Тренкъ въ свою очередь далъ ему слово не дѣлать новыхъ попытокъ къ бѣгству, пока принцъ будетъ комендантомъ. Но черезъ полтора года принцъ, послѣ смерти своего отца, покинулъ это мѣсто, и Тренкъ оказался вновь свободенъ отъ своего слова. Онъ опять взялся за свое. Все тѣми же путями, какъ и прежде, раздобылъ онъ себѣ оружіе, порохъ, холста для мѣшковъ, завелъ новыя знакомства въ гарнизонѣ. Онъ такъ долго велъ себя хорошо, что за нимъ почти вовсе перестали слѣдить. Онъ вновь принялся за одинъ изъ своихъ прежнихъ подкоповъ.

Онъ провелъ свой ходъ уже довольно далеко, подкопался подъ какую-то стѣну и углубился дальше, за ея предѣлъ. И вдругъ однажды, въ разгарѣ работы, онъ крѣпко нажалъ ногою на одинъ изъ камней этой стѣны. Громадная плита сорвалась съ мѣста подъ его могучимъ напоромъ, сорвалась съ мѣста и осѣла внизъ, наглухо загородивъ ходъ. Тренкъ оказался въ буквальномъ смыслѣ слова заживо погребеннымъ въ этомъ каналѣ, вырытомъ его же собственными руками. Какъ мы уже упомянули, Тренкъ рылъ, ради экономіи труда и наилегчайшаго удаленія песку, такой ходъ, чтобы въ немъ было возможно только проползти, вытянувшись на подобіе змѣи или ящерицы. Вообразите положеніе человѣка, голова котораго уперлась въ вырытый имъ та-

кой ширины каналъ, а позади пятокъ очутилась тяжелая каменная плита. закупорившая каналъ! Для того, чтобы убрать этотъ камень, надо было прежде всего повернуться къ нему головою, а повернуться не было возможности; Тренкъ лежалъ въ каналѣ, какъ въ футлярѣ. Надо было, значитъ, расширить каналъ, обрыть его такъ, чтобы въ немъ можно было повернуться. Но куда дѣвать песокъ, который будетъ вырытъ?.. У него почти вовсе не было въ распоряженіи свободнаго, пустого мѣста. Онъ, однако же, не отчаялся, принялся скрести песокъ сбоку и отгребать его впередъ. Но тутъ выступилъ на сцену новый ужасъ: воздуху было такъ мало, что черезъ нѣсколько минутъ Тренку было нечѣмъ дышать и онъ лишился чувствъ. Какъ онъ не погибъ въ этомъ закупоренномъ каналѣ —невозможно себѣ вообразить. Пролежавъ нѣсколько времени въ обморокѣ, онъ очнулся, снова началъ съ отчаяніемъ скрести песокъ, богатырскимъ движеніемъ свернувшись въ клубокъ, перевернулся въ этой норѣ и наконецъ таки очутился передъ роковымъ камнемъ. Онъ быстро вырылъ и выгребъ подъ нимъ яму, протискивая взадъ вырытый песокъ, и опустилъ камень въ эту яму; скоро надъ верхнимъ краемъ камня образовалось отверстіе, и чрезъ него Тренкъ получилъ доступъ къ свѣжему воздуху. Оставалось только расширить это отверстіе и пролѣзть въ него. Къ великому благополучію нашего узника, вся почва, окружавшая его тюрьму, состояла изъ сыпучаго песку, который можно было рыть даже голыми руками. Его ужасная тюрьма показалась ему теперь, послѣ этой могилы, сущимъ раемъ!

Всѣ описанныя нами приключенія Тренка въ его тюрьмѣ заняли болѣе восьми лѣтъ времени. Послѣдній подкопъ ему долго не удавалось закончить, главнымъ образомъ потому, что составъ гарнизона крѣпости часто смѣнялся и ему приходилось тратить много времени на завязываніе знакомства съ новыми людьми. Но, наконецъ, наступилъ такъ давно жданный моментъ: подземный ходъ былъ вполнѣ законченъ и оставалось только уйти черезъ него. Тогда Тренка осѣнила новая странная мысль: ему захотѣлось поразить и подавить своего преслѣдователя Фридриха своимъ благородствомъ, заставить его склониться передъ величіемъ духа бѣднаго арестанта и помиловать его. Онъ попросилъ къ себѣ плацъ-маіора и сдѣлалъ ему удивительное предложеніе: пусть соберутъ весь гарнизонъ, пусть придетъ комендантъ и пусть для этого выберутъ любое время, любой часъ дня. Онъ, Тренкъ, предстанетъ передъ всѣми на гребнѣ крѣпостной стѣны. Онъ докажетъ, что имѣетъ полную возможность бѣжать, но онъ не хочетъ ею воспользоваться, онъ проситъ только довести объ этомъ до свѣдѣнія короля и ходатайствовать о его помилованіи.

Начальство было страшно встревожено этой новой выходкой. Оно вступило въ длинные переговоры съ Тренкомъ. Комендантъ крѣпости, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, обѣщалъ ему все свое покровительство и просилъ его, не выходя на крѣпостную стѣну, простона-просто показать и растолковать, какимъ путемъ онъ можетъ выполнить такой невѣроятный подвигъ. Тренкъ долго колебался, сомнѣваясь въ искренности данныхъ ему обѣщаній, но наконецъ рѣшился и объяснилъ все, выдалъ всѣ свои инструменты, показалъ свой подкопъ. Начальство не могло опомниться отъ удивленія. Оно

смотрѣло, разспрашивало, переспрашивало, даже спорило: не можетъ быть, дескать, чтобы все это было такъ. Но вся работа Тренка была на виду, сомнѣваться ни въ чемъ было невозможно. Передали обо всемъ коменданту, герцогу, который доложилъ о Тренкѣ королю и просилъ помиловать его. Фридрихъ самъ смягчился и обѣщалъ помилованіе, но отложилъ исполненіе своего обѣщанія еще на цѣлый годъ.

Тренкъ вышелъ изъ своей темницы въ 1763 году. Ему было всего 37 лѣтъ, онъ былъ еще свѣжъ, бодръ и очень скоро оправился. Вся его дальнѣйшая жизнь, подробно описанная въ его запискахъ, является продолженіемъ того же почти фантастическаго романа. Прямо изъ Магдебургской тюрьмы онъ отправился въ Австрію; его, по проискамъ личныхъ враговъ, наслѣдниковъ Тренка-пандура, прежде всего опять засадили на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца въ тюрьму. Но ему удалось оправдаться; его выпустили и даже произвели въ маіорскій чинъ. Въ 1765 г. онъ поселился въ Ахенѣ и женился на дочери тамошняго бургомистра. Онъ пустился въ торговлю и литературу, издавалъ журналъ «Другъ человѣчества» и газету, которая нашла себѣ много читателей. Съ 1774 по 1777 гг. онъ колесилъ по всей Европѣ, побывалъ во Франціи, въ Англіи, подружился съ знаменитымъ Франклиномъ, который звалъ его въ Америку; онъ отказался отъ этого и продолжалъ свою виноторговлю, которая все время процвѣтала. Но ему и тутъ не было суждено найти покой; его подсидѣли какіе-то негоціанты мошенническаго пошиба и онъ разорился. Онъ опять вернулся въ Вѣну, гдѣ разсчитывалъ на благосклонность Маріи-Терезіи. Но знаменитая государыня скоро скончалась и съ нею рухнули надежды Тренка на поправку дѣлъ въ Австріи. Онъ удалился въ свое венгерское помѣстье Цвербахъ и здѣсь лѣтъ шесть съ успѣхомъ хозяйничалъ. Желая расширить свои средства, онъ началъ издавать свои записки, которыя имѣли громаднѣйшій успѣхъ и поправили его финансы. Въ 1787 году онъ, наконецъ, имѣлъ радость увидать свою родину, Кенигсбергъ, и свою возлюбленную, принцессу Амалію. Она обѣщала ему свое покровительство, взяла на себя устройство судьбы его дѣтей; но едва эти дѣти нашли себѣ такую высокую покровительницу, какъ умерли одинъ за другимъ. Онъ продолжалъ писать, издалъ какія-то брошюрки о французской революціи; но онѣ не понравились въ Вѣнѣ, автора ихъ схватили и заточили въ тюрьму, а потомъ выгнали изъ Австріи. Тренкъ отправился въ Парижъ и попалъ туда въ самый разгаръ революціи, въ 1791 году. Онъ разсчитывалъ почему-то на свою популярность, но ошибся: его никто знать не хотѣлъ, и онъ скоро впалъ въ нищету. Кого-то изъ членовъ комитета общественной безопасности вдругъ осѣнила догадка, что Тренкъ прусскій шпіонъ; его, конечно, немедленно заключили въ тюрьму; это было его послѣднее тюремное заключеніе, отъ котораго онъ избавился только на эшафотѣ. Онъ погибъ подъ ножемъ гильотины 13—25 іюля 1794 года, въ одинъ день съ незабвеннымъ поэтомъ Андрэ Шенье.

Конецъ.

